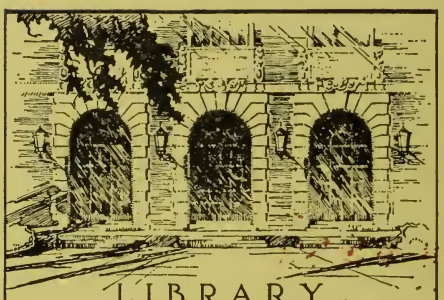

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1906
no.1

БИБЛІОТЕКА.
Собранія Служащихъ въ Кредитныхъ
учрежденіяхъ въ С.-Петербургѣ.
№

The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

JUL 05 1991

JUN 23 1991

L161—O-1096

ф/54/59359

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1906

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ВЪ БУРНЫЕ ГОДЫ. Романъ.—**Ольги Шапиръ** 1

II. ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ РАЗСКАЗОВЪ ПОЛЯ БУРЖЕ.—Пер. **Е. В.** 55

III. ОФИЦЕРСКАЯ ШАПКА. Разсказъ.—**П. Д. Боборыкина**. . . 72

IV. ЗАГУБЛЕННЫЕ. Романъ въ двухъ частяхъ **Макса Крецера**. Переводъ съ нѣмецкаго.—**В. А. Кошевичъ**. 95

V. ВСТРѢЧА (Изъ старой записной книжки).—**Марка Вовчка** . 143

VI. АДАМУШКА. Разсказъ **Рудольфа Штраца**.—Пер. **Н. К.** . . 154

VII. ПЕРЕЖИТЫЯ ЕЛКИ.—**Л. Горбуновой** 176

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Е. Чернобаева**. 192

IX. ОСНОВНАЯ ИДЕЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ А. П. ЧЕХОВА.—**Евг. Будде**. 1

X. КЪ БІОГРАФІИ М. Е. САЛТЫКОВА. (По неизданнымъ матеріаламъ).—**Мих. Лемке**. 30

XI. САНИТАРНЫЙ ОЧЕРКЪ РАБОТЪ НА СОЛЯНЫХЪ КОПЯХЪ И ПРОМЫСЛАХЪ.—**Р. Н. Шора**. 39

XII. ОЧЕРКИ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ.—**В. Я. Канеля**. 49

XIII. ПОДЪ ГНЕТОМЪ РЕАКЦІИ. (*А. И. Фаресовъ*. «Семидесятники». Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб., 1905 г.)—**А. М. Скабичевскаго**. 74

XIV. ВОСКРЕСШАЯ КНИГА.—**В. В. Каллаша**. 92

XV. НА-РЯДУ СЪ ПРЕСТУПНИКАМИ. (Письмо въ редакцію).—**Гр. Ины Капнистъ** 97

Стр.

XVI. СЪѢЗДЫ МИРА ВЪ 1904 Г.—Гр. Л. А. Камаровскаго. . . 102

XVII. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПРОЛЕТАРІАТА. Вернера Зомбарта.—Пер. Н. Ш. . . . 125

XVIII. ОДИНЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВЪ.—Г. М. Туманова. 147

XIX. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—Ольги Шапиръ 152

XX. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 153

XXI. 1905 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.—В. А. Гольцева 161

XXII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 166

XXIII. ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ. (О пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.) 198

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Сельское хозяйство.—Книги для дѣтей, учебники, пособія.—Книги для народа.—Справочныя книги.—Журналы.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1905 г. по 1 января 1906 г. . . . 1

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

891.785
R115
1906

ВЪ БУРНЫЕ ГОДЫ *).

(Романъ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отливъ.

I.

. . . . . .

— Да ты, Артаевъ, столько не финти! Не виляй, братецъ, вѣдь оно вò какъ просто: признаешь ты авторитетъ или не признаешь?? Только и всего! Коли признаешь—тутъ тебѣ всякій носъ утретъ: что ни шагъ, то новый идолъ какой-нибудь претъ на тебя! Ну, а ежели осмѣлѣлъ своего царя разъ навсегда въ головѣ завести — тогда шабашъ!

— Само собой—признаю авторитетъ! Какъ же иначе то?? Что-жъ вы всякую заслугу и талантъ, и самую науку отрицать будете, что ли?! *Свой царь въ головѣ*! Ха!! Да вѣдь и у лакея Гумбольдта тоже какой ни на есть свой царь въ головѣ водится, такъ, стало быть, они по вашему равны?

— Не передергивать, Артаевъ! Никто не говоритъ, что Гумбольдтъ и его лакей равны! — крикнулъ кто-то гнѣвно изъ угла комнаты.

— Нѣтъ-съ, говорятъ—именно говорятъ!! Господа, да будьте же послѣдовательны!—вопилъ Артаевъ, размахивая руками, потому что на него насѣдали со всѣхъ сторонъ.—Что такое авторитетъ? Простая градація! Послѣднее слово!—Завтра оно, можетъ быть, уже не будетъ послѣднимъ, но сегодня оно—истина!

— Господа! Подарите человѣку словцо, коли ему такъ нужно!

---

*) Этотъ романъ написанъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но не могъ до сихъ поръ появиться по цензурнымъ условіямъ. *Ред.*

Инымъ господамъ, знаете ли, спится спокойнѣе, когда есть на чью голову валить отвѣтственность.

— Кислосладчина! Вотъ такіе прирожденные оптимисты, вотъ онъ, главный контингентъ рутинеровъ!—кричалъ тотъ же свирѣпый голосъ изъ угла:—Ничто такъ не заѣдаетъ, какъ рутина. Самъ не замѣтишь, какъ мозги плѣсенью прорастутъ. Къ чорту рутину!

Артаевъ быстро оглядывался, но въ сильно накуреной маленькой комнатѣ, гдѣ толклись и орали десятокъ молодежи, было трудно услѣдить за чѣмъ-нибудь.

— Свой царь въ головѣ—оно, батенько, страсть какъ дѣло упрощаетъ,—продолжалъ главный противникъ Артаева, тѣмъ же флегматическимъ безобиднымъ народнымъ пошибомъ, въ которомъ слышалась выдѣлка:—какихъ ты тутъ мнѣ рацей не разводилъ насчетъ, значитъ, всѣхъ этихъ комиссій, посредниковъ, да прочихъ нашихъ благодѣтелей...

— У него дядюшка генералъ, въ посредникахъ служилъ! Это-жъ и есть его живой оракулъ!—перебили насмѣшкой изъ угла.

— Чортъ! Молчи, Сенька! Чего въ самомъ дѣлѣ никому говорить не даешь!

— Да вы то, собственно, что же имѣете возразить къ компетенціи редакціонныхъ комиссій?—освѣдомился не безъ сарказма Артаевъ.

— А то и возражаю. Что мнѣ плевать на нихъ! Беру дѣло, какъ оно есть—гляжу простыми глазами, безъ чужихъ подкрашенныхъ очковъ: будетъ народъ голодать на своемъ надѣлѣ, за который съ него еще и выкупъ лупятъ, или не будетъ? На это мнѣ своего царя въ головѣ за-а-глаза достаточно, безо всякой душеспасительной канцелярщины господъ либераловъ отъ науки и всякихъ прочихъ! Ну, а по вашему оно какъ выходитъ? Ну-те??

— По-моему? Будетъ народъ голодать или не будетъ—зависитъ еще отъ тысячи причинъ помимо надѣла.

— Къ чорту тысяча неизвѣстныхъ!—вамъ говорятъ о надѣлѣ, стало быть вы прямо и отвѣчайте! Цифры-то вамъ угодно признавать или нѣтъ?—налѣзалъ на Артаева маленькій, черный какъ жукъ юноша въ кумачевой рубашкѣ.

Онъ держалъ въ рукѣ тоненькую литографированную тетрадку, въ четвертушку листа, и внушительно щелкалъ по ней пальцами передъ лицомъ противника.

— Цифры обязательно признаю, но вѣдь надо быть увѣреннымъ въ ихъ достовѣрности! Вы вотъ меня чуть не идіотомъ обозвали за Гумбольдта, а для васъ всякая подобная книжонка гораздо болѣе

безусловный авторитетъ, чѣмъ для меня строго научные доводы... ну, какъ это вы сами не замѣчаете?!

— Нѣтъ-съ, это вы врете!—побагровѣлъ черненькій:—Такая «книжонка» вѣдь не о своей шкурѣ вопіетъ и не родительскія вотчины спасаетъ! Тутъ-съ цѣли нѣтъ сочинять цифры!

— Что-о?... Онъ говоритъ теперь, что цифры сочинены?... Да скажите на милость, какимъ образомъ сюда затесалась подобная личность?... Вы давно знакомы?—допрашивали безцеремонно въ углу.

— Полно, что за ерунда! Артаевъ отличный малый, только страшный спорщикъ и съ ученой закваской... Оно, впрочемъ, не вредно! Съ аргументами Волушки тоже вѣдь далеко не уѣдешь... Нельзя только однимъ нутромъ брать!

Защитникъ Артаева разсмѣялся было, но сейчасъ же счелъ нужнымъ сдержаться.

А Артаевъ вдругъ почувствовалъ, что сильно усталъ. Впрочемъ, и всѣ охрипли.

Въ углу, на раскинутомъ ломберномъ столѣ безъ скатерти стоялъ тусклый, давно пустой самоваръ, куча стакановъ и остатки колбасы и ситника. На диванѣ и въ сосѣдней комнатѣ на двухъ сдвинутыхъ желѣзныхъ кроватяхъ, и даже на стульяхъ у стѣны, валялись кое-какіе аттрибуты импровизированнаго ночлега всей шумной компаніи.

Вчера вспыхнулъ такой яростный споръ, что не было никакой возможности дочитать рукопись; пришлось заночевать всѣмъ міромъ у Семена. Утромъ дочитали уже безъ перерывовъ и отправили куда слѣдовало.

Рукописная статья давно ходила по рукамъ. Артаевъ, какъ только узналъ, что Семенъ раздобылъ рукопись на одинъ вечеръ, все бросилъ и прилетѣлъ, несмотря на срочную работу. Разсчитывалъ, что вернется къ ночи и допишетъ, хоть бы и вовсе не пришлось ложиться... Да чепуха это! Все равно, послѣ такого чтенія невмоготу приниматься за хладнокровную компиляцію по рабочему вопросу.

Но вотъ насталъ моментъ, когда весь споръ какъ-то неуловимо свелся на нѣтъ... Въ каждомъ почти спорѣ наступаетъ такой отвратительный моментъ. Надежда убѣдить другихъ и недавняя увѣренность, что свою правоту ничего не стоитъ доказать ясно, какъ день; и ненависть къ чужимъ заблужденіямъ, и любовь къ собственнымъ мыслямъ—постепенно все это затеривается въ какихъ-то побочныхъ аргументаціяхъ, отступленіяхъ, уклоненіяхъ... Основная тема мельчаетъ, изсякаетъ, какъ родникъ на горячей почвѣ. Самая суть спора—наличность циркулирующихъ идей, теряется въ массѣ побочныхъ, разрозненныхъ впечатлѣній, гдѣ почти всегда преобладаетъ раздра-

женіе. Въ этомъ моментѣ споръ неизбѣжно кажется безплоднымъ, не стоящимъ... И всего сильнѣе ощущается досада собственныхъ промаховъ, которыхъ такъ было легко избѣжать! И обида чужой недобросовѣстности, и злость на непониманіе...

Артаевъ всѣ споры кончалъ именно такимъ образомъ: «и чего связывался? Очень нужно было!»—корилъ онъ себя каждый разъ, хотя по опыту давно пора знать, что именно для него ни одинъ споръ не пропадаетъ безслѣдно...

Эти совмѣстныя чтенія и дебаты проходятъ красной нитью по двумъ годамъ его питерской жизни: бывало такъ, что дни и ночи цѣликомъ уходили на это, пропадали для жизни, точно ихъ вовсе и не было! А въ сущности, всего ярче отпечатлѣвалась именно эта нить напряженной умственной работы, помогавшей разбираться въ себѣ и въ другихъ, вѣдь это и было самое то необходимое среди хаоса новыхъ впечатлѣній и несущихся историческихъ событій.

Два года назадъ, въ 1864 году, Артаевъ кончилъ провинціальный университетъ и явился въ столицу восторженнымъ юнцомъ, съ непочатымъ міромъ идиллическихъ упованій въ поэтической окраскѣ его малороссійской натуры. Петербургъ быстро отшлифовывалъ по-своему наивнаго провинціала.

. . . . . .

— Тсс... тише!... Молчите вы тамъ!! Господа, Усачевъ вернулся!... Молодчина! А? Вручилъ?... Не шибко ругались за то, что задержали?...

Компанія встрѣчала своего посланца, отвозившаго рукопись на Петербургскую сторону: маленькій студентъ-медикъ, съ цѣлой шапкой торчащихъ во всѣ стороны кудрей и миловиднымъ женоподобнымъ лицомъ.

— Кой чортъ ругаться, какую путину отмахалъ, мосты разведены, прахъ ихъ побери! Да вы тутъ, братцы, никакъ все еще горло дерете?... Ха-ха-ха!... Не сходя съ энтого мѣста?! Ха-ха-ха!...

Юноша хлопалъ себя по бедрамъ и хохоталъ восторженными взрывами.

— Да они и не поглядѣли, чего добраго, какой часъ теперь? *Четыре часа*, граждане любезные!! Ха-ха-ха!... Волушка! Заткни фонтанъ, оставь что-нибудь на завтра! Ха-ха-ха... Люблю парня за обычай!

— Четты-ре?!... Чортъ знаетъ!!...

— Вотъ свинство-то, чортъ побери!...

— Экій скандалъ, прости Господи!...

Компанія пристыжена. Всѣ часы, какіе имѣлись—трое на деся-

терыхъ,—появились на свѣтъ и началась провѣрка. Часы Артаева остановились. Смѣялись надъ собой, стряхнувъ разомъ туманъ отвлеченностей.

Молодежь гурьбой высыпала на улицу. Яростные враги дружески прощались, позабывъ всѣ крѣпкія любезности, какими угощали другъ друга. «Рутинеръ», «обскурантъ» и «трусъ», Артаевъ нимало не тревожился, чтобы кто-нибудь въ дѣйствительности считалъ его трусомъ, обскурантомъ и рутинеромъ. Все это ему не впервой за его безбоязненныя усилія сдерживать другихъ въ какихъ-то границахъ, за то, что ихъ прямолинейность и слѣпая стремительность приводили его иной разъ въ настоящее возмущеніе.

Какъ и всегда, Артаевъ дольше другихъ оставался подъ впечатлѣніями спора. Зажигательная статейка, противъ которой онъ сегодня одинъ ратоборствовалъ, отказываясь принимать на вѣру каждое слово, тѣмъ не менѣе дѣлала свое дѣло въ его умѣ... И какъ всегда, ощущая новую, свѣжую, хотя бы и маленькую ранку, юноша прежде всего подумалъ о Баскинѣ: необходимо, чтобы Баскинъ прочелъ статью. Любопытно, что онъ скажетъ на это... И хотя то, что скажетъ Баскинъ, можетъ и не совпадать съ его собственными впечатлѣніями, но онъ знаетъ, что оно никогда не прозвучитъ для него рѣзкимъ диссонансомъ, не возмутитъ, не зародитъ озлобленія...

...Зато Вѣрочка... ну, всего-то лучше бы, чтобы Вѣрочка и вовсе не читала этой статьи! Но разумѣется, Вѣрочка всенепремѣнно ее проштудируетъ... Онъ знаетъ наперед, что она будетъ говорить по этому поводу, и заранѣе его уже смутно тяготитъ неминуемость столкновенія съ нею...

Артаевъ шелъ по набережной Фонтанки къ Лѣтнему саду. Тишина, молчаніе и движеніе въ свѣжій апрѣльскій день мало-по-малу водворяли порядокъ въ его распаленномъ мозгу. Его цвѣтущее лицо съ тяжелыми правильными чертами принимало свое обычное мягкое выраженіе... Развѣ свѣтлокаріе глаза еще блестѣли больше обыкновеннаго.

Жилъ онъ совсѣмъ въ другой сторонѣ и теперь спѣшилъ не домой, а въ редакцію большой газеты, куда онъ постыдно опоздалъ, да еще вдобавокъ явится съ пустыми руками... Все эта проклятая привычка откладывать до послѣдняго срока! Тамъ его статью, разумѣется, замѣстятъ безъ всякаго труда, да онъ-то послѣ того скоро ли дождется новой очереди?...

Онъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ за такое забвеніе ближайшихъ обязанностей изъ личныхъ цѣлей. Тѣмъ болѣе, обязанностей

редакціонныхъ, гдѣ по новости и по молодости лѣтъ все рѣшительно представлялось необыкновенно важнымъ...

Однако, даже и въ эту минуту еще трудно сосредоточить всѣ мысли на предстоящемъ объясненіи... Онъ неудержимо возвращался къ спору, вновь раздражаясь рѣчами своихъ противниковъ и припоминая свои собственныя въ томъ не совсѣмъ точномъ видѣ (улучшенномъ и дополненномъ изданіи нашей памяти), въ какомъ ему хотѣлось, чтобы онѣ были имъ сказаны...

Артаевъ шелъ и безсознательно былъ доволенъ, что до редакціи еще не близко. Какое однако оживленіе на улицѣ... Праздникъ какой-нибудь, что ли, сегодня? Онъ и число не сразу вспомнилъ.

Онъ подходилъ къ Лѣтнему саду. Обыкновенно экипажи тутъ не такъ замѣтны, да и публика не спѣшитъ озабоченно въ одномъ направленіи. Вонъ... какіе-то люди бѣгутъ наискосокъ по Царицыну лугу, придерживая руками полы чуйки и нагнувъ головы, будто отъ погони спасаются?... Онъ даже глазами поискалъ городового... Но никто не обращалъ вниманія на бѣгущихъ людей. Куда-то всѣ спѣшатъ??...

Наконецъ, Артаевъ вспомнилъ, что теперь какъ разъ часъ обычной прогулки государя въ Лѣтнемъ саду. Онъ хорошо зналъ этотъ часъ. Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, съ жаднымъ любопытствомъ юнаго провинціала, онъ старался такъ приноравливать, чтобы именно въ этотъ часъ проходить черезъ садъ, гдѣ удобно было дѣлать маленькій роздыхъ на длинномъ пути изъ редакціи.

Артаевъ ускорилъ шаги, но въ воротахъ наткнулся на господина среднихъ лѣтъ въ разстегнутомъ пальто, который стремительно выходилъ изъ сада. Оба остановились, чтобы извиниться, и узнали другъ друга.

— Константинъ Петровичъ! Простите, Бога ради, кажется, ушибъ васъ?

Артаевъ приподнялъ шляпу передъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ той редакціи, гдѣ онъ самъ недавно началъ работать, благодаря Баскину.

— Вы куда это летите?—опросилъ тотъ, не отвѣчая на поклонъ и всматриваясь какими-то странными глазами.

Артаевъ вспомнилъ о своей досадной неаккуратности и смущенно началъ было извиняться, но журналистъ перебилъ его.

— Бросьте это... вы, должно быть, ничего не знаете?... Нѣтъ?... Откуда вы сейчасъ?

— Я?... Я... Изъ дому,—какъ-то машинально солгалъ для краткости Артаевъ.—Ничего особеннаго не знаю...

Онъ оглянулся, и его поразили тревожныя, напряженныя лица людей, тѣснившихся мимо нихъ въ садъ.

Константинъ Петровичъ взялъ его за руку повыше локтя и заставилъ отойти въ сторону:

— Пойдемте...—произнесъ онъ только не громко.

Артаевъ понялъ, что случилось что-то чрезвычайное, и пылалъ нетерпѣніемъ, пока они, не говоря ни слова, пробирались черезъ мостъ на набережную, по которой онъ пришелъ. Но когда онъ узналъ, наконецъ, что̀ именно случилось только что у рѣшетки сада, роковой выстрѣлъ какъ будто раздался въ его собственномъ мозгу... Онъ не могъ повѣрить! Нелѣпо, невѣжливо, въ нѣсколько пріемовъ онъ принимался допрашивать журналиста, дѣйствительно ли онъ тамъ былъ и своими ли глазами онъ видѣлъ, пока, наконецъ, тотъ нетерпѣливо оборвалъ его.

Писатель быстро шагалъ по узкому тротуару и громко, возбужденно говорилъ. Говорилъ съ такой откровенностью и горячностью, какихъ, по всей вѣроятности, онъ вовсе не считалъ достойнымъ этого юношу, ровно ничѣмъ не успѣвшаго себя проявить и съ кѣмъ до этой минуты у него были лишь отдаленныя отношенія... Онъ не разбиралъ, кто съ нимъ, онъ просто не могъ побѣдить потребности дать выходъ тому, что закипало въ душѣ...

Привычка къ быстрымъ обобщеніямъ и твердый руководящій взглядъ сказывались въ этомъ мгновенномъ проникновеніи далеко впередъ, въ глубокихъ тревожныхъ вопросахъ, какіе журналистъ въ этотъ первый мигъ уже ставилъ будущему.

А Артаевъ слушалъ его точно въ туманѣ. О! Конечно, во всякое другое время онъ чувствовалъ бы себя польщеннымъ въ высокой степени, какъ бы произведеннымъ въ литературный чинъ... Онъ навѣрное не пропустилъ бы ни одного слова изъ лестной и поучительной бесѣды... Но въ эту минуту, именно слушать-то и было всего труднѣе! И ему хотѣлось поскорѣе избавиться отъ знаменитаго публициста съ его подавляющими разсужденіями, которымъ не предвидѣлось конца. Хотѣлось самому дѣйствовать, двигаться, говорить, разсказывать тѣмъ, кто еще не знаетъ. Тянуло его также и въ садъ—взглянуть, и онъ совсѣмъ ужъ рѣшилъ было вернуться, но вспомнилъ, что сегодня Баскинъ долженъ уѣхать, наконецъ, въ Москву, именно сегодня!... Но вѣдь возможно, что опять не состоялось—узнать скорѣе!

Журналистъ тоже опомнился, наконецъ, что идетъ онъ совсѣмъ не туда, куда нужно: необходимо сейчасъ же вернуться въ редакцію. Онъ позвалъ Артаева съ собой.

— Не могу сейчасъ, Константинъ Петровичъ. Обязательно долженъ къ Сергѣю Львовичу слетать, авось либо онъ задержался какъ нибудь. А коли уѣхалъ, тогда депешу вдогонку. Онъ же вернуться долженъ!

— Разумѣется, вернуться,—подтвердилъ журналистъ, и уѣхалъ одинъ въ редакцію, Артаевъ тоже вскочилъ на извозчика и поѣхалъ къ Баскину.

II.

Сергѣй Львовичъ Баскинъ долженъ былъ выѣхать въ Москву съ почтовымъ поѣздомъ. Но какъ нарочно въ это утро все такъ складывалось, что его безпрестанно отрывали отъ дорожныхъ сборовъ. Почта принесла два письма и на нихъ пришлось отвѣтить тотчасъ же, чтобы не затягивать до возвращенія изъ Москвы. Потомъ изъ министерства явился чиновникъ съ бумагами, требовавшими какихъ-то экстренныхъ разъясненій. Покончивъ съ этимъ и провожая чиновника до прихожей, Баскинъ очень неудачно наткнулся на неизвѣстнаго молодого человѣка, котораго лакей его только было успѣлъ увѣрить, что генералъ сію минуту уѣзжаетъ и потому принять его не можетъ, какъ вдругъ генералъ испортилъ все дѣло своимъ появленіемъ.

Молодой человѣкъ оказался просителемъ, какихъ къ Баскину являлось множество. Проситель настоятельно желалъ получить мѣсто; онъ жаждалъ служить подъ просвѣщеннымъ начальствомъ Баскина и былъ совершенно убѣжденъ, что Баскинъ не менѣе того долженъ жаждать пріобрѣсти такого подчиненнаго, какъ онъ. Въ подкрѣпленіе же таковой своей увѣренности юноша предъявлялъ не какую-нибудь канцелярскую рутину ученыхъ дипломовъ и послужныхъ списковъ, а единственно только свои непоколебимыя убѣжденія. Вотъ почему ихъ объясненіе чрезвычайно какъ затянулось.

Когда Баскинъ вернулся, наконецъ, въ кабинетъ, распорядившись не принимать никого ни подъ какимъ видомъ, было поздно, онъ уже не могъ поспѣть на почтовый поѣздъ. Оставалось выѣхать съ курьерскимъ, но во всякомъ случаѣ выѣхать сегодня.

Поѣздка эта «стояла надъ душой», какъ онъ выражался мысленно. Нѣсколько разъ она откладывалась; ей предшествовалъ длинный рядъ родственныхъ писемъ и депешъ. Колебаній быть не могло, ѣхать въ Москву необходимо! Необходимо выяснить окончательно тягостныя отношенія съ братомъ. Примирительное вмѣшательство сестры Полины только выказало еще очевиднѣе такую необходимость...

Сергѣй Львовичъ какъ нельзя лучше сознавалъ все это. Но вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, съ той самой минуты, какъ онъ вернулся въ кабинетъ и рѣшилъ, что уѣдетъ съ курьерскимъ, имъ все сильнѣе овладѣвала послѣдняя предъотъѣздная тревога.

Въ раздумьи онъ задвигался взадъ и впередъ по просторному кабинету, гдѣ до поздней ночи, а нерѣдко и до утра засиживается за рабочимъ столомъ. Теперь привычныя, дорогія занятія потянули къ себѣ съ особенной силой... И правда, онѣ нарушаются этимъ отъѣздомъ очень некстати. Работалось послѣднее время какъ-то особенно удачно. Еще такихъ недѣльки двѣ, три—и проектъ могъ быть доведенъ до конца. Весьма это существенно въ виду приближающихся лѣтнихъ каникулъ, и тутъ-то, какъ нарочно, этотъ перерывъ!

Жаль оторваться отъ наладившагося нужнаго строя мыслей; оторваться отъ работы внутренней, которая совершается не исключительно за этимъ столомъ и не въ одни рабочіе часы. Она совершается повсюду, непрестанно и неуловимо, и именно эта сокровенная работа двигаетъ дѣло впередъ плодотворно и быстро. Такъ онъ всю свою жизнь любилъ работать.

Въ Москвѣ забьетъ своя струя и надолго завертитъ въ другую сторону...

Баскина все сильнѣе охватывало сомнѣніе, по мѣрѣ того какъ свиданіе съ братомъ приближалось. Коли все и дѣло въ «категорическомъ объясненіи», то почему же сами они до него не додумались? Зачѣмъ понадобилось родственное вмѣшательство: авторитетъ дяди Петра, нѣжное сердце Полины?

Сергѣй Львовичъ тяжело вздохнулъ и потеръ себѣ лобъ. Что пользы теперь въ подобныхъ сомнѣніяхъ? Все равно онъ отказаться не могъ, какъ нельзя отказать въ послѣднемъ консиліумѣ умирающему. Тутъ тоже умираетъ давнишній трудный больной, ихъ братская дружба съ Константиномъ...

Баскинъ задумчиво двигался по кабинету, закинувъ по привычкѣ обѣ руки за спину. Его густыя черныя брови опустились ниже на глаза, острый взглядъ ушелъ вглубь и потерялъ свой блескъ... Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, плотно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ловко сложенный, что чрезвычайное благородство осанки скрадывало невысокій ростъ. Энергичныя открытыя черты освѣщались той привычной работой мысли, которая дѣлаетъ лицо не задумчивымъ, а всегда одинаково жизненнымъ.

Легкій стукъ въ дверь вывелъ его изъ задумчивости.

Въ комнату стремительно вошла очень молоденькая дѣвушка въ черной узкой юбкѣ и коротенькой свѣтлой блузѣ, стянутой по таліи

кожанымъ пояскомъ. Она держала въ рукѣ книгу, заложивъ пальцемъ то мѣсто, гдѣ читала.

— Вотъ славно!—ты, значитъ, опять не уѣхалъ? Опять раздумалъ?—воскликнула она.

— Нѣтъ, но меня задержали—на поѣздъ опоздалъ. Поѣду съ курьерскимъ,—отвѣтилъ Баскинъ коротко, еще не оправившись отъ своихъ мыслей.

Дѣвушка сдѣлала неопредѣленное движеніе, точно не зная—уйти ей или остаться.

— Какъ только тебѣ, папа, не надоѣли эти безконечные сборы!

— Страшно надоѣли, Вѣрочка!... Буду радъ-радешенекъ, когда все это останется за плечами...

Въ легкомъ вздохѣ отца прозвучало привычное довѣріе. Глаза его ласково остановились на лицѣ дѣвушки.

Она была бы чрезвычайно похожа на него,—тѣ же живые, темносѣрые глаза, выпуклый лобъ и твердыя очертанія небольшого, красиваго рта; но характеръ лица мѣнялся отъ смѣлаго взмаха тонкихъ, разлетающихся бровей и отъ замѣтно выдавшагося, крупнаго подбородка. Это было лицо яркое не по краскамъ, а по своему характерному, вызывающему выраженію. Густые темно-русые волосы были острижены и дѣлились живописными, крупными прядями.

Вѣрочка положила книгу на столъ и сѣла въ кресло.

— Ну, ужъ извини, отецъ! Самъ ты безъ конца оттягивалъ эту поѣздку. Удивляюсь, потому что это, въ сущности, совсѣмъ не въ твоемъ характерѣ,—закончила она тономъ полнаго равенства.

— Все мѣшали разныя разности!—оправдывался онъ.—Боюсь, что Полина терпѣнье потеряла дежурить тамъ изъ-за меня.

— Н-ну!... Не великія и здѣсь дѣла у тети Полины,—усмѣхнулась пренебрежительно Вѣрочка.—А на тебя удивляюсь, папа! Точно ты въ воду опущенный. Въ Москву ѣдешь, къ дѣду! Вотъ бы я счастлива была на твоемъ мѣстѣ!

— Я тоже, безъ сомнѣнія, радъ повидаться съ дядей, объ этомъ и говорить нечего. Только ему-то будетъ ли въ радость это свиданіе?

Вѣрочка зорко посмотрѣла на него изъ-подъ руки. Она все время перебирала свои короткіе, упругіе волосы.

— Насчетъ примиренія-то съ любезнымъ дядюшкой? Вотъ что я тебѣ скажу: сдѣлайте такое одолженіе, Сергѣй Львовичъ, не увлекайтесь вы попусту! Знаю вѣдь отлично, какъ потомъ тебѣ солоно будетъ всякое разочарованіе! Понятно, что Полинѣ Львовнѣ нравится роль ангела-примирителя, это вѣдь такъ *женственно*!

— Перестань, пожалуйста. Черезчуръ обо многомъ берешься судить...

— Не по лѣтамъ? Ты это хочешь сказать?—подхватила она задорно.—Что-жъ дѣлать, папаша, коли я имѣю о людяхъ самостоятельное мнѣніе. Къ сожалѣнію, факты только подтверждаютъ.

— Какіе еще факты?

— Все равно. Ты теперь о другомъ думаешь, и это неважно.

Онъ не могъ не улыбаться на эти быстрыя реплики.

— Я одно предвижу,—продолжала она горячо:—потомъ ни отъ кого изъ васъ не добьешься подробно про дѣда. Да и вотъ что еще: скажи ему отъ меня, что я *мысленно цѣлую его руку*. Непремѣнно, непремѣнно!... «Цѣлуетъ руку»,—такъ и скажешь—да? Вообще этого, разумѣется, никогда не признаю—а ему одному хочу. Пусть, пусть, это смѣшно!

Глаза Вѣрочки горѣли, рука нервно скользила вверхъ и внизъ по черному шнурку отъ часовъ, засунутыхъ въ боковой кармашекъ полотняной блузки.

— Развѣ я смѣялся?

— Собственно говоря, еслибъ не *онъ* этого желалъ, тебѣ бы вовсе и ѣздить туда не стоило...

Баскинъ нетерпѣливо повелъ плечами.

— Ну, ужъ теперь всѣ эти соображенія ни къ чему, душа моя. Надо ѣхать. А ты, Вѣра, смотри, не забудь коричневую папку? Отдай Артаеву въ первый разъ, какъ придетъ...

Она снисходительно кивала головой, накручивая себѣ на палецъ прядь волосъ,—и главное—безъ меня сиди ты, дружокъ мой, побольше дома. Не раздражай мать изъ пустяковъ!

Онъ подошелъ къ столу и ласково дотронулся до ея руки.

— Надѣюсь, это не такъ ужъ трудно уступить, чтобы я былъ покоенъ?

Вѣрочка наморщила брови и потянулась за своей книгой.

— То-есть, какъ же это прикажете понимать? Нѣсколько дней какъ подъ арестомъ высидѣть? Лекціи пропускать!

— Долго не проѣзжу—ну и пропустишь нѣсколько лекцій... Не великая важность?—уговаривалъ примирительно отецъ.

— Нѣтъ-съ, напротивъ... очень большая важность! Не лекціи, разумѣется, это ерунда. Какъ ты не хочешь признать, что отступаясь, здорово живешь, отъ своихъ правъ—никогда и другихъ не заставишь ихъ уважать—ясно!

По его губамъ скользнула невольная улыбка.

— Увѣряю тебя, что ты свои права отстаиваешь достаточно стойко.

— Да только толку изъ этого не больно много!

— На время моего отсутствія я тебя прошу ставить на первый планъ права другихъ. Нельзя иначе жить, Вѣра... все только о себѣ... несправедливо! Повѣрь, для каждаго это только полезно...

Вѣрочка поднялась съ мѣста, заправляя нетерпѣливо за ухо волосы, готовясь дать отпоръ, но въ прихожей вдругъ отчаянно дернули звонокъ—разъ, другой и третій.

— Какой сумасшедшій такъ трезвонитъ?!—крикнула она въ безсознательномъ испугѣ.

Баскинъ вышелъ въ прихожую въ ту минуту, какъ и выскочилъ изъ коридора лакей. Звонокъ продолжали дергать, когда онъ уже поворачивалъ ключъ.

— Давеча... принимать никого не приказали?—оглянулся лакей на барина, не соображая, что тотъ, кто такъ трезвонитъ, конечно, не будетъ ждать приглашеній.

Это былъ Артаевъ.

Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, Артаевъ стоялъ уже посреди кабинета, какъ былъ: въ пальто, шляпѣ и съ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ.

— Какое счастье, что вы не уѣхали!... Ахъ, какое счастье... вотъ удача! Все равно вѣдь съ полпути вернулись бы... Вы не знаете,—вы не повѣрите, что сію минуту случилось... сію минуту...

Голосъ перехватывало, точно онъ бѣжалъ пѣшкомъ, а не примчался, погоняя, какъ безумный, извозчика.

— Да говорите же, наконецъ! чего вы за душу тянете?—крикнула со злостью Вѣрочка.

Артаевъ обвелъ взглядомъ обоихъ и еще помедлилъ нѣсколько секундъ:

— Въ Александра Второго стрѣляли...

. . . . . .

. . . . . .

III.

Черезъ часъ Баскинъ вышелъ изъ своей квартиры съ Артаевымъ. Извозчика не оказалось, и они пошли рядомъ, продолжая разговоръ.

Впрочемъ, Артаевъ и не умолкалъ съ той самой минуты, какъ первая фраза открыла исходъ волненію, хоть фактическая сторона была давно исчерпана. Онъ продолжалъ думать вслухъ съ тѣмъ на-

слажденіемъ, какое испытываетъ горячій, но застѣнчивый юноша въ обществѣ зрѣлаго человѣка, сумѣвшаго завоевать его полное довѣріе—передъ кѣмъ спадаютъ всѣ несносныя путы.

Артаевъ благоговѣлъ передъ Сергѣемъ Львовичемъ: передъ его умомъ, обширной ученостью, но всего больше передъ его блестящей общественной репутаціей. Онъ приходился племянникомъ женѣ Баскина; однако нужна была подкупающая обходительность Сергѣя Львовича и все обаяніе его личности, для того чтобы юный провинціалъ въ короткое время почувствовалъ себя дома въ его семьѣ. Это была трогательная преданность, и въ ней было что-то женски-страстное, деликатное. Юноша выискивалъ случаи быть для Баскина полезнымъ и пріятнымъ. Онъ былъ чутокъ къ малѣйшимъ оттѣнкамъ его настроенія, страдалъ отъ тѣни холодности и гордился всякимъ знакомъ довѣрія.

— Ну, да, вы вѣдь влюблены въ пану!—иронизировала Вѣрочка, когда Андрей позволялъ себѣ не одобрять ея собственной рѣзкости.

Даже теперь, въ жару собственнаго необычайнаго волненія, отъ Артаева не ускользнула странная молчаливость Сергѣя Львовича. Онъ былъ блѣденъ и сосредоточенъ; только потемнѣвшій, горячій взоръ выдавалъ напряженную работу мысли. Онъ отвѣчалъ коротко и слушалъ разсѣянно своего взволнованнаго спутника.

— Чортъ знаетъ! не пѣшкомъ же намъ тащиться до самой редакціи?!—приговаривалъ Баскинъ нетерпѣливо, оглядываясь и не находя нигдѣ извозчика.

Тѣхъ, которые виднѣлись впереди, одного за другихъ перехватывали у нихъ на глазахъ. Проѣзжавшіе мимо сидѣли, обернувшись лицомъ къ сѣдокамъ, оживленно разсказывая и жестикулируя. Два раза ихъ обогнали на бѣгу какіе-то не то мѣщане, не то купцы, бормоча вслухъ и толкаясь.

Лавочники стояли въ открытыхъ дверяхъ, и вокругъ нихъ быстро выростали группы кухарокъ, со свертками въ рукахъ, и горничныя въ однихъ платьяхъ. Прохожіе замедляли шаги, прислушиваясь.

Страшная, невѣроятная вѣсть быстро охватывала громадный городъ, перелетая изъ конца въ конецъ на кровныхъ рысакахъ въ щегольскихъ каретахъ, или на загнанныхъ клячахъ первыхъ городскихъ вѣстовщиковъ, ванекъ-извозчиковъ. Въ отвѣтъ на повелительные призывы Баскина какой-то мальчуганъ оглянулся, ударилъ по лошади и помчался пустымъ, стоя во весь ростъ и что-то выкрикивая дикимъ голосомъ...

Отъ центра города несся густой благовѣстъ.

— Въ Казанскомъ!—проговаривали лаконически, снимали шапки и крестились.

Только около Невскаго нашелся, наконецъ, свободный извозчикъ, ссадившій у подъѣзда двухъ барышень.

— Пошелъ во весь духъ—цѣлковый!

Баскинъ вскочилъ въ пролетку съ легкостью двадцатилѣтняго юноши.

Между тѣмъ Вѣрочка, проводивъ мужчинъ, прибѣжала къ себѣ въ комнату и мигомъ одѣлась.

«По черной лѣстницѣ уйду... иначе задержатъ!»—соображала она, испытывая одно страстное стремленіе—очутиться скорѣе на улицѣ.

Комната у Вѣрочки была большая, съ мебелью, обитой по-дѣвически свѣтлымъ кретономъ, съ драпировками и гардинами въ вырѣзныхъ оборочкахъ. Но тутъ же вдоль стѣны стоялъ большой мужской столъ, заваленный книгами и литографированными записками. Надъ столомъ прибиты простыя полки, уставленныя склянками и банками разныхъ величинъ и фасоновъ. Въ склянкахъ пестрѣли разноцвѣтныя жидкости, а въ банкахъ плавали въ спирту анатомическіе препараты. На краю стола блестѣлъ прекрасный микроскопъ со всѣми атрибутами прерванной работы; около него спиртовая лампочка съ перепачканными ретортами и пробирками.

Одно изъ двухъ оконъ было настежь раскрыто, но въ сильно настывшей комнатѣ все еще пахло чѣмъ-то ѣдкимъ и противнымъ.

Вѣрочка надѣла круглую касторовую шляпку и гладкое драповое пальто, висѣвшее на гвоздѣ около двери. Въ коридорѣ она нѣсколько секундъ прислушивалась, прежде чѣмъ двинулась рѣшительными шагами. Но въ ту минуту, какъ она подходила къ кухонной двери, ту съ силой рванули изнутри: кто-то налетѣлъ впопыхахъ и едва не сшибъ ее съ ногъ.

— Батюшки свѣтъ! кто тутъ еще?! Такъ и лобъ расшибить недолго!

Виновница столкновенія отшатнулась въ сторону и уже готова была нестись дальше, когда она разглядѣла въ полусвѣтѣ Вѣрочку.

— Это ты, сударыня? куда собралась?!

— Нужно мнѣ, ненадолго!—отвѣтила дѣвушка быстро и пыталась проскользнуть дальше.

— Постой, погоди—куда? по черному ходу?... какъ разъ пристойно для генеральской дочери!

Полная старуха занимала всю ширину узкаго коридора; ея растопыренныя руки касались стѣнъ.

— Пустите, бабушка! Что еще вы выдумали?!—крикнула въ негодованіи Вѣрочка и хотѣла отстранить ея руку.

— Не пущу! Какъ себѣ хочешь, а не пущу! Почемъ знаешь, что̀ теперь на улицѣ дѣется... куда ты пойдешь, полоумная?..

Вѣрочка круто повернулась и, не отвѣчая, помчалась назадъ по коридору. Старуха, задыхаясь, не отставала отъ нея.

— Опомнись... Христомъ-Богомъ тебя прошу... мать пожалѣй! Дѣвичье ли дѣло теперь на улицѣ? Охъ, разбойники, душегубы окаянные!...

Вѣрочка не отвѣчала и только все ускоряла шаги. Но въ столовой навстрѣчу имъ спѣшила высокая дама, не старая, съ блѣднымъ разстроеннымъ лицомъ.

— Что опять случилось? Маманша, о чемъ этотъ гвалтъ?!—проговорила она страдальческимъ тономъ.

Вѣрочка остановилась и подняла на мать мрачные глаза.

— Со мной доходятъ уже до насилія!—Я не ребенокъ, чтобы меня держали за руки!

— Маруся, не пускай, ради Христа, не пускай ты ее изъ дому!—вопила бабушка: —по черной лѣстницѣ улизнуть хотѣла... спасибо накрыла во̀-время... Можетъ, тамъ бунтъ теперь!... Чернь бунтуетъ... Попадется стриженая...

Вѣрочка топнула ногой и рванулась къ двери.

— Вѣра, я запрещаю тебѣ!... Остаться!... Я требую именемъ отца!—крикнула отчаянно блѣднолицая дама.

— Господи! чего только вы боитесь?!—всплеснула руками дѣвушка.—Кто вамъ наговорилъ про бунтъ? Ничего даже похожаго нѣтъ! Вѣдь сами же вы слышали, что разсказывалъ Артаевъ.

— Куда ты пойдешь? Имѣй терпѣнье, отецъ вернется и разскажетъ...

— Я не могу ждать, не могу!—крикнула Вѣрочка сорвавшимся голосомъ.

Не слушая дальнѣйшихъ протестовъ, она выскочила въ прихожую и оттуда на лѣстницу.

Мать со стономъ опустилась на стулъ и закрыла глаза, точно готовилась упасть въ обморокъ. Старуха широко развела руками.

— Довели! на себя пеняйте, матушка, не на кого другого... Министра своего поблагодари! Дѣвчонка въ семнадцать лѣтъ власти надъ собою не знаетъ... Дочь единственную своими руками погубили!

— Что мнѣ-то дѣлать?! Ну, говорите,—научите, коли вы все знаете!—крикнула Баскина, внезапно озлобляясь передъ нападками своей единственной вѣрной союзницы.—По-вашему на замокъ ее запирать, что ли?

— И на замокъ—велика бѣда, подумаешь!—энергически затрясла головою старуха.—Не такихъ дѣвчонокъ запирали, мать моя! Женщинъ замужнихъ знали какъ въ покорность приводить. Ничего, живы оставались! Все цѣло было!

— То было—да прошло! Нашихъ дѣтей не запрете,—выговорила глухо дочь.

— Какъ свѣтъ стоитъ, такого сраму еще не видано, что теперь дѣвчонки затѣяли! Всяко бывало: съ пути сбивались—пропадали—евинъ грѣхъ одинъ! Да то хоть понять возможно. Вашей своевольницѣ чего нехватаетъ? Кто ее съ пути сбиваетъ? Объясни ты мнѣ, Маруся, толкомъ—кто-о?...

Настасья Петровна опустилась на стулъ, близко около дочери, вынула платокъ и обтерла свое красное, потное лицо.

— Кто сбиваетъ-то ее, а? ты какъ считаешь?—повторила она, еще понизивъ голосъ, будто робѣя.

Марья Гавриловна отчаянно махнула рукой.

— Мало развѣ? теперь все заодно, и книги и люди! Я говорила Сергѣю Львовичу, да развѣ онъ меня въ чемъ-нибудь послушаетъ? Съ пеленокъ *развивать* ее начали. Теперь учится, точно студентъ какой-нибудь. О чемъ намъ даже и подумать стыдно, а онѣ учебники читаютъ, рисунки разглядываютъ... Да еще наша Вѣрочка туда-сюда,—сколько-нибудь еще на человѣка похожа осталась—другія и того лучше! Вотъ хоть бы та, что осенью все ходила къ ней...

— Да, да, да, папироска въ зубахъ и все плюется, кричитъ что твой извозчикъ!—подхватила старуха.—Нѣтъ ужъ, видно и въ правду умирать пора. Вѣкъ свой жили, не глупѣй людей были—а теперь словно во снѣ шатаешься! Все обобрали... Хлѣбъ ѣшь изъ милости на старости лѣтъ... То, говорятъ—благо народа! Двадцать милліоновъ рабовъ духъ перевели! По ихнему вышло—ихъ воля! Ну, а это что такое? Дѣтей своихъ, чай, вы сами рожали да ростили—въ этомъ-то что перемѣнилось, и закона божескаго не стало?

Голосъ Настасьи Петровны становился все жалобнѣе и дряхлѣе. Дочь слушала, поникнувъ сумрачнымъ лицомъ.

— Бѣда въ томъ, мамаша, что мы сами противъ этого ничего не дѣлаемъ,—заговорила она съ горечью.—Какая Вѣра ни есть упрямица, а всетаки она еще дѣвочка, ребенокъ, и справиться съ нею можно. Запретить всѣ эти знакомства невозможныя, книжки

отобрать, одѣть прилично, да и начать вывозить, какъ принято. Ручаюсь вамъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее узнать нельзя будетъ. Наконецъ, въ крайности, за границу увезти на годъ (она желчно разсмѣялась надъ собственными словами и махнула рукою).—Какъ бы ни такъ! есть у меня деньги на заграничную поѣздку, коли, сами видите, мы во всемъ себѣ отказываемъ!

— Правда, правда!—кивала головою мать.

— Въ деревню прячемся каждое лѣто ради экономіи... По три года одни платья ношу! Всякій знаетъ, какое состояніе у Баскиныхъ, куда все дѣвается? Получаемъ и на службѣ не малыя деньги — куда уходитъ? Суемъ, суемъ во всѣ стороны, конца нѣтъ! Школа эта да больница какихъ денегъ стоятъ, а теперь еще книжки какія-то затѣялъ печатать, разсылаетъ даромъ. Стипендіатовъ завелъ повсюду— милліонеръ какой, подумаешь! А ужъ подписокъ этихъ, да билетовъ почетныхъ—прямой грабежъ. Тутъ никакого состоянія не хватитъ. Мужъ игрокъ на зеленомъ столѣ тысячи просадитъ—а тутъ, все равно, десятками да сотнями вытянутъ — результатъ одинъ. Тотъ хоть виноватымъ себя чувствуетъ, а вѣдь передъ этимъ и рта разинуть не смѣешь!...

— Охъ, все, все правда, дитятко мое!—стонала старуха.— Всѣхъ калѣкъ не подберешь... всѣхъ голодныхъ не накормишь. А самимъ, чего Боже упаси, круто придется—куда тогда пойдемъ, коли свое-то все разсорпмъ?

— Да очень просто, что некуда!—засмѣялась злорадно дочь.— Съ братомъ роднымъ въ ссорѣ. Тотъ хоть на людей похожъ, семью своей охотой по міру не пуститъ... Сестрица—ну, та и сама прокутитъ, было бы что! Дядюшкѣ цѣлое состояніе и съ процентами съ рукъ на руки передали... Одной ногой въ гробу... Въ Сибири тридцать лѣтъ выжилъ, ото всего отсталъ...

— Ну, его-то никуда не дѣнется, вамъ же останется,—замѣтила успокоительно Настасья Петровна.

— Напрасно воображаете!—кто это вамъ сказалъ? Все до послѣдняго гроша на общественныя цѣли расписано, на больницы да на школы народныя. Для того вѣдь и имѣнье продавалось наспѣхъ.

— Маруся!—всплеснула руками старуха.—Да ты не шутишь? правда, что ли? Что ты мнѣ раньше не говорила... на что же я и надѣялась?!

Марья Гавриловна вздохнула всей грудью и поднялась со стула.

— Намъ чужого не надо. У насъ и своего хватало бы, кабы хоть на грошъ благоразумія. Вотъ теперь ясно вижу, что Вѣру необходимо поскорѣе увезти отсюда. Тутъ съ нею не сладишь! На ключъ не за-

прешь—все это слова только одни. Вы видѣли? хлопнула дверью и пошла! Новенькое—день ото дня лучше!

— Что ли ты бы постращала его посерьезнѣе. Души вѣдь онъ не чаетъ въ Вѣрочкѣ! Тамъ умничай хоть сколько, а кровь всегда заговоритъ... Право,—ну, припугни ты его... попробуй!

Марья Гавриловна сомнительно покачивала головой. Но мысленно она уже начинала наскоро соображать все то, что она выскажетъ мужу, пользуясь новымъ рѣзкимъ столкновеніемъ съ Вѣрочкой. На этомъ разговоръ кончился, и мать и дочь разошлись по своимъ комнатамъ.

IV.

Артаевъ догналъ Баскина на подъѣздѣ редакціи, когда тотъ выходилъ, и спросилъ, домой ли онъ?

— Въ министерство заѣду по пути справиться, когда молебенъ завтра. Мнѣ вѣдь повѣстки не пришлютъ, я—въ отъѣздѣ.

— Такъ подвезите меня малость, Сергѣй Львовичъ,—попросилъ Андрей.—Я, знаете, думаю въ театръ махнуть сегодня—а? какъ вы думаете? Пожалуй, вѣдь любопытно, какое настроеніе?

— Пожалуй...

— Да и все равно, сегодня ничего дѣлать не въ состояніи. Потомъ и билета не достанешь. А утромъ къ вамъ съ докладомъ заявлюсь. Москва вѣдь теперь по-боку?

— Нѣтъ, не могу по-боку...

Баскинъ, не договоривъ фразы, приподнялъ шляпу съ внезапно распустившейся на лицѣ офиціальной улыбкой.

Изъ встрѣчной коляски съ нимъ раскланялся господинъ въ дорогихъ бобрахъ подъ форменной фуражкой.

— Кто это?—оглянулся Артаевъ.

Господинъ въ коляскѣ тоже повернулся и проводилъ взглядомъ Баскина.

— Баронъ Ферзенъ.

— Ахъ, вотъ онъ, Ферзенъ? А вѣдь я его воображалъ совсѣмъ иначе!... Много старше...

— Почему?—освѣдомился сухо Баскинъ.

— Ей-Богу, не знаю... Потому развѣ, что жена такая молоденькая?... Полина Львовна что-то намекала...

— Совѣтую не прислушиваться къ женскому злословью,—остановилъ его рѣзко Баскинъ.—Полина Львовна, къ сожалѣнію, нерѣдко грѣшитъ легкомысліемъ.

Юноша сгорѣлъ отъ конфуза: неужели онъ коснулся неосторожно чего-то щекотливаго?

— Увѣряю васъ... въ умѣ ничего не было! Полина Львовна, конечно, шутила... Вотъ ужъ я-то никогда бы себѣ не позволилъ!— бормоталъ онъ съ страдальческимъ видомъ.

Баскинъ молчалъ, но съ лица не скоро сошла краска, темныя брови вздрагивали. На Конногвардейскомъ бульварѣ Артаевъ слѣзъ съ дрожекъ, пообѣщавъ еще разъ забѣжать завтра пораньше.

. . . . . .

Часу въ седьмомъ коляска барона Ферзена остановилась у его подъѣзда на Мойкѣ. Швейцаръ бросился высаживать, давъ предварительно два короткихъ звонка наверхъ. Баронъ ѣздилъ безъ лакея.

Лакей сбѣжалъ съ невысокой мраморной лѣстницы, чтобы принять шинель. Не ожидая вопроса, онъ доложилъ вполголоса, что его превосходительству есть пакетъ отъ графа, экстренно.

— Василій Петровичъ?—кинулъ черезъ плечо баронъ, поднимаясь устало по лѣстницѣ.

— Не могу знать... Отлучились не такъ давно.

— Отыскать. Послать кучера сію минуту.

Невидимая рука распахнула стеклянную дверь. Почтенный камердинеръ въ висячихъ бакенбардахъ на полномъ лицѣ нѣмецкаго типа, послѣдовалъ за барономъ въ его аппартаменты, ступая бережно на носкахъ.

Въ ту самую минуту, когда за ними закрылась одна изъ четырехъ дверей большой полутемной прихожей—дверь противоположная распахнулась, и на порогѣ остановилась молодая женщина въ черномъ платьѣ и шляпкѣ. Она натягивала перчатку и присматривалась.

За стеклянной дверью на площадкѣ лакей со швейцаромъ совѣщались надъ затруднительнымъ приказомъ разыскать секретаря, отлучившагося изъ дому.

— Ѳедотъ!—позвала молодая женщина.—Кажется, баронъ вернулся?

— Сію минуту пожаловали. Извините, ваше превосходительство—не изволили ли вы куда послать Василія Петровича?

— Я?... съ чего вы это взяли?

— Приказано разыскать немедленно, а намъ невозможно знать. Они вѣдь намъ не сказываются.

Тонъ лакея съ баронессой былъ совершенно иной, нежели съ его превосходительствомъ.

— Это до меня не касается,—отвѣтила барыня сухо.

Постоявъ еще съ минуту въ раздумьи, она сдѣлала рѣшительный жестъ маленькой головкой и начала стягивать только что застегнутую перчатку.

«...Теперь ужъ не стоитъ ѣхать—что-нибудь и отъ барона узнаю»,—подумала она и легкой походкой вернулась въ залъ.

Большая комната подъ массивнымъ лѣпнымъ потолкомъ. Двѣ люстры повисли въ воздухѣ, тускло мерцая бронзой сквозь кисейные чехлы. Въ простѣнкахъ широкихъ полукруглыхъ оконъ поднимаются къ потолку зеркала въ золотыхъ рамахъ. Вдоль стѣнъ золотыми цѣпочками тянутся ряды легкихъ стульевъ и маленькихъ диванчиковъ съ низкими спинками, подъ желтымъ штофомъ. Большой концертный рояль теряется въ огромной комнатѣ.

Хозяйка дома въ ней выглядѣла совсѣмъ дѣвочкой, со своей тоненькой гибкой фигурой, обтянутой гладкимъ платьемъ съ узенькимъ полотнянымъ воротничкомъ. Подвижное розовое лицо съ сіяющими синими глазами смотрѣло моложе своихъ двадцати шести лѣтъ.

Она сбросила шляпку у зеркала и стала оттого еще моложе. Двѣ густыя свѣтло-каштановыя косы по-дѣвически обвивали вѣнкомъ маленькую голову. Она задумалась, вглядываясь мимо себя въ глубь стекла.

Она безпрестанно задумывалась, и тогда ея живые глаза задергивались дымкой. У губъ появлялась неуловимая меланхолическая черточка.

Такъ думаютъ о чемъ-нибудь завѣтномъ. Такъ овладѣваетъ нами въ каждую свободную минуту то, что не успѣло еще стать привычнымъ, что не утратило роковой способности застилать собою жизнь.

Рука лежала, забытая, на подзеркальникѣ, съ зажатой лентой—тонкая шейка клонилась все больше, на глазахъ проступали слезы.

Вдругъ она вздрогнула, прислушалась, и въ мигъ скользнула на круглый табуретъ къ роялю, и заиграла меланхолическія варіаціи.

Минуту спустя раздвинулась желтая портьера и пропустила сановитую фигуру супруга.

— Вы за музыкой?—произнесъ баронъ тономъ неопредѣленнымъ, и только ея привычное ухо могло уловить въ немъ неодобреніе.

Она перестала играть, подняла на него глаза. Ее поразила перемѣна въ этой сухой внѣшности бюрократа. Непривычная краска въ обыкновенно матовомъ лицѣ и непріятное, злобное вспыхиваніе равнодушныхъ глазъ и ненужныя, вульгарныя движенія породистыхъ блѣдныхъ рукъ.

«Ахъ, и васъ пробрало, милый баронъ!» подумала она злорадно и поднялась на ноги.

— Какъ нарочно и вы такъ поздно сегодня! Я ужъ собралась ѣхать куда-нибудь, наудачу... Скорѣе, разскажите же мнѣ все!...

Она подошла ближе, нетерпѣливо глядя ему въ лицо.

— Полагаю, вамъ ужъ все извѣстно?

— Откуда, откуда мнѣ извѣстно? Весь домъ разбѣжался... лѣзутъ ко мнѣ со всякими баснями... Правда ли, что не полякъ? Дѣйствительно, да? Государь самъ защищалъ его отъ толпы?—и онъ сказалъ: «это я за васъ, братцы?» Сколько правды во всемъ этомъ?

— Успокойтесь, ваши свѣдѣнія вѣрны, другихъ пока ни у кого нѣтъ. Платонъ Платоновичъ находился при государѣ... видѣлъ своими глазами.

Онъ содрогнулся плечами и вдругъ крикнулъ непривычнымъ высокимъ звукомъ:

— Oh... c'est un mauvais énigme à faire croquer les meilleurs têtes!

— Ужасно, ужасно, ужасно!—повторяла молодая женщина подавленно, сжимая руками виски.

— De fil-en aiguille, chère dame. Поздно восклицать «ужасно», когда сами потворствовали!

— Кто? Чему? Вы съ ума сошли!

— Ну, вы меня прекрасно понимаете.

— Ни тѣни! И я васъ прошу не брать со мной такого... такого тона туманныхъ угрозъ!

Неприкрытая вражда сверкала во взорахъ, вскипала въ голосахъ этихъ людей. Минуты сильныхъ волненій несутъ въ себѣ свободу отъ условныхъ путъ. Баронъ Ферзенъ былъ грубъ съ женой. Онъ сказалъ, что они побесѣдуютъ на досугѣ, при первой возможности. Сейчасъ онъ долженъ опять ѣхать къ графу.

— О чемъ это—побесѣдуемъ?—переспросила она вызывающе.

— О многомъ. Прежде всего о вашихъ непозволительныхъ пріемахъ по средамъ. Это принимаетъ, наконецъ, такіе размѣры...

— Это будетъ совершенно напрасный трудъ, баронъ!

— Мы это увидимъ. Пришла пора всѣмъ опомниться.

Онъ пошелъ было къ двери, но на полпути остановился и процѣдилъ сквозь зубы:

— A propos, съ часъ назадъ встрѣтилъ на набережной Баскина. Развѣ онъ не въ Москвѣ? Онъ не отсюда ѣхалъ?

Вопросъ какъ-то особенно оттѣнялся тѣмъ, что баронъ въ эту

минуту не смотрѣлъ на жену, а голосъ его внезапно сталъ небрежнымъ.

Ея глаза испуганно расширились, вся кровь отхлынула въ сердце. Свое «нѣтъ» она выговорила, когда онъ уже былъ въ дверяхъ...

«Что это значитъ? Что могло это значить?»

Поѣздъ отходитъ въ три часа, его не задержало событіе въ Лѣтнемъ саду.

Ольга сама не знала, отчего она такъ испугалась, такъ потерялась при этомъ извѣстіи. Схватила за сердце тоска отчужденности, оттого что онъ измѣнилъ вчерашнее рѣшеніе, какое, она знала, готовилось.

... Всю ночь проплакала... что слезы! Новая жизнь начинается для нея съ этой ночи. Весь день онъ жилъ въ ея воображеніи, не иначе какъ въ купэ вагона, погруженный въ мысли о ней... въ воспоминанія! Развѣ можно думать о чемъ-нибудь другомъ послѣ ихъ прощанія!...

Оказывается, все можно. Остался, не уѣхалъ, разъѣзжаетъ по городу, съ кѣмъ-то видѣлся... И не пришелъ къ ней?...

— Что это значитъ? Что могло это значить?...

Но сразу явилась мысль, что онъ придетъ къ ней, придетъ!

Явилась и согрѣла ее всю. Она стала ждать, ждать...

Минуты поползли тягучія... Тяжелыя, точно каждая перекатываетъ черезъ нее тяжесть...

Ольга Николаевна пошла въ свой кабинетъ, гдѣ она всегда принимаетъ Баскина, гдѣ прощались вчера...

Нѣтъ! Тоска охватила, такая тоска неизвѣстности, такая обида, что она вернулась въ непріютный, нелюбимый желтый залъ, гдѣ она не живетъ, никогда не сидитъ.

Теперь она сѣла къ окну и слушала, какъ ѣдутъ экипажи, останавливаются гдѣ-то близко, новые дребезжатъ вдали... Ѣдутъ, ѣдутъ безъ конца...

Наконецъ, лакей подалъ письмо. Она такъ волновалась, что не узнавала почерка... Нѣтъ, это не его записка!

Старая графиня З*** прислала своей любимицѣ нѣсколько патетическихъ французскихъ фразъ и дѣловой постъ-скриптумъ: само собой разумѣется, онѣ завтра увидятся въ соборѣ и тогда рѣшатъ насчетъ молебна въ обществѣ. Графиня не зоветъ свою chère ange сегодня, потому что лежитъ въ постели отъ потрясенія. Да спасетъ Богъ Россію и ихъ всѣхъ!

Записка дала новый оборотъ мыслямъ Ольги Николаевны. Хоть старая графиня—свой человѣкъ или, вѣрнѣе, потому что она свой

человѣкъ, записочки сочиняются особенно старательно. Ольга Николаевна знала, что графиня имѣетъ привычку повторять, кому нужно, ея удачные афоризмы, и вообще имѣетъ слабость по секрету давать читать письма своихъ любимцевъ и любимецъ.

Почтенная предсѣдательница благотворительнаго общества питала къ очаровательной баронессѣ Ферзенъ непритворную слабость нѣкогда блестящей свѣтской красавицы къ молоденькой protégée, чьи успѣхи поддерживали вокругъ нея родную атмосферу блеска и поклоненія.

Ольга Николаевна присѣла къ столу и не безъ усилій на этотъ разъ скомбинировала десятокъ фразъ, такимъ образомъ, чтобы обиліе восклицательныхъ знаковъ и многоточій не вредило однако-жъ ихъ серьезному смыслу: Elle avait du style, увѣряла графиня, и это обязывало не писать банальныхъ дамскихъ записочекъ.

Отправивъ письмо, надо было обдумать завтрашній молебенъ, туалетъ, и хоть въ общихъ чертахъ свою роль передовой женщины въ столь исключительныхъ событіяхъ...

Такимъ образомъ незамѣтно измѣнилось настроеніе, и мысли приняли другой оборотъ.

«Теперь не время для лирики!» говорила себѣ внушительно Ольга. Баскинъ поглощенъ всецѣло событіями—какъ могла она хоть одинъ мигъ обвинять его за это!

Она поняла, что Баскинъ *не долженъ былъ* пріѣхать къ ней сегодня.

Теперь совершенно другую цѣну получило это сознаніе. Сергѣй Львовичъ не пріѣхалъ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга они волнуются общей тревогой, они думаютъ и чувствуютъ одно...

Не въ такія минуты думать о любви!

. . . . . .

V.

Баронесса Ферзенъ подъѣхала къ Исакіевскому собору. Карета подвигалась шагомъ въ цѣпи экипажей. Расшитые мундиры, яркія ленты, плюмажи, черные фраки и свѣтлые дамскіе туалеты разсыпались разноцвѣтными маленькими пятнышками по гранитнымъ ступенямъ, между гигантской колоннадой, возносящейся къ пасмурному весеннему небу. Высоко, надъ темной колоннадой и надъ нарядной толпой, проносились торжественно-рѣдкіе удары благовѣста. Звуки расплывались медленно въ сгущенномъ, сыромъ воздухѣ, нагоняя другъ друга, наростая.

Ольга Николаевна, въ свѣтло-сиреневомъ весеннемъ туалетѣ, съ изумительными блѣдными левкоями на кружевной шляпкѣ, медленно двигалась въ толпѣ, придерживая рукою шлейфъ и отвѣчая на поклоны едва замѣтнымъ наклономъ серьезной головки. Несмотря на то, что она почти не спала всю ночь, поддаваясь возрастающему подъему своихъ общественныхъ инстинктовъ и фантазируя черезъ край, по обыкновенію—маленькая баронесса въ это утро болѣе обыкновеннаго сіяла жизнью и свѣжестью. Она это сама чувствовала и нарочно замедляла шаги и опускала глаза, разсыпавшіе искры.

— Délicieuse, comme toujours!—прошамкалъ, раскланиваясь, маленькій сіяющій старичокъ, весь въ звѣздахъ, съ круглой розовой головкой новорожденнаго младенца.

— Прелестнѣйшая женщина въ Петербургѣ, ma parole,—жаль, что заражена этими завиральными идеями,—произнесъ со вздохомъ молодой дипломатъ, вбрасывая въ глазъ монокль и перегибаясь перетянутымъ станомъ къ болѣе солидному спутнику.

— М-м... ничему не мѣшаетъ, вѣрьте моей опытности!—протянулъ тотъ снисходительно. — Пока женщина носитъ парижскія шляпки—ne perdez jamais courage, mon brave.

— Который же мужъ?

— Баронъ? Они не выѣзжаютъ вмѣстѣ. Онъ, вѣроятно, пріѣхалъ раньше.

— Гм... Это также—*идея*?

— Да безъ сомнѣнія! Женская самостоятельность... mais d'ou venez-vous, mon cher?—elle est donc, chair et os, pour le женскій вопросъ!

Баронесса не ощущала ни малѣйшаго неудобства выѣзжать безъ мужа. Множество услужливыхъ рукъ добивались чести провести ее сквозь толпу на лучшее мѣсто. Уголокъ собора въ эту минуту напоминалъ великосвѣтскую гостиную во время блестящаго раута. Въ воздухѣ носились пряные запахи духовъ и сдержанное щебетанье французскихъ фразъ. Золотое сіяніе отъ множества горящихъ свѣчей давало оригинальные эффекты на переливахъ шелка, бархата и цвѣтовъ.

На мужской половинѣ, подальше отъ переднихъ рядовъ, велись цѣлые обстоятельные разговоры. Но что значитъ шопотъ человѣческихъ голосовъ среди необъятнаго храма? Онъ терялся въ прохладномъ сумракѣ темно-пестрыхъ сводовъ—въ мрачныхъ переходахъ, гдѣ туманно, въ мерцаніи лампадъ, выступаютъ строгіе лики гигантскихъ иконъ.

Пробираясь впередъ, Ольга Николаевна набрела на группу по-

чтенныхъ и весьма высокопоставленныхъ матронъ,—кому не приходится манкировать въ ея годы. Понявъ положеніе, она взглядомъ отпустила своего кавалера.

И сейчасъ же ей пришлось выслушать нѣсколько драматическихъ описаній того, какъ именно былъ пережитъ вчерашній день: кто что воскликнулъ, подумалъ и ощутилъ. Различныя варіаціи историческихъ словъ—баснословныя гипотезы, невѣроятныя обобщенія.

Стоило мучительныхъ усилій не опровергать, не дать волю негодованію на легкомысленный сумбуръ мнѣній... Куда ни шло—съ этимъ, конечно, она бы справилась, но вѣдь баронесса Ферзенъ извѣстна своими независимыми взглядами. Отмалчиваться въ подобный моментъ было ниже ея репутаціи.

Ее всячески вызывали, намекая на ея странную роль покровительницы «этихъ нигилистокъ».

Но не даромъ баронъ Ферзенъ въ добрыя минуты называлъ жену «мой канцлеръ», а графиня З*** прославила ее madame Рекамье кружка: Ольга Николаевна вздыхала, играла туманными значительными словами и имѣла видъ настолько удрученный, но въ то же время и растроганный, что для злорадства не нашлось пищи.

Только одна высокопоставленная и подозрительная старуха громко назвала ее «комедьянткой». Но какъ разъ въ эту минуту произошло общее движеніе: блестящіе ряды разступались, затихая, давая дорогу прибывшимъ высочайшимъ особамъ.

Начался молебенъ.

Старческіе голоса митрополита и высшаго духовенства столицы совершенно терялись въ толпѣ. Стройные возгласы хоровъ каждый разъ какъ будто врывались въ благоговѣйную тишину. Казалось, среди тишины тамъ, на серединѣ, совершалось что-то неуслѣдимое, угадываемое.

Ольга издали поклонилась съ графиней З***; та не переставая знаками подзывала ее на свой конецъ, но подозрительная старуха косилась на нее между поклонами, точно стерегла. И безъ того она открыто называла хорошенькую баронессу атеисткой.

Въ минуту общаго колѣнопреклоненія Ольга оглянулась назадъ, чтобы видѣть эффектъ картины, и вдругъ въ этомъ морѣ головъ она встрѣтилась съ устремленнымъ на нее взоромъ темныхъ глазъ.

Странно, она не почувствовала радости, а мгновенно вернулась вчерашняя полузабытая обида... безжалостное ревнивое чувство къ жизни, какою онъ жилъ безъ нея. Онъ не прислалъ ей даже письма!

Во всѣхъ случаяхъ ихъ первымъ побужденіемъ было подѣлиться другъ съ другомъ впечатлѣніями. То и дѣло они обмѣнивались лету-

чими записочками и депешами, если не представлялось случая встрѣтиться.

Но случаи шли навстрѣчу. Множество дѣлъ, множество поводовъ являлись сами собою, закруживая увлекательный водоворотъ чего-то *общаго*, что сближало открыто. Это давало узнавать другъ друга ближе, цѣнить глубже.

Они познакомились только этой осенью и сошлись скоро и искренно, безъ всякихъ затаенныхъ побужденій. Сошлись въ радостной солидарности, охватывающей людей въ кипучія эпохи: когда всѣ становятся общительнѣе, быстрѣе привязываются, равнодушнѣе расходятся. Въ такія эпохи всѣ—искренніе друзья или откровенные враги. Они стали друзьями.

Ей казалось, что всегда она думала такими мыслями, что давно въ ней зрѣли эти убѣжденія, которыя онъ радостно нашелъ въ ней.

Ольга Николаевна поднялась съ колѣнъ, разсѣянная и тревожная. Она выдерживала характеръ и не позволяла себѣ оглянуться ни разу больше. Такъ что подъ конецъ почему-то выросло сомнѣніе... первая яркая увѣренность заволоклась туманомъ: точно ли она видѣла Баскина? Не обмануло ли случайное сходство?

Все, что было дальше, проносилось смутно подъ учащенное біеніе пульса, подъ гложущее нетерпѣніе разъѣзда.

Старая графиня, наконецъ, потеряла терпѣніе и сама пробралась до своей любимицы, когда началось прикладываніе ко кресту.

— Vous n'allez pas me trahir, par exemple, pour cette digne conclave?—кивала она свѣтлыми перьями своей шляпки въ сторону важной старухи и ея свиты.

— Mais vous comprenez, я въ полномъ смыслѣ слова во вражескомъ станѣ! Bien sûr, on fait le compte de mes signes de croix.

— И по дѣломъ вамъ, упрямица! Je vous enlève, n'est-ce pas? Мы можемъ удалиться, слишкомъ долго.

Графиня поплыла къ выходу, раскланиваясь со знакомыми снисходительными кивками красивой, совершенно бѣлой головы. Она не переставала перекидываться черезъ плечо ядовитыми замѣчаніями.

— En voilà un qui est décidement incorrigible: il nous amène encore son monstre de nièce! Il pourrait bien nous faire grâce cette fois par amour à notre cher Empereur!... ma parole.

Конечно, ее многіе слышали, и она это знала, но дѣлала видъ, что не замѣчаетъ. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ, раскланявшись, присоединились къ нимъ. Молодежь, какъ всегда, забавлялась чужой дерзостью, завидуя безнаказанности титулованной матроны.

Извѣстно, что старая графиня З*** всегда окружена свитой са-

мой зеленой молодежи. За свои занимательныя выходки она безцеремонно взымала обильную подать въ пользу своихъ пріютовъ.

— Дорога въ гостиную графини З*** ведетъ черезъ кассу благотворительнаго общества, пародировали извѣстный отвѣтъ графини Монтихо императору французовъ.

— Tiens, старикъ Шумовъ?... c'est ça! — желтѣе и свирѣпѣе, чѣмъ когда-нибудь... C'est la bile, vous comprenez! Il ne pardonne pas au bon Dieu: онъ вѣдь былъ въ Лѣтнемъ саду и стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Комиссарова!

Графиня пріостановилась передъ худощавымъ старикомъ, дѣйствительно очень больного и суроваго вида,—и крикнула черезъ головы двухъ маленькихъ лицеистовъ, которые мѣшали подойти ближе.

— Ты что же это старыхъ друзей не признаешь, Олимпъ Петровичъ? Ну, Богъ проститъ... вхожу въ твое огорченіе!... Ты очень-то не придавайся,—на людяхъ и смерть красна, не ты одинъ!

Старикъ приложилъ руку къ уху, усиливаясь разслышать, но видѣлъ только, что кругомъ смѣются. Сѣрая бархатная накидка уплываетъ дальше, ныряя въ живыхъ волнахъ...

Надежды Ольги Николаевны не сбылись: Баскинъ не могъ или не хотѣлъ разыскать ее при разъѣздѣ.

Графиня усадила ее въ свою карету и послала одного изъ молодыхъ людей разыскать и отослать домой экипажъ баронессы Ферзенъ. Другого молодого человѣка она потребовала подъ окно кареты, уже отъѣхавъ нѣсколько сажень. На грязной мостовой, подъ накрапывающимъ дождемъ, среди возрастающей суеты разъѣзда, онъ получилъ порученіе «летѣть сію минуту къ нашему добрѣйшему князю» и попросить его непремѣнно, непремѣнно прислать растеній изъ его оранжерей для убранства зала къ завтрашнему молебну.

Ольга Николаевна, нѣсколько сконфуженная, изъ глубины кареты вознаграждала его своими улыбками за сосѣдство лошадиныхъ мордъ, грязныхъ колесъ и гарцующихъ жандармовъ.

— Eh voilà! ça veut dire—bacler vite son affaire. Экономія крупнаго расхода.

Старуха самодовольно раскинулась на штофныхъ подушкахъ своимъ тучнымъ тѣломъ, туго стянутымъ толстыми складками сѣраго шелка: Mais qu'est-ce qu'il y a donc, chère ange?... видъ у васъ «замыслёный», какъ говорятъ поляки... hein?...

Ольга очнулась. Она провела рукою по глазамъ и заговорила съ внезапнымъ жаромъ. О вчерашнемъ днѣ, о своихъ волненіяхъ и о негодованіи, которое она испытывала только что, выслушивая легке-

мысленныя и недобросовѣстныя сужденія общества. Она, которая такъ много сталкивается съ молодежью!...

Что же и цѣнила старая графиня всего больше въ своемъ молодомъ другѣ, если не эту глубокую способность быть всегда... на высотѣ момента! Хоть сама она и вошла, какъ не надо лучше, въ роль открытой либералки, рѣшительно безъ всякихъ предразсудковъ, однако, роль остается ролью благородной, безспорно—но подчасъ довольно-таки безпокойной и утомительной. Противъ воли сказывается цѣлая жизнь, прожитая безпечно, въ свое удовольствіе, и въ весьма большой отдаленности отъ какихъ бы то ни было «идей».

Графиня нуждалась въ томъ, чтобы кто-нибудь постоянно освѣжалъ для нея ея новое амплуа, чтобы ея усталость поддерживали молодымъ жаромъ и чистопробной энергіей. Подъ видомъ старческаго баловства и протежированія молоденькой женщинѣ—она, въ сущности, ловко проводила свое разбитое судно на буксирѣ новенькаго, съ иголочки, и снабженнаго всѣми новѣйшими приспособленіями.

Но и для баронессы Ферзенъ былъ не менѣе выгоденъ союзъ съ графиней З***, принадлежавшей къ сливкамъ петербургскаго общества, связанной со многими видными дѣятелями узами давнишней близости—подчасъ нѣсколько загадочной.

Случалось, правда, что «старые друзья» позволяли себѣ добродушно подтрунивать—entre quatre yeux—надъ непредвидѣнными метаморфозами. Но старая графиня знала, гдѣ умѣстны, а гдѣ и нѣтъ рискованныя сентенціи на тему возрожденія общества, женской эмансипаціи, меньшей братіи и пр., и пр. Въ концѣ-концовъ старые друзья рѣдко въ чемъ отказывали, по рыцарской тенденціи благовоспитанныхъ мужчинъ въ отношеніи воспоминаній юности.

Старая графиня и ея «адъютантша», какъ прозвали баронессу разныя мелкія сошки, развивали свою дѣятельность все шире и успѣшнѣе. Имъ случалось осуществлять такія затруднительныя затѣи, на которыя отвѣчали категорическимъ отказомъ власть имущіе.

Такимъ образомъ обѣ женщины искренно держались другъ друга, хоть, можетъ быть, и не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ въ той роли, какую играли.

VI.

— Dieu des dieux... est-ce assez fatigant après tout!...—жаловалась графиня.

Она отдала себя въ распоряженіе камеристки, ловко снимавшей съ нея накидку, шляпу, ботинки, на смѣну которымъ стояла наготовѣ у кресла пара мягкихъ, стеганыхъ туфель.

— Снимайте же вашу очаровательную шляпу, chère ange... Un bijou, je vous en félicite! и когда вы находите время заниматься туалетами?... Таинственность во всемъ? Не защищайтесь... c'est moi, qui vous applaudis! Не стоитъ отдавать себя въ руки толпы... Пожалѣйте мои старыя ноги, chérie, закурите. Сейчасъ намъ дадутъ шоколадъ, и тогда поговоримъ о дѣлѣ.

Ольга Николаевна достала тоненькую, душистую папироску изъ красиваго японскаго ящичка. Старуха притянула ее къ себѣ и поцѣловала нѣжную щеку.

Въ подобныя минуты усталости, распустившаяся, вытянувшись въ глубокомъ креслѣ и выставивъ свои распухающія ноги въ туфляхъ—графиня была безсильная старуха, нуждающаяся только въ отдыхѣ и покоѣ. Трудно узнать въ ней сановитую, сѣдую красавицу, предсѣдательствующую въ комитетѣ или приводящую въ восторгъ и трепетъ своимъ злымъ языкомъ въ салонахъ.

Шоколадъ подали тутъ же, въ кабинетѣ. Собственно говоря, это былъ роскошный дамскій будуаръ, переполненный драгоцѣнными, старинными вещами. Но его переименовали въ кабинетъ, съ тѣхъ поръ, какъ графиня сдѣлалась предсѣдательницей Общества. Она поставила въ простѣнкѣ мужской столъ необъятныхъ размѣровъ и заказала два шкафа съ выдвижными, пронумерованными ящиками.

Графиня пила маленькими глотками свой шоколадъ, курила и отдыхала.

А Ольга Николаевна, напротивъ, не чувствовала ни малѣйшей усталости. Въ ней все росло нервное возбужденіе. Затаенная горечь личныхъ разочарованій (съ *той* ночи—ничего кромѣ разочарованій!) безсознательно выливалась въ томъ, что она говорила о «нашемъ обществѣ» и о его «преступномъ» нежеланіи когда-нибудь научиться отводить каждому явленію только истинное его мѣсто. О!... она уже вчера не сомнѣвалась, что все будутъ валить въ кучу: и несчастную, окровавленную Польшу, и пресловутые пожары, и студентовъ, и нигилистокъ, и прессу!... Всего и всѣхъ бояться, спасаться, бѣжать.

Вѣдь все это перепутано какими-то фатальными чувствительными нитями въ головахъ—de toutes ces dames et de leurs dignes inspirateurs!

Ея супругъ вчера уже намекнулъ насчетъ ея пріемовъ по средамъ—ей предстоитъ выдерживать вторично ту же борьбу... Сломить ее не удастся—но когда же, наконецъ, мужчины признаютъ женскую самостоятельность?!...

Ольга Николаевна была очаровательна, когда она громила съ за-

пальчивой горечью, сверкая синими глазами и все ярче разгораясь подъ своими блѣдными левкоями...

Неизвѣстно, что дѣйствовало сильнѣе на графиню: музыка ли красивыхъ, смѣлыхъ словъ, или наслажденіе эстетическими впечатлѣніями, услаждавшими инстинкты старой эпикурейки?... Какъ бы то ни было, а такое одушевленіе подняло и ея собственныя силы.

У письменнаго стола, съ перомъ въ рукѣ, былъ составленъ списокъ лицъ, кому будутъ разосланы повѣстки. Отецъ Игнатій скажетъ «слово». Однако съ нимъ необходимо повидаться предварительно, чтобы внушить... Темой не должно быть только возмущеніе передъ неслыханнымъ преступленіемъ—оно черезчуръ очевидно!... Нужно что-нибудь вродѣ похвальнаго слова освободителю. Въ такую минуту можно забыть всѣ недочеты, всѣ ошибки! Нужно напомнить—сконцентрировать въ яркомъ узлѣ все, чѣмъ заслужена неумирающая признательность человѣчества. Напомнить кровную связь съ лучшими силами общества, которыми всюду и во всѣ времена осуществляется ростъ великихъ идей!... Вотъ что напомнить нужно жалкому, потерявшему голову русскому обществу, которое готово отречься отъ только что пройденнаго славнаго пути!

Слезы волненія брызнули изъ глазъ.

Графиня въ восторгѣ обнимала ее и умоляла набросать на бумагу то, что было такъ чудно сказано.

И вотъ мгновенно мелькнула мысль объ адресѣ. Тутъ же на молебнѣ собрать подписи.

— Садитесь и пишите: et que Dieu vous bénisse!—воскликнула графиня торжественно и растроганно.

Ольга Николаевна отступила смущенная.

Она?! но почему же не другой кто-нибудь? Кто-нибудь изъ мужчинъ... они знаютъ, какъ пишутся эти вещи.

Но графиня не хотѣла ничего слушать.

То и драгоцѣнно, что она *не знаетъ, какъ сочиняются эти вещи!*—въ ея словахъ выльется свободное, горячее чувство. Ихъ общество основано женщиной, состоитъ наполовину изъ женщинъ, такъ неужели же онѣ не могутъ обойтись безъ мужской рутины, чтобы выразить свои собственныя чувства?...

Никакой аргументъ не могъ быть убѣдительнѣе въ глазахъ баронессы Ферзенъ. Чтобы не мѣшать ея работѣ, графиня оставила ее одну въ кабинетѣ, а къ себѣ потребовала въ столовую Митеньку.

Митенька — недоучившійся семинаристъ, сынъ дьякона въ любимомъ имѣніи графини, состоялъ при ней личнымъ секретаремъ. Хоть онъ и не былъ достаточно представителенъ для того, чтобы за-

нимать эту должность официально, однако злая молва утверждала, что онъ былъ ея правой рукой также и во всѣхъ дѣлахъ общества.

Митенька давно привыкъ къ неяснымъ и путанымъ приказаніямъ своей патронессы. Ему вручёнъ былъ списокъ лицъ, которымъ доставить повѣстки, и онъ обязался разыскать отца Игнатія, гдѣ бы тотъ ни находился, и доставить его къ графинѣ, все равно въ которомъ часу. Къ тому времени адресъ будетъ написанъ, и отецъ Игнатій получитъ копію съ него. Въ его «словѣ» должны быть развиты тѣ самыя мысли, которыя составятъ адресъ общества.

Графиня была въ восторгѣ отъ удачнаго оборота нѣсколько щекотливаго вопроса объ инспирированіи отца Игнатія.

Все вообще—превосходно, она чувствовала себя центромъ завтрашняго дня.

VII.

Подъѣхавъ часу въ восьмомъ вечера къ дому на Мойкѣ, Сергѣй Львовичъ нашелъ у подъѣзда маленькую карету Ольги Николаевны и въ передней лакея въ выѣздной ливреѣ.

Нѣсколько секундъ Баскинъ держался обѣими руками за бортъ своего пальто въ нерѣшительности, но кончилъ тѣмъ, что сбросилъ его.

— Доложите... Я на минуту...

Лакей пошелъ съ докладомъ, а гость оправился передъ зеркаломъ. На улицѣ еще было свѣтло, но въ темной прихожей уже зажжены двѣ лампы.

Неуловимая перемѣна произошла въ лицѣ... Сергѣй Львовичъ выглядѣлъ моложе на нѣсколько лѣтъ. Вся мужественная красота этого лица выступала на первый планъ и стирала слѣды заботы и тревоги. Острый взоръ смягчился и туманился.

Послышались стремительные шаги. Онъ не сказалъ бы—самъ ли онъ открылъ эту дверь, или ее распахнули ему навстрѣчу.

— Вотъ какъ нынче—вы посылаете съ докладомъ?

Ольга Николаевна точно нехотя взяла протянутую руку, смотритъ исподлобья. Незнакомая неподвижность всегда играющаго лица.

— Но вы собрались куда-то — я вторгаюсь!... Я задержалъ васъ?—оправдывался гость, безпокойно приглядываясь.

Даже голосъ ея, ему казалось, звучитъ какъ-то странно.

Вмѣсто отвѣта хозяйка повернулась къ лакею и приказала отложить карету.

Баскинъ еще пытался протестовать.

— Вамъ угодно? вы въ самомъ дѣлѣ на минуту?...

Она глядѣла ему въ лицо пустыми глазами, и непріятная, любезная улыбка растягивала губы.

«Сердится?!... за что?...»

Онъ забылъ ей отвѣтить и безсознательно уже шелъ рядомъ по длинной амфиладѣ нарядныхъ комнатъ.

Раньше не выдалось у него часа свободнаго, чтобы заѣхать къ ней, и только сейчасъ, подъ нежданнымъ ударомъ холоднаго, натянутаго пріема—съ жуткой силой въ памяти вспыхнуло ихъ разставаніе два дня назадъ...

Невѣроятно!... Онъ вѣдь и въ самомъ дѣлѣ объ этомъ не думалъ. Спѣшныя свиданія, дѣловыя совѣщанія, волненія и нерадостныя предчувствія, опасенія—все это хлынуло и отнесло далеко.

Вырвался и очутился здѣсь безотчетно. Такъ ноги сами донесутъ туда, гдѣ наше мѣсто. Спѣшилъ къ своему дорогому, маленькому другу, чтобы, какъ всегда, подѣлиться всѣмъ пережитымъ. Не къ той женщинѣ, которую чуть не поцѣловалъ наканунѣ.

Сергѣй Львовичъ вдругъ все понялъ.

Да, онъ виноватъ! Она на него сердится—она должна сердиться!

Все, чѣмъ онъ такъ страстно жилъ эти два дня, осталось за порогомъ. Здѣсь охватывала и забирала въ свою власть интимная жизнь этихъ комнатъ—кабинета, куда она молча вела его. Эта ихъ общая жизнь оборвалась на жгучемъ моментѣ прощанія—естественно теперь она возобновляется съ оборваннаго момента.

Досадная *связанность* прокралась какъ-то нечувствительно въ ихъ милыя, пріятельскія отношенія товарищей по общему дѣлу. Эта испортившая ихъ досадная связанность достигла въ тотъ вечеръ высшей точки...

«Охъ, кажется, благоразумнѣе-то было не пріѣзжать и сегодня»...

Они пришли въ кабинетъ. Онъ замыкалъ длинную амфиладу и послѣ цѣлаго ряда скучно-парадныхъ покоевъ пріятно поражалъ своей простотой.

Темная мебель не кидалась въ глаза, разбросанная въ удобномъ безпорядкѣ. По самой серединѣ, наискось, будто сдвинутый сюда случайно, стоялъ письменный столъ, прижавшись къ спинкѣ большого, широкаго дивана. Къ нему прислонена низенькая, вертящаяся этажерка съ десяткомъ книгъ, которыя пріятно имѣть всегда подъ рукой. На двухъ круглыхъ столахъ, передъ диваномъ и между окнами, пестрѣли обложки русскихъ и иностранныхъ журналовъ. На стѣнахъ не было другихъ картинъ, кромѣ портретовъ политическихъ

дѣятелей и ученыхъ. На почетномъ мѣстѣ на мраморномъ пьедесталѣ—чудесный бюстъ Гарибальди.

Нигдѣ въ этой комнатѣ не было видно безполезныхъ изящныхъ вещицъ, составляющихъ традиціонную принадлежность свѣтской женщины. Не было пестрыхъ лоскутковъ старинныхъ или восточныхъ тканей, раскиданныхъ съ замысловатой небрежностью по мебели, не было даже растеній у высокихъ оконъ, наводнявшихъ свѣтомъ большую комнату.

Но въ эту минуту то былъ меланхолическій полусвѣтъ пасмурнаго апрѣльскаго вечера, и онъ еще усиливалъ жуткую стѣсненность молодой хозяйки и ея гостя.

— Какъ вы думаете, не велѣть ли сейчасъ зажечь лампы? Такъ скучно... ни день, ни вечеръ...

Она повела плечами, какъ отъ холода, и звукъ голоса въ этой комнатѣ сдѣлался еще болѣе нервнымъ.

— Или вы, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ торопитесь?—прибавила враждебно и опять начала непріятно улыбаться.

— Я не тороплюсь...—отвѣтилъ Баскинъ просто и смотрѣлъ съ упрекомъ.—Я понимаю, васъ должно было удивить, что я не уѣхалъ...

— Нѣтъ, почему же!... Я объ этомъ узнала вчера же. Вы такъ думали... и раздумали.

Губы хоть и дрожали, но упрямо улыбались иронически.

— Нѣтъ, не передумалъ, а меня задержали. На почтовый опоздалъ, а потомъ это случилось...

«Оправдывается?...»

— Очень удачно, что не успѣли уѣхать...

— Разумѣется. Сейчасъ вѣдь полетѣлъ бы обратно. Куда же вы уходите, Ольга Николаевна? одну минуту!... вы сердитесь? Да, да... я же это чувствую!...

Стыдно—безумно радостно!...

— Вы сердитесь?... говорите же!

— Н-нѣтъ... ахъ, не знаю я! Простились—а вы остались... Было такъ скучно... такъ пусто проснуться! Мнѣ сказали, что васъ встрѣтили... Видѣла въ соборѣ...

— Я васъ искалъ! Вы съ графиней уѣхали?...

— Да, мы писали адресъ.

— Что такое?!... Какой это адресъ?...

Что-то огромной волной схлынуло съ ея души. Въ груди дрожало отъ неудержимаго блаженнаго смѣха.

— Нѣтъ, нѣтъ... послѣ! Потерпите немного. Дайте мнѣ только распорядиться.

— Стойте, стойте!... одно слово... Мы помирились, да, да?... Это кончено—правда?... вы меня простили!

Вырвалось движеніе—точно онъ хотѣлъ схватить ея руки. Опомнился—покраснѣлъ и отступилъ назадъ.

— Какіе пустяки—развѣ мы ссорились?!...—выговорила она разсудительно, усиливаясь сдѣлать какое-нибудь прежнее лицо.

— Еслибъ вы не скрылись съ графиней, а поѣхали домой...

— Нѣтъ, я ухожу!—такъ конца не будетъ!

Она исчезла, сіяя счастіемъ. Въ этой самой комнатѣ они такъ мучительно прощались, казалось, такъ надолго. Опьяняющій дурманъ нежданной радости ударилъ въ голову.

. . . . . .

Оставшись одинъ, Баскинъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Взъерошилъ и опять пригладилъ свои густые волосы. Выправлялъ манжеты, оттянулъ воротникъ.

Онъ приглашалъ себя «просто собраться съ мыслями»—разобраться объективно—не вилять передъ собой.

Прогрессъ изумительный! были, какъ будто, устойчивѣе Сергѣй Львовичъ—не знали за собой какой-то шалой способности звучать въ унисонъ чужимъ волненіямъ! какъ мальчишка, поддаваться вихрю какихъ-то сюрпризныхъ, совершенно нелогичныхъ ощущеній!... Спрашивается: что случилось такого экстреннаго?... чѣмъ вы были удручены—отъ чего возликовали сію минуту?!...

Онъ досадливо передергивалъ плечами, точно чувствовалъ на нихъ непривычную тяжесть.

Нѣтъ—не мастеръ!... Прямо сказать—неуклюжій новичокъ во всѣхъ этихъ загадочныхъ, налетающихъ, какъ шквалъ, волненіяхъ... Да и къ лицу ли они ему—помилосердуйте, Ольга Николаевна!...

Онъ схватилъ на диванѣ брошенную англійскую книгу, съ вложеннымъ въ нее разрѣзнымъ ножичкомъ, и сталъ читать тамъ, гдѣ заложено. Дочиталъ страницу—и спохватился, что ничего не понимаетъ.

На письменномъ столѣ лежитъ раскрытая повѣстка комитета. Справиться кстати, когда засѣданіе? А!... какъ разъ въ день великосвѣтской свадьбы, отъ которой Ольгѣ Николаевнѣ уклониться такъ и не удалось.

Мудрено не вспомнить: изъ-за свадьбы произошло то неприличное столкновеніе супруговъ въ его присутствіи. Какъ иной разъ въ сіяющій лѣтній день вдругъ громыхнетъ изъ невидимой тучки, такъ затаенный, но всегда готовый антагонизмъ чувствъ и воззрѣній близкихъ людей прорывается собственной силой, когда не ждешь, не

могъ принять никакихъ мѣръ благоразумія. Слишкомъ хорошо Сергѣй Львовичъ это знаетъ по собственному семейному опыту.

Отвратительныя минуты! Съ тѣхъ поръ не проходило дня безъ того, чтобы онъ не вспоминалъ той сцены... Отдохнулъ только въ эти послѣдніе дни, отмахнувшіе властно все личное.

Какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ *тогда* стоялъ баронъ Ферзенъ. Онъ также поворачивалъ въ пальцахъ пригласительный билетъ, элегантно отпечатанный золотомъ на тончайшей костяной пластинкѣ. Баронъ отвѣчалъ неторопливо, негромко и несокрушимо на запальчивые и безпорядочные наскоки женщины.

А гость?... Гость былъ третьимъ въ этомъ поединкѣ, хоть никто къ нему не обращался, и самъ онъ не проронилъ ни одного слова.

Какая польза, что послѣ того Сергѣй Львовичъ не былъ на Мойкѣ больше недѣли? На засѣданіи комитета ему горько попеняли: «Развѣ такъ покидаютъ друзей въ хандрѣ?» Сталъ опять бывать.

Нѣтъ, *прежнее* не вернулось, несмотря на его повелительныя рѣшенія, несмотря на ея мучительныя усилія, которыхъ онъ не могъ не видѣть. Супружеская сцена залегла неизгладимымъ слѣдомъ. Это она унесла беззаботную прелесть перваго невиннаго тяготѣнія родственныхъ душъ!

Онъ велъ себя неровно, черезчуръ многозначительно. Конечно, не прощалъ себѣ этого—и не умѣлъ иначе. Но бывали минуты такого враждебнаго возстанія противъ незнакомой власти—такого прояснѣнія души—что онъ каждый разъ считалъ себя спасеннымъ. А на завтра опять *не понималъ ея* и чувствовалъ витающія надъ нимъ безформенныя угрозы.

Какъ понять ея непринужденность?—это явное *нежеланіе поступаться чѣмъ-нибудь,* какъ будто она обладала всѣми правами и другіе незаконно хотѣли у нея отнять ихъ—да, именно! именно такой былъ весь ея тонъ! Она льнула къ нему откровеннѣе прежняго. Она втягивала его все неудержимѣе во что-то безвольное. Впервые въ свою жизнь Баскинъ боялся.

Впервые кружится трусливо вокругъ области запретнаго, не подобающаго ему, съ его безупречнымъ прошлымъ человѣка, несчастнаго въ супружествѣ. Но развѣ не бывалъ онъ счастливъ въ другомъ?! развѣ не привыкъ давно къ мысли, что любовь на роду не написана!

Чужая загадочная власть, чужая воля неужели увлечетъ его противъ его убѣжденій, противъ совѣсти!...

Еще разъ онъ отпрянулъ въ негодованіи. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ нелѣпо преувеличиваетъ, перетолковываетъ по своей смѣшной неопыт-

ности съ женщинами. Непростительно путается въ этой тонкой и вѣчно вибрирующей натурѣ—попросту, не знаетъ, сколько должно быть отнесено на счетъ женской эмоціональности. Къ тому же тогда въ словахъ барона почудился намекъ, и его это лишило послѣдняго хладнокровія.

Прежній вѣрный тонъ ихъ пріятельскихъ отношеній самъ собою возстановится, если онъ будетъ держать себя въ рукахъ. Да, да! въ это *вѣрить* нужно, вѣрить прежде всего!

Сергѣй Львовичъ отбросилъ бумажку и возбужденно зашагалъ по комнатѣ, закинувъ руки за спину.

«Себѣ вѣрить нужно!—повторялъ онъ упрямо.—Что такое боязнь?—признаніе опасности; но коли такъ—опасность есть—тогда вѣдь все, все и давно надо было иначе! Вѣдь это не медвѣдь же, наконецъ, выскочитъ вдругъ изъ лѣсу,—это призракъ, рождающійся въ собственной нездоровой фантазіи. Поѣздка въ Москву сослужитъ хорошую службу, поможетъ стряхнуть дурманъ».

Вдругъ Сергѣй Львовичъ запнулся среди своихъ успокоительныхъ возгласовъ. То, что его грызло все время смутно, подъ сурдинкой, внезапно глянуло открыто въ глаза: кого это морочитъ онъ такъ усердно? Ну, а ихъ прощаніе два дня тому назадъ въ этой самой комнатѣ?...

Обоихъ трясла лихорадка. Что-то лепетали безъ умолку... Какія-то пустыя, безсвязныя рѣчи... а тутъ же безъ словъ вели другой разговоръ, страшно быстрый, окончательный...

Ну-съ? Или, можетъ быть, лучше сегодня: ея пріемъ—какая-то *ссора,* безъ того, чтобы было произнесено хоть одно явное слово... И такое же загадочное *примиреніе:* вотъ, сейчасъ только прыгало сердце!... Вѣдь это вы, Сергѣй Львовичъ, *просили прощенія* и въ ту минуту совершенно ясно ощущали свою вину!...

...Сію минуту она придетъ.

...Имѣете хоть какое-нибудь представленіе о томъ, какъ будетъ дальше?

...Что намѣрены вы говорить, дѣлать?

...Но вѣдь это же рабство—рабство!...

Баскинъ метался по комнатѣ.

Какое непростительное забвеніе собственнаго положенія, какое мальчишеское легкомысліе!

Былъ поглощенъ всецѣло другимъ, да! но тутъ не все, не все: онъ *изъ гордости признавать не хотѣлъ опасности.* И все время была гордость, какъ повязка на глазахъ.

Но какое право на гордость, развѣ онъ одинъ?!... Развѣ не обязанность беречь женщину—почти ребенка!...

Это онъ въ отчаяніи хотѣлъ внушить себѣ. Въ этой борьбѣ она никогда не казалась ему ребенкомъ. Она направляетъ—даетъ тонъ—она что-то знаетъ, когда онъ блуждаетъ ощупью.

Сергѣй Львовичъ все возвращался къ сегодняшней встрѣчѣ. Не могъ онъ осмыслить градаціи ощущеній, черезъ которыя его провели такъ внезапно и стремительно. Пришелъ сюда свободнымъ, а тутъ ужъ стерегло невидимое ярмо и легло на него всей своей тяжестью.

Въ немъ протестовала свободная воля человѣка, сжившагося съ душевнымъ одиночествомъ.

Чѣмъ же ты связанъ?

Прими рѣшеніе и уйди навсегда изъ этого чужого дома. Отъ этой чужой жены, которой ты даже еще не сказалъ, что ты любишь ее.

VIII.

Ольга Николаевна вернулась возбужденная.

— Простите! такъ васъ покинула. Должна была нянюшку мою отчитывать! Удивительно, до чего этотъ людъ взволнованъ событіемъ.

Баскинъ мгновенно пріободрился отъ нейтральной темы.

— Ну, не вездѣ! У насъ съ вами политика занимаетъ въ жизни первое мѣсто и никто ея не избѣжитъ. Въ каждомъ домѣ устанавливается свой специфическій духъ. У моего одного пріятеля художника его старый лакей могъ бы съ успѣхомъ побить нѣкоторыхъ нашихъ обозрѣвателей художественныхъ выставокъ.

— Но не угодно ли, съ чѣмъ эта старуха сейчасъ явилась ко мнѣ? Неужели я и *послѣ этого* буду пускать къ себѣ по средамъ всякій сбродъ. Вотъ-съ!

— Гм... самостоятельное обобщеніе.

— Да какъ еще! Всѣ въ голосъ увѣряютъ, что преступникъ студентъ—съ первой минуты!... Для меня бѣда сущая, что нянинъ племянникъ попался въ университетской исторіи и вольнослушатель. Теперь ей всюду мерещатся жандармы. Сергѣй Львовичъ, однако, что это вы какъ маятникъ сегодня? Присядьте же... И знаете что? Будемъ-ка мы съ вами «чаи распивать» по зимней памяти?

Оживленіе въ ея лицѣ уже смѣнялось другимъ. И его минутное успокоеніе сейчасъ же отвѣтно дрогнуло.

Сергѣй Львовичъ вспомнилъ, что онъ сегодня и не обѣдалъ, но онъ удержалъ всполошившуюся хозяйку: ѣсть не будетъ. Она же знаетъ, что въ такіе дни онъ совершенно лишается аппетита и сна.

— Чаю съ лимонцемъ выпью съ великимъ удовольствіемъ.

Ольга Николаевна задумалась, придерживаясь рукой за ручку замка. Мечтательное выраженіе, эта непередаваемая прелесть ея лица, сковало затихшія черты. Оно въ такія минуты напоминало много-много прекрасныхъ картинъ, хотя ни одну нельзя назвать.

— Это напомнитъ наши зимніе вечера... да?—выговорила она тихонько.

Синій взоръ медленно поднялся до его лица.

— Не знаю отчего... сегодня мнѣ до боли жаль того, что прошло...—договорила она еще тише. И опять не дождавшись никакого замѣчанія, толкнула дверь.

Баскинъ барабанилъ пальцами по столу, смотрѣлъ въ каминъ и мучительно усиливался придумать, что бы такого интереснаго разсказать хозяйкѣ, когда она вернется? Блѣдная усмѣшка застыла на его губахъ.

Но раньше хозяйки явилась молоденькая горничная Саша, взятая баронессой изъ пріюта, который она патронировала. Саша видомъ своимъ больше походила на барышню-любительницу, подвязавшую щегольской передникъ, чтобы изобразить на сценѣ горничную. Причесывалась она совершенно такъ же, какъ баронесса, копировала ея походку.

— Здравствуйте, Сергѣй Львовичъ,—поклонилась Саша на ходу совсѣмъ по благородному, и не спѣша принялась зажигать лампы, поднимающіяся отъ полу въ видѣ канделябра.

Она поглядывала искоса на гостя, невыказывавшаго сегодня охоты пошутить съ нею ласково, по своему обыкновенію.

«Не въ духѣ»,—рѣшила Саша.

— Угольковъ вамъ еще въ каминъ не подкинуть ли?—спросила она развязно.

— Кажется, не надо, благодарю васъ, Саша,—разсѣянно отвѣтилъ Баскинъ.

— Баронесса-то какъ обрадовались, что вы въ Москву не уѣхали! Понятное дѣло, новости хоть настоящія узнаемъ.

— Никакихъ новостей нѣтъ, кромѣ того, что всѣмъ извѣстно,—отвѣтилъ непривѣтливо гость.

Саша презрительно вздернула носикомъ.

— Чего вѣдь не наплели, и будто полякъ, и графъ будто какой-то переодѣтый. Удивительно даже какая темнота, всякому вздору вѣрятъ!... А Василій Петровичъ до того теперь у барона дѣломъ завалены, что даже слова отъ нихъ не добьешься.

Политическая бесѣда прервана была приходомъ хозяйки.

— Чаю, чаю намъ!—поскорѣе, Сашенька, пожалуйста, чаю! Оставьте каминъ, и безъ того жарко,—торопила она.

— Еще одинъ политикъ?—кивнулъ ей вслѣдъ Баскинъ, когда, наконецъ, Сашѣ ничего больше не оставалось, какъ удалиться.

— Ну, еще бы! вы не можете себѣ представить, какія я терплю неудобства съ этой интересной особой; а какъ мила, правда? И вообще... посудите—сколько же у меня опекуновъ! Графиня, при всемъ своемъ либерализмѣ, до слезъ озабочена спасеніемъ моей души. Дядя мой вотъ уже шесть лѣтъ предвидитъ, что я неминуемо погублю служебную карьеру барона. Сестра, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ торжественно отрекается отъ меня. Няня трепещетъ увидѣть свою питомицу въ участкѣ, и, наконецъ, Саша все еще не теряетъ надежды попасть въ мои интимныя наперсницы. Желали бы вы быть на моемъ мѣстѣ, voyons!?

Она загнула по очереди всѣ свои пальчики, и теперь ея улыбка сверкала веселымъ задоромъ, приводившимъ въ экстазъ ея сѣдовласыхъ поклонниковъ.

Но мрачный собесѣдникъ процѣдилъ сквозь зубы, не поднимая глазъ:

— Слишкомъ много опекуновъ. Но не пропустили ли вы самаго главнаго?

— Та опека едва ли не самая покойная изъ всѣхъ!

Разумѣется, Сергѣй Львовичъ страстно желалъ понять, что слѣдуетъ разумѣть подъ такими, почти грубыми, словами.

Но онъ повелительно удержалъ себя отъ дальнѣйшихъ шаговъ по скользкому пути. Безъ всякихъ вступленій или переходныхъ маневровъ, гость принялся припоминать одинъ любопытный примѣръ «нелѣпыхъ толковъ» изъ своей недавней практики мирового посредника.

Случай былъ интересный, но разсказчикъ, противъ обыкновенія, тянулъ его вяло и бездарно.

Его слушали съ недоумѣніемъ, опустивъ рѣсницы. Вѣдь въ сердцѣ у нея кипѣло все то же безоглядное, восторженное одушевленіе.

Онъ никуда не уѣзжалъ, не прошло и двухъ полныхъ дней, а гдѣ они уже сегодня? . . . . . .

Не помогутъ, не помогутъ послѣднія усилія, жалкія, отчаянныя, отстоять позиціи суроваго благоразумія.

Она видѣла ихъ, эти мужественныя и неумѣлыя усилія, и уже не боролась съ ними. Зачѣмъ, когда въ лицо вѣяла близость чего-то, что сильнѣе ея и его воли.

. . . . . .

Сама она не колебалась, для нея все рѣшено. Люди живутъ разно—она была изъ тѣхъ, которые живутъ въ страстномъ кипѣніи и никогда не возвращаются на разъ пройденный путь. Она знала лишь рѣдкія оглядки, вызванныя не привычкой къ смакованію собственныхъ ощущеній, а навязанныя повелительно жизнью. Но и такая оглядка была уже позади: въ той безсонной ночи, когда, проводивъ Баскина, она впервые вполнѣ сознательно погрузилась до глубины своихъ ощущеній.

И никогда еще она не чувствовала себя такъ тѣсно охваченной тисками жизни. Волшебный кругъ сходится все ближе и ближе, все тѣснѣе поле произвольныхъ движеній.

Духъ захватываетъ! Пусть же, пусть захватятъ скорѣе грозные и притягивающіе тиски. Пусть настанетъ новое, чего еще не знаетъ душа, къ чему мучительно рвется все ея существо.

. . . . . .

Но Сергѣй Львовичъ смущалъ ее. Ничего на его лицѣ нельзя прочесть, кромѣ—что *ликовать* рѣшительно нѣтъ причины. Въ милыхъ глазахъ—страдальческое выраженіе живого существа, раздираемаго надвое.

Сергѣй Львовичъ разсказалъ свой случай. Она что-то спросила, и онъ принялся разъяснять съ забавной предупредительностью. Но она не въ состояніи внимательно слушать, она не можетъ извлечь изъ своего ума ни одного вопроса больше.

Онъ уже затревожился. Каждая минута молчанія—точно провалъ...

И оба какъ будто по уговору не коснулись единственной темы, которая неизбѣжна, обязательна сегодня. Это потому, что той темы нельзя касаться машинально, какъ говорилось все въ этотъ вечеръ. И они инстинктивно защищались отъ нея, отъ всякой силы извнѣ. Внору каждому вѣдаться съ самимъ собой, довершая послѣдній мигъ борьбы.

Послѣдній. Это выросло въ сознаніи огромной тѣнью и окутало все.

. . . . . .

Она очнулась отъ звука откатившагося кресла. Баскинъ стоялъ передъ нею съ протянутой рукой, съ стиснутымъ темнымъ лицомъ.

— Вы меня простите великодушно за напрасное безпокойство... Я поѣду.

... А завтра—въ Москву.

Этого она ни на мигъ не забывала. Останется такъ, повиснувъ надъ пропастью!

— Отчего?...—сказала она, не давая руки, не думая вовсе о словахъ, отдаваясь безсознательно своей наступательной роли.

— Пора.

— Давно поздно, Сергѣй Львовичъ!

И радовалась рѣшительнымъ словамъ. Они являлись безъ выбора, сами собой. Нужно одно—не дать ему уйти.

И онъ понялъ что не уйти ему. Но въ послѣднемъ упорномъ усиліи,—молча склонилъ голову и пошелъ къ двери.

Тогда она остановила его, какъ рѣка, хлынувъ изъ береговъ, настигаетъ запоздавшаго бѣглеца.

— Молча!... такъ молча уйти!... Вы могли?... Ни одного слова... Чтобы я хоть знала, что съ вами сдѣлалось... какія у васъ мысли черныя... Нѣтъ, молча, молча!... Чѣмъ же я заслужила это?! скажите... Не надо, вижу, я все знаю сама. Кончено! кончена наша милая дружба... нѣтъ, и не было! Это я, безумная, сама выдумала. А теперь я больше не нужна вамъ.

Слезы брызнули изъ ея глазъ.

Они стояли посреди комнаты. Въ смятеніи, она крѣпко держала его за руки. Потомъ бросила ихъ, отшатнулась отъ него.

Тогда онъ обхватилъ ее обѣими руками и привлекъ, не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, протестуя противъ словъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! мой другъ... чудный другъ мой... Бога ради такъ не говорите, не терзайте! Еслибъ вы знали, какъ я постыдно слабъ... Вы знаете... видите... Вернусь, вернусь... Отпустите меня!... Я напишу изъ Москвы...

— Что?! Что вы мнѣ напишете?!—спросила она стремительно и вся откинулась назадъ, чтобы взглянуть въ его глаза, и почувствовала вокругъ себя сильныя руки—лежала въ его рукахъ.

— Что?!..

Они вдругъ порывисто обнялись, прильнули другъ къ другу.

— Куда?... Я не понимаю, куда можно уйти? На край свѣта, но развѣ вы не будете все тотъ же и я должна васъ любить? Развѣ могло это случиться, чтобы я не полюбила васъ?

Онъ очутился въ креслѣ, она—на колѣняхъ передъ нимъ. Руки ея лежали на его плечахъ. Близко придвинулось поблѣднѣвшее восторженное лицо, сіяли синія звѣзды.

— Говорите!... ну, скорѣе говорите! мое отдайте... *мое* — правду! Развѣ я не имѣю права знать правду? А-а-а-й хорошо, хорошо... Тогда говорите прямо, что вашей любви я не стою! Вы не хотите, чтобы я любила васъ...

— Только не ложь, нѣтъ!—недостойно насъ—люблю, люблю...

Онъ схватилъ въ обѣ руки склонявшуюся головку, и сіяющіе глаза сомкнулись подъ поцѣлуями.

Онъ хотѣлъ поднять ее.

— Нѣтъ! оставь... такъ, такъ! На колѣняхъ передъ тобой— это только правда! Я давно, давно на колѣняхъ передъ тобой, мой герой, мой учитель.

Она начала цѣловать его руки.

— Ольга!... Бога ради... Что же это, Ольга Николаевна. Мы сходимъ съ ума!... Надо же придти въ себя.

Она вскочила на ноги прелестнымъ движеніемъ, и вскинула въ воздухъ правую руку.

— Сердца наши! думы наши! дѣла наши!—всегда заодно, на всю жизнь! Вотъ моя клятва. Можешь ты ее повторить?

— Но наши жизни навсегда врозь.

Она взглянула на него съ ужасомъ.

Прижала къ губамъ стиснутыя руки, удерживая какія-то слова и кинулась на другой конецъ комнаты, къ окнамъ.

Баскинъ остался въ креслѣ, пригвожденный первымъ ошеломляющимъ разливомъ счастья.

...Да, счастья! Дайте счастья когда-нибудь!—своего личнаго, узкаго, *своего*— и ничего больше. Чего не испыталъ онъ во всю жизнь. Чѣмъ еще не жилъ до своихъ сѣдѣющихъ волосъ. Женатъ въ двадцать два года!

...Смутно, точно сонъ—очнулся и не хочешь вѣрить.

...Жизнь начиналась. Другая—широкая, общая, била свѣтлыми ключами, и ударъ скользнулъ, безсильный оставить незаживающую рану.

...Щедро было всякаго другого счастія, сколько успѣховъ, благородной гордости, надеждъ, упованій, сколько было дѣла!—дѣла, несущагося живыми каскадами, то крутящаго, то затирающаго зыбкими глыбами ледохода.

...Друзья. Женщины милыя, удивительныя, родныя. Отчего же ни одна изъ тѣхъ—раньше, когда онъ былъ моложе?

...Все другое казалось важнѣе. Грѣшно роптать изъ-за одного недочета и, видитъ Богъ, не роптали онъ: покорно, скрытно и застѣнчиво несъ свою долю.

...А теперь? Раны требуютъ исцѣленія. Больное сердце чувствительнѣе на ласку. Не мгновеніе побѣдителя, нѣтъ. Хорошо ему знакомо ощущеніе побѣды! не обмануть, не поддѣлать.

...Забыться!... Ласка... Жизнь полна борьбы,—одной борьбы. Ея ласка—любовь.

...Но вѣдь онъ только что едва не оттолкнулъ ея собственными

руками, безумецъ! готовъ былъ бѣжать какъ трусъ, и гордился бы подвигомъ.

...Скорѣе, скорѣе убѣдиться, что она проститъ, скорѣе выслушать опять, что любитъ.

. . . . . .

Ольга Николаевна стояла неподвижно, лицомъ къ окну, схватившись рукою за складки гардинъ.

Плачетъ она?

Вотъ она медленно повернулась и посмотрѣла подозрительно-испытующе въ самую глубину горящихъ глазъ.

...Ну что же? измѣрилъ онъ глубину бездны, которая ихъ раздѣляетъ? Пришелъ онъ въ себя? готово его рѣшеніе? Еще минута—это рѣшеніе разобьетъ ей сердце.

Каждый трепеталъ прочесть въ лицѣ другого роковой приговоръ.

...Что?... что?

Робкій умоляющій взоръ. И страхъ, и восторгъ, и безсознательная нѣжность, и мольба. Вотъ онъ!

Она вздохнула громко, глубоко и протяжно всей грудью и вытянула обѣ руки.

Онъ ихъ взялъ, сжалъ. Онъ ей отдавалъ себя, не споря больше. Сильный и мужественный, опаленный борьбой, этотъ человѣкъ въ волненіи ждалъ ея перваго слова. Онъ готовился принять счастіе изъ полудѣтскихъ рукъ женщины, благоговѣющей передъ его умомъ и волей. Онъ не смѣлъ рѣшать страшнаго вопроса ихъ будущихъ отношеній и вѣрилъ, что рѣшитъ она.

Онъ ждалъ. И комната, воздухъ, она—наполнялись невидимой дрожью, какъ дрожитъ зной въ смутной дали лѣтняго полдня.

— Не надо безразсудныхъ обѣтовъ... гдѣ взять намъ здравыхъ мыслей сегодня... въ эти минуты!—шептала она, довѣрчиво прижавшись къ нему: развѣ мало знать, знать! надо привыкнуть къ счастью.

— О! страшно легко привыкнуть. Къ прошлому возврата нѣтъ. Теперь отречься, отказаться—ни у кого нѣтъ такихъ силъ.

Она вздрогнула и отвела его руки.

— Что вы сказали... Отказаться? да какъ же это дѣлается, какъ? Знаете вы? Забыть... но вѣдь вы живы, не мертвый. Гдѣ бы вы ни были, вы все тотъ же, и я должна васъ любить. Самый благородный, самый честный, самый добрый—вамъ, вамъ моя любовь! Она *моя*—я не собственность! Живого человѣка нельзя отнять у кого-то; Бога ради, хоть вы не повторяйте этого позора, и даже вашей собственностью я быть не хочу!

Отрадно внимать торжественной правдѣ словъ и не идти дальше. Развѣ то не святая правда?

То была не вся правда. Но въ мигъ, который они переживали, довольно этой правды.

Они разстались. Безъ поцѣлуевъ и страстныхъ словъ, простились не какъ только что объяснившіеся любовники, а какъ испытанные давнишніе друзья, заключившіе еще новый союзъ.

Легче разстаться на торжественныхъ словахъ, прозвучавшихъ порукой безупречности.

IX.

Городъ сіялъ иллюминаціей, устроенной съ небывалымъ одушевленіемъ.

Всѣ дома свѣтились, унизанные сверху донизу цѣпочками горящихъ на окнахъ свѣчей. Мѣстами свѣчи щедро укрѣплялись на подоконникахъ сплошными рядами.

Среди живой зелени растеній, въ пестротѣ яркихъ драпировокъ, бѣлѣли бюсты и возвышались портреты, освѣщенные канделябрами, а за неимѣніемъ ихъ—пирамидами изъ свѣчей.

Надъ задрапированными подъѣздами и балконами газовые транспаранты вензелей переливались отъ вѣтра бѣглыми огненными струйками, точно кто-то проворно тушилъ и снова зажигалъ свѣтлые язычки въ задорной игрѣ.

Апрѣльская ночь придавала фантастическую красоту борьбѣ огней съ ея прозрачнымъ полумракомъ.

Около тротуаровъ весело сновали дворники, молодцы изъ лавокъ и какіе-то юркіе мальчуганы, съ увлеченіемъ занятые подливаніемъ сала въ плошки и шкалики. Черная вонючая копоть минутами окутывала толпу. Отсюда же сыпались на проходящихъ остроты и крѣпкія словечки, здѣсь былъ центръ веселья и остроумія.

Толпа ползла мимо густой лѣнивой струей, перебрасываясь шуточками и наивно радуясь каждой новой затѣѣ.

Бенгальскій огонь, хлопушки, пылающая тротуарная тумба, шарманка подъ воротами, гармоника, искусно наяривающая забористый трепакъ—все одинаково вызывало одобрительное гоготанье сѣрой русской толпы, не избалованной зрѣлищами и не одаренной природнымъ вкусомъ.

Чѣмъ ближе къ Невскому проспекту, тѣмъ движущаяся живая стѣна становилась непроницаемѣе, а иллюминація богаче и изящнѣе. Зеркальныя стекла то и дѣло загорались цвѣтными огнями. Окна

щеголяли причудливой пестротой и изяществомъ декораціи, нѣкоторыя выдѣлялись обиліемъ зелени и цвѣтовъ. Въ одномъ окнѣ, словно солнце, пронизывалъ яркій снопъ бѣлыхъ лучей, на радостное изумленіе зѣвакъ. На Невскомъ прекращена была ѣзда; толпа двигалась прямо по мостовой. Всѣ побочные, узкіе притоки сливались здѣсь въ одну широкую, могучую рѣку.

Но вотъ, далеко гдѣ-то поднялся глухой, неясный рокотъ. Быстро усиливаясь, онъ все явственнѣе разливался по волнующейся, живой рѣкѣ и слился, наконецъ, въ одинъ восторженный ревъ. Рѣка раздалась на двѣ стороны, напирая на тротуары, тѣсня и давя. Крики, визгъ, брань потонули въ общемъ торжествующемъ воплѣ.

Баскинъ, прижатый къ стѣнѣ, различалъ какое-то движеніе на серединѣ улицы, видѣлъ взлетавшія въ воздухѣ шапки. Потомъ произошла новая сумятица — и разомъ стало просторнѣе. Живыя волны сомкнулись, но часть ихъ отхлынула въ ту сторону, куда уносились крики.

Сергѣй Львовичъ выбрался на середину тротуара и снова отдался теченію. Разговоры сдѣлались оживленнѣе, лица становились возбужденнѣе. Едва ли былъ кто-нибудь въ этой многотысячной толпѣ, кто бы не испытывалъ на себѣ страннаго, вмѣстѣ и опьяняющаго и парализующаго, давленія массы.

Впереди, позади, плечо къ плечу, всюду, куда хваталъ глазъ, толпа шла не спѣша, не выбирая, отдаваясь беззаботно—куда влекло. Шла, жадная до всякаго новаго впечатлѣнія, покорная малѣйшему толчку. Люди двигались, не замѣчая усталости, помня лишь смутно свои насущныя заботы. Шли, развлеченные и удовлетворенные тѣмъ, что и они здѣсь, со всѣми вмѣстѣ.

Случайные сосѣди, чужіе, не выдерживали и перекидывались замѣчаніями. Едва знакомые, стоклнувшись, приходили въ восторгъ и дѣлились впечатлѣніями горячо, какъ близкіе друзья; рѣдко кто шелъ въ одиночку, но едва ли не больше, чѣмъ кто-нибудь, этотъ одинъ не принадлежалъ себѣ.

Баскинъ любилъ толпу. Его всегда охватывало хорошее, бодрящее чувство.

Сегодня же такая исключительная, такая фантастическая обстановка совсѣмъ особенно подошла къ душевному состоянію. Все, что онъ пережилъ только что, все, что прошло по душѣ такъ ярко и бурно—отступало мягко и нечувствительно, сливаясь съ широкой, праздничной картиной ликующаго города. И онъ могъ перевести духъ, не ощутивъ мучительнаго диссонанса.

Въ душѣ царило первое, благодатное умиленіе любви, еще ни-

чѣмъ не смущенной. Онъ бережно несъ въ своей груди это *новое*, что въ немъ не было вчера, но безъ чего онъ уже не могъ представить своего завтра... Онъ ни о чемъ не думалъ. Инстинктивно онъ отстранялъ размышленіе, со всѣмъ, что оно должно принести ему.

Едва ли, однако, это удалось бы такъ же легко въ обыденныхъ условіяхъ: еслибъ онъ тащился теперь домой на извозчикѣ по безлюднымъ и темнымъ будничнымъ улицамъ. Но Сергѣй Львовичъ шелъ пѣшкомъ, увлекаемый возбужденной, веселой толпой,—глаза невольно разбѣгались по сторонамъ, впечатлѣнія блеска и ликованія ложились на душу...

Вотъ донеслись откуда-то взрывами звуки музыки, еще заглушаемые другими, ближайшими звуками. Толпа радостно насторожилась,—правда, именно этого и нехватало, музыки!

На разукрашенномъ балконѣ углового дома маленькій оркестръ съ увлеченіемъ доигрывалъ торжественный финалъ изъ «Жизни за царя»... Толпа радостно притихла. Потомъ, будто сговорившись, разомъ обнажила головы. Аплодировали, держась отчаянно на мѣстѣ до послѣдней возможности, пока не смывали насильно новыя, нетерпѣливыя волны.

Движеніе въ тѣсной толпѣ создаетъ случайную обстановку, съ которой удивительно какъ легко свыкаешься. Огненная улица медленно проплываетъ мимо, развертываясь волшебной декораціей. Спереди, сбоку и сзади, отъ начала и до конца остаются одни и тѣ же примелькавшіяся лица, безъ возможности обогнать ихъ или надолго потерять изъ виду.

Двѣ молоденькія барышни, въ мерлушковыхъ шапочкахъ на коротких волосахъ и съ темными платками на плечахъ, плывутъ объ руку, болтая безъ умолку. Случайно онѣ взглянули на красиваго сосѣда, и потомъ не разъ вскидывали на него оживленными глазками.

Шага на два впереди неизмѣнно торчитъ голова старика подъ затрепанной военной фуражкой, съ краснымъ носомъ и неопрятнымъ колючимъ подбородкомъ. Старикъ, повидимому, идетъ одинъ, но все время сыплетъ громогласно злыми, брюнчливыми замѣчаніями...

За спиной Сергѣя Львовича тянется съ перерывами какой-то курьезный разговоръ, къ которому онъ невольно начинаетъ прислушиваться. Пожилая женщина, въ суконномъ салопѣ и свѣтломъ шелковомъ платкѣ на головѣ, тащитъ подъ руку молодого малаго въ разстегнутомъ драповомъ пальто. Малый замѣтно навеселѣ. Не разберешь,—оттого ли тянетъ онъ слова такъ нестерпимо въ носъ, что мысль отказывается работать быстрѣе, или же это дѣлается единственно ради того, чтобы придать имъ больше значительности? А

словечки все какъ на подборъ, такого сорта, что не грѣхъ ими покрасоваться.

— Н-ни само-малѣй-шаго отноше-нія! Скорѣе же под-вохъ извѣстнаго сор-та!

— Ты такихъ словъ про своего родителя немоги говорить!— дернула его за рукавъ женщина.

— Не суть важно!... Родитель у каждаго имѣется... Нѣтъ, ты обще-ствен-ное довѣріе заслужи, вотъ что!... Убѣжденія свои докажи... вотъ!

— Кому это? Тебѣ, что ли, доказывать?

— П-паз-вольте... вы этого не понимаете. Очень просто! Соль земли! У васъ оно въ Евангеліи, что ли, сказано.

— Батюшки! Да про кого оно сказано-то? Опамятуйся, прочухайся, тебѣ говорю! Какъ отцу на глаза покажешься?

— Не слиш-комъ нуждаемся! Предпочитаю общество передовыхъ людей... Ин-тил-лиген-ція!

Барышни въ пледахъ оглянулись, и одна громко фыркнула. Малый пріосанился и поправилъ шляпу на головѣ.

— Не жа-лаю вашей по-одлой эксплуатацыей!

— Ахъ, батюшки свѣты, что понесъ!

— Пор-р-рабощеніе труда!

— Гляди, городовой-то близехонько! Давно въ части не ночевалъ!

— По к-какой причинѣ?... Слова изъ своей головы никому не возбраняется!

— Лобъ-то на церковь перекрести, не видишь? Господь о тебѣ, пропащемъ, печется. Мало ли вчера народу на томъ самомъ мѣстѣ сбилось? Такъ и отецъ разсудилъ: «По какой, говоритъ, причинѣ костромичъ? Отчего Осипомъ звать? Вижу, говоритъ, въ семъ Божеское произведеніе и для того ради прощаю сына моего, Осипа!»

— Это преступниковъ прощаютъ. Отъ убѣжденій моихъ не отрекусь! Совѣсть моя п-р-р-ротестуетъ!

Словечко энергически прокатилось надъ толпой. Барышня не выдержала и крикнула черезъ плечо:

— Молодой человѣкъ, остерегитесь! Здѣсь не мѣсто кричать объ убѣжденіяхъ!

Баскинъ перехватилъ ея негодующій взглядъ.

— Совсѣмъ пьянъ!—улыбнулся онъ успокоительно.

Барышня нахмурилась.

— Помилуйте, чего подобный субъектъ не нагородитъ, если его заберутъ!

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека!—выкрикнула вдругъ зловѣще военная фуражка.—Какъ это вамъ покажется? Дѣвицы въ нѣжной юности и въ какія дѣла путаются?

— Вотъ страшилище-то!—покосилась на него смѣшливая барышня и потянула въ сторону свою товарку.

— Слезами обливалась, батюшка. Сле-за-а-ами обли-валась!—донеслось чье-то пѣвучее восклицаніе.

— Чья правда? Нѣтъ-съ, вы попомните, что я говорилъ вамъ въ послѣдній-то разъ? Прошу васъ покорнѣйше припомнить?—вырвалось откуда-то понизу таинственная скороговорка мужского голоса...

Черезъ нѣсколько минутъ Баскинъ свернулъ въ одну изъ большихъ боковыхъ улицъ, но и тутъ нескоро нашелъ извозчика.

Только позвонивъ у своего подъѣзда, Сергѣй Львовичъ почувствовалъ, наконецъ, сильнѣйшую усталость. На сердцѣ лежалъ новый, сладкій гнетъ счастья. Завтра, завтра имъ жить! Сегодня весь запасъ душевныхъ силъ казался растраченнымъ до капли.

X.

Вѣрочка Баскина и сегодня, какъ вчера, не вернулась домой къ обѣду. Столъ накрыли по обыкновенію къ шести часамъ, но никто за него и не садился. Сергѣя Львовича съ утра не было дома; хозяйка заперлась у себя въ спальнѣ. Настасья Петровна предпочла поѣсть не чинясь въ буфетной, среди привольнаго раздолья кухонныхъ разговоровъ.

Сладко вздремнувъ послѣ обѣда, она испила чайку и, подъ охраной прачки Феклуши, отправилась смотрѣть иллюминацію. Старуха попробовала было увлечь съ собою и дочь, совѣтуя ей хоть на извозчикѣ прокатиться, чтобы освѣжить больную голову, но это ни къ чему не привело. Изъ-за запертой двери отозвалось только трагическое восклицаніе, гласившее, что Марьѣ Григорьевнѣ тошно видѣть Божій свѣтъ, не то что иллюминацію.

До поздняго вечера въ домѣ царила мертвая тишина. Вѣрочка вернулась послѣ восьми по черному ходу и засѣла у себя.

Въ десятомъ часу Марья Григорьевна перешла изъ спальни въ кабинетъ мужа. Она спросила стаканъ холодной воды и освѣдомилась мимоходомъ про барышню. Звонка не было. Задавая свой вопросъ, мать не только ждала, что отвѣтъ будетъ отрицательный, но, не странно ли? Именно такой отвѣтъ и былъ ей нуженъ въ эту минуту: то, что Вѣрочка уже вернулась, сдѣлало досадное впечатлѣніе неудачи.

Марья Григорьевна почувствовала также, что вовсе не хочетъ пить сырую воду на тощій желудокъ, и даже совершенно явственно ощутила приступъ здороваго аппетита. Однакожъ, она сурово отказалась отъ предложеннаго ей разогрѣтаго обѣда—отвергла, какъ оскорбленіе, горячій чай и тутъ же, въ наказаніе, выпила залпомъ весь стаканъ воды. Послѣ этого ее стало тошнить, и она опять расплакалась, съежившись и дрожа отъ холода въ глубокомъ мужскомъ креслѣ.

Она не думала больше о Вѣрочкѣ и ея неповиновеніи, ни о томъ, какъ устроить заграничную поѣздку, въ которой видѣла теперь все спасеніе. Она плакала какъ-то обо всемъ вмѣстѣ: о близкомъ и далекомъ, о важномъ и мелкомъ.

...О безрадостно отлетавшей молодости, о блестящемъ замужествѣ, не давшемъ счастія... О равнодушномъ человѣкѣ, который вѣчно кипитъ самыми возвышенными чувствами—и не любитъ только ее, жену свою!... Все знаетъ, все на свѣтѣ умѣетъ понять—кромѣ самыхъ простыхъ, самыхъ законныхъ ея требованій...

Воспоминанія тѣснятся въ памяти. Спутываются... роятся, подгоняя другъ друга. Вотъ, ее, молоденькую, больную, бросаютъ одну въ деревнѣ осенью, потому что неотложныя дѣла призываютъ мужа въ Москву. О, вѣдь дѣла всегда неотложны! Рѣшительно всегда дѣла важнѣе, чѣмъ ея просьбы, желанія, ея страданія! Послѣ избалованной, роскошной юности дома, никогда ея желанія имъ ни во что не ставились.

Несмотря на всѣ протесты, мольбы,—все равно былъ проданъ за полцѣны ея любимецъ, Лучъ, сѣрый въ яблокахъ... Отцовскій, ея заводъ, весь понемногу распродали, закрыли ея заводъ, который она любила больше, чѣмъ людей! И всегда, точно онъ право имѣетъ такъ поступать: «противъ моихъ убѣжденій», но вѣдь ея былъ заводъ, отца ея!... Теперь ужъ и наемнаго-то экипажа не держатъ сколько лѣтъ.

Въ сущности, эта женщина давно успѣла свыкнуться со всѣмъ. Однако, при каждомъ столкновеніи съ мужемъ или съ дочерью, она оплакиваетъ все сначала... Скорбная эпопея старыхъ обидъ, разочарованій и первыхъ ссоръ всегда живетъ въ ея душѣ, незанятой ничѣмъ другимъ, кромѣ горестнаго созерцанія этой доли и невозможности примиренія. И нѣтъ такой мелочи, такой вздорной подробности, которую бы она рѣшилась, наконецъ, уступить прошлому.

Черезъ пятнадцать лѣтъ она видитъ передъ собой то бархатное платье, съ котораго, по ея мнѣнію, начался уже настоящій *разрывъ*. Она принуждена была отказаться отъ великолѣпнаго бала,

гдѣ ждали Дворъ. Боже мой, отъ чего только потомъ ей не пришлось отказываться!...

...Такъ и быть... Жизни не вернешь, все равно, но дальше, дальше, что ждетъ ихъ? Состояніе совершенно разстроено,—служба не прочна при усиливающейся реакціи... давно косо смотрятъ, а Вѣра въ конецъ отъ рукъ отбивается. Дочь тоже отняли; научили мать въ грошъ не ставить, сдѣлали изъ нея урода какого-то... Ничего, ничего въ Вѣрочкѣ нѣтъ такого, что она любила!...

Слезы лились, лились, какъ изъ неизсякаемаго ключа. Скорбными воспоминаніями нервы можно довести до совсѣмъ особеннаго распаленнаго состоянія, гдѣ является дикая жажда новыхъ мукъ... Собственная судьба представляется точно со стороны, и своя рука съ увлеченіемъ накладываетъ черныя краски...

Въ прихожей позвонили.

Баскинъ такъ не ждалъ застать жену у себя въ кабинетѣ, что вздрогнулъ, увидя ее.

— Случилось что-нибудь?!—бросилъ онъ на-ходу и прошелъ мимо нея къ своему столу.

Жена не отвѣтила. Она еще не очнулась отъ своихъ грёзъ наяву.

...Красивый, молодой! Развѣ мужчины старѣютъ преждевременно, какъ ихъ жены... Развѣ этотъ зналъ болѣзни, неволю, скуку, одиночество.

Слезы опять щекочутъ глаза, горло,—хоть она знаетъ, какъ не нужно слезъ.

Герой драмы, о комъ она прогрезила весь этотъ день, стоялъ передъ нею въ свѣтѣ двухъ свѣчей и, слегка подавшись впередъ, старался вглядѣться въ ея темный уголъ.

— Ты плакала?

И на лицо легла тѣнь. Теперь это лицо уже не было молодо. Въ глазахъ проступило что-то неподвижное, чего въ нихъ не было весь этотъ день.

...Тонъ, вопросъ, взглядъ, поза—все, все одна сплошная обида.

Чувствуя, что удержаться не сможетъ отъ досады на себя, отъ обиды, Марья Григорьевна зарыдала съ безразсудной горечью.

— Да, давно не было!—вырвалось у него съ тѣмъ стенящимъ вздохомъ, съ какимъ измученный поденщикъ берется за постылую ношу.

Рѣзко, какъ подкошенный, онъ упалъ въ свое дубовое кресло и закрылъ глаза. Въ послѣдній мигъ до того, что грозитъ сейчасъ начаться, промелькнула большая комната, освѣщенная высокимъ канделябромъ съ фарфоровыми лампами. Посреди комнаты тоненькая

женщина въ гладкомъ платьѣ провожаетъ его прощальной улыбкой. Синіе лучи ея глазъ...

Картина пропала такъ же быстро, какъ явилась. Она не принесла ему бодрости.

— О чемъ ты плачешь, Маша? — спросилъ Сергѣй Львовичъ покорнымъ голосомъ.

Не открывая глазъ, онъ отыскалъ упоръ для головы на высокой спинкѣ.

Нельзя вообразить ничего болѣе *чужого*, чѣмъ эти закрытые глаза. Всегда приводитъ ее въ бѣшенство... Вѣдь это нарочно, нарочно не видѣть ея муки, чтобы отъ нея уйти! Всегда, всегда онъ такъ отъ нея уходитъ.

— Не все ли равно для тебя, о чемъ плачу! Ты собрался, кажется, дремать?

Жена нервно разсмѣялась и встала съ своего кресла, пожимаясь отъ холода. Онъ открылъ глаза и смотрѣлъ на нее.

— Я тебя спрашивалъ два раза.

— Да, да!... Успокойтесь. Я поджидала васъ здѣсь, *въ вашемъ святилищѣ*, не для того, чтобы докучать тѣмъ, ну, не обо мнѣ говорить, однимъ словомъ...

Онъ понялъ, что она, должно быть, хорошо вооружена на этотъ разъ. Но странно, въ немъ самомъ вдругъ не оказалось привычныхъ силъ для борьбы. Шевельнулся только какой-то инстинктивный ужасъ передъ малѣйшимъ грубымъ прикосновеніемъ... Одно желаніе: оградить свой внутренній міръ отъ этого существа.

Сергѣй Львовичъ замѣтилъ, что теперь поздно, — онъ очень усталъ. Не отложитъ ли она разговора до завтра?

А! Ее не спрашиваютъ, устала ли она! А если съ самаго утра у нея маковой росинки во рту не было? Голова мутится отъ боли, сердце на клочки разрывается! Какъ ему угодно, а выносить это дальше она не станетъ. Нѣтъ силъ глядѣть, какъ дочь гибнетъ, какъ въ конецъ отъ рукъ отбивается... Всякій благоразумный человѣкъ нашелъ бы средства заставить дѣвчонку повиноваться, но вѣдь ему все равно: онъ заботился не о томъ, чтобы Вѣра отца съ матерью уважала, а чтобъ у нея «*характеръ выработался!*».

— Ну и радуйтесь, выработался!... Дальше идти уже некуда... Теперь ужъ лучше заранѣе освѣдомляться, какъ и что Вѣрѣ Сергѣевнѣ угодно—меньше обиды, чѣмъ отъ собственнаго ребенка такіе афронты терпѣть!...

Баскинъ уныло слушалъ, опустивъ голову на руки.

LIBRARY UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

— Вчера убѣжала на глазахъ, не послушалась... Пропадала до вечера... И сегодня тоже вернулась недавно... У себя запирается...

Въ сущности, во всемъ этомъ мало новаго. Отецъ понималъ, что минута подошла горячая. Вѣрочка дома, спитъ теперь, должно быть. Онъ не переживаетъ тревоги цѣлаго дня, когда ея нѣтъ и никто не знаетъ, гдѣ она. У него совсѣмъ иное, чѣмъ у нея, отношеніе къ дому и улицѣ.

Мать назвала это равнодушіемъ и оскорбилась вдвойнѣ. Въ какія-нибудь пять минутъ она выбросила безтрепетно всѣ *страшныя слова*, которыхъ онъ такъ боялся, и надѣялся избѣжать своимъ молчаніемъ.

Что-нибудь одно: или онъ оправдываетъ во всемъ свою ненаглядную Вѣрочку, или хоть этотъ одинъ разъ пусть заступится за нее. Нѣтъ, вѣдь *не за нее*—только за мать!

Возбужденіе все росло... Но почему-то оно не сообщалось ему на этотъ разъ... Сергѣй Львовичъ былъ на себя не похожъ. Всегда вспыльчивый и рѣшительный, онъ какъ-то мялся, уклонялся.

Внѣ себя, не зная больше, что придумать, жена крикнула, что онъ жалкій трусъ, онъ *боится* собственной дочери! Въ немилость у Вѣрочки попасть боится! Вѣдь она, того и гляди, и съ нимъ разговаривать не пожелаетъ.

Баскинъ вспыхнулъ и рѣзкимъ, знакомымъ ей движеніемъ повернулся въ креслѣ, такъ что оно хрустнуло подъ нимъ.

— Маша, постыдись, до чего ты доходишь, наконецъ? Чего ты отъ меня требуешь, скажи вразумительно. Прошлаго не вернешь! Я завтра, разумѣется, объясню Вѣрѣ.

— Ха-ха-ха, онъ *объяснитъ!*... Ха-ха-ха, вотъ утѣшилъ-то!

— Что же наконецъ, на замокъ запирать прикажете?

— Увезти изъ Петербурга, вотъ что сдѣлать! Вырвать скорѣе изъ этой шайки, пока не случилось чего-нибудь.

Тутъ случилось, что Марья Григорьевна ни въ какомъ случаѣ не могла ожидать: мужъ не остановилъ ея на первыхъ же словахъ, не отказался категорически слушать ея «фантазіи». Все такъ же пассивно, все въ томъ же странномъ, непривычномъ для него состояніи безсилія, Сергѣй Львовичъ выслушалъ до конца планъ жены—и тутъ же со всѣмъ безпрекословно согласился.

...Деньги? Онъ достанетъ. Какъ Вѣру уговорить? Придется, разумѣется, употребить маленькую хитрость, иначе ее не увезешь теперь... Врачи, напримѣръ, могутъ предписать Марьѣ Григорьевнѣ перемѣну климата.

Никогда еще жена не одерживала такой быстрой и полной побѣ-

ды. Она была сражена этимъ больше даже, нежели обрадована: не то не вѣрилось какъ-то... не то неловко становилось отъ черезчуръ сильнаго crescendo своего собственнаго натиска.

Съ измученнымъ, наплаканнымъ до пятенъ лицомъ, съ растерзанными нервами и распаленной головой, она усиливалась теперь говорить спокойно. И слышала сама, какъ голосъ дребезжитъ. Хотѣла быть кроткой, не терять достоинства, но переходила каждую минуту противъ воли къ всегда готовому раздраженію застарѣлыхъ обидъ.

Ему то было мучительно жаль ее, то коробило отъ вульгарныхъ интонацій, отъ этого непріятнаго трепетанья всей нервной системы, такъ давно знакомаго, такъ дорого ему стоившаго!... Она ушла, наконецъ, заручившись всѣми обѣщаніями.

Оставшись одинъ посреди комнаты, Баскинъ зажалъ глаза рукою. Глаза горѣли, голова кружилась или, можетъ быть, ему казалось, что она должна у него кружиться.

Все складывалось по новому съ страшной внезапностью. *Тамъ* его стойкость разбилась въ прахъ о чужую рѣшительность (можно ли помѣшать другому быть рѣшительнымъ!). Здѣсь старое точно спѣшитъ стушеваться, какъ будто даетъ дорогу...

Не вѣрилось, что онъ это не во снѣ видѣлъ: жена, дѣйствительно, только что сидѣла здѣсь, она ждала его для того, чтобы потребовать этой поѣздки, о которой никогда раньше даже и рѣчи не было. И все кончено, рѣшено меньше чѣмъ въ часъ времени!...

Подъ этой быстрой развязкой ко всеобщему удовольствію скрывалось что-то особенно тревожное... Гдѣ-то у него «неладное», онъ это зналъ. Забывъ усталость, Сергѣй Львовичъ занялся сейчасъ же дѣловой стороной вопроса. Разыскалъ въ столѣ записную книжечку, взялъ листъ бумаги и погрузился въ вычисленія, наморщивъ брови.

...Вѣру на исправленіе въ Европу... Гм... чему же, однако, ее тамъ станутъ обучать? Хорошимъ манерамъ, что ли? Точно шайка вредныхъ друзей исчезнетъ съ лица земли за эти нѣсколько мѣсяцевъ. Странные пути женской мысли (пятьсотъ рублей, да триста шестьдесятъ восемь... да двѣсти семьдесятъ пять... сто сорокъ долой).

...Да-а... но вѣдь не возражалъ по существу ни однимъ словомъ? За границу прокатиться—не велико наказаніе... На свѣтъ Божій поглядѣть... (сто двадцать пять, да двѣсти тридцать). Отчего же всетаки не обусловить ея согласіемъ? Бѣдная дѣвочка, вотъ тебѣ и «уваженіе правъ личности!» Распорядились какъ вещью... Для ея блага...Ну, какъ же иначе-то! Охъ, гуттаперчевое это издѣліе, благо ближняго.

Сергѣй Львовичъ отбросилъ свои выкладки и рѣзко поднялся со стула.

...Радъ-радехонекъ. И деньги найдутся, кое-что отложить, да кое-кому отказать,—глядишь, должокъ и выплаченъ... А до осени хоть у той же Полины Львовны перехватить...

Онъ машинально прибралъ на столѣ, какъ всегда, и взялъ свѣчу, чтобы идти спать.

...Тоска грызетъ все сильнѣе! Худого ничего не случилось для Вѣрочки, только полезно и пріятно. Живого матеріала наберется, отрѣшится хоть на время отъ ихъ кружковщины—засасываетъ вплотную, незачѣмъ глаза на это закрывать. А спорами да ссорами тутъ ничего не сдѣлаешь... Упряма она, кажется, черезчуръ ужъ. Молода...

Глаза его не прояснялись. Удручало свое внутреннее отношеніе къ внезапной поѣздкѣ. Не прямое отношеніе, никогда раньше съ нимъ не бывалое.

...*Съ первой минуты разговора все сознавалъ.* Ни разу не подумалъ честно, словами о семъ удобнѣйшемъ оборотѣ семейныхъ обстоятельствъ... И тутъ же, со всевозможной поспѣшностью, нежданный подарокъ свободы уже закрѣпленъ...

...Развѣ прежде не было бы тяжко, почти невыносимо разстаться съ Вѣрочкой надолго?...

...А *обманутъ ее*, драгоцѣнную дочурочку, — развѣ, развѣ такъ было бы до сегодняшняго дня?!...

...«Въ новую фазу бытія вступаете, другъ Сергѣй Львовичъ... Дипломатія, интриги, хитрости, плѣнъ... Только—ваше ли это оружіе, почтенный? Еще не разъ нарветесь, порѣжетесь больнехонько... и Бога благодарите, коли больно придется одному...»

Свѣча потушена, но онъ забылъ спустить темную гардину. Блѣдный призракъ весенней ночи скользнулъ въ комнату. Томилъ нервы, какъ туманный намекъ... Какъ само жуткое невѣдомое будущее.

Никогда, во всю его жизнь, никогда еще будущее не было до такой степени невѣдомымъ, какъ въ эту бѣлую ночь.

Ольга Шапиръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ РАЗСКАЗОВЪ ПОЛЯ БУРЖЕ.

Негръ.

I.

Атмосфера успѣха чувствовалась въ тотъ вечеръ въ огромномъ залѣ и въ коридорахъ стараго Одеона, который еще разъ опровергалъ шутливую легенду о кладбищѣ, распространяемую злопамятными поэтами или бульвардье, находившимися въ постоянной враждѣ съ лѣвымъ берегомъ Сены. Всѣ еще помнили забавную выходку Готье относительно нѣсколько неопредѣленнаго положенія директора Одеона.

Первое представленіе новой пьесы, бытовой комедіи подъ названіемъ «Невѣста», было, напротивъ, тріумфомъ. Журналы того времени были, начиная съ этой недѣли, наполнены похвальными отзывами.

Пьеса была подписана ни больше, ни меньше, какъ именемъ Жака Турнада, одного изъ внуковъ изобрѣтателя «свѣчи Турнада».

Это значило, что молодой драматическій писатель считался обладателемъ девяти или десятимиліоннаго состоянія, а милліонеръ въ десятой степени, занимающійся литературой,—явленіе не совсѣмъ обыкновенное! Злые языки говорили, что онъ покупаетъ свою славу по двадцати луидоровъ за строчку. Но во всякомъ случаѣ навѣрное невозможно купить всю залу. Аплодисменты, которыми встрѣченъ былъ первый актъ и которые встрѣчали уже начало второго, были слишкомъ оживленны и слишкомъ единодушны, чтобы не быть искренними. Въ антрактахъ можно было слышать обмѣнъ мнѣній, за сосѣдними столиками кафе Вольтеръ,—сужденія, которыя предсказывали пьесѣ многолюдное сотое представленіе.

— Нечего сказать, мой другъ, пьеса этого Турнада прошла очень мило.

— И она настолько хороша, что едва ли принадлежитъ ему.

— А кому же? Онъ богатый человѣкъ и обладаетъ большимъ талантомъ, только и всего.

— Почему же этого таланта такъ мало было въ его первой пьесѣ, въ этой «Розѣ Жюльянъ», которая не собрала и десяти франковъ?

— А почему Дюма-сынъ дебютировалъ такими ничтожными романами? Но не стоитъ спорить. Первый актъ можетъ оказаться простымъ потѣшнымъ огнемъ, и если остальное плохо, то я разгромлю его такъ же искренно, какъ сейчасъ защищалъ начало. Вы будете имѣть возможность констатировать, что я не подкупленъ.

— Что за фантазія!...

— Да, да... Очень многіе изъ нашихъ собратьевъ не рѣшаются хорошо отзываться о романѣ или пьесѣ, если они написаны богатымъ человѣкомъ... Они боятся, чтобы не обвинили ихъ въ томъ, что они получили за это хорошую плату. Я не получаю этой платы, но я думаю то, что пишу, и пишу то, что думаю.

Пьеса имѣла всѣ данныя, чтобы произвести если не большой эффектъ, то, по крайней мѣрѣ, извѣстное впечатлѣніе. Но такъ какъ это было уже лѣтъ десять тому назадъ, и тріумфы первыхъ представленій и даже сотыхъ окончательно забываются уже въ слѣдующемъ сезонѣ, то не безполезно было бы напомнить ея содержаніе: нѣкую невѣстку ненавидитъ ея свекровь, о которой она знаетъ страшную тайну. У этой свекрови была нѣкогда связь съ лучшимъ другомъ ея мужа. Этотъ другъ—отецъ ея сына. Невѣсткѣ хотѣлось бы изобличить свою гонительницу, но она узнаетъ, что ея псевдосвекоръ все зналъ и молчалъ, благодаря сыну, который хотя и не былъ его, но онъ обожалъ его, и невѣстка молчитъ тоже, чтобы не портить отношеній между мужемъ и тѣмъ, кого онъ считаетъ своимъ отцомъ.

Въ комедіи было также немного и того буржуазнаго духа, которымъ проникнутъ разсказъ, можетъ быть, шедевръ Мопассана — «*Pierre et Jean*». Если бы драматическимъ критикамъ, болтавшимъ въ антрактѣ, пришло въ голову такое соображеніе, для котораго никогда не имѣется времени въ этомъ спѣшномъ ремеслѣ, то они предложили бы себѣ слѣдующій вопросъ: гдѣ и когда Турнадъ, двадцатишестилѣтній литераторъ-любитель, выросшій въ утонченной атмосферѣ, въ которой вращалась и его семья, могъ проникнуться правами, совершенно противоположными нравамъ крупныхъ промышленниковъ, которые задаютъ шикъ въ Парижѣ?

Литературный талантъ, какъ и изящество,—даръ чисто благопріобрѣтенный. Онъ встрѣчается у сына крестьянина, какъ и у сына

дворянина, у сына бѣднаго лавочника, и у сына спекулятора милліонера.

Внукъ «свѣчки Турнада» могъ инстинктомъ пріобрѣсти изящество Донне, веселость Капюса и остроуміе Лаведана. Но никакой инстинктъ не могъ дать ему понятія о правахъ. Чтобы извлечь изъ извѣстной среды совокупность крупныхъ и мелкихъ чертъ, составляющихъ ея внутреннюю физіономію, нужно или глубокое знаніе ея, или продолжительная тѣсная связь съ ней, или же безошибочная интуиція генія. Но если первый актъ «невѣстки» и изобличалъ хорошаго драматическаго писателя, то въ самомъ писателѣ не было замѣтно и слѣда присутствія высшаго мастерства.

Встрѣчая Жака Турнада во всѣхъ ночныхъ ресторанахъ и примыкающихъ къ нимъ торныхъ притонахъ, зная, какую жизнь онъ велъ и зная также его безалаберность, критики могли удивляться, что такой правдивый колоритъ былъ разлитъ во всѣхъ сценахъ этой комедіи. Конечно, молодой человѣкъ началъ рано писать. Онъ сочинялъ стихи въ восемнадцать лѣтъ, журнальныя статьи въ двадцать, романъ—въ двадцать два года и пьесу «*Роза Жюльянъ*», о которой уже говорилось, въ двадцать три. Эти опыты не имѣли ничего общаго съ сильнымъ и законченнымъ письмомъ, которое обличало, кромѣ того, необыкновенное знаніе сцены. Въ этомъ и заключались основанія оспаривать происхожденіе пьесы, гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ четыреста тысячъ годового дохода. Никто не думалъ объ этомъ въ большомъ залѣ, все больше и больше загоравшейся энтузіазмомъ, по мѣрѣ того, какъ шло представленіе... Занавѣсъ упалъ послѣ второго акта, при тѣхъ же дружныхъ рукоплесканіяхъ, причемъ ни одинъ изъ зрителей не подозрѣвалъ, что за кулисами, параллельно съ комедіей на сценѣ, разыгрывалась драма; героями этой драмы были—авторъ — или «такъ называемый» авторъ—пьесы, имѣвшей такой успѣхъ, и ея главный исполнитель, игравшій роль обманутаго мужа, Планто, «папочка» Планто, какъ фамильярно звали его въ Каботенвиллѣ, среди артистовъ, хотя ему было лишь немного за пятьдесятъ; но онъ былъ всегда такъ дружески простъ и добродушенъ; въ немъ такъ ясно сквозила искренняя, признательная и добрая натура, что это прозвище осталось за нимъ еще съ двадцати пяти лѣтъ, когда онъ въ первый разъ выступилъ на подмосткахъ по выходѣ изъ колледжа, гдѣ готовился къ судебной дѣятельности. Планто принадлежатъ къ старинной коммерческой и буржуазной фамиліи. Вы еще можете видѣть, если попадете когда-нибудь на улицу Булуа, слѣдующую вывѣску на фасадѣ одного изъ домовъ: «Планто и Шарденъ», «тюль и аграманты». Артистъ выросъ въ квартирѣ, которую зани-

малъ теперь его племянникъ. Его готовили къ судебной дѣятельности, которую простодушные негоціанты считали блестящей, но онъ былъ настоящимъ парижаниномъ. Онъ слишкомъ молодымъ попалъ въ театръ, увлекся сценой,—и вотъ онъ актеръ, вмѣсто того чтобы быть сельскимъ нотаріусомъ.

II.

Я только что говорилъ о кулисахъ. Въ дѣйствительности объясненіе, еще болѣе бурное, чѣмъ діалогъ изъ «Невѣстки» и изъ многихъ другихъ пьесъ, происходило въ уборной «папочки» Планто, между нимъ и подписавшимися подъ пьесой, въ то время, какъ оканчивался второй актъ. Разговоръ начался слѣдующей фразой, которую Планто шепнулъ на ухо автору, пришедшему поздравить его, когда, среди громкихъ «браво», онъ сошелъ со сцены:

— Зайдите ко мнѣ въ уборную, Турнадъ; мнѣ нужно вамъ что-то сказать... сейчасъ же.

Взглядъ, которымъ сопровождалось это тихо произнесенное заявленіе, поразилъ счастливаго юношу, упоеннаго восторгомъ и самыми опьяняющими въ мірѣ ощущеніями, которыми театръ такъ быстро награждаетъ побѣдителей: онъ чувствовалъ, что становится знаменитымъ.

Не больше, чѣмъ въ теченіе получаса, во время перваго антракта ему пришлось пожать триста знакомыхъ и незнакомыхъ рукъ поклонниковъ успѣха. Вокругъ него всѣ лица, начиная съ лица директора и кончая лицами простыхъ машинистовъ выражали почти животное удовлетвореніе и, какъ говорится, «дышали счастьемъ». Всѣ, причастные къ такого рода успѣху, чувствуютъ себя такъ, какъ будто всѣ разомъ выиграли въ лотерею. Какую тайную струнку задѣла неопредѣленная, но вполнѣ естественная просьба Планто, въ сердцѣ тріумфатора очевидно выигранной битвы? Улыбка удовлетвореннаго тщеславія тотчасъ исчезла съ тонкихъ и хищныхъ устъ молодого человѣка, прикрытыхъ рыжеватыми усами. Блескъ его свѣтло-голубыхъ холодныхъ глазъ померкъ. Его досада была, должно быть, очень сильна. Если бы кто-нибудь наблюдалъ за нимъ, то онъ увидѣлъ бы, какъ сжалось подъ тонкимъ сукномъ вечерняго фрака худое тѣло преждевременно истощеннаго вивёра. И вдругъ,—было это притворство или проявленіе воинственнаго инстинкта, неизвѣстно,—выраженіе надменности сдѣлало непроницаемой эту сухую физіономію, получившую почти полное сходство съ лицомъ дѣдушки Турнада, основателя богатства Турнадовъ,—«Турнада—вора», какъ называли

его въ мірѣ дѣльцовъ. Но только, уже черезъ два поколѣнія, дикая кровь хищнаго животнаго оскудѣла. Въ тѣлѣ остались только большія кости, съ которыхъ точно слѣзли мускулы и мясо. Не измѣнились лишь челюсти и душа. Этотъ «наслѣдникъ огромнаго состоянія, являвшій зрѣлище столь разумнаго употребленія своего богатства», — говоря газетнымъ слогомъ,—въ борьбѣ за литературную славу долженъ былъ пустить въ ходъ очевидно тѣ же самыя средства, которыми пользовался дѣдъ для добыванія милліоновъ. Почему онъ ухватился за такую странную фантазію?

Но откуда берутся всѣ формы тщеславія. Зачѣмъ какой-нибудь денежный мѣшокъ, которому до пятнадцатаго вѣка столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга, бѣгаетъ смотрѣть Ботичелли и Гирландайо? Зачѣмъ другой, который всю жизнь не могъ отличить шведской лошади отъ ирландской, завелъ себѣ бѣговыя конюшни? Зачѣмъ свѣтская дама, далеко не твердая въ орѳографіи, мечтаетъ о славѣ Жоржъ-Зандъ или г-жи Сталь, и берется за перо, чтобы писать извѣстные намъ романы? Никогда не нужно искать мотивовъ этихъ маній самолюбія. Достаточно для нихъ какого-нибудь пустяка,—зависти, разговора, услышаннаго въ юности, встрѣчи. Для Жака Турнада мотивомъ была дружба въ колледжѣ съ однимъ изъ Кандалей, очень извѣстнымъ аристократомъ, талантливое перо котораго доставило ему извѣстность послѣ перваго же сборника его разсказовъ, которые еще не забыты. Жакъ мысленно задался цѣлью всюду соперничать, еще съ пятнадцати лѣтъ, съ молодымъ человѣкомъ, имя котораго его ослѣпляло, а менеры унижали. Тотъ писалъ. Жакъ сталъ тоже писать, или заставлять писать за себя. Дальше мы увидимъ, какимъ необыкновеннымъ способомъ.

Но когда на «картѣ литературныхъ странъ» доходишь до «негрской провинціи», то ничто уже не удивляетъ. Нужно ли объяснять названіе «негръ», которымъ профессіональный жаргонъ окрещиваетъ тѣхъ, кто предоставляетъ другимъ подписываться подъ ихъ стихами и прозой? Есть «негры» поэзіи, и есть «негры» популярныхъ фельетоновъ и психологическихъ романовъ. Они есть и для драмы и для комедіи. Кто не пойметъ, какую аномалію должны представлять изъ себя отношенія между поставщикомъ и нанимателемъ, когда «негръ», человѣкъ искренній и талантливый,—что иногда случается,—вынужденъ бываетъ продать въ минуту крайности свои лавры?

Чтобы объяснить содроганіе Жака при обращеніи къ нему Планто, скажемъ теперь же, что послѣдній былъ «негромъ» молодого милліонера и авторомъ «невѣстки», поставленной въ этотъ вечеръ и проведенной имъ же самимъ съ такимъ успѣхомъ. Пьеса была напи-

сапа актеромъ вся цѣликомъ, и рукопись продана за нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ. Сейчасъ объяснится какъ и почему.

III.

Жакъ подумалъ, услышавъ фразу Планто и овладѣвъ своимъ волненіемъ, что секретъ сдѣлки былъ узнанъ. Актеръ могъ сколько угодно давать слово, что рукопись никто не читалъ и онъ сжегъ потомъ рукопись, хотя Турнадъ позаботился самъ переписать всю пьесу, испещривъ ее примѣчаніями. Но наказаніе такихъ контрактовъ, какъ слишкомъ безправственныхъ, и кроется въ ихъ же безправственности. Человѣкъ, способный купить право подписаться подъ произведеніемъ другого, считаетъ этого другого способнымъ разсказать всѣмъ о сдѣлкѣ. Съ другой стороны, двадцатипятилѣтній малый съ такимъ доходомъ, какъ у Турнада, и жаждущій при этомъ славы, дѣлается мишенью для бандитовъ, оперирующихъ вокругъ рекламныхъ предпріятій. Прославляемый авторъ «Невѣстки» уже слишкомъ часто долженъ былъ защищаться отъ слишкомъ сильныхъ «толчковъ», чтобы не бояться даже во время тріумфа,—пожалуй, главнымъ образомъ во время тріумфа,—подвоховъ шантажистовъ, такъ забавно очерченныхъ перомъ одного изъ нихъ, умершаго потомъ въ лѣчебницѣ:

— Но это шантажъ, милостивый государь,—сказалъ ему одинъ банкиръ, которому онъ показалъ оттискъ диффаматорской статьи, присланной въ его журналъ однимъ изъ нуждающихся сотрудниковъ, который за хорошую сумму соглашался взять статью обратно.

— Шантажъ?—отвѣтилъ тотъ.—Фи, какое непріятное слово. Это просто «фигура умолчанія».

Первой мыслью Турнада было то, что Планто проболтался объ истинномъ происхожденіи пьесы, это дошло до ушей пройдохи мелкой прессы; угроза написать статью,—и бѣдный актеръ готовился во всемъ признаться.

— По крайней мѣрѣ лишь бы ему самому не вздумалось сдѣлать маленькій и немножко грубоватый подходъ къ моей чековой книжкѣ? Посмотримъ...

Мысль о такомъ недостойномъ поступкѣ сильно противорѣчила тому, что Жакъ зналъ о своемъ «негрѣ». Онъ, однако, считалъ ее возможной. Затѣмъ онъ поднялся на второй этажъ къ небольшой уборной, на которой написано было имя Планто. Внизу какой-то театральный шутникъ написалъ мѣломъ: «Браво, папочка!» Артистъ разговаривалъ съ однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фигурантовъ, которые постоянно льнутъ къ театральнымъ знаменитостямъ, съ ста-

рымъ и бѣднымъ голякомъ, котораго онъ тотчасъ отпустилъ, какъ только Турнадъ постучался въ дверь ложи:

— Приходите въ другой разъ, милый Марешаль... Сейчасъ у меня нѣтъ времени, абсолютно нѣтъ времени... Такъ, пожалуйста... Мнѣ нужно поговорить вотъ съ этимъ господиномъ. До свиданія.

Старикъ, въ знакъ послушанія, сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ приниженныхъ жестовъ, которыми бѣдные просители смягчаютъ холодность пріема, противъ которой не смѣютъ протестовать.

— Я долженъ былъ просить его подождать,—проговорилъ Планто, обращаясь къ самому себѣ, когда ушелъ Марешаль.—У него было такое выраженіе лица, съ какимъ онъ собирается обыкновенно занять у меня двадцать франковъ, иногда ему и его женѣ бываетъ нечего ѣсть... Бѣдняга Марешаль!... Я былъ съ нимъ нетерпѣливъ... Это нехорошо... Вы угадали почему, Турнадъ?...

На этотъ разъ онъ обратился уже къ посѣтителю, который отвѣтилъ ему своимъ флегматически насмѣшливымъ тономъ:

— Я? Меньше всего на свѣтѣ.

— Какъ!—настаивалъ актеръ,—эта возбужденная зала, этотъ успѣхъ, огромный успѣхъ, ничего въ васъ не вызвалъ, ничего не внушилъ вамъ? Ничего? Вы не говорили себѣ, слушая, какъ я и мои товарищи произносили фразы, которыя всѣми подхватывались: «эти фразы не мои. И эта пьеса тоже не моя. Есть одинъ простодушный актеръ, мечтой котораго всю жизнь была мечта стать драматургомъ. До сихъ поръ ему не удавалось поставить пьесу, которая удержалась бы на сценѣ. На этотъ разъ пьеса удержалась!... Она удержалась!... И появленіе этого шедевра—потому что это шедевръ,—буду праздновать я, я, которому стоило только пойти къ директору и отнести ему рукопись? Ну, Турнадъ, отвѣчайте же. Да, или нѣтъ, возможно это? Возможно?

Онъ говорилъ это, бѣгая изъ конца въ конецъ по ложѣ, точно звѣрь, запертый въ клѣткѣ. Нервность его шаговъ и голоса обнаруживали сильное волненіе, которое его охватило. Онъ съ трудомъ связывалъ слова, повторяя ихъ съ той настойчивостью, въ которой чувствуется желаніе взять собесѣдника за воротъ. Контрастъ между этой лихорадочностью и холодностью, съ которой молодой человѣкъ продолжалъ молчать, былъ разительный:

— Говорите тише,—сказалъ онъ, наконецъ, совершенно просто,—или вы рѣшили нарушить ваше слово?

— Это правда,—отвѣтилъ актеръ, понижая тонъ и падая въ кресло,—правда, я далъ вамъ слово.

— Вы признаете это?—продолжалъ Турнадъ.—Было совершен-

но лишнее заставлять меня придти сюда да еще такимъ образомъ, что легко было привлечь на себя вниманіе. Разъ вы рѣшили сдержать ваши обѣщанія, то что это за волненіе, и на что вы разсчитываете?

— Я не разсчитываю ни на что,—сказалъ Планто.—Я только слишкомъ сильно страдалъ сейчасъ, и думалъ, что васъ это тронетъ, если вы все узнаете... Пока я игралъ, я чувствовалъ, что меня охватываетъ возбужденіе, которое сильнѣе моей воли... Я видѣлъ себя пишущимъ эту пьесу... Вы не знаете, съ какими воспоминаніями она связана... Я вамъ никогда объ этомъ не говорилъ. Тему для этой драмы я взялъ изъ жизни сосѣдей моей семьи, въ Шатенэ, гдѣ у насъ было имѣніе... Эта невѣстка—первая женщина, которую я любилъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, она и не подозрѣвала этого. Прошлое ожило во мнѣ вмѣстѣ съ мечтами о литературномъ поприщѣ, которыя я лелѣялъ въ эти годы. Да, я мечталъ, когда поступилъ на сцену, быть тѣмъ, чѣмъ былъ Мольеръ—о, я заходилъ далеко!—быть актеромъ и драматургомъ одновременно, какъ и онъ.

Но я, однако, не былъ такъ глупъ, чтобы думать, что я могу писать хорошія пьесы и играть въ нихъ, какъ онъ писалъ и разыгрывалъ «Жеманницъ», «Плутни», «Больного»... Наконецъ, эта мечта осуществилась.

Но въ какихъ условіяхъ, и что это за насмѣшка судьбы? Мнѣ было горько думать, что въ моей жизни всегда чего-то недоставало... Были поставлены три мои пьесы,—всѣ три провалились. Я не могъ ихъ поддержать, потому что онѣ давались въ театрахъ, въ которыхъ я не служилъ. Наконецъ, я написалъ пьесу, которая прошла съ успѣхомъ; я играю въ ней главную роль, и для публики—она не моя. Ну, Жакъ, въ васъ нѣтъ развѣ добраго порыва? Пріобщите меня къ этому успѣху. Я не прошу у васъ ничего невозможнаго: только позволить мнѣ объявить въ концѣ, что пьеса написана вами и Шарденомъ. Шарденъ—дѣвическая фамилія моей матери. Одно слово завтра въ газетахъ, что мы втайнѣ сотрудничали вмѣстѣ, и что передъ тріумфомъ вы пожелали объявить объ этомъ сотрудничествѣ... Это не отыметъ у васъ ни атома славы... Будетъ считаться, что я только помогалъ вамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Вы будете сами наслаждаться благородствомъ вашего поступка. А я буду не вполнѣ лишенъ того, на что имѣю, однако, право,—авторскаго успѣха. У меня въ головѣ уже складываются другія пьесы. Директора не выпроводятъ меня больше, когда я обращусь къ нимъ съ просьбой прочитать ихъ... Ахъ, вы не отвѣтите мнѣ: нѣтъ!

— Если бы я отвѣтилъ, да, — сказалъ Турнадъ холодно,—я

былъ бы такимъ же безумцемъ, какъ вы. Какъ вы, который знаете Парижъ, могли даже допустить подобную мысль? Вы воображаете, что мы оба сейчасъ пойдемъ и разскажемъ въ фойе объ этой маленькой сдѣлкѣ, послѣ того, какъ пьеса репетировалась въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и мы не проронили объ этомъ ни слова?... Всѣ спросятъ себя: что такое произошло? Что это значитъ? А завтра явятся репортеры къ вамъ и ко мнѣ и пойдутъ комментаріи? Потому,—и его голосъ зазвучалъ еще неумолимѣе,—я не принимаю этихъ соображеній. Да или нѣтъ, явились вы полтора года тому назадъ въ мой рабочій кабинетъ со своей рукописью, когда я даже не былъ знакомъ съ вами лично? Разсказывали вы мнѣ тогда, что у васъ есть братъ коммерсантъ, дошедшій до банкротства, которому необходимо было въ двадцать четыре часа достать десять тысячъ франковъ? Прибавили вы, или нѣтъ, что неудачныя биржевыя спекуляціи поглотили ваши сбереженія и вы уже забрали впередъ часть жалованья въ театрѣ? Говорили вы, или нѣтъ, что вы написали комедію и предлагали вы мнѣ ее купить? Увѣряли вы меня, или нѣтъ, честнымъ словомъ, что объ этомъ трудѣ вы не разсказывали ни одной живой душѣ, приводя мнѣ въ доказательство то, что вы хотѣли представить пьесу директору подъ другимъ именемъ, въ виду предыдущихъ неуспѣховъ, которые дискредитировали васъ, какъ драматурга? Я попросилъ у васъ два часа на прочтеніе пьесы. Было десять часовъ. Въ двѣнадцать вы вернулись, и я далъ вамъ чекъ на десять тысячъ франковъ. Приняли вы его или нѣтъ? Если бы чиновникъ банка, куда вы предъявили чекъ, отвѣтилъ вамъ, что у г-на Турнада нѣтъ свободныхъ десяти тысячъ въ депо, то у васъ не нашлось бы достаточно сильныхъ выраженій противъ этой погрѣшности по отношенію къ одному изъ двухъ главныхъ пунктовъ нашего договора. Потому что ихъ было два: я долженъ былъ тотчасъ заплатить деньги, вы—отдать мнѣ комедію. Я исполнилъ свою обязанность, исполняйте и вы вашу. Я еще слышу, какъ вы плакали о вашемъ братѣ и говорили о честности Планто-Шарденовъ, о вашихъ буржуазныхъ традиціяхъ, о чести фамиліи... Честь фамиліи заключается въ выполненіи своихъ обязательствъ. Выполняйте ваши... Или же...

— Или же?...—переспросилъ актеръ, поднимаясь и съ вызывающимъ видомъ подходя къ собесѣднику.

— Или...

Турнадъ не докончилъ фразы. Кто-то постучалъ въ дверь ложи. Онъ взялъ руку актера и сжалъ ее до боли, крикнувъ:

— Войдите!

Появилось лицо одного изъ артистовъ, выражающее всю радость этого праздничнаго вечера.

— Васъ вездѣ ищутъ, дорогой маэстро,—сказалъ онъ Жаку.— Идите скорѣе... Второй актъ, это цѣлый тріумфъ... Васъ ждутъ въ фойе... Скорѣе, скорѣе... Приходи и ты, папочка... Что это съ тобой?

— Онъ повторяетъ кусочекъ роли, который мы оба обдумывали для третьяго акта,—отвѣтилъ Турнадъ.

И внушая взглядомъ эту ложь несчастному актеру, онъ вышелъ изъ ложи.

IV.

Папочка остался одинъ, точно придавленный въ креслѣ, въ которое онъ повалился. Газъ тихо горѣлъ, освѣщая своимъ яркимъ свѣтомъ тѣсную комнатку, въ которой замѣчалась неуютность импровизированнаго помѣщенія. Двѣ большія афиши, прибитыя къ стѣнѣ, изображали Планто въ двухъ его лучшихъ роляхъ. Онѣ выставляли напоказъ грубый рисунокъ и кричащія краски рядомъ съ большой акварелью, довольно плоской, но написанной въ мягкихъ тонахъ, которую артистъ возилъ съ собой всюду во время своихъ путешествій. Она была написана нѣкогда имъ самимъ,—кромѣ другихъ разнообразныхъ склонностей, онъ былъ немного и художникомъ,—и изображала деревенскій домъ Шатенэ, о которомъ онъ упоминалъ въ своихъ изліяніяхъ. Заячьи лапки и запачканныя краской салфетки на столѣ, среди баночекъ кольдъ-крема и коробочекъ съ пудрой, тазъ, разбросанные костюмы, скромныя мелочи, грубовато живописныя, сильно разнились отъ идеала обезпеченнаго буржуазнаго существованія, о которомъ напоминалъ фасадъ этой городской виллы, садъ, усаженный розовыми кустами, въ одной аллеѣ принадлежности игры въ обручи, въ другой—безформенное, подстриженное дерево. Эти разнообразныя черточки были добросовѣстно подмѣчены и скопированы. Для того, кто зналъ жизнь Планто, эта акварель между двумя афишами была настоящимъ символомъ. Онъ былъ и продолжалъ быть артистомъ буржуа.

Но кѣмъ былъ Мольеръ, славную судьбу котораго съ такой наивной и потрясающей тоской по родинѣ вспомнилъ актеръ-драматургъ?

Мольеръ, родившійся въ комфортабельномъ домѣ на улицѣ Сентъ-Оноре, сынъ придворнаго драпировщика, школьный товарищъ по клермонтскому іезуитскому колледжу принца Конти, родного брата Кон-

де,—и онъ не лучше другихъ объѣзжалъ провинцію съ труппой Illustre Théâtr'a. Исторія не сохранила намъ слѣда тѣхъ трудностей, черезъ которыя долженъ былъ пройти великій Поклэнъ, чтобы согласовать привычки своего первоначальнаго воспитанія съ привычками его актерской жизни. Это были, конечно, пустячныя столкновенія, которыя ничуть не повліяли на устойчивость и здоровое направленіе его дѣятельности. Планто тоже знавалъ эти ничтожныя непріятности. Но онъ никогда не испытывалъ ничего подобнаго той бурѣ, которую подняли въ немъ слова, произнесенныя Турнадомъ съ такимъ высокомѣрнымъ удареніемъ, и которыя теперь въ безпорядкѣ проносились у него въ головѣ: «Честность... Буржуазныя традиціи... Честь фамиліи... Выполненіе своихъ обязательствъ...» Онъ повернулъ ключъ въ двери, чтобы избѣжать, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, волны визитовъ перваго представленія, и справедливое негодованіе эксплоатируемаго артиста поднялось въ немъ.

— Каналья! Каналья!—стоналъ онъ.—Какъ онъ говорилъ со мной!... Его десять тысячъ франковъ, какъ онъ бичевалъ меня ими! Онъ готовъ былъ плюнуть мнѣ въ лицо, и это было бы не хуже. Честность?... Онъ еще осмѣлился выговорить слово «честность», онъ, который собирается красть у меня эти аплодисменты, эти успѣхи и поздравленія и завтра, и послѣ завтра, и всѣ послѣдующіе дни. Фамильная честь? Онъ говоритъ о фамильной чести, когда я сейчасъ долженъ обнародовать, какова его честь...

На Планто, дѣйствительно, лежала обязанность объявить въ концѣ пьесы торжественную формулу:

— Милостивыя государыни и милостивые государи, пьеса, которую мы только что имѣли честь изображать передъ вами, написана господиномъ Жакомъ Турнадомъ.

Актеръ громко произнесъ эту фразу въ первый, въ другой и въ третій разъ. Затѣмъ онъ залился смѣхомъ, который ужаснулъ бы эксплоататора, если бы онъ слышалъ, какъ смѣялся его «негръ». Въ умѣ актера возникла мысль, которая и вызвала этотъ мстительный хохотъ. Этой мысли было достаточно, чтобы его только что удрученное тѣло выпрямилось, и огонь снова загорѣлся въ глазахъ. Въ это время въ дверь снова постучались.

— Третій актъ сейчасъ начнется, господинъ Планто,—послышался голосъ сценаріуса.

— Готово,—съ силой отвѣтилъ точно воскрешенный артистъ.

Повернуть ключъ, чтобы не показать, что онъ прячется, въ три пріема поправить прическу,—ему не нужно было переодѣваться для послѣдняго акта,—привести въ порядокъ передъ зеркаломъ свой ре-

динготъ, завязать хорошенько галстукъ—было дѣломъ пяти минутъ; и онъ уже выходилъ изъ своей ложи, чтобы спуститься въ фойе, какъ вдругъ онъ столкнулся съ Жакомъ Турнадомъ, подымавшимся черезъ три ступени по лѣстницѣ.

На его физіономіи, такой надменной четверть часа тому назадъ, совершилось обратное явленіе. Онъ пораздумалъ хорошенько, и слова, которыми онъ обмѣнялся съ актеромъ, казались ему теперь такими угрожающими, что онъ былъ блѣденъ отъ ужаса.

— Я извиняюсь передъ вами, Планто,—тихо сказалъ онъ, увлекая актера въ уголъ лѣстницы.—Я былъ грубъ съ вами... Вы сами сбили меня съ толку... Не правда ли, то, о чемъ вы меня сейчасъ просили, не такъ серьезно?

— Это было очень серьезно,— отвѣтилъ Планто, напирая на слово «было» и съ такимъ насмѣшливымъ видомъ, что еще больше усилилъ страхъ Турнада.

— Что вы хотите сказать?

— Что я не хочу больше довольствоваться частью при опубликованіи *моей* пьесы... Я хочу, чтобы она вся была моей, и это будетъ...

— Что вы собираетесь сдѣлать?...

— Самую простую вещь. Когда мнѣ придется назвать автора, я скажу настоящее имя. Вотъ и все.

— Вы скажете?

— Что пьеса написана господиномъ Планто... Я совершенно спокоенъ... У меня есть доказательства: подписанный чекъ и черновикъ рукописи, который я сохранилъ.

Турнадъ сдѣлался блѣденъ, какъ пластронъ его манишки. Онъ долженъ былъ опереться о стѣну, чтобы не упасть, и въ то же время сохранять присутствіе духа.

Актеры и актрисы, которые должны были участвовать въ послѣднемъ актѣ «Невѣстки», спускались съ лѣстницы, и каждый изъ нихъ, проходя, привѣтствовалъ «счастливаго автора» жестомъ, улыбкой или словомъ. Высказавъ свою угрозу, Планто тоже собрался спуститься. Онъ повернулся съ полными гнѣва глазами. Но Турнадъ на секунду удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

— Если вы будете молчать, вы получите тридцать тысячъ франковъ... Слышите? Тридцать тысячъ...

И боясь перваго впечатлѣнія, которое должно было произвести на актера его предложеніе, молодой человѣкъ скрылся, бросивъ огромную цифру въ жертву тому, на что онъ не могъ смотрѣть иначе, какъ на самый наглый шантажъ, принимая во вниманіе его раннюю

опытность и условія, при которыхъ происходила «перепродажа» настоящаго автора «Невѣстки».

— Тридцать тысячъ франковъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—это таки сумма. Но я спокоенъ. Онъ не скажетъ.—И по иронiи судьбы, которой онъ и не подозрѣвалъ, у него вслухъ вырвалось слово, которымъ актеръ успокаивалъ свой гнѣвъ послѣ перваго объясненія:

— Каналья! Каналья!

V.

Занавѣсъ поднялся передъ третьимъ актомъ «Невѣстки», и Планто, который вплоть до развязки не долженъ былъ уходить со сцены, началъ играть съ талантомъ, съ какимъ никогда не игралъ раньше. Чувства человѣка смѣшивались въ немъ съ вдохновеніемъ артиста, какъ это часто бываетъ, по тѣмъ страннымъ законамъ, которые нужно отказаться объяснять. Что было, дѣйствительно, общаго между лицомъ, которое онъ изображалъ, какъ артистъ, и переломомъ, который онъ переживалъ въ эту минуту? Онъ изображалъ въ пьесѣ, въ «своей пьесѣ», какъ онъ называлъ ее и собирался называть всегда,—долго обманываемаго мужа, который прощалъ обманъ. Въ дѣйствительности онъ душой и тѣломъ былъ въ эту минуту, который не выноситъ мысли, что онъ продалъ свое право на славу за свое произведеніе и который рѣшилъ объявить и разглашать всюду это право, цѣною хотя бы самаго страшнаго скандала. Имъ овладѣло злобное неистовство противъ этого литературнаго «коммерсанта», который купилъ у него его произведеніе и который оскорбилъ его дважды, сначала угрожая, а потомъ предлагая ему такъ грубо деньги за его молчаніе. Планто не ошибся, это предложеніе совершенно ясно означало, что тотъ принималъ его за шантажиста. И лихорадочное негодованіе сквозило въ игрѣ актера. Его голосу, когда онъ произносилъ слова прощенія и состраданія, это негодованіе сообщало дрожь, которая охватила всю залу. Отъ шести тысячъ лицъ, обращенныхъ къ нему, отъ шести тысячъ взволнованныхъ сильнымъ ощущеніемъ грудей, отдѣлялось точно какое-то испареніе, которое укрѣпляло его рѣшеніе. По двойственности, присущей актерамъ, въ головѣ у него звучалъ свой собственный монологъ, въ то время, какъ его голосъ произносилъ слова роли.

Его память напрягалась изо всѣхъ силъ, чтобъ напоминать ему реплики роли, которыя онъ зналъ слишкомъ хорошо,—не самъ ли онъ написалъ каждую букву этой самой рукой, которою онъ сейчасъ жестикулировалъ?

И онъ говорилъ себѣ:

— Какая сенсація произойдетъ сейчасъ тамъ, когда я выйду на авансцену, вотъ на это самое мѣсто и брошу имъ мое имя, вмѣсто того, котораго они ждутъ! Какое изумленіе, а завтра какой шумъ во всѣхъ газетахъ! Тридцать тысячъ франковъ! Можешь дать твоему адвокату эти тридцать тысячъ франковъ, мой милый. Я отъ этого не хуже докажу основательность моей претензіи. Ты проиграешь процессъ. Твое литературное имя будетъ обезчещено, несмотря на милліоны дѣдушки Турнада, а я навсегда останусь авторомъ «Невѣстки!...» Аплодируйте, дѣтки, аплодируйте. Вы правы. Вы аплодируйте моему сочиненію и не ошибайтесь. Сочиненіе папочки Планто! Колебаться тутъ нечего. Это напоминаетъ немножко Эмиля Ожье... И подумать только, что если бы я принесъ это въ Одеонъ отъ своего имени, то директоръ не взглянулъ бы даже на заглавіе. Наконецъ-то мнѣ отдали справедливость, но какъ все это случайно!... Меня могли бы пригласить въ Америку и пьеса могла бы пройти въ мое отсутствіе. Но, нѣтъ. Нужно было, чтобы я оказался свободнымъ, чтобы директоръ указалъ на меня Турнаду... И вотъ, я здѣсь. Онъ долженъ немножко пожалѣть о своемъ выборѣ, этотъ пройдоха. Право, есть еще справедливость на свѣтѣ... Тридцать тысячъ франковъ! Но я заработаю самъ твои тридцать тысячъ франковъ, несчастный, и кромѣ того еще сто тысячъ, хотя бы благодаря одному только шуму, который подымется изъ-за моей пьесы послѣ моего заявленія. Потому что на моей сторонѣ будутъ всѣ права. Справедливость! Справедливость! Я хочу только справедливости... моя пьеса и я, и я, и я! Его десять тысячъ франковъ я возвращу ему съ процентами, причемъ дамъ ему сто процентовъ, какъ бралъ его покойный дѣдушка... Еще полчаса и готово... Милостивыя государыни и милостивые государи...

Непоправимая фраза мысленно пронеслась у него въ головѣ, и такъ какъ въ это время по пьесѣ ему приходилось сидѣть въ углу сцены и произнести только двѣ, три реплики, онъ принялся разсматривать внимательнѣе залу, гдѣ его имя должно было прозвучать, какъ ударъ грома.

Около пятидесяти знакомыхъ ему лицъ были разсѣяны въ этой толпѣ. Онъ немного наклонился, чтобы лучше разсмотрѣть двоихъ изъ нихъ въ бенуарѣ направо. Это были его племянникъ и племянница, сынъ его брата и жена этого сына. Онъ замѣтилъ, что оба застыли, какъ подъ вліяніемъ гипноза, въ который погружаетъ интересная комедія тѣхъ, кого она «захватываетъ»,—по своеобразному, но очень вѣрному выраженію закулиснаго жаргона.

Планто-племянникъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, не особенно крѣпкаго сложенія. Наслѣдіе парижской расы, истомленной слишкомъ сидячей жизнью за конторкой, проявлялось въ узкихъ, нѣсколько сгорбленныхъ плечахъ и въ прямодушномъ выраженіи физіономіи, что было уже какъ бы атавизмомъ солидныхъ добродѣтелей предковъ. Это былъ настоящій отпрыскъ честныхъ людей, которые никогда не кривили душой,—этой честной душой дома Планто-Шарденъ, о которой съ такой уничтожающей иронією вспомнилъ обладатель милліоновъ «Турнада—вора». Молодой Евгеній Планто, правда, не имѣлъ здороваго вида, но тонкія черты его умнаго лица говорили о внутренней глубокой и безупречной честности нисходящей линіи порядочныхъ женщинъ.

Эта чета коммерсантовъ—я уже сказалъ, что Планто племянникъ занялъ мѣсто своего отца, умершаго годъ тому назадъ,—производила впечатлѣніе счастливой семьи, хорошо устроившейся, которая будетъ счастлива, несмотря ни на какія обстоятельства.

Тяжелое прошлое, когда «домъ» рисковалъ разориться, было далеко. Волненіе того времени и сократили жизнь брата артиста. И тотчасъ въ прояснившейся памяти послѣдняго промелькнула трагическая минута, когда несчастный братъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Если у меня не будетъ десяти тысячъ франковъ черезъ двадцать четыре часа, я буду разоренъ»...

И затѣмъ онъ вообразилъ себѣ самого себя, когда по окончаніи спектакля онъ произнесетъ фразу: «...и господиномъ Планто...» Да, онъ представилъ себѣ, какъ въ этотъ вечеръ онъ найдетъ племянника и племянницу и скажетъ имъ... но что онъ имъ скажетъ?... Необходимость играть болѣе оживленныя сцены и подать нѣсколько репликъ прервала его на серединѣ этихъ размышленій. Но то, что онъ ходилъ, говорилъ и жестикулировалъ не мѣшало ему продолжать свой внутренній разговоръ:

— Что имъ скажу?... Что я продалъ свою пьесу за десять тысячъ франковъ, которые ихъ спасли... Что тогда скажутъ они? Поймутъ ли Евгеній тѣ законныя причины, которыя вынудили меня сдѣлать... Но что именно сдѣлать?... Это безусловно однако... не сдержать своего слова.

Евгеній посмотритъ на меня, какъ посмотрѣлъ бы мой братъ...

И фраза Турнада, которая только что такъ его возмутила, снова отчетливо прозвучала у него въ головѣ: «фамильная честь состоитъ въ томъ, чтобы выполнять свое обязательство. Выполняйте ваше!..» Онъ повторилъ: «Выполняйте ваше!» Его сердце билось. Онъ, который зналъ наизусть каждое слово своей комедіи, слушалъ, какъ

одна изъ артистокъ начинала послѣднюю сцену. Онъ самъ уже начиналъ тираду, послѣ которой конецъ былъ совсѣмъ близокъ. Наступила необходимость тотчасъ предпринять окончательное рѣшеніе. Его взглядъ снова пробѣжалъ по всѣмъ лицамъ, сталъ искать лицъ Евгенія и его жены. Ихъ глаза встрѣтились. Онъ почувствовалъ, что ему было бы невозможно встрѣчаться съ ними, если бы они совершенно перестали его уважать, и почувствовалъ также страшную и неоспоримую очевидность того, что они совсѣмъ перестали бы его уважать, если бы онъ сталъ оспаривать свою подпись. Развѣ тѣмъ, что онъ поставилъ ее на оборотной сторонѣ, чекъ не было настоящимъ обязательствомъ.

Внутренній голосъ повторилъ ему: «Честность дома Планто-Шарденъ».

Въ ту же минуту прозвучала послѣдняя реплика среди бѣшеныхъ рукоплесканій неистовствующей залы... Старый актеръ слушалъ ихъ, какъ во снѣ, какъ во снѣ приблизился къ рампѣ и услышалъ свой собственный голосъ, говорящій:

— Милостивые государи и милостивыя государыни, комедія, которую мы имѣли честь играть передъ вами, написана господиномъ Жакомъ Турнадомъ!...

VI.

Черезъ двадцать минутъ послѣ этого, когда Планто, поднявшись въ свою уборную былъ занятъ переодѣваніемъ, ускользнувъ отъ поздравленій въ фойе и за кулисами, одинъ изъ театральныхъ служащихъ передалъ ему письмо, на конвертѣ котораго актеръ узналъ почеркъ, заставившій его вздрогнуть. Письмо? Нѣтъ, потому что въ письмѣ была только карточка, на которой такъ называемый авторъ прославляемой «Невѣстки» нацарапалъ: «Вы сдержали свое слово, я держу свое». Сюда же былъ прибавленъ чекъ на тридцать тысячъ франковъ, назначенныхъ Турнадомъ въ награду за молчаніе. Въ ту же минуту улыбающееся лицо племянника актера показалось въ полуоткрытыхъ дверяхъ.

— Это ты, Евгеній?—сказалъ дядя.—Я къ твоимъ услугамъ, мой другъ...

И говоря это, онъ схватилъ другой конвертъ, на которомъ написалъ имя Жака Турнада. Отыскавъ въ своемъ портфелѣ карточку и тѣмъ же карандашомъ написалъ на ней слѣдующее: «Планто—не Турнадъ». Затѣмъ, разорвавъ чекъ на нѣсколько кусочковъ, онъ вложилъ все въ конвертъ, запечаталъ его и отдалъ его посланному.

— Вотъ мой отвѣтъ,—сказалъ онъ.—Господинъ Турнадъ ждетъ его, неправда ли? Передайте это ему сейчасъ же.

И повернувшись къ своему племяннику, который изъ деликатности стоялъ на порогѣ и оттуда не могъ слѣдить за этой выходкой, онъ сказалъ:

— Авторъ приглашаетъ меня ужинать вечеромъ... Я отказался. Я разсчитываю сегодня поужинать съ тобой и съ твоей женой... Я васъ приглашаю... Ты согласенъ?... Ахъ, какое счастье! Мой вечеръ будетъ прекрасно законченъ. Ты видѣлъ, какъ мнѣ аплодировали. Это для актера. Теперь попируемъ по семейному и поговоримъ о прошломъ и о твоемъ бѣдномъ отцѣ. Это ужъ для человѣка.

— Какъ вы добры, дядя,—сказалъ Евгеній,—что вы, такой великій артистъ, не скучаете съ такими скромными буржуа, какъ мы!...

— Буржуа?... —воскликнулъ Планто.—Но развѣ я самъ не буржуа?

И тономъ, котораго наслѣдникъ Планто-Шарденъ не могъ понять, онъ прибавилъ:

— Да, я буржуа, и ты никогда не узнаешь, какъ я горжусь этимъ!

Е. В.

ОФИЦЕРСКАЯ ШАШКА *).

(Разсказъ.)

I.

Въ комнатахъ еще темно. Скоро восемь часовъ утра.

Васѣ надо вставать. Онъ уже проснулся; но въ его спаленкѣ засвѣжѣло, и ему не хочется откидывать теплаго одѣяла.

На дворѣ—зима. Скоро придутъ святки, и съ мечтой о нихъ Вася и проснулся.

Но Вася—уже не маленькій. Его готовятъ дома въ третій классъ,—готовитъ мама, немножко папа, ходитъ учитель и мамзель для языковъ и фортепіано.

Онъ—крупный, довольно полный мальчикъ, съ открытымъ лицомъ и густыми темными волосами, подстриженными подъ гребенку. На видъ ему четырнадцатый годъ, а ему осенью минуло всего двѣнадцать.

Спитъ онъ рядомъ съ отцовскимъ кабинетомъ. Папа встаетъ рано и если еще поваляться подъ одѣяломъ, онъ непремѣнно окликнетъ его въ полуотворенную дверь:

— Василій! Мы еще, кажется, нѣжимся въ постели?

Папа—добрый и у него совсѣмъ не страшное лицо, даромъ что командуетъ цѣлымъ полкомъ.

И какимъ! Изъ тѣхъ, что отличились при осадѣ Севастополя.

Вася читалъ исторію полка. Недавно прочелъ и «Севастополь» графа Толстого, и ему сдѣлалось и страшно, и жаль до слезъ. Но онъ не захотѣлъ разрюмиться.

Квартира у нихъ—цѣлый этажъ отдѣльнаго корпуса въ казармахъ. Комнатъ много, и все такъ чисто, полы блестятъ, притолки,

---

*) Разсказъ этотъ написанъ до войны съ Японіей и не появлялся раньше не по винѣ автора.—*Прим. автора.*

рамы, двери—все лоснится и слегка отзывается лакомъ и политурой. Весь этотъ корпусъ ремонтированъ къ веснѣ, когда Вася пріѣхалъ сюда съ родителями.

До сихъ поръ онъ никогда не живалъ «въ губерніи», какъ называетъ его пріятель, старшій денщикъ, по фамиліи Чесноковъ. По лѣтамъ уѣзжали на дачи, а остальное время оставались въ столицѣ.

Ему здѣсь гораздо лучше. Точно въ огромной усадьбѣ.

Казармы занимаютъ нѣсколько десятинъ вдоль бульвара. И все отдѣльными двухъэтажными домами, выкрашенными въ ярко-желтую краску.

Есть и своя полковая церковь, и манежъ, и мастерскія, и кухни, и музыкантскія, и сараи, и конюшни, и баня, и катокъ, и горы, гдѣ онъ катается.

Всего и не перечтешь! Живетъ не одна тысяча народу, а какъ все тихо. Снаружи покажется, точно никого нѣтъ.

Оттого, что не позволено кричать, безъ толку шумѣть, все дѣлается по разъ заведенному порядку, въ извѣстные часы.

Вотъ и его часы—строго распредѣляются, и такъ ему самому лучше.

Въ восемь онъ долженъ быть умытымъ и одѣтымъ, помолиться, пойти въ свою учебную комнату, все приготовить къ первому уроку. Тутъ же онъ пьетъ свой чай—одинъ.

Папа пьетъ чай у себя въ кабинетѣ и выйдетъ къ нему въ учебную комнатку передъ первымъ урокомъ.

Мама занимается съ нимъ съ десяти до двѣнадцати, потомъ завтракъ, потомъ онъ свободенъ до двухъ. А тамъ опять занятъ: гимнастика, музыка, передъ сумерками бѣгаетъ по двору, катается на конькахъ, съ горъ, дружитъ съ разными солдатиками, все съ возрастающимъ интересомъ входитъ въ жизнь казармы.

Обѣдаютъ въ шестомъ часу. Папа отдыхаетъ, Вася готовитъ уроки, потомъ читаетъ и, если небо ясно, идетъ «считать звѣзды», какъ подсмѣивается надъ нимъ отецъ.

У него стремленіе къ астрономіи и онъ давно уже поглотилъ большую книжку Фламмаріона.

Чай пьютъ въ девять, а въ десять его отсылаютъ спать, но иногда позволяютъ остаться, если гости. До ужина допускаютъ его только въ особенные дни.

До девяти часовъ еще настолько темно, что вездѣ горятъ лампы,—и въ передней, и въ большой залѣ, и въ кабинетѣ отца, и въ той комнатѣ, гдѣ занимается папинъ адъютантъ, когда останется что-нибудь писать. Онъ приходитъ къ отцу каждое утро, попозднѣе.

Они съ Васей пріятели. Адъютантъ—высокій, молодцоватый, всегда одѣтъ съ иголочки, отъ него пахнетъ одеколономъ, щеки розовыя и мягкія бакенбарды. Но отецъ считаетъ его очень дѣльнымъ, и у него на груди академическій знакъ.

Знаковъ теперь много всякихъ, и Вася всѣ ихъ различаетъ: который академикъ изъ военной, который изъ «Михайловской», который «пажъ», который просто «корпусятникъ». Васѣ знакомо теперь и это безцеремонное прозвище.

Передъ первымъ урокомъ Вася любитъ пройтись нѣсколько разъ по залѣ. Въ ней—въ длину пятнадцать шаговъ и всегда довольно свѣжо.

И сегодня онъ, въ своей домашней тужуркѣ и мягкихъ полусапожкахъ, заглянулъ въ залу и, войдя въ нее, сейчасъ же вспомнилъ, что тамъ есть нѣчто новое.

Цѣлое событіе—въ жизни казармы.

У правой стѣны, наискосокъ отъ рояля, помѣщается полковое знамя—старое, почтенное, съ вышитымъ по шелковой матеріи образомъ.

Оно всегда должно стоять у командира полка, въ его квартирѣ, и никто не смѣетъ къ нему прикоснуться.

У древка придѣланъ родъ козелъ, изъ полированнаго дерева, съ нарѣзами для «юбилейныхъ» трубъ; но ихъ теперь нѣтъ.

Со вчерашняго дня тамъ въ видѣ исключенія лежитъ офицерская шашка.

И будетъ лежать до тѣхъ поръ, пока кончится срокъ ареста и когда виновному вручитъ «оружіе» адъютантъ и, вѣроятно, папа потомъ сдѣлаетъ какое-нибудь, примѣнимое къ случаю, наставленіе.

При этомъ Вася не можетъ присутствовать, но если это случится въ тотъ часъ, когда онъ сидитъ въ учебной комнаткѣ, то будетъ слышенъ голосъ отца.

Онъ говоритъ высокимъ теноромъ, точно совсѣмъ молодой человѣкъ, а ему уже подъ пятьдесятъ; у Васи есть старшій братъ въ гвардіи, а сестру только что выдали замужъ, и она уѣхала съ мужемъ въ Тифлисъ.

Не могъ Вася видѣть и того, какъ штрафной офицеръ отдавалъ свою шашку полковому адъютанту. Этого подпоручика онъ знаетъ въ лицо.

Наканунѣ своего ареста онъ являлся къ отцу Васи.

Всю исторію разсказалъ ему его пріятель, старшій денщикъ Чесноковъ.

Этотъ офицеръ давно «на замѣчаніи». Службой плохо занимается

и не мало получалъ выговоровъ и отъ того командира, у котораго отецъ Васи принялъ полкъ.

Безъ позволенія начальства офицеръ не смѣетъ отлучаться изъ города даже и на одни сутки.

А этотъ подпоручикъ повадился ѣздить тайкомъ въ Петербургъ.

Его хватились. Явился онъ въ тотъ же день къ вечеру, увѣряя, что ѣздилъ на охоту.

Вася слышалъ, что отецъ въ кабинетѣ дѣлалъ ему замѣчаніе, не кричалъ на него—онъ ни на кого не кричитъ,—а только «ставилъ ему на видъ», что при такихъ нарушеніяхъ устава немыслима никакая дисциплина. Тотъ извинялся, обѣщалъ, что это—«въ самый послѣдній разъ», а черезъ три недѣли «закатился» опять, какъ говоритъ денщикъ Чесноковъ.

— Въ картишки больно лютъ,—сообщалъ Васѣ Чесноковъ,—и насчетъ выпивки такимъ же манеромъ. Здѣсь закурилъ, да и махнулъ опять въ Питеръ.

И пропадалъ цѣлыхъ трое сутокъ.

Его, разумѣется, хватились.

За обѣдомъ отецъ Васи, при адъютантѣ—того часто приглашаютъ — сталъ говорить объ этомъ, не сердился, но былъ сильно огорченъ.

— Этотъ молодой человѣкъ просто какой-то отчаянный! Но всему есть мѣра!

Адъютантъ ничего не возразилъ на это. Въ военномъ быту невозможно терпѣть такой «инсубординаціи».

Но отцу Васи было жалко этого подпоручика.

— Невозможно имѣть на него порядочнаго вліянія. Мнѣ крайне прискорбно сознавать, что въ нашемъ полку водятся такія личности.

Вася знаетъ, что въ полку не любятъ этого кутилу. У него были уже исторіи. По одной дѣло доходило чуть не до дуэли. Онъ дурной товарищъ, держится особнякомъ, дерзитъ, всѣмъ долженъ и больше—безъ отдачи.

И вотъ онъ теперь сидитъ подъ арестомъ,—гдѣ: Вася это знаетъ. Туда ему хода нѣтъ, да онъ и не можетъ очень жалѣть этого провинившагося офицера.

Но все-таки ему хочется узнать: на сколько дней онъ посаженъ?

Спросить у отца онъ затрудняется. Тотъ не любитъ такихъ разспросовъ. Недолюбливаетъ ихъ и мама.

Сейчасъ скажетъ, не очень строго, но съ выраженіемъ:

— До тебя это не касается, мой другъ!

Въ залѣ денщикъ сметалъ пыль съ мебели, стараясь ходить на цыпочкахъ, не скрипѣть сапогами.

Вася тихонько подошелъ къ нему, пройдя какъ разъ мимо знамени и шашки.

— Чесноковъ!—шопотомъ окликнулъ онъ.

Тотъ осклабился, повернувъ къ нему голову.

— Долго онъ будетъ сидѣть?—спросилъ Вася, указывая рукой по направленію къ знамени.

— Слышно, на пятеро сутокъ посаженъ,—отвѣтилъ денщикъ.

Чувствовалось, что и ему не особенно жалко офицера.

Вася хотѣлъ было вернуться въ свою учебную комнатку, но пріостановился и, подойдя ближе къ денщику, сказалъ:

— А еслибъ рядовой или унтеръ-офицеръ также бы отлучился тайкомъ,—что бы ему было, скажи, Чесноковъ?

Денщикъ пожалъ плечами и поднялъ вверхъ метелку. На его безбородомъ, немного бабьемъ лицѣ появилась жалостливая усмѣшка.

— Проквасили бы не одинъ мѣсяцъ. И нашивки бы спороли.

— Какъ... пороли?—не дослышалъ Вася.—Васъ вѣдь не наказываютъ тѣлесно? Что ты говоришь, Чесноковъ?

Васю даже ударило въ краску.

— Я говорю спороли, молъ, нашивки.

— Вѣдь никого же не сѣкутъ?—настойчивѣе выговорилъ Вася.

— Какъ придется!

Спорить онъ не хотѣлъ, но ему было отлично извѣстно, что солдатъ не сѣкутъ. Можетъ... въ штрафной командѣ.

Но всетаки онъ ушелъ къ себѣ смущенный.

Не первый мѣсяцъ живетъ онъ въ казармѣ. Никогда онъ не видалъ, чтобы кого-нибудь били. Отецъ его ужъ, конечно, никого не тронетъ пальцемъ.

Но другіе? Ротные, батальонные, простые «субалтерны», фельдфебеля, унтеръ-офицеры, ефрейторы? Сколько у рядового разнаго начальства!

И всѣхъ бойся! Передъ каждымъ вытягивайся въ струнку. Какъ бы тебя ни ругали—молчи и смотри весело. Дадутъ тебѣ «зуботычину»—не смѣй и думать схватить за руку, кто тебя ударилъ по лицу.

«А развѣ не дерутся?» задалъ себѣ вопросъ Вася, садясь за столъ.

Этотъ вопросъ прежде какъ-то не приходилъ ему. Тотъ же Чесноковъ проговаривался не разъ. Но ему тогда не хотѣлось его разспрашивать.

«Разумѣется, на ученьи... бьютъ!» рѣшилъ онъ, чувствуя, что это очень возможно.

На ученье попадалъ и онъ. При немъ офицеры, вѣроятно, стѣснялись; но и при немъ раздавались ругательные окрики.

Чесноковъ говорилъ ему про одного изъ ротныхъ командировъ, что тотъ «ругаться—великій мастеръ».

А если ротные и субалтерны ругаются на ученьи, то чего же ждать отъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, особенно отъ «инструкторовъ», которые приставлены къ новобранцамъ?

Да, и у насъ все это водится.

Вася не такъ давно слышалъ разговоръ отца съ адъютантомъ, за обѣдомъ, по поводу какого-то убійства, у нѣмцевъ, въ драгунскомъ полку, гдѣ-то въ восточной Пруссіи, недалеко отъ русской границы. Ротмистра ненавидѣли за его обращеніе и кто-то уложилъ его изъ ружья въ манежѣ. Виновника не нашлось. Обвинили однако двухъ вахмистровъ.

Оказалось, что ротмистръ, мало того, что ругался, но прямо истязалъ и простыхъ солдатъ, и унтеръ-офицеровъ, дралъ ихъ за уши, плевалъ въ лицо.

Отецъ Васи возмущался такими порядками. Но развѣ онъ можетъ услѣдить за всѣмъ? Когда онъ присутствуетъ на ученьи, разумѣется, ничего подобнаго не будетъ, но вѣдь это—капля въ морѣ.

Да вотъ первый такой оштрафованный подпоручикъ. Онъ—кутила, игрокъ, проснется поздно, въ головѣ шумитъ, иди сейчасъ на ученье. Злость его разбираетъ. Онъ долженъ же на комъ-нибудь ее выместить.

Или теперь, отсидѣвъ подъ арестомъ, когда онъ придетъ на ученье, онъ будетъ «и рвать, и метать», придираться, ругать, а тамъ недалеко и до толчковъ и «заѣзжаній въ физіономію»,—это выраженіе Вася услыхалъ впервые въ казармѣ.

Штрафной подпоручикъ просидитъ, а то такъ и проваляется пятеро сутокъ. Можно вѣдь и подъ арестомъ выпивать. Развѣ это его исправитъ?—спросилъ себя Вася.—Если онъ такой отчаянный, что ему лишеніе шашки? Вѣдь это только формальность.

— Честь, а не формальность!—поправилъ онъ себя.—Безъ чести нѣтъ и офицера. Вѣдь и знамя—только кусокъ матеріи, а изъ-за него погибаетъ цѣлый полкъ.

II.

Сейчасъ Вася вернулся съ катка. Въ казармѣ не мало дѣтей. Офицерскія дѣти катаются въ извѣстные часы. Васѣ это не совсѣмъ нра-

вится. Было бы веселѣе, еслибъ всѣ ребятишки высыпали на катокъ. Исключеніе дѣлается только для фельдфебелей.

Но многихъ изъ казарменной молодежи Вася знаетъ и въ лицо, и поименно. И вся казарма, съ ея корпусами, сараями, каткомъ, погребами, баней—его владѣніе.

И его, до сихъ поръ, удивляетъ то, что все идетъ, какъ заведенный механизмъ, а сколько разныхъ сортовъ работы, кромѣ собственно солдатскаго ученья?

Въ каждомъ отдѣльномъ домѣ—особый набольшій. Въ одномъ живутъ только строевые солдаты, а тамъ—мастеровые: кузнецы, портные, столяры; а тамъ—музыканты, опять цѣлая команда, подъ начальствомъ дирижера изъ нѣмцевъ, Эдуарда Ѳедоровича. Вася съ нимъ говоритъ по-нѣмецки и недавно игралъ ему этюды. Эдуардъ Ѳедоровичъ похвалилъ и самъ сыгралъ что-то изъ Бетховена. Онъ скрипачъ, но можетъ и на фортепіано, и на корнетѣ. Музыканты боятся его. Кажется, онъ, когда очень разсердится, и толкнетъ.

И все это вмѣстѣ составляетъ одно цѣлое—полкъ, и никто не можетъ жить по-своему. Вотъ оштрафованный подпоручикъ захотѣлъ прокатиться въ Петербургъ, и будетъ сидѣть подъ арестомъ до субботы, и шашка его лежитъ въ залѣ, около знамени.

Когда отправляли лѣтомъ по домамъ выслужившихъ свой срокъ, Вася говорилъ съ нѣкоторыми. Они точно обезумѣли отъ радости. Разумѣется, была и сильная выпивка. Начальству это извѣстно, но на это смотрятъ сквозь пальцы.

Такую радость отпускныхъ отецъ Васи не одобряетъ. Онъ, прощаясь съ ними, произнесъ напутствіе и упрекалъ ихъ, отеческимъ тономъ, въ ихъ неблагодарности.

Вася слышалъ, что онъ имъ говорилъ.

— Удивляюсь, братцы, такой вашей радости при оставленіи полковой жизни. Точно вы возвращаетесь не вѣсть на какое роскошное житье! Вѣдь согласитесь, всѣмъ въ деревнѣ приходится куда хуже—жить въ курной избѣ, ѣда скудная, тѣснота и неопрятность, работа въ страдную пору, тяжелая, заработки тугіе, одежа плохая. Точно вы бѣжите съ каторги! А въ полку ваше житье было во всѣхъ смыслахъ куда лучше! Жили въ каменныхъ, хорошо отопленныхъ домахъ, въ просторныхъ камерахъ, спали на койкахъ, одѣты прекрасно, ѣда,—какой у васъ никогда не было, лѣчили васъ даромъ, а главное, дѣлали васъ грамотными, учили игрѣ на инструментахъ, изъ неотесанныхъ и темныхъ мужиковъ вы становились бравыми ребятами, годными на всякую работу. Чему же вы такъ неумѣренно радуетесь?

Вася знаетъ чему.—*Волѣ.*

Такъ его пріятели ему и говорили:

«Воля» дороже всего. Какъ ни тяжела крестьянская работа, но дома каждый солдатикъ—хозяинъ, самъ себѣ господинъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ, особенно если онъ старшій въ семьѣ.

— И тамъ начальство!—возражалъ Вася своимъ пріятелямъ.

Онъ знаетъ, что въ крестьянскомъ судѣ до сихъ поръ еще есть розги. Приведутъ въ волостную избу и накажутъ.

— Развѣ у васъ не сѣкутъ?—спрашивалъ онъ тогда одного изъ такихъ ликующихъ отпускныхъ.

— Какъ не сѣкутъ! Старики присудятъ, еще какъ славно отрепортуютъ!—выговорилъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Вотъ видишь! А здѣсь тебя никто не высѣчетъ.

— Въ морду все равно можно получить.

— Такъ этого не полагается!—горячѣе возразилъ Вася.—Это—злоупотребленіе. И папа это преслѣдуетъ!

— Такъ-то такъ, а какъ же можно приравнять дома жить, на волѣ, или въ казармѣ? Нешто солдатъ—человѣкъ?

— А то какъ?

— Машина, а не человѣкъ. Вотъ какъ куклы бываютъ, заведутъ ихъ, онѣ и ходятъ. Вы, небось, баринъ, команду знаете?

— Знаю.

— Кричатъ намъ: «глаза напра-а-во!» Кричатъ али нѣтъ?

— Кричатъ,—согласился Вася.

— Ни дать, ни взять, какъ куклу заставляютъ глаза ворочать направо, налѣво, за веревку дернуть.

Вася разсмѣялся. Примѣръ онъ нашелъ очень ловкимъ.

Солдатикъ такъ съ нимъ говорилъ о службѣ не потому ли, что онъ уже отпускной, вольный казакъ, хотя и будетъ дома кичиться своимъ мундиромъ.

— Что же ты будешь дома дѣлать?—спросилъ Вася другимъ тономъ.

— Мало ли у насъ дѣловъ? Въ извозъ пойду.

— Развѣ это легче солдатской службы?

— Можетъ и не легче, а я—вольный казакъ. Съ купцомъ подрядился въ столько-то дѣнъ... и вся недолга. А дорогой я самъ себѣ баринъ. Хочу гоню лошадь, хочу съ прохладцей ѣду. И никто мнѣ не указъ!

— Да-а, вотъ что!—вдумчиво выговорилъ Вася.—А лѣтомъ рабочая пора придетъ. Это вѣдь очень тяжело.

— А на маневрахъ легче?—спросилъ рѣчистый солдатъ.—Цѣ-

лыми сутками маячишь, въ лужу ложишься спать, измаешься и измокнешь, какъ чортъ! И все зачѣмъ? Вродѣ, какъ комедія. На сценѣ представляютъ!

— Безъ маневровъ и на войну нельзя идти,—вѣско сказалъ Вася.

— Извѣстное дѣло! А всетаки каторга не малая. Да еще сраму наглотаешься.

— Какого?—удивленно спросилъ Вася.

— А когда вашъ отрядъ въ полонъ заберутъ, а то и вся армія спасуетъ. Ты бѣгаешь, палишь, идешь въ строю, продѣлываешь всякую штуку, а набольшіе... господа ученые офицеры... не такъ, значитъ, все распланируютъ, промахнутся. И все идетъ на смарку, и возвращайся съ носомъ.

— И на войнѣ также,—замѣтилъ Вася.

— Извѣстное дѣло... Такъ вѣдь начальству съ полагоря. Для нихъ это игра. Они вѣдь задачи рѣшаютъ, такая игра есть, вродѣ шахматовъ.

— Я знаю! И папа выигрывалъ много партій.

— Вотъ, вотъ! А у насъ загривки трещатъ.

Солдатикъ, прощаясь, протянулъ тогда Васѣ руку, чего бы онъ не сдѣлалъ, еслибъ былъ въ строю.

Этотъ разговоръ вспомнился Васѣ и навелъ его на разныя мысли, какія еще не западали въ его умненькую голову. Въ передней, когда онъ пришелъ домой, дожидался фельдфебель, тоже его пріятель, самый заслуженный въ полку, изъ перваго батальона, еще не старый, съ красивой бѣлокурой бородой, съ виду похожій скорѣе на какого-нибудь «интеллигента»; это слово Вася особенно любилъ.

Отца не было дома: онъ уѣхалъ въ городъ дѣлать визиты. Фельдфебель пришелъ съ чѣмъ-то отъ своего ротнаго командира.

Вася присѣлъ на ясеневый диванъ. Фельдфебель не садился, хотя Вася ему и указывалъ мѣсто около себя.

Мама не очень любитъ, чтобы онъ «терся» около солдатъ; но бранить за это она воздерживается.

Разъ она ему сдѣлала легкое замѣчаніе, и Вася ей сказалъ:

— Мама, что же тутъ дурного, что я вхожу въ жизнь полка? Можетъ-быть, я буду военный? Нынче отъ всѣхъ офицеровъ требуютъ, чтобы они знали всю подноготную о каждомъ рядовомъ: откуда онъ, женатъ ли, есть ли дѣти?

Мама разсмѣялась и даже прошлась рукой по его стриженой, круглой головѣ.

— Резоперъ ты мой неисправимый!—ласково пошутила она.

Ея тоже нѣтъ дома. Она уѣхала вмѣстѣ съ папой, и вернутся они не раньше какъ къ пяти.

Вася былъ особенно радъ случаю побесѣдовать съ фельдфебелемъ.

Тотъ считался изъ ученыхъ, былъ съ «правами» по воинской повинности, кажется, изъ какого-то земледѣльческаго училища, читалъ книжки, получалъ самъ дешевую газету и любилъ литературныя выраженія.

Вася повелъ рѣчь о выслужившихъ свой первый срокъ.

Фельдфебель сталъ говорить въ такомъ же духѣ, какъ и отецъ Васи.

— Потому—дубьё!—выговорилъ онъ, и его острые глаза замигали.—Не понимаютъ, что воинъ—благородное званіе! Выше его нѣтъ!

— Будто и нѣтъ?—усомнился Вася.

— Выше нѣтъ!—съ большимъ убѣжденіемъ подтвердилъ фельдфебель.—Особливо у насъ въ Россіи. Вы сами изволите знать. А они—темный народъ. Того не хотятъ разсудить, что нынче, каждый, хоть бы и князь, и генеральскій сынъ, всѣ должны отбыть службу. И всѣ считаютъ за честь...

— Всѣ ли?—остановилъ Вася.—Иные тяготятся.

У нихъ въ полку, съ прошлаго года, имѣются «штрафные» студенты рядовые. Съ ними ему очень хотѣлось познакомиться, но это ему до сихъ поръ не удалось такъ, какъ бы онъ желалъ. Ими довольны. Никакихъ исторій не выходитъ; но развѣ они могутъ переносить свою подневольную службу съ полнымъ восхищеніемъ?

— Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Только,—прибавилъ фельдфебель потише,—господа офицеры обижаются.

— Насчетъ чего?

— Выходитъ, что военный бытъ—вродѣ наказанія.

Вася кое-что слышалъ въ такомъ же родѣ.

— Такъ это—особый разговоръ,—поправился фельдфебель.—А ежели я попадаю въ очередь наравнѣ со всѣми, на равныхъ правахъ, я долженъ гордиться. Позвольте вамъ сказать, сударь... Передо мною дорога была, я съ медалью кончилъ курсъ. Могъ попасть въ управляющіе.

— Такъ будто вамъ нельзя и теперь?

— Я зналъ напередъ, что черезъ это пройду. А господа студенты, которые кончили курсъ, они развѣ не въ такомъ же положеніи? Срокъ отслужилъ и возвращайся къ своему званію. А я вотъ остался. Дѣло свое люблю. Передо мною еще много годовъ. Подготовлюсь еще...

— Офицерскій экзаменъ?—подсказалъ Вася.

— Какъ тамъ придется. Все---отъ человѣка. А та команда,—фельдфебель провелъ рукой,—разсудить ничего не можетъ... Мозговъ нехватаетъ. И вчера вашъ папаша превосходно имъ отчиталъ. Ежели человѣкъ стоящій, не дуракъ, онъ въ два года чему-чему не научится? И вездѣ ему ходъ будетъ. Онъ грамотный, привыкъ къ порядку, можетъ быть нарядчикомъ, егеремъ, статистомъ въ театрѣ, чѣмъ угодно. Ему—совсѣмъ другая цѣна!

Вася находилъ, что фельдфебель по-своему правъ. Но всетаки, почему-нибудь, каждый годъ повторяется все та же исторія: общая радость и ликованіе ко дню ухода изъ полка.

— А вы не радовались?—спросилъ онъ вбокъ и не глядя на своего собесѣдника.

— Какъ изволите видѣть, по собственному желанію остался. И начальствомъ, могу сказать, отличенъ. И ни одинъ стоящій человѣкъ не останется въ загонѣ.

— Будто?

— Особливо при такомъ командирѣ, какъ вашъ папенька.

Это не понравилось Васѣ.

Онъ и прежде замѣчалъ, что «ученый» фельдфебель не прочь поддѣлаться и слишкомъ сладко обо всемъ говоритъ.

— А всетаки... воля—дороже всего!—выговорилъ онъ, вставая съ дивана.—Всѣмъ она дорога. И въ полку ея нѣтъ.

— Озорства нигдѣ не потерпятъ! —наставительно сказалъ фельдфебель.

— Если такъ взять... вотъ подпоручикъ Черкизовъ... что же онъ такого особеннаго сдѣлалъ? Съѣздилъ въ Петербургъ... И вотъ у него взяли шашку, и онъ сидитъ, какъ арестантъ.

Лицо фельдфебеля приняло сейчасъ же другое выраженіе.

— Мнѣ, сударь, не полагается судить о такихъ дѣлахъ. Но есть уставъ... есть присяга. Безъ субординаціи, какъ же возможно-съ?

— Я знаю,—какъ бы нехотя выговорилъ Вася.

— Ежели понапрасну—обидно; а за дѣло, по всѣмъ правиламъ... это законное воздаяніе.

Вася простился съ фельдфебелемъ въ смутномъ настроеніи.

Проходилъ онъ залой. Она еще не была освѣщена и стояла въ полутьмѣ. Но справа онъ отчетливо различилъ наклоненное немножко древко знамени и его очертанія, съ бахромой и кистями. А пониже лежала все та же шашка.

«Какъ бы,—думалъ онъ,—штрафной офицеръ—еслибъ это было

лѣтомъ—завидовалъ тѣмъ солдатикамъ, которые, съ пѣніемъ и гармонікой, отправлялись на желѣзную дорогу!»

«Куда онъ уйдетъ? Если изъ - подъ ареста, то это тяжкое преступленіе; но и послѣ не смѣй никуда отлучиться; а то наказаніе будетъ куда построже. Какое именно?» Этого Вася не могъ самъ рѣшить.

III.

Второй день Вася въ пріятномъ волненіи.

Въ казармахъ, на святкахъ, будетъ солдатскій спектакль, въ одной изъ столовыхъ.

И пойдетъ пьеса, сочиненная однимъ изъ ротныхъ командировъ.

Съ нимъ Вася дружитъ. Капитанъ Мальскій слыветъ въ полку настоящимъ «сочинителемъ». Онъ печатаетъ стихи и составляетъ исторію полка, писалъ и пьески съ куплетами. Онъ завѣдуетъ и полковой библіотекой, часто устраиваетъ чтенія съ туманными картинами.

Когда онъ является къ командиру—всегда бесѣдуетъ съ Васей. Нерѣдко и обѣдаетъ. Его любятъ. Онъ то, что называется «душа общества». Тѣ, кто изъ молодыхъ офицеровъ надъ нимъ за глаза подтруниваютъ, прозвали его *Ротнымъ* изъ «Евгенія Онѣгина».

Ему уже лѣтъ подъ сорокъ. Онъ толстенькій и съ порядочной лысиной; но до сихъ поръ танцуетъ и считается даже «первымъ мазуристомъ», и водитъ котильонъ на вечерахъ.

Васю онъ всегда спроситъ: какія онъ книжки читаетъ, и посовѣтуетъ прочесть то-то и то-то. Мама всегда одобритъ этотъ выборъ.

Когда у нихъ бываютъ вечера, «ротный»—самый цѣнный гость, чтобы занимать тѣхъ дамъ и дѣвицъ, кто не играетъ въ карты.

Вася встрѣтилъ его на дворѣ и началъ сейчасъ же разспрашивать о солдатскомъ спектаклѣ.

— Дайте почитать вашу пьесу, капитанъ,—сталъ онъ просить.

— Подождите, голубчикъ, вотъ писарь перепишетъ еще экземпляръ.

— И вы сами все сочинили?

— А то, думаете, выкралъ, ха-ха!

Капитанъ часто и вкусно смѣялся.

— Можетъ, передѣлка?

О «передѣлкахъ» Вася имѣлъ понятіе.

— Это—изъ русской солдатской жизни. Даже изъ лѣтописей нашего полка.

— А мнѣ можно будетъ на репетиціи?

— Это въ секретѣ держится, голубчикъ.

— Милый Иванъ Иванычъ,—началъ упрашивать Вася, взявъ капитана за обшлагъ пальто.—Позвольте мнѣ быть суфлеромъ.

— У васъ есть занятія...

— Да вѣдь скоро праздникъ?

— Безъ разрѣшенія папы-мамы нельзя.

— Я буду просить.

— Разокъ другой—пожалуй. Лучше ужъ на генеральную репетицію. А то вѣдь это скука на первыхъ репетиціяхъ.

— И женскія роли есть?

— Одна—старая баба.

— Кто же будетъ играть? Скажите. Я его знаю?

— Изъ писарей одинъ. Говорковъ. Комикъ!

— Знаю, знаю Говоркова! У него такой смѣшной носъ.

Вася взялъ капитана за обѣ руки и заставилъ его пообѣщать ему, что если онъ будетъ при немъ проситься у папы и мамы, такъ чтобы онъ его поддержалъ.

— Хорошо, дружокъ! Я, какъ разъ, сегодня у васъ обѣдаю.

— Вотъ и превосходно!

Обѣда Вася ждалъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Съ капитаномъ—всегда интересный разговоръ. Онъ много читаетъ и обо всемъ можетъ говорить. Любитъ и щегольнуть своей начитанностью—особенно по части исторіи и политики. Первый всегда знаетъ новости изъ Петербурга, всякіе слухи и толки изъ «высшихъ сферъ». Даже удивительно, откуда онъ все это добываетъ

За столомъ, кромѣ капитана, былъ еще адъютантъ.

Разговоръ шелъ сначала о полковыхъ дѣлахъ. Вася улучилъ минуту и спросилъ громко, обращаясь къ капитану:

— А когда начнутся репетиціи вашей пьесы?

Онъ заставилъ этимъ разговоръ перейти на солдатскій спектакль и раза два выразительно взглядывалъ на капитана, чтобы тотъ поддержалъ его.

— Молодой человѣкъ просится къ намъ въ суфлеры,—сказалъ капитанъ въ сторону мамы.

Она строгонько поглядывала на Васю.

— Это что за новости?—спросила она уже помягче.

— У тебя и безъ того есть занятія,—наставительно выговорилъ отецъ.

— Позвольте,—запросилъ Вася.—Хоть не каждый разъ.

— Глупости, глупости!—остановила мама.

— Я говорилъ Васѣ,—вставилъ капитанъ,—что это—большая скука, пока наладится.

— Глупости!—повторила мама.

Вася надулся. Это случилось съ нимъ едва ли не въ первый разъ за обѣдомъ, при гостяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ уже «большой» мальчикъ.

«Вотъ она—субординація!—тотчасъ подумалъ онъ.—Все только муштра... не лучше солдатской».

Онъ счелъ это положительнымъ насиліемъ надъ своей личностью.

Почему не позволить ему побывать на репетиціяхъ и посуфлировать? Онъ хочетъ быть полезнымъ. На святкахъ и у него будутъ вакаціи. Это ему обѣщано. Стало-быть, никакого разстройства въ его ученьи не произошло бы.

«Рабство!» — воскликнулъ онъ про себя, и почувствовалъ вдругъ, что и онъ—въ казармѣ—такое же подневольное существо, какъ и денщикъ Чесноковъ, какъ и всѣ солдатики, какъ и фельдфебеля, офицеры, вотъ этотъ капитанъ, и батальонные, и самъ полковой командиръ, его отецъ. И ему могутъ сказать: «цыцъ!» А онъ долженъ стоять и дѣлать подъ козырекъ.

Обѣдали въ залѣ. Вася сидѣлъ лицомъ къ той стѣнѣ, гдѣ знамя. Глаза его остановились на шашкѣ арестованнаго подпоручика.

Вотъ она—неволя! Онъ—большой, офицеръ, могъ бы имѣть жену и дѣтей, а чуть уѣхалъ въ городъ, не попросившись у начальства—и отбираютъ шашку, и сажаютъ чуть не на хлѣбъ и на воду.

И капитанъ поглядѣлъ на шашку и тихо спросилъ полкового командира:

— Завтра—срокъ?

Папа кивнулъ головой и что-то сказалъ очень тихо. И адъютантъ, наклонясь къ нему, о чемъ-то доложилъ.

Васѣ все это показалось чѣмъ-то фальшивымъ, какой-то «китайщиной». Точно дѣло идетъ Богъ знаетъ о какой государственной тайнѣ.

— Послушайте, Иванъ Иванычъ,—заговорилъ онъ съ капитаномъ,—развѣ это такой большой стыдъ офицеру — ходить безъ оружія?

Онъ тотчасъ же почуялъ на себѣ взглядъ мамы.

— Какъ же иначе, голубчикъ, ежели временное лишеніе оружія есть наказаніе?—ласково, но внушительно произнесъ капитанъ.

Отецъ поглядѣлъ на Васю вбокъ и усмѣхнулся.

— Съ какой стати такой вопросъ, Василій Павлычъ?—съ юморомъ выговорилъ онъ.

— Онъ нынче Богъ знаетъ какъ ведетъ себя,—вполголоса замѣтила мама.

Это еще сильнѣе обидѣло Васю.

Почему онъ не можетъ вслухъ выразить свою мысль? И что въ ней такого дерзкаго и возмутительнаго?

— Позволь, папа,—началъ онъ другимъ тономъ и голосъ его дрогнулъ,—зачѣмъ всѣмъ офицерамъ ходить вездѣ съ шашками и саблями?

— Потому что такъ полагается,—отвѣтилъ отецъ.

— Еслибъ этого не требовалось, тогда меньше бы было исторій. Вотъ еще недавно печаталось дѣло... какой-то драгунскій офицеръ, такъ, ни съ того, ни съ сего, зарубилъ на гуляньѣ приказчика...

— Ты хочешь умничать, Василій?—остановила мать съ конца стола.

Но Вася не унимался.

— Скажите, Иванъ Иванычъ,—спросилъ онъ капитана, взявъ его за руку,—развѣ во Франціи офицеры не ходятъ въ партикулярномъ платьѣ, когда они не на службѣ?

— Вѣрно, голубчикъ; но у французовъ свои порядки, у насъ—свои. И всетаки, еслибъ офицера подвергли и тамъ аресту, у него бы отобрали оружіе.

— Скажите—какое несчастье!—вырвалось у Васи.

— Помолчи!—кинулъ ему отецъ.

И опять онъ, не оборачивая головы, почуялъ на себѣ взглядъ мамы.

За это ему будетъ еще сегодня особое внушеніе.

Онъ замолчалъ. Ему сдѣлалось какъ-то «все равно». Изъ-за чего онъ, въ самомъ дѣлѣ, волнуется? Если кто хочетъ быть офицеромъ, пускай и подчиняется всѣмъ такимъ порядкамъ.

Но онъ вспомнилъ свой разговоръ съ фельдфебелемъ.

Всѣ *должны* идти въ солдаты. И ему придется, если не попасть прямо въ офицеры—этого не будетъ!—выслужить свой солдатскій срокъ простымъ ли рядовымъ, или вольноопредѣляющимся.

Только онъ не хочетъ признавать всю эту муштру за что-то священное и неприкосновенное.

И онъ совсѣмъ другими глазами поглядѣлъ на ту стѣну, гдѣ знамя и лежала шашка провинившагося офицера.

Разъ ему не позволяютъ свободно высказывать то, что у него на душѣ,—онъ будетъ это держать про себя. А поддѣлываться и лгать—онъ не намѣренъ.

Что говорилось потомъ, во время обѣда, не интересовало его. Онъ отдавался ходу своихъ протестующихъ мыслей.

Какое ему, наконецъ, дѣло до того, о чемъ «болтаютъ» большіе? Вѣдь онъ «маленькій», т.-е. безправное созданіе, вродѣ солдатика, которому не полагается разсуждать, а стоять на вытяжку и безсмысленно повторять:

— Слушаю-съ, ваше вскродіе!

— Точно такъ, ваше вскродіе!

И съ нимъ, какъ съ солдатикомъ, могутъ, въ сущности, все сдѣлать.

«Дать тукманку, посѣчь?» почти съ ужасомъ спросилъ себя Вася.

А почему же нѣтъ? Будь папа и мама немножко другого нрава и воспитанія, и онъ проходилъ бы черезъ муштру, быть можетъ, еще горшую, чѣмъ солдатская?...

Такъ до конца обѣда онъ и не раскрылъ рта, ѣлъ аккуратно, тихо и ни разу не взглянулъ ни на папу, ни на маму.

Капитанъ разсказалъ какую-то забавную исторію, а потомъ они съ мамой вступили въ литературный споръ по поводу какой-то повѣсти, недавно напечатанной въ одномъ толстомъ журналѣ.

Послѣ обѣда, онъ поцѣловалъ руку и мамы, и папы, и прошелъ къ себѣ, въ учебную комнатку.

Можно было ожидать, что мама заглянетъ и будетъ какая-нибудь «распеканція». Но она не пришла. Должно быть, ей некогда; навѣрно, пишетъ письма въ своемъ будуарѣ. Офицеры сидятъ съ папой, въ его кабинетѣ, пьютъ кофе и курятъ. До него долетаютъ голоса, особенно раскатистый голосъ капитана.

Вася взялъ книжку, не учебную, а очень интересную вещь: новый романъ Жюля Верна. Ему хотѣлось бы уйти въ разсказъ; но голова продолжаетъ работать все въ томъ же направленіи.

Все военное представляется ему совсѣмъ не въ такомъ видѣ, какъ еще было на-дняхъ. Эта казарма—что она дѣлаетъ? Какую пользу приноситъ? Въ полку—не одна тысяча человѣкъ! И такихъ полковъ—сотни! Сколько денегъ идетъ на всю эту военную машину! А въ концѣ-концовъ, къ чему?

«Къ чему?»—спросилъ себя Вася, блѣднѣя, почти съ замираніемъ сердца.

«Для истребленія себѣ подобныхъ» — выговорилъ онъ готовой фразой, тотчасъ же пришедшей ему, точно кто ему подсказалъ ее.

Разговоръ въ кабинетѣ смолкъ. Вася сталъ прислушиваться.

Первый вышелъ изъ кабинета адъютантъ. Онъ знаетъ его походку и легкое пощелкиванье шпоръ.

Минутъ черезъ пять—другіе шаги. Это—капитанъ. Отецъ простился съ нимъ въ кабинетѣ, а въ залу не вышелъ. Вася выбѣжалъ туда и перехватилъ его на пути.

— Прощайте, Иванъ Иванычъ!

— Прощайте, голубчикъ! Не выгорѣло у васъ насчетъ суфлерства... Дайте срокъ!... На репетицію все равно попадете.

Ласковые глазки капитана подмигнули ему.

— Мегсі!

Вася взялъ его за руку.

— Скажите, Иванъ Иванычъ, развѣ то, что я сказалъ за обѣдомъ, было совсѣмъ глупо?

— Такъ сыну заслуженнаго воина разсуждать врядъ ли полагается.

— Да развѣ война—не ужасная вещь?

Глаза Васи заблестѣли и онъ сжалъ руку капитана.

— Таковъ удѣлъ человѣчества, голубчикъ!

Они присѣли у двери въ переднюю.

— Этого не должно быть!—вполголоса выговорилъ Вася.

— Мало ли что! А что мы видимъ въ исторіи, а? Васъ еще не начинали готовить по этой части, но вы вѣдь у насъ—любитель чтенія. Многое должны узнать. Ужъ я не говорю о древности. А если взять хоть два послѣднихъ вѣка. Войны, можно сказать, не прекращались. Будете сдавать экзаменъ, тогда придется подзубривать. Кровь текла безостановочно. Какая рѣзня у древнихъ! Марій въ одно сраженіе истребилъ двѣсти тысячъ кимвровъ и тевтоновъ. Митридатъ перерѣзалъ восемьдесятъ тысячъ римлянъ. Да-съ, голубчикъ! Сулла, побѣдитель Митридата—перебилъ девяносто тысячъ его войска! Каково!

Глазки капитана заискрились.

«Чему онъ радуется?»—спросилъ себя Вася, и ему стало непріятно за капитана.

— А Юлій Цезарь?—продолжалъ горячѣе капитанъ.—Онъ одинъ истребилъ, въ разныхъ кампаніяхъ, до милліона людей!...

— Развѣ это не ужасно?—прервалъ его Вася.

— Что дѣлать! Богъ войны—грозный богъ; но въ наше время сравнительно погибаетъ меньше, чѣмъ въ древности и до изобрѣтенія пороха.

— Какъ меньше, Иванъ Иванычъ? А Наполеонъ, а наши войны? Послѣдняя турецкая война?

— Вы поймите, Вася, *сравнительно* процентъ убитыхъ дѣлается меньше. Но войны не прекращаются, съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество имѣетъ исторію. И такія ли опустошенія бывали въ средніе вѣка? Одинъ Аттила чего стоитъ! Да и ему досталось здорово. Франки при Шалонѣ избили до двухсотъ тысячъ его войска. А въ слѣдующемъ году готы укокошили еще больше полчищъ Аттилы!

— Вы все это помните!—съ грустью вымолвилъ Вася, ошеломленный этими цифрами побоищъ.

— Помню, по малости. А если сосчитать всѣхъ убитыхъ—хотя бы только съ эпохи древнихъ государствъ, Египта, Ассиріи,—до нашихъ дней, можно было бы изъ труповъ воздвигнуть вавилонскую башню.

— И это не ужасно?—вырвалось у Васи.

— Что же дѣлать, голубчикъ! Богъ войны—грозный богъ! Добраго здоровья!

Капитанъ ушелъ. Вася сидѣлъ въ пустой залѣ и все смотрѣлъ на знамя и на шашку.

IV.

Подошли святки. Скоро будетъ елка, а Вася совсѣмъ не въ праздничномъ настроеніи.

Онъ понимаетъ, что дома имъ недовольны.

Мама придирается на урокахъ, папа даетъ окрики, требуетъ полной тишины за обѣдомъ, говоритъ съ нимъ сурово.

За что?

Неужели за то только, что онъ тогда, за обѣдомъ, позволилъ себѣ «разсуждать вслухъ?»

Вѣдь онъ не солдатъ! И не рабъ! Хотя бы и у своихъ родителей. Мама любитъ говорить либерально. И папа также. А чуть что, и сейчасъ ограниченія: того нельзя, это не полагается «дѣтямъ».

Папа разговариваетъ съ нимъ, за обѣдомъ, когда въ духѣ и когда нѣтъ постороннихъ. Мама также. Тогда онъ можетъ задавать вопросы и самъ, и начинаетъ что-нибудь разсказывать или думать вслухъ. А при гостяхъ нельзя, или надо подлаживаться подъ тонъ большихъ, не позволять себѣ «дикихъ» вопросовъ.

Почему «дикихъ?»

Онъ прежде не «размышлялъ» о войнѣ, о положеніи тѣхъ, кто находится въ казарменной неволѣ, а теперь его голова заработала.

Почему же ему не говорить то, что онъ думаетъ? Развѣ лучше скрывать, хитрить, притворяться? Онъ такъ радъ былъ бы побесѣ-

довать съ папой или мамой съ глазу на глазъ о такихъ важныхъ предметахъ; но теперь онъ боится.

Начнетъ говорить—и его обольютъ холодной водой:

— Перестань болтать вздоръ!

Это его обижаетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

И нѣтъ у него товарища. Изъ солдатиковъ есть пріятели; но съ ними вести такіе разговоры—неловко: точно ихъ науськиваешь. Тѣ, кто изъ штрафныхъ студентовъ—держатся особо. Пожалуй, они и совсѣмъ не пожелаютъ разговаривать съ нимъ: онъ сынъ полкового командира. Еще, пожалуй, заподозрятъ его, подумаютъ, что онъ нарочно лѣзетъ къ нимъ, чтобы потомъ все разбалтывать дома.

Все, что ему сказалъ капитанъ про «грознаго бога войны»—ни мало его не убѣдило. Развѣ это доказательство: столько-то десятковъ милліоновъ перебитыхъ и перерѣзанныхъ людей? Послѣ этого и бойня свыше установлена на вѣчныя времена? А если перестать ѣсть мясо, небось и боенъ не будетъ?

Скажи онъ такую вещь вслухъ, ему тоже крикнутъ:

— Какой ты вздоръ говоришь, Вася!

Онъ знаетъ, что это совсѣмъ не вздоръ. Есть «вегетарьянцы», и «великій писатель земли русской» — Вася заучилъ этотъ титулъ давно—не ѣстъ «убопны».

Сегодня Вася находится въ особенной тревогѣ. Онъ сидѣлъ за урокомъ, когда пришелъ подпоручикъ, отбывшій срокъ своего ареста.

Не отецъ Васи, а адъютантъ долженъ былъ отнести ему обратно арестованную шашку.

Что происходило въ залѣ? Заглянуть туда онъ не посмѣлъ. Папа бы разгнѣвался и ему тоже не миновать бы ареста, хотя и не офицерскаго.

Какъ онъ ни прислушивался, но ничего отчетливо не долетѣло изъ того, что было сказано между командиромъ и провинившимся «субалтернъ»-офицеромъ.

Но что-то такое подпоручикъ сказалъ, что вызвало болѣе сильный возгласъ командира.

И потомъ они перешли въ кабинетъ. Оттуда все гораздо слышнѣе. Голосъ офицера гудѣлъ грубовато. Отецъ раза два-три останавливалъ его. Должно быть, подпоручикъ на что-нибудь жаловался.

Васѣ стало жутко. Онъ боялся не за отца, а за офицера. Вдругъ, какъ онъ позволитъ себѣ дерзость, и отецъ велитъ его сейчасъ же арестовать!

Сердце стало сильно биться въ груди Васи, и онъ успокоился только, когда шаги офицера смолкли.

Отецъ за обѣдомъ сидѣлъ красный. Сначала все молчалъ, а потомъ, обращаясь къ матери, сказалъ, пожимая плечами:

— Выражаетъ протестъ, выходитъ въ отставку!

Мать спросила:

— Кто?

И назвала фамилію.

— Да.

— Ты жалѣть не будешь?

— Ужъ, конечно, нѣтъ; но какой тонъ! Позволь онъ себѣ еще немножко болѣе, и его слѣдовало бы проучить не арестомъ, а судомъ.

Помолчавъ, отецъ выговорилъ, сдерживая себя:

— Удерживать не станемъ. Скатертью дорога!

Вася все теперь зналъ, и это его поуспокоило. Но ему не стало легче. Вотъ и сегодня онъ съ утра, на урокѣ ариѳметики, возился-возился съ задачей и еле могъ ее рѣшить; у мамы во французскомъ диктантѣ наставилъ множество ошибокъ.

Она его довольно-таки чувствительно пристыдила, а потомъ, приложивъ ладонь къ его лбу, спросила помягче:

— У тебя голова болитъ? Ты нездоровъ?

У него ничего не болѣло; но онъ самъ не свой.

Въ прошломъ году, объ эту же пору, онъ безумно радовался, когда стали подходить дни закупокъ для елки. А ни вчера, ни сегодня онъ даже ни разу не спросилъ: когда поѣдутъ въ гостиный дворъ покупать яблоки, груши, хлопушки, звѣзды, орѣхи и сусальнаго золота.

Онъ нимало къ этому не готовится. И въ головѣ у него бродятъ все какія-то мысли... вовсе не такія, какимъ бы слѣдовало быть, объ эту пору, чуть не наканунѣ Рождества.

Въ квартирѣ онъ одинъ. Старшаго денщика Чеснокова куда-то послали. Младшій все читаетъ одну и ту же замусоленную книжку.

Позвонили съ параднаго крыльца. И сразу послышались скрипучіе шаги денщика.

Вася вскочилъ, его точно что потянуло въ залу.

— Когда вернется полковникъ?—спрашивалъ чей-то мужской голосъ.

Васѣ показалось, что голосъ, хриповатый и скорый, ему знакомъ.

— Потрудитесь обождать, ваше благородіе,—отвѣчалъ денщикъ.

Такъ отвѣчаютъ офицеру.

Любопытство Васи усилилось.

Онъ пріотворилъ дверь въ переднюю.

Денщикъ стоялъ, руки по швамъ, спиной; а лицомъ тотъ, кто вошелъ и желалъ видѣть полкового командира.

Это подпоручикъ, которому вчера вернули шашку и онъ не желаетъ больше оставаться въ полку.

Вася быстро покраснѣлъ.

Тутъ только онъ, какъ слѣдуетъ, могъ разглядѣть этого офицера: передняя свѣтлая, стоялъ солнечный морозный день и свѣтъ падалъ прямо на лицо и фигуру офицера.

Онъ стоялъ въ фуражкѣ и пальто. Лицо худое, усы падаютъ, темнорусые, держится не молодцовато, высокій, одѣтъ небрежно, фуражка съ заломомъ, пальто сильно поношено.

Глаза у него съ красноватыми вѣками; но взглядъ смѣлый, немножко какъ бы насмѣшливый.

Вася шире пріотворилъ дверь и вышелъ въ переднюю.

— Папа вернется къ тремъ непремѣнно,—сказалъ онъ, чувствуя особое волненіе.

— Къ тремъ?—переспросилъ офицеръ, прищурившись на него.—Хорошо. Благодарю васъ. Я подожду.

Денщикъ стянулъ съ него пальто.

Офицеръ снялъ фуражку передъ зеркаломъ и поправилъ волосы. Онъ ихъ носилъ гораздо длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ строевому военному. И во всѣхъ его движеніяхъ Вася подмѣтилъ что-то совсѣмъ не то, какъ полагалось бы «субалтерну», который явился къ командиру по дѣламъ службы.

И лицо, и походка съ развальцемъ показывали: «мнѣ, молъ, не передъ кѣмъ стоять на вытяжку, я только что въ форменномъ сюртукѣ и при шашкѣ; а считаю я себя уже свободнымъ гражданиномъ».

Вася мысленно употребилъ это слово «гражданинъ». Онъ стоялъ уже посрединѣ залы, когда офицеръ вошелъ туда.

— Пожалуйста, садитесь!—пригласилъ онъ его рукой.

— Благодарю.

Глаза офицера остановились на Васѣ съ усмѣшкой: «что, молъ, ты, какъ ученая собака, выдѣлываешь разныя учтивости?»

Васѣ захотѣлось предложить ему покурить, но не посмѣлъ. Мама не любитъ дыма въ парадныхъ комнатахъ, да онъ и не знаетъ, гдѣ лежатъ папиросы для гостей. Отецъ куритъ только сигары.

Небывалая застѣнчивость нападала на него. Онъ пробѣжалъ въ свою спальню и оправился передъ зеркаломъ: можетъ, у него на лицѣ слѣды карандаша или руки въ чернилахъ.

Но все было въ порядкѣ.

Его опять потянуло въ залу.

Офицеръ прохаживался въ дальней части залы, переступая съ ноги на ногу, съ заложенными за спину руками.

Вася окликнулъ его.

— Присядьте, пожалуйста.

И тотчасъ же прибавилъ:

— Папа скоро будетъ.

— Благодарю васъ,—отозвался подпоручикъ и, повернувшись на каблукѣ, остановился и опять прищурился.

Вася сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему.

Ужасно захотѣлось ему спросить офицера, дѣйствительно ли тотъ выходитъ изъ полка, но онъ стѣснялся.

— Вы здѣсь теперь одни во всей квартирѣ командуете,—пошутилъ офицеръ и присѣлъ на стулѣ, подальше отъ того мѣста, гдѣ стояло знамя и гдѣ еще вчера утромъ лежала его арестованная шашка.

Это Васю ободрило. И онъ присѣлъ. Разговоръ завязался.

— Вы уходите?—вдругъ, безъ всякаго усилія надъ собою, спросилъ Вася и поглядѣлъ на офицера.

— Изъ полка?

— Да, изъ полка.

— А вамъ это извѣстно?—полунасмѣшливо спросилъ офицеръ.

— Слышалъ.

Больше Вася ничего не прибавилъ. И то уже, кажется, несовсѣмъ хорошо, что онъ позволилъ себѣ нескромность. Папа вчера за обѣдомъ говорилъ объ этомъ «конфиденціально», слово это Вася видѣлъ на дѣловыхъ бумагахъ.

— Ухожу,—выговорилъ офицеръ и тряхнулъ волосами, которые лѣзли ему на лобъ. Достаточно вкусилъ сладостей военщины.

Вася нашелъ это слово очень сильнымъ.

— А васъ, небось, отдадутъ въ корпусъ?—спросилъ офицеръ, положа ногу на ногу.

— Нѣтъ, я готовлюсь въ гражданское заведеніе.

— И не ходите, если и будутъ настаивать родители. Я вотъ кляну свою судьбу, что попалъ въ «корпусятники».

Слово «корпусятникъ» было извѣстно Васѣ, но его сами военные никогда не употребляютъ, оно—обидное прозвище.

— Можно прямо сказать, ни на что путное не готовятъ. Сбрую свою снялъ—и онъ дернулъ себя за обшлагъ—и ты дуракъ-дуракомъ, ничего не умѣешь, ни на что не годенъ.

— Зачѣмъ же вы выходите въ отставку?—смѣлѣе спросилъ Вася.

Къ нему сразу вернулась его обыкновенная развязность.

— Зачѣмъ?

Офицеръ скосилъ ротъ и откашлялся.

— Довольно. Съ голоду не умру... Весь свой вѣкъ ходить въ ошейникѣ...

И, обернувшись всѣмъ лицомъ къ Васѣ, онъ выговорилъ еще сильнѣе:

— Вѣдь военщина—это вродѣ торга бѣлыми невольниками.

Въ головѣ Васи эта фраза мгновенно выскочила по-французски: Онъ слышалъ ее или читалъ «la traîte des blancs».

— Почему же торгъ?—тихо спросилъ онъ.

— А то какъ же? Нужно пушечное мясо. Вотъ и загоняютъ въ неволю... Однихъ совсѣмъ даромъ, а другихъ за нищенское вознагражденіе.

«Вотъ онъ какъ!» воскликнулъ про себя Вася и даже оглянулся, какъ бы не вошелъ вдругъ папа и не услыхалъ такихъ бунтарскихъ словъ.

Вѣдь офицеръ-то еще въ полку, носитъ мундиръ. За такія слова по головкѣ не погладятъ.

Но въ душѣ Васи слова оштрафованнаго офицера находили откликъ.

Еще недавно онъ любилъ казарму, соглашался съ своимъ папой, что нигдѣ новобранцамъ не можетъ быть лучше, какъ въ полку. А теперь все это представляется ему совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

Въ передней раздался сильный звонокъ.

— Это папа!

Вася вскочилъ, поклонился офицеру и сказалъ громко и отчетливо:

— Желаю вамъ всего хорошаго!

Офицеръ довольно лѣниво поднялся и провелъ рукой по волосамъ.

Вася ушелъ къ себѣ, сѣлъ за столъ, развернулъ книжку, но не могъ читать.

Подслушивать гадко. Онъ заткнулъ уши. Но всетаки не могъ учиться. Офицеръ влилъ ему каплю яду. И онъ самъ себѣ кажется теперь въ ошейникѣ, и всѣ — въ этихъ ярко-желтыхъ казармахъ— привязаны къ своей тачкѣ и возятъ ее по командѣ.

П. Боборыкинъ.

ЗАГУБЛЕННЫЕ.

Романъ въ двухъ частяхъ **Макса Крецера.**

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, послѣ франко-прусской войны, быстро совершилось превращеніе Берлина изъ областной старозавѣтной столицы въ одинъ изъ міровыхъ центровъ. Какъ средоточіе обширной и могущественной имперіи, онъ зажилъ жизнью большого города, развилъ въ себѣ блескъ и роскошь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе горькую нищету, ставшую болѣе тяжкою отъ контраста. Періодъ грюндерства покрылъ Берлинъ дворцами; но отъ этого еще невзрачнѣе стали жалкія жилища бѣдняковъ, а затѣмъ крахи непомѣрно разросшихся и умножившихся предпріятій начали выбрасывать на улицу толпы безработныхъ.

Въ качествѣ одной изъ столицъ міра, Берлинъ не имѣлъ еще бытописателя. Таковые появились въ восьмидесятыхъ годахъ, и въ числѣ ихъ былъ Максъ Крецеръ. Подобно Гауптману, сынъ обѣднѣвшаго содержателя гостиницы, рожденный въ Познани въ 1854 году (по другимъ извѣстіямъ въ 1857 г.), онъ, однако, съ 13 лѣтъ попалъ въ Берлинъ, сначала рабочимъ на фабрикѣ за талеръ въ недѣлю, причемъ по ночамъ читалъ ради самообразованія, потомъ побывалъ и рисовальщикомъ декóрацій, и купцомъ; а въ 1878 г. мы находимъ его уже сотрудникомъ *Freie Presse*. Первый его романъ «Два товарища» былъ направленъ противъ соціалъ-демократіи. Затѣмъ написаны были: «Обманутые» (1882 г.) и «Загубленные» (1883 г.), причемъ первый романъ прославилъ его имя, несмотря на свои крупныя несовершенства, а второй—не только не разрушилъ этой славы, но еще былъ большимъ шагомъ впередъ.

Побѣды на полѣ битвы не доставили нѣмцамъ преобладанія надъ французами на поприщѣ ума и искусства; скорѣе произошло нѣчто обратное: не только французскіе милліарды произвели переворотъ въ экономической жизни Пруссіи, но и модныя литературныя вѣянія сильнѣйшимъ образомъ отразились на нѣмецкихъ писателяхъ. Во главѣ французской литературы того времени стоялъ Золя со своимъ натурализмомъ. Онъ послужилъ образцомъ для нѣмецкихъ писателей, а въ томъ числѣ и для Крецера, ко-

торый современемъ и получилъ прозваніе нѣмецкаго Золя. Другимъ его учителемъ былъ Фрейтагъ, буржуазно-романтической манерой котораго сначала сильно отзывался реализмъ Крецера. Дальнѣйшій шагъ послѣдняго послѣ Шпильгагена заключался въ эту пору лишь въ томъ, что, описывая одну берлинскую улицу, Крецеръ пытался назвать ее настоящимъ именемъ, чего, однако, не дозволилъ ему издатель. Въ остальномъ—все та же фабула съ романтическими приключеніями, тотъ же напыщенный книжный языкъ, та же небрежность въ правдоподобіи подробностей (напримѣръ, незаконный сынъ у него получаетъ наслѣдство въ такомъ случаѣ, когда это невозможно по нѣмецкому законодательству). Въ этотъ первый періодъ его творчества онъ много уступаетъ какъ французскимъ, такъ и нѣмецкимъ писателямъ. Во второмъ періодѣ творчества созрѣло его общее міровоззрѣніе, и самоучка сталъ самостоятельнымъ писателемъ. Къ этому-то времени относятся «Обманутые», «Загубленные» и «Мастеръ Тимпе».

Говорили, что Крецеръ способствовалъ созданію въ Германіи существенно новой формы романа, считая задачею послѣдняго «художественное изображеніе соціальнаго положенія личности, связанной экономическими узами». Къ осуществленію этой задачи онъ и стремился. Своихъ обманутыхъ и загубленныхъ онъ представляетъ типичными героями времени, какими прежде были разорванныя и утомленныя цивилизаціей души; только что у него подчеркивается соціальный гнетъ, какъ прежде подчеркивалось господствовавшее настроеніе. Это стремленіе представить судьбу личности единственно, какъ результатъ даннаго состоянія общества, достигаетъ наивысшей степени въ романѣ «Мастеръ Тимпе». Хотя Рихардъ Мейеръ рѣзко критикуетъ тенденціозность этого произведенія, пристрастное отношеніе автора къ выводимымъ лицамъ и самый языкъ, считая этотъ романъ шагомъ назадъ противъ реализма Фрейтага или Луизы Франсуа, однако нельзя отрицать, что, изо всего написаннаго Крецеромъ въ данный періодъ, его слѣдуетъ признать наилучшимъ и наиболѣе свободнымъ отъ присущихъ его автору недостатковъ.

Затѣмъ, покинувъ путь чистаго реализма, Крецеръ обращается за поддержкою къ символизму. Плодомъ такой перемѣны явился романъ «Явленіе Христа», въ которомъ авторъ употребилъ пріемъ, заимствованный у тѣхъ французскихъ живописцевъ, на чьихъ полотнахъ, при современной обстановкѣ, на балу или во время пышнаго ужина, среди декольтированныхъ дамъ и мужчинъ во фракахъ, изображенъ ради контраста Іисусъ Христосъ. Несмотря на то, что въ этомъ романѣ описанія живѣе и психологія глубже, чѣмъ въ предыдущихъ, однако, онъ мало удовлетворяетъ читателя, привыкшаго искать въ литературѣ правдиваго изображенія дѣйствительности. При всемъ томъ, безъ сомнѣнія, онъ можетъ имѣть своихъ цѣнителей среди публики иного рода.

Другіе романы Крецера, гдѣ онъ покидаетъ хорошо извѣстную ему среду рабочихъ, совершенно лишены интереса, особенно для русской пу-

блики. Таковы, напримѣръ, «Семейные рабы» и «Групевальдская мадонна». Въ сущности, весь интересъ произведеній Крецера заключался въ избиравшихся имъ темахъ. Какъ художникъ, онъ не блещетъ ни искусствомъ компановки, ни яркостью или выпуклостью формы; словомъ, однимъ своимъ талантомъ, помимо животрепещущей темы, онъ не привлечетъ читателя. Языкъ его, вообще плохой, составляетъ истинное мученіе для переводчика его первыхъ романовъ, и вовсе не по трудности для пониманія, а единственно потому, что только цѣною многихъ усилій можно ухитриться писать по-русски хоть приблизительно такъ скверно, какъ Крецеръ пишетъ по-нѣмецки. Въ этомъ онъ тоже сходенъ съ Золя (о которомъ недаромъ говорилось, что онъ не умѣетъ писать по-французски) и, можетъ быть, даже превосходитъ его.

Тѣмъ не менѣе, здѣсь предлагается читателямъ именно одинъ изъ первыхъ романовъ Крецера (хотя, конечно, не худшій), выбранный за интересную тему и полную искренность автора. Историкъ литературы Ганштейнъ даетъ о немъ слѣдующій отзывъ:

«Въ полной силѣ дарованіе Крецера выразилось въ «*Die Verkommenen*» (1883 г.).

«Мы знакомимся съ героями въ лавкѣ закладчика;—отсюда дѣйствіе распространяется по рабочему кварталу и обращаетъ наше вниманіе на фигуры, мимо которыхъ мы прошли бы на улицѣ безъ вниманія и даже съ отвращеніемъ. Давно уже не было въ Берлинѣ такого писателя, который умѣлъ бы представить настолько обыденныя событія въ такомъ драматическомъ свѣтѣ. Казарменнаго вида домъ, населенный множествомъ рабочихъ семей, становится намъ такъ знакомъ, точно мы его сами видѣли. Передъ нами развертываются картины отчаянной борьбы добрыхъ и злыхъ людей съ нуждою и притѣсненіями. Конечно, преувеличенія найдутся; но авторъ и не выдаетъ свою книгу за продуктъ чистой художественности, а имѣетъ цѣлью возбудить жалость и любовь къ ближнимъ. Въ этомъ—отличіе отъ Золя, для котораго люди являлись чѣмъ-то вродѣ морскихъ свинокъ для опытовъ. Въ произведеніи же Крецера всюду слышенъ голосъ сердца».

I.

Вотъ листья и цвѣты по вѣтру улетаютъ:
Родимый стволъ не могъ ихъ удержать.
Крутясь, несутся, сохнутъ, увядаютъ...
Возврата нѣтъ: ихъ участь—пропадать...
. . . . . .
Чья жизнь, разбита рокомъ, погибаетъ,
Того семья не можетъ ужъ спасти:
Имъ духи зла насмѣшливо играютъ
И, къ пропасти ведя, терзаютъ по пути.

Хуго Кегель.

Ида Меркъ уснула у колыбели своего младшаго ребенка. Не боязнь ли думать о приближавшихся зимнихъ дняхъ, полныхъ горя,

нужды и заботы, погрузила ее въ дремоту въ пятомъ часу пополудни. Или въ самомъ дѣлѣ усталость одолѣла ее? Вотъ она, еще въ полуснѣ, приподняла голову и протерла глаза. Ее пробудилъ громкій крикъ ребенка. Дитя, конечно, требовало рожка, а молока въ домѣ не было. Ида встала, взяла ребенка и попробовала успокоить его уговорами и пѣніемъ, приподниманіемъ и качаніемъ на рукахъ, всякими ласками любящей матери. Въ то же время она кликнула Магду, старшую дочь, чтобы та ненадолго взяла малютку. Магда была крѣпко сложенная дѣвочка тринадцати лѣтъ и являлась какъ бы уменьшеннымъ повтореніемъ матери. Когда она, по обычаю дѣтей рабочихъ, которымъ рано приходится пріучаться къ хозяйственнымъ хлопотамъ, подвязавши синій фартукъ и высоко засучивъ рукава платья, стояла въ кухнѣ надъ лоханью, тогда особенно бросалось въ глаза ея сходство съ Идой. У нея были тѣ же каштановые волосы, тотъ же маленькій ротъ, тотъ же изящный носъ, та же овальная форма лица и даже тѣ же лукавыя ямочки на щекахъ. А когда она держала на рукахъ ребенка, играя съ нимъ и улыбаясь, то во рту ея сверкали точно такіе жемчужные зубы, какъ и у матери.

Ахъ, кто заглянулъ бы въ рабочій кварталъ Берлина, тотъ увидалъ бы немало подобныхъ юныхъ хозяюшекъ, единственной куклой которыхъ бываетъ крошечный братецъ или сестрица: онѣ носятъ малютку на рукахъ, забавляются съ нимъ и шутятъ. Магда принадлежала къ разряду такихъ домовитыхъ дѣвочекъ, которыхъ жестокая судьба, по большей части, не допускаетъ впослѣдствіи стать настоящими хозяйками.

Ида набросила на себя платокъ и собралась выйти изъ дому. При этомъ она подумала о мужѣ. Вотъ уже два мѣсяца какъ Меркъ ходилъ безъ дѣла. Въ то время на большихъ фабрикахъ, за Ораніенбургскими воротами, разсчитывали рабочихъ цѣлыми толпами. Это являлось послѣдствіемъ золотой поры грюндерства и спекуляцій, на много лѣтъ омрачившей будущее. Въ теченіе послѣднихъ восьми недѣль Меркъ почти не сходилъ съ улицы. Онъ предлагалъ свой трудъ на всѣхъ фабрикахъ, побывалъ во всѣхъ мастерскихъ, гдѣ его сколько-нибудь знали и гдѣ онъ могъ надѣяться не получить отказа. Рано утромъ, въ шесть часовъ, какъ только отпирались конторы тѣхъ газетъ, гдѣ болѣе всего помѣщается объявленій о работѣ, онъ уже стоялъ на улицѣ, среди густой толпы тѣхъ ищущихъ мѣста людей, которые любопытно просматриваютъ еще не просохшіе листки, послѣ чего или удаляются медленно и съ разочарованнымъ видомъ, или поспѣшными шагами направляются туда, откуда исходитъ предложеніе. Все было напрасно: старанія Меркa не увѣнчивались успѣхомъ. Напро-

тивъ того, виды на будущее становились все мрачнѣе. Большія фабрики распускали все больше народу, а кто еще не былъ разсчитанъ, тотъ работалъ три четверти дня; къ тому же и зима наступила рано; ледяной вѣтеръ гулялъ по улицамъ и площадямъ. Зима безъ работы, безъ хлѣба, въ нетопленной комнатѣ, казалась невыразимо страшною Идѣ, которая доселѣ, въ теченіе четырнадцати лѣтъ брачной жизни, знала только счастіе и довольство,—и приводила ее въ ужасъ. Она представлялась ей пугаломъ, отмѣченнымъ страшными чертами нищеты и страданія. Если же къ этому пугалу присоединится нѣчто еще болѣе страшное для бѣдняковъ и называемое болѣзнью, тогда чаша человѣческаго горя будетъ какъ разъ достаточно полна, чтобы истребить цѣлую семью... Если Меркъ, по обыкновенію, не найдетъ сегодня работы и вернется домой въ совершенномъ унынiи, что тогда дѣлать! Всѣ сбереженія давно истрачены; приходится даже закладывать вещи, и никто не знаетъ, откуда взять квартирную плату къ уже близкому первому числу. Кромѣ того, у Магды башмаки совсѣмъ износились, и если ей продолжать ходить въ приходскую школу, то необходимы новые. У одиннадцатилѣтняго Франца не было ничего теплаго для наступавшей зимы. Это былъ прилежный и шустрый мальчикъ, съ большими способностями къ рисованію. Всѣ сосѣди хвалили его за учтивость, а учитель въ классѣ ставилъ его въ примѣръ товарищамъ. Когда ему удавалось стащить изъ плиты кусочекъ угля, то онъ усаживался гдѣ-нибудь въ углу и начиналъ выводить на голубой стѣнѣ всякія фигуры, изображавшія то большую собаку зеленщика, то костлявую клячу угольщика изъ сосѣдняго дома, то длинное, безбородое лицо домовладѣльца. Онъ такъ углублялся въ свое занятіе, что не слыхалъ радостныхъ криковъ дѣтей на дворѣ и у воротъ и какъ бы не чувствовалъ потребности играть, подобно прочимъ мальчикамъ. Когда Меркъ, держа младшаго ребенка на рукахъ, заставалъ мальчика за такимъ дѣломъ, то громко смѣялся надъ карикатурами на стѣнѣ и призывалъ жену посмотрѣть. Ида подходила и смѣялась вмѣстѣ, такъ что видны были ея бѣлые зубы.

— Изъ этого парня что-нибудь выйдетъ,—говорилъ отецъ въ такихъ случаяхъ, а Ида выражала мнѣніе, что можно отдать его въ ученіе къ живописцу.

То были времена, когда еще Меркъ приносилъ аккуратно каждую субботу по восьми талеровъ и никакъ не думалъ очутиться безъ работы; а въ послѣднія недѣли, когда онъ приходилъ съ унылымъ видомъ, то Ида съ одного взгляда знала, что не о чемъ и спрашивать. Она молча смотрѣла на мужа, который тяжеловѣсно опускался на

стулъ. Черезъ нѣсколько минутъ она потихоньку подходила, чтобы утѣшить его со всею искренностью любящей жены:

— Рихардъ,—говорила она тогда,—не вѣшай головы; въ крайнемъ случаѣ я опять могу пойти въ полировщицы, и ты знаешь: я могу кое-что добыть.

Меркъ обыкновенно отвѣчалъ короткимъ смѣхомъ и съ волненіемъ возражалъ:

— Не толкуй про это!

Чтобы его жена пошла опять на фабрику? Этого онъ не допуститъ! Онъ не таковъ, какъ его другъ и товарищъ Людвигъ Якобъ или еще другіе, для которыхъ жена—просто вьючная скотина, изводящаяся ради нихъ, между тѣмъ какъ они, здоровенные мужики, только сидятъ, сложа руки. Для этого онъ слишкомъ любилъ жену, какъ мать своихъ дѣтей. Онъ скорѣе согласенъ былъ мостить мостовую или дѣлать что угодно.

Идѣ предстояла тяжелая задача: она собиралась въ одно изъ тѣхъ мрачныхъ мѣстъ, гдѣ бѣднымъ и несчастнымъ даются наличныя деньги подъ залогъ ихъ имущества. Въ домѣ не было хлѣба; завтра, въ воскресенье, надо же было наѣсться хоть разъ за всю недѣлю, да и дѣтямъ положить кусочекъ мяса на тарелку. Меркъ ей сказалъ, что если его до пяти часовъ не будетъ дома, то пусть она снесетъ къ закладчику его праздничное платье.

Ида стала собирать вещи, но сначала взяла щетку, чтобы вычистить ихъ хорошенько. Изъ ея груди при каждомъ движеніи вырывались вздохи, въ которыхъ выражались всѣ ея погибшія надежды, все ея безутѣшное горе о судьбѣ мужа и дѣтей. Затѣмъ она испытующе осмотрѣла всю маленькую квартирку, которая помѣщалась во дворѣ, въ нижнемъ этажѣ одного дома на Инвалидной, состояла изъ одной комнаты и кухни и лишь скудно освѣщалась четыреугольнымъ кусочкомъ неба, виднѣвшагося изъ нея. Ида осмотрѣла свое скудное имущество. Мебель казалась уже очень подержанной, какъ и можно было ожидать послѣ четырнадцатилѣтняго употребленія. Дверки платяного шкафа соскочили съ петель, а диванъ совершенно полинялъ, и только его станокъ могъ имѣть хоть малую цѣнность. Комода и стола никто не согласился бы взять и даромъ, а стулья всѣ качались и были прорваны.

Единственное, что хорошо сохранилось, было зеркало, стекло котораго Ида протирала неутомимо. Правда, были еще перины, дорогія тугія перины, которыми гордится каждая хозяйка. Онѣ были послѣднимъ якоремъ спасенія въ самой крайней нуждѣ. Но когда придется взяться за перины, тогда уже въ самомъ дѣлѣ можно бу-

детъ сказать, что все пропало. У Иды вырвался самый тяжкій вздохъ. Господи Боже! Всего, что ее окружало, могло какъ разъ хватить на то, чтобы въ случаѣ необходимости удовлетворить домохозяина мѣсячною платою за квартиру.

Мать приказала Магдѣ присмотрѣть за малюткой, взяла за руку свою маленькую дочку, пятилѣтнюю Анну, и вышла вонъ. Она спустилась по небольшой черной лѣстницѣ, гдѣ постоянно торчало полдюжины страшно грязныхъ и жалкихъ дѣтей двухъ жившихъ въ подвалѣ рабочихъ семей, и очутилась на многолюдной улицѣ.

Былъ конецъ октября. Сумерки наступали рано, и въ этотъ часъ стояла полутьма, совершенно преображавшая городъ. Постепенно зажигались газовые рожки, освѣщались витрины, бросая ослѣпительный свѣтъ на тротуаръ; выступалъ наружу тотъ второй громадный Берлинъ, раздражающая привлекательность котораго замѣчается и ощущается лишь при вечернемъ освѣщеніи. Дома принимаютъ совсѣмъ другой видъ; люди какъ бы совершенно измѣнились; длинныя улицы съ необозримыми рядами огней производятъ новое впечатлѣніе. Тысячеголовая масса, потокомъ стремящаяся по улицамъ и плохо различимая при невѣрномъ свѣтѣ сумерокъ, какъ бы удваивается въ числѣ при обманчивомъ блескѣ фонарей, представляется чѣмъ-то неопредѣленнымъ и громаднымъ, на чемъ быстро возникаютъ и исчезаютъ свѣтовые рефлексы, временами оставляя цѣлые промежутки въ глубокой тьмѣ. Каждый отдѣльный прохожій уже не чувствуетъ такой увѣренности, какъ днемъ, осторожнѣе ступаетъ среди оглушительнаго дребезжанія колесъ, выказываетъ стремленіе какъ можно скорѣе дойти до цѣли и своею поспѣшностью ускоряетъ бѣгъ этой живой лавины. Вся эта вѣчно неудовлетворенная толпа, это смѣшеніе искусственныхъ украшеній и непритязательной простоты, тайныхъ пороковъ и преувеличенныхъ добродѣтелей, а также смертельной вражды къ своему ближнему, распредѣляется, при этомъ вторичномъ пробужденіи Берлина, по кабакамъ перваго и послѣдняго сорта, по дворцамъ городского центра, по уютно убраннымъ обывательскимъ жилищамъ, поглощается мало-по-малу высокими казарменными домами предмѣстій, тѣсными четвертыми этажами и темными углами въ подвалахъ безъ свѣта и воздуха. А въ рабочемъ кварталѣ по субботнимъ вечерамъ,—тамъ уличная жизнь доходитъ до высшаго градуса, тамъ шумъ достигаетъ силы морского прибоя, пріобрѣтаетъ нѣчто эпически могучее и живописно привлекательное. Тамъ не дребезжатъ экипажи, не выходитъ наружу роскошь съ единственной цѣлью показать себя, тамъ нѣтъ блеска Фридрихова квартала, и суббота не является обыкновеннымъ днемъ, какъ въ календарѣ богачей.

Среди безчисленныхъ фабрикъ съ почернѣвшими стѣнами и цѣлымъ лѣсомъ торчащихъ къ небу трубъ, среди семейныхъ домовъ Садовой улицы и тѣхъ тысячъ душныхъ, низкихъ и тѣсныхъ рабочихъ жилищъ, которыя занимаютъ все обширное Розентальское предмѣстье и, черезъ лабиринтъ узкихъ, грязныхъ, еще по старинному застроенныхъ улицъ, доходятъ до жалкихъ хижинъ на Веддингѣ,—тутъ царитъ четвертое сословіе, тутъ живетъ армія машино-строителей Берлина, тутъ общеупотребительна синяя блуза, тутъ обитаютъ скрытые отъ внѣшняго міра бѣдные и несчастные, тутъ въ тѣсныхъ подвальныхъ дырахъ скалятъ зубы голодъ и болѣзнь.

Надо пройти по рабочему кварталу Берлина вечеромъ въ день полученія платы, чтобы въ полномъ объемѣ понять слова: «заработывать деньги»; чтобы перенестись въ сознаніе обездоленныхъ, радующихся тому, что денегъ, которыя звенятъ у нихъ въ карманѣ, имъ хватитъ на половину слѣдующей недѣли; чтобы воспринять всѣ пестрыя впечатлѣнія жизни на улицахъ, на площадяхъ. Всѣ лица проясняются; даже блѣдныя, исхудалыя отъ горя и лишеній щеки на нѣсколько минутъ становятся румяными. Полученіе скуднаго заработка, послѣ тяжелаго труда, приводитъ этихъ бѣдняковъ въ состояніе, подобное опьяпѣнію, которое на нѣсколько часовъ овладѣваетъ и мужчинами, и женщинами, и старыми, и молодыми, заставляя всѣхъ ихъ жить лишь текущимъ моментомъ.

Мужъ Иды принадлежалъ всегда къ числу людей солидныхъ. Женѣ не приходилось по субботнимъ вечерамъ поджидать его у фабричныхъ воротъ изъ страха, какъ бы онъ не засѣлъ въ ближайшей пивной, подобно многимъ молодчикамъ, думающимъ сначала о собственномъ удовольствіи, а потомъ уже о необходимости принести домой немного денегъ. Меркъ былъ всегда хорошимъ мужемъ, заботливымъ отцомъ и очень любилъ дѣтей. Если и случалось ему заходить по субботамъ къ старому Крумхольцу на Шоссейной, то лишь затѣмъ, чтобы, выпивши кружку бѣлаго пива, тотчасъ выйти вонъ. Онъ покупалъ еще за восемь пфениговъ особенно хорошую сигару, о которой Крумхольцъ утверждалъ, что ее не стыдно курить и «Подъ липами», а затѣмъ отправлялся домой.

Идя по улицамъ, Ида живо вспоминала о тѣхъ временахъ. Господи, какъ все перемѣнилось! Тогда какъ другіе съ радостными лицами расходятся по домамъ, Меркъ бродитъ неизвѣстно гдѣ, стараясь, по возможности, отсрочить ту минуту, когда придется, по обыкновенію, сказать женѣ, что его поиски остались безуспѣшными. О, она хорошо знала въ немъ эту нерѣшительность.

Черезъ четверть часа Ида дошла до мѣста. Она остановилась пе-

редъ четырехъэтажнымъ домомъ, привлекательная внѣшность котораго не позволяла догадаться о томъ, какая грязь заполоняла его сѣни и лѣстницы. Между двумя окнами нижняго этажа пламенѣла большая красная вывѣска съ бѣлой надписью: «Покупка и продажа перинъ, мебели, бѣлья, платья, золотыхъ и серебряныхъ вещей». Ида помедлила въ сѣняхъ; она шла, какъ человѣкъ, желающій быть какъ можно дальше отъ того порога, который собирается переступить. Вѣдь она несла въ рукахъ часть своего прежняго счастія. Какимъ молодцомъ бывалъ ея мужъ въ этомъ платьѣ, когда, по воскресеньямъ, она ходила съ нимъ за городъ или даже въ Зоологическій садъ. На минуту эти картины ожили въ ея памяти.

Собравшись съ духомъ, она, наконецъ, поднялась по ступенямъ. На тяжелой, обитой желѣзомъ, двойной двери, виднѣлась дощечка съ надписью: «Мориць Изидоръ Лайбъ. Открыто отъ восьми утра до девяти вечера».

Войдя, Ида увидѣла большую и длинную комнату, значительная часть которой была переполнена вещами всякаго рода. Нагроможденная другъ на друга мебель, всѣ пожитки цѣлыхъ хозяйствъ, мало-по-малу перешедшіе сюда, загораживали два окна этой комнаты, и лишь черезъ третье проникалъ въ нее свѣтъ, скудно освѣщавшій узкій проходъ, который велъ отъ двери къ этому окну. Долговременное накопленіе имуществъ цѣлыхъ разоренныхъ семействъ заставляло утилизировать каждый вершокъ въ этомъ дурно пахнувшемъ помѣщеніи. По стѣнамъ висѣли безчисленные часы всякаго сорта. Съ каждыми изъ нихъ была связана какая-нибудь печальная исторія. Тутъ же были картины и зеркала, начиная отъ такихъ, которыя сверкали въ золотыхъ рамахъ и кончая самыми простыми, едва годными подъ залогъ за нѣсколько грошей. Подъ потолкомъ насованы были сундуки, дорожныя корзины и многіе другіе предметы. Налѣво оклеенная обоями дверь вела въ другую комнату, гдѣ пестрая смѣсь женскихъ платьевъ, сюртуковъ, жилетовъ, брюкъ, тѣсно висѣвшихъ на вѣшалкахъ и подъ потолкомъ, казалась съ перваго взгляда какою-то непроницаемою черною массою, безъ словъ говорившею о нуждѣ, легкомысліи и несчастіи. Ида очутилась передъ тою частью прилавка, которая приподнималась, слѣва отъ заклеенной обоями двери. Передъ прилавкомъ стояло нѣсколько плетеныхъ, старыхъ прорванныхъ стульевъ, на которыхъ можно было сѣсть, ожидая окончанія дѣла. Между двумя шкафами, точно погребенная, въ исполинскомъ плетеномъ креслѣ сидѣла толстая, грязная женщина, вся закутанная въ платки и шали; на ея немытыхъ, мясистыхъ рукахъ красовалось съ дюжину дорогихъ колецъ, становившихся за-

мѣтными для входившаго лишь тогда, когда эта толстая особа, съ лишеннымъ выраженія, расплывшимся лицомъ, нагибалась впередъ, чтобы взглянуть по направленію къ двери. Это чудовище, которое постоянно зябло даже въ большія жары, вѣчно жаловалось на плохія времена, страдало ревматизмомъ и каждую свѣжую струю воздуха считало за врага, называлось Сереною Лайбъ; то была супруга тощаго человѣка, облаченнаго въ слишкомъ широкій халатъ и теперь вставшаго изъ-за стараго письменнаго стола у окна, чтобы въ согбенномъ положеніи подойти ближе, причемъ, загораживая ротъ рукою, онъ не переставалъ кашлять.

Морицъ Изидоръ Лайбъ еще годъ назадъ имѣлъ «портновскій магазинъ» и велъ выгодную торговлю на Розентальской улицѣ. Но стремленіе оказывать благодѣянія побудило его въ одинъ прекрасный день открыть на свой скопленный капиталецъ лавку для покупки и закладa старья посреди рабочаго квартала и выжимать изъ людской нужды хорошіе проценты. Тутъ ему очень помогли его познанія въ шитьѣ платья и опытность, пріобрѣтенная за много лѣтъ. Онъ поступалъ во всѣхъ отношеніяхъ корректно: покупалъ осторожно, не связывался съ продавцами краденаго, не давалъ денегъ безъ законной расписки, съ видомъ знатока осматривалъ все принесенное въ закладъ и бралъ процентовъ не больше и не меньше, какъ 25 въ мѣсяцъ.

Ида сказала: «Доброе утро» и положила свой узелъ на прилавокъ. Еще не было шести часовъ: у женъ рабочихъ еще не было денегъ, чтобы выкупать вещи, и потому она стояла передъ прилавкомъ одна. Г. Лайбъ еле отвѣтилъ на поклонъ. Его сухіе пальцы погрузились въ узелъ съ очевиднымъ намѣреніемъ недолго возиться въ данномъ случаѣ. Маленькіе, красные, постоянно больные глаза остановились на минуту на фигурѣ Иды, нѣсколько задержались на ея кругломъ, свѣжемъ лицѣ и опять устремились на принесенное.

Этой женщины онъ еще не видалъ. Она принесла закладывать мужское платье. Гм... это начало одной изъ многихъ исторій, конецъ которыхъ ему хорошо извѣстенъ. Люди эти приходятъ такъ смѣло и съ такимъ видомъ, точно завтра же выкупятъ заложенное, а вмѣсто того несутъ потомъ все больше и больше вещей, становятся все тише и скромнѣе и, наконецъ, бываютъ рады, когда имъ дашь хоть нѣсколько грошей.

Онъ зналъ очень многихъ приходившихъ къ нему такими же чистыми и сытыми, какъ эта женщина; но потомъ они становились все худѣе и оборваннѣе, а когда являлись совсѣмъ въ лохмотьяхъ, то ихъ легко было удержать въ рукахъ. О выкупѣ не могло быть и рѣчи, и какъ только проходилъ срокъ, такъ можно было смѣло прода-

вать ихъ вещи, удесятеряя затраченный капиталъ. А новыхъ кліентовъ надо сначала приманить; лучше дать немножко лишняго, чтобы опять пришли, и оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ. Часто они потомъ закладываютъ вещи, чтобы заплатить проценты за болѣе дорогія, раньше заложенныя, которыхъ не желаютъ терять. Тогда двѣ мухи убиваются однимъ ударомъ: получаются все новые и новые проценты, а вещи остаются въ рукахъ.

Прежде чѣмъ Лайбъ успѣлъ произнести хоть слово, съ кресла раздалось какимъ-то замогильнымъ голосомъ, напомнившимъ крикъ ворона среди этихъ развалинъ благополучія бѣдныхъ людей:

— Не давай лишняго, Морицъ, слышишь?

Г-жа Серена повторяла эту фразу каждый разъ, какъ ея супругъ приступалъ къ дѣлу: въ томъ и состояло все ея участіе. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда она находила необходимымъ высказать мнѣніе о цѣнности предмета, она прибавляла:

— Морицъ, покажи-ка сюда!

Тогда ея жирные, унизанные кольцами пальцы щупали такъ долго, глаза глядѣли сквозь перламутровый лорнетъ съ такимъ вниманіемъ, что приговоръ ея становился рѣшающимъ.

Г. Лайбъ бралъ каждую часть костюма и тщательно осматривалъ ее. Въ то же время онъ спросилъ у Иды Меркъ:

— Есть ли у васъ при себѣ квитанція въ уплатѣ налога или отъ квартирохозяина?

Ида вытащила требуемое. Сколько же она хочетъ за платье? Лайбъ предупредилъ, что много онъ не дастъ: петли у пиджака уже протерты, а это очень большой недостатокъ; кромѣ того, на спинѣ есть ласы, которыхъ ничѣмъ не выведешь. Ида возразила, что платье ношено очень мало, и съ нѣкоторою робостью спросила, не дадутъ ли за него восемь талеровъ, такъ какъ оно было куплено за двадцать. Матерія очень хорошая, пусть онъ пощупаетъ. Она непремѣнно его скоро выкупитъ, такъ какъ нужда ея теперь лишь временная.

— Не давай лишняго, Морицъ, слышишь?—снова сорвалось съ губъ г-жи Серены.

Но Лайбъ уже оттолкнулъ отъ себя платье, поднялъ руки съ жестомъ отрицанія, состроилъ гримасу, долженствовавшую изображать высокомѣрную улыбку, и сказалъ коротко и рѣшительно:

— Что это вы себѣ думаете?... За поношенное платье восемь талеровъ? Да, этого многимъ захотѣлось бы! Я не могу вамъ дать больше четырехъ.

Да, это высшая оцѣнка. Другимъ онъ и этого не далъ бы; но видитъ, что тутъ имѣетъ дѣло съ женщиной обстоятельной, которая,

разумѣется, выкупитъ эти вещи, а въ случаѣ надобности и опять зайдетъ къ нему. Что только люди себѣ воображаютъ! Пусть бы сходили въ казенные ломбарды; тогда бы увидѣли, какъ благородно Лайбъ относится къ публикѣ.

Ида съ минуту постояла молча, такъ какъ не ожидала, что ей дадутъ такъ мало. Но она не смѣла возражать: вѣдь, правда, что въ казенномъ ломбардѣ дадутъ еще меньше, такъ ужъ поневолѣ идешь къ закладчикамъ и платишь большіе проценты. Для нужды нѣтъ закона, и голодъ не тетка.

Итакъ, соглашеніе состоялось. Моритъ Лайбъ подошелъ къ большой и толстой засаленной книгѣ, внесъ въ нее имя, адресъ залогодательницы, названіе заклада и пумеръ, затѣмъ положилъ передъ Идою четыре звонкихъ талера и выдалъ квитанцію, дававшую ей право не позже, какъ черезъ мѣсяцъ, получить свои вещи назадъ, при условіи уплаты шестнадцати марокъ.

Между тѣмъ, дверь отворилась и вошла согбенная женщина въ изношенномъ платкѣ. То была бурнусница Флора Шварцъ.

Вдова Шварцъ имѣла двоихъ дѣтей. Мужъ ея былъ плотникомъ и имѣлъ несчастіе погибнуть по неосторожности, упавши съ третьяго этажа. Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ. Флора кормила себя и дѣтей швейною работою. Часто дѣло шло неважно; тогда приходила нужда, и Флора ломала себѣ голову: какъ бы добыть денегъ.

Лайбъ зналъ ее много лѣтъ. Ея имя уже не разъ красовалось въ его книгѣ, и лучшіе предметы ея прежней обстановки остались у него за просрочку.

— Ну, что у васъ?—освѣдомился Лайбъ.

Бурнусница бросила сконфуженный взглядъ на Иду, которая, нагнувшись, прятала деньги въ кошелекъ, затѣмъ подошла къ прилавку вплоть и вытащила изъ-подъ платка маленькій сверточекъ.

— Пожалуйста,—прошептала она, однако такъ, что Идѣ Меркъ все было слышно,—дайте мнѣ до субботы двѣ марки подъ эту кофточку: она принадлежитъ моей Машенькѣ и къ воскресенью будетъ ей нужна.

— У насъ столько дѣтскаго платья! Моритъ, не давай лишняго: ты знаешь, такого добра никто не купитъ,—опять раздалось изъ впадины между шкапами.

— Ахъ, г-жа Лайбъ! Вѣдь я же ее здѣсь не оставлю; я непремѣнно ее возьму въ субботу, можете быть увѣрены. Моей Машѣ кромѣ нечего надѣть въ воскресенье.

Серенинъ мужъ тѣмъ временемъ, не переставая покашливать, подробно осмотрѣлъ кофточку.

— Моя жена совершенно права,—сказалъ онъ.—Когда вещи просрочены, старьевщикъ дастъ за такую штуку грошъ или возьметъ ее въ придачу; а вы вѣдь знаете, г-жа Шварцъ, что никогда не выкупаете ничего или только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

— Господи, да потому что мнѣ никакъ нельзя. На мой заработокъ и не проживешь, и съ голоду не помрешь,—возразила бурнусница. Но эту кофточку она здѣсь не оставитъ. Ей и такъ было тяжело брать ее у ребенка; только когда въ домѣ нѣтъ хлѣба, то возьмешь, что угодно.

Соглашеніе состоялось, и Флора получила полторы марки.

— Вотъ и дѣло,—сказала она, уходя.—Куплю теперь хлѣба и соли, а потомъ видно будетъ.

Она еще ни разу не взглянула Идѣ въ лицо. Она вышла, Ида за нею. Въ сѣняхъ послѣдняя окликнула шедшую впереди.

— Флора, постой-ка на минуту!

— Ида, ты?...

Бурнусница удивилась, что вдругъ встрѣтила старую знакомую, которую не видала уже много лѣтъ. Онѣ когда-то были пріятельницами и еще дѣвочками жили въ одномъ домѣ. Обѣ отъ души обрадовались и привѣтливо пожали другъ другу руки; затѣмъ взоры Флоры скользнули по еще чистой зимней одеждѣ Иды, и при этомъ она вспомнила, какъ одѣта сама. Когда она замѣтила, что и взгляды пріятельницы покоятся на ней, то ей стало стыдно своего бѣдственнаго положенія, и она опустила глаза.

— Ты смотришь на меня съ такимъ удивленіемъ,—тихо проговорила она,—но тебѣ еще чуднѣе будетъ узнать, какъ плохо я живу съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой мужъ и дѣти стали сиротами.

Ида была глубоко тронута и сдѣлала жестъ отрицанія. Она не выпускала покраснѣвшей отъ мороза руки подруги и сочувственно пожала ее еще разъ.

— Бѣдная Флора!—заговорила она съ волненіемъ.—Бѣда на кого не живетъ! Особенно плохо одинокой женщинѣ безъ помощи и опоры. Съ нами можетъ случиться точно то же. Вотъ уже два мѣсяца, какъ Меркъ безъ работы, да еще забилъ себѣ въ голову не пускать меня опять въ полировщицы. А закладываніемъ вещей долго не протянешь. Такова ужъ наша судьба; только я не ропщу, потому что Меркъ былъ всегда со мной хорошъ. Четырнадцать лѣтъ прожили мы счастливо, прежде чѣмъ настали плохія времена на фабрикахъ.

— Такъ и ты приходила къ этому головорѣзу за деньгами?—спросила Флора.—Ахъ, если бы не проценты! Они просто съѣдаютъ. Желаю, чтобы тебѣ не долго доводилось ходить этой дорожкой.

— А гдѣ же ты живешь?—спросила Ида.

Бурнусница назвала ей нумеръ дома на Судейской. Ида Меркъ была нѣсколько удивлена.

— Вотъ гдѣ?—сказала она.—Тамъ живутъ и Якобы. Я знаю этотъ домъ: ужасно много набито въ немъ народу!

— Зато дешево,—возразила бурнусница.—Приходи когда-нибудь въ гости.

Ида согласилась. Еще немного прошли онѣ вмѣстѣ въ оживленной бесѣдѣ, причемъ Ида вела за руку дитя свое. Начавши, наконецъ, прощаться, она вдругъ спросила:

— Ты не обидишься?

Бурнусница полуудивленно подняла глаза и спросила:

— Въ чемъ дѣло?

Ида поколебалась, потомъ, взглянувъ на нее почти съ мольбою, сказала:

— Я знаю, ты бѣднѣе меня: ты уже закладываешь послѣднее. Вотъ возьми, пожалуйста, не отказывайся, я даю отъ чистаго сердца.— Съ этими словами Ида вложила талеръ въ руку подруги.

— О!— выговорила Флора и хотѣла вернуть деньги. Но Ида уговаривала ее до тѣхъ поръ, пока бурнусница, наконецъ, чуть не плача, сказала:

— Когда такъ, то спасибо. Можетъ быть, современемъ я отплачу тебѣ.

Съ этимъ онѣ разстались.

II.

Все тяжеле и тяжеле становилось семьѣ Мерка отъ безработицы. Нѣсколько дней ему удалось проработать на литейномъ заводѣ, замѣняя заболѣвшаго товарища; но это короткое счастіе миновало; вскорѣ были проѣдены деньги за праздничный костюмъ; за нимъ послѣдовало лучшее платье Иды, шелковое, сшитое еще къ свадьбѣ и надѣвавшееся лишь въ особо-торжественныхъ случаяхъ. Ставши нерѣдкою гостью у Морица Изидора Лайба, она сдѣлалась смѣлѣе и уже не опускала глазъ, а въ концѣ-концовъ совсѣмъ перестала конфузиться. Уже при ея третьемъ посѣщеніи г. Лайбъ убѣдился, что даръ пророчества и на этотъ разъ не измѣнилъ ему. Эта женщина, безъ сомнѣнія, не перестанетъ таскать сюда вещи, пока не перетаскаетъ всего своего добра.

Рабочихъ женщинъ къ нему ходило много, но такихъ аппетитныхъ, какъ Ида, рѣдко приходилось видѣть. Поэтому г. Лайбъ, про-

тивъ обыкновенія, подолгу останавливался взоромъ на своей кліенткѣ и, если втайнѣ сравнивалъ эту женщину съ толстымъ чудовищемъ между шкапами, то никакъ не въ пользу послѣдняго. Но Морицъ Изидоръ никогда не давалъ поймать себя ни на чемъ недозволенномъ; только не былъ же онъ виноватъ, что чужія жены красивѣе его собственной.

— Какъ поживаетъ вашъ мужъ, милая г-жа Меркъ?—дальше этого не шла любезность закладчика, когда Ида развязывала передъ нимъ узелокъ. Она, разумѣется, вздыхала и давала малоутѣшительные отвѣты. Г. Лайбъ едва успѣвалъ произнести обычную фразу:— Ну, не унывайте, все устроится!—какъ изъ кучи платковъ уже раздавался пароль г-жи Серены:

— Не давай лишняго, Морицъ, слышишь?

По субботамъ, вечеромъ, когда закрывались фабрики и мастерскія, у Лайба бывало столько дѣла, что оказывалось необходимымъ брать на помощь племянника жены, который еще ходилъ въ школу, но уже выказывалъ недурныя способности къ ремеслу закладчика.

Феликсъ Розенштиль, сынъ единственной сестры г-жи Серены, которая жила въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ со смерти мужа, обанкротившагося биржевого маклера, былъ шустрый парень семнадцати лѣтъ, стройный, съ несоразмѣрно большой головою и лицомъ, какъ будто состоявшимъ лишь изъ громаднаго носа. Онъ производилъ впечатлѣніе плохо написаннаго вопросительнаго знака. Тѣмъ не менѣе, онъ уже начиналъ щеголять на Серенины деньги и усвоилъ себѣ манеры формирующагося хлыща. Онъ отлично зналъ, что сильнѣйшимъ желаніемъ бездѣтной Серены было усыновить его и сдѣлать наслѣдникомъ своего мужа. Однако, ни новый костюмъ, ни аккуратно расчесанные волосы, ни даже поминутно надѣваемое и сбрасываемое пенсне не могли сдѣлать его глупаго лица симпатичнымъ; онъ былъ и оставался типомъ скороспѣлаго юноши, пропитаннаго карьеризмомъ и страстью къ наслажденіямъ.

Цѣль его стремленія состояла въ томъ, чтобы современемъ стать «банкиромъ» и играть замѣтную роль среди веселящагося Берлина, разумѣется, при помощи денегъ тетушки Лайбъ, которая страшно его баловала. А пока приходилось терпѣть горькую долю: каждую субботу копаться въ старомъ хламѣ, задыхаться въ духотѣ, лазить по лѣстницѣ въ поискахъ за заложенными вещами.

Впрочемъ, дядя щедро выдавалъ ему карманныя деньги, а работа въ дядиной лавкѣ доставляла ему возможность дѣлать полезныя наблюденія надъ четвертымъ сословіемъ. Приходили кліенты и выкупали вещи, чтобы на слѣдующей недѣлѣ заложить ихъ вновь; явля-

лись рабочіе за праздничнымъ платьемъ, принесеннымъ лишь въ пятницу, но необходимымъ, чтобы повеселиться въ воскресенье, а также блѣднолицыя женщины, скопившія, наконецъ, денегъ для выкупа зимней одежды.

Приходили работницы съ такими и иными просьбами; порою показывалось истасканное лицо профессіональной дѣвки, пришедшей выкупить полусапожки, чтобы щегольнуть ими въ танцахъ въ тотъ же вечеръ.

— Поскорѣе, г. Лайбъ, мнѣ некогда,—говорила она.

Словомъ, закладчикъ едва успѣвалъ брать квитанціи, справляться въ засаленной книгѣ и крпчать нумера своему племяннику Феликсу.

Въ такіе вечера г-жа Серена помѣщалась уже не между шкапами, а кресло ея бывало пододвинуто къ самому прилавку: она получала деньги. Когда среди выкупавшихъ появлялись люди, принесшіе что-нибудь въ закладъ, то на нихъ не обращалось никакого вниманія; они конфузливо и терпѣливо ждали, когда окончатъ свои дѣла счастливцы, отдававшіе деньги, вмѣсто того, чтобы получать.

Не обходилось безъ споровъ и безъ торга, но г-жа Серена была неноколебима; въ рѣдкихъ случаяхъ сбавляла она нѣсколько грошей ради округленія суммы и чтобы не казалось, будто она рада высосать изъ бѣднякокъ послѣднюю каплю крови.

Въ послѣдній день мѣсяца передъ прилавкомъ Лайба разыгрывались другія сцены. Тогда никто не думалъ о выкупѣ: всѣ были полны заботы о квартирной платѣ. Тащили въ закладъ, что только возможно было, лишь бы не очутиться на улицѣ, особенно въ эту тяжкую безработную зиму; несли послѣднее платье, послѣднюю простыню, бѣлье, часы, мѣдную и оловянную посуду, утюги, мебель и швейныя машины. Г. Лайбу внимательно приходилось вникать въ цѣнность вещей, чтобы не влетѣть. Г-жа Серена побольше вытягивала шею, чтобы лучше видѣть, сколько отсчитываетъ ея Моритъ, а Феликсъ Розенштиль уносилъ вещи и навѣшивалъ на нихъ нумера. Всякій просилъ, какъ можно дороже, чуть не клятвенно обѣщая вскорѣ выкупить. Въ такіе дни обнажалась вся страшная нищета далекихъ предмѣстій: люди отдавали послѣднее, лишь бы сохранить крышу надъ головой.

Разъ, подъ вечеръ, въ половинѣ ноября, когда Ида шла къ закладчику, съ нею опять встрѣтилась бурнусница, шедшая оттуда; на этотъ разъ Иду Меркъ сопровождала Магда, помогая ей нести узелъ, а Флора Шварцъ вела за руку своего сына, стройнаго, но блѣднаго и, очевидно, болѣзненнаго мальчика однихъ лѣтъ съ Магдой. Было десять градусовъ мороза,—совершенно достаточно, чтобы прозябнуть плохо

одѣтымъ людямъ. Мерки, несмотря на печальныя обстоятельства, не прожили еще своей теплой одежды; зато Флоринъ мальчикъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ; изъ куртки своей онъ давно уже выросъ, и изъ ея короткихъ рукавовъ торчали его совершенно красныя руки. На его матери былъ все тотъ же старый теплый платокъ.

Флора Шварцъ какъ бы смутилась при видѣ Иды и сразу заговорила о талерѣ, котораго, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ вернуть. Ида перебила ея рѣчь, сказавши, что другъ дружкѣ помогать необходимо и что она, если бы могла, дала бы больше.

— Но видишь,—продолжала она,—я принялась уже за перины. Меркъ бѣгаетъ, какъ полоумный и чуть не колотится головой объ стѣнку. Теперь случается, что сидитъ дома и рѣжетъ изъ дерева разныя фигурки. Понятно, такая работа сбыта не находитъ... Вчера даже собирался бросить курить; но этого ужъ я не допущу. Ахъ, Флора, мой мужъ совсѣмъ не похожъ на другихъ; тѣ на его мѣстѣ давно бы запили, а онъ, если и выпьетъ рюмочку, чтобы согрѣться, когда идетъ за газетами, то всегда мнѣ скажетъ.

Ида была въ говорливомъ настроеніи. Ей было пріятно высказаться передъ пріятельницей, тѣмъ болѣе, что она не имѣла знакомыхъ среди своихъ сосѣдокъ.

— Войди со мною въ сѣни,—сказала она,—вѣдь холодно. Бѣдная Флора!—прибавила она чистосердечно.—Ты все еще въ этомъ тонкомъ платкѣ?

Флора вздохнула и отвѣтила:

— Никакъ не удается выкупить шубу; боюсь, ужъ не поѣла ли ее моль. Даже процентовъ не заплатила. Ужъ очень мало заработываю. Теперь шью на магазинъ Баруха, да насилу выпросила, чтобы давали мнѣ работу на домъ; а то ходишь-ходишь, да еще цѣлый день не ѣвши. Что за обѣдъ—сухая булка? Для дѣтей тогда стряпала жена Якоба; но мнѣ обходилось это слишкомъ дорого. Теперь варю сама, а за шубы получаю поштучно. За каждой сидишь два съ половиной дня, а платятъ только по пяти марокъ. Ты бы посмотрѣла, сколько работы! Фигурки изъ шнура, да воротникъ, да рукава, да карманы, да еще Богъ знаетъ что. А шелкъ и нитки, вѣдь, на мой счетъ. Продаетъ ихъ онъ по восьмидесяти марокъ; теперь и разсчитай, каковъ его барышъ! Избави Богъ всякаго добывать хлѣбъ иглою; если бы я знала, что моей Машенькѣ суждено то же самое, то пусть бы она лучше утопилась.—Флора помолчала, покрѣпче закуталась въ платокъ и продолжала:—Понятно, что и здоровье пропадаетъ; сегодня у насъ не было ни дровъ, ни углей: я и стащила къ Лайбамъ про-

стыню и двѣ наволочки. Насилу выкляньчила двѣ марки; съ ними дотяну до субботней получки.

Обстоятельства оказывались гораздо печальнѣе, чѣмъ ожидала Ида. Стоявшая передъ нею женщина несла воистину тяжкій крестъ. По блѣдности и худобѣ видно было, что она работаетъ и по ночамъ; отъ сидячей жизни она уже сгорбилась преждевременно. Ида вспомнила то время, когда онѣ, еще веселыми дѣвушками, отправлялись за городъ и когда Флора была самою рѣзвою изъ всѣхъ. Черты лица ея хранили слѣды былой красоты, но увяли отъ горя и лишеній. Несмотря на холодъ, Идѣ не хотѣлось уходить; она протянула руку Флорѣ и сказала съ такимъ же выраженіемъ искренняго сочувствія, какъ и при первой встрѣчѣ:

— Милая Флора, давай видаться и будемъ вновь друзьями. Можетъ быть, намъ заживется получше. Надо всегда на это надѣяться, когда уже хуже не можетъ быть.

Затѣмъ она заговорила о собственныхъ дѣлахъ. Всѣ вещи у Мерковъ были уже заложены; теперь нехватало денегъ за квартиру, но Ида добилась позволенія мужа поступить въ полировщицы на маленькую фабрику, такъ какъ иного исхода не предвидѣлось. Меркъ могъ оставаться дома и хозяйничать, а впослѣдствіи навернется и для него работа: трудныя времена должны же пройти когда-нибудь. Одно было бы ужасно: если бы захворалъ кто-нибудь изъ семьи. Теперь нужно искать квартиру. Перваго числа предстоитъ съѣзжать, такъ какъ девяносто талеровъ за горницу и кухню для нихъ черезчуръ дорого. Лучше перебраться еще дальше отъ центра. Надо искать.

Флора перебила ее вопросомъ, почему бы имъ не переѣхать на Судейскую: въ домѣ, гдѣ она живетъ, свободны три квартиры, изъ которыхъ одна ходитъ за шестьдесятъ талеровъ и какъ разъ годится Меркамъ.

— Грязновато, ну, да что дѣлать! Завтра же приходи,—прибавила она.

Ида задумалась. Ей страшно казалось поселиться въ такой громадной казармѣ, въ которой, по выраженію ея мужа, народъ напиханъ, какъ сельди въ бочкѣ. Но теперь времена были плохія, и разборчивость оказывалась неумѣстной. Пріятно было имѣть сосѣдкою Флору Шварцъ. Эта утѣшительная мысль заставила Иду отвѣтить, что она посовѣтуется съ мужемъ.

— Эта у тебя старшая?—спросила Флора, указывая на Магду, которая молча стояла за матерью и со вниманіемъ слушала бесѣду.

Ида отвѣтила утвердительно и съ любовью погладила дочь по головѣ.

— Она уже въ первомъ классѣ, только съ недѣлю не ходила въ школу, потому что очень износилось платье. Показаться въ люди нельзя. Завтра куплю ей новое, покрѣпче, да и подешевле, разумѣется.

— Вотъ и съ моимъ мальчишкой то же,—замѣтила бурнусница.—Ты видишь, какъ онъ грустенъ; положимъ, что онъ и нездоровъ. На будущій годъ ему надо начинать работать. У него хорошій почеркъ, и я хочу отдать его въ писцы, чтобы сколько-нибудь заработалъ. Онъ всегда былъ прилежнымъ, а книги такъ и глоталъ. Правда, Оскаръ, ты у меня выростешь молодцомъ?

Она тоже притянула къ себѣ сына, который, дрожа отъ холода, только молча кивнулъ.

— Ну, подайте другъ другу руки,—сказала она дѣтямъ,—и будьте друзьями.

Магда сначала сконфузилась, а потомъ нерѣшительно протянула мальчику руку.

— Однако, пора,—сказала ея мать и подняла узелъ.

Между тѣмъ въ просвѣтѣ воротъ показалась фигура и, пыхтя подобно паровику, прокатилась мимо стоявшихъ. Это былъ братъ Серены, г. Іоакимъ Іоахимсталь, «писатель, редакторъ, репортеръ, корреспондентъ иностранныхъ газетъ», предсѣдатель какого-то кружка, коммиссіонеръ для продажи домовъ и для займа денегъ, директоръ «литературнаго бюро» (единственно для распространенія романовъ своей жены) и управляющій однимъ домомъ на улицѣ Бюлова. Объемистый свертокъ у него подъ мышкой указывалъ на то, что г. «докторъ» Іоахимсталь еще разъ вознамѣрился заложить у г-жи Серены содержимое своего «литературнаго бюро», которое онъ вѣчно таскалъ съ собою изъ редакціи въ редакцію. На лѣстницѣ съ нимъ столкнулся г. Феликсъ Розенштиль, которымъ онъ тотчасъ овладѣлъ, чтобы воспользоваться его вліяніемъ на г-жу Серену. Послышались фразы, уже достаточно знакомыя супругамъ Лайбъ: одна изъ «крупнѣйшихъ газетъ» уже приняла этотъ романъ... «Моя Зельма» на этотъ разъ разрѣшилась необычайнымъ твореніемъ.

— Ахъ, милый Феликсъ, какой талантъ! Тысяча марокъ будетъ у насъ въ рукахъ перваго числа. Но до тѣхъ поръ... знаешь, милый Феликсъ, всегда нужны деньги въ концѣ мѣсяца... Сто марокъ—это пустяки! Увидишь, я тебѣ современемъ пригожусь. Мало ли что: замѣточку въ газетѣ... Литераторъ можетъ сдѣлать многое, ты этого не забывай...

Соня и выпаливая эти фразы, г. Іоахимсталь старательно отвер-

тывалъ верхнюю пуговицу Феликсова пиджака по всѣмъ правиламъ этого нестерпимаго искусства.

Феликсъ Розенштиль сначала пришелъ въ ужасъ, но въ концѣ-концовъ тронулся мольбами дяди. Онъ отворилъ боковую дверь и впустилъ г. Іоакима въ квартиру Лайбовъ.

III.

Къ первому декабря Меркъ дѣйствительно наняли рекомендованную имъ квартиру на Судейской. Сначала самъ Меркъ и слышать не хотѣлъ о помѣщеніи въ такомъ домѣ, гдѣ каждый знаетъ съ утра, что будетъ у сосѣдей за обѣдомъ; но Ида пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его.

Послѣднимъ доводомъ было то, что съ ихъ скудными пожитками совѣстно въѣзжать въ приличный домъ. Съ этимъ нельзя было не согласиться. Все было перезаложено, оставался только хламъ, который можно было перевезти на ручной телѣжкѣ.

Дѣти, напротивъ, радовались переѣзду: предстояло увидѣть новыя мѣста, играть съ новыми товарищами. Магдѣ сшили крѣпкое шерстяное платье: значитъ ей опять можно было ходить въ школу. Она не забыла Оскара Шварца и высказала матери, что хотя онъ кажется несмѣлымъ, но зато не будетъ такъ грубъ, какъ мальчишки въ приходской школѣ, которые щиплютъ и толкаютъ дѣвочекъ.

Особенно интересно ей показалось извѣстіе о томъ, что при новой квартирѣ есть громадный дворъ, гдѣ можно бѣгать, сколько угодно. Вѣрно, тамъ нѣтъ такого строгаго хозяина, какъ здѣшній, который при каждомъ шумѣ кричитъ изъ окошка, чтобы убирались на улицу, а то онъ придетъ съ палкой. Когда мать какъ-то въ шутку ей сказала, что, по словамъ тети Шварцъ, тамъ живетъ полсотни дѣтей, то Магда громко расхохоталась отъ радости.

— Вотъ будетъ весело! Только вотъ въ школу оттуда далеко,— замѣтила она; а мать ея вздохнула, думая, что и ей придется не ближе ходить на фабрику.

Развлекаясь рѣзьбою по дереву, Меркъ имѣлъ внимательнаго зрителя—одиннадцатилѣтняго Франца. По окончаніи школьныхъ занятій мальчикъ часами простаивалъ возлѣ отца и слѣдилъ за движеніемъ его рукъ. Потомъ онъ бралъ листъ бумаги и пытался срисовывать карандашомъ смѣшныя куколки, головки и разныя штучки, вырѣзанныя изъ дерева. Онъ садился на старый ящикъ, клалъ себѣ на колѣни доску съ листомъ бумаги и такъ серьезно всматривался въ разставленныя на подоконникѣ фигурки, что отецъ порою не могъ

удержаться отъ улыбки. Сравненіе рисунка съ фигурками доставляло ему затѣмъ величайшее удовольствіе и часто подавало поводъ къ шуткамъ. Пятилѣтняя Анна глядѣла черезъ плечо брата, громко хлопала въ ладоши и кричала въ кухню:

— Мама, опять готова картинка! Иди-ка сюда!

Меркъ, какъ и всѣ малообразованные люди, руководствовался въ своихъ сужденіяхъ скорѣе смутнымъ чувствомъ, нежели логикой. Ему неопредѣленно чудилось, что этотъ мальчикъ чѣмъ-то выше своего возраста и своихъ сверстниковъ. Онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ о сынѣ на фабрикѣ, когда еще работалъ тамъ и, по привычкѣ себѣ подобныхъ, не скупился на слово: «геній».

Черезъ два дня должно было наступить первое декабря—день переѣзда; онъ приходился какъ разъ въ субботу, а въ понедѣльникъ Идѣ предстояло начать свою работу. Въ послѣдніе дни она все чистила и стирала, чтобы дѣти цѣлую недѣлю не нуждались въ ея заботахъ. При этомъ она пѣла пѣсни и выказывала такую веселость, что даже мужъ ея нѣсколько прояснился въ лицѣ и началъ примиряться съ ея намѣреніемъ. Ему очень не хотѣлось отпускать жену къ чужимъ людямъ на одиннадцать часовъ въ сутки, оставлять квартиру безъ хозяйки, дѣтей безъ матери. Но она не разъ подсаживалась къ нему, стараясь его утѣшить, причемъ пускала въ ходъ даже кокетство, протягивая ротъ для поцѣлуя и обнимая его своими бѣлыми руками, съ увѣреніями, что этихъ рукъ хватитъ на всякую работу, такъ что въ концѣ-концовъ онъ совсѣмъ развеселился и принялъ живѣйшее участіе въ вычисленіяхъ Иды касательно ея заработка.

Въ субботу, съ утра, началась возня. Меркъ заблаговременно пригласилъ на помощь товарища. То былъ Каульманъ, долговязый и веселый парень двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, по ремеслу котельщикъ, но временно безъ работы. Онъ нанималъ уголъ у Людвига Якоба, который со своими шестью полувзрослыми дѣтьми занималъ помѣщеніе надъ новою квартирою Мерковъ.

Даже одинъ возъ, и тотъ оказался неполнымъ. Переѣздъ совершился благополучно, и цѣлый воскресный день Мерки имѣли досугъ приглядываться къ своей новой квартирѣ.

Въ большомъ каменномъ квадратѣ жило около семидесяти семействъ, изъ которыхъ большинство еще отдавало въ наймы «углы», т.-е. въ одну комнату помѣщало трехъ или четырехъ ночлежниковъ. Эти двѣ сотни человѣкъ образовывали какъ бы отдѣльное государство, въ которомъ каждый стремился какъ можно подробнѣе ознакомиться съ жизнью остальныхъ и принять въ ней возможно большее

участіе. Цѣлый день во всѣхъ четырехъ этажахъ не прекращался дѣтскій крикъ, а часы обѣда и вечерняго отдыха отмѣчались хлопаньемъ дверей и супружескою руганью или ссорою двухъ работницъ, укорявшихъ одна другую передъ цѣлымъ рядомъ растворенныхъ оконъ. Въ хорошую погоду грязный четырехугольный дворъ становился мѣстомъ игръ для безчисленныхъ ребятишекъ, старавшихся при помощи большой кучи песку и воды изъ колодца измазать какъ можно больше свою поношенную и порванную одежду, вѣроятно, для доставленія удовольствія матерямъ.

Одинъ этотъ домъ на Судейской могъ бы дать матеріалъ для отдѣльнаго тома исторіи культуры. Онъ заключалъ въ себѣ представителей всѣхъ ремеслъ, а также и двусмысленныхъ спеціальностей. Каждый мѣсяцъ появлялись новыя фигуры, нанимали себѣ темный уголъ гдѣ-нибудь въ задней квартирѣ, а потомъ, лишившись заработка, исчезали опять, чтобы, неизвѣстно гдѣ, продолжать свою борьбу за существованіе. Тогда пропадалъ и всякій къ нимъ интересъ. Стоило еще думать о людяхъ, живущихъ въ другихъ домахъ! Слишкомъ довольно и своихъ.

Главнымъ средоточіемъ всеобщаго интереса былъ управляющій домомъ, Христоферъ Ципфель. Достопочтенный г. Ципфель держалъ въ подвальномъ этажѣ управляемаго имъ дома харчевню съ продажей напитковъ. Безошибочно можно было сказать, что ему одному доставались почти всѣ доходы квартирантовъ. По вечерамъ, когда толпа ночлежниковъ возвращалась съ работы, харчевня Ципфеля наполнялась быстро. Къ молодежи присоединялась и часть женатыхъ рабочихъ, которымъ пріятнѣе было сидѣть здѣсь, нежели дома, гдѣ крикъ троихъ или четверыхъ ребятъ могъ отнять всякій аппетитъ, да и жена не упустила бы случая напомнить, что ей неизвѣстно, откуда добыть завтрашній обѣдъ. Даже когда не бывало денегъ, то здѣсь не было нужды стѣсняться: въ силу обычая, жены брали сало и колбасу, а мужья водку и пиво «на мѣлокъ». Въ харчевнѣ велись интересные разговоры и происходили сердечныя изліянія. Ежедневно разбирался соціальный вопросъ, осыпались бранью «буржуи» и вся «фабрикантская шайка». Выпивалось немало напитковъ съ крикомъ и ударами по столу, и лишь поздно вспоминалось о необходимости идти домой. Правда, въ такихъ случаяхъ жены встрѣчали мужей бранью; но къ чему не привыкнешь со временемъ?

Разумѣется, всѣмъ трудолюбивымъ и разсудительнымъ женщинамъ въ домѣ Ципфелева харчевня была точно бѣльмо на глазу; но непріятностей съ управляющимъ надо было избѣгать по весьма понятнымъ причинамъ: въ кругъ его обязанностей входилъ и ежемѣ-

сячный сборъ квартирной платы; а такъ какъ эта послѣдняя далеко не у всѣхъ оказывалась налицо къ сроку, то Ципфель становился чѣмъ-то вродѣ всеобщаго духовника. Передъ нимъ открывались всѣ тайны, и всегда, изъ человѣколюбія, онъ былъ радъ помочь. Впрочемъ, помощь эта шла ему не во вредъ: онъ сдавалъ деньги хозяину лишь по истеченіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ; значитъ, всегда могъ подождать; а допускать, чтобы съѣзжали его усердные покупатели, было для него невыгодно.

Однако, долѣе трехъ мѣсяцевъ его человѣколюбіе не выдерживало: онъ съ грустью, чуть не со слезами, объявлялъ требованіе хозяина или выселиться, или въ двадцать четыре часа заплатить должки. Но потомъ, уже на лѣстницѣ, лицо г. Ципфеля мѣнялось, такъ какъ не было нужды продолжать комедію. Что еще возиться съ этими должниками? Онъ нажилъ съ нихъ достаточно, а теперь они голы, и пора отъ нихъ избавиться. Подобныя выселенія повторялись каждые три мѣсяца. На чердакѣ образовался цѣлый складъ всяческой мебели. По временамъ приходили выселенные и по частямъ погашали свой долгъ. Тогда имъ частями же отдавали ихъ мебель и посуду. Но многіе не показывались вовсе, такъ какъ считали, что все ихъ добро не стоитъ суммы долга. Тогда дѣло обдѣлывалось проворно: вещи продавалась съ аукціона и по бо̀льшей части не выходили изъ стѣнъ того же дома. Жильцамъ оказывалось нужно то или другое; такимъ образомъ и г. Рентель, домохозяинъ, не терпѣлъ убытка, да и г. Ципфель имѣлъ возможность выказать свою доброту дешевою продажею той или другой вещи.

Самымъ страшнымъ гостемъ на Судейской считался приставъ. Онъ былъ для взрослыхъ тѣмъ, чѣмъ для дѣтей бываетъ бука. Каждый грошъ, почему-нибудь не истраченный, поглощался налогами. Г. Плацманъ былъ худощавый, аккуратнаго вида человѣкъ, правильно обходившій всѣ квартиры. Онъ исполнялъ лишь свою обязанность, и, однако, всѣ его ненавидѣли.

Если, стоя у окна, какая-нибудь женщина говорила:

— Вонъ идетъ за податями!— то въ этихъ словахъ звучала глубокая вражда; потому что, хотя низшая степень налога требовала пятнадцать грошей, однако и тѣхъ по большей части не оказывалось. Здѣсь десять пфениговъ имѣли то же значеніе, какъ у состоятельныхъ людей талеръ. Поэтому г-ну Плацману, въ большинствѣ случаевъ, приходилось убѣждаться, что его посѣщенія напрасны. Ему говорили:

— Я завтра принесу вамъ деньги на домъ... Будьте увѣрены.

Съ этимъ ему приходилось удаляться. Но въ большинствѣ слу-

чаевъ обѣщаніе не сдерживалось. Тогда Плацманъ бывалъ вынужденъ поступать энергичнѣе: онъ вытаскивалъ тѣ синія бумажныя печати, которыя свидѣтельствуютъ о власти закона, приближался къ какому-нибудь предмету меблировки, стоимостью превышавшему въ десять разъ неуплаченный налогъ, и украшалъ его гербомъ города Берлина. Всѣ понимали, что это значитъ: въ случаѣ неуплаты въ трехдневный срокъ, Плацманъ придетъ и возьметъ вещь. Надо было бѣжать за помощью къ сосѣдкѣ, или же идти къ закладчику. Хорошо, коль было что закладывать.

Но нерѣдки бывали семейства, обладавшія лишь такимъ хламомъ, который имѣлъ нѣкоторую цѣнность единственно въ глазахъ пристава. Всѣхъ счастливѣе бывали ночлежники: у тѣхъ совсѣмъ нечего было взять. Нельзя же было раздѣть ихъ донага; а свою единственную драгоцѣнность — часы, они умѣли ловко скрывать отъ глазъ сборщика. Г-ну Плацману оставалось только одно: всетаки вручать имъ повѣстки, съ сознаніемъ безполезности такого поступка.

Среди этихъ ночлежниковъ попадались замѣчательные субъекты. На четвертомъ этажѣ, у нѣкой мадамъ Цирлингъ, снималъ крошечную комнатку г. Эммануилъ Зенгеркругъ. По ремеслу онъ былъ комедіантъ, или «салонный комикъ», какъ онъ титуловалъ себя самъ. Днемъ онъ никогда не показывался, отдыхая отъ ночныхъ трудовъ. Лишь въ сумерки происходило его ежедневное возстаніе отъ сна и тщательное одѣваніе къ вечеру. Г. Зенгеркругъ или г. Мануилъ, какъ уже десять лѣтъ называла его, ради краткости, мадамъ Цирлингъ, одною своею внѣшностью могъ обратить на себя вниманіе. Онъ постоянно ходилъ въ сѣромъ, начиная съ цилиндра и перчатокъ и кончая сѣрыми гамашами, натянутыми на сапоги. Его галстукъ по величинѣ не имѣлъ себѣ равнаго.

Знаменитъ онъ былъ особенно въ трактирахъ Розентальскаго предмѣстья, гдѣ принято было развлекать гостей музыкой и декламаціей. Г. Мануилъ являлся, впрочемъ, лишь на гастроли: этимъ онъ охранялъ свою репутацію «артиста высшаго полета», который лишь проѣздомъ въ Берлинѣ и случайно согласился выступить на трактирной эстрадѣ.

Въ его лицѣ съ актеромъ соединялся и поэтъ, т.-е. онъ самъ сочинялъ для себя куплеты и маленькія комическія сценки. Онъ обладалъ удивительной подвижностью физіономіи, приводившей въ восторгъ публику; когда въ халатѣ, туфляхъ и бархатной ермолкѣ, онъ изображалъ собой хозяина дома, то животы любителей пива колыхались отъ хохота, а женщины и молодые ремесленники чуть не впа-

дали въ судороги; когда же, несмотря на пятидесятилѣтній возрастъ и сѣдые волосы, онъ изображалъ хлыща, преслѣдующаго молодыхъ дѣвушекъ, причемъ не обходилось безъ двусмысленностей, то женщины хихикали и подталкивали другъ друга, а дѣвушки конфузливо опускали взоры, старались покраснѣть и употребляли всѣ усилія, чтобы не пропустить ни одного слова. Каждыя четыре недѣли г. Зенгеркругъ чувствовалъ потребность справить свой бенефисъ. Въ такіе знаменательные дни салонный комикъ выказывалъ себя съ новой стороны: однимъ изъ нумеровъ его программы бывала трагическая декламація подъ заглавіемъ: «Умирающій комедіантъ». Такіе вечера съ нетерпѣніемъ ожидались и съ усердіемъ посѣщались публикою предмѣстья, такъ что и хозяинъ трактира не оставался въ накладѣ.

Среди обитателей дома на Судейской артистъ пользовался привилегированнымъ положеніемъ: онъ былъ представителемъ аристократіи въ этомъ обществѣ пролетаріевъ. Кромѣ него, никто не носилъ лайковыхъ перчатокъ и не ходилъ въ изящномъ платьѣ по двору.

Женщинъ и дѣвушекъ влекли къ нему его таланты. При встрѣчахъ съ прекраснымъ поломъ онъ выказывалъ себя любезнымъ кавалеромъ: дѣвицъ щипалъ за щечки, а молодымъ женамъ рабочихъ отпускалъ комплименты. Для каждой находилъ онъ что-нибудь пріятное, и потому для всѣхъ былъ полонъ значенія. Стоило послушать, какъ выразительно онъ произносилъ:—«Вы все хорошѣете, такая-то!»—Или:—«Никогда вамъ не дать тридцати лѣтъ, такая-то, вы глядите совсѣмъ дѣвочкой!»—Или посмотрѣть, какъ онъ бралъ за талію кого-нибудь изъ фабричныхъ работницъ, осчастливливая ее словами:—«Вы всетаки всѣхъ прекраснѣе, и мнѣ придется на васъ жениться!»—При этомъ его правая рука дѣлала изящные жесты, а при улыбкѣ обнажались холеные бѣлые зубы. Молоденькая работница отвѣчала:—«Ахъ, подите вы! Куда ужъ вамъ жениться! Вамъ не позволитъ мадамъ Цирлингъ».—При этихъ словахъ улыбка г-на Зенгеркруга пропадала, и съ губъ его слеталъ тихій вздохъ.

Ахъ, ему черезчуръ хорошо было извѣстно, что говорила молва о немъ и о хозяйкѣ! Эта Цирлингъ! Бывали минуты, когда г. Зенгеркругъ готовъ былъ прокричать на всѣхъ перекресткахъ, что Фридерика Цирлингъ составляетъ проклятіе его жизни. Онъ имѣлъ несчастье познакомиться съ нею въ такую пору, когда, будучи сорокалѣтнею вдовою, она мечтала о новой любви. Ей приходилось пополнить свои скудныя средства отдачею комнатъ внаймы. Г. Зенгеркругъ сдѣлался ея первымъ жильцомъ, самъ будучи безъ ангажемента, чѣмъ объяснялась поношенность костюма, стоптанные каблуки сапогъ и

набитая камнями дорожная корзина. Однако, впервые очутившись передъ величественной вдовой и осматривая комнату безъ гроша въ карманѣ, онъ разыгралъ роль короля Филиппа, въ чьихъ владѣніяхъ никогда не заходитъ солнце. Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ распространился о своей «блестящей будущности»; это должно было особенно тронуть такую чувствительную женщину, какъ мадамъ Цирлингъ. О, еслибъ ея покойный мужъ могъ говорить съ такимъ воодушевленіемъ, насколько поэтичнѣе было бы ихъ двадцатилѣтнее супружество. А тутъ передъ ней стояло божество, которое снисходило до намѣренія избрать храмомъ ея скромное жилище! Она уже не видѣла ни стоптанныхъ каблуковъ, ни полинявшаго пиджака, ни грязнаго бумажнаго воротничка...

Жаждущее любви сердце способно на все. Не прошло четырехъ недѣль, какъ г. Зенгеркругъ превосходно прижился у своей хозяйки. Такъ какъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ «ожидаемый ангажементъ» все еще оставался въ области надеждъ, то квартирантъ въ скоромъ времени сталъ относиться къ своей хозяйкѣ, какъ человѣкъ, приносящій всевозможныя жертвы своему таланту. Г. Манулъ недурно пріодѣлся и этимъ далъ своей любезной хозяйкѣ поводъ думать много лѣтъ сряду, что всѣми своими успѣхами онъ, въ сущности, обязанъ ей одной и что на немъ лежитъ долгъ, неисполненіе котораго можетъ каждую любящую женщину превратить въ фурію. Съ той самой поры нашъ салонный комикъ не могъ избавиться отъ Фридерики Цирлингъ: она составляла необходимую принадлежность его существованія, по крайней мѣрѣ, если онъ не предпочиталъ покинуть столицу. Въ концѣ-концовъ, артистъ покорился неизбѣжному. Онъ смотрѣлъ на свои отношенія къ ней, какъ на бремя, возложенное на него судьбою и которое слѣдуетъ безропотно нести, разъ нехватаетъ силъ его сбросить. Впрочемъ, дѣйствительная тягость этого бремени существовала единственно въ воображеніи Зенгеркруга. Въ минуты зрѣлаго размышленія великій комикъ сознавалъ, что его домашняя жизнь нигдѣ не могла бы сложиться счастливѣе, чѣмъ подъ крылышкомъ г-жи Цирлингъ.

Она его кормила, поила и одѣвала, заботясь о немъ съ великодушіемъ любящаго друга; бѣда состояла только въ томъ, что она день ото дня все болѣе утверждалась въ тщетной надеждѣ современемъ сдѣлаться г-жею Зенгеркругъ. Принимая во вниманіе десятилѣтнюю давность, надо было отдать должное вѣрности чувствъ и щедрости г-жи Цирлингъ. Но соединиться съ нею навѣкъ, дать ей свое имя—это казалось Зенгеркругу равносильнымъ отказу отъ своего искусства, которое онъ любилъ больше всего. Г. Зенгеркругъ

любилъ только разъ въ жизни, и это имѣло мѣсто двадцать пять лѣтъ назадъ, когда легкомысліе и удаль увлекли его изъ объятій добрыхъ родителей въ міръ притворства и ложнаго блеска. Въ то время онъ примкнулъ къ странствующей труппѣ актеровъ, переѣзжавшей съ мѣста на мѣсто, чтобы дать обитателямъ мелкихъ городковъ доступъ къ искусству. Въ Прентлау узналъ и полюбилъ онъ *ее,* дочь почтеннаго портного. Эммануилъ былъ тогда еще красивѣе. Жизнерадостность подгоняла его кровь, а желаніе успѣха и одобренія публики, стремленіе добиться того и другого, расширяли его грудь. Произошла обычная исторія, столкновеніе предразсудковъ почтенныхъ филистеровъ съ любовью. Отецъ и слышать не хотѣлъ о любви «комедіанта» къ своей дочери; а влюбленныхъ ложный стыдъ удержалъ отъ полнаго признанія во всемъ. И когда Эммануилу пришлось двинуться съ труппою дальше, то судьба бѣдной Доротеи оказалась рѣшенною навсегда. Чтобы укрыться отъ позора, неизбѣжнаго въ маленькомъ городкѣ, она тайно покинула домъ родителей. Она условилась съ Эммануиломъ встрѣтиться въ Берлинѣ. Они думали, что въ столицѣ устроятъ себѣ обезпеченное существованіе. Но проклятіе, тяготѣющее надъ безвѣстными бродячими комедіантами, и на этотъ разъ погубило двухъ людей. Родители Эммануила сами жили весьма скромно, почему и не могли много дать молодой парѣ. Доротея родила дочку. Два года прожили влюбленные вмѣстѣ, какъ мужъ и жена; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ бѣдность и нужда становились все тяжеле, отецъ же Доротеи попрежнему оставался жестокосердымъ, въ груди актера стало зарождаться вѣроломство. Однажды его опять обуяла страсть къ бродяжничеству, свойственная кочевымъ актерамъ и пѣвцамъ. Онъ разстался съ женою, обѣщалъ заботиться о ней и вдали, но лишь недолго соблюдалъ свое слово. А когда, два года спустя, онъ снова вернулся на родину, то нашелъ могилу когда-то горячо любимой имъ женщины на кладбищѣ для бѣдныхъ; свою же дочку, этотъ залогъ обманутой любви, такъ и не нашелъ. Ему сказали, что добрые люди взяли ее къ себѣ вмѣсто дочери.

Въ новомъ періодѣ нищеты ему показалось утѣшительнымъ хоть то, что не приходилось заботиться о собственной плоти и крови. Родители его умерли; такимъ образомъ у него не стало родного дома, гдѣ онъ былъ предметомъ любви и заботъ. Въ концѣ-концовъ самыя рискованныя выходки комизма и шутовства сдѣлались для него душевною отрадою. Прошли года; къ старости онъ не достигъ того, что обѣщала ему кипучая юность съ ея обманчивыми идеалами. Онъ мечталъ о тріумфахъ и лаврахъ, а жизнь дала ему волчцы и терній. Сначала онъ еще пытался погружаться въ воспоминанія о прошломъ;

а затѣмъ сумѣлъ заглушить смѣхомъ все: погибшую любовь, утраченную честь, обиду на удары судьбы и разбитыя надежды. Онъ кривлялся, выкидывалъ самыя пошлыя и смѣшныя штуки, чтобы не дать людямъ заглянуть въ его душу, да и затѣмъ еще, чтобы какъ-нибудь одурманить себя. Ему не хотѣлось думать, и потому онъ спалъ въ теченіе цѣлаго дня. Вечеръ съ его увеселеніями являлся ему какъ бы продолженіемъ дневныхъ сновъ. Тѣмъ не менѣе, каждый день повторялись минуты, когда и спущенныя синія полосатыя шторы не могли защитить г-на Эммануила Зенгеркруга отъ миловиднаго дѣвичьяго личика, напрасно звавшаго отца и являвшагося ему во снѣ. Это непрекращавшееся напоминаніе совѣсти заставляло его въ тѣ одинокіе часы, когда остроуміе комика сталкивалось съ серьезностью человѣка, смотрѣть на союзъ съ г-жею Фредерикою Цирлингъ какъ на нѣчто ужасное, олицетворявшееся для него въ грозно-поднятой рукѣ покойницы.

Замѣчательно было то, что насколько всѣ женщины въ домѣ находили удовольствіе во встрѣчахъ съ г-номъ Зенгеркругомъ, а въ его невыясненныхъ отношеніяхъ къ г-жѣ Цирлингъ усматривали только лишній поводъ считать его интереснымъ, настолько же всѣ мужчины считали справедливымъ при каждомъ удобномъ случаѣ выражать комику свою досаду на его привилегированное положеніе въ квадратномъ домѣ. Имъ не внушалъ довѣрія «вылощенный и выпяленный комедіантъ, бѣгающій за каждой юбкой». Кто могъ знать, что происходитъ днемъ, когда мужья изводятся на тяжелой работѣ и не показываютъ глазъ къ себѣ домой? Поэтому часто бывало, что при домашнихъ ссорахъ «актеръ, что наверху», удостоивался весьма нелестнаго упоминанія. Пусть-ка сидитъ со своей прекрасной хозяюшкой, чѣмъ кружить головы приличнымъ женщинамъ! Но про бабъ-то ужъ всякій знаетъ: любятъ онѣ, когда у кого руки въ перчаткахъ, сладкія рѣчи на языкѣ, да еще и морда смазливая. А все это вѣдь только снаружи, хоть и кажется красивѣе, чѣмъ грязныя блузы дома. У кого ничего на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ креста на шеѣ да сюртучишки, тому, право, нечего драть носъ, и, когда идетъ по двору, такъ растопыривать ноги, точно для каждаго камня особое въ томъ одолженіе, что на него ступаетъ такой великій человѣкъ.

Между тѣмъ г. Зенгеркругъ вовсе не былъ тѣмъ опаснымъ сердцеѣдомъ, какимъ его хотѣли разславить по дому. Это лучше всего доказывалось его любовью къ дѣтямъ, которая вознаграждалась полною взаимностью всѣхъ чистыхъ душою малютокъ большого дома.

Съ теченіемъ времени понятіе о «дядѣ-актерѣ» тѣсно слилось въ умахъ всѣхъ ребятъ съ мыслью о всякихъ лакомствахъ. Дѣти не

питали такихъ низкихъ подозрѣній, какъ ихъ гнѣвные отцы. И у г-на Эммануила Зенгеркруга всегда находилось кое-что для маленькаго народца. Когда, проходя по двору въ хорошую погоду, онъ замѣчалъ на большой кучѣ у колодца множество дѣтей, которыя рылись и копались въ пескѣ, точно дождевые черви, пачкаясь по мѣрѣ возможности, какъ бы затѣмъ, чтобы безсознательно пораньше пріучиться къ жизненной грязи, то каждый разъ г. Эммануилъ Зенгеркругъ ощущалъ сердечное умиленіе, и оно заставляло его замедлять шаги. Въ душу его прокрадывалась мысль о собственномъ дитяти, которое, благодаря его безсовѣстности, вѣроятно, тоже пропадаетъ въ подобной же заброшенности. Ему представлялось тогда, будто добротою къ чужимъ дѣтямъ онъ обязанъ искупить свою вину передъ роднымъ ребенкомъ. Тутъ попадалось не мало миловидныхъ дѣвчурокъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, глядѣвшихъ на него большими, невинными глазами, точно съ намѣреніемъ напомнить ему о тѣхъ дѣтскихъ глазкахъ, которые такъ же безхитростно смотрѣли въ то время, какъ трогательный голосокъ впервые лепеталъ: «папа».

Ничего подобнаго не могъ вынести актеръ, не почувствовавъ влаги на глазахъ. Тотчасъ онъ вспоминалъ, что у него со вчерашняго вечера остались въ карманахъ конфеты, печенье, кусочекъ пирожнаго или апельсинъ. Запустивъ руку въ карманъ, онъ останавливался передъ толпой дѣтей, и вотъ—наступалъ великій моментъ, когда фалды дяди-актера оказывались въ плѣну у дюжины маленькихъ грязныхъ лапокъ, которыя всѣ выказывали твердое намѣреніе не раньше прекратить нападеніе, чѣмъ часть лакомствъ изъ рукъ Зенгеркруга перейдетъ къ ихъ обладателямъ, послѣ чего эти послѣдніе разбредутся по укромнымъ уголкамъ въ сѣняхъ или на лѣстницѣ.

Во время подобныхъ трогательныхъ сценъ, повторявшихся ежедневно, отворялось окно въ нижнемъ этажѣ дома, за колодцемъ, въ самомъ углу. Съ обычнымъ привѣтствіемъ: «Здравствуйте, г. Зенгеркругъ, какъ поживаете?» — выглядывала черноволосая дѣвичья головка, очевидно наслаждаясь видомъ потасовки ребятъ изъ-за гостинцевъ. Затѣмъ слѣдовалъ отвѣтъ комика, который со всей граціей своей вѣжливости произносилъ съ глубокимъ поклономъ:—«Весьма вамъ благодаренъ, многоуважаемая барышня. Превосходно, какъ всегда, когда меня забавляетъ пристрастіе къ лакомству, свойственное малюткамъ. Знаете: дѣти подобны брилліантамъ, становящимся полноцѣнными только при помощи шлифовки; они похожи на тепличныя растенія, требующія крайне нѣжнаго обращенія, чтобы не увянуть преждевременно».—При этомъ онъ снова показывалъ свои бѣ-

лые зубы и прибавлялъ пару любезностей, спеціально относившихся къ собесѣдницѣ.

Мамзель Дорочка была блѣдное болѣзненное созданіе двадцати двухъ лѣтъ. Она занимала маленькую комнатку въ самомъ темномъ углу дома, сдававшуюся внаймы непосредственно отъ хозяевъ. Весь домъ называлъ ее «мамзель Дорочка». Три года назадъ переѣхала она сюда, и съ тѣхъ поръ всѣ привыкли видѣть въ ней безхитростное, добродушное существо, сидѣвшее съ утра до вечера за швейной машиной, честно прокармливая себя изготовленіемъ бѣлья. Только разъ въ недѣлю отлучалась она на нѣсколько продолжительное время; это бывало по воскресеньямъ, когда она ходила въ церковь. Ея фамилію зналъ, вѣроятно, лишь г. Ципфель, отзывавшійся о ней съ нѣкоторымъ почтеніемъ, такъ какъ она аккуратно платила за комнату. Извѣстно было только то, что съ ранняго дѣтства она осталась сиротою, а со смертью пріемныхъ родителей очутилась совсѣмъ одна на свѣтѣ. Она была всегда весела, наклонна къ шуткамъ, и серебристый смѣхъ ея раздавался по дому, когда, у открытаго окна, полуспрятавшись за своимъ «садомъ», она отъ души забавлялась шалостями дѣтей на дворѣ. Этотъ «садъ» состоялъ изъ четырехугольнаго, окрашеннаго въ зеленый цвѣтъ ящика съ цвѣтами, украшавшаго собою наружный выступъ ея окна.

У Доры были свои мечты и идеалы, какъ и у всякой другой дѣвушки; она представляла себѣ какую-то фантастическую жизнь, полную блеска, роскошныхъ каретъ, нарядныхъ невѣстъ и богатыхъ графовъ и князей, которые, послѣ долгихъ побѣдоносныхъ войнъ, привозятъ своихъ счастливыхъ возлюбленныхъ къ себѣ въ замки и укрѣпленія; между тѣмъ какъ ея руки съ судорожной торопливостью трудились ради насущнаго хлѣба, она грезила съ открытыми глазами о золотыхъ яблокахъ Гесперидъ.

Когда, подъ стукотню машины, она принималась напѣвать веселую пѣсенку, то возбуждала зависть въ канарейкѣ, своей маленькой сожительницѣ. Кромѣ этой птички она не имѣла завистниковъ; да и та любила ее, что доказывалось ея вѣчными трелями, которыя бывали особенно блестящи, когда смѣялась ея госпожа. Съ теченіемъ времени дѣвушка и птица привыкли прекрасно понимать другъ друга. Было трогательно слышать, какъ раннимъ утромъ Дора тотчасъ обращалась къ птичкѣ:—«Что щебечешь, моя пичужечка? Тебѣ водицы? Подожди минутку: сначала полью цвѣты въ саду».

Покуда птичка кивала головкой съ выраженіемъ полнаго пониманія, Дорочка спѣшила къ колодцу, чтобы налить лейку и снабдить питаніемъ розы, фуксію и гвоздику. Какъ она заботилась о своемъ

садикѣ, сидя передъ которымъ въ сумеркахъ часто погружалась въ мечты!

Среди вѣчнаго однообразія, среди равномѣрнаго отсчитыванія часовъ, дней и недѣль, изъ котораго состояла одинокая жизнь Доры, она знала только одно наслажденіе, сближавшее ее духовно съ обитателями коварнаго моря домовъ, которое окружало ея каменный островъ.

Это сомнительное наслажденіе заключалось въ чтеніи далекихъ отъ истины, загромождающихъ умъ ложными представленіями, романовъ, желтыя тетради которыхъ ежедневно во множествѣ разносятся по предмѣстьямъ, гдѣ живетъ бѣднота. Какъ будто каменные тиски многообразной нужды причиняли недостаточно страданій своимъ физическимъ гнетомъ; нужно еще было, чтобы этотъ тонкій литературный ядъ, производя смятеніе ума, усиливалъ въ народѣ недовольство жизнью. Семьдесятъ семействъ, составлявшихъ населеніе дома на Судейской, были усердными потребителями, еженедѣльно въ изобили поглощавшими эту «народную литературу». Г. Цаппель, по прозванію Цапеліусъ, горбатый разносчикъ, въ громадныхъ вѣчно стоптанныхъ сапогахъ и со столь же гигантскимъ портфелемъ, подъ тяжестью котораго задыхался, дѣлалъ превосходныя дѣла. Онъ торговалъ въ разносъ изданіями Рентеля, владѣльца этого самаго дома, ставшаго состоятельнымъ человѣкомъ при посредствѣ своихъ безчисленныхъ рыцарскихъ, разбойничьихъ и всякихъ иныхъ пустяковыхъ романовъ и купившаго уже тотъ аристократическій домъ на улицѣ Бюлова, въ третьемъ этажѣ котораго царилъ въ качествѣ управляющаго г. «докторъ» Іоахимсталь, странствующее литературное бюро для сбыта романовъ своей жены.

Г. Донатъ Цаппель, прозванный Цапеліусомъ, успѣлъ состарѣться, занимаясь своимъ ремесломъ; оригиналъ по наружности, онъ хорошо зналъ жизнь и дошелъ до виртуозности въ искусствѣ пристраивать «творенья» своей фирмы, особенно же всучивать ихъ женщинамъ и дѣвицамъ.

Съ чувствомъ удовлетворенія могъ онъ сказать себѣ, что съ теченіемъ времени достигъ отсутствія всякой необходимости бояться конкурентовъ. Въ описываемомъ домѣ его фирма какъ бы взяла монополію на поставку печатной лжи. Здѣсь не было запрещеннаго товара, поэтому приманка казалась неопасной. А великолѣпная перспектива полученія всякихъ премій! Кто могъ противостоять, когда столь ласковый и всѣмъ знакомый Цаппель сбрасывалъ у полуотворенной двери свою тяжелую папку и начиналъ распространяться передъ женщинами и дѣвушками, со всею словоохотливостью страст-

наго торговца, о великолѣпномъ, высоко-интересномъ произведеніи: «Власть любви» или «Страданія невинности въ столицѣ»; восхваливши содержаніе, основанное на истинномъ, дѣйствительно-случившемся событіи, онъ забрасывалъ послѣднюю удочку, развертывая и показывая «роскошныя мастерскія, масляныя картины» и кончалъ свои славословія такъ:—«Ничего столь солиднаго, истинно-прекраснаго никогда еще не бывало! Подумайте только, г-жа такая-то! Всего семьдесятъ пять пфениговъ заплатите вы за каждую картину, т.-е. стоимость пересылки. Взгляните на эту настоящую золотую раму: она одна стоитъ вдвое. Въ каждой лавкѣ за такую картину надо дать десять марокъ, а здѣсь получаете обѣ за несчастныя полторы марки. По взятіи первыхъ тридцати книжекъ вамъ дается одна картина, а вмѣстѣ съ шестидесятою книжкою—и вторая. Дѣло, видите ли, въ томъ, что картины еще не всѣ готовы и доставляютъ намъ множество хлопотъ».—При этомъ онъ всегда вытаскивалъ свою громадную табакерку, бралъ понюшку и устремлялъ испытующій взоръ на жертву своей фирмы.

Въ воображеніи слушательницы сейчасъ же рисовался тотъ красивый эффектъ, какой произведутъ обѣ картины на стѣнѣ, надъ диваномъ. Кромѣ того, въ самомъ дѣлѣ интересно было прочесть романъ, въ которомъ съ неприкрашенною правдивостью должны были излагаться подлости богачей по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ. Колебаніе длилось недолго, и покупалась пока первая тетрадь; затѣмъ читательница, положительно опьяненная волнующими событіями первой главы, жаждала продолженія, точно вкуснаго лакомства, котораго долго не удавалось отвѣдать.

Мало-по-малу входило въ привычку еженедѣльно отдавать послѣдній грошъ за «хорошенькую исторію», отказывая себѣ лучше кое въ чемъ или выпрашивая десять пфениговъ взаймы у сосѣдки, чтобы только не разстаться съ надеждою на полученіе преміи. Особенно молодыя дѣвушки, рано утромъ уходя на фабрику, забывали все въ наслажденіи извращеннымъ отраженіемъ жизни и еле могли дождаться того времени, когда наступалъ получасовой—закусочный, или часовой—обѣденный, перерывъ, чтобы поглотить содержаніе тетрадки. Между тѣмъ, какъ при питьѣ кофе онѣ не позволяли себѣ съѣсть лишняго куска хлѣба, книжка повѣствовала имъ о жемчугахъ и брилліантахъ какой-нибудь красотки, рожденной въ бѣдности, какъ и онѣ, и достигшей роскошной жизни весьма легко, а именно: пожертвовавъ своею добродѣтелью.

IV.

Водвореніе новой семьи, конечно, не могло не возбудить въ домѣ нѣкотораго вниманія. Когда скромный багажъ Мерковъ былъ ввезенъ во дворъ, тотчасъ отворилась дюжина оконъ, и любопытные глаза принялись осматривать будущихъ сосѣдей, одновременно бросая взгляды и на ихъ вещи. Въ сущности, это даже не было любопытство; но вѣдь надо же было знать, съ кѣмъ придется имѣть дѣло: съ честными и добрыми людьми или же съ какимъ-нибудь сбродомъ, котораго надо беречься! Къ сожалѣнію, случалось весьма нерѣдко, что всякая дрянь избирала этотъ домъ мѣстомъ своего жительства, когда ее переставали пускать куда бы то ни было.

Мерки произвели вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Правда, мебель была плоха, въ этомъ видна была ихъ бѣдность; но все содержалось очень чисто и аккуратно. Женщины сразу замѣтили это по яркой кухонной посудѣ, которая такъ и горѣла на солнцѣ. А потомъ, какъ чисто и аккуратно одѣты были дѣти! Правда, платье было бѣдновато, но сразу можно было замѣтить, что за ними существуетъ присмотръ, что ихъ пріучаютъ къ вѣжливости и приличію. Этимъ особенно бросалась въ глаза Магда, причесанная такъ гладко, точно у нея было время употреблять на свой туалетъ цѣлый часъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была красивая дѣвочка, такая стройная и крѣпкая, какъ молодая елочка. Ея нельзя было смѣшать съ другими дѣвочками въ домѣ, ея ровестницами, которымъ по цѣлымъ часамъ приходилось таскать маленькихъ крикуновъ по двору или по сѣнямъ и которыя мало заботились о томъ, что у нихъ чулки въ дырахъ, или подолъ платья истрепался въ лохмотья.

И Анна съ Францемъ глядѣли такими смирными и ласковыми, какъ будто неспособны были, подобно другимъ дѣтямъ, пачкаться въ песочной кучѣ у колодца. А сама мать! Она вовсе не казалась измученной, точно ей и не приходилось переживать тяжкихъ дней. Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго, когда имѣешь такого сильнаго и солиднаго мужа, какъ вотъ этотъ, который въ самомъ дѣлѣ не похожъ на тѣхъ, что послѣ дневной работы просиживаютъ до полуночи въ пивной у Ципфеля.

Людвигъ Якобъ, токарь по металлу, первый поздоровался со старымъ товарищемъ, громко крикнувъ сверху изъ окна.

— Ну, вотъ, Меркъ, и молодецъ! Этотъ день отмѣтимъ крестикомъ!

Онъ выговорилъ это, слегка запинаясь, потому что уже успѣлъ позавтракать внизу, у Ципфеля, и разогнать скуку нѣсколькими рюмками.

Его женѣ уже съ мѣсяцъ, какъ пришлось занять его мѣсто, т.-е. кормить семью, такъ какъ онъ былъ безъ работы. Съ шести часовъ утра до шести вечера она бывала на шерстопрядильной фабрикѣ, гдѣ работала еще дѣвушкой.

Якобъ немедленно сошелъ внизъ, чтобы повторить свое привѣтствіе вблизи. Вслѣдъ за нимъ явилось трое его дѣтей, всѣ дѣвочки, весьма небрежно вымытыя и причесанныя и не менѣе плохо одѣтыя. Старшей было четырнадцать лѣтъ; она уже кончила приходскую школу и недавно была конфирмована. Ростомъ и полнотою она значительно превосходила Магду, черты лица имѣла такія же правильныя, но постоянно, точно напоказъ, щеголяла полуплутовскою улыбкою, которою въ концѣ-концовъ производила тяжелое впечатлѣніе. Вообще, она имѣла видъ скороспѣлой дѣвочки изъ предмѣстья, лишенной должнаго надзора и отъ разнузданныхъ мальчишекъ рано научившейся говорить и думать о вещахъ, несвойственныхъ ея возрасту. Двѣнадцати лѣтъ она уже перестала слушаться матери и никому не позволяла сказать себѣ ни слова. Это произошло оттого, что ее никогда не учили добру. Розѣ извѣстны были лишь такіе дома, гдѣ съ ранней юности товарищами ея игръ бывали самыя распущенныя и невоспитанныя дѣти. Когда ей минуло девять лѣтъ, отецъ ея пролежалъ цѣлый годъ въ больницѣ, а мать въ теченіе этого времени ходила по стиркамъ, такъ какъ денегъ, выданныхъ мужу изъ машиностроительной кассы, не хватало на пропитаніе семьи. Такимъ образомъ, Розѣ ничто не препятствовало воспринять все, что ей дало безпорядочное шатаніе по улицамъ. Чему только она не научилась отъ безпутныхъ подростковъ, съ которыми водила знакомство! Ими произносились слова, которыхъ она сначала не понимала, но съ которыми потомъ, отъ частаго повторенія, освоилась совершенно. Въ двѣнадцать лѣтъ дѣвочкамъ уже ясно было значеніе разряженной дѣвки. Семейныя связи, свято соблюдаемыя въ высшихъ кругахъ общества, здѣсь, въ этихъ публичныхъ «дѣтскихъ садахъ», по дворамъ, въ подворотняхъ, на улицахъ и площадяхъ, становились похожими на тоненькія нити, которыя окончательно перерѣзывало грубою рукою дурное воспитаніе, являвшееся слѣдствіемъ нужды, горя и лишеній.

Съ тѣхъ поръ, какъ мать стала ходить на фабрику, Роза почувствовала себя вполнѣ въ своей тарелкѣ. Теперь ей можно было хозяйничать и распоряжаться, какъ угодно. Окончаніе курса въ школѣ и такъ сняло большое бремя съ ея плечъ. Считалось, что она замѣняетъ мать; но это какъ-то не выходило. Обѣдъ не готовился, дѣти пичкались хлѣбомъ съ кофе, а отецъ посѣщалъ г-на Ципфеля. Только вечеромъ, когда приходила съ работы жена Якоба, семья собира-

лась за столомъ, чтобы съѣсть горячаго. Неурядица у Якобовъ была извѣстна всѣмъ въ домѣ. По мнѣнію сосѣдей, стоило заглянуть къ нимъ въ квартиру хоть разъ, чтобы уже не ходить туда нѣсколько недѣль! Восемь человѣкъ въ одной комнатѣ, и спятъ по большей частью на полу,—такого зрѣлища скоро не забудешь! Непостижимо было, какъ могъ себя чувствовать хорошо въ такой семьѣ котельщикъ Каульманъ, ихъ ночлежникъ.

Роза, по обыкновенію, тащила сегодня на рукахъ младшаго ребенка, страшно закутаннаго и грязнаго. Въ лѣвой рукѣ у нея была корзина и желтая книжка популярнаго романа. Въ эту пору, если отецъ бывалъ дома, она спускалась въ подвальный этажъ лѣваго флигеля, въ гости къ старой теткѣ Кнабе, особѣ отталкивающей наружности, которая жила со своею племянницею и по вечерамъ, съ видомъ старческаго достоинства, торговала восковыми спичками и сигарными окурками въ студенческихъ пивныхъ Фридрихсштата. У этой старухи Роза чувствовала себя привольно; здѣсь въ холодные дни она просиживала въ углу цѣлыми часами, прочитывала свои грошевыя книжонки вслухъ и чувствовала влеченіе принимать живѣйшее участіе въ двусмысленной бесѣдѣ обѣихъ старшихъ женщинъ. Дѣвица Ядвига Кнабе была официанткой въ одномъ изъ самыхъ скверныхъ погребковъ на Шоссейной. Ея почтенная тетушка уже отбыла наказаніе за сводничество. Этимъ достаточно сказано о личностяхъ, которыя могли только развратить четырнадцатилѣтнюю дѣвочку.

За Розою вышла во дворъ вторая дочка Якоба, одиннадцатилѣтняя бѣлокурая дѣвочка, а за этою—младшая, въ возрастѣ восьми лѣтъ. Обѣ прятались за старшую, изъ-за спины которой дерзко поглядывали на Мерковъ. Вся ихъ внѣшность, отъ грязныхъ и дырявыхъ фартуковъ до обтрепанныхъ подоловъ и рваныхъ стоптанныхъ сапогъ, безмолвно, но ясно свидѣтельствовали о ихъ заброшенности.

Когда Людвигъ Якобъ, пожавъ Мерку руку, обернулся къ Идѣ, та тотчасъ сообразила, что отъ этого человѣка слѣдуетъ держаться подальше. По лицу его было видно, что водка является его любимымъ напиткомъ. Она невольно сдѣлала шагъ назадъ и начала поправлять вещи, чтобы избѣжать соприкосновенія съ отцомъ Розы. Но Якобъ этого какъ будто не замѣтилъ.

— Ну, кума Меркъ,—пролепеталъ онъ,—какъ вамъ нравится этотъ ящикъ? Смотрите, какъ много торчитъ головъ! Но здѣсь хорошо живется. Вамъ будетъ весело. Народъ все веселый, простой, не гордый. Главное дѣло: сора изъ избы не выносимъ и преспокойно должаемъ за квартиру, не снимая себѣ головы съ плечъ отъ горя. Только вонъ того, наверху, остерегайтесь. Это отъявленный юбочникъ.

Я говорю объ актерѣ, вонъ, за синей шторой; онъ среди лѣта готовъ въ валенкахъ побѣжать, лишь бы за бабой, съ которой хочетъ цѣловаться, конечно, если раньше того носа не разобьетъ.

Роза, любившая дѣлать видъ, какъ будто все понимаетъ, громко захохотала. Въ ту же минуту какой-то голосъ громко и отчетливо крикнулъ съ четвертаго этажа:

— Вы бы лучше занялись собственными дѣлами, г. Якобъ, чѣмъ обливать вашей желчью почтенныхъ артистовъ. Поняли вы, г. Якобъ?— Это произнесла г-жа Фредерика Цирлингъ, которая изъ любопытства тоже высунулась было въ окно, а теперь, въ очевидномъ негодованіи, со звономъ его захлопнула. Якобъ послалъ ей вслѣдъ громкій взрывъ хохота, къ которому присоединились долговязый котельщикъ и еще нѣсколько благорасположенныхъ душъ съ разныхъ концовъ дома.

Тѣмъ временемъ, Роза съ любопытствомъ осматривала Магду. Она испытывала нѣкоторую зависть, видя, насколько приличнѣе ея одѣта дочь Мерка, бывшая въ чистомъ платьѣ и крѣпкихъ кожаныхъ сапогахъ. Кромѣ того, застѣнчивость Магды она приняла за гордость и рѣшила, что та корчитъ изъ себя какую-то принцессу, не желающую открывать рта въ подобной обстановкѣ. Роза тотчасъ почувствовала, что съ этою ей въ первые же дни придется поругаться, если та не покинетъ своего важнаго вида. Дѣйствительно, лицо Магды казалось надутымъ. Она очень радовалась, готовясь къ переѣзду, но никогда себѣ не представляла, что очутится въ такомъ домѣ, гдѣ на нее сразу уставятся двадцать человѣкъ, точно она явилась съ того свѣта. А какія здѣсь немытыя и нечесанныя дѣти! На Инвалидной все было совсѣмъ не такъ.

Она уже не разъ оглядывалась, разыскивая Оскара Шварца во все возраставшей толпѣ дѣтей, а въ концѣ концовъ уже собралась спросить у матери, гдѣ же собственно здѣсь живетъ бурнусница, когда во дворъ спустилась и сама Флора въ сопровожденіи своего сына. Ида тотчасъ подошла къ ней и радушно поздоровалась, да и по лицу Магды впервые проскользнула ласковая улыбка, когда она, въ видѣ привѣтствія, протянула руку Оскару. Ей показался домъ гораздо симпатичнѣе, когда она вдругъ увидѣла стараго знакомаго, который могъ тотчасъ посвятить ее во всѣ тайны этого большого двора.

Отъ Розы не ускользнуло ничто. Она ощутила нѣкоторую ревность, видя, что ей предпочитаютъ этого блѣднаго мальчика. Она воспользовалась случаемъ, чтобы шепнуть ему:

— Какъ? Ты успѣлъ уже съ ней познакомиться? Она ломается, точно отецъ ея и невѣсть кто! Ее прочатъ тебѣ въ невѣсты? На здо-

ровье! Но если она вздумаетъ наступить мнѣ на ногу, то я натравлю на нее всѣхъ мальчишекъ... Ну, не реви опять, глупая тварь!— прикрикнула она на дитя, которое держала на рукахъ, послѣ, чего приплясывая, двинулась къ подвальному жилью тетки Кнабе и доказала свое знаніе распѣваемыхъ подъ шарманку пѣсенъ, громко запѣвъ:

«Тутъ полковникъ, что съ усами,
Взглядъ злодѣйскій мнѣ послалъ»...

Послѣднія слова замерли подъ каменными сводами.

Прошло двѣ недѣли. Ида ходила на фабрику. Меркъ страдалъ до глубины души, глядя на жену, которая раннимъ утромъ, въ пять часовъ, уже вставала, а по вечерамъ приходила съ работы, уставши до смерти. Его старанія найти занятіе все еще не имѣли успѣха. Онъ цѣлыми часами просиживалъ въ задумчивости у окна, курилъ свой скверный табакъ, почесывалъ въ своей коротко подстриженной, окладистой бородѣ, неподвижно смотрѣлъ внизъ, во дворъ, и старался отвлечь мысли отъ главной своей заботы тѣмъ, что брался за ножъ и, по старой привычкѣ, занимался рѣзьбою по дереву.

Магду не посылали въ школу, чтобы дать ей возможность нянчить младшаго ребенка и присматривать за квартирою и прочими дѣтьми, когда Меркъ днемъ уходилъ на поиски. Трогательно было видѣть, какъ тринадцатилѣтняя дѣвочка, съ разсудительностью взрослой, старалась замѣнить мать, исполняя все, что доселѣ дѣлала та. Рано утромъ она убирала комнату, мела, разставляла все по мѣстамъ, потомъ мыла въ кухнѣ посуду и чистила кастрюли. Она причесывала пятилѣтнюю Анну и одѣвала ее съ заботливостью настоящей хозяйки, а также смотрѣла за тѣмъ, чтобы одиннадцатилѣтній Францъ своевременно отправлялся въ школу. Правда, въ домѣ не было часовъ, такъ какъ единственные часы висѣли у Лайбовъ, заложенные за двѣ марки; но это не мѣшало Магдѣ аккуратно исполнять взятую на себя обязанность. Въ шесть часовъ раздавались свистки на фабрикахъ; и это было первымъ указаніемъ. Потомъ она раза два-три бѣгала къ сосѣдкѣ узнавать время, и Францъ никогда не опаздывалъ къ урокамъ.

А какъ холила и нянчила Магда грудного ребенка! Разъ,—это было къ концу недѣли,—въ домѣ не оказалось молока, что бывало нерѣдко. Дитя кричало безъ передышки, и его не удавалось унять. Мерка не было дома; значитъ, Магда оказывалась предоставленной самой себѣ. На бѣду и кумы Шварцъ не было дома, а мѣстные торговцы недостаточно еще знали семью Мерковъ, чтобы можно было брать у нихъ въ долгъ. Но Магда скоро нашлась. Подъ плитою ле-

жали ненужныя тряпки и кости. Она связала ихъ въ узелъ и пошла ко вдовѣ Розаліи Зирахъ, державшей въ лѣвомъ флигелѣ дома, со стороны улицы, лавочку, чтобы тамъ продать собранное. Дѣйствительно, ей дали цѣлыхъ пятнадцать пфениговъ; на нихъ можно было купить молока. Она была счастлива, какъ царица, и даже вечеромъ, когда она разсказывала матери о своей геніальной выдумкѣ, глаза ея еще такъ и горѣли отъ радости.

Тотчасъ послѣ новаго года ужасное событіе въ семьѣ Мерковъ взволновало всѣхъ обитателей дома. Отецъ, по обыкновенію, вышелъ на поиски, Францъ былъ еще въ школѣ, а Магда, по приказанію матери, отправилась на Инвалидную, на старую квартиру, чтобы выпросить взаймы утюгъ у одной изъ прежнихъ сосѣдокъ. Пятилѣтняя Анна осталась въ квартирѣ одна, при маленькомъ ребенкѣ. Въ пять часовъ, когда Францъ вернулся изъ школы, никто ему не отперъ. Даже на громкій стукъ онъ не добился отвѣта. Мальчика вдругъ охватилъ страхъ, и онъ началъ плакать. Въ тревогѣ онъ принялся громко звать отца и мать, а потомъ сестеръ, выкрикивая ихъ имена. При этомъ у него отъ холода стучали зубы, такъ какъ погода стояла суровая. Наконецъ, сосѣди повысовывали головы изъ дверей; было возбуждено всеобщее вниманіе. Г. Эммануилъ Зенгеркругъ въ эту минуту сходилъ по лѣстницѣ, празднуя, при вечернемъ освѣщеніи, свое ежедневное возстаніе отъ сна. Слезы мальчика растрогали его необычайно. Такъ это братъ красивой бѣлокурой дѣвочки, живущей здѣсь во второмъ этажѣ? Мм... онъ имѣетъ весьма интеллигентный видъ и лицомъ недуренъ. Ему не отворяютъ, хотя онъ съ опредѣленностью предполагаетъ, что кто-нибудь есть дома? Вѣдь, это, однако, странно, въ высокой степени странно...

— Придется взломать двери,—высказался комикъ передъ г-жой Фредерикой Цирлингъ, которая сошла за нимъ неслышнымъ шагомъ, подозрѣвая, что великій артистъ предмѣстій нерѣдко заходитъ въ нижній этажъ къ мамзель Дорочкѣ, чтобы въ теченіе пяти минутъ, подъ грохотъ машины, поглядѣть на ея стройные бѣлые пальчики.

Онъ приложилъ ухо къ замочной скважинѣ, чтобы уловить какое-нибудь движеніе въ комнатѣ, но вдругъ отскочилъ назадъ. Сквозь щели кухонной двери до него доходилъ какъ бы запахъ гари, возбудившій въ немъ ужасныя опасенія. Не случилось ли тамъ страшнаго несчастія?!

Г. Эммануилъ Зенгеркругъ насилу удержался, чтобы не заявить тотчасъ же, что тутъ есть, вѣроятно, поводъ къ устройству благотворительнаго представленія, на которое онъ, ради своей любви къ дѣтямъ, приглашаетъ многочисленную публику.

Онъ адресовался къ мадамъ Цирлингъ, которая съ благоговѣніемъ взирала на своего протеже изъ-подъ громаднаго, на дѣвическій ладъ отдѣланнаго чепца.

— Помните ли вы, почтенная мадамъ Цирлингъ (въ присутствіи постороннихъ онъ никогда не называлъ ее иначе)—помните ли вы, какъ полгода назадъ бѣдное дитя внизу, у Вильковъ?...

Взглядъ его упалъ на Франца, который дрожалъ, опершись на перила, и утиралъ слезы черной суконной фуражкой.

— Г. Эммануилъ, неужели вы хотите сказать?...—Покровительница музъ изъ четвертаго этажа сдѣлала рукою жестъ, выражавшій предчувствіе бѣды и достойный трагической актрисы.

Тѣмъ временемъ Магда, тяжело дыша, втаскивала по лѣстницѣ тяжелый утюгъ. За нею съ шумомъ шелъ Людвигъ Якобъ, обнявшись съ Меркомъ. На лицѣ отца Магды замѣтно выражалось удовольствіе. Онъ получилъ надежду имѣть на будущей недѣлѣ работу, въ теченіе нѣсколькихъ дневныхъ часовъ, на одномъ маленькомъ желѣзо-прокатномъ заводѣ. Это такъ его обрадовало, что онъ не могъ отказаться отъ приглашенія Якоба, встрѣченнаго на улицѣ, зайти съ нимъ къ Ципфелю въ пивную и выпить за свою удачу.

Непривычный кутежъ сдѣлалъ изъ Мерка совсѣмъ другого человѣка. Еще со двора раздался его громкій смѣхъ. Онъ говорилъ Якобу о томъ, какъ вытаращитъ глаза его Ида, когда узнаетъ пріятную новость, и при этомъ дразнилъ свою старшую дочь, шедшую передъ нимъ, дергая Магду за роскошныя, висѣвшія на спинѣ ея, косы. Дѣвочка еще никогда не видала отъ отца такихъ проказъ и въ концѣ-концовъ сама начала смѣяться.

Но вотъ они дошли до своей квартиры и увидѣли происходившее. На лицѣ Магды отразилось удивленіе, тогда какъ Меркъ, послѣ нѣсколькихъ словъ объясненія, нашелъ очень смѣшнымъ, что его Францъ могъ такъ испугаться.

— Парень, да какъ же можно такъ трусить?—выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.—Конечно, Аннушка заснула, а потомъ засмѣетъ такого большого дылду, когда узнаетъ, что онъ боялся и реветъ.

— Тоже скажу и я,—подтвердилъ Якобъ, находясь въ такомъ состояніи, что почти не держался на ногахъ.—Будь это мой паренька, я бы выбилъ изъ него блажь! Поднялъ такую кутерьму!—Тутъ онъ замѣтилъ комика. Какъ, и сюда комедіантъ суетъ свой носъ? Вотъ такъ молодецъ! Разумѣется, онъ тутъ опять одинъ мужчина среди бабъ, которыя столпились вокругъ этого накрахмаленнаго господина, точно онъ какой-нибудь императоръ. Тутъ же и его Роза, про-

тискивается къ этому человѣку. Сквозь винные пары ему показалось, что она даже дѣлаетъ влюбленные глазки, косясь на актера.

— Что эта дѣвка тутъ стоитъ, разинувъ ротъ? Раненько начинаетъ засматриваться на всякаго разряженнаго шута,— крикнулъ онъ и ударилъ дочь по лицу, прямо въ щеку.

Роза жалобно вскрикнула, а затѣмъ разразилась громкимъ плачемъ, еще усиливая его притворствомъ. Потомъ она побѣжала по лѣстницѣ наверхъ, крича оттуда:

— Видно, опять нализался и срываетъ свой хмель на другихъ! Какъ весело быть битой неизвѣстно за что. И такъ цѣлый день сидишь не ѣвши, пока пропиваются послѣдніе гроши... Ну, пусть только мать придетъ домой... Я ей ужъ выложу всю правду. Пусть терпитъ это, кому нравится. Если и дальше пойдетъ такъ, то брошу все, и только меня и видѣли!—Слова эти, прерываемыя плачемъ, возбудили къ ней сожалѣніе въ сердцахъ собравшихся женщинъ, и ихъ негодованіе тотчасъ обратилось противъ безчеловѣчнаго отца. Пусть лучше на себя посмотритъ и пойдетъ проспаться!

Г. Эммануилъ Зенгеркругъ впродолженіе этой сцены чувствовалъ себя несчастнымъ; онъ простиралъ руки и пускалъ въ ходъ всю выразительность своей физіономіи, всѣ свои театральные жесты, чтобы этимъ нѣмымъ краснорѣчіемъ поднять свой авторитетъ.

— Но помилуйте, любезнѣйшая г-жа такая-то: онъ вѣдь, совершенно пьянъ... Вѣдь вы видите, милая г-жа такая-то: его грубость объясняется излишнимъ употребленіемъ водки. Шшш... не говорите лишняго, подражайте моему миролюбію,—тихо шепталъ онъ среди группы женщинъ. При этомъ онъ то разглаживалъ свои лайковыя перчатки, то хватался за галстукъ, точно опасаясь, какъ бы эта священная часть его туалета не пострадала отъ грубой сцены.

— Чего тамъ разсуждаетъ эта распущенная дѣвка?—кричалъ Людвигъ Якобъ, какъ бы собираясь поймать дочь на лѣстницѣ. Но уже на третьей ступени онъ растянулся во весь ростъ, причемъ съ него свалилась фуражка, проскочившая между столбиками перилъ на нижнюю лѣстницу.

Эта старуха, что въ подвалѣ, совсѣмъ испакоститъ ему дѣвчонку! Онъ натравитъ на нее полицію, такъ что она и своихъ не узнаетъ! Все это онъ ворчалъ скорѣе про себя, чѣмъ вслухъ, усиливаясь медленно приподняться.

Меркъ съ дѣтьми вошелъ, между тѣмъ, къ себѣ. Вдругъ раздался ужаснѣйшій крикъ, пронизавшій до мозга костей всѣхъ, кто стоялъ на площадкѣ. Потомъ послышался голосъ Мерка, хотя крики не прекращались. Всѣ протискались къ отворенной двери и ужаснулись

того, что увидѣли. Комната, окна которой были заперты, была полна густого дыма. Передъ желѣзною печкою, въ углу, лежали погасшіе уголья, разсыпавшіеся до средины комнаты. Передъ сундукомъ сидѣла на корточкахъ маленькая Анна, повидимому уже мертвая, а трупъ младшаго дитяти лежалъ какъ разъ передъ печкою съ почернѣвшимъ личикомъ и въ обуглившемся платьицѣ. Оставленныя безъ присмотра дѣти играли съ огнемъ, и сами навлекли на себя ужасную участь. Тутъ отошелъ на небо ангелъ, безъ сознанія, безъ напутственнаго поцѣлуя матери, которая изводилась ради него и во всѣ часы своей усердной работы представляла себѣ его розовенькое личико. Францъ и Магда подняли раздирающій вопль, который всякому терзалъ душу.

— Наша сестричка! Нашъ маленькій Фрицъ!—кричали они безъ перерыва, и голоса ихъ замирали въ рыданіяхъ.

Меркъ распахнулъ окна. Въ комнату проникъ холодный воздухъ, а съ нимъ—и большіе хлопья снѣга, который густо пошелъ въ послѣднія минуты. Потомъ женщины побѣжали за докторомъ, а Эммануилъ Зенгеркругъ старался найти въ Аннѣ признаки жизни. Вотъ пришелъ и докторъ и, дѣйствительно, подалъ надежду на спасеніе малютки. Черезъ часъ вернулась Ида. На весь домъ раздались вопли матери, которая бросилась на трупъ дитяти и какъ разъ успѣла выплакаться до зари, когда настало время идти на фабрику.

Это зрѣлище какъ бы отрезвило Мерка и привело его къ полному пониманію ужаснаго событія, въ которомъ онъ былъ отчасти виноватъ. Онъ схватилъ бездыханное тѣльце въ объятья и сталъ водить по нѣжному личику рукою, точно воображая, что этимъ оживитъ дитя. Между тѣмъ, мать рыдала, дѣти плакали и стонали, раздавались голоса людей, собравшихся въ сѣняхъ и на дворѣ. Лампа съ лопнувшимъ и почернѣвшимъ стекломъ бросала на все это свой неясный, тусклый свѣтъ и вырисовывала страшныя тѣни.

Всю ночь Мерки не смыкали глазъ. Когда, наконецъ, дѣтей одолѣла усталость и они уснули, а Ида продолжала сидѣть въ углу, за печкой, неподвижно устремивъ покраснѣвшіе глаза въ пространство, къ ней подошелъ мужъ и упалъ передъ нею на колѣни.

— Ида, — сказалъ онъ вполголоса, схвативъ ее за руки,— Ида, я скверно сдѣлалъ, что далъ себя напоить. Но клянусь тебѣ, что этого больше не будетъ. Какъ подумаю о крошкѣ, охъ!...—Онъ не могъ продолжать. Его голосъ заглушили полуподавленныя рыданія, отъ которыхъ тяжело вздымалась грудь.

На дворѣ вѣтеръ выл и кидалъ въ окна комья снѣга. Слыша-

лось что-то радостное въ этомъ гулѣ непогоды, вырвавшей себѣ жертву изъ среды людей.

Полночь миновала. Трое дѣтей лежали рядомъ на полу и спали сномъ невинности. Ида погладила мужа по головѣ.

— Смотри, какъ спятъ,—сказала она тихо.—Богъ сохранитъ намъ этихъ троихъ, мы его умолимъ.—Они плотно сдвинули свои головы и съ минуту пробыли въ нѣмомъ объятіи, потомъ встали и, какъ бы сговорившись, оба вышли въ кухню. Тамъ на спинки двухъ стульевъ была положена гладильная доска, а на ней покоилось прикрытое тѣло задохшагося ребенка. Меркъ снялъ простыню; мужъ и жена сложили руки и передъ сномъ бросили послѣдній взглядъ на своего усопшаго любимца. Но эта нѣмая молитва была грубо прервана шумомъ сверху, донесшимся сквозь тонкій потолокъ. Какъ бывало нерѣдко, послышались крики и зовъ на помощь, причемъ голосъ былъ дѣвичій. Людвигъ Якобъ билъ свою дочь. Съ криками перемежались площадныя ругательства отца и дерзкія возраженія Розы. Явственно раздалось:—Каналья, убью тебя,—и къ визгу дѣвушки присоединился плачъ остальныхъ разбуженныхъ дѣтей. Послышалось опрокидываніе стульевъ, началась сумасшедшая бѣготня, стукъ и грохотъ, какъ будто было рѣшено затравить другъ-друга до смерти. Потомъ раздались сильные удары въ дверь, и возвысился голосъ почлежника, Каульмана. Онъ выражалъ сильное неудовольствіе и требовалъ себѣ покоя, причемъ грозилъ, если не прекратится шумъ, что возьметъ дѣвочку къ себѣ въ комнату, потому что больше не можетъ выдержать. Къ довершенію всего, вмѣшалась жена и оба супруга напали на ночлежника. Нечего ему ввязываться; не то, пусть убирается, куда знаетъ, со своими ломбардными квитанціями.

Дальше продолжалось на всѣ лады. Несмотря на холодъ, кое-гдѣ отворялись окна, и потревоженные въ своемъ отдыхѣ жильцы стремились удовлетворить свое любопытство.

Въ эту пору возвращался домой и г. Зенгеркругъ. Послѣ представленія онъ угостился немалымъ количествомъ благороднаго ячменнаго сока и ощущалъ значительную тяжесть въ головѣ. Это приводило его въ такое настроеніе, что онъ произносилъ находу громкіе монологи и выписывалъ своимъ корпусомъ замысловатые вензеля. Иногда онъ останавливался посреди двора, поднималъ взоры къ окнамъ г-жи Цирлингъ и начиналъ декламировать что-нибудь въ слѣдующемъ родѣ:—Вонъ спитъ съ терпѣніемъ ночной совы та, что отняла у меня десять лѣтъ жизни! Ей снятся ратуша, брачные свидѣтели и гордая фамилія Зенгеркругъ. Но говорю вамъ, вы ошибаетесь, госпожа Фредерика Цирлингъ! Говорю вторично и говорю въ третій разъ: вы оши-

баетесь, госпожа Фредерика Цирлингъ, рожденная Зауеръ! Чтобы я себя продалъ,—я, къ которому летятъ женскіе взоры, какъ бабочки на свѣчку? Нѣтъ, лучше я поступлю самъ съ собою такъ, какъ Францъ Мооръ со своимъ отцомъ, котораго онъ заключилъ въ башню голода, и самъ кликну своего ворона. Э!—прибавлялъ онъ затѣмъ, чтобы вполнѣ выразить всю глубину своего презрѣнія.

Къ этимъ ночнымъ рѣчамъ на дворѣ наиболѣе располагала его пріятная перспектива влѣзать во мракѣ на четвертый этажъ. Только передъ окномъ мамзель Дорочки онъ начиналъ чувствовать мужество, нужное для этого подвига. Тутъ его монологъ принималъ другой оттѣнокъ:—Добрая душа, самоотверженное сердце, сострадательный другъ маленькихъ невинныхъ дѣтей, спи спокойно! И пусть явится тебѣ въ грезахъ достойный сожалѣнія человѣкъ, которому приходится теперь опять влѣзать въ пещеру дракона!

Послѣ этого онъ начиналъ сначала зажигать восковую спичку, которую тотчасъ задувалъ вѣтеръ, потомъ, осторожно шаркая ногами въ темнотѣ, ощупью добирался до первой ступеньки, чтобы, въ концѣ-концовъ, стонами и безсвязными словами возвѣстить ночнымъ духамъ, что это тяжеловѣсно шествуетъ кафешантанный комикъ, господинъ Эммануилъ Зенгеркругъ.

Сегодня онъ опять топалъ скрипучими сапогами, выражая этимъ непріятнымъ шумомъ все свое пренебреженіе къ спящимъ обитателямъ дома; шаркая, нащупывалъ онъ ступени, и на каждой площадкѣ замѣнялъ угасшую спичку новою. Вотъ онъ во второмъ этажѣ, передъ квартирой Мерковъ. Черезъ щели двери виднѣлся свѣтъ. Какъ человѣкъ, вдругъ вспомнившій, что ему нужно сдѣлать нѣчто, о чемъ онъ едва не забылъ, онъ остановился и спичкою освѣтилъ дверь, чтобы прочесть фамилію на дощечкѣ. При этомъ онъ шатался изъ стороны въ сторону и, насколько возможно, старался пошире открыть утомленные глаза. Затѣмъ онъ покачалъ головой, словно чего-то не понимая.

Монологъ его возобновился шопотомъ:—Тише, тише... Мануилъ, ступай тихо, не нарушай покоя умершихъ. Спи, дитятко, спи! Душа твоя улетѣла, точно звуки арфы, къ которой прикоснулось Божество. Мануилъ, слышишь ли? Проходи потише!—Онъ снялъ шляпу, сложилъ руки, очутившись опять въ потемкахъ, простоялъ нѣсколько секундъ передъ дверью, а дальше уже крался на цыпочкахъ. При этомъ онъ раза два вздрогнулъ, самъ не зная, отъ холода ли, или же отъ привычныхъ мыслей о собственномъ дитяти.

Лишь когда онъ очутился на самомъ верху, то громко хлопнув-

шая кухонная дверь послужила доказательствомъ, что г. Эммануилъ Зенгеркругъ опять пришелъ въ себя.

Три дня спустя, Меркамъ пришлось подумать о погребеніи ребенка. Со дня несчастнаго событія Ида не ходила на фабрику; ужасная участь ея послѣдняго дитяти сдѣлала ее совсѣмъ больною, такъ что казалось, будто она вдругъ постарѣла на многіе годы. Горе и печаль запечатлѣлись на ея лицѣ, и какая-то жесткость появилась въ очертаніяхъ рта. Однако, ей служило нѣкоторымъ облегченіемъ то участіе, которое принималъ весь домъ въ ея скорби. Ей старались всячески выказать сочувствіе. Правда, она никому еще не подала повода отнестись къ ней иначе. Съ тѣхъ поръ, какъ они сюда переѣхали, всѣ только и видѣли, что трудолюбивая женщина выходитъ на работу рано утромъ и возвращается вечеромъ измученная. Больше, чѣмъ она дѣлала, она дѣлать не могла.

На другой день пришли сосѣдки утѣшать горюющую. Сквозь соболѣзнованія проглядывало и любопытство, стремившееся удовлетвориться видомъ маленькаго трупа, а притомъ бросить взглядъ и на обстановку. Вѣдь необходимо же было, наконецъ узнать, какъ именно произошло несчастіе, чтобы, обсуждая это событіе съ сосѣдями, имѣть свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Въ результатѣ, единственнымъ виноватымъ явился мужъ Иды. Такъ покуда дѣти были заперты, онъ сидѣлъ внизу въ пивной и нализался? Это недурно, тѣмъ болѣе, что въ первое время его всѣ считали за человѣка солиднаго; но, разумѣется, кто свяжется съ Якобомъ, изъ того не будетъ проку.

При этомъ случаѣ Ида познакомилась и съ мамзель Дорочкой. Блѣдная дѣвушка робко вошла съ вѣнкомъ въ рукѣ и тихо попросила взять ея подарокъ, такъ какъ она очень любитъ дѣтей. Не позволятъ ли ей также проводить и на кладбище? Она сумѣетъ найти время, лишь бы ей съ точностью назначили часъ.

Самое искреннее состраданіе выказала Флора Шварцъ. Ей хотѣлось бы остаться на цѣлый день съ Идою, чтобы утѣшать ее. Позади нея все время стоялъ ея сынъ Оскаръ и боязливо глядѣлъ на простой гробъ. То былъ лишенный всякихъ украшеній черный ящикъ, купленный Меркомъ за дешевую цѣну. Погребеніе не мало заботило родителей. Бѣдственное положеніе Мерковъ не допускало большихъ похоронныхъ расходовъ. Имъ не на что было даже нанять извозчика, чтобы перевезти тѣло. Полная безвыходность заставила Мерка обратиться въ коммиссію о бѣдныхъ, чтобы его ребенку безплатно дали мѣсто на городскомъ кладбищѣ.

Воспользовавшись мракомъ, можно было самимъ перенести ребенка, не обращая на себя ничьего вниманія. Правда, до кладбища

было далеко, но необходимость заставляла пройти этотъ путь. Мужъ и жена сошлись на томъ, чтобы исполнить этотъ тяжелый долгъ потихоньку, вечеромъ. Они просили, чтобъ никто не провожалъ, поблагодарили всѣхъ за участіе, но никому не сказали дня и часа погребенія. Только бурнусница была посвящена въ семейную тайну.

Боже, это было такое путешествіе на кладбище, какое можетъ выпасть на долю лишь обитателямъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій! Послѣ мороза наступила внезапная оттепель. Снѣгъ превратился въ грязь, покрывавшую улицы и площади. Было пять часовъ пополудни и сумерки уже наступили, когда изъ задняго корпуса двинулось погребальное шествіе. Меркъ взялъ скатерть, скрутилъ ее въ видѣ веревки и обвязалъ вокругъ своего плеча и маленькаго гробика, чтобы тѣмъ облегчить тяжесть, которую долженъ былъ нести подъ мышкою. Послѣ этого онъ медленно спустился по темной лѣстницѣ. За нимъ послѣдовала Ида, а за нею дѣти. Она несла кухонную лампу, которую потушила и спрятала за выходную дверь, дойдя до низу. Въ домѣ, однако же, знали о происходившемъ. Виденъ былъ свѣтъ въ щеляхъ потихоньку отворявшихся дверей, а въ освѣщенныхъ окнахъ показывались темныя головы. Эммануилъ Зенгеркругъ только что собирался сходить внизъ, когда замѣтилъ печальное шествіе. Онъ умѣрилъ шаги, а потомъ тихо прокрался вслѣдъ. Внизу онъ постучалъ къ Дорочкѣ и на нѣсколько минутъ исчезъ. На дворѣ и въ воротахъ Меркамъ попадались обитатели дома, которые пугливо сторонились и провожали ихъ взглядами сожалѣнія.

Когда они вышли на улицу, Меркъ съ гробомъ пошелъ впередъ, рядомъ съ нимъ—его заплаканная жена, а позади, взявшись за руки, шли мальчикъ и обѣ дѣвочки. Имъ пришлось маршировать больше часа, прежде чѣмъ они достигли цѣли. Въ такую пору и при такой погодѣ улицы были малолюдны, а пустыннѣе всѣхъ была мѣстность у Фридрихова Поля и лежащіе за нимъ унылые переулки. Газовые фонари разставлены были рѣдко, и ихъ огни, мелькавшіе тамъ и сямъ, производили, среди глубокой темноты, такое же впечатлѣніе, какъ крошечная свѣчка въ большомъ залѣ. А погода!... Ее нельзя было не почувствовать. Получался зимній пейзажъ, который служилъ весьма подходящимъ фономъ для этой картины смерти, бѣдности и горя.

При каждомъ шагѣ хлюпалъ мокрый снѣгъ, а вновь падавшіе хлопья, валившіеся все гуще, казались крошечными частицами громаднаго савана, который небо спускало на землю подстать ея настроенію. Отдѣльные торопливые прохожіе, стремившіеся какъ можно скорѣе попасть въ теплую комнату, походили на скользящія тѣни,

то замѣтныя при свѣтѣ фонаря, то исчезавшія изъ глазъ среди мрака. Черный заборъ кладбища бѣдняковъ, изъ-за котораго исполинскіе тополи протягивали на улицу свои обнаженныя, темныя вѣтви; расположенные напротивъ, уныло торчащіе къ небу дома казарменнаго вида, кое-гдѣ освѣщенныя окна которыхъ напоминали свѣтляковъ; грязь на улицѣ; немногіе ярко освѣщенные фонарные столбы; исполинскія тѣни множества домовъ, сливавшіяся во мракѣ въ одну тѣнь, точно отъ какого-то каменнаго колосса; дальше, за свѣтлой линіей фонарей, черный мракъ наступавшей ночи, нависавшей надъ Фридриховымъ Полемъ, подобно громадному воронову крылу, которое какъ бы собиралось задавить всѣ дома, людей и огни,—все это сливалось въ жуткую гармонію темныхъ тоновъ, тяжело настраивавшую душу человѣка и ничуть не сродную веселому смѣху.

Мерки въ душѣ были довольны, что во время ихъ печальнаго шествія улицы настолько кстати оказались малолюдными. Лишь тамъ и сямъ отдѣльная фигура останавливалась, сторонилась и съ удивленіемъ смотрѣла имъ вслѣдъ, чтобы потомъ поспѣшить далѣе, испытывая, вѣроятно, жалость и испугъ.

Дорогою не было произнесено ни слова. Меркъ и жена пристально смотрѣли въ потемки; лишь позади нихъ рыдалъ кто-то изъ дѣтей, не могшій сдержать слезъ. Пришлось идти мимо какого-то кабака, гдѣ бывали рабочіе и всякая сомнительная публика. Тамъ звенѣли стаканы, и громкій крикъ вырывался на улицу. Наконецъ, дошли до деревянныхъ воротъ кладбища для бѣдныхъ.

Черезъ минуту передъ ними шагалъ уже могильщикъ съ фонаремъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, слегка сгорбленный, съ постоянно полуоткрытымъ ртомъ на морщинистомъ, загорѣломъ лицѣ, точно онъ всегда собирался начать рѣчь о скорбяхъ здѣшняго міра. Длинные костлявые пальцы съ теченіемъ времени скорчились, неизвѣстно, отъ обхватыванія ли лопаты, или отъ складыванія рукъ послѣ бросанія первыхъ комьевъ земли на каждый изъ безчисленныхъ гробовъ.

Поднимался сильный вѣтеръ; онъ крутилъ снѣжныя хлопья, шелестѣлъ обнаженными вѣтвями деревьевъ и кустовъ и свистѣлъ надъ могилами. Здѣсь, въ этомъ холмистомъ клочкѣ земли, заключался цѣлый міръ горя и страданій. Здѣсь спали послѣднимъ сномъ тѣ милліоны безыменныхъ людей, единственнымъ напоминаніемъ о которыхъ служили черные колья съ бѣлыми нумерами.

Слѣва, вдоль стѣны, рядами тянулись дѣтскія могилы, всползавшія высоко на холмъ. Могильщикъ остановился у крайней, свѣжевырытой могилы. Онъ поставилъ на кучу песку свой большой фо-

нарь и взялъ у Мерковъ гробикъ. Спустивши его на веревкахъ, онъ взялся за лопату. Когда глухо ударились о крышку первые комья, то изъ пяти грудей одновременно вырвались рыданія, отъ которыхъ навернулись бы слезы у каждаго, кромѣ только этого могильщика, хлопотливо и безучастно дѣлавшаго свое дѣло.

Вдругъ онъ пріостановился.

— Прошу произнести мысленную молитву,—сказалъ онъ коротко и сложилъ руки. Всѣ послѣдовали его примѣру, стиснули губы и молча устремили взоръ въ темное отверстіе, поглотившее любимое ими существо.

Опять загрохотали земляные комья, опять завопили дѣти, опять зарыдали отецъ съ матерью.

— Бѣдный маленькій Фрицъ!—голосила Анна, младшая дѣвочка; Магда и Францъ, плача, повторяли тѣ же слова.

Мать не въ силахъ была дольше выдержать; она вдругъ громко вскрикнула и опустилась на колѣни на мокрую землю.

— Дитя, мое бѣдное дитя!—раздался ея вопль среди ночи.

Меркъ насильственно поднялъ жену. Дѣти стояли и дрожали отъ мороза. Могильщикъ все такъ же равнодушно кончалъ свою работу. Онъ не сталъ насыпать холма, а заровнялъ землю лопатой и воткнулъ въ рыхлую землю черный колъ, чтобы отмѣтить мѣсто, куда положили дитя бѣдняка.

Затѣмъ онъ сказалъ такъ же коротко и притомъ еще ворчливо, вслѣдствіе дурной погоды:

— Прошу замѣтить: рядъ сорокъ второй, нумеръ восьмой. Если желателенъ холмикъ, прошу заявить: за это полагается три марки.

Онъ взялъ фонарь, поднялъ на плечо лопату и собрался уходить, когда изъ мрака выдѣлились четыре фигуры, которыя направлялись на свѣтъ фонаря. То были: г. Зенгеркругъ, мамзель Дорочка, вдова Шварцъ и ея сынъ, только что пріѣхавшіе на извозчикѣ, которому заплатилъ Эммануилъ; они хотѣли показать Меркамъ, что думаютъ о нихъ, и дорогою купили нѣсколько вѣнковъ.

Такого сюрприза не ждали ни Меркъ, ни его жена.

У комика было такое торжественное лицо, какого никогда не видала у него мадамъ Цирлингъ. Онъ бросилъ на засыпанную могилу большой вѣнокъ изъ иммортелей и съ минуту молча простоялъ на мѣстѣ, опустивши взоръ. Затѣмъ онъ обратился къ Меркамъ:

— Утѣшьтесь, мои дорогіе,—произнесъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Самое лучшее въ смерти этого дитяти заключается въ томъ, что оно умерло въ такомъ возрастѣ, когда еще не сознавало своего существованія. Думайте такъ: Богъ вамъ его далъ, Богъ его и взялъ.

Онъ поднялъ воротникъ пальто, приблизился къ могильщику и сунулъ ему что-то въ руку, причемъ послѣдній впервые сдѣлалъ вѣжливое движеніе.

«Надо уважить старика,—подумалъ про себя Зенгеркругъ.—Кто знаетъ, не ему ли придется заравнивать землю надъ тѣломъ комедіанта?»

Затѣмъ всѣ пошли между запущенными могилами, руководствуясь свѣтомъ уносимаго фонаря и стараясь не поскользнуться на неровной почвѣ. На улицѣ мужчины пошли вмѣстѣ, точно такъ же, какъ женщины и дѣти. Магда шла рядомъ съ Оскаромъ.

— Не правда ли,—сказала она вполголоса,—и ты будешь ходить съ нами лѣтомъ на кладбище, когда мы станемъ поливать могилу и сажать цвѣточки?

Оскаръ только кивнулъ; холодъ не давалъ ему произнести ни слова. Г. Эммануилъ Зенгеркругъ очутился на нѣсколько минутъ рядомъ съ Дорочкой. Съ тѣхъ поръ, какъ отошли отъ могилы, дѣвушка не прерывала молчанія.

— Вамъ очень грустно?—вдругъ спросилъ комикъ.

У мамзель Дорочки по щекамъ потекли слезы.

— Я очень несчастлива, г. Зенгеркругъ, мнѣ приходится горько упрекать себя. Представьте себѣ: на этомъ же кладбищѣ погребена и моя мать, но совсѣмъ на другой сторонѣ, въ самомъ углу. При этой темнотѣ я побоялась заблудиться между деревьями; но Господь проститъ меня, потому что я втихомолку думала о ней и за нее молилась.

Съ минуту Зенгеркругъ помолчалъ, точно изумленный неожиданностью, затѣмъ продолжалъ вопросъ:

— А вашъ отецъ, онъ тоже тутъ лежитъ?

Мамзель Дорочка отвѣтила не сразу. Взглядъ комика былъ устремленъ на ея щеку. Если его не обманывалъ невѣрный свѣтъ фонаря, то на лицѣ ея проступила легкая краска. Дорочка сказала тихимъ голосомъ:

— Нѣтъ. Я никогда не знала отца. Это цѣлая исторія, очень печальная; я бы ее вамъ разсказала, но вамъ еще сегодня нужно быть веселымъ, такъ она была бы не ко времени.

— Старая исторія!—подумалъ комикъ, и, отыскавъ руку своей спутницы, пожалъ ее.—Бѣдняжечка!—вотъ все, что онъ могъ сказать; но голосъ его замѣтно дрожалъ.

Простившись со всѣми, онъ произнесъ вполголоса:

— Вотъ настоящая комедія жизни: съ кладбища къ разыгрыванію веселаго фарса!

Пер. **В. Кошевичъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСТРѢЧА.

(Изъ старой записной книжки.)

На станціи N ожидали прибытія варшавскаго поѣзда, который обыкновенно стоялъ тутъ часъ и затѣмъ слѣдовалъ въ Петербургъ.

Поѣздъ, приходившій по расписанію въ два часа пополудни, очень запоздалъ, и хозяинъ буфета, тучный черномазый щеголь въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ и бирюзовомъ перстнѣ на правомъ мизинцѣ, хмуро прохаживался между столами, скрывался въ темномъ проходикѣ за стойками, заставленными винами и закусками, появлялся снова, перемѣщалъ какую-нибудь бутылку, обдувалъ пыль съ горки бисквитовъ, поправлялъ пирамидку шоколадныхъ плитокъ, а въ промежуткахъ бросалъ недовольные взгляды на часовую стрѣлку. Онъ уже два раза высказалъ дѣвицѣ въ желтомъ батистѣ, завѣдующей отпускомъ чаю и кофе, что съ поѣздомъ навѣрное что-нибудь случилось неблагополучное.

Дѣвица въ желтомъ батистѣ, чрезвычайно похожая на прирученую канарейку, тоже обращала свои блестящіе, какъ бисеринки, глазки на часы, беззаботно чирикала: о, да, это ужъ навѣрно! И снова принималась за тамбурное вязанье.

Франтъ поваръ, въ бѣломъ беретѣ на-бекрень, стремительно появившійся съ блюдомъ пирожковъ, унесъ ихъ обратно, распространивъ запахъ капустнаго и мясного фарша. Показывался то тотъ, то другой офиціантъ, передвигалъ то тотъ, то другой приборъ, хлопалъ, въ острастку мухамъ, салфеткой по столу, скрывался или, прислонясь къ стѣнѣ, дремалъ.

Насъ, ожидающихъ пассажировъ, было не много, и мы разнообразили тяготу ожиданія, какъ могли. Кто, усѣвшись въ уголокъ, старался уснуть или по крайней мѣрѣ задремать, кто брался за припасенную въ дорогу книгу, гулялъ по платформѣ, проникалъ въ станціонный садикъ и кружилъ по узенькимъ дорожкамъ, между цвѣту-

щими клумбами въ видѣ сердецъ и георгіевскихъ крестовъ изъ резеды и флокса. Разумѣется, всѣ эти развлеченія очень щедро приправлялись справками, какъ далеко еще подвинулась часовая стрѣлка.

Уже четвертый въ началѣ, но іюньскій зной даетъ себя знать.

Наконецъ, сигналъ.

Хозяинъ буфета помѣщается за стойками, спиртъ вспыхиваетъ подъ мельхіоровыми блюдами, франтъ поваръ суетливо что-то подливаетъ изъ металлическаго чайника въ подогрѣваемые соусники. Появляется швейцаръ у дверей. По платформѣ, что-то дожевывая, проходитъ бравый жандармъ.

У дѣвицы въ желтомъ батистѣ кофейныя и чайныя принадлежности давно наготовѣ, и она безъ поспѣха довязываетъ свой тамбурный зубчикъ. Показывается пухленькая, кудрявая, какъ барашекъ, продавщица книгъ и газетъ и раскладываетъ свой товаръ. Со всѣхъ сторонъ выступаютъ официанты.

Вотъ и поѣздъ.

Шумная пестрая вереница прибывшихъ спѣшитъ занять мѣста за столами. Поднимается гамъ, говоръ, громыханіе передвигаемыхъ стульевъ, гулъ требованій, раздражительныя указанія официантамъ, которые мечутся во всѣ стороны.

За столомъ, рядомъ со мной, располагается худенькая дама. Мелкія кудряшки вьются чуть не до самыхъ глазъ, глаза—точно напитанные фосфоромъ шарики, движенья порывисты. Очевидно, крайне нервная дама. И экспансивная—сейчасъ же начинаетъ восклицать. На нее будто бы смертельно дѣйствуетъ вся эта, по ея выраженію, цыганская вокзальная сумятица. Ее кромѣ того перепугалъ официантъ, стремительно, съ разлета подсунувшій телячью котлету, и окончательно разстроилъ, не понявъ, что котлета должна быть вовсе не съ картофелемъ, а съ зеленымъ гарниромъ. Она опасается, какъ бы ей не задохнуться въ этомъ адѣ, а головѣ ея не расколоться пополамъ. А тутъ и куска не дадутъ проглотить—вмѣсто часу простоимъ двѣ минуты.

Ее пробуетъ успокоить мой сосѣдъ справа, солидный господинъ въ коричневомъ. (Еще богатая оборочка песочныхъ волосъ окаймляетъ его блестящую, точно только что отполированную лысину, песочныя волны баковъ на подбородкѣ съ глубокой ямкой тщательно пробриты, что позволяетъ видѣть Анну 2-й степени, мягко мерцающую на коричневомъ фонѣ). Солидный господинъ, занятый зелеными щами, въ которыя методически измельчаетъ крутое яйцо, созидая правильныя горки, одну изъ бѣлка, другую изъ желтка, увѣренно совѣтуетъ кушать котлету спокойно: никакой спѣшки не будетъ.

Нервная дама не безъ колкихъ удареній на словахъ отвѣчаетъ, что она, кажется, знаетъ, что говоритъ: разъ опоздалъ поѣздъ, то будутъ наверстывать. Черезъ какую-нибудь минуту затрещитъ звонокъ.

— Не затрещитъ,—настаиваетъ солидный господинъ въ коричневомъ:—слѣдующее въ нашемъ поѣздѣ желѣзнодорожное начальство заказало для себя особый свѣжій обѣдъ. Я у стойки спрашивалъ полынной и своими ушами слышалъ. Ну, а пока рыбу поймаютъ, пока...

— Какую рыбу поймаютъ? Что за рыба?—восклицаетъ нервная дама.

— Неподалеку отъ здѣшней станціи славится, видите ли, рыбка,—охотно сообщаетъ солидный господинъ, оканчивая созиданіе яичныхъ горокъ и присыпая щи перцемъ,—этакая серебристенькая... Эта рыбка водится только въ самыхъ чистѣйшихъ ручейкахъ, а вотъ тутъ, гдѣ-то поблизу отъ станціи, есть такая долинка и по ней ручейки, какъ хрусталь. Особо вкусная рыбка, которая...

— Знаю: форель!—перебиваетъ нервная дама.

(Дама такъ нервозна, что всякая ея фраза требуетъ восклицательнаго знака, а то и двухъ).

— Этого добра въ Петербургѣ, хоть забросайся!

— Прошу извинить,—вмѣшивается сидящій напротивъ, остриженный подъ щетку, быстроглазый юркій старичокъ въ туго накрахмаленной каламянкѣ.—Передъ старичкомъ стаканъ чаю, а на колѣняхъ у него вмѣстительная корзиночка съ домашними пирожками и какими-то жареными птичками. Пирожки онъ уничтожаетъ цѣликомъ, птичекъ, какъ въ жерновахъ мелетъ, съ косточками, и все запиваетъ чаемъ.—Прошу извинить. Находятъ знатоки, что въ петербургской не тотъ вкусъ—крупна петербургская, а требуется, чтобъ рыбка была не болѣе четырехъ вершковъ. Никакъ не болѣе. Никакъ. У N-скаго желѣзнодорожника даже дана повару строжайшая мѣрка: ровно 4 вершка. Приложитъ къ рыбкѣ, и чуть вотъ настолько,—юркій старичокъ ногтемъ большого пальца захватываетъ за краешекъ мизинца,—невѣрно, бракуетъ. Доложу вамъ...

— Анекдотъ какой-то!—перебиваетъ нервная дама.

— Прошу извинить, я говорю не наугадъ,—возражаетъ юркій старичокъ. Я тутъ недалеко живу, и мнѣ все въ окрестностяхъ отлично знакомо и извѣстно. Извольте посмотрѣть...—Юркій старичокъ извилистой бровью моргаетъ на приземистую, не по лѣтамъ округлую и грузную фигуру, которая развалисто прохаживается между занятыми столами, дымя папиросой.—Вотъ—вотъ, въ формѣ первѣйшаго

сорта, жирненькій — видите? Ничего не спрашиваетъ, ожидаетъ рыбку...

— Мы безъ помѣхи покушаемъ и еще порядочно посидимъ,— заключаетъ солидный господинъ.

— Тоже пріятно!—восклицаетъ нервная дама.—Въ Петербургъ, значитъ, пріѣдемъ ночью! Боже, что у насъ въ Россіи за порядки! Вѣдь за границей это немыслимо! Немыслимо, немыслимо, немыслимо!

Она начинаетъ разсказывать о чудесныхъ порядкахъ заграничныхъ. Солидный господинъ безстрастно слушаетъ, пунктуально распредѣляя на каждую ложку щей извѣстную дозу отъ горки бѣлка и отъ горки желтка.

— И у насъ не совсѣмъ безъ удобствъ,—замѣчаетъ юркій старичокъ.

— Какія же это удобства у насъ? Гдѣ? Въ чемъ?—вскипаетъ нервная дама.

— А вотъ, чтобъ недалеко ходить,—шутливо поясняетъ юркій старичокъ,—возьмемъ къ примѣру желѣзнодорожное начальство: захочется ему рыбки изъ хрустальнаго ручейка и можетъ задержать, гдѣ и когда ему угодно, слѣдованіе поѣзда. Чѣмъ не удобство? Только не для всѣхъ... Хе-хе-хе...

— Ну, понятно, не для всѣхъ!—улыбается, очевидно оцѣнившій шутку, солидный господинъ.

Онъ покончилъ съ зелеными щами и теперь разрѣзаетъ ломоть ветчины на правильные квадратики и на каждый квадратикъ скрупулезно накладываетъ опредѣленное количество горошка.

Негодованію дамы нѣтъ предѣловъ. Она страстно дѣлится воспоминаніями, какъ по поводу не во-время открытаго окна въ вагонѣ у нея разъ вышло столкновеніе съ самимъ желѣзнодорожнымъ шефомъ.

— Ну, я ему отпѣла! Какъ, говорю, вы имѣете дерзость...

Ее прерываетъ поднявшійся за смежнымъ столомъ споръ.

Чрезвычайно показной, не взирая на излишнюю породность, черноусый полковникъ запальчиво споритъ съ своимъ визави.

— Я раньше заказалъ, значитъ подали мнѣ, а не вамъ, милостивый государь!

«Милостивый государь», отъ котораго намъ видны только правый сѣдоватый бакенъ, кончикъ крючковатаго носа и большое, какъ чумацкій варенникъ, багровое ухо,—побагровѣло, можетъ статься, отъ волненья спора,—сдержанно, но съ какимъ-то шипомъ, возражаетъ, что въ кругъ его обязанностей не входитъ забота о томъ, что зака-

зываютъ сидящія за вокзальными столами незнакомыя ему лица, а потому естественно, что это ускользаетъ отъ его вниманія. Онъ знаетъ, что заказалъ себѣ извѣстное блюдо, что заказанное лакей ему подалъ...

— Лакей болванъ!—еще запальчивѣе доказываетъ полковникъ.—«Болванъ» какъ разъ въ этотъ моментъ ставитъ передъ нимъ вторую, запоздавшую порцію спорнаго кушанья.—Въ кругу порядочныхъ людей, милостивый государь...

— Не возвышаютъ такъ голоса за столомъ, за которымъ къ тому же находятся дамы!—замѣчаетъ менѣе сдержанно «милостивый государь».

Полковникъ на секунду каменѣетъ... Готовъ, кажется, разразиться чѣмъ-то ужаснымъ...

Но приближается, очевидно, привлеченная громогласнымъ препирательствомъ высокая тощая дама въ моднѣйшемъ дорожномъ костюмѣ, съ пахитосой въ устахъ, очень томная и очень напудренная, и при взглядѣ на полковника восклицаетъ:

— Александръ Петровичъ! Вы ли это?

— Клавдія Іосифовна,—вскакиваетъ полковникъ.—Вотъ неожиданное удовольствіе!

— Дама изъ начальства! — подмигиваетъ намъ быстроглазый старичокъ.

— Это вы почему же полагаете?—спрашиваетъ нервная дама.

— Будь это знакомая обыкновенная, назвалъ бы по батюшкѣ просто Осиповна, а ужъ если называетъ Іосифовна, то навѣрно изъ высшихъ сферъ,—охотно вразумляетъ быстроглазый старичокъ.

— Какая низость!—восклицаетъ нервная дама.

Нервность ея достигаетъ высшей степени: поданный ей бисквитъ до того будто бы изсохъ, что выстрѣлилъ ей въ горло цѣлой пригоршней пыли и чуть ее не задушилъ... Однако она заинтересовывается дамой изъ начальства и принимается ее разбирать, что называется, по косточкамъ: сейчасъ видно, что это за птица—модница, уморительно занята собой—воображаетъ, что красавица—изъ тѣхъ барынь-мотовокъ, которыя разоряютъ дома, пускаютъ дѣтей по міру, неглижируютъ самыми священными обязанностями и проч. и проч., все въ томъ же безотрадномъ смыслѣ.

Между тѣмъ дама изъ начальства благосклонно приняла поданный ей стулъ (полковникъ такъ стремительно выхватилъ этотъ стулъ, что у медлительной старушки, сбиравшейся на него присѣсть около сосѣдняго стола, вырвалось испуганное ахъ! и она чуть не покатилась по полу), покуриваетъ пахитосу и сообщаетъ полковнику

подробности своего путешествія. Она ѣдетъ изъ своего N-скаго имѣнія въ имѣніе X-ское къ сестрѣ. Aline вѣдь выходитъ замужъ.

Полковникъ сердечнѣйшимъ образомъ поздравляетъ, радуется, не сомнѣвается въ будущемъ благополучіи такой особы, какъ Алина Борисовна.

Онъ какъ будто забылъ о спорномъ блюдѣ, которое стынетъ, и о пламенномъ спорѣ съ своимъ визави, который не спѣша оканчиваетъ обѣдъ, даже какъ будто умышленно продлеваетъ его, медлительно разспрашивая прислуживающаго офиціанта о соусахъ и гарнирахъ...

— Да, Aline милая дѣвочка,—говоритъ дама изъ начальства.— Сестра почувствуетъ себя одиноко безъ нея... А васъ куда Богъ несетъ?

— Я въ Петербургъ, Клавдія Іосифовна, по порученіямъ Леонида Іосифовича.

Быстроглазый старичокъ приставляетъ указательный палецъ къ носу и произноситъ подъ сурдиной: сестрица.

— Увидите дядю Пьера,—говоритъ дама изъ начальства,—передайте ему, пусть поспѣшитъ къ намъ. Свадьбу рѣшено отпраздновать à l'anglaise въ самомъ интимномъ кругу... Вы вѣдь увидите дядю Пьера?

— Непремѣнно, Клавдія Іосифовна, имѣю даже порученіе отъ Леонида Іосифовича.

— Что за порученіе?

— Леонидъ Іосифовичъ посылаетъ Петру Георгіевичу пару кадетъ.

— Пару кадетъ? Что за кадеты? Леонидъ, по своему обычаю, благотворитъ кому-нибудь?

— О, да... Леонидъ Іосифовичъ находитъ цѣлесообразнымъ, въ видахъ умиротворенія края, помѣщать дурно направленныхъ дѣтей въ наши военныя учебныя заведенія, вырывать изъ худой почвы и пересаживать въ добрую,—говоритъ Леонидъ Іосифовичъ.

— У Леонида вѣчно какія-нибудь фантазіи,—замѣчаетъ дама изъ начальства.—Пересаживаетъ тамъ кого-то изъ худой почвы въ добрую, а собственныя дѣла запускаетъ. Не исправимъ... идеалистъ... Пора бы ему подумать о собственныхъ дѣлахъ. Вѣдь, кажется, край теперь замиренъ и все спокойно?

— О, да, вообще спокойно, но надо быть бдительнымъ,—говоритъ Леонидъ Іосифовичъ,—и предусматривать...

Я пробираюсь изъ душнаго вокзала на опустѣвшую платформу Тутъ дышится свободнѣе.

Направо—желѣзнодорожныя постройки, ряды запасныхъ вагоновъ, налѣво—просторъ. Длинная полоса синѣющихъ лѣсовъ замыкаетъ горизонтъ, ближе—изумрудная яркая низина. По низинѣ, то рядами, то въ одиночку, то цѣлыми купами темнѣютъ раскидистые шатры высокихъ деревьевъ.

Тутъ-то, на этой низинѣ, должно быть, и находится заповѣдная зеленая долинка, гдѣ бѣгутъ чистые, какъ хрусталь, ручьи и ловится серебристая рыбка, столь цѣнимая желѣзнодорожными гастрономами. Вѣроятно, оттуда, отъ хрустальныхъ ручьевъ и пышнаго луга, тянетъ на платформу прохладою и запахомъ душистыхъ іюньскихъ травъ.

По платформѣ гуляли въ сопровожденіи фельдфебеля два кадета. Фельдфебель, гигантъ-щеголь, прямой, какъ стрѣла, блисталъ издали. Каждая пуговица на немъ играла. Ослѣпительный глянецъ его черныхъ, какъ вакса, волосъ, глазъ навыкатѣ, бровей колесомъ, усовъ колечками вверхъ, ярко оттѣнялъ малиновую окраску широкихъ, какъ баранья лопатка, щекъ и пухлыхъ добродушныхъ губъ въ формѣ червоннаго туза,—послѣднее придавало ихъ добродушію нѣсколько жеманное выраженіе.

Онъ шагалъ пріостанавливаясь, очевидно занятый пріятными мыслями, наслаждаясь папиросой. По привычкѣ къ дисциплинѣ, онъ пускалъ дымъ особеннымъ образомъ,—внизъ, а затянувшись, прятalъ папиросу въ кулакъ.

Кадеты, въ формѣ съ иголочки, шли тихо, склонившись другъ къ другу, поглощенные разговоромъ. Когда они поровнялись со мной, до меня долетѣло нѣсколько польскихъ словъ. Стройные, красивые мальчики, только блѣдные, какъ послѣ тяжелаго недуга. Судя по сходству—братья. Старшему могло быть лѣтъ двѣнадцать, младшему—не больше восьми. Несомнѣнно уроженцы Литвы: тонкія, уже въ дѣтствѣ характерныя черты, литовскіе темные изсиня сѣрые глаза, густо опушенные длинными рѣсницами. Когда эти глаза, измученные, исполненные горькой тоской, на меня глянули, у меня невольно вырвался вопросъ:

— Не пригожусь ли чѣмъ помочь?

Они вздрогнули, встрепенулись, растерялись...

Но старшій мгновенно оправился и быстро-быстро, вспыхивая и блѣднѣя, задыхаясь, заговорилъ:

— Я—Адамъ Д., а это мой меньшой братъ, Чеславъ... Насъ везутъ въ Петербургъ... въ корпусъ... Взяли отъ матери... ночью... Она упала... насъ увели... Мама не знаетъ, что съ нами... гдѣ мы... Мучится... Писать не позволяютъ... Еслибъ я могъ передать ей сло-

во... одно слово... одно... что живы, что вмѣстѣ... что я берегу Чесю... Помню все, что мама заповѣдала... Не забуду... никогда... Ея Адамъ не измѣнится...

— И Чеся тоже,—проговорилъ младшій.—Пусть мама коханая...

Изстрадавшаяся дѣтская душа не вмѣстила скорби,—крупныя слезы полились по измученному личику, и онъ закрылся задрожавшими ручками.

Когда моя записная книжка очутилась въ рукахъ Адама, онъ помертвѣлъ отъ радости. Но онъ уже умѣлъ владѣть собой. Онъ весь дрожалъ, какъ листъ, но не суетился, и тихо подвигаясь впередъ, началъ писать.

Мы съ Чесей пріостановились. Онъ довѣрчиво приложилъ мокрую щечку къ моей рукѣ. Слезы все еще лились, и такія горькія и жгучія, а онъ шепталъ:

«Какое тутъ все чужое... ужасное...»

— Позвольте, позвольте!—раздался за нами воскликъ фельдфебеля.

Въ своихъ пріятныхъ мысляхъ онъ порядочно поотсталъ, но въ два прыжка очутился около насъ.

— Съ господами кадетами нельзя разговаривать! Нельзя по-польски! Помилуйте! Разъ начальство не дозволяетъ... Позвольте...

Но видя, что оба кадета пошли впередъ своей дорогой, а я ихъ безпрекословно оставляю и направляюсь съ нимъ рядомъ, пылъ его опалъ, хотя глянцевитыя брови колесомъ еще угрожающе насуплены и яркій червонный тузъ строго сжатъ.

Извинившись въ сдѣланной ему непріятности и объяснивъ, что запретъ начальства нарушенъ по невѣдѣнію, я выражаю надежду, что онъ къ этому отнесется снисходительно, по справедливости.

— Тутъ не въ справедливости дѣло, а въ приказѣ начальства!—отвѣчаетъ онъ строго-наставительно.

Но мое извиненіе, очевидно, принято имъ благосклонно, и онъ удостоиваетъ сообщить мнѣ въ назиданіе нѣсколько дисциплинарныхъ правилъ, необходимыхъ для блюдущаго себя военнаго человѣка, да не лишнихъ и для всякаго, какъ онъ выражается, иного-прочаго.

Пухлый червонный тузъ не обманулъ насчетъ добродушія, которое въ благопріятныхъ случаяхъ соединялось съ экспансивною словоохотливостью—что вполнѣ понятно, если большую часть своей жизни человѣкъ стоитъ навытяжку и свободно можетъ только въ урочное время рапортовать.

Вслѣдъ за сообщеніемъ назидательныхъ дисциплинарныхъ пра-

вилъ онъ не скупится на собственныя біографическія и служебныя свѣдѣнія. Я узнаю, что служба ничего, хоть тяжело... даже очень...

— Я при ихъ высокопревосходительствѣ состою. Меня ихъ высокопревосходительство сразу отличили: «подберите мнѣ такихъ, вродѣ Вахрамѣева», т.-е. меня—я Вахрамѣевъ по фамиліи. Ихъ высокопревосходительство до страсти привержены къ этакимъ рослымъ, ну, чтобъ и вообще былъ мужчина, чтобъ и лицомъ взялъ. Теперь насъ подобныхъ шестеро подобрано,—какъ покажемся на улицѣ, такъ вся Варшава оглядывается. Зато бѣда, какъ если обезобразишься. Разъ я простудился, и прикинься болѣть щека—разнесло ее тыква тыквой,—такъ ихъ высокопревосходительство, хоть добрые, страсть разсерчали: «ахъ ты, каналья, какъ себя обезобразилъ. Пошелъ къ фельдшеру, да впередъ смотри, я скверныхъ рожъ не выношу». Ну, ужъ я себя теперь блюду, пуще глазу, потому на этотъ счетъ строго... Болталъ тамъ одинъ штрафной унтерокъ, что ихъ высокопревосходительство потому такъ красоту уважаютъ, что супруга у нихъ не казисты, такъ хочется, болталъ, глазу ихъ на васъ отдыхать. Супруга, касательно этого пункту, дѣйствительно немножечко не вышли... хоть великолѣпныя дамы...

Мы уже два раза перешли изъ конца въ конецъ платформу, кадеты медленнымъ ровнымъ шагомъ слѣдуютъ впереди.

Онъ, Вахрамѣевъ, ѣдетъ въ Петербургъ при любимомъ полковникѣ ихъ высокопревосходительства и блюдетъ пару вотъ этихъ кадетъ, но главная его миссія—сопровождать на обратномъ пути изъ Петербурга братца ея высокопревосходительства. Нездоровъ братецъ и берутъ его въ Варшаву на поправку.

А кадетъ приказано препроводить къ одному тамъ тоже большому генералу. За что такъ строго, спрашиваете, съ ними? Иначе невозможно. Даромъ, что дѣти, а бунтовщицкая искра въ нихъ имѣется. Боже упаси, какіе характерные. Вѣдь ихъ высокопревосходительство такой добродѣтели, что Боже мой, а вы думаете—они это чувствуютъ? Ни на маковое зерно. Подполковникъ Берендѣевъ правду говоритъ,—умный подполковникъ. Ихъ высокопревосходительство такъ вродѣ кички его и называютъ: умница Берендѣевъ,—это, говоритъ, змѣеныши. А ихъ высокопревосходительство по своей добродѣтели шутятъ: «Ну, что, «шутятъ» дадимъ-ка мы змѣенышамъ конфетъ покусать. Доставьте-ка ихъ, посмотримъ». Доставили, вводятъ. Ихъ высокопревосходительство какъ родной отецъ: «Здравствуйте, дѣти». Стоятъ, закаменѣли. Чаю имъ, всякаго пирожнаго, конфетъ наилучшихъ—хоть бы пригубили. Ну, камень камнемъ.

Только какъ стали ихъ высокопревосходительство имъ объяс-

нять, что вотъ, молъ, поѣдете въ Петербургъ, такъ старайтесь—будете стараться, такъ въ люди выйдете, заслужите отличія—да при этомъ помянули про ихъ старшаго брата, что, молъ, нехорошо онъ себя велъ и самъ себя погубилъ,—а брата этого убили въ схваткѣ, въ лѣсу,—такъ они этакъ зашевелились... Ну, и въ ту же минуту опять закамепѣли. Характерные. Съ глазъ спускать нельзя. Видите, идутъ себѣ, кажись, безъ хитростей, гуляютъ, а въ мысляхъ у нихъ, можетъ, бунтъ.

Между рядами вагоновъ начинаютъ бѣгать желѣзнодорожные смазчики, стучитъ молотокъ, раздается лязгъ и громыханье сцѣпокъ.

Первый звонокъ.

Вахрамѣевъ дружественно со мною раскланивается и торопитъ кадетъ къ вагонамъ.

По дорогѣ старшій кадетъ роняетъ фуражку и такъ несчастливо, что она сваливается между рельсами и платформой. Вахрамѣевъ, съ восклицаніемъ огорченья и упрека, поспѣшно ее оттуда добываетъ, а я тѣмъ временемъ успѣваю получить обратно свою записную книжку.

На платформѣ уже толпятся высыпавшіе пассажиры; въ вагонахъ началась возня, толкотня и препирательства. Издали мелькаетъ нервная дама, застреваетъ и восклицаетъ въ вагонныхъ дверяхъ:

— Второй звонокъ!

Показывается дама изъ начальства, которую полковникъ энергично и ловко ограждаетъ отъ давки, дѣйствуя локтями и даже колѣнями.

При появленіи полковника Вахрамѣевъ каменѣетъ по пути къ вагону, вытягивается въ струну и отдаетъ честь, неистово шепча кадетамъ:

— Честь! Честь! Честь!

— Вытянись! Вытянись! Гляди въ глаза! Прямо въ глаза!

Дѣтскія руки—у козырьковъ; глаза, потухшіе отъ муки и тоски, подняты на браваго полковника.

— Вотъ кадеты Леонида Іосифовича—указываетъ полковникъ.

— Ils sont assez gentils,—равнодушно замѣчаетъ дама изъ начальства, оглядывая въ лорнетъ,—но въ нихъ какъ-то мало дѣтскаго... Нѣтъ,—какъ бы это выразить?... Нѣтъ дѣтской прелести... наивной, знаете, улыбки...

И спохватывается:

— А гдѣ моя Джали? Ахъ, эта несносная Любаша.

— Здѣсь, Клавдія Іосифовна, здѣсь,—успокоиваетъ полковникъ.

И заставляя проворнѣе выступить впередъ щеголеватую горничную съ собачкой на рукахъ, такъ усердно тискаетъ щеголиху, что она спотыкается и въ свою очередь тискаетъ нѣжную Джали, которая отчаянно взвизгиваетъ.

— Ахъ, Любаша, какая ты ловкая!—не безъ раздраженія язвитъ дама изъ начальства.—Тебѣ бы стоило дать премію за ловкость. Бѣдненькая Джаличка...

Сконфуженная Любаша густо краснѣетъ и потупляется подъ взглядами какихъ-то любопытныхъ пассажировъ, наблюдающихъ изъ вагоннаго окна.

— Въ вагонъ!—командуетъ полковникъ все еще цѣпенѣющему на вытяжкѣ Вахрамѣеву, и поспѣшаетъ за дамой изъ начальства въ купе, откуда слышно его предложеніе помѣстить корзинку Джали поуютнѣе—въ уголокъ направо.

Вахрамѣевъ препроводилъ кадетъ на мѣста. Въ окнѣ вагона показываются ихъ блѣдныя лица, и меня ласкаютъ исполненные тоски литовскіе глаза.

Третій звонокъ.

Паровозъ свиститъ, поѣздъ двигается.

Адамъ прощается взглядомъ. Чеся прижимаетъ ручки къ груди, точно она разрывается. У него катятся слезы и вырывается скорбный крикъ:

— Пусть мама коханая знаетъ...

Поѣздъ мчится и уноситъ ихъ «изъ худой почвы въ добрую...»

Марко Вовчокъ.

АДАМУШКА.

Разсказъ Рудольфа Штраца.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Адамушка сидѣлъ на грязной, залитой яркимъ лѣтнимъ солнцемъ деревенской улицѣ и оралъ во все горло. Онъ оралъ не отъ огорченія, а просто наслаждаясь воздухомъ и солнцемъ. Не даромъ онъ пфальцскій ребенокъ. И какой очаровательный ребенокъ—съ бѣлокурыми волосиками, глубокими голубыми глазками и пухлыми щечками, на которыхъ изъ-подъ слоя грязи просвѣчиваетъ яркій румянецъ.

Итакъ, Адамушка оралъ до того громко и неустанно, что проходившій мимо священникъ остановился и спросилъ:

— Что съ тобой, мальчуганъ?

Мальчикъ снялъ вязаную шапочку изъ красной шерсти, но ничего не отвѣтилъ. Глаза его и мысли были въ другомъ мѣстѣ.

Внизъ по Неккару, огибая лѣсной берегъ, шелъ, тяжело пыхтя, буксирный пароходъ № VII, тащившій за собою цѣлую флотилію нагруженныхъ барокъ.

Адамушка радостно глядѣлъ на нихъ. Желѣзная цѣпь, видиѣвшаяся на поверхности воды, множество судовъ съ красно-желтыми баденскими и красно-черными швабскими вымпелами на мачтахъ, мужчины и женщины на рулѣ, черные концы веселъ, съ плескомъ показывавшіеся изъ воды и снова въ ней пропадавшіе,—все приковывало его вниманіе. Протестантскій священникъ снова повторилъ вопросъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь, мальчуганъ?

Адамушка, возвращенный къ житейской прозѣ, указалъ на рядъ маленькихъ пирожковъ, которые онъ съ помощью старой чашки пекъ изъ грязи, заботливо уставляя по краю дороги, чтобы ихъ не разда-

вили колесами и не растопталъ огромный дворовый песъ Мелакъ— отвѣтилъ не особенно любезно:

— Пеку пироги изъ навоза!

Молодой священникъ, недавно пріѣхавшій въ эту общину, разсмѣялся и погладилъ бѣлокурую головку ребенка.

— Чей ты, мальчуганъ?

Адамушка указалъ головой на чистенькій, кирпичный домикъ у подошвы горы, обсаженный подсолнухами и пестрой гвоздикой. На лужайкѣ возлѣ дома развѣвались по вѣтру простыни, рубашки, скатерти и цѣлые ряды чулокъ. Между ними ходила красивая, молодая женщина, съ карими глазами и темными волосами, и ловкой рукой спрыскивала изъ ковша высохшее бѣлье. Старуха Стафинъ, колотившая валькомъ свои лохмотья на камнѣ у протекавшаго вдоль улицы ручья, отозвалась на вопросъ священника:

— Это Тришлеровъ мальчикъ.

Сосѣдка, старая Драхинъ, прибавила:

— А вонъ энта, его мать!

Третья старуха, Мекинъ, вставила:

— Она оттуда съ горъ, изъ Лѣсного монастыря... католичка.

И всѣ три, Стафинъ, Драхинъ и Мекинъ, выжидательно смотрѣли на священника, что скажетъ онъ о католичкѣ въ средѣ протестантовъ.

Молодой человѣкъ, дѣйствительно, призадумался. Онъ смѣрилъ глазами госпожу Бинхе Тришлеръ, которая старательно дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его, а затѣмъ перевелъ взоръ на ея хорошенькаго Адамушку. Но онъ не успѣлъ сказать слова, какъ набѣжала толпа мальчишекъ, которые уже издали кричали:

— Адамушка, бѣги скорѣе, отецъ идетъ!

Барка, съ надписью золотыми буквами: «Бинхе изъ Неккаръ-Зульцаха», наполненная до краевъ углемъ, отцѣпилась отъ буксирнаго парохода и бросила у берега якорь. По сходнямъ шелъ на берегъ видный молодой мужчина въ синей блузѣ и шапкѣ, съ желтыми металлическими серьгами въ ушахъ и въ высокихъ болотныхъ сапогахъ.

Адамушка издалъ дикій крикъ радости. Онъ безумно любилъ отца. Шоршъ Тришлеръ тоже засіялъ при видѣ своего наслѣдника.

Онъ нагнулся и взялъ ребенка на руки:

«Вотъ онъ, мой Адамушка, вотъ мое сокровище!»

Мальчикъ хохоталъ во все горло.

Тришлеръ, неся сыпа на рукахъ, торопился домой къ женѣ; онъ былъ счастливъ, что живетъ на бѣломъ свѣтѣ, что сегодня вечеръ суб-

боты, завтра можно отдохнуть дома, и поспѣшилъ поклониться священнику. Но тотъ остановилъ его.

— Ну, какъ поживаете, Тришлеръ?

— Покорно благодарю, господинъ пасторъ, помаленьку!

— Здоровенькій у васъ ребенокъ!

На это Шоршъ Тришлеръ разсмѣялся и сказалъ полусмущенно, полудобродушно:

— Да, это нашъ Адамушка, вѣдь онъ у насъ одинъ!

— Вотъ какъ! Знаете, Тришлеръ, до сихъ поръ я думалъ, что въ Азіи, въ Африкѣ и еще кое-гдѣ въ глуши живутъ язычники.

— Да, тамъ ихъ навѣрное достаточное количество, господинъ пасторъ!

— ...Но чтобы здѣсь, въ центрѣ Германіи, по улицамъ бѣгали дѣти язычники... Здѣсь на Неккарѣ, въ моей общинѣ... Скажите, пожалуйста, Тришлеръ, сколько лѣтъ вашему Адамушкѣ?

— На будущей недѣлѣ минетъ четыре года, господинъ пасторъ.

— Онъ крещенъ или нѣтъ?

Шоршъ не сразу отвѣтилъ. Драхинъ, Мекинъ, Стафинъ и другія протестантки, обитательницы деревни, окружили ихъ и уставились на Тришлера. Наконецъ, весь красный отъ смущенія, Шоршъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, Адамушка еще не крещенъ.

— Вѣдь вы протестантъ?

— Конечно.

— И ходите въ нашу церковь?

— Постоянно, когда бываю въ праздникъ дома! Вы сами это знаете, господинъ пасторъ!

— А ребенка не приводите въ домъ Господень. Тришлеръ, развѣ вы не знаете, что это грѣхъ?

— Конечно, знаю!—почти сердито отвѣтилъ Шоршъ.

— Знаете и однако...

— Господинъ пасторъ... Я чуть было не сказалъ: «Женитесь-ка, попробуйте!» Но вѣдь вы, конечно, женаты... да дѣло-то совсѣмъ другого рода: ваша жена тоже протестантка! Тутъ не штука крестить дѣтей! А моя жена католичка... изъ самаго католическаго гнѣзда, какое только есть въ Оденвальдѣ, изъ Лѣсного монастыря, да еще въ добавокъ дочь церковнаго служителя... Ну, моя Бинхе еще невѣстой выговорила условіе—остаться католичкой, и по воскресеньямъ бѣгаетъ къ обѣднѣ и на исповѣдь!

— А о дѣтяхъ вы заранѣе не переговорили?

— Конечно. Мы условились такъ, господинъ пасторъ: если ро-

дится мальчикъ, онъ будетъ протестантъ, какъ отецъ! А дѣвочки... тѣ по-моему могутъ быть католичками.

— Но вѣдь вашъ Адамушка—мальчикъ!

Молодой человѣкъ пришелъ въ сильное возбужденіе:

— Господинъ пасторъ, что же мнѣ теперь дѣлать? Три дня спустя послѣ рожденія мальчика, когда Бинхе, слабая и несчастная, лежала еще въ постели, она попросила: «Сдѣлай мнѣ удовольствіе, подожди немного съ крестинами. Пасторъ отъ тебя не убѣжитъ!» А ея двоюродная сестра, монахиня Регула Мюнхъ, сидѣла около постели и подстрекала ее. Черезъ недѣлю та же исторія: «Шоршъ, подождемъ еще; черезъ двѣ недѣли—то же самое. Такъ и пошло, такъ и пошло! Черезъ три мѣсяца жена вдругъ говоритъ мнѣ:

— Вѣдь ты мнѣ обѣщалъ не крестить ребенка протестантомъ!

— Хочешь сдѣлать изъ него католика!—закричалъ я.

— Именно!

Тогда я взбѣсился, ударилъ кулакомъ по столу и заоралъ:

— Мнѣ легче будетъ, если Адамушка упадетъ въ воду и утонетъ, чѣмъ это!

А Бинхе тоже разозлилась и кричитъ:

— Если Господу будетъ угодно взять у насъ ребенка, хочешь, чтобы мой милый Адамушка попалъ въ преисподню. Нѣтъ, онъ туда не попадетъ; онъ будетъ не въ раю, не въ аду, а посрединѣ; такъ сказала Регула.

— Развѣ вѣдьма Регула уже побывала въ преисподнѣ, что такъ хорошо знаетъ тамошніе порядки?—кричу я, а Бинхе не уступаетъ:

— Конечно, если Адамушка умретъ, онъ долженъ стать ангелочкомъ, а если останется живъ и вырастетъ, надо, чтобы не могъ упрекнуть меня: «Мать, почему ты принадлежишь къ истинной вѣрѣ, а я нѣтъ! Однимъ словомъ, сегодня я поставила Скорбящей Божіей Матери двѣ свѣчи и поклялась, что Адамушка будетъ католикомъ!»

— Адамушка будетъ протестантомъ!—кричу ей въ отвѣтъ.

— Не бывать этому никогда и ни подъ какимъ видомъ!—завизжала Бинхе.—Развѣ ты въ мукахъ родилъ его на свѣтъ! Хотѣла бы я, чтобы вамъ, мужчинамъ, хоть разъ пришлось испытать такія мученія. Адамушка—мой, и если не будетъ окрещенъ католикомъ, то лучше его совсѣмъ не крестить!

На томъ дѣло и покончилось. Я не уступаю Бинхе, а она мнѣ, вотъ и бѣгаетъ Адамушка точно языческій ребенокъ.

Шоршъ замолчалъ, и всѣ вокругъ него молчали. Каждый, даже Мекинъ, Стафинъ и Драхинъ, понималъ трудность положенія и мрач-

но поглядывалъ на хорошенькую женщину у подошвы горы, которая несомнѣнно слышала весь разговоръ отъ слова до слова, но нимало не смущаясь, точно дѣло совсѣмъ ея не касалось, продолжала развѣшивать бѣлье. Самъ Адамушка ничего не подозрѣвалъ, только по временамъ тормошилъ отца и спрашивалъ:

— Папа, ты былъ въ Голландіи?

А Шоршъ Тришлеръ ласково отвѣчалъ ему:

— Нѣтъ, я привезъ съ Рейна угольевъ для фабрики въ Сомонсталѣ, а тебѣ привезъ кельнскаго паясика, который можетъ плясать.

Адамушка обрадовался, захохоталъ, запрыгалъ на рукахъ у отца и закричалъ во все горло:

— Мама, мама, папа пріѣхалъ!

Бинхе тоже засмѣялась, непринужденно кивнула мужу, какъ женщина, увѣренная въ своей правотѣ, и съ замѣтной усмѣшкой на свѣжихъ, пурпуровыхъ губахъ, спросила:

— Ты еще не наговорился, Шоршъ, вспомни и обо мнѣ!

Тутъ обнаружилось, до какой степени Тришлеръ подъ башмакомъ у своей дражайшей половины. Онъ поклонился пастору, сказалъ остальнымъ:

— Добрый вечеръ! и направился съ ребенкомъ на рукахъ къ своему домику, куда ушла между тѣмъ Бинхе.

Въ кухнѣ онъ спустилъ мальчика на землю. Комната полна была бѣловатаго пара, на стѣнахъ стояли капельки влаги, изъ лоханей струился потокъ голубоватой воды, въ печкѣ трещалъ огонь, освѣщая привлекательную фигуру Бинхе, съ обнаженными руками и бѣлымъ платкомъ на головѣ.

Вмѣсто привѣтствія Шоршъ Тришлеръ сразу началъ возбужденнымъ тономъ:

— Бинхе, такъ съ Адамушкой дольше не можетъ продолжаться!

— Здравствуй!—сказала добродушно Бинхе, обтирая руку о фартукъ и протягивая ее мужу.

Но онъ не подалъ своей.

— Бинхе, ты слышала, что пасторъ говорилъ мнѣ при всѣхъ? Мнѣ было очень стыдно.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила Бинхе.

Онъ продолжалъ въ просительномъ тонѣ:

— Послушай, Бинхе, все у насъ идетъ хорошо! Мы молоды и здоровы, любимъ другъ друга, ты работаешь за двоихъ, за мое судно уже выплаченъ долгъ, за домикъ осталось уплатить третью часть. Все идетъ, какъ по маслу, только сами мы портимъ себѣ жизнь.

Бинхе бросила обмылокъ въ лохань и сказала:

— Самъ виноватъ!

— Нѣтъ, ты виновата! Ты обѣщала.

— Хорошо. Но когда человѣкъ видитъ свою ошибку, то долженъ ее исправить.

...Говоритъ капелланъ Декельмайеръ,—проворчалъ Шоршъ.

— Да, господинъ капелланъ и также Регула Мюнхъ, и...

— ...И всѣ католическіе дармоѣды изъ монастыря! Что ты за ними замужемъ или за мною?

Бинхе пожала плечами и вытащила нѣсколько паръ чулокъ изъ парки.

— Дѣло идетъ не о замужествѣ, а о спасеніи души нашего Адамушки.

И стала сильными руками выжимать вынутые чулки, затѣмъ другіе, третьи.

Мужъ сердился.

— Бинхе... отложи на время свою пачкотню, намъ необходимо серьезно поговорить!

— Когда тутъ! У меня нѣтъ времени. Скоро ужъ восемь. Въ десять пріѣдутъ за бѣльемъ изъ Гейдельберга. Если иностранцы, англичане, которые завтра отъѣзжаютъ, не получатъ бѣлья, я потеряю работу изъ отеля!

Шоршу нечего было возразить. Вся ихъ община, много другихъ деревень, почти всѣ долины западнаго Оденвальда жили стиркою бѣлья на долину Рейна и города нагорной стороны. У большинства не было полей, луговъ для скотины, не было даже собственнаго лѣса. Для нихъ источникомъ жизни были стекавшіе съ Оденвальда горные ручьи, вродѣ Зульцаха. Едва показывалась изъ моха въ лѣсномъ уголкѣ струйка воды, сейчасъ къ ней примащивались женщины съ дѣтишками и стирали, стирали и колотили на камняхъ бѣлье; по мѣрѣ того, какъ ручей становился шире и глубже, число деревянныхъ хижинъ по берегамъ возрастало: въ каждой ютились прачки, устилая берега потока выстираннымъ бѣльемъ. Отдѣльно разбросанные кирпичные домики, не составлявшіе сплошной деревни, принадлежали къ общинѣ Неккаръ-Зульцахъ. Надъ ними, видная на далекое пространство, возвышалась на холмѣ протестантская церковь и домъ пастора.

Въ раздумьѣ смотрѣлъ Шоршъ Тришлеръ, какъ усердно трудилась его молодая, хорошенькая жена. Она поймала его взглядъ и усмѣхнулась про себя.

Бинхе прекрасно знала, что мужъ до сихъ поръ влюбленъ въ нее,

несмотря на пять лѣтъ супружества. Вдругъ она безнадежно опустила руки.

— Я не поспѣю! Ужасно устала! Работаю съ четырехъ часовъ утра! Видно, англичанину не видать своихъ крахмальныхъ сорочекъ! Охъ-хо-хо! Какъ онъ будетъ ругаться!

Тришлеръ боролся съ собою. Мальчикомъ онъ часто помогалъ матери управляться съ бѣльемъ и хорошо владѣлъ утюгомъ.

Онъ глубоко вздохнулъ и закрылъ ставни. Къ чему выставлять напоказъ свою любовь къ молоденькой, хорошенькой женѣ; Шоршъ взялъ изъ печки утюгъ, попробовалъ, нагрѣлся ли онъ, и принялся собственными руками гладить англичанину бѣлье. Бинхе могла положиться на мужа, онъ не спалитъ. Она внутренно торжествовала, и готова была подразнить его, но, какъ умная женщина, сдѣлала видъ, что ничего не произошло, и продолжала работать, слегка напѣвая себѣ подъ носъ. У Тришлера отъ непривычной работы на лбу появились глубокія складки. Прошелъ часъ, прошелъ другой. На улицѣ пронзительно засвисталъ бичъ. У дверей остановилась телѣга, высоко нагруженная корзинами съ бѣльемъ, перетянутыми веревками.

Бинхе вытерла со лба потъ.

— Слава Богу,—сказала она.—Самое нужное готово! Остальное не къ спѣху! Главное сорочки англичанина и столовое бѣлье для отеля.

— Не прохлаждайтесь!—закричалъ съ улицы грубый голосъ возчика.—Тащите скорѣе бѣлье!

Обыкновенно Бинхе была проворна на языкъ. Но на этотъ разъ она молча торопилась уложить корзины. Наружѣ снова защелкалъ бичъ, заскрипѣли колеса, и вершина повозки, откуда лаяла незримая собака, покачиваясь потонула во мракѣ. Бинхе съ удовольствіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ.

— Вотъ и хорошо!—сказала она.—Теперь снесу Адамушку въ гнѣздышко, а потомъ дамъ тебѣ поѣсть, Шоршъ!

Онъ пошелъ за женой въ каморку, гдѣ она укладывала въ постель совсѣмъ соннаго карапузика. Слѣва отъ ребенка сталъ отецъ, справа—мать. При слабомъ свѣтѣ лампочки они взглядывали другъ на друга черезъ ребенка. Онъ думалъ, что глаженіемъ особенно заслужилъ передъ ней, и сказалъ увѣреннѣе, чѣмъ прежде:

— Итакъ, Бинхе, мы окрестимъ Адамушку!

— Съ удовольствіемъ!

— Въ протестантской церкви!

— Ну, да! Въ католической!

Онъ снова вскипѣлъ.

— Замолчи: ребенокъ будетъ протестантомъ!

— Увидимъ!

Она стояла у постельки, какъ разъяренная кошка.

Ему казалось, что за ней стоитъ цѣлое черное полчище, которое поддерживаетъ ее: крылатый чепецъ монахини Регулы, тонзура капелана Декельмайера, съ темной бахромкой кругомъ, мрачный сѣдой затылокъ отца, стараго церковнаго служителя Петцольда изъ Лѣсного монастыря, и цѣлый рядъ благоухающихъ ладаномъ, одѣтыхъ въ пестрыя одѣянія статуй святыхъ,—словомъ, вся католическая среда, изъ которой вышла Бинхе. Его охватила безумная злоба.

— Ладно! И чортъ толкалъ меня жениться на католичкѣ. Знаю я васъ! И вы меня узнаете! Католики! Ноги моей не будетъ у васъ въ Лѣсномъ монастырѣ! Лучше бы тебѣ оттуда сюда не приходить!

— Что? Или я за тобой сюда прибѣжала?—въ негодованіи разразилась Бинхе, упершись руками въ бока.—Видно позабылъ, какъ у насъ околачивался? Просилъ, умолялъ, чтобы пошла за тебя! Страшно становилось. Изъ одной жалости нельзя было тебѣ отказать; боялась, парень пропадетъ безъ меня съ горя! Что-нибудь надъ собой сдѣлаетъ. А теперь стоитъ среди комнаты и ругается: «Лучше бы я тебя никогда не видалъ!» Тьфу! Постыдись, Шоршъ! Этого я не заслужила! А со мной ты всетаки ничего не подѣлаешь: останусь католичкой и мальчика окрещу! Ну, а теперь пойдемъ ужинать!

Но мужъ надѣлъ уже шапку.

— Не хочу!—отвѣтилъ онъ мрачно.—Не желаю сидѣть за столомъ съ такой женой, лучше пойду въ трактиръ! Покойной ночи!

Возраженія не послѣдовало, и онъ вышелъ, гнѣвно хлопнувъ дверью.

Въ трактирѣ сидѣли два его пріятеля: черный Гансъ, прозванный такъ за окладистую бороду цвѣта воронова крыла, почти такія же руки и лицо: онъ былъ единственнымъ слесаремъ всей общины; рядомъ съ нимъ сидѣлъ старикъ Бицеле, лѣсникъ большого казеннаго лѣса, шутникъ и балагуръ, холостякъ, съ морщинистымъ лицомъ и головой, набитой анекдотами.

Не успѣлъ Шоршъ сѣсть за столъ и, противъ обыкновенія, выложить марку, съ намѣреніемъ всю пропить на бѣломъ пфальцскомъ винѣ, какъ Бицеле принялся его вышучивать.

— Шоршъ, а Шоршъ, когда переходишь въ католическую вѣру?—спросилъ онъ, хитро подмаргивая.—Собралъ въ кучу всѣ семь смертныхъ грѣховъ, чтобы тащить на исповѣдь? Ничего, братъ, не подѣлаешь: если жена католичка, мужу не миновать туда же лѣзть!

Черный Гансъ пробурчалъ сердито своимъ низкимъ басомъ:

— Мужу не миновать! Особенно, если онъ похожъ на Тришлера: «жена свиснетъ, а онъ пляшетъ!»

— Кажется, вы меня не первый день знаете! — пробормоталъ Шоршъ.

Бицеле утвердительно кивнулъ головой:

— Впередъ вижу, что будетъ: твой Адамушка въ одинъ прекрасный день сдѣлается духовнымъ лицомъ! Тамъ въ католическомъ гнѣздѣ освободится высокая должность. Когда твоего сына будутъ посвящать, не можешь же ты, отецъ новаго капелана, стоять, какъ еретикъ, за дверями! И придется тебѣ на старости лѣтъ ходить на исповѣдь, окунать руку въ святую воду и пѣть козлинымъ голосомъ.

Тришлеръ вспылилъ:

— Полно городить вздоръ! Съ которыхъ поръ мой Адамушка католикъ?

Но слесарь положилъ ему тяжелую руку на плечо:

— Потерпи, Шоршъ, скоро дождешься!

А Бицеле пуще подзадоривалъ:

— Развѣ ты хозяинъ въ домѣ? У тебя хозяйничаютъ черныя, а всему коноводъ—жена?

— Заткни глотку!—сердито оборвалъ молодой человѣкъ.—У тебя нѣтъ жены, вотъ ты и болтаешь... а ты Гансъ... когда приходишь изъ трактира, развѣ не стоишь часами на улицѣ, пока умолишь и упросишь, чтобы жена впустила въ домъ!

Черный Гансъ низко опустилъ лохматую голову. Правда глаза колетъ. Потомъ вдругъ вызывающе отвѣтилъ:

— Мои дѣти, Шоршъ, всѣ крещеныя! Вся шестерня! У меня передъ домомъ не бѣгаютъ нехристи!

Ударъ попалъ въ цѣль! Тришлеру нечего было отвѣтить. Молча сидѣлъ онъ, едва подавляя злобу, дѣлая видъ, что не обращаетъ вниманія на остроты Бицеле и пилъ вино, пока кончилъ четыре литра, поданные на марку. Кровь ударила ему въ голову.

Шоршу досадно было, что сидитъ въ трактирѣ. Вдругъ онъ вскочилъ и направился домой. Пріятели пошли его провожать.

Когда приблизились къ дому, раздался басъ чернаго Ганса:

— Послушайся совѣта, Шоршъ, выгони, по крайней мѣрѣ, монахиню, которая къ тебѣ постоянно шляется. Пока у тебя эта гостья, жена не броситъ глупостей!

Тришлеръ сердито повелъ плечами.

— Это двоюродная сестра моей Бинхе! У нея болитъ грудь. Ей надо каждую недѣлю ѣздить къ доктору въ Гейдельбергъ! Поэтому

она ночуетъ у насъ съ субботы на воскресенье, чтобы попасть утромъ на первый поѣздъ! Я не могу ей это запретить... Но я сказалъ Регулѣ: «Католическія глупости оставь при себѣ!»

— Да, пока ты дома!—иронически замѣтилъ Бицеле.

Они стояли въ темнотѣ около рѣки. Барка съ углемъ слегка покачивалась на якорѣ; мирно ударялись о носъ волны; Шоршъ Тришлеръ заговорилъ, указывая на свое судно:

— Да, этой Бинхе легко управлять! Лежитъ себѣ на водѣ и не капризничаетъ! Зато другая!... Ахъ, мужчины, мужчины! Это нашъ крестъ!... Ну, покойной ночи!

Онъ пробрался въ темнотѣ домой и негромко выругался. Изъ каморки раздавался монотонный гулъ голосовъ: одинъ принадлежалъ Бинхе, другой—монахинѣ Регулѣ. На стѣнѣ колыхалась гигантская тѣнь ея крылатаго чепца. Обѣ молились, перебирая четки, около кроватки Адамушки. Мирно спящій ребенокъ держалъ въ ручкахъ ярко раскрашенный образъ! Женщины потихоньку положили ему на грудь изображеніе святого!

Съ удвоенной силой ударило непривычное вино Шоршу въ голову. Щеки его пылали, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Вы позабыли, что я запретилъ вамъ это!—закричалъ онъ на Регулу. Снялъ съ захныкавшаго въ просонкахъ ребенка образъ и выкинулъ вонъ.—Чтобы это было въ послѣдній разъ! Иначе ноги вашей не будетъ у меня въ домѣ.

Регула Мюнхъ медленно поднялась съ мѣста. Она была еще молода, но на щекахъ игралъ уже чахоточный румянецъ. Знаменитые гейдельбергскіе доктора не могли помочь ей. Черезъ годъ она, навѣрное, соединится съ своимъ Божественнымъ женихомъ, къ которому такъ страстно стремится и котораго не разъ видѣла шествующимъ съ благословеніемъ по полямъ, когда ходила навѣщать больныхъ: онъ былъ въ бѣломъ одѣяніи, съ руками, простертыми точно у сѣятеля и съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы. Немногаго недоставало, чтобы въ Лѣсномъ монастырѣ создалась легенда. Но въ клерикальномъ мірѣ такія волнующія событія были въ настоящее время не въ фаворѣ, и капеланъ Декельмайеръ зналъ, какой вѣтеръ дуетъ въ Фрейбургѣ и Карлсруэ, и благоразумно направлялъ своихъ духовныхъ дѣтей.

Грубое обхожденіе съ этой фанатичной, маленькой женщиной, по фигурѣ похожей на подростка, со старческимъ, упрямымъ, утомленнымъ лицомъ умирающей, было неумѣстно. Бинхе почти насильно оттащила ее въ отдаленный уголъ комнаты:

— Регула, ты останешься! Ты *моя* гостья!—А затѣмъ обрати-

лась къ мужу:—Гляди на меня, сколько хочешь! Я молюсь съ Регулой... за Адамушку... чтобы онъ скорѣе сталъ католикомъ!—Затѣмъ вызывающе прибавила:—Знай еще, мы молились такъ каждую ночь, когда приходила Регула... и ты ничего не пронюхалъ и не замѣтилъ... и Адамушка молился вмѣстѣ съ нами. Ребенокъ уже совсѣмъ католикъ!

На улицѣ раздался хохотъ. Бицеле и черный Гансъ ждали передъ домомъ, чтобы полюбоваться на встрѣчу Тришлера съ женою. Они торжествовали, что пророчество ихъ такъ оправдалось. Шоршъ потерялъ послѣднюю каплю самообладанія. Сегодня точно все сговорилось бѣсить его. Недѣлями, мѣсяцами, годами подымался его гнѣвъ, какъ Неккаръ въ мартѣ, и сегодня нѣсколько капель вывели его изъ береговъ.

— Вы еще здѣсь?—закричалъ онъ.

— Да!—забасилъ Бицеле, въ унисонъ съ Гансомъ.

— Такъ вотъ что, окажите мнѣ дружескую услугу!

— Хорошо, Шоршъ, хорошо!

— Приходите завтра пораньше ко мнѣ! Мы снесемъ Адамушку къ пастору и попросимъ окрестить! Вы будете крестными отцами! Согласны?

— Еще бы, конечно!—забасилъ чернобородый слесарь, а лѣсникъ прибавилъ:—Придемъ, Шоршъ! Будь только готовъ!

— Не безпокойтесь!

Лодочникъ сердито отвернулся отъ окна. Рѣшеніе принято. Въ сосѣдней комнатѣ раздался пронзительный крикъ. Но это его не тронуло. Онъ не желалъ имѣть больше дѣла съ Бинхе.

Когда Шоршъ подошелъ къ порогу компаты, гдѣ спалъ ребенокъ, дверь захлопнулась изнутри и въ ней быстро повернули нѣсколько разъ ключъ. Потомъ все стихло. Жена заперлась съ Регулой и ребенкомъ у него подъ носомъ.

Съ минуту Шоршъ былъ смущенъ. Потомъ грозно закричалъ:

— Бинхе, отопри!

Никакого отвѣта.

— Бинхе, что ты выдумала, точно я собираюсь убить ребенка. Адамушку надо, наконецъ, когда-нибудь крестить!

Никакого отвѣта.

Онъ пришелъ въ бѣшенство.

— Бинхе, отопри! Совѣтую тебѣ отпереть! У меня терпѣнье лопнуло отъ вашихъ бабьихъ глупостей! Что вы тамъ съ Регулой колдуете? Я вѣдь все слышу!

Никакого отвѣта.

Онъ задумался. Сломать дверь? Нѣтъ, такъ нельзя готовиться къ завтрашнему священному обряду. Кромѣ того, онъ усталъ: частью отъ раздраженія, частью отъ вина. Пусть себѣ сидятъ въ заперти. Все равно не могутъ выдти такъ, чтобы онъ не увидалъ. Онъ сѣлъ сторожить. Диванъ у стѣны представлялъ для этого много удобствъ. Минуту спустя, Шоршъ растянулся на диванѣ, сердито уставивъ глаза въ потолокъ; мало-по-малу мысли его спутались и вѣки смежились. Раза два онъ съ трудомъ открывалъ глаза, потомъ пробормоталъ въ полуснѣ: «Ахъ, зачѣмъ, право!»—и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Послѣ дневного труда, поѣздки изъ Маннгейма въ Неккаръ-Зульцахъ, послѣ литра вина и всѣхъ непріятностей его охватилъ богатырскій сонъ. Спалъ онъ до семи часовъ утра. Въ комнату ворвались яркіе лучи лѣтняго солнца, около дома послышались громкіе мужскіе голоса. Когда сильный ударъ кулака разбудилъ лодочника, и онъ оглядѣлся, въ комнатѣ оказались Бицеле и черный Гансъ въ парадныхъ черныхъ сюртукахъ и удивительнаго фасона цилиндрахъ. Маленькій, сморщенный лѣсникъ, какъ-то странно подмаргивая и необыкновенно взвизгивая, заговорилъ:

— Гдѣ же твой Адамушка?

— Тамъ вонъ!—сказалъ Тришлеръ и показалъ на каморку,—служившую спальней. Въ ту же минуту онъ вскочилъ на ноги. «Господи Боже... открыта... да что жъ это значитъ»? Дверь, запертая вчера вечеромъ на ключъ, стояла широко раскрытой. Всѣ, кто за ней скрывался: Бинхе, Регула, Адамушка, вѣроятно, ночью или рано утромъ прошли на ципочкахъ мимо спящаго хозяина—и были таковы!

Шоршъ все еще не могъ ничего понять, пока черный Гансъ не закричалъ въ нетерпѣніи:

— Ну, что таращишь глаза! Смотрѣлъ бы раньше!

— Бинхе...—бормоталъ покинутый...—Братцы, да что же это такое! Моя Бинхе... Куда она ушла?!

— Ха?—сбѣжала!—Пока простофиля храпѣлъ, жена сбѣжала изъ дому!

Лодочникъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— О Господи, никому не пожелаю такого страху. Что, какъ Бинхе бросилась въ воду...

Пріятели разразились смѣхомъ.

— Похоже на нее!—сказалъ Бицеле.—Могу себѣ представить, гдѣ она. Ушла назадъ въ Лѣсной монастырь. «Спрячу-ка лучше Адамушку у своихъ, пока его не окрестили чужіе!» Вотъ что она придумала. Шоршъ поправилъ на себѣ смявшуюся одежду, привелъ въ порядокъ растрепавшіеся волоса и мрачно сказалъ пріятелямъ:

— Пойдемте вмѣстѣ въ Лѣсной монастырь! Если жена желаетъ, можетъ оставаться въ черномъ гнѣздѣ, но Адамушку я верну къ себѣ!

Всѣ трое поспѣшно отправились въ путь. Неккаръ шумѣлъ за ихъ спинами, домики Зульцаха мало-по-малу оставались позади; при поворотѣ въ долинку ихъ обступилъ Оденвальдъ. Сокращая путь, они взбирались въ гору по выжженной дубовой поросли, укрываясь по временамъ отъ солнца подъ дубовой листвой. Кругомъ было тихо. Только козуля, прохаживаясь въ чащѣ, заблеяла отъ удивленія при видѣ лѣсника, разгуливающаго по своимъ владѣніямъ въ цилиндрѣ. Бицеле шелъ не въ раздумьѣ, какъ всегда, но быстро катился впередъ, за нимъ едва поспѣвали слесарь и лодочникъ, которымъ, по ихъ роду занятій, рѣдко приходилось бродить по лѣсамъ. Они едва переводили дыханіе, достигнувъ вершины, откуда передъ ними раскрывалось зеленое море Оденвальда, съ длинными рядами лѣсистыхъ холмовъ, среди которыхъ изрѣдка встрѣчались обработанныя полянки, съ журчащими ручейками, притономъ форелей. Можно было часами глядѣть на сѣверъ и западъ, не встрѣчая людского жилья. Люди ютились по большей части въ долинахъ, у подножія горъ. Только одно величественное каменное зданіе упрямо возвышалось на плоской вершинѣ въ полторы тысячи футовъ вышины, точно врѣзавшись своими нивами и садами въ поросшіе буками склоны горы. Это былъ Лѣсной монастырь, въ средніе вѣка пользовавшійся извѣстностію и привлекавшій массу пилигримовъ; въ Тридцатилѣтнюю войну обращенный въ развалины; позже пріютившій за своими стѣнами, подъ полуразрушенными башнями деревушку, далекую отъ міра, полную болѣзненнаго благочестія, точно возросшаго на могилахъ монаховъ, на развалинахъ часовенъ и сводахъ подземныхъ келей.

Подходя къ Лѣсному монастырю, попадаешь въ остатокъ католическаго средневѣковья. Низкія ворота, вывѣтрившіяся, обросшія мхомъ зубчатыя стѣны, колоссальная, все подавляющая возстановленная готическая церковь—все здѣсь гармонично, и даже домики и окружающія ихъ мѣстечки, несмотря на грязь и новизну постройки; изъ каждой ниши, съ каждаго фронтона выглядываетъ украшенная вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ и букетами гвоздики мадонна, на каждомъ углу возвышается высѣченный изъ камня въ половину человѣческаго роста Іосифъ или Петръ, съ рукою, протянутою для благословенія, на каждой площадкѣ стоитъ старинное распятіе.

Но что всего удивительнѣе: этотъ фантастическій, стильный городъ точно весь вымеръ. То тутъ, то тамъ пропоетъ пѣтухъ, заржетъ въ сараѣ лошадь, прохрюкаетъ въ хлѣву поросенокъ, но ни одного

человѣческаго лица. Шаги тропхъ мужчинъ раздавались громко, какъ въ полночь, по вымершимъ улицамъ. Если бы на окнахъ не было занавѣсокъ и горшковъ съ цвѣтами, можно было бы подумать, что этотъ уголокъ нѣсколько столѣтій покоится въ заколдованномъ снѣ.

Но пришельцы знали, гдѣ находятся въ воскресенье утромъ всѣ обитатели Лѣсного монастыря. Мужчины, женщины, дѣти—всѣ въ церкви. Никто не пропускаетъ службы, кромѣ тяжело больныхъ.

Невольно ступая тише, прошли друзья мимо собора. Внутри только что замолкъ органъ. Раздался чистый, полный таинственности звукъ колокольчика. Святой Духъ сошелъ на молящихся. Настала мертвая тишина.

У Бицеле выраженіе лица было напряженное, точно онъ выслѣживалъ козулю.

— Адамушка не можетъ быть въ церкви,—прошепталъ онъ,—потому что онъ еще не католикъ. Они его, навѣрно, оставили гдѣнибудь одного!

Путники остановились около дома церковнаго служителя Петцольда, отца Бинхе. Шоршъ молча смотрѣлъ на маленькій, невзрачный домикъ. Тамъ нѣкогда сидѣлъ онъ впервые съ своей будущей женой въ воскресенье послѣ церковной службы; и первое, что она ему сказала, что ни за что не выдетъ замужъ въ Лѣсномъ монастырѣ! Тутъ женщины ежедневно должны таскать въ деревню воду изъ ручья на высоту трехсотъ футовъ! Это очень трудно! А зимой въ гололедицу переломаешь руки и ноги! Онъ засмѣялся и сказалъ:

— У насъ въ деревнѣ воды больше, чѣмъ нужно. А весной, въ половодье, Неккаръ непрошенный подходитъ къ самому дому. Бургомистръ не разъ пытался запретить ему! Но Неккаръ съ норовомъ, не слушается...

Потомъ они сидѣли молча, а старикъ Петцольдъ сердито ходилъ по комнатѣ, поправлялъ на стѣнахъ картины изъ священнаго писанія и поглядывалъ на часы, не пора ли звонить къ Ave-Maria, а гостю откланяться: старику совсѣмъ не улыбалось породниться съ еретикомъ. Но въ сущности онъ не чувствовалъ ненависти къ протестантамъ. Ее онъ всецѣло изливалъ на отступниковъ римской церкви, старо-католиковъ въ Гейдельбергѣ: плохой народъ, хуже франмасоновъ! Они отрицаютъ непогрѣшимость папы! Каждый разъ, когда онъ слышалъ, что Боннскій епископъ пріѣхалъ въ Гейдельбергъ конфирмовать дѣтей старокатоликовъ, душа его возмущалась; по сравненію съ этими еретиками протестантъ Тришлеръ казался ему менѣе зловреднымъ. Такимъ образомъ, Шоршъ, хотя и послѣ долгой борьбы, получилъ Бинхе.

Лодочникъ вспоминалъ все это, стоя передъ домомъ тестя. Двери были заперты, какъ у остальныхъ. Изъ церкви снова раздались звуки органа. Чистые голоса школьниковъ покрыли глухой гулъ инструмента. Нельзя было терять болѣе времени.

— Не попробовать ли намъ съ переулочка?—проворчалъ черный Гансъ и полѣзъ черезъ деревянную загородку въ узкій проходъ между домомъ церковнаго служителя и сосѣда.—Отсюда можно пролѣзть къ Петцольду. Дѣло идетъ на ладъ! Ну-ка! Посмотрите, что тамъ!

Они перелѣзли черезъ деревянный заборъ и очутились на лужайкѣ передъ монастырской стѣной. Верхняя часть ея во многихъ мѣстахъ обрушилась. Высокій человѣкъ могъ свободно глядѣть черезъ нее въ открытое поле. Яркое солнце заливало уютный уголокъ. Тѣнь отъ листвы вишневыхъ деревьевъ играла на зеленой травѣ, усѣянной фіалками, ласточки съ шумомъ носились надъ землею. и въ этомъ маленькомъ, спокойномъ райскомъ уголкѣ, точно еретикъ въ клѣткѣ, сидѣлъ Адамушка, обрывая цвѣточки. При видѣ отца онъ издалъ обычный радостный крикъ.

Но Тришлеръ зажалъ ему ротикъ рукой.

— Тише, мальчуганъ!

А Бицеле прошепталъ:

— Перелѣземте здѣсь черезъ стѣну! Пустите меня впередъ! Давайте мнѣ Адамушку... ну, такъ... теперь прыгайте сами!... Хопъ-ли!... и прямо въ лѣсъ, пока никто насъ не видитъ!...

Товарищи побѣжали во всю мочь. Когда кто-нибудь ослабѣвалъ, лѣсникъ подзадоривалъ насмѣшкой; вся эта исторія забавляла его больше, чѣмъ поимка браконьера.

— Бѣгите, бѣгите... насъ сверху увидѣли! Слышите, какъ каркаютъ! Сейчасъ Бинхе съ черной свитой схватитъ насъ за шиворотъ!

Онъ бѣжалъ впереди всѣхъ, наперекоски, черезъ чащу, по камнямъ, обрывая о колючки праздничное платье; за нимъ летѣлъ Шоршъ, съ Адамушкой на рукахъ; ребенокъ хохоталъ въ восторгѣ отъ быстраго бѣга, позади всѣхъ ковылялъ черный Гансъ, съ руганью, такъ какъ ему все время приходилось держать цилиндръ, сбиваемый съ головы вѣтками.

Наконецъ, добрались до долины. Лѣсникъ оглянулся назадъ и рѣшительнымъ голосомъ произнесъ:

— Чтобы вамъ пусто было! Горные сычи!

И всѣ направились по пыльнымъ улицамъ къ дому Тришлера.

Тутъ только замѣтилъ Шоршъ, что на немъ рабочая блуза.

— Подержите мальчугана!—сказалъ онъ пріятелямъ.—Я сейчасъ буду готовъ! Адамушка... смотри, будь умникъ!

Адамушка исполнилъ приказаніе отца. Онъ радъ былъ, что вернулся домой. Ребенокъ залѣзъ въ конуру къ Мелаку, который встрѣтилъ его съ ворчаньемъ, освѣдомился о его больной лапѣ, посмотрѣлъ у дороги на пирожки изъ грязи: не раздавили ли повозкой его художественныя произведенія, и наконецъ спросилъ:

— Скажите-ка мнѣ, гдѣ же это мама?

Въ это время вышелъ Шоршъ, одѣтый, подобно пріятелямъ, въ черный праздничный нарядъ.

— Будетъ съ тебя тяти!

Когда старая Мекинъ, все еще развѣшивавшая бѣлье у ручья, закричала:

— Куда это вы идете безъ Бинхе, Тришлеръ?

Онъ коротко отвѣтилъ:

— Въ церковь, крестить Адамушку!

Съ минуту Мекинъ стояла, какъ окаменѣлая. Мужчины пошли къ церкви боковой тропинкой, чтобы не встрѣчаться съ односельчанами, возвращавшимися отъ службы. Скоро даръ слова вернулся къ старухѣ въ прежней силѣ. Она придержала языкъ за остатками желтыхъ старческихъ зубовъ и, прихрамывая, спотыкаясь, едва переводя дыханіе, заковыляла навстрѣчу крестьянамъ.

— Почтенные, почтенные! Тришлеръ понесъ Адамушку крестить! Пошелъ съ нимъ къ пастору! Вонъ они: Тришлеръ, Бицеле и Гансъ!... Неудовлетворившись краткимъ сообщеніемъ, она назойливо и крикливо повторяла:

— Тришлерова Адамушку крестятъ! Бѣгите за нимъ! Самъ сказалъ: Адамушку крестятъ! Пока наконецъ обычный шумъ не заглушилъ ея голоса.

Около женщины собралась толпа. Старуха Стафинъ невольно скрестила руки надъ чернымъ молитвенникомъ.

— О-хо-хо, давно пора!

А Драхинъ пропищала:

— Такъ ей и нужно, Бинхе!

Бинхе не любили въ деревнѣ, главнымъ образомъ за то, что она католичка. Радость обитателей Неккаръ-Зульцаха смѣнилась открытымъ глумленіемъ, когда они увидали, хоть не самое Бинхе, а ея двоюродную сестру Регулу Мюнхъ, которая возвращалась отъ доктора изъ Гейдельберга и теперь одиноко остановилась въ сторонкѣ. Монахиня совсѣмъ не удивилась, что жители Зульцаха такъ кричатъ и жестикулируютъ. Наоборотъ, она невольно подняла тонкое, напоминающее школьницу, лицо и на блѣдныхъ губахъ появилась довольная улыбка, на худыхъ щекахъ показался румянецъ.

— ...Могу себѣ представить!—сказала она взволнованной толпѣ,—что вы не особенно довольны случившимся!

...Чѣмъ это такое? О чемъ она толкуетъ?...

— ...Тѣмъ, что крестятъ маленькаго Тришлера!

Регула взглянула задорно и молодо, съ удивительнымъ выраженіемъ въ углахъ губъ, совсѣмъ не отъ міра сего.

— Теперь уже крещеніе совершилось!

— Ну, да!—торжествующе взвизгнула Драхинъ.—Только чему вы то радуетесь?

— Да вѣдь я всю ночь уговаривала Бинхе! — сказала Регула.

— Вы?—спросила изумленная Стафинъ.

— Я бы сама охотно пошла съ ними. Только дорога для меня слишкомъ тяжела... съ моимъ кашлемъ... два часа подыматься въ гору... пустила Бинхе одну...

— Бинхе?...—закричали всѣ.—Куда-жъ она пошла? Да, говорите же, наконецъ, толкомъ!

— Куда? Господи, конечно, въ Лѣсной монастырь! Къ капелану Декельмайеру! Чтобы онъ сегодня раннимъ утромъ окрестилъ Адамушку!

— Адамушку окрестили католикомъ! — завизжали всѣ окружающіе.

— Католикомъ, какъ мать!—подтвердила монахиня.—Сегодня раннимъ утромъ!

— А теперь отецъ крститъ его въ протестантство!—зарычала, всѣхъ перекричавъ, Мекинъ.—Ну, времена! Люди Божьи, что-жъ это такое?!

Пронзительный голосъ Драхинъ, точно острымъ ножомъ, пронизалъ воздухъ:

— Этого нельзя! Это смертный грѣхъ!

А Стафинъ, протянувъ руки по направленію къ церкви, стонала:

— Вернитѣ, вернитѣ Шорша Тришлера, онъ сдѣлаетъ Адамушку несчастнымъ на всю жизнь. Чему прикажете ребенку вѣрить, если его окрестятъ два раза кряду?

Но до церкви было добрыхъ полчаса ходьбы. Бѣжать туда скорѣе, пожалуй, ужъ поздно! Издали доносился звукъ колокола. Собраніе почувствовало свою безпомощность. Новость слишкомъ ошеломила всѣхъ.

Надо, по крайней мѣрѣ, разъ десять услыхать ее, затѣмъ разсказать другимъ и тогда только можно, наконецъ, вполнѣ повѣрить. Всѣ двери по сосѣдству отворились, люди кричали, перебивая другъ друга, и отъ одного къ другому неслось извѣстіе:

— Тришлерова Адамушку окрестили два раза... раннимъ утромъ въ католической церкви... а сейчасъ въ протестантской! Четыре года ребенку: до сихъ поръ онъ ничему не вѣрилъ, а теперь долженъ вѣрить по двумъ вѣрамъ!

Наконецъ, кто-то нашелъ рѣшеніе.

— Подождите, вотъ пріѣдетъ чиновникъ изъ Гейдельберга.

Нѣсколько голосовъ подтвердило:

— Пріѣдетъ чиновникъ, и отдадутъ подъ судъ! Виновныхъ строго накажутъ. Ахъ, бѣдный, бѣдный Тришлеръ, онъ ужъ и такъ достаточно наказанъ женой!

На что грубый басъ закричалъ:

— Заткни глотку! Жену накажутъ! Она потихоньку убѣжала съ ребенкомъ! Бинхе надо дать разводъ... вотъ тогда она узнаетъ крещеніе...

— Ее тоже надо посадить въ тюрьму, — закричала Драхинъ, указывая на Регулу Мюнхъ, усѣвшуюся на краю дороги и смущенно перебиравшую четки; по всей деревнѣ, до самыхъ отдаленныхъ уголковъ понесся стонъ:

— Охъ, горе, горе, Тришлерова Адамушку окрестили два раза!

Только два молодыхъ парня, въ красныхъ праздничныхъ галстукахъ, отправлявшіеся въ Гейдельбергъ на работу, добродушно отнеслись къ событію.

— Ну, какъ же, Гейнеръ, — спросилъ одинъ изъ нихъ, — будетъ мальченочка теперь католикомъ или протестантомъ?...

А другой отвѣтилъ:

— Не иначе, что мальчикъ теперь старо-католикъ! Какъ разъ посередкѣ двухъ вѣръ...

Но сильный толчокъ въ спину заставилъ его замолчать.

Наступила гробовая тишина. На улицѣ появился пасторъ. Онъ шелъ рядомъ съ Тришлеромъ, который несъ на рукахъ Адамушку, и казался очень смущеннымъ. Сзади, тоже въ смущеніи, шли Бицеле и черный Гансъ.

— Я уже объяснилъ вамъ, Тришлеръ, встрѣтивъ васъ на дорогѣ, — сказалъ молодой священникъ, — и желалъ бы повторить свое объясненіе передъ всей общиной. Нельзя, сломя голову, въ сердцахъ, поссорившись съ женой, крестить ребенка! Для этого надо сосредоточиться какъ отцу, такъ и крестнымъ, а не летѣть запыхавшись и вспотѣвъ, съ сучками и иглами на платьѣ, чтобы поскорѣе сунуть ребенка въ воду; и еще послѣ того какъ провели цѣлый вечеръ въ трактирѣ. Лучше подготовимся въ ближайшее время серьезно и осно-

вательно, дорогой Тришлеръ, а тогда ужъ приносите ко мнѣ ребенка...

Тутъ община не могла больше сдержаться.

— Онъ не можетъ, господинъ пасторъ, не можетъ,—закричали сотни голосовъ.—Мальчикъ ужъ окрещенъ католикомъ!

Пастырь духовный наморщилъ лобъ.

Между тѣмъ Регула Мюнхъ собралась съ силами и подошла къ нему.

— Это правда, господинъ пасторъ!—сказала она.—Мы не раздумывали долго! Сегодня утромъ ребенка отнесли въ Лѣсной монастырь и, если Господу было угодно, онъ принятъ въ лоно нашей церкви. Спросите Бинхе. Вонъ она сама идетъ и съ ней даже господинъ капеланъ!

Хорошенькая Бинхе была блѣдна и въ смущеніи. Она колеблясь подошла къ толпѣ, избѣгая смотрѣть на мужа и на односельчанъ. Только Адамушкѣ слегка улыбнулась. Тогда при гробовомъ молчаніи окружающихъ заговорилъ Тришлеръ:

— Скажи мнѣ одно, Бинхе: ты меня на самомъ дѣлѣ осрамила, окрестивъ у меня за спиной Адамушку католикомъ?... Этого я не прощу тебѣ по гробъ жизни!...

— Вотъ видите,—сказалъ на это капеланъ Декельмайеръ, еще молодой, видный мужчина, съ живыми глазами на здоровомъ, розовомъ лицѣ, обращаясь прямо къ Бинхе:—я не могъ вамъ повѣрить, что мужъ вашъ согласился вдругъ крестить ребенка католикомъ. Это была съ вашей стороны благочестивая ложь, но всетаки—ложь; и я радъ, что не согласился крестить ребенка, а отправился съ вами предупредить мужа. Недѣлю, другую спустя, если на то будетъ воля Господня...

— Мы окрестимъ ребенка въ протестантство!—перебилъ его пасторъ, вѣжливо кланяясь собрату.

Тотъ отвѣтилъ на поклонъ и прибавилъ съ разстановкой:

— Въ католичество, надѣюсь... И ничего болѣе.

Оба замолчали. Ихъ церкви находятся въ вѣковой враждѣ не въ одномъ Баденѣ, а во всемъ мірѣ. Но здѣсь, передъ лицомъ прихожанъ пастыри не хотѣли ссориться. Они отошли въ сторону. Оба человѣка въ черномъ одѣяніи ходили взадъ и впередъ по дорогѣ, препираясь о душѣ маленькаго Тришлера, и лица ихъ становились все мрачнѣе и мрачнѣе, потому что ни одинъ не хотѣлъ уступать.

А въ общинѣ шли толки о новой неожиданности. Сначала Адамушку нѣсколько лѣтъ не крестили, потомъ въ одинъ день окрестили два раза, потомъ опять не крестили,—ничего тутъ не разберешь.

Даже самъ Адамушка утомился. Наканунѣ его уложили только въ десять часовъ вечера, на слѣдующій день подняли съ восходомъ солнца. Онъ опустилъ бѣлокурую головку къ отцу на плечо и задремалъ. Бинхе, желавшая уйти отъ взглядовъ односельчанъ, закрыла въ домѣ ставни и зажгла огонь, чтобы ребенокъ подумалъ, что настала ночь.

Она уложила мальчика въ постель, подоткнула кругомъ одѣяльце и закрыла двери. Оба священника подошли къ дому, окруженные обитателями Неккаръ-Зульцаха.

Въ это время снова раздался гдѣ-то вдали звонъ колокола. Но звонъ этотъ, какъ и раньше, не касался Адамушки: онъ извѣщалъ, что отошла въ вѣчность древняя старушка Гретли.

У обоихъ священниковъ былъ мрачный видъ: нельзя же разрѣзать Адамушку надвое, а каждый желалъ имѣть его среди своей паствы. Поэтому они согласились на перемиріе. Дѣло рѣшили отложить, и пасторъ изъ Неккаръ-Зульцахъ сказалъ, обращаясь къ Шоршу, что подтвердилъ и капеланъ:

— Дорогой Тришлеръ... сегодня всѣ вы слишкомъ возбуждены! Въ концѣ недѣли мы какъ-нибудь сойдемся и серьезно обсудимъ, какимъ образомъ сынъ вашъ узнаетъ наконецъ Господа.

А его католическій собратъ закончилъ, обращаясь однако исключительно къ Бинхе и ея двоюродной сестрѣ монахинѣ Регулѣ Мюнхъ:

— Потому что, дѣйствительно, ужасный и смертный грѣхъ оставлять ребенка въ невѣдѣніи Господа.

Его слова произвели впечатлѣніе, именно потому, что исходили изъ чужихъ, почти враждебныхъ устъ.

Всѣ смолкли. Въ тишинѣ послышался изъ комнаты, куда дверь была закрыта, тонкій дѣтскій голосокъ: Адамушка молился передъ сномъ...

— Господи, сподоби меня быть благочестивымъ, чтобы я попалъ въ небеса!—сказалъ Адамушка, потомъ, вспомнивъ о своихъ маленькихъ дѣлишкахъ, прибавилъ: — Дай, чтобы у Мелака зажила лапа, и онъ не выл по ночамъ... дай, чтобы телѣга не давила мои пирожки на улицѣ...—Потомъ онъ опять задумался и сквозь сонъ пробормоталъ: ...Господи, дай, чтобы папа опять сталъ добрымъ... и чтобы мама опять стала доброй...—и потомъ довѣрчиво, точно говоритъ съ товарищемъ, прибавилъ:—Все это сдѣлай непремѣнно.

Регула Мюнхъ отворила тихонько дверь и проскользнула къ Адамушкѣ, который стоялъ еще, скрестивъ ручки, на колѣняхъ и смущенно поглядѣлъ на нее. Теперь, думала она, настоящая минута, чтобы завоевать ребенка истинной вѣрѣ.

— Адамушка, давно ли ты такъ хорошо молишься?—спросила она со сладкой, льстивой улыбкой на фанатическомъ лицѣ.

— Я молюсь каждый вечеръ,—сказалъ Адамушка.

— Съ мамой, не правда ли?...—льстивымъ голосомъ спросила монахиня.

— Съ мамой или съ папой?...

Тутъ въ дѣло вмѣшалась старуха Мекинъ, которая считала себя защитницей противной стороны.

— Послушай, Адамушка... ты кому молишься?

— Кому? Господу Богу!

— Ну, а какъ молишься: какъ папа или какъ мама?

Чахоточная монахиня ревниво вступилась въ дѣло.

— Тутъ есть разница, Адамушка!

Старая Драхинъ не хотѣла также оставаться безучастной:

— Какому Господу Богу молишься ты? папиному или мамину?

Адамушка, широко раскрывъ голубые глазки, смотрѣлъ на вопрошающихъ.

— А ты что думаешь,—спросилъ онъ удивленно,—развѣ Боговъ много?

Потомъ, укладываясь въ постельку и закрывая глаза, онъ все продолжалъ бормотать въ просонкахъ:

— Господь Богъ папинъ, и маминъ, и мой...

Обѣ печальницы о человѣческой душѣ потихоньку вышли и прикрыли дверь, оставивъ Адамушку спать: онѣ почувствовали, что теряютъ почву. Обѣ были ревностными поборницами своей вѣры, но теперь имъ обѣимъ вспомнилось старинное изреченіе, изъ тѣхъ временъ, когда не было ни католиковъ, ни протестантовъ:

— Не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ...

И на лицахъ остальныхъ присутствующихъ они замѣтили то же самое. Старикъ Бицеле пробормоталъ:

— Я думаю, что мальчикъ больше насъ всѣхъ христіанинъ!

Священники раскланялись другъ съ другомъ, пасторъ кивнулъ Тришлеру, а капеланъ поклонился Бинхе съ многозначительнымъ «до свиданья!» и пошли одинъ направо, другой налѣво.

Когда они отошли на приличное разстояніе, Шоршъ весело разсмѣялся.

— Бинхе... ты замѣтила? Адамушка научилъ насъ! Онъ сказалъ: «въ мірѣ есть одинъ только Господь Богъ», и мальчуганъ правъ! Онъ истинный христіанинъ! Намъ нечего его крестить. Когда онъ

вырастетъ и войдетъ въ разумъ, тогда рѣшитъ самъ, ходить ли въ мою церковь или въ твою!

Бинхе молча кивнула головой. И ее до глубины души тронула молитва Адамушки.

Но Бицеле колебался.

— А если онъ не захочетъ ни въ ту церковь, ни въ эту? Какъ тогда быть? Вѣдь нельзя же молиться среди поля?

— Почему же нельзя?—сказалъ незнакомый голосъ изъ толпы.—Для того, чтобы быть христіаниномъ, не надо быть католикомъ или протестантомъ...

Многіе оглянулись на то мѣсто, откуда послышался голосъ. Но говорившій исчезъ, какъ дуновеніе вѣтра въ долинѣ Неккара.

Н. К.

ПЕРЕЖИТЫЯ ЕЛКИ.

Сумерки. Въ кабинетикѣ Елены Борисовны лампа еще не зажжена—темно; только въ окно врывается свѣтъ отъ уличнаго фонаря и косой полосой ложится поперекъ ковра, да синеватый отблескъ снѣга на улицѣ наполняетъ комнату какой-то таинственно-прозрачной мглой... въ каминѣ чуть тлѣетъ огонь; видно, онъ усталъ и не можетъ сбросить съ себя оковы пепла, что какъ саванъ давятъ, душатъ и мертвятъ его... не можетъ разгорѣться яркимъ пламенемъ, все вокругъ себя залить свѣтомъ и теплomъ... его время ушло. Иногда онъ вспыхнетъ на мгновеніе, задорно пробѣжитъ по потухающимъ угольямъ, какъ бы силой желая пробудить ихъ отъ дремы, лизнетъ ихъ синимъ языкомъ и опять безсильно потухнетъ, замретъ... И въ домѣ, и наружѣ тишина; рѣдко-рѣдко донесется съ улицы скрипъ полозьевъ или шаги прохожаго. Звонятъ ко всенощной—сочельникъ; и мирные звуки льются красиво и густо, точно просясь въ душу, чтобы разбудить въ ней воспоминанія о далекомъ, невозвратномъ...

На кушеткѣ бѣлѣется женская фигура; одна рука заложена за голову, другая — свѣсилась внизъ и судорожно сжала платокъ... Давно уже лежитъ здѣсь Елена Борисовна и грустно перебираетъ въ умѣ свое прошлое. У нея только и осталось, что оно одно; о настоящемъ лучше не думать... Какую тоску нагоняетъ этотъ предпраздничный звонъ. Не любитъ она праздниковъ—отъ нихъ всегда ждешь чего-то особеннаго, радостнаго, свѣтлаго и всегда обманешься... Къ тому же ими заканчивается цѣлый періодъ жизни и потому невольно начинаешь подводить итоги, провѣрять, оглядываться назадъ, вспоминать...

А итоги—мелки, провѣрять—опасно, оглядываться—не на что, вспоминать—такъ больно, больно... Ужъ очень нелѣпо, какъ-то пусто-звонко складывается жизнь, такъ что лучше и не вдумываться въ нее...

Елена Борисовна по опыту знала все это; знала, и съ утра рѣшила не поддаваться этому настроенію, а заглушить его хлопотами. Все, что полагается дѣлать передъ праздниками, она продѣлала: чуть не полдня проѣздила за покупками, долго выбирала цвѣты и растенія, сама разставляла ихъ въ комнатахъ, мѣрила новое платье, распоряжалась по хозяйству... Потомъ повезла вѣнокъ на могилку своей дѣвочки; на этотъ разъ ей посчастливилось—ни одна монахиня не явилась мѣшать ей своимъ монотонно-приторнымъ причитаньемъ, она одна отперла ограду могилки, одна опустилась на колѣни около креста и положила на дѣвственно-бѣлый снѣгъ яркія розы, сирень и хризантемы...

«Какъ красиво выдѣляются цвѣты на бѣломъ искрящемся фонѣ,—мелькнуло у нея въ головѣ,—вотъ могилка и убрана... она любила цвѣты, она радовалась бы имъ... но, какъ ни странно, а отдаться вполнѣ думамъ о своей дѣвочкѣ Елена Борисовна не могла—тишина давила ее; было холодно, сверху падала крупа, вѣтеръ налету подхватывалъ снѣжинки, крутилъ ихъ въ воздухѣ и наполнялъ его бѣлой мглой; посыпалъ ими яркіе цвѣты вѣнка—и онѣ, какъ бы умирая, тускнѣли... проскальзывалъ въ щели фонаря у креста и заставлялъ трепетать маленькій, желтый огонекъ лампадки... забирался подъ шубку Елены Борисовны, и она вся съеживалась и дрожала... чувство холода змѣйкой заползало къ ней въ душу, и она вся стыла и цѣпенѣла... а бѣлая завѣса вокругъ отдѣляла ее отъ остального міра—щемящее чувство одиночества, ненужности, пустоты все усиливалось, но теперь уже не мать вспоминала о своемъ умершемъ ребенкѣ, а женщина въ безнадежной тоскѣ думала о погибшей жизни и о мертвящей пустотѣ, ожидающей ее впереди...

Елена Борисовна не выдержала—поѣхала домой, а вернувшись стала придумывать себѣ новыя занятія; но тревога на душѣ все росла да росла, клубкомъ давила горло, жгла глаза, и вдругъ въ самый разгаръ хлопотъ она бросилась на кушетку и разрыдалась... «Зачѣмъ все это, къ чему? вѣдь никому и ни на что не нужно... да и сама я никому не нужна... одна,—твердила она, уткнувшись лицомъ въ вышитую подушку, и вдругъ рѣшила,—не поѣду я на елку къ брату, не поѣду... У всѣхъ свое, своя жизнь, своя радость... я же только зрительница... вездѣ лишняя... А какъ я любила когда-то елку,—вспоминала она,—ея запахъ, огни, сіяющія рожицы дѣтей... какъ любила... А теперь больно даже и думать о ней... Вѣдь и она, эта зеленая елка, обманетъ, какъ все, все на свѣтѣ обмануло... нѣтъ, не поѣду»...

Мало-по-малу рыданія стали стихать, лишь изрѣдка еще слыша-

лись всхлипыванія, да отдѣльныя слезинки свѣтлыми каплями медленно сползали по щекамъ... лицо саднило, голова болѣла... Елена Борисовна вытянулась, улеглась поудобнѣе и стала думать... Картины прошлаго, одна за другой, проносились передъ ея глазами.

Вотъ большая-большая комната; въ углу лежанка; она съ братишками забралась на нее и всѣ трое съежились въ комочекъ... въ комнатѣ темно, страхъ темно... и только въ незавѣшенныя окна виднѣется чистое, темно-синее небо, а по немъ причудливыми узорами разсыпаны звѣзды; у самаго окна бѣлѣетъ покрытая сверкающимъ инеемъ береза, а тамъ дальше, въ саду, точно страшныя, черныя привидѣнія, тянутся къ небу сосны и ели... Трое малышей молчатъ: и жутко имъ и радостно. Скоро раздастся звонокъ, скоро отворятся двери въ сосѣднюю комнату, и тамъ они увидятъ елку, и огни, и гостей, и подарки... Господи, скорѣй бы!

— Юрикъ, ты смотри не бросайся на сласти,—говоритъ она, считая своимъ долгомъ старшей поучать девятилѣтняго брата.— Помни, мама больна, не огорчай ея, будь умница, не жадничай.

— Ладно, ладно,—отвѣчаетъ Юрикъ, но по голосу слышно, что онъ думаетъ о другомъ и очень волнуется.—Скажи, Лена, ты не знаешь, что мнѣ подарятъ.

— Не знаю.

— Лена, Лена, а мнѣ что?—пищитъ младшій Игорь.

— Не знаю; отстаньте!—нетерпѣливо отвѣчаетъ она.

Игорь начинаетъ хныкать.

— Мнѣ скучно, ску-у-чно, къ нянѣ хочу!

— Скучно,—съ негодованіемъ восклицаетъ сестра,—какой глупый мальчикъ! Молчи, а то елки не будетъ.

Но Игорь продолжаетъ хныкать. Тогда, скрѣпя сердце, сестра принимается разсказывать, поминутно останавливаясь и прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ сосѣдней комнатѣ.

— Вотъ... въ одной деревнѣ жила себѣ старуха... древняя, предревняя... И вотъ... разъ, принесли ей мужики медвѣжью лапу... они хотѣли его убить...

— Зачѣмъ убить?—прерываетъ ее Игорь.

— Ну, Господи ты Боже мой! Чтобы не таскалъ у нихъ коровъ!

— Вовсе нѣтъ,—вмѣшивается Юрикъ,—няня говорила, чтобы изъ мѣха себѣ теплую шубу сшить.

Но въ эту минуту раздается звонокъ. Двери распахиваются, и яркій свѣтъ на одно мгновеніе слѣпитъ имъ глаза; но ужъ черезъ секунду дѣти срываются съ лежанки, причемъ Игорь скатывается кубаремъ, и всѣ трое мчатся въ гостиную. Что это было за великолѣ-

ніе! Посреди комнаты возвышалась елка, украшенная цѣпями, бумажными цвѣтами, самодѣльными золотыми звѣздами, яблоками, домашними пряниками... Съ тѣхъ поръ какъ дѣдушка умеръ и папа въ городѣ безъ мѣста, бабусѣ, охъ, какъ трудно одной хозяйничать. Лена это знаетъ; а у бабуси много такихъ, о комъ надо заботиться— не только своихъ, но и чужихъ... И вотъ она шила и пекла, учила и стирала, но зато теперь все ея морщинистое лицо сіяло счастіемъ и она быстро, въ перевалочку, перебѣгала отъ одного къ другому, угощала и одѣляла. А народу было много... учитель со школьниками, матушка съ дѣтьми, лавочникъ, становой и просто деревенскіе обыватели—для нея всѣ гости были равны. Въ дверяхъ толпилась прислуга, а впереди всѣхъ деревенскій пьянчужка Голиковъ, безумно любившій дѣтей... Ради этого торжественнаго случая онъ не былъ пьянъ и, насколько возможно, прибралъ свою худую одежонку; съ волосъ, смазанныхъ коровьимъ масломъ, чуть не каплетъ... Всѣ лица радостны, всѣ сіяютъ...

А вотъ на диванѣ сидитъ мамочка—вся въ бѣломъ, ноги закутаны теплой шалью, за спиной подушка... Она сидитъ и улыбается; дѣти бѣгутъ къ ней и начинаютъ тормошить.

— Тише, тише вы, буяны! Мамѣ больно сдѣлаете,—останавливаетъ ихъ бабуся, но мама ласково цѣлуетъ всѣхъ по очереди.

«Какая она бѣлая, да свѣтлая», думаетъ Лена и глазъ не спускаетъ съ матери. Вотъ Игорь забрался сзади нея на диванъ и сразу обхватилъ ея шею сильными ручонками... Мама не выдержала тяжести, перегнулась впередъ и, вѣрно, ей было очень больно, потому что на глазахъ блеснули слезы.

Бабуся сняла маленькаго буяна съ дивана. Замѣтя, что съ мамой что-то неладно, онъ присмирѣлъ, прижался къ ней и, заглядывая въ глаза, прошепталъ:

— Не грустуй, мамуся, не грустуй: вырасту большой, буду умный, тебя утѣшу.

Мама засмѣялась и крѣпко прижала мальчика къ груди.

— Вотъ за это спасибо, родной, спасибо,—говорила она, а губы у ней какъ-то странно подергивались и голосъ тоже звенѣлъ особенно.—Помни же: ты обѣщалъ мнѣ быть хорошимъ.

«Что съ нею?» проносится въ головѣ Лены, и она тихо и застѣнчиво пододвигается къ матери. Но въ эту минуту начинается раздача подарковъ и гостинцевъ, и дѣвочка, забывъ поразившій ее видъ матери, бросается къ нашитымъ ею для своихъ деревенскихъ друзей кисетамъ, чепчикамъ и тряпичнымъ куклам. Очередь доходитъ до

Голикова—она радостно протягиваетъ ему пунцовый мѣшокъ, отороченный бѣлой тесьмой.

— На, Голиковъ! сыпь табакъ, кури на здоровье! Видишь, какой красный, точно пряничные коньки, что ты намъ даришь. Кури!

Но тутъ и съ Голиковымъ дѣлается что-то странное: онъ усиленно сморкается въ полу поддевки, моргаетъ глазами, шевелитъ губами, но долго ничего не можетъ произнести.

Это была послѣдняя елка Лены въ деревнѣ: скоро потомъ скончалась ея «бѣлая» мамуся, и папа взялъ ее къ себѣ въ городъ. Въ первые годы онъ отпускалъ ее на Рождество къ бабушкѣ, но потомъ и та умерла... Братьевъ отвезли учиться въ столицу, а они съ папой остались вдвоемъ—и потянулась для нея жизнь сѣренькая, одинокая... Елокъ дома не дѣлали, такъ какъ не было друзей и некому было поддерживать знакомства съ семейными домами. Ее возили на елки въ собраніе. И сколько ихъ было этихъ роскошныхъ, богатыхъ, но скучныхъ, однообразныхъ, «не настоящихъ» елокъ! Лена никакъ не могла къ нимъ привыкнуть: застѣнчивая отъ природы, она сторонилась незнакомыхъ дѣтей, не умѣла веселиться съ чужими и чаще всего забивалась куда-нибудь въ уголъ и оттуда, глядя на залитое огнями дерево, вспоминала своихъ. Подарки, «ничьи», ей не доставляли удовольствія, и мало-по-малу всѣ ея мечты и надежды начали сводиться къ тому, чтобы когда-нибудь у нея опять была елка «дома», со «своими»; она стала для нея олицетвореніемъ дома, семьи, тепла, привязанности,—а ея маленькое сердечко такъ нуждалось въ немъ!

Сначала ее оставляли въ собраніи до десяти часовъ; потомъ, съ каждымъ годомъ позднѣе и позднѣе, и, наконецъ, когда начали «вывозить», она стала возвращаться уже съ разсвѣтомъ. Ждала она елки всегда съ нетерпѣніемъ и замираніемъ сердца; иногда ей бывало весело на нихъ, но каждый разъ, вернувшись домой, и снимая помятый нарядъ, она почему-то сначала смутно, потомъ яснѣй и яснѣй чувствовала, какъ на душѣ шевелится что-то тоскливое, точно недовольство, разочарованіе, пустота. Происходило ли это отъ того, что она ждала большаго—или потому, что ей было жаль праздника, блеска, шума и не хотѣлось будней,—но ни одной-то изъ всѣхъ этихъ елокъ ей теперь помянуть нечѣмъ, ни одна не оставила въ памяти яркаго слѣда, какъ та елка въ деревнѣ, что всю жизнь потомъ манила ее, какъ ясная звѣздочка! Тогда она была счастлива и не только счастлива за себя, но и за другихъ.

Потомъ «онъ»... любовь... замужество и безумное счастіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Какъ мечтала она о первой елкѣ у себя... съ нимъ. И онъ испол-

нилъ ея просьбу, у нихъ была елка, роскошная, блестящая... были гости, веселье, шумъ, все—но не было тепла. И предчувствіе ужаснаго холода, что теперь леденитъ ее, тогда впервые заползло къ ней въ душу. Мужъ ничего не жалѣлъ для нея, все давалъ, кромѣ себя самого.

Скоро наступило полное разочарованіе, но Елена Борисовна не сразу поддалась ему: она хотѣла любить, быть любимой, хотѣла счастія и страстно отстаивала его, боролась за него, боролась отчаянно, какъ утопающій борется за свою жизнь. Она такъ страдала тогда, что чуть не сломилась отъ горя; но рожденіе ребенка спасло ее. Маленькая, нѣжная и хрупкая Муся стала для нея всѣмъ—ею она дышала, ею жила, ею была счастлива; въ ней видѣла свое назначеніе и спасеніе, воспитывая ее—считала, что исполняетъ важное общественное дѣло; пробуждая въ чуткой душѣ дѣвочки любовь къ людямъ, заботу о нихъ—совершаетъ нѣчто великое, святое. Что бы она ни дѣлала, ею руководила любовь къ дочери: ради нея, чтобы быть ей примѣромъ, она слѣдила за собой, воспитывала самое себя, становилась лучше. Да, она любила ее до безумія, и дѣвочка платила ей тѣмъ же. Хотя ласкалась она къ матери рѣдко, но вѣра въ нее была безгранична. Она могла по цѣлымъ часамъ молча смотрѣть на нее, когда та читала или работала и на ея вопросъ—отчего ты молчишь, дѣвочка?

Муся отвѣчала:

— Да зачѣмъ говорить, все равно ты знаешь, что я думаю, а я, что—ты.

Да, Муся была удивительнымъ ребенкомъ: хорошенькая, нѣжная, ласковая, съ громадными, грустными и вдумчивыми глазами, какимъ-то «проникновеннымъ» взглядомъ... про такихъ дѣтей говорятъ, что не жильцы они на этомъ свѣтѣ. И Елена Борисовна, сама не зная почему, постоянно боялась и дрожала за нее. Ее всѣ любили, начиная съ родныхъ и знакомыхъ и кончая прислугой. Не любилъ только отецъ. Онъ чувствовалъ инстинктивно, что дѣвочка слѣдитъ за нимъ и судитъ его, чувствовалъ, что она обожаетъ мать и не могъ ей этого простить. Елена Борисовна дѣлала все, чтобы скрыть отъ дѣвочки семейный разладъ, но развѣ его можно скрыть? Прислуга ли, собственный инстинктъ, или неосторожность взрослыхъ,—но дѣвочка знала все и, хотя молчала, но обо всемъ раздумывала и все перестрадала въ своемъ сердцѣ.

Но съ недѣтскими думами и чувствами, въ ней уживались и чисто-дѣтская наивность и непосредственность. И какъ заразительно—беззаботно умѣла она по временамъ смѣяться! И больно, больно

тогда сжималось сердце матери отъ горя и жалости; вотъ такой должна бы была быть всегда ея Муся, такой беззаботной, шаловливой! Но вспышка веселья скоро потухала, и дѣвочка вновь пристально, почти строго, съ укоромъ всматривалась въ окружающее.

Супруги разошлись, но мать съ дочерью продолжали жить душа въ душу, жить другъ другомъ, жить полной жизнью.

И въ это время въ домѣ Елены Борисовны опять ежегодно бывали елки, и какія эти были веселыя, многолюдныя, счастливыя елки! Мусина елка бывала цѣлымъ событіемъ. Мало-по-малу сама дѣвочка стала принимать участіе въ ихъ устройствѣ. И сколько любви, сколько заботы обо всѣхъ она вкладывала въ это! какъ хлопотала, обдумывая съ матерью всѣ мелочи, всѣ подробности. Никого не забудетъ, отдастъ всѣ свои сбереженія и безконечно счастлива, если ея подарки нравятся. Какія нескончаемыя совѣщанія вела она еще задолго до праздника то съ матерью, то съ гувернанткой, то съ няней.

Потомъ... потомъ наступилъ тотъ ужасъ... ужасъ...

Дойдя до этого періода своей жизни, Елена Борисовна сразу поднялась съ кушетки, сѣла, обхватила колѣна руками и стала раскачиваться изъ стороны въ сторону, точно отъ физической боли. Съ блѣдныхъ губъ со стономъ срывались слова—умерла, умерла, умерла!

Да, заболѣла и умерла. А она осталась одна. Совсѣмъ. Никого.

Дѣвочка долго мучилась. Какъ все было, Елена Борисовна хорошо не помнитъ. Только и теперь еще по ночамъ, иногда у нея въ ушахъ вдругъ раздается крикъ безумной боли: «О-охъ-охъ, мама... убей... убей меня... не могу». И тогда она вскакиваетъ съ постели и, босая, начинаетъ бѣгать по комнатѣ, безсознательно хватаясь за что попало, стараясь какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь, заглушить въ себѣ этотъ крикъ. Дѣвочка умирала постепенно. Сначала параличи ногъ, рукъ, потомъ слѣпота... врядъ ли мать очень страдала тогда. Некогда было, силъ не было. А дѣвочка—дѣвочка и тутъ осталась вѣрна себѣ: когда еще не потеряла сознанія, она молила сидѣлку: «Завяжите мнѣ ротъ, завяжите! Я не могу не кричать, у мамуси голова разболится». Среди нечеловѣческихъ страданій, она думала не о себѣ!

Сорокъ дней и ночей ходила за ней Елена Борисовна, не вѣрила смерти,—но и надежды не чувствовала; просто ничего не сознавала. Ни на минуту не отходила отъ постели дочери, не раздѣвалась, не ложилась, вливала ей въ ротъ лѣкарства, вытирала запекшіяся губы; по цѣлымъ часамъ, стоя на колѣняхъ, прислушивалась, дышитъ ли еще? Незадолго до смерти дѣвочка не надолго пришла въ себя, повернула голову на голосъ матери, посмотрѣла на нее огромными, и ничего не видящими, слѣпыми глазами и прошептала:

«Мама... я умру... какъ же ты, моя бѣдная... безъ меня жить будешь?...» И все... умерла.

Умерла.

— А-а-а,—застонала Елена Борисовна. Одна осталась... одна...

Потомъ... потомъ она плохо помнитъ, что было. Она не плакала. Кто-то приходилъ, уходилъ... говорили, спрашивали... о чемъ—она не понимала, только чувствовала жгучую потребность остаться одной со своей дѣвочкой. Когда маленькую страдалицу обрядили и посторонніе вышли, она моментально заперла дверь и, шатаясь, подошла къ кровати, на которой лежала блѣдная, строгая, обезображенная клочками выстриженныхъ волосъ, прилипшихъ къ мраморному лобику, Муся. Прикоснувшись къ холоднымъ, почернѣвшимъ губамъ дѣвочки, мать поняла, что все кончено: нѣтъ ея Муси, и никогда-никогда не будетъ. Она стала осыпать мертвую дѣвочку страстными, безумными поцѣлуями, какъ никогда не цѣловала ее при жизни, старалась отогрѣть своимъ дыханьемъ, и, наконецъ, зарыдала, безъ слезъ зарыдала. Рыдала долго, неутѣшно, не помнитъ сколько, только знаетъ, что подъ конецъ почти съ благоговѣніемъ приложилась къ сложеннымъ рукамъ покойной и прошептала:

«Отдохни, отдохни, моя крошка! тебѣ было бы тяжело жить... страдалица ты моя».

Потомъ до тѣхъ поръ смотрѣла на нее, пока тутъ же на колѣняхъ не заснула. Но былъ ли это сонъ—она не знаетъ. Что-то тяжелое, камнемъ придавившее ее. Проснулась отъ стука въ дверь. Въ открытое окно лился весенній ароматъ, свѣтила луна и кроткимъ свѣтомъ окутывала большую кровать и лежащую на ней крохотную фигурку; отъ цвѣтовъ несся одуряющій запахъ, чувствовалось присутствіе какой-то тайны, чего-то важнаго... Елена Борисовна точно и не засыпала: сразу въ одно мгновеніе сознала, почувствовала всю дѣйствительность.

. . . . . .

Стукъ въ дверь повторился; она вздрогнула, съ трудомъ поднялась съ колѣнъ и отперла. Рѣзкій свѣтъ лампы ворвался въ комнату, рѣзанулъ ей глаза и упалъ на кровать. Ей стало больно самой, и обидно за дѣвочку. Зачѣмъ ее трогать, нарушать покой? «Унесите лампу»—это были первыя слова, произнесенныя ею послѣ смерти дочери. Потомъ, когда принесли какіе-то мѣшки со льдомъ и стали ими обкладывать покойницу, ей опять стало очень больно; а то нѣтъ; только пусто... только холодно... На ночь она легла тутъ же, на коврѣ, и такъ оставалась до разсвѣта. Ничего она не помнитъ изъ этой ночи—какая-то черная бездна; и времени тоже не было... потомъ на-

сталъ день. Приходили, уходили, служили—она всему повиновалась; но когда вздумали мѣрить ей траурное платье, она сначала машинально было дала снять съ себя лифъ, но потомъ съ отвращеніемъ швырнула черныя ткани. «Не надо, не хочу, все равно... какъ хотите» и ушла.

Потомъ похороны. Всѣ плакали—и только она одна не проронила ни единой слезинки. Монахини подошли спросить насчетъ свѣчей—она не поняла, чего отъ нея хотятъ. Даже когда заколачивали крышку, когда бросали землю—ей было какъ-то все равно. Нѣтъ, не ея Мусю хоронили, нѣтъ, нѣтъ! Иначе бы солнце не свѣтило, эти люди, много людей, не говорили бы, не ходили—развѣ это было бы возможно? Когда все кончено, все—Муси нѣтъ! Но это она не думала, а какъ-то смутно, тупо чувствовала.

Вечеромъ въ день похоронъ она потихоньку отъ съѣхавшихся родныхъ ушла изъ дому, взяла извозчика и поѣхала на кладбище. Было поздно, и тамъ никого не было. Кругомъ все цвѣло: кресты бросали косыя тѣни на дорожку, залитую луннымъ свѣтомъ. Почти надъ каждымъ памятникомъ и крестомъ теплилась лампада... кругомъ ни звука! Елена Борисовна не шла, а бѣжала къ могилкѣ своей дѣвочки—ей казалось, что тамъ она что-то узнаетъ о ней. Запыхавшись, она остановилась у холмика, сплошь покрытаго цвѣтами и вѣнками. И это все? все,—что осталось послѣ нея? Зачѣмъ же она мучилась, страдала? это жестоко, безсмысленно! И тутъ только мать почувствовала всю глубину своей утраты, вполнѣ сознала постигшее ее горе. Опустившись на колѣни, она уткнулась лицомъ въ цвѣты, цѣловала землю, съ отчаяніемъ запускала пальцы въ рыхлую почву, не замѣчая, что ранитъ ихъ проволокой, и сквозь слезы повторяла:

«Вернись... вернись... вернись... или возьми меня къ себѣ, моя дѣвочка... моя Муся...»

Было совсѣмъ поздно, когда, въ конецъ обезсиленная, съ выбившимися изъ-подъ шляпы волосами, вся опухшая, она, шатаясь, направилась къ выходу. Ворота оказались запертыми, пришлось посылать за монахиней; та испуганно и съ участіемъ заглянула ей въ лицо, но молодая женщина молча отвернулась—дѣлиться своимъ горемъ—все, что ей осталось отъ Муси—она ни съ кѣмъ не хотѣла, да и не могла.

Елена Борисовна поднялась съ кушетки и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; мягкій коверъ заглушалъ шаги, слышался лишь шелестъ платья.

Потомъ... вернулась и стала жить... если можно назвать жизнью

какое-то тупое подчиненіе привычкамъ и требованіямъ окружающихъ. До чего же живучъ человѣкъ, если и это она могла пережить! Говорить о Мусѣ она не могла; ей было непріятно даже, когда о ней вспоминаютъ или дотрогиваются до ея вещей: все это свято, и не надо трогать чужимъ, равнодушнымъ, не надо, не надо! И только. Сама никогда не плакала. Изо дня въ день тупо, холодно, апатично влачила свое жалкое существованіе.

Настало Рождество. Братъ уговорилъ ее пріѣхать къ нему на елку. Она одѣлась въ бѣлое и явилась. Всѣ были съ ней особенно ласковы, особенно бережны. Она же совершенно безучастно, точно безсознательно, смотрѣла на дерево. Свѣтъ больно рѣзалъ ей глаза, смѣхъ и веселье окружающихъ причиняли невыносимое страданіе, дѣти раздражали... Она не выдержала и ушла въ другую комнату; тамъ было пусто; розовый фонарь обдавалъ все мягкимъ свѣтомъ и скрадывалъ углы... Елена Борисовна, очутившись одна, сразу какъ-то вся съежилась, забилась на диванъ, заломила руки надъ головой и, не мигая, стала смотрѣть въ одну точку; лицо казалось старымъ, холоднымъ, озлобленнымъ; около рта залегла недобрая складка... Вдругъ кто-то дотронулся до ея плеча; поднявъ голову, она увидала около себя старушку, знакомую брата; та молча опустилась рядомъ съ нею на диванъ, молча прижала къ своей груди и нѣжно, тихо стала гладить по волосамъ, какъ маленькаго ребенка. Въ каждомъ ея движеніи было столько доброты, ласки, что Елена Борисовна не выдержала, соскользнула на полъ, уткнулась головой въ ея колѣна и разрыдалась неудержимо, горько, безутѣшно... Старушка не мѣшала и только все гладила по волосамъ. «Поплачьте, родная, поплачьте, это ничего... легче потомъ будетъ... знаю, велико ваше горе, пожалуй, большаго-то и на свѣтѣ нѣтъ, но не надо давать сердцу ожесточаться... не надо... нельзя отчаиваться... нельзя складывать руки... изъ-за нея нельзя... въ память ея надо жить и творить добро». Долго, долго она говорила. Рыданія становились все рѣже и тише, и, наконецъ, Елена Борисовна въ первый разъ со дня смерти Муси стала говорить о ней, говорить о своемъ горѣ, о себѣ. Рядомъ раздавались музыка, смѣхъ, говоръ, а въ полутемной комнатѣ, стоя на колѣняхъ, молодая женщина со стономъ передавала повѣсть своей разбитой жизни другой, которая не только все потеряла и схоронила, но и впереди у которой нечего было ждать. И она-то нашла въ себѣ силу поддержать несчастную мать. Долго говорили онѣ и когда, наконецъ, Елена Борисовна, ни съ кѣмъ не прощаясь, ушла чернымъ ходомъ, она ушла другимъ человѣкомъ, рѣшившимся жить ради Муси, въ память ея всю свою жизнь отдать на служеніе другимъ.

Случилось, что въ семьѣ ея близкихъ родственниковъ заболѣлъ ребенокъ. Она встрепенулась. Для Муси, въ память ея, она стала ходить за нимъ самоотверженно, удивляя всѣхъ своею неутомимостью, терпѣніемъ, добротой... Она утѣшала другихъ, забывала о себѣ, заботливо вникала во все, ничего не забывая, дѣлая все, что можетъ только дѣлать родная мать, но—но сама оставалась чужда всему. Она служила ради Муси, въ память Муси, и если бы нужно было, умерла бы ради нея, ни передъ чѣмъ бы ни остановилась—но тѣ люди и тотъ ребенокъ, ихъ горе и ихъ радость, сами они, оставались чужды ей... И ей было холодно... пусто... одиноко...

Ребенокъ выздоровѣлъ. Жизнь понемногу опредѣлилась. Близкіе занялись своими дѣлами, имъ казалось, что Елена Борисовна успокоилась: она жила, какъ всѣ, заботилась объ обстановкѣ, ѣздила въ гости, была ко всѣмъ добра, помогала вокругъ, какъ могла и чѣмъ могла, вѣчно о комъ-нибудь хлопотала, даже смѣялась иногда, но въ ея лицѣ всегда оставалось что-то затаенное: глаза, даже когда она смѣялась, оставались грустными... Она записалась во всѣ общества, массу работала въ нихъ, старалась изъ всѣхъ силъ, и ничего не выходило! Душа ея умерла, не было души во всемъ этомъ.

Годы шли... одинъ только разъ, только одинъ за все время,—горячее чувство къ чужому ребенку всколыхнуло ее всю, отогрѣло на время; казалось, она снова начинаетъ сама чувствовать, видѣть, слышать, словомъ—жить, а не только издали, откуда-то со стороны наблюдать чужую жизнь. Случилось это такъ—жила она за-границей, въ Біаррицѣ, сезонъ лишь начинался, народу еще мало съѣхалось и всѣ обитатели отеля знали другъ друга въ лицо. Елена Борисовна ни съ кѣмъ не знакомилась, всегда бывала одна и обѣдала за отдѣльнымъ столикомъ. Неподалеку отъ нея, тоже за отдѣльнымъ столомъ, обѣдало какое-то семейство французовъ съ массой дѣтей всѣхъ возрастовъ. Младшій изъ нихъ, мальчикъ 4 лѣтъ, почему-то всегда обращалъ вниманіе на одинокую «dame russe» и очень часто приводилъ въ смущеніе своихъ родителей громкими, но очень дружелюбными замѣчаніями на ея счетъ. Однажды Елена Борисовна была особенно грустна. Молча смотрѣла она въ окно столовой на безконечный, ослѣпительно-яркій океанъ и думала свою невеселую думу... Вдругъ она почувствовала, что кто-то карабкается ей на колѣна, чьи-то ручонки цѣпляются за шею и звонкій дѣтскій голосокъ со слезами говоритъ: «Dame russe, ne sois pas si triste, allons jouer ensemble». Въ первую минуту Елена Борисовна совершенно растерялась, потомъ молча прижала къ себѣ мальчугана. Подошли родители и стали извиняться, но она умоляла ихъ позволить ей почаще видаться съ мальчикомъ и

играть съ нимъ. Родителямъ это было на руку: они пріѣхали отдохнуть и хотѣли вполнѣ насладиться свободнымъ временемъ,—маленькій же ребенокъ стѣснялъ ихъ. Съ этихъ поръ мальчикъ все чаще и чаще заходилъ къ своей пріятельницѣ и подъ конецъ сталъ съ нею совсѣмъ неразлученъ, даже умываться прибѣгалъ къ ней. Мало-помалу, слушая его забавную болтовню, чувствуя его довѣрчивую ласку, Елена Борисовна все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ нему. То, что ей придется разстаться съ своимъ любимцемъ, ей какъ-то не приходило въ голову, и когда разлука дѣйствительно наступила, ея горю и горю ребенка не было границъ. Она почувствовала, что и тутъ она чужая, лишняя, и тутъ ее пригрѣли, дали мѣстечко лишь на время, пока она нужна,—и она замкнулась еще больше, ушла еще дальше въ себя.

Французы уѣхали въ Парижъ; она не хотѣла оставаться одна въ Біаррицѣ и вернулась въ Россію.

Пошла прежняя жизнь. У нея бывало очень много народу: кто по дѣлу, кто просто отдохнуть, кто встрѣтиться съ нужными людьми; у нея говорили о литературѣ, общественныхъ вопросахъ, искусствѣ, всѣ находили у нея, что имъ было нужно, но ей самой было холодно... холодно.

И Елена Борисовна, точно физически ощутивъ этотъ холодъ, вздрогнула: «всегда одна... вездѣ и всѣмъ чужая...—думала она.—Жизнь наполнена, правда; но что же остается отъ нея? Ничего. Года уходятъ, силы тратятся, а для кого, для чего? Умри я завтра, и кто дѣйствительно потеряетъ отъ моей смерти? Погорюютъ, поплачутъ, пожалѣютъ, но ни у кого ни на іоту жизнь отъ этого не измѣнится... А вѣдь я могла бы еще многое дать людямъ... вѣдь не даромъ же я столько страдала... вѣдь надо же, чтобы они, эти страданія, принесли кому-нибудь пользу, иначе это безсмысленно, жестоко. Зачѣмъ тогда продолжать жить? Покойнѣй и достойнѣй сразу умереть. И что же есть у меня? Одна занесенная снѣгомъ могилка, тамъ все... и счастіе полное, полное... полнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ. Никакая любовь мужчины не можетъ быть, такъ безкорыстна, какъ ея любовь ко мнѣ и моя къ ней. Что было бы потомъ, не знаю. Но то, что было—свято, чудно, прекрасно. Я любила когда-то мужа... можетъ быть, полюблю еще, можетъ быть и меня полюбятъ, но развѣ это то? Вѣдь я тогда буду требовать отъ того человѣка любви *для себя*, буду его любить *для себя*... можетъ быть, его любовь и дастъ мнѣ счастіе, да не то... вѣдь... вѣдь отъ нея я ничего *для себя* не хотѣла, хотѣла только сдѣлать ее счастливой и хорошей и потомъ, черезъ нея, ею служить всѣмъ, другимъ... Я тогда всѣхъ любила. Теперь я тоже

хочу служить, но только хочу, не могу... не необходимо это для меня, какъ тогда. Вѣдь и красоту, которую я любила, и добро, въ которое вѣрила, все въ ней воплощала, въ ней имъ служила... я творила ее... и какое это наслажденіе создавать каждую черточку: создавать и поклоняться сдѣланному! Въ каждомъ человѣкѣ есть частица ребенка, но если я къ взрослому буду относиться такъ же, какъ къ ребенку, то гдѣ же равенство, товарищество? Тамъ, гдѣ я творю, я выше... относительно ребенка это не оскорбляетъ, ради него я могу ломать себя, но съ любимымъ человѣкомъ—нѣтъ. Я ищу въ немъ поддержки для себя, совѣтчика, друга, равнаго... Я знаю,—есть женщины и ихъ много,—которыя въ свою любовь къ мужчинѣ вкладываютъ частицу материнскаго чувства, которыя исподволь, осторожно руководятъ имъ... Я не могу... я хочу уважать прежде всего, а уважать я могу только равнаго, а не слабѣйшаго... иначе я буду лишь снисходить»...

Она подошла къ окну и прислонилась лбомъ къ холодному стеклу... морозъ нарисовалъ на немъ цѣлый фантастическій лѣсъ; онъ искрился и переливался на лунномъ свѣту. «Красиво,—подумала молодая женщина,—но холодно; вотъ бы гдѣ замерзнуть, среди такой красоты! въ послѣднюю минуту насладиться ею. Однако, до чего я устала, вся разбита... всегда это бываетъ послѣ волненія... Не поѣду я никуда... не хочу... лучше отдохну вотъ немного, а потомъ возьму извозчика и поѣду въ паркъ».

Она медленно, тяжело подошла къ кушеткѣ, устало опустилась на нея, съежилась въ комочекъ и потянула лежавшую тутъ же накидку на ноги. Пристально, не мигая смотрѣла она на тухнущій огонь въ каминѣ; по блѣдному лицу пробѣгали розоватыя тѣни, отчего временами, казалось, оно загорается новою жизнью, а потомъ опять замираетъ, точно каменѣетъ въ своей затаенной мукѣ.

«И зачѣмъ, зачѣмъ я опять поддалась этому настроенію? Не надо думать... такъ лучше, все равно не къ чему... Надо что-нибудь дѣлать, чтобы не думать... вотъ завтра елка для школьниковъ... потомъ надо помѣстить объявленія объ урокахъ для Мишуткиной... потомъ... но до чего я устала..!» И Елена Борисовна въ изнеможеніи закрыла глаза. «Вотъ одну минутку полежу смирно, не шевелясь...» Теперь ея лицо съ закрытыми глазами казалось мертвымъ; рѣсницы бросали темныя тѣни на впалыя щеки; около рта обозначилась глубокая, скорбная складка;—лобъ—такой лобъ бываетъ только у страдающихъ дѣтей,—чистый и скорбный. Дыханіе становилось все рѣже... все ровнѣе. «Вотъ сейчасъ встану, — думала она, засыпая. Сейчасъ велю позвать извозчика, и поѣду въ паркъ, — тамъ бу-

детъ тихо, я успокоюсь... будетъ темно въ боковыхъ аллеяхъ... и никого... луна освѣщаетъ дорогу, снѣгъ такой голубой, чистый... Мало ѣздятъ тамъ... а сосны и ели, какъ старыя ворчуньи-няньки, стараются покрыть своими тѣнями голубую, чистую ленту, скрыть ее отъ глазъ постороннихъ... И снѣгъ будетъ хрустѣть, и на душѣ станетъ ясно... немножко холодно... но бодро... Гдѣ я это уже видѣла, испытала? Да, въ Швейцаріи... тамъ, еще Муся жива была... я ее оставила въ гостиницѣ, боялась простудить и поѣхала одна... Хорошо, красиво было.... воздухъ какой дивный! но дико, очень дико... и тогда свѣтило солнце... ярко-ослѣпительно рѣзало глаза; высѣченная въ скалѣ дорога шла надъ обрывомъ... по ту сторону пропасти опять возвышалась сѣрая, отвѣсная стѣна, покрытая изумрудными пятнами моху. И какъ я уже долго ѣду, мелькаетъ въ головѣ Елены Борисовны. Колокольчикъ звенитъ какъ-то назойливо... и онъ, и солнце мѣшаютъ думать о Мусѣ... но вѣдь она дома? или умерла, нѣтъ, она ѣдетъ, чтобы наверху, высоко на горѣ, увидать ее, свою дѣвочку... и надо спѣшить, солнце садится уже; внизу, въ ущельѣ, уже полный мракъ, и оттуда несется глухой шумъ, точно чей-то стонъ... А она здѣсь одна... лошадь куда-то исчезла... идетъ пѣшкомъ, а дѣлается все темнѣе, темнѣе: вдали, снѣжныя верхушки горъ еще свѣтятся розовымъ свѣтомъ и зовутъ и манятъ все выше, и выше... Какъ страшно одной!... какъ холодно!... мракъ ползетъ снизу за ней... догоняетъ ее, окутываетъ все... все заглушаетъ... капли воды по каменной стѣнѣ вдоль дороги еще свѣтятся... онѣ проступаютъ, какъ слезы, и не успѣвая скатиться, застываютъ въ льдинки... что это—лавинка ли катится, вѣтеръ ли треплетъ сѣдые космы моху на соснахъ? Нѣтъ, это голосъ... голосъ Муси... только далеко, очень далеко... еле слышно... глухой, неясный... зоветъ... зоветъ наверхъ, къ свѣту, гдѣ солнце гонитъ мракъ... Скорѣе, скорѣе къ ней... туда... Но какъ узко и скользко, держаться не за что... хватается за мокрую стѣну, но руки коченѣютъ и срываются... вѣтеръ хлещетъ ей лицо, злобно глумится надъ нею, жалкой и безсильной, вздумавшей идти противъ него, обогнать ползущій со всѣхъ сторонъ мракъ! Онъ сорвалъ съ нея шаль, рветъ платье, треплетъ волосы... А она одна... одна... Вдругъ впереди раздается шумъ, сначала глухой, потомъ все громче и громче... дикій ревъ, клокотанье, шипѣнье... То со стѣны широкой водяной полосой свергается водопадъ, сразмаху ударяется о каменную тропинку, злобно вскипаетъ бѣлой пѣной, но сверху несутся уже новыя массы воды, смѣшиваются съ замѣшкавшимися струями, подгоняютъ ихъ и вмѣстѣ съ ними бросаются въ бездну... И оттуда несется побѣдный кличъ:

впередъ, впередъ, не останавливаться! И ей надо впередъ,—здѣсь ужасъ, мракъ, а тамъ Муся, свѣтъ, покой... Ей нѣтъ выбора, надо перейти водопадъ... Зажмуря глаза, она вступаетъ въ воду... ноги моментально коченѣютъ, ее несетъ къ безднѣ, она дѣлаетъ послѣднее усиліе, хватается за свѣсившійся корень сосны по ту сторону водопада,—спасена! Но тутъ скала свѣсилась надъ самой дорогой и съ потолка виситъ цѣлая бахрома острыхъ ледяныхъ сосулекъ—упадутъ—вонзятся въ тѣло. И сколько ихъ на полу... онѣ рѣжутъ ноги, въ кровь царапаютъ ихъ... но останавливаться нельзя: становится все темнѣе, все холоднѣе, все ужаснѣе... Гдѣ взять силы скорѣе добраться до вершины, а то и она уже гаснетъ, гаснетъ, а съ послѣднимъ лучомъ свѣта исчезнетъ и Муся, и тогда смерть, смерть и холодъ... И она не идетъ, а бѣжитъ... падаетъ на колѣни, поднимается, опять падаетъ... ползетъ... еще немного... еще одно усиліе... совсѣмъ ничего не видно... дорожка дѣлаетъ поворотъ и передъ ея глазами вырисовывается входъ въ пещеру: гигантскія ледяныя колонны подпираютъ свѣсившуюся скалу, на нихъ кровавымъ заревомъ играетъ свѣтъ, вырывающійся изъ пещеры. Елена Борисовна бросается туда и, ошеломленная, останавливается у входа. Тамъ полная тишина: сверху, въ разсѣлины виднѣется далекое небо, но небо синее, изукрашенное звѣздами... луна... она-то и обливаетъ мягкимъ голубымъ свѣтомъ стѣны, усѣянныя ледяными иглами, и разсыпаетъ по нимъ фосфорическія искорки... а внизу съ алтаря, высѣченнаго изъ грубаго сѣраго камня, исходитъ красный свѣтъ. Нѣтъ, не исходитъ, а онъ самъ весь свѣтится... а на немъ... не видно, что на немъ... И страшно подойти, и хочется знать, что тамъ, и ноги, какъ-то помимо воли, двигаются по направленію къ нему... Она крѣпко прижимаетъ руки къ груди, чтобы унять біеніе сердца... алтарь все ближе и ближе... дѣлается жарко... онъ пышетъ... онъ раскаленъ... нагибается надъ нимъ и въ ужасѣ отшатывается назадъ; раздается дикій, нечеловѣческій крикъ... хриплый, ужасный... неужели это она закричала? Въ алтарь, сверху вдѣлана трагическая маска древнихъ грековъ... воплощеніе ужаса, страданія, муки и горя... маска раскалена, горитъ. Искривленныя губы какъ бы вопятъ отъ отчаянія... кончики бровей судорожно опущены внизъ... изъ пустыхъ глазныхъ впадинъ, свѣтящихся кровавымъ свѣтомъ, медленно текутъ слезы и сейчасъ же сохнутъ на раскаленныхъ щекахъ... и опять текутъ и опять сохнутъ... такъ безъ конца... Елена Борисовна чувствуетъ, что надо подойти, поклониться ея страданьямъ, прижаться къ ней, и сквозь ея муки посмотрѣть внизъ и тогда... тогда... найдешь Мусю... тогда поймешь смыслъ ея мученической

смерти... тогда все поймешь... Но ей страшно... она дрожитъ... волосы отъ ужаса шевелятся на головѣ... какъ, какъ принять на себя всѣ эти муки, слиться съ ними? Гдѣ взять на это силъ? Она хочетъ уйти, и не можетъ; хочетъ отвернуться,—но маска людского горя тянетъ къ себѣ, тянетъ... тянетъ... и обезумѣвъ отъ ужаса, съ распростертыми руками, точно стремясь къ самому близкому и родному, Елена Борисовна грудью бросается на раскаленную поверхность алтаря, и жадно, стремительно втискиваетъ въ искаженныя отчаяніемъ каменныя черты свое лицо... прижимается къ нимъ, сливается, и въ то же мгновеніе сразу постигаетъ, видитъ, воспринимаетъ въ себя всѣ людскія муки, горе, отчаяніе, одиночество... видитъ, какъ они, точно безумные, все ищутъ и ищутъ, если не помощи, то хоть пониманія, и нигдѣ, ни въ комъ его не находятъ! Всѣ они—одиноки, одни. И ей ясно, что надо жить и страдать съ ними заодно, жить ихъ жизнью, ихъ мученіями, и въ этомъ будетъ смыслъ и оправданіе ея страданій и страданій ея дѣвочки... тогда она будетъ нужна, тогда не будетъ лишняя. И вдругъ Елену Борисовну охватилъ необыкновенно глубокій покой и умиротвореніе: она больше не боялась. «Дѣвочка моя,—шептала она,—чтобы дойти до этого, надо было мнѣ потерять тебя». И она выпрямилась, протянула впередъ руки и громко, радостно крикнула: «Дитя мое, дитя! ты при жизни дала мнѣ наивысшее счастье, какое возможно на землѣ, и своей смертью даришь жизнь, вновь дѣлаешь человѣкомъ... Дитя мое!» Въ эту минуту все кругомъ озаряется мягкимъ ласковымъ свѣтомъ.—Елена Борисовна открываетъ глаза, жмурится, но не можетъ понять, гдѣ она и что съ нею.

— Барыня, пора одѣваться, восемь часовъ,—говоритъ дѣвушка, зажигая въ углу торшеръ подъ розовымъ абажуромъ.

Елена Борисовна отвѣчаетъ не сразу. Потомъ съ трудомъ произноситъ:

— Хорошо, я приду, ступайте.

Оставшись одна, она садится на кушетку, закрываетъ лицо руками и нѣкоторое время остается неподвижной; потомъ подходитъ къ стоящему въ противоположномъ углу мольберту, на которомъ, въ рѣзной рамѣ, стоитъ портретъ ея Муси, и долго-долго не спускаетъ съ него глазъ; чистые глазки дѣвочки, какъ живые, смотрятъ на мать: въ нихъ и любовь... и умъ... и предчувствіе страданій...

— Ласточка моя,—шепчетъ она, и слезы тихо катятся по щекамъ.—Дорогая! да, ты бы сдѣлала такъ: ты бы любила ихъ, можетъ быть, погибла бы, изошла любовью, но любила и страдала бы за нихъ и съ ними. Ты и отъ меня того же хочешь. И я попробую, постараюсь...

Л. Горбунова.

Зима.

Отъ долгихъ слезъ о смерти лѣта
Поблекли осени черты;
Безъ ласки солнечнаго свѣта
Опали листья и цвѣты.

И смолкли вдругъ во мглѣ холодной
Напѣвы стынущей волны:
Пришла зима къ землѣ безплодной
Съ безстрастьемъ мертвой тишины.

А небо тихо сквозь туманы
Снѣжинки сѣетъ съ высоты—
На помертвѣлыя поляны,
На облетѣвшіе цвѣты.

Зимняя пѣсня.

Даль затмилъ мертвящій холодъ.
Тихо, тихо... Только ты,
Сердце, въ грудь стучишь, какъ молотъ,
И куешь мои мечты.

И горю я въ дни невзгоды
Жаждой огненной въ тиши—
Сплавить въ колоколъ свободы
Всѣ сокровища души!

Е. Чернобаевъ.

Основная идея художественныхъ произведеній А. П. Чехова.

Отъ чего зависитъ счастье людей? Самая идея человѣческаго счастья на землѣ составляетъ ли нѣчто призрачное, или ей отвѣчаетъ что-нибудь реальное въ жизни, доступное нашему ощущенію? При какихъ условіяхъ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, ощущеніе жизни сообщаетъ человѣку довольство, нравственное удовлетвореніе и душевный покой, или счастье? Почему люди такъ мучатся? Чего имъ нехватаетъ?

Вотъ рядъ вопросовъ, которые среди многихъ другихъ сами собой возникаютъ въ мысли читателя при чтеніи произведеній Чехова. Авторъ самъ нигдѣ этихъ вопросовъ не рѣшаетъ: онъ даетъ только матеріалъ, предоставляя читателю утилизировать этотъ матеріалъ сообразно тому основному впечатлѣнію, которое выноситъ читатель изъ знакомства съ литературными произведеніями Чехова. Изображая передъ нами русскую жизнь въ ея реальной обстановкѣ, въ отдѣльныхъ картинахъ, сценахъ и происшествіяхъ, Чеховъ ведетъ за собой читателя изъ крестьянской избы въ мѣщанскую среду маленькаго уѣзднаго городка, а отсюда въ интеллигентную среду нашихъ большихъ городовъ и столицъ; на своемъ пути съ читателемъ Чеховъ не пренебрегаетъ никакимъ, даже мелкимъ, жизненнымъ явленіемъ, въ которомъ для него отражается человѣкъ съ наиболѣе характерной стороны своей личности: крестьянинъ, мѣщанинъ, духовенство, мелкій полуинтеллигентный чиновникъ, купецъ, помѣщикъ, врачъ, представитель суда, профессоръ, крупный административный чинъ—проходятъ вереницею передъ читателемъ. Частная семейная жизнь, общественная дѣятельность, личные интересы въ ихъ отношеніяхъ къ общественному дѣлу, острые вопросы воспитанія, обученія, супружеской жизни; словомъ, вся та сфера, въ которой обнаруживается, по наблюденіямъ Чехова, моральный складъ современнаго намъ русскаго человѣка, получила подъ перомъ Чехова художественное, реальное изображеніе, какъ матеріалъ для изученія русской жизни, для подведенія итоговъ нашей дѣятельности, для заключенія о нравственной физіономіи нашего общества за послѣднія 20 лѣтъ XIX вѣка.

Само собой понятно, что Чеховъ, при такомъ громадномъ количествѣ отдѣльныхъ наблюденій надъ русской жизнью, прежде всего пораженъ насъ этой необъятной широтой своего авторскаго кругозора, этой подавляющей читателя массой своего жизненнаго опыта и этимъ разнообразіемъ своихъ душевныхъ влеченій, въ силу которыхъ онъ представляется намъ самымъ широкимъ и самымъ отзывчивымъ изъ современныхъ художниковъ русской жизни во всемъ ея объемѣ. Невольно чувствуешь себя подавленнымъ отъ изобилія и богатства матеріала, который оставилъ намъ Чеховъ. Это человѣкъ жизни съ ясно выраженной любовью къ человѣчеству, это гуманистъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Въ сравнительно небольшой періодъ времени дать русскому обществу такое громадное количество своихъ наблюденій можно было только при условіи постояннаго вращенія среди людей и непрерывной работы мысли и художественнаго таланта.

Еще одну черту или особенность таланта Чехова необходимо отмѣтить,—это необыкновенно чуткое и деликатное отношеніе къ изучаемому и наблюдаемому человѣку. Можетъ быть, мы не ошибемся, если укажемъ, что эта особенность въ Чеховѣ, какъ въ наблюдателѣ и художникѣ, представляетъ собой положительный и весьма симпатичный слѣдъ полученнаго имъ медицинскаго образованія, которое, къ слову сказать, не вызвало въ немъ въ общемъ охоты быть лѣкаремъ, терапевтомъ и своей практической медицинской дѣятельностью врачевать недуги человѣчества. Ему, вѣроятно, не чужды были и самому тѣ разсужденія, которыя онъ влагаетъ въ уста своимъ героямъ-врачамъ, которые признаютъ, что тамъ ничего не подѣлаешь пилюлями и каплями, гдѣ болитъ душа человѣка отъ общихъ условій жизни. И дѣйствительно, Чеховъ ограничивается діагнозомъ состоянія наблюдаемаго субъекта: онъ воздерживается отъ совѣтовъ, рецептовъ и морали тамъ, гдѣ зло болѣзни охватило собой, какъ соціальное явленіе, какъ эпидемическое страданіе, все русское общество, страдающее «безсиліемъ души», «равнодушіемъ», которое есть «параличъ души», по выраженію стараго профессора въ «Скучной исторіи», общей гнетущей тоской и муками отъ сознанія въ непригодности своей къ живой, дѣятельной и исполненной душевной энергіи, идейной жизни. Всѣ герои чеховской беллетристики, несомнѣнно, люди недовольные, страдающіе отъ утомленія пошлой жизнью, въ которой они принимаютъ участіе лишь по произволу слѣпого случая, безъ особенной охоты, безъ пониманія цѣли, смысла и пользы своего существованія. Нѣтъ ни одного героя у Чехова, который прожилъ бы всю свою жизнь и не задался бы въ концѣ-концовъ вопросомъ: «къ чему я жилъ?» «Какая общая идея связывала всѣ поступки въ моей жизни?» и не созналъ бы своего душевнаго безсилія, своей разрозненности съ людьми, своей безпомощности и духовнаго одиночества, какъ признается старый профессоръ, знаменитый ученый въ «Скучной исторіи», въ своемъ разговорѣ съ Катей, говоря ей: «Я получилъ больше, чѣмъ смѣлъ мечтать. Тридцать лѣтъ я былъ любимымъ профессоромъ,

имѣлъ превосходныхъ товарищей, пользовался почетной извѣстностью. Я любилъ, женился по страстной любви, имѣлъ дѣтей. Однимъ словомъ, если оглянуться назадъ, то вся моя жизнь представляется мнѣ красивой, талантливо сдѣланной композиціей. Теперь мнѣ остается только не испортить финала. Для этого нужно умереть по-человѣчески. Если смерть въ самомъ дѣлѣ опасность, то нужно встрѣтить ее такъ, какъ подобаетъ это учителю, ученому и гражданину христіанскаго государства: бодро и со спокойной душой. Но я порчу финалъ. Я утопаю, бѣгу къ тебѣ, прошу помощи, а ты мнѣ: утопайте, это такъ и нужно». А самъ съ собой профессоръ разсуждаетъ такъ: «То-есть все гадко, не для чего жить, а тѣ 62 года, которые уже прожиты, слѣдуетъ считать пропащими. Я ловлю себя на этихъ мысляхъ и стараюсь убѣдить себя, что онѣ случайны, временны, и сидятъ во мнѣ не глубоко, но тотчасъ же я думаю: если такъ, то зачѣмъ же каждый вечеръ тебя тянетъ къ тѣмъ двумъ жабамъ? И я даю себѣ клятву больше никогда не ходить къ Катѣ, хотя и знаю, что завтра же опять пойду къ ней. Дергая у своей двери за звонокъ и потомъ идя вверхъ по лѣстницѣ, я чувствую, что у меня уже нѣтъ семьи и нѣтъ желанія вернуть ее... Съ больною совѣстью, унылый, лѣнивый, едва двигая членами, точно во мнѣ прибавилось тысяча пудовъ вѣсу, я ложусь въ постель и скоро засыпаю»... «Говорятъ, что философы и истинные мудрецы равнодушны», продолжаетъ профессоръ.—«Неправда, равнодушіе— это параличъ души, преждевременная смерть». «Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинкахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется *общей идеей* или *богомъ живого человѣка*. А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего!»

Относясь такъ къ себѣ, профессоръ тѣмъ не менѣе говоритъ Катѣ, у которой онъ состоитъ опекуномъ послѣ смерти своего товарища-окулиста: «Тонъ и манера у тебя таковы, какъ будто ты жертва. Это мнѣ не нравится, другъ мой. Сама ты виновата. Вспомни, ты начала съ того, что разсердилась на людей и на порядки, но ничего не сдѣлала, чтобы тѣ и другіе стали лучше. Ты не боролась со зломъ, а утомилась, и ты жертва не борьбы, а своего безсилія. Ну, конечно, тогда ты была молода, неопытна, теперь же все можетъ пойти иначе. Право, поступай въ актрисы, если есть призваніе! Будешь ты трудиться, служить святому искусству...» И странная роковая судьба постигаетъ людей, обезсиленныхъ жизнью безъ идеи, жизнью безъ сочувствія, безъ участливаго отношенія къ нравственной нуждѣ, къ душевной боли! Когда Катя, эта несомнѣнно идейная и энергичная вначалѣ дѣвушка, пережила рядъ разочарованій въ своихъ лучшихъ надеждахъ и, утомившись пошлостью жизни, пріѣхала въ Харьковъ вслѣдъ за профессоромъ, котораго послала жена навести справки о личности жениха ихъ дочери, а женихъ тѣмъ временемъ тайно обвѣнчался съ ихъ дочерью Лизой, и профессоръ только уличилъ себя въ

это время въ *равнодушіи*, то читатель опять почувствовалъ, что теперь для Кати такъ же необходимо дѣятельное участіе человѣка, какъ раньше необходимо было это участіе профессору, который чувствовалъ, что тонетъ и портитъ финалъ своей жизни. Катя застала въ номерѣ профессора и говоритъ ему, блѣднѣя и сжимая на груди руки: «Николай Степанычъ! я не могу дольше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога, скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Клянусь вамъ, что я не могу дольше такъ жить! Силъ моихъ нѣтъ! Помогите мнѣ!.. Хоть одно слово!» Профессоръ на это отвѣчаетъ: «Ничего я не могу». «Давай, Катя, завтракать! Будетъ плакать!» А самъ про себя думаетъ: «Отсутствіе того, что товарищи-философы называютъ *общей идеей, я замѣтилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью, на закатѣ своихъ дней, а вѣдь души этой бѣдняжки не знала и не будетъ знать пріюта всю жизнь, всю жизнь!*» Когда Катя молча вышла изъ номера съ тѣмъ, чтобы уѣхать и изъ Харькова, профессоръ тоже молча проводилъ ее до двери, молча глядѣлъ ей вслѣдъ, пока ея черное платье не мелькнуло въ послѣдній разъ въ длинномъ коридорѣ, и затѣмъ сказалъ въ своихъ мысляхъ: «Прощай, мое сокровище!» Какъ разъ такая же судьба постигла и доктора, пріѣхавшаго на мѣсто главнымъ врачомъ въ больницу, въ медвѣжій уголъ Россіи, отстоящій за 200 верстъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи: пріѣхалъ, не нашелъ въ этомъ городѣ ни одного живого духомъ человѣка, кромѣ маньяка въ палатѣ № 6, примирился съ положеніемъ нравственно-одинокаго субъекта, которому «и скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды», сознался здѣсь безцѣльность своей жизни, потому что не внесъ, по душевному безсилію, въ эту пошлую, грубую и безцвѣтную жизнь ничего новаго и своего, и сталъ меланхоликомъ, запивая свое духовное одиночество пивомъ и водкой. Ни книги, ни бесѣды съ почтмейстеромъ, ни благія желанія не могли наполнить его души духомъ жизни, не могли заставить его измѣнить порядки въ больницѣ, которую онъ признавалъ *вредной* въ ея современномъ видѣ. Все пошло попрежнему, и одинъ только больничный сторожъ «наводилъ порядки» своими грубыми *кулаками*, которыхъ онъ не жалѣлъ для сумасшедшихъ больныхъ. Между тѣмъ какъ врачъ Андрей Ефимычъ зналъ, что гдѣ-то тамъ есть чистый, нравственный и отвѣчающій современнымъ требованіямъ науки режимъ для душевнобольныхъ, для которыхъ устраиваютъ и развлеченія, и «пріютъ души». Такъ дѣло шло въ больницѣ Андрея Ефимыча, который спасался отъ тоски только въ той же палатѣ № 6 въ разговорѣ съ маньякомъ, Иваномъ Дмитріевичемъ, единственно интереснымъ и умнымъ человѣкомъ во всемъ медвѣжьемъ углу. А когда окружающіе пошлые люди, въ томъ числѣ и новый врачъ Хоботовъ, признали въ немъ ненормальнаго человѣка, который ходитъ въ «сумасшедшую палату» отводить душу въ разговорѣ съ умнымъ сумасшедшимъ человѣкомъ, то порѣшили удалить его со службы обманнымъ образомъ: почтмейстеръ увезъ его «провѣтриться» и въ Варшавѣ взялъ у него

взаймы 500 рублей для уплаты карточнаго долга, деньги, которыя врачъ накопилъ себѣ за много лѣтъ службы; а новый врачъ Хоботовъ постарался въ его отсутствіе занять его мѣсто въ больницѣ, да еще, подъ предлогомъ приглашенія его на консиліумъ, завелъ его въ ту же палату № 6, гдѣ велѣлъ его запереть и гдѣ пришлось ему испытать на себѣ тѣ же кулаки сторожа Никиты за первый же протестъ съ его стороны. Здѣсь, въ палатѣ № 6, по иронiи судьбы, пришлось Андрею Ефимычу найти «*пріютъ для своей души*» въ обществѣ того же маньяка, съ которымъ онъ любилъ бесѣдовать и раньше... А между тѣмъ, со словъ же Андрея Ефимыча, мы знаемъ, какъ онъ опредѣляетъ свою болѣзнь, когда его хотятъ увѣрить, что онъ боленъ. «Болѣзнь моя,—говоритъ докторъ,—только въ томъ, что за 20 лѣтъ я нашелъ во всемъ городѣ одного только умнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій. Болѣзни нѣтъ никакой, а просто я попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода». Въ другомъ мѣстѣ тому же добродѣтельному почтмейстеру говоритъ онъ: «Мой отецъ далъ мнѣ прекрасное образованіе, но подъ *вліяніемъ идей 60-хъ годовъ* заставилъ меня сдѣлаться врачомъ... Жизнь есть досадная *ловушка*. Когда мыслящій человѣкъ достигаетъ возмужалости и приходитъ въ зрѣлое сознаніе, то онъ невольно чувствуетъ себя какъ бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода». Въ разговорѣ съ маньякомъ Андрей Ефимычъ на восклицаніе маньяка: «Если въ лѣкаря противно, шли бы въ министры!» отвѣчаетъ: «никуда, никуда нельзя. Слабы мы, дорогой!.. Былъ я *равнодушенъ*, бодро и здраво разсуждалъ, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мнѣ, какъ я палъ духомъ... прострація... Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, съ молокомъ матери всосали благіе порывы, но едва вступили въ жизнь, какъ утомились и заболѣли... Слабы, слабы!» Такимъ образомъ, оба, и Иванъ Дмитричъ, и Андрей Ефимычъ, попали подъ конецъ въ одну и ту же палату № 6, хотя жили и различно, какъ видно изъ словъ Ивана Дмитрича, который говоритъ: «Съ дѣйствительностью вы совершенно незнакомы и *никогда вы не страдали*, а только, какъ пьявица, *кормились около чужихъ страданій*, *я же страдалъ* непрерывно со дня рожденія до сегодня. Поэтому говорю откровенно: я считаю себя выше васъ и компетентнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Не вамъ учить меня». Да, это глубоко вѣрно подмѣтилъ Чеховъ: человѣкъ господствуетъ надъ жизнью, пока онъ не возмужалъ, пока онъ увлеченъ идеей, пока онъ—маньякъ (см. «Черный монахъ»); съ наступленіемъ слабости духа отъ знакомства съ дѣйствительностью человѣкъ попадаетъ въ ловушку: для слабыхъ духомъ людей жизнь есть ловушка: попадаютъ они въ эту жизнь уже съ предрасположеніемъ къ *равнодушію*, т.-е. къ «параличу души», ищутъ въ этой жизни себѣ мѣста, не зная, для чего они призваны «изъ небытія въ жизнь» и стараются подыскать «оправданія для своей жизни», какъ объ этомъ старалась Natalie у Чехова въ разсказѣ «Жена», какъ старалась объ этомъ «княгиня» въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, которая хочетъ увѣрить

себя въ томъ, что она *счастлива,* занимаясь отъ нечего дѣлать благотворительностью и богомоліемъ, не чувствуя ни капли *любви* и *милосердія* къ людямъ, какъ доказалъ это ей врачъ, который однако самъ же испугался своихъ правдивыхъ словъ. Слабость духа передается и молодому поколѣнію, а потому въ такую же «жизненную ловушку» попадаютъ и *молодые* люди 80-хъ годовъ: студентъ-статистикъ, погостивши нѣсколько недѣль въ губернскомъ городѣ въ семьѣ у предсѣдателя земской управы, познакомился здѣсь съ прелестной, энергичной и умной Вѣрочкой, дочерью предсѣдателя. Она была полна надеждъ, желаній и энергіи, полюбила статистика и, признаваясь ему въ любви, но видя въ немъ то же *равнодушіе, холодность* и какое-то молчаливое колебаніе, восклицаетъ: «Я не могу здѣсь оставаться! Мнѣ опостылили и домъ, и этотъ лѣсъ, и воздухъ. Я не выношу постояннаго покоя и *безцѣльной жизни*, не выношу нашихъ *безцвѣтныхъ и блѣдныхъ людей, которые всѣ похожи одинъ на другого,* какъ капли воды. Всѣ они сердечны и добродушны, потому что сыты, *не страдаютъ, не борются*... А я хочу именно въ большіе сырые дома, *гдѣ страдаютъ ожесточенные трудомъ и нуждой*... И это казалось Огневу *приторнымъ и не серьезнымъ*... У него болѣла совѣсть, а когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему... Ему хотѣлось найти причину своей странной холодности. Что она лежала *не внѣ, а въ немъ самомъ*, для него было ясно. Искренно сознался онъ предъ собой, что это не разсудочная холодность, которою такъ часто хвастаютъ умные люди, не холодность себялюбиваго глупца, а просто *безсиліе души*, неспособность воспринимать глубоко красоту, *ранняя старость, пріобрѣтенная путемъ воспитанія*, безпорядочной борьбы изъ-за куска хлѣба, номерной безсемейной жизни» («Вѣрочка»). «Нѣтъ такой стѣны,—разсуждаетъ г-жа NN—(«Разсказъ г-жи NN»), которой нельзя было бы пробить, но *герои современнаго романа*, насколько я ихъ знаю, слишкомъ *робки, вялы, лѣнивы* и *мнительны*, и слишкомъ скоро мирятся съ мыслью о томъ, что они неудачники, что личная жизнь обманула ихъ; вмѣсто того *чтобы бороться*, они лишь критикуютъ, называя свѣтъ *пошлымъ* и забывая, что сама ихъ критика мало-по-малу переходитъ въ пошлость».

Мы видѣли въ цѣломъ рядѣ разсказовъ Чехова отношеніе людей къ человѣческимъ страданіямъ, степень отзывчивости героевъ Чехова къ душевной боли ближняго. Что же это за поголовное «безсиліе духа»? Что это за эпидемическая «слабость» и ужасающее «равнодушіе»? Что это за «паралитики, преждевременно умирающіе», ищущіе спасенія отъ «жизненной ловушки», отъ «тоски», «гнета», «безцѣльнаго существованія»? Вѣдь если это явленіе массовое, явленіе общественное, у героевъ всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ времени Чехова, то оно требуетъ къ себѣ особаго вниманія! Вѣдь это наши современники и наши дѣти, которымъ предстоитъ складывать русскую жизнь, вырабатывать общественный типъ! Начитавшись Чехова, вѣдь, невольно задашься вопросомъ: что же будетъ

дальше, если и мы будемъ *равнодушны* къ указываемому намъ общественному явленію! Вѣдь если временно можно отвлекать наше вниманіе въ стороны отъ общественныхъ недуговъ, то это только временно: отвлеченная мысль, наука и отвлеченная мораль сами по себѣ потеряютъ для насъ свою прелесть, когда жизнь покажетъ себя и сама заставитъ обратить на нее наше вниманіе. Или намъ всѣмъ предстоитъ своего рода сумасшествіе и палата № 6, гдѣ мы найдемъ для себя счастье, пріютъ души, п. ч. будемъ жить галлюцинаціями, какъ жилъ магистръ Ковринъ въ разсказѣ «Черный монахъ», или намъ надо сдѣлаться хозяевами нашей жизни и перестроить ее, чтобы она не заставила насъ всѣхъ пережить «параличъ души» и помириться съ преждевременной смертью. Но если мы не хотимъ преждевременной смерти, то чѣмъ же намъ жить? Гдѣ любимое наше дѣло, которое влекло бы насъ къ жизни? Жизнь не ждетъ, страданія становятся хроническими, и это показалъ намъ Чеховъ!

Мы думаемъ что послѣ этого предварительнаго и бѣглаго обзора чеховскихъ мотивовъ поставленные нами въ началѣ нашей бесѣды вопросы получаютъ нѣкоторое оправданіе, хотя эти вопросы и слишкомъ отвлеченнаго характера; матеріалы для отвѣта на эти вопросы найдутся у того же Чехова, и это мы увидимъ ниже. Замѣтимъ пока только, что всѣ разсмотрѣнные герои Чехова томятся въ жизни, но въ то же время ничего не дѣлаютъ: они и въ этомъ слыслѣ *парализованы*. И это понятно! Душевная энергія и практическая дѣятельность можетъ быть развита только у человѣка, привязаннаго къ жизни, любящаго жизнь. Если жизнь не привлекаетъ, если нѣтъ жажды жизни, если ея не любишь, если къ ней равнодушенъ, то нѣтъ охоты и къ дѣятельности: трудишься по нуждѣ, не вкладывая своей души въ свое дѣло, не оказывая участія и помощи другому, т. к. ни къ кому и ни къ чему у тебя и интереса нѣтъ... Ты ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ душою не связанъ, ни въ какомъ дѣлѣ ты не видишь плодовъ своей работы, т. к. самое дѣло остается для каждаго *чужимъ*, если нѣтъ полной свободы обнаружить въ немъ свое *я*. Вѣдь не сразу же создалось такое общественное равнодушіе къ дѣлу, къ судьбѣ ближняго, къ окружающей дѣйствительности... Вѣдь, сами герои Чехова, какъ мы видѣли, возводятъ свое «безсиліе души» къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ ихъ соприкосновенію съ жизнью... И мы находимъ у Чехова матеріалъ и для того, чтобы подойти къ рѣшенію вопроса: чего же людямъ нехватаетъ.

Посмотрите, какъ относится мужикъ-лѣсникъ къ чужому горю: въ лѣсу ночью кричатъ: «караулъ»! Охотникъ, бывшій у лѣсника, зоветъ его съ собой на помощь, а лѣсникъ отвѣчаетъ: «Нешто я дуракъ, что пойду на свою погибель»?! И ложится спать, проводивъ охотника и зазакрывъ всѣ окна, чтобы сверкающая молнія не освѣщала его черныхъ думъ и совѣсти... («Безпок. гость».) А когда у извозчика Іоны «на этой недѣлѣ» умеръ единственный сынъ, и онъ отъ тоски глядитъ на все безучастно, то не нашлось ни одной души во всемъ Петербургѣ, которая

пожелала бы выслушать горе извозчика: пришлось повѣдать свое горе своей же лошадкѣ: «Утихшая ненадолго *тоска* появляется вновь и распираетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Іоны тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: *не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хотъ одинъ, который выслушалъ бы его?* Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границъ. Лопни грудь Іоны, и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ»... («Тоска»). Да это выходитъ:—«какъ аукнется, такъ и откликнется»! Если въ людяхъ не развито состраданіе и дѣятельная любовь къ ближнему, то ея негдѣ больше искать: никто не поможетъ, п. ч. данное общество въ данное время—продуктъ однихъ и тѣхъ же жизненныхъ условій. Страданія учатъ человѣка, дѣлаютъ его опытнѣе, но часто и озлобляютъ страдальца: если онъ тщетно ищетъ «пріюта души», какъ искалъ его старый профессоръ, ученое имя котораго жило *отдѣльно* отъ его существа, а самъ онъ оставался *одинокимъ* даже среди своей семьи, то онъ дѣлается *равнодушнымъ* и къ нуждамъ другихъ, дѣлается равнодушнымъ и безразличнымъ и къ жизни, и къ природѣ, и къ красотѣ: мы помнимъ, какъ холодно отнесся статистикъ-молодой человѣкъ къ Вѣрочкѣ въ то время, когда она, «объясняясь въ любви, была *плѣнительно хороша*». Такъ же странно относится къ женской красотѣ и гимназистъ V или VI класса, ставшій впослѣдствіи студентомъ и не пережившій и въ это время захватывающихъ все его существо восторговъ. Онъ говоритъ: «Ощущалъ я красоту какъ-то странно. Не желанія, не восторгъ и не наслажденія возбуждала во мнѣ Маша, а тяжелую, хотя и пріятную, грусть. Эта грусть была неопредѣленная, смутная, какъ сонъ... Была ли это у меня зависть къ ея красотѣ, или я жалѣлъ, что эта дѣвушка не моя и никогда не будетъ моею, и что я для нея чужой, или смутно чувствовалъ я, что ея *рѣдкая красота случайна, не нужна, и, какъ все на землѣ, недолговѣчна,* или, быть можетъ, моя грусть была тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое возбуждается въ человѣкѣ созерцаніемъ настоящей красоты, Богъ знаетъ!» И замѣтьте, что это при первой и единственной встрѣчѣ съ Машей на станціи проѣздомъ! Гдѣ же у этихъ людей непосредственное ощущеніе красоты, изящнаго и прекраснаго? И такое безразличное или, скорѣе, тяжелое чувство при столкновеніи съ красотой міра, съ красотой жизни переживаютъ у Чехова и люди молодые, и люди пожилые! Нѣтъ вкуса къ жизни, нѣтъ способности найти въ ней прекрасное, нѣтъ способности непосредственнаго ощущенія захватывающаго васъ чувства безкорыстнаго, эстетическаго наслажденія; нѣтъ нормальной, естественной реакціи души человѣка на окружающую васъ жизнь, въ которой рядомъ съ пошлостью человѣку свойственно различать и высокое, и прекрасное, и свѣтлое. Ни природа, ни люди не оказываютъ у Чехова на героевъ его никакого вліянія своей лучшей стороной: всюду

видится сѣрое, хмурое небо, и вся дѣйствительность окутана дымкой однообразнаго, скучнаго, наводящаго тоску и уныніе, осенняго туманнаго и дождливаго дня... А между тѣмъ красота и природы и человѣческой души существуетъ; и это Чеховъ видитъ, чувствуетъ и сообщаетъ свое чувство и своимъ читателямъ. Посмотрите степь Чехова, которая передъ вами живетъ, дышитъ, думаетъ и тоскуетъ не хуже, чѣмъ у Гоголя: «О необъятной глубинѣ и безграничности неба можно судить только на морѣ, да *въ степи ночью, когда свѣтитъ луна*. Оно страшно, красиво и ласково, глядитъ томно и манитъ къ себѣ, а отъ ласки его кружится голова. Ѣдешь часъ-другой... Попадается на пути молчаливый старикъ-курганъ, или каменная баба, поставленная Богъ вѣдаетъ кѣмъ и когда, безшумно пролетитъ надъ землею ночная птица, и мало-по-малу на память приходятъ степныя легенды, разсказы встрѣчныхъ, сказки няньки-степнячки и все то, что самъ сумѣлъ увидѣть и постичь душою. И тогда въ трескотнѣ насѣкомыхъ, въ подозрительныхъ фигурахъ и курганахъ, въ голубомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что̀ видишь и слышишь, *начинаютъ чудиться торжество красоты, молодость, расцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни,* душа даетъ откликъ прекрасной суровой родинѣ, и хочется летѣть надъ степью вмѣстѣ съ ночной птицей. *И въ торжествѣ красоты, въ изліяніи счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока,* что богатство ея и вдохновеніе гибнутъ даромъ для міра, *никѣмъ не воспѣтыя и никому не нужныя,* и сквозь радостный гулъ слышишь ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!» («Степь»). Это, господа, призывъ жизни къ чувствамъ, къ дѣятельной мысли, къ энергіи воли людей! Если ты способенъ еще откликаться на такіе призывы, если ты способенъ еще находить красоту природы, прелесть жизни, то еще не все потеряно! Но въ томъ-то и дѣло, что если герой Чехова испытываетъ хоть на моментъ «жажду жизни», испытываетъ «счастье», если, наконецъ, онъ вообще жизнеспособенъ въ высшемъ значеніи этого слова, то онъ непремѣнно или «въ ссылкѣ», или заброшенъ въ степь, гдѣ всѣ его чувства и мысли тонутъ въ немъ самомъ, или поставленъ въ такую обстановку, гдѣ только въ моменты своего просвѣтлѣнія чувствуетъ жизнь и сознаетъ свое существованіе; въ прочіе же моменты онъ далекъ отъ настоящей жизни, которую замѣняетъ ему его воображеніе. Такимъ счастливцемъ въ степи рисуется намъ Константинъ, влюбленный въ свою молодую жену, которая уѣхала къ матери и заставила тосковать мужа. «Всѣ теперь отлично понимали, что это былъ влюбленный и счастливый человѣкъ, счастливый человѣкъ, счастливый до тоски; его улыбка, глаза и каждое движеніе выражали томительное счастье... При видѣ счастливаго человѣка всѣмъ стало скучно и *захотѣлось тоже счастья*»... («Степь»). Жизнеспособнымъ человѣкомъ съ опредѣленными желаніями рисуется намъ у Чехова также ссыльный татаринъ, котораго еще не укротили неумолимо-строгія условія жизни. Такая же «жажда жизни» постигаетъ въ моменты

просвѣтлѣнія маньяка Ивана Дмитріевича въ «Палатѣ № 6», гдѣ онъ отвѣчаетъ врачу на его попытку доказать, что *Діогенъ и безъ людей былъ счастливъ*, слѣдующимъ монологомъ: «Вашъ Діогенъ былъ болванъ. Что вы мнѣ говорите про Діогена да про какое-то уразумѣніе? Я люблю жизнь, люблю страстно! У меня манія преслѣдованія, постоянный мучительный страхъ, но бываютъ минуты, когда меня охватываетъ жажда жизни, и тогда я боюсь сойти съ ума! Ужасно хочу жить, ужасно!»

Итакъ, красота природы существуетъ, но не всегда человѣкъ воспріимчивъ къ ощущенію этой красоты. Красота души человѣческой—тоже не призрачная: она обнаруживается передъ читателемъ Чеховскихъ разсказовъ въ тѣ моменты, когда душа мучится сознаніемъ дурного поступка, даромъ прожитой жизни или ощущеніемъ окружающаго зла. Посмотрите, какъ мучится Лаевскій своими неискренними поступками по отношенію къ Надеждѣ Ѳеодоровнѣ, которую онъ увезъ отъ мужа и скоро разлюбилъ, хотя и боялся ей сказать правду, въ разсказѣ «Дуэль»!.. Посмотрите, какъ мучится Володя послѣ своего паденія съ замужней женщиной: глаза у него открылись, и онъ застрѣлился («Володя»)!.. Взгляните на страшный припадокъ студента Васильева, который впервые увидѣлъ дома терпимости и ушелъ изъ нихъ съ непреодолимымъ желаніемъ помочь человѣчеству («Припадокъ»)!.. Вспомните художественный, прелестный разсказъ проходимца подъ названіемъ «Шампанское», гдѣ мы видимъ начальника степного полустанка юго-зап. желѣзныхъ дорогъ, молодого человѣка, живущаго вдвоемъ съ молодой женой и не видящаго кругомъ себя на разстояніи 20 верстъ «ни одного человѣческаго жилья, ни одной женщины, ни одного порядочнаго кабака». Встрѣчаютъ они вдвоемъ съ женой Новый годъ: жена на него смотритъ глазами любви, въ женѣ онъ имѣетъ единственнаго спутника своей жизни, но онъ всетаки одинокъ. Когда онъ нечаянно уронилъ бутылку съ шампанскимъ, то жена ему суевѣрно предсказала: «Это значитъ, что въ этомъ году съ нами случится что-нибудь недоброе»! Вышедши изъ дому ночью и идя по полотну ж. дороги, начальникъ полустанка разсуждаетъ такъ: «молодость моя погибла ни за грошъ, какъ ненужный окурокъ. Родители мои умерли, когда я былъ еще ребенкомъ, изъ гимназіи меня выгнали. Родился я въ дворянской семьѣ, но не получилъ ни воспитанія, ни образованія, и знаній у меня не больше, чѣмъ у любого смазчика. *Нѣтъ у меня ни пріюта, ни близкихъ, ни друзей, ни любимаго дѣла.*

Ни на что я не способенъ и въ расцвѣтѣ силъ сгодился только на то, чтобы мною заткнули мѣсто начальника полустанка. Кромѣ неудачъ и бѣдъ, ничего другого не зналъ я въ жизни. Что же еще недоброе можетъ случиться?.. Потеря жены? И это не страшно. Отъ своей совѣсти нельзя прятаться: не люблю я жены... Я терплю ее, но не люблю. Что же можетъ случиться?... Все гибнетъ, какъ соръ, и мои богатства здѣсь, въ степи, не стоятъ гроша мѣднаго». Но вотъ промелькнулъ поѣздъ, остановившись на минуту у полустанка, а съ нимъ вмѣстѣ пріѣхала сюда на

три дня бѣжавшая отъ мужа-деспота молодая тетя Наталья Петровна. Началась новая встрѣча Новаго года при другой обстановкѣ: начальникъ полустанка только говоритъ: «Не помню, что было потомъ. Кому угодно знать, какъ начинается любовь, тотъ пусть читаетъ романы. Все полетѣло къ чорту верхнимъ концомъ внизъ. Помнится мнѣ страшный, бѣшеный вихрь, который закружилъ меня, какъ перышко. Кружилъ онъ долго и стеръ съ лица земли и жену, и самую тетю, и мою силу. Изъ степного полустанка, какъ видите, онъ забросилъ меня на эту темную улицу. Теперь скажите, что еще недоброе можетъ со мной случиться?»

Всѣ такіе люди у Чехова, люди безсильные передъ силой соблазна, порока и тоски въ духовномъ одиночествѣ, промучившись мученіями сознанія пропащей жизни, хотятъ однако, послѣ крупнаго несчастья, *жить сызнова*, жить чистой и идейной жизнью, найти въ ней для себя надлежащее мѣсто, всѣ они жаждутъ *обновленія* и страстно желаютъ замѣнить въ своей новой жизни ложь правдой, ошибки—обдуманными и правдивыми поступками, но уже поздно. А почему? Жизнь остается все той же, люди—все тѣ же, а однихъ желаній мало тамъ, гдѣ всѣ люди разрознены, никто не чувствуетъ нравственной связи съ другими, не видитъ въ нихъ участія, дѣятельнаго сожалѣнія, прощенія, и гдѣ продолжаетъ давать себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ *духовное одиночество* вслѣдствіе всеобщаго эгоизма и разрозненности человѣческаго общества. Всѣ герои Чехова страдаютъ потому, что нѣтъ у нихъ «пріюта души», нѣтъ къ нимъ участія и нѣтъ своевременной помощи и сожалѣнія. А между тѣмъ «человѣка приласкать никогда не вредно», «вѣ-время человѣка пожалѣть хорошо бываетъ», по выраженію Луки въ драмѣ Горькаго «На днѣ». Посмотрите, какъ даетъ себя знать это ужасное одиночество и разрозненность людей! Вотъ что говоритъ Чеховъ, представляя себя въ положеніи Егорушки, лежавшаго на спинѣ и глядѣвшаго вверхъ на небо, въ разсказѣ «Степь»: «Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознаніе *одиночества*. Начинаешь чувствовать себя непоправимо *одинокимъ*... приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ каждаго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...» Спившійся о. Анастасій говоритъ дьякону: «Я, братъ, дьяконъ, по себѣ это понимаю. Когда жилъ, какъ люди, и горя мнѣ было мало, а теперь, когда образъ и подобіе потерялъ, только одного и хочу, чтобъ меня добрые люди простили. Да и то разсуди, не праведниковъ прощать надо, а грѣшниковъ. Для чего тебѣ твою старушку прощать, ежели она не грѣшная? Нѣтъ, ты такого прости, на котораго глядѣть жалко... да!..» («Письмо»). А между тѣмъ, если бы люди не были такъ апатичны, если бы была возможность развитія между ними широкой взаимопомощи, если бы они не были такъ забиты условіями жизни и не сдѣлались бы рабами дѣйствительности, которая систематически угнетала въ нихъ свободное проявленіе личности и стремленія къ жизни, къ «большимъ сырымъ домамъ, гдѣ люди ожесточены нуждой и трудомъ»,

сколько случаевъ могло бы представиться у каждаго героя Чеховской литературы для обнаруженія активныхъ силъ души его! Но вѣдь силы душевныя и развиваются и накопляются въ поколѣніяхъ и передаются потомству при правильномъ и свободномъ развитіи общественнаго организма: тамъ, гдѣ рабство человѣка задавило въ немъ всякое проявленіе его личности, тамъ могли развиться только рабскіе инстинкты и боязнь самой жизни, а боязнь жизни влечетъ за собой отстраненіе отъ нея во имя чувства самосохраненія, изъ котораго развивается *эгоизмъ*; начинается господство или *гнета* и *деспотизма* человѣческой натуры тамъ, гдѣ они могутъ проявляться, напр., въ частной, семейной жизни, или подготовляется «безсиліе души» и деревянное «равнодушіе». Боязнь жизни проявляется въ людяхъ самымъ разнообразнымъ способомъ, въ зависимости отъ ихъ рода занятій, службы и дѣятельности; но одно у нихъ остается общимъ—это боязнь, *какъ бы чего-нибудь не вышло*: такого рода боязнь художественно выражена Чеховымъ въ разсказѣ: «Человѣкъ въ футлярѣ»; всѣ такіе люди, какъ и этотъ учитель гимназіи, относятся къ своему дѣлу лишь *формально*, боясь самаго дѣла; *не любятъ его и получаютъ только жалованье*. Въ разсказахъ Чехова: *Сирена*, *Толстый и тонкій*, *Альбомъ*, *Тайна*, *Дневникъ помощника бухгалтера*, *Левъ и солнце*, *Шило въ мѣшкѣ*, *Орденъ*, *Смерть чиновника*, *Винтъ*, *Сонная одурь*, *Много бумаги*, *Справка*, *Восклицательный знакъ*, *Хамелеонъ*, *Клевета*, *Упразднили*, *Perpetuum Mobile*, *Торжество побѣдителя* и др., мы видимъ послѣдствія разъѣдающаго и мертвящаго душу гнета условій жизни. Отъ «Тайнаго совѣтника» до «мелюзги»—всѣ проникнуты бездушнымъ, апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу и заботой о самосохраненіи. Семья, которая должна бы собственно представлять собой сплоченную, организованную, небольшую общественную группу, члены которой проникнуты дѣятельной дружбой другъ къ другу, распалась такъ же, какъ распались болѣе сложныя общественныя группы, входящія въ составъ государства: нигдѣ нѣтъ *общей руководящей* идеи, нѣтъ «цѣли жизни»; все разрознено и пало духомъ отъ перваго грубаго прикосновенія дѣйствительности. Личность могла найти для себя подходящую сферу проявленія въ семьѣ, но и тутъ тѣ же условія воспитанія, образованія и гнетущей дѣйствительности лишь способствуютъ развитію нравственно-искалѣченнаго типа. Въ разсказѣ «Жена» мы слышимъ откровенную бесѣду Natalie съ мужемъ. Она говоритъ: «Вина ваша не въ томъ, что вы старше, а я моложе, или что на свободѣ я могла бы полюбить другого, а въ томъ, *что вы тяжелый человѣкъ, эгоистъ, ненавистникъ*...

«Вы прекрасно образованы и воспитаны, очень честны, справедливы, съ правилами, но все это выходитъ у васъ такъ, что куда бы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное, унизительное. У васъ честный образъ мыслей, и потому вы *ненавидите весь міръ*. Вы ненавидите вѣрующихъ, такъ какъ вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, а въ то же время ненавидите и не-

вѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ; вы ненавидите стариковъ за отсталость и консерватизмъ, а молодыхъ — за вольнодумство. Вамъ дороги интересы народа и Россіи, и потому вы ненавидите народъ, такъ какъ въ каждомъ подозрѣваете вора и грабителя. Вы всѣхъ ненавидите. Вы справедливы и всегда стоите на почвѣ законности, и потому вы постоянно судитесь съ мужиками и сосѣдями...» «Пока я воевала съ вами, я испортила себѣ характеръ, стала рѣзкой, грубой, пугливой, недовѣрчивой... Называйте мое дѣло самообманомъ, бабьей логикой, ошибкой, какъ хотите, но не мѣшайте мнѣ. Это все, что осталось у меня въ жизни...

«Теперь я ухватилась за это (организацію помощи голодающимъ) и ожила, я счастлива. Мнѣ кажется, въ этомъ я нашла способъ, *какъ оправдать свою жизнь*...» «Я не понималъ,—думаетъ мужъ,—чего хочетъ моя совѣсть, и жена, какъ переводчикъ, по-женски, но ясно, истолковывала мнѣ смыслъ моей тревоги... я догадывался, что весь секретъ не въ голодающихъ, а въ томъ, что *я не такой человѣкъ, какъ нужно*...» Другой «тяжелый» и также «безсильный духомъ» человѣкъ, угнетающій другихъ,—Лаевскій говоритъ врачу Самойленку въ отвѣтъ на его добрый совѣтъ: «Спасибо, спасибо... *Ласка и доброе слово выше милостыни. Ты оживилъ меня*». Докторъ въ разговорѣ съ почтмейстеромъ («Палата № 6») говоритъ: «Даже интеллигенція не возвышается надъ пошлостью; уровень ея развитія, увѣряю васъ, нисколько не выше, чѣмъ у низшаго сословія... Правда, у насъ есть книги, но это совсѣмъ не то, что *живая бесѣда и общеніе*. Если позволите сдѣлать не совсѣмъ удачное сравненіе, то книги—это ноты, а бесѣды—пѣніе».

Однако изъ того же разсказа «Палата № 6» мы узнаемъ, *когда* человѣкъ у насъ дождется участія, добраго слова и сожалѣнія, какъ дождался Павелъ Андреевичъ отъ своей жены и Лаевскій отъ доктора Самойленка. Маньякъ Иванъ Дмитріевичъ говоритъ: «Видите вы, напримѣръ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться? Пускай бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно; и бьющій къ тому же оскорбляетъ побоями не того, кого бьетъ, а самого себя. Пьянствовать глупо, неприлично, но пить—умирать и не пить—умирать. Приходитъ баба, зубы болятъ... Ну, что жъ? Боль есть представленіе о боли, и къ тому же безъ болѣзней не проживешь на этомъ свѣтѣ, всѣ помремъ, а потому ступай баба прочь, не мѣшай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человѣкъ проситъ совѣта, что дѣлать, какъ жить (припомните при этомъ просьбу Кати у стараго профессора и просьбу профессора у Кати въ разсказѣ «Скучная исторія»); прежде чѣмъ отвѣтить, другой бы задумался, а тутъ ужъ готовъ отвѣтъ: стремись къ уразумѣнію или къ истинному благу.

А что такое это фантастическое «истинное благо?» Отвѣта нѣтъ, конечно. (Припомните при этомъ дѣйствіе отвлеченной морали на человѣка въ разсказѣ «Безъ заглавія»). Насъ держатъ здѣсь за рѣшеткой, гноятъ, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому что между этой палатой и теплымъ, уютнымъ кабинетомъ нѣтъ никакой разницы. Удобная фило-

софія: и дѣлать нечего, и совѣсть чиста, и мудрецомъ себя чувствуешь... Нѣтъ, сударь, это не философія, не мышленіе, не широта взгляда, а *лѣнь, факирство, сонная одурь*... Да! Страданіе презираете, а небось прищеми вамъ дверью палецъ, такъ заорете во все горло!..»

А послушайте, что говоритъ здѣсь самъ докторъ, когда ему посовѣтовалъ почтмейстеръ лечь въ ту же больницу, которою самъ докторъ и завѣдовалъ. Онъ говоритъ: «Рѣдкій человѣкъ подъ конецъ жизни не испытываетъ того же, что я теперь. Когда вамъ скажутъ, что у васъ что-нибудь вродѣ плохихъ почекъ и увеличеннаго сердца, и вы станете лѣчиться, или скажутъ, что вы сумасшедшій или преступникъ, т.-е., однимъ словомъ, *когда люди вдругъ обратятъ на васъ вниманіе, то знайте, что вы попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго уже не выйдете. Будете стараться выйти и еще больше заблудитесь. Сдавайтесь, потому что никакія человѣческія усилія уже не спасутъ васъ. Такъ мнѣ кажется*».

Вотъ каково у насъ участіе, и когда оно проявляется! А вѣдь это не значитъ, что мы и всегда были такими: мы видѣли, что въ каждомъ Чеховскомъ героѣ вспыхиваетъ изрѣдка огонекъ идейной жизни, какъ признакъ тлѣющихъ внутреннихъ силъ. Мы видѣли на герояхъ Чехова, что русское общество въ цѣломъ его составѣ не можетъ считаться бѣднымъ по внутреннему содержанію, но только оно забито, задавлено, и огонекъ его идейной жизни все болѣе потухаетъ подъ накопляющейся массой толстаго слоя золы. Разройте эту золу, дайте доступъ воздуху и побольше тяги, и нашъ огонекъ загорится яркимъ пламенемъ, если не въ насъ, то въ дѣтяхъ нашихъ...

Вотъ къ этому-то огоньку взываетъ Чеховъ въ своей художественной дѣятельности, какъ взывала степь къ пѣвцу. Но во времена Чехова, къ несчастью, у всѣхъ героевъ голова посыпана пепломъ и густой толщей золы. Одинъ богатый фабрикантъ, спившійся съ круга, кутитъ съ своимъ повѣреннымъ адвокатомъ въ ресторанѣ и мотаетъ деньги. Когда онъ совсѣмъ опьянѣлъ и выбросилъ по счету за свой дебошъ и за развлеченіе съ цыганами 925 р. 40 коп., то поѣхалъ съ адвокатомъ домой и на прощанье сказалъ ему: «Прощай... тяжелый, скверный я человѣкъ. Нехорошая, пьяная, безстыдная жизнь. *Ты образованный, умный человѣкъ, а только усмѣхаешься и пьешь со мной, ни...какой помощи отъ всѣхъ васъ*... А ты бы, если ты мнѣ другъ, если ты честный человѣкъ, по-настоящему долженъ былъ бы сказать: Эхъ, подлый, скверный ты человѣкъ! Гадина ты!» («Пьяные»). Развѣ это не голосъ, не свѣтъ притаившагося подъ пепломъ огонька? Развѣ это не сознаніе того, что нужно и чего намъ нехватаетъ? Развѣ это, спрашиваю я, не призывъ къ дѣятельной любви къ ближнему у Чехова? Съ другой стороны, развѣ это поголовное равнодушіе, апатичное отношеніе къ нуждамъ ближняго у героевъ Чехова не есть выраженіе девиза Чеховскихъ героевъ: «моя хата съ краю—я ничего не знаю»? Развѣ это не выраженіе того же эгоизма

и не *культъ чувства самосохраненія?* Лишь бы самому было покойно, хорошо, а отъ дѣла—подальше! Развѣ, наконецъ, Чеховъ, указывая намъ сплошныя язвы общества, не является апостоломъ гуманизма, проповѣдникомъ дѣятельныхъ гуманныхъ чувствъ къ людямъ? Но проповѣдь Чехова—не отвлеченная мораль, не прекрасныя слова безъ жизни и осуществленія; эта проповѣдь—*призывъ къ дѣятельности* путемъ возбужденія въ человѣкѣ высокихъ чувствъ любви къ людямъ, сожалѣнія къ ихъ нравственному безсилію; это—сама жизнь въ правдивыхъ и художественныхъ картинахъ, вопіющая подъ перомъ художника о развитіи дѣятельнаго труда на началахъ взаимопомощи! Прочтите разсказъ «Сирена», и вы ужаснетесь, окунувшись въ міръ представителей правосудія въ нашихъ мировыхъ съѣздахъ новаго типа, гдѣ чиновникъ заѣлъ собою всю идею: вамъ вспомнится залъ окружного суда въ «Воскресеніи» Л. Н. Толстого и разсужденіе кн. Неклюдова. Нѣтъ любви къ дѣлу, п. ч. эта любовь не горитъ подъ пепломъ, не находитъ кругомъ себя горючаго матеріала, который могъ бы воспламениться, если къ нему былъ доступъ свободнаго воздуха, который вызвалъ бы сочувствіе къ огню любви и жизни. Посмотрите, съ другой стороны, какую силу обнаруживаетъ человѣкъ, если у него есть *любимое имъ дѣло*, которымъ онъ можетъ свободно заниматься: «Весь секретъ успѣха», говоритъ Егоръ Семенычъ въ разсказѣ «Черный Монахъ», «не въ томъ, что садъ великъ, и рабочихъ рукъ много, а въ томъ, что я *люблю дѣло*—понимаешь?—люблю, быть можетъ, больше, чѣмъ самого себя». Вы посмотрите, какое наше отношеніе къ дѣлу; вдумайтесь, много ли пользы для общаго дѣла отъ человѣка, который хочетъ сообщить своей жизни *идею*, но не можетъ: онъ живетъ не своею жизнью, устраивается въ ней съ единственнымъ намѣреніемъ остаться въ сторонѣ отъ того движенія, которое потребовало бы отъ него смѣлости мысли, слова и дѣйствія. Онъ втягивается въ общій потокъ безнравственно-равнодушной ко всему не-личному жизни и съ цинизмомъ бравируетъ своей пошлой, чиновничьей, буржуазной моралью, которая руководитъ имъ въ его отношеніяхъ къ дѣлу и къ людямъ. Въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» Чеховъ далъ намъ чудный образъ женскаго существа, полнаго энергичной любви, въ лицѣ Зинаиды Ѳедоровны, которая такъ выражаетъ свой взглядъ крупному чиновнику Орлову на его службу: «Да развѣ вы живете, какъ хотите? Развѣ вы свободны? Писать всю жизнь бумаги, которыя противны вашимъ убѣжденіямъ, подчиняться, поздравлять начальство съ Новымъ годомъ, потомъ—карты, карты и карты, а, главное, служить порядкамъ, которые не могутъ быть вамъ симпатичны,—нѣтъ, Жоржъ, нѣтъ! Не шутите такъ грубо. Это ужасно»…. Зинаида Ѳедоровна, по своей душевной чистотѣ и идейному содержанію, видѣла въ окружающихъ людяхъ то, что она хотѣла, а не то, что люди способны были ей дать… Но Чеховъ познакомилъ ее съ современной ему жизнью, и она *отравилась*, не *дожила* до сліянія съ окружающимъ ее міромъ… Орловъ, для котораго она забыла все на свѣтѣ, первый же ранитъ ее въ

самую глубину души: «Вы воображали», говоритъ онъ, «что я—герой, и что у меня какіе-то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку то вышло, что я самый заурядный чиновникъ, картежникъ и не имѣю пристрастія ни къ какимъ идеямъ. Я—достойный отпрыскъ того самаго гнилого свѣта, изъ котораго вы бѣжали, возмущенная его пустотой и пошлостью. Сознайтесь же и будьте справедливы: негодуйте не на меня, а на себя, такъ какъ ошиблись вы, а не я». И это все говорится послѣ того, какъ Орловъ не отказался взять отъ Зинаиды Ѳеодоровны все хорошее, что она могла дать и дала ему. Озлобленный неудачами, нуждой, болѣзнью и лишеніемъ свободы, попавшій въ лакеи къ Орлову неизвѣстный человѣкъ, по происхожденію дворянинъ и—образованный, бѣжитъ изъ дома Орлова, чтобы не задохнуться въ тяжелой атмосферѣ ежедневнаго поруганія человѣческаго достоинства, насмѣшки надъ правами женщины и кругового обмана, и оставляетъ у него на столѣ записку слѣдующаго содержанія: «Я испыталъ голодъ, холодъ и болѣзни, лишеніе свободы; личнаго счастья я не зналъ и не знаю, пріюта у меня нѣтъ, воспоминанія мои тяжелы, и совѣсть моя часто боится ихъ. Но отчего вы-то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ? Отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и превратились *въ трусливое животное*, которое лаетъ и этимъ лаемъ пугаетъ другихъ оттого, что само боится? *Вы боитесь жизни*, боитесь какъ *азіатъ*, тотъ самый, *который по цѣлымъ днямъ сидитъ* на перинѣ и куритъ кальянъ. Да, вы много читаете, и на васъ ловко сидитъ европейскій фракъ, но все же съ какою нѣжною, чисто азіатскою, ханскою заботливостью вы оберегаете себя отъ голода, холода, физическаго напряженія,—отъ боли и безпокойства; какъ рано *ваша душа спряталась въ халатъ*, какого труса разыграли вы передъ дѣйствительной жизнью и природой, съ которою борется всякій здоровый и нормальный человѣкъ. Какъ вамъ мягко, уютно, тепло и удобно,—и какъ скучно! Да, бываетъ убійственно, безпросвѣтно *скучно*, какъ въ одиночной тюрьмѣ, но вы стараетесь спрятаться и отъ этого врага: вы по восьми часовъ въ сутки играете въ карты.» И такова судьба всѣхъ Чеховскихъ героевъ: всѣхъ ихъ *роковыя дьявольскія причины* заставили преждевременно бояться жизни, спрятаться въ халатъ, *лежать смирно* на софѣ или на перинѣ по цѣлымъ днямъ *отъ скуки, отъ слабости и страха*, какъ бы ни пришлось перенести какое-либо безпокойство или неудобство своей личной жизни. Эти роковыя, дьявольскія причины, обезсилившія Чеховскихъ героевъ, лежатъ, какъ мы видѣли, не въ самихъ герояхъ, а въ общихъ условіяхъ, но объ этомъ послѣ.

По всему видно только, что никто изъ насъ не можетъ воспользоваться своими силами, потому что не имѣетъ душевной энергіи проявить ихъ на пользу себѣ, своему ближнему и цѣлому обществу. Герои и героини Чехова стремятся всѣми силами выдти изъ «жизненной ловушки»:

всѣ они спрашиваютъ другъ у друга: «что дѣлать?» «Какъ сызнова жить?» «Какъ бы сохранить въ себѣ жажду чистой и осмысленной жизни?» Но эти вопросы не разрѣшимы ни для стараго, ни для малаго, ни для профессора, ни для адвоката, ни для врача, ни для крупнаго чиновника, ни для духовенства, ни для крестьянина. И неразрѣшимы вовсе не потому, что нѣтъ идей, нѣтъ сознанія, а потому, что эти вопросы для каждаго одинаково опасны: разрѣшеніе ихъ требуетъ сейчасъ же *дѣятельнаго участія* къ судьбѣ каждаго и къ судьбѣ всѣхъ вообще, требуетъ *самопожертвованія* во имя идеи, а отъ этого всѣ герои Чехова уже давно открещиваются во имя личнаго квіэтизма. Какъ бы ни суживали программу своей жизни герои Чехова, но они оказываются даже неспособными устроить свое *личное* счастье на началахъ альтруистическихъ, на началахъ взаимной любви и довѣрія къ *одному хотя бы человѣку*. Эгоизмъ доходитъ до полнаго торжества. Вотъ, напр., что отвѣчаетъ «Володя маленькій», человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, Софьѣ Львовнѣ, когда она говоритъ ему свое мнѣніе по поводу ухода отъ жизни въ монастырь ея подруги Оли: «Неужели погребать себя заживо значитъ *рѣшать* вопросъ жизни? Вѣдь, это—смерть, а не жизнь!»—Спрашиваетъ Софья Львовна у Володи: «Вотъ вы, Володя, умный человѣкъ! Научите меня! Мнѣ не легко живется, научите же... Скажите мнѣ что-нибудь убѣдительное... Вы имѣете успѣхъ, какъ ученый, вы любите науку, но отчего вы никогда не говорите со мной о наукѣ? Отчего? Я недостойна?.. Ну, хорошо, я ничтожная, дрянная безпринципная, недалекая женщина... У меня тьма, тьма ошибокъ, я психопатка, испорченная, и меня за это презирать надо. Но, вѣдь, вы, Володя, старше меня на десять лѣтъ, а мужъ старше меня на тридцать лѣтъ. Я росла на вашихъ глазахъ и если бы вы захотѣли, то могли бы сдѣлать изъ меня все, что вамъ угодно, хоть ангела. Но вы... поступаете со мной ужасно. Мужъ женился на мнѣ, когда уже постарѣлъ, а вы... Вы меня презираете, и если бы вы знали, какъ я страдаю отъ этого! А если бы вы знали, какъ мнѣ хочется измѣниться, *начать новую жизнь!* Я съ восторгомъ думаю объ этомъ! Быть хорошимъ, честнымъ, чистымъ человѣкомъ, не лгать, *имѣть цѣль въ жизни*... Хоть одно слово скажите!»—«Одно слово?»—спрашиваетъ Володя. «Извольте: тарарабумбія!»... Когда черезъ полчаса онъ, получившій то, что ему нужно было, сидѣлъ въ столовой и закусывалъ, она стояла передъ нимъ на колѣняхъ и съ жадностью смотрѣла ему въ лицо, и онъ говорилъ ей, что она похожа на собачку, которая ждетъ, чтобы ей бросили кусочекъ ветчины. Потомъ онъ посадилъ ее къ себѣ на одно колѣно и, качая, какъ ребенка, запѣлъ тарарабумбія». («Володя большой и Володя маленькій»). Подобный же разговоръ идетъ и у Зинаиды Ѳедоровны за-границей съ Влад. Ивановичемъ, бывшимъ лакеемъ у Орлова. Влад. Ивановичъ хотя и не глумится, но также не обнаруживаетъ дѣятельнаго участія въ судьбѣ Зинаиды Ѳеодоровны... («Разсказъ неизвѣстнаго человѣка»). Вотъ вамъ и вопросъ о *личномъ счастьи*, вотъ вамъ отношеніе наше къ судьбѣ

ближняго, вотъ вамъ «пріютъ души», безъ котораго всѣ одинаково *одиноки*. А между тѣмъ никто изъ героевъ Чехова не является разбойникомъ по природѣ, эгоистомъ и бездушнымъ отъ рожденія: всѣ они мучатся и хотятъ *иной, новой, чистой жизни*. Мы опять подходимъ къ *роковымъ, дьявольскимъ причинамъ!*

II.

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, въ людяхъ при безсиліи ихъ души, при боязни жизни, при слабостяхъ и порокахъ не трепетали живыя сердца затаеннымъ и подавленнымъ чувствомъ любви и участія къ страдающему поколѣнію, если бы не было всеобщаго сознанія тяжести современной пошлой жизни съ загубленной въ ней общей идеей,—то не было бы и мученій нравственныхъ, мученій, которыми мучатся герои Чехова; не было бы и цѣли въ такомъ изображеніи жизни, которое далъ намъ правдиво и искренно Чеховъ. Здѣсь и проповѣди не нужно, не нужно словъ и разъясненій: нужно только вниманіе, нужна наблюдательность. Всѣ мы вмѣстѣ съ Чеховымъ чувствуемъ наше общее безсиліе, нашу забитость и сознаемъ необходимость начать новую жизнь, «сызнова жить», по выраженію токаря въ разсказѣ «Горе». Всѣ мы жаждемъ своего «обновленія», видя, какъ въ зеркалѣ, свою прошлую недавнюю жизнь и смотря на будущую утомленными глазами пессимистовъ съ измученной душой. Посмотрите разсказы «Дуэль», «Зеркало», «Бѣда», и вы увидите все это! Но посмотрите, что̀ спасаетъ въ разсказѣ «Нищій» человѣка отъ нравственной гибели?! «Милостивый Государь! Будьте добры, обратите вниманіе на несчастнаго, голоднаго человѣка. Три дня не ѣлъ... не имѣю пятака на ночлегъ... Клянусь Богомъ! Восемъ лѣтъ служилъ сельскимъ учителемъ и потерялъ мѣсто по интригамъ земства. Палъ жертвою доноса. Вотъ уже годъ, какъ хожу безъ мѣста»!—Присяжный повѣренный Скворцовъ, вспомнивъ, что этотъ проситель уже попадался ему и называлъ себя вовсе не бывшимъ сельскимъ учителемъ, прочелъ ему строгое наставленіе, пристыдилъ за ложь, разругалъ просителя и отошелъ. Но проситель продолжалъ: «Сударь! Дѣйствительно, я... солгалъ! Я не студентъ и не сельскій учитель. Все это одна выдумка! Я въ русскомъ хорѣ служилъ, и оттуда меня за пьянство выгнали. Но что же мнѣ дѣлать? Вѣрьте Богу, нельзя безъ лжи! *Когда я говорю правду, мнѣ никто не подаетъ.* Съ правдой умрешь съ голоду и замерзнешь безъ ночлега. Вы вѣрно разсуждаете, я понимаю, но... что же мнѣ дѣлать!?» Скворцовъ отвѣчаетъ: «Работать!» и даетъ ему работу—колоть дрова. Черезъ два года Скворцовъ встрѣтилъ просителя у кассы театра, узналъ его и заговорилъ съ нимъ. Проситель теперь служитъ у нотаріуса и получаетъ 35 р. въ мѣсяцъ! Скворцовъ, довольный тѣмъ, что поставилъ человѣка на путь истины, на настоящую дорогу, благодаритъ его за то, что онъ не забылъ его наставленій. Но проситель Лушковъ сказалъ ему: «Вы отлично говорили тогда,

я вамъ обязанъ, конечно, по гробъ жизни, но спасла-то меня собственно ваша кухарка Ольга»—«Какимъ это образомъ?«—«А такимъ образомъ. Бывало, придешь къ вамъ дрова колоть, и она начнетъ: «Ахъ, ты пьяница! Окаянный ты человѣкъ! И нѣтъ на тебя погибели! «А потомъ ся детъ противъ, пригорюнится, глядитъ мнѣ въ лицо и плачется:» Несчастный ты человѣкъ! Нѣтъ тебѣ радости на этомъ свѣтѣ, да и на томъ свѣтѣ, пьяница, въ аду горѣть будешь. Горемычный ты! «И все въ такомъ родѣ, знаете. Сколько она себѣ крови испортила и слезъ пролила ради меня, я вамъ и сказать не могу. Но главное—вмѣсто меня дрова колола! Вѣдь, я, сударь, у васъ ни одного полѣна не раскололъ, а все она! Почему она меня спасла, почему я измѣнился, глядя на нее, и пить пересталъ, я не могу вамъ объяснить. Знаю только, что отъ ея словъ и благородныхъ поступковъ въ душѣ моей произошла перемѣна, она меня исправила, и никогда я этого не забуду...»

Вотъ и поймите, чего человѣку нехватаетъ для его счастья, для его обновленія, для его спасенія. Что ему нужно, чтобы онъ нашелъ идею жизни, не чувствовалъ безсилія души, не боялся жизни, не былъ вынужденъ *лгать* и не подыскивалъ оправданія своей безцѣльной жизни среди гнета условій? Что нужно для человѣка, чтобы онъ не останавливался передъ роковымъ вопросомъ «что мнѣ дѣлать??» Передъ тѣмъ вопросомъ, за которымъ слѣдуетъ боязливое ожиданіе *помощи* отъ людей, какъ это было и у стараго профессора, и у Кати, и у о. Анастасія, и у доктора Андрея Ефимыча, и у маньяка, и у токаря, и у писца Путохина, по поводу судьбы котораго домовладѣлецъ говоритъ: «По своей природѣ несчастья—тѣ же камни. Нужно только одному камню свалиться съ высокаго берега, чтобы за нимъ посыпались другіе»... («Старый домъ»). Чего же всѣмъ этимъ людямъ разныхъ профессій, сословій и разнаго образованія нехватало въ жизни? Отчего они всѣ безпомощны и безсильны? По моему, имъ нехватало того, что спасло нищаго Лушкова, и о чемъ говоритъ старый профессоръ по поводу Кати—«*пріюта души*». Если человѣкъ чувствуетъ свою нравственную связь съ людьми, если существуетъ прочно организованное общество на началахъ свободнаго, независимаго, активнаго участія въ живомъ общественномъ дѣлѣ, то у каждаго изъ насъ найдется свой «пріютъ души», своя кучка искреннихъ друзей и открытыхъ враговъ; никто изъ насъ не будетъ чувствовать *одиночества* и *гнета жизни*. Свободныя симпатіи и антипатіи сгруппируютъ людей естественно въ отдѣльныя группы, между которыми, однако, будетъ гораздо менѣе людей *безразличныхъ, равнодушныхъ*, чѣмъ это мы видимъ у Чехова: каждый разовьетъ въ себѣ отношеніе *опредѣленное* къ другому и *уваженіе* къ его личности, независимо отъ личныхъ симпатій. Если не придавлена, не забита личность въ *общественномъ дѣлѣ*, то она сохранитъ свою свѣжесть и въ *вопросахъ личной жизни*; если свободно развивается общественный элементъ въ характерѣ человѣка, то онъ не можетъ быть эгоистомъ или деспотомъ *и въ частной жизни*, его характеръ

не получаетъ уродливыхъ искривленій, такъ какъ въ немъ не *забитъ человѣкъ*, который сознаетъ свою пригодность въ жизни и не имѣетъ надобности изыскивать для себя средства выйти изъ гнета путемъ лжи и обмана, разрушающихъ душу. Тамъ нѣтъ настоящаго гуманнаго отношенія къ людямъ, гдѣ человѣкъ долженъ прежде всего трепетать за свои права и жить по принципу самосохраненія: ему нѣтъ дѣла до другихъ, потому что онъ занятъ собой, а слѣдовательно, оторванъ отъ другихъ. Въ такомъ обществѣ возможенъ только культъ права сильнаго, культъ деспотизма, который распространяется сверху донизу, входитъ въ семью и разлагаетъ всю жизнь. Гдѣ забита энергія духа, гдѣ уже развилось поколѣніями безсиліе души въ обществѣ, тамъ уже всѣ нуждаются въ помощи, всѣ чувствуютъ гнетъ жизни и всѣ готовы спросить: «что же дѣлать?» Среди такого общества легко развивается у однихъ равнодушіе, у другихъ, болѣе властныхъ людей, деспотизмъ и своеволіе. Зоологъ фонъ-Коренъ въ разсказѣ «Дуэль» говоритъ про Лаевскаго: «На первыхъ же порахъ онъ поразилъ меня своею необыкновенною *лживостью*, отъ которой меня просто тошнило. Въ качествѣ друга я журилъ его, зачѣмъ онъ много пьетъ, зачѣмъ живетъ не по средствамъ и дѣлаетъ долги, зачѣмъ *ничего не дѣлаетъ и не читаетъ*, зачѣмъ онъ такъ мало культуренъ и мало знаетъ,—и въ отвѣтъ на всѣ мои вопросы онъ горько улыбался, вздыхалъ и говорилъ: «я неудачникъ, лишній человѣкъ», или: «что вы хотите, батенька, отъ насъ, осколковъ крѣпостничества?», или: «Мы вырождаемся...» «Мы люди восьмидесятыхъ годовъ, мы вялое, нервное отродье крѣпостного права, насъ искалѣчила цивилизація...» Однимъ словомъ, мы должны понять, что такой великій человѣкъ, какъ Лаевскій, и въ паденіи своемъ великъ, что онъ... роковая жертва времени, вѣяній, наслѣдственности и прочее...» «Нашъ вѣкъ, по его мнѣнію, плохъ и хуже сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ только потому, что мы не умѣемъ до самозабвенія отдаваться любовному экстазу и страсти...» «Это развращенный и извращенный субъектъ... Я бы не обратилъ вниманія на его ничтожество, если бы онъ не былъ такъ вреденъ и опасенъ...» Такъ безпощадно клеймитъ фонъ-Коренъ Лаевскаго, который однако намъ въ другомъ мѣстѣ характеризуетъ фонъ-Корена: «Я отлично понимаю фонъ-Корена. Это натура твердая, сильная, деспотическая... онъ порвалъ съ университетомъ, не хочетъ знать ученыхъ и товарищей, потому что онъ прежде всего *деспотъ*, а потомъ ужъ зоологъ. И изъ него, увидишь, выйдетъ большой толкъ. Онъ ужъ и теперь мечтаетъ, что когда вернется изъ экспедиціи, то выкуритъ изъ нашихъ университетовъ интригу и посредственность и скрутитъ ученыхъ въ бараній рогъ. Деспотія и въ наукѣ такъ же сильна, какъ на войнѣ. А живетъ онъ второе лѣто въ этомъ вонючемъ городишкѣ, потому что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ вторымъ. Онъ здѣсь король и орелъ; онъ держитъ всѣхъ жителей въ ежахъ и гнететъ ихъ своимъ авторитетомъ. Онъ прибралъ къ рукамъ всѣхъ, вмѣшивается въ чужія дѣла, все ему нужно, и всѣ боятся

его. Я ускользаю изъ-подъ его лапы, онъ чувствуетъ это и ненавидитъ меня. Не говорилъ ли онъ тебѣ (спрашиваетъ Лаевскій д-ра Самойленка), что меня нужно уничтожить или отдать въ общественныя работы?» Дѣйствительно, зоологъ фонъ-Коренъ былъ такого мнѣнія, что Лаевскихъ нужно уничтожать, рѣзать, убивать и т. п. Въ чемъ же однако находилъ зоологъ вредоносность Лаевскаго? «Вредоносность его заключается прежде всего въ томъ, что онъ имѣетъ успѣхъ у женщинъ и такимъ образомъ угрожаетъ *имѣть потомство*, т.-е. подарить міру дюжину Лаевскихъ, такихъ же хилыхъ и извращенныхъ, какъ онъ самъ». Слѣдовательно, дѣло-то, какъ видите, не въ самомъ Лаевскомъ, а въ возможности передачи въ потомство такихъ же хилыхъ характеровъ, какъ у него. Но вѣдь и фонъ-Корены возможны только тамъ, гдѣ возможны Лаевскіе: и деспотъ и рабъ возможны лишь совмѣстно; гдѣ нѣтъ деспотовъ, тамъ нѣтъ и рабовъ. Они—дѣти одной эпохи и продукты однихъ условій жизни! И дѣло, конечно, не въ томъ, что «нашъ вѣкъ хуже сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ *только тѣмъ*, что мы не умѣемъ до самозабвенія отдаваться любовному экстазу и страсти», но въ томъ, что нашъ вѣкъ не имѣетъ силъ и энергіи отдаваться чему бы то ни было съ увлеченіемъ и страстью; мы забиты, въ насъ заглушены и придавлены всѣ страсти, мы неспособны къ непосредственнымъ и захватывающимъ насъ всецѣло ощущеніямъ красоты, добра, порока, наслажденія. Люди 40-хъ и 60-хъ годовъ были способны увлекаться, и на-ряду съ искренними увлеченіями романтической любовью къ женщинѣ (вспомнимъ любовь Бѣлинскаго, Герцена!..), они отдавались до самозабвенія увлеченіямъ идей народнаго блага, свободы, просвѣщенія, равенства людей, служенія идеалу абсолютнаго счастья; увлекались трудомъ, не боялись жизни и не чувствовали своего безсилія. Эти люди до конца своего вѣка сохранили способность идти навстрѣчу опасности смѣло и открыто, не портя финала своей жизни, какъ пришлось испортить его профессору въ 80-хъ годахъ или магистру, который увлекался идеей только до тѣхъ поръ, пока находился въ состояніи маніи величія («Черный монахъ»). У насъ же нѣтъ силъ даже для увлеченій! И если отъ 60-хъ до 80-хъ годовъ прошло 20 лѣтъ и въ это время мы успѣли уже убѣдиться, что люди 80-хъ годовъ не сами по себѣ вредны для дѣла, а вредны, какъ производители хилаго и слабаго потомства, то, примѣняя тотъ же подсчетъ, т.-е. соображая время отъ 80-хъ годовъ до настоящаго времени, значитъ, тѣ же 20 лѣтъ, мы можемъ быть увѣрены, что живемъ теперь среди потомства и наслѣдія людей 80-хъ годовъ, среди потомства Лаевскихъ и фонъ-Кореновъ. И дѣйствительно, нельзя не признать справедливости того утвержденія фонъ-Корена, что если Лаевскіе были еще отродьемъ крѣпостничества, то мы—отродье реакціонной эпохи 80-хъ годовъ, и гнетъ этой эпохи лежитъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ, которыя намъ дороги и для которыхъ мы не можемъ хотѣть преждевременной смерти, въ объятіяхъ которой мы коченѣемъ для послѣдняго разсчета съ жизнью и возгласа: «сызнова бы жить»... Я самъ ровесникъ Чехова; между нами

разница только въ нѣсколько дней и самъ могу судить, *что* оставляли въ наслѣдіе моимъ товарищамъ ихъ воспитаніе и школа; мнѣ понятны причины боязни жизни и дѣятельности. Насъ всѣми способами отдаляли отъ жизни и природы, а не приближали къ ней. Просвѣщеніе могло бы выработать изъ насъ такихъ, какъ Бѣлинскій, но развѣ въ наше время было просвѣщеніе? Истинное просвѣщеніе заключается въ *общемъ и широкомъ* образованіи, которое знакомитъ насъ съ жизнью, съ окружающей природой и готовитъ въ насъ силы для борьбы, а не для боязни. По выраженію дворянина-лакея у Орлова, «съ жизнью и природой борется всякій нормальный и здоровый человѣкъ», а въ наше время мы лучшіе годы и свѣжія силы тратили на борьбу съ греческими и латинскими глаголами и не видали ни людей, ни природы изъ окопъ своихъ душныхъ классовъ. Я помню, какъ выгоняли изъ гимназій моего времени «естественную исторію», чтобы не отвлекать нашего ума отъ великихъ идей античнаго міра, съ которымъ однако забыли насъ познакомить. Гнали «естественную исторію», какъ теперь при нашихъ дѣтяхъ гонятъ греческій языкъ съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ опять за него приняться. Я помню, какъ на лѣтнія каникулы задавали намъ работы по греч. и лат. языкамъ, отвлекая насъ отъ знакомства съ жизнью природы даже лѣтомъ. Это время—время не просвѣщенія, не обновленія души идеями человѣческаго нравственнаго прогресса, идеями духовныхъ побѣдъ и завоеваній новаго христіанскаго міра, а время казенной муштровки учениковъ, изъ которыхъ наиболѣе смѣлые пріучались *лгать*, боясь наказанія за искренность и преждевременно удалялись изъ учебнаго заведенія, не достигши «*зрѣлости*»; болѣе же робкіе дѣлались «человѣкомъ въ футлярѣ». Я помню, что изъ 60-ти человѣкъ, бывшихъ со мной въ I-мъ классѣ, дошли до VIII класса только 6; и такъ каждый годъ! Слѣдовательно это—10%! Гдѣ же остальные 90%? Отъ нихъ школа отказывалась, а къ жизни они не были подготовлены: для нея они были ненужны! Въ 1879 году, когда я оканчивалъ курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій, на каждомъ экзаменѣ «зрѣлости» кто-нибудь изъ моихъ товарищей долженъ былъ, по распоряженію начальства, прекращать дальнѣйшій экзаменъ и на самомъ порогѣ жизни уходить изъ гимназіи на всѣ четыре стороны, потому что на предыдущемъ экзаменѣ (письменномъ) получилъ неудовлетворительную отмѣтку. Такъ погибали труды многихъ лѣтъ у самаго порога жизни! Пріюта для такихъ неудачниковъ не было: единственнее въ то время *реальное училище* въ столицѣ было терпимымъ «убѣжищемъ» для всѣхъ, выкинутыхъ изъ классической школы, убѣжище *безъ всякихъ правъ!* Первое что меня ожидало въ гимназіи, это то, что на меня надѣнутъ мундиръ и велятъ застегнуть его на всѣ 9 пуговицъ: мы не могли разстегнуть ни одной пуговицы ни въ классѣ, ни въ церкви, ни въ театрѣ, ни на улицѣ—подъ страхомъ наказанія. На насъ сейчасъ же надѣли ранцы и снабдили каждаго паспортомъ; къ каждому классу приставили класснаго наставника и помощника; приказали ходить въ церковь и молиться Богу: мы ходили и молились изъ страха быть

наказанными. Къ намъ нерѣдко являлись въ семейный домъ и врывались въ домашнюю жизнь классные наставники и ихъ помощники. Нашимъ родителямъ, передъ которыми мы въ дѣтствѣ преклонялись, не довѣряло начальство гимназіи и ревниво оберегало насъ отъ вліянія нашихъ родителей. У насъ больно, больно сжималось наше дѣтское сердце, когда мы слышали, что ни нашъ отецъ, ни наша мать не были компетентны, по мнѣнію начальства, рѣшить вопросъ своею властью, можно ли взять насъ въ театръ, пойти съ нами въ ближайшую церковь. Мы пугались гнѣва начальства, а наши родители мало-по-малу начинали ненавидѣть правительственную школу, потеряли къ ней всякое довѣріе, хотя и сознавали, что иначе дѣтямъ некуда дѣться: всѣми привилегіями и правами надѣлены были правительственныя классическія гимназіи и только изъ нихъ былъ прямой выходъ на дорогу человѣку средняго достатка.

Правительство взяло все въ свои руки, оберегало себя и свои цѣли отъ родителей, отъ общества и частной иниціативы. Частныя учебныя заведенія были стѣснены во всемъ, хотя бы ими завѣдовалъ крупный, честный, искренній умъ педагога съ высокими качествами души и широкимъ образованіемъ. Такъ понимало тогда свои задачи правительство и такъ готовило людей, «искренне» преданныхъ Царю и отечеству! На нашихъ глазахъ росли типы чиновниковъ-учителей, лицемѣрное и показное угодничество передъ начальствомъ и приниженное рабство подчиненныхъ. Но лучше пока предоставимъ объ этомъ говорить самому Чехову: въ его разсказѣ «Учитель словесности» мы видимъ два типа: одинъ—учитель Ипполитъ Ипполитычъ, прослужившій уже довольно долго и сдѣлавшійся «человѣкомъ въ футлярѣ», другой—Никитинъ, молодой, полный силъ, прослужилъ только еще два года, не успѣлъ «спрятать свою душу въ халатъ» и потому его думы и чувства свѣжи: отъ него школа могла бы еще многое полезное извлечь. Онъ однако уже начинаетъ томиться, убѣдившись, что нѣтъ никакой возможности на его поприщѣ проявить свободу иниціативы, вліяніе личности и служить педагогической идеѣ. «Ему страстно, до тоски захотѣлось въ другой міръ, чтобы самому работать гдѣ-нибудь на заводѣ или въ большой мастерской, говорить съ каѳедры, сочинять, печатать, шумѣть, утомляться, страдать... Ему захотѣлось чего-нибудь такого, *что захватило бы его до забвенія самого себя*, до равнодушія къ личному счастью, ощущенія котораго такъ однообразны». А почему это? Потому что нельзя любить того дѣла, въ которое ты не можешь внести себя самого цѣликомъ! «Никитинъ съ увѣренностью говорилъ себѣ, что онъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ, такой же бездарный и безличный, какъ чехъ, преподаватель греческаго языка; никогда у него не было призванія къ учительской дѣятельности, съ педагогіей онъ знакомъ не былъ и ею никогда не интересовался, обращаться съ дѣтьми не умѣетъ; значеніе того, что онъ преподавалъ, было ему неизвѣстно и быть можетъ даже онъ училъ тому, что не нужно. Покойный Ипполитъ Ипполитычъ былъ *откровенно тупъ* и всѣ товарищи и ученики знали, кто онъ и чего

можно ждать отъ него; онъ же, Никитинъ, подобно чеху, умѣетъ *скрывать* свою тупость и ловко обманываетъ всѣхъ, дѣлая видъ, что у него, слава Богу, все идетъ хорошо...» Такое же чувство досады и разочарованія постигаетъ и другихъ героевъ Чехова, не только учителей: всѣ одинаково чувствуютъ недостатокъ просвѣщенной свободы дѣйствій и возвращаютъ читателя къ раздумью надъ тѣми же роковыми дьявольскими причинами. Прочтите разсказы: «Враги», «Сосѣди» и др. Но отъ Чехова возвратимся опять къ своимъ личнымъ школьнымъ воспоминаніямъ и постараемся ихъ проектировать на экранѣ при посредствѣ чеховскаго проекціоннаго аппарата, его «волшебнаго фонаря», его художественнаго таланта...

Когда предстоялъ письменный экзаменъ «зрѣлости», то въ залу, гдѣ были разставлены одиночные столики со стульями по числу абитуріентовъ, непремѣнно на разстояніи *двухъ аршинъ* каждый столикъ отъ другого, чтобы «классически-воспитанные» въ теченіе восьми лѣтъ гимназисты не обманули какъ-нибудь своихъ добрыхъ наставниковъ и не списали бы работу у своего сосѣда, являлся директоръ гимназіи во главѣ цѣлой комиссіи нашихъ преподавателей, становился передъ столомъ противъ насъ и торжественно вынималъ изъ своего бокового кармана въ вицъ-мундирѣ *пакетъ съ печатью*; въ этомъ пакетѣ таилась *тема*, присланная изъ округа, въ который директора нерѣдко являлись сами за полученіемъ пакетовъ въ собственныя руки. Прежде чѣмъ распечатать пакетъ, директоръ показывалъ всѣмъ преподавателямъ *при насъ*, что печать *цѣла*, и что онъ не совершилъ преступнаго вскрытія, что онъ способенъ оправдать *довѣріе* своего начальства, которое его почтило назначеніемъ въ директора. Но ничто не помогало: гимназисты научились покупать заранѣе темы, подкупали чиновниковъ въ канцеляріи попечителя и въ различныхъ учрежденіяхъ, обманывали своихъ наставниковъ, и шла «*круговая порука*». Такъ было еще и тогда, когда я самъ былъ учителемъ гимназіи! Такъ, конечно, воспитывался и мой современникъ Антонъ Павловичъ Чеховъ на югѣ Россіи: типъ школъ былъ одинъ, отступленій никакихъ не полагалось. Готовилась армія чиновниковъ и «человѣковъ въ футлярѣ» или армія забитыхъ учителей вродѣ Ипполита Ипполитыча у Чехова; а молодые свѣжіе учителя, вродѣ «учителя словесности» Никитина у Чехова, черезъ два же года службы въ гимназіи убѣждались въ томъ, что идея жизни здѣсь не требуется, что борьба безполезна, и тосковали о своей студенческой жизни, полной *какой-либо* идеи и борьбы.

Люди уходили въ свою скорлупу, начинали заботиться о *личномъ счастьи*, но и тутъ убѣждались, что даже и *личное счастье* для большинства недоступно, т. к. даже оно требуетъ отъ человѣка *новыхъ и незнакомыхъ имъ качествъ: сильной энергіи, отзывчивости и мягкости души*, а это все было съ дѣтства у насъ подавлено властной рукой чиновнаго правительства реакціонной эпохи. Да притомъ *личное счастье* безъ идеи жизни, безъ ощущенія внутренней, духовной связи съ обще-

ствомъ или съ подругой жизни и не удовлетворяло героевъ Чехова: личное счастье скоро становилось *пошлымъ, уютнымъ, мягкимъ и теплымъ* угломъ, гдѣ *идейные* люди задыхались отъ *тоски и скуки*.

Учитель Никитинъ черезъ два года службы уже тосковалъ по своей *студенческой* жизни, но подоспѣлъ университетскій уставъ 1884 года и подкосилъ и въ университетскихъ стѣнахъ нашу *идейную* молодежь, и ей стало и тутъ невыносимо скучно и тоскливо: университетская молодежь, разбитая такъ же, какъ разбито было общество, которое не могло даже пошушукаться о своихъ дѣлахъ безъ боязни за свою неприкосновенность, стала тайкомъ обнаруживать свои жизненныя силы, питая здѣсь надежды на лучшее будущее, пока это будущее не заставляло ихъ вновь тосковать на служебномъ поприщѣ о студенческихъ годахъ, какъ заставило оно тосковать учителя Никитина, несмотря на то, что въ личной жизни онъ не могъ ни на что пожаловаться. Мы не знаемъ по Чехову, какою рисовалась будущая жизнь студентамъ *университета* по ихъ выходѣ на арену жизни. Но студентъ *духовной академіи*, выведенный Чеховымъ въ разсказѣ подъ названіемъ «Студентъ», Иванъ Великопольскій, сынъ дьячка, думалъ о томъ, что «правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ. И чувство молодости, здоровья, силы,—ему было только 22 года,—и невыразимо сладкое *ожиданіе счастья*, невѣдомаго, *таинственнаго счастья* овладѣвали имъ мало-по-малу, *и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла*». Однако, насколько это *ожиданіе счастья и жизни, полной высокаго смысла*, оправдывалось при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, видно изъ разсказа «Кошмаръ», гдѣ мы узнаемъ жизнь нашего духовенства въ селѣ. «Непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Кунинъ, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, вернувшись изъ Петербурга въ свое Борисово, послалъ первымъ дѣломъ верхового въ Синьково за тамошнимъ священникомъ, отцомъ Яковомъ Смирновымъ». Дѣло шло о попечительствѣ Кунина въ ново-открываемой церковно-приходской школѣ.

Кунинъ, смотря на молодого священника,—ему было 28 лѣтъ,—былъ пораженъ: «Ранѣе Кунинъ никакъ не могъ думать, что на Руси есть такіе несолидные и жалкіе на видъ священники, а въ позѣ отца Якова, въ этомъ держаніи ладоней на колѣняхъ и въ сидѣніи на краешкѣ, ему видѣлось отсутствіе достоинства и даже подхалимство». «Какой странный, дикій человѣкъ!..—думалъ онъ: «грязенъ, неряха, грубъ, тупъ и, навѣрное, пьяница... Боже мой, и это священникъ, духовный отецъ! Это учитель народа! Воображаю, сколько ироніи должно быть въ голосѣ дьякона, возглашающаго ему передъ каждой обѣдней: «Благослови, владыко!» Хорошъ владыка! Владыка, не имѣющій ни капли достоинства, невоспитанный, прячущій сухари въ карманы, какъ школьникъ... Фи! Господи, въ какомъ мѣстѣ были глаза у архіерея, когда онъ посвящалъ этого чело-

вѣка? *За кого они народъ считаютъ,* если даютъ ему такихъ учителей?.. Образованный и любящій свое дѣло попъ много можетъ сдѣлать... У меня давно бы уже была открыта школа. А проповѣдь? Если попъ искрененъ и *вдохновленъ любовью къ своему дѣлу,* то какія чудныя зажигательныя проповѣди онъ можетъ говорить!» Когда Купину пришлось узнать обстоятельства жизни сельскаго священника и услышать отъ него просьбу дать ему мѣсто уволеннаго Купинымъ писаря хоть за 10 руб. вмѣсто 20-ти; когда Куninъ узналъ, что священникъ получаетъ съ прихода 150 руб., изъ которыхъ 40 руб. въ годъ платитъ за брата въ духовное училище, по 10 руб. въ мѣсяцъ въ консисторію за мѣсто, за которое «положили» 200 руб., да еще кормитъ и поитъ о. Авраамія, своего предшественника, уволеннаго «за слабость», чтобы тотъ только не пошелъ при своемъ санѣ милостыню просить, то кошмаръ молодого петербургскаго чиновника-помѣщика исчезъ... Многое поразсказалъ священникъ петербургскому чиновнику, который и въ сельской церкви-то никогда не бывалъ во время службы; помѣщикъ узналъ, что жена доктора на берегу рѣчки полощетъ бѣлье рано утромъ, чтобы люди не видѣли и прячетъ рваныя сорочки при видѣ священника, который зналъ, что докторша кончила курсъ въ институтѣ... Не утерпѣлъ священникъ и вскрикнулъ при помѣщикѣ: «Господи! что дѣлается на свѣтѣ?! Такое дѣлается, что если въ газетѣ написать, то не повѣрятъ люди... И когда всему этому конецъ будетъ»!? Разобрало Купина, и, по уходѣ священника, онъ очнулся, схватился за голову и, падая на софу, простоналъ: «И я не зналъ! Я, который уже болѣе года служу здѣсь непремѣннымъ членомъ, почетнымъ мировымъ судьей, членомъ училищнаго совѣта! Слѣпая кукла, фатъ! Скорѣй къ нимъ на помощь!» Тутъ вдругъ Куninъ вспомнилъ доносъ, который онъ написалъ архіерею послѣ своего перваго впечатлѣнія отъ сельскаго священника, вспомнилъ свои проповѣди, которыя онъ приготовилъ для священника, чтобы онъ произнесъ ихъ передъ народомъ въ церкви,—«и его всего скорчило, какъ отъ невзначай налетѣвшаго холода. Это воспоминаніе наполнило всю его душу чувствомъ метущаго стыда передъ самимъ собою и передъ невидимой правдой...» Да, Чеховъ намъ ясно показалъ, что правда узнается только *случайно,* что она *невидима,* что люди не повѣрили бы, если бы узнали то, что видѣлъ самъ Чеховъ... Вся правда скрыта цензурою, сумѣвшей съ 80-хъ годовъ показать обществу, что все и вездѣ обстоитъ благополучно, что всѣ сыты и довольны, какъ сытъ и доволенъ петербургскій помѣщикъ Куninъ, что священники въ селахъ прячутъ въ карманы крендельки отъ невоспитанности и «слабости» своей, а народъ могъ бы съ избыткомъ удовлетворить своихъ духовныхъ отцовъ и школьныхъ учителей потому, что народу живется такъ же хорошо подъ «отцовскою» опекою «земскихъ начальниковъ», этого радѣтеля народныхъ благъ, призваннаго къ жизни въ 1889 году, какъ хорошо жилось гимназистамъ подъ опекою «человѣковъ въ футлярѣ»—классныхъ наставниковъ. «Да, никто не знаетъ *настоящей правды...*» думалъ Лаевскій въ разсказѣ

Чехова «Дуэль». «Въ поискахъ за правдой люди дѣлаютъ два шага впередъ, шагъ назадъ. Страданія, ошибки и скука жизни бросаютъ ихъ назадъ, но *жажда правды* и упрямая воля гонятъ ихъ впередъ. И кто знаетъ? Быть можетъ, *доплывутъ до настоящей правды*...»

Мнѣ не разъ приходилось въ моихъ ученыхъ путешествіяхъ если не доплывать, то доѣзжать или пѣшкомъ доходить до правды народной жизни и жизни сельскаго духовенства. По своимъ ученымъ занятіямъ я долженъ стоять очень близко къ простому народу: среди него я все время изучаю его исторію, бытъ и національную физіономію *въ его языкѣ* и скажу прямо, что для науки моей имѣютъ интересъ, именно, медвѣжьи углы Россіи; а такихъ угловъ у насъ еще очень много: люди живутъ въ болотахъ и лѣсахъ, куда не заглядывалъ ни исправникъ, ни земскій начальникъ, гдѣ нѣтъ школъ и гдѣ народъ живетъ «тихо и смирно», а потому никому до него и дѣла нѣтъ... Гдѣ же тутъ доберешься до настоящей правды! Да этого, какъ мы видѣли, и не требуется!.. Темнота нашего народа хорошо очерчена Чеховымъ въ разсказѣ «Злоумышленникъ», а нашей администраціи и дѣла нѣтъ до этой «темноты», лишь бы было тихо и смирно. Мы старались вмѣстѣ и объ руку съ чеховскими героями пробѣжать хоть мелкомъ жизнь всѣхъ сословій, половъ и разныхъ возрастовъ... Мы не предвидимъ возможности исчерпать вполнѣ весь богатый матеріалъ, собранный Чеховымъ; его дѣятельность и запасъ наблюденій такъ богаты, что я чувствую, что уже утонулъ въ морѣ охватившихъ меня впечатлѣній и думъ, а кончить все еще не могу и не хотѣлъ бы. Мнѣ внутренній голосъ шепчетъ, что Чеховъ—такая крупная величина, которую даже трудно окинутъ взоромъ историку нашего общества, а между тѣмъ, именно, вслѣдствіе его такого крупнаго значенія, обойти его никакъ нельзя ни публицисту, ни историку общества. Отлагая до другого раза дальнѣйшее разсмотрѣніе чеховскихъ произведеній, я попытаюсь сдѣлать выводъ и подвести итоги своему разсужденію. Прежде всего я скажу, что основной идеей чеховскихъ произведеній является воззваніе къ гуманному чувству человѣка, призывъ милости къ падшимъ и пробужденіе добрыхъ чувствъ. Этимъ онъ не ниже Пушкина, который о себѣ сказалъ: «и долго буду я любезенъ тѣмъ народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ и... милость къ падшимъ призывалъ». Лира у Чехова своя, своеобразная, но настроена она на чудный ладъ! Затѣмъ Чеховъ насъ познакомилъ съ «новой породой людей». Мы ясно увидѣли, что императрица Екатерина II лишь только хотѣла создать «новую породу людей», но не создала, а 80-ые годы XIX столѣтія создали «новую породу людей», которые боязливо прячутъ свои высшія идеи, т. к. напуганы жизнью и нравственно подбиты ея условіями. «*Роковыя, дьявольскія причины*», которыя, какъ мы теперь видимъ, выразившись въ насильственномъ подавленіи свободнаго слова, иниціативы и дѣятельности, искривили общественный организмъ и сообщили ему *равнодушіе, безсиліе души* и отвращеніе къ дѣлу. Мы видѣли, что ни у кого не можетъ быть при этихъ

условіяхъ *любимаго имъ дѣла:* любовь эта могла сохраниться лишь у тѣхъ, кто давалъ направленіе общей жизни населенія. Была ли эта любовь къ народу чистая, безкорыстная и вела ли она къ благу общества, мы видѣли изъ судьбы всѣхъ героевъ и всего русскаго общества у Чехова. Чего нехватаетъ людямъ и отчего они мучатся, ясно видно изъ того, что они ищутъ «пріюта души»: если нѣтъ возможности, нѣтъ силъ провести въ жизнь «общую идею» и осмыслить эту жизнь, какъ хотѣлъ и профессоръ и студентъ у Чехова, то есть еще *личное счастье,* но для него тоже необходимъ «пріютъ души», т.-е. духовная связь и единомысліе между живущими вмѣстѣ людьми. Мы видѣли также, что условія жизни насъ всѣхъ разбили и разрознили: мы не узнаемъ среди толпы ни своихъ друзей, единомышленниковъ, ни своихъ враговъ. Насъ заставили работать и думать въ одиночку, а между тѣмъ, скажу словами лакея-дворянина у Орлова: «*назначеніе человѣка* или ни въ чемъ, или только *въ одномъ—въ самоотверженной любви къ ближнему.* Вотъ куда мы должны идти и въ чемъ наше назначеніе!» Стремленіе къ этому путемъ неудержимой готовности отказаться каждому изъ насъ отъ личной карьеры и личнаго успѣха можетъ и должно считаться не призрачнымъ, а дѣйствительнымъ счастьемъ, которое человѣкъ почувствуетъ только въ единеніи съ другими и въ дѣятельной, сплоченной организаціи взаимопомощи, которой пока нехватаетъ людямъ, оставшимся поэтому безъ «пріюта души» и «одинокими» на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Буду продолжать словами «Разсказа неизвѣстнаго человѣка»: «Трудно сознаться въ своемъ банкротствѣ... тяжело быть искреннимъ, страшно тяжело, и мы молчали. Не дай Богъ никому пережить то, что мы пережили... Мы утомились, пали духомъ, наша жизнь ненормальна, испорчена, а начать новую жизнь намъ мѣшаетъ трусость. Живой человѣкъ не можетъ не волноваться и не отчаиваться, когда видитъ, какъ погибаетъ самъ и вокругъ гибнутъ другіе... Мы ослабѣли, опустились, пали наконецъ; наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ... но виноваты въ этомъ не мы: мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины общія, большія... Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ...» У насъ есть дѣти, мы передадимъ имъ запасы своего жизненнаго опыта; они услышатъ отъ насъ о нашихъ страданіяхъ и ихъ причинахъ. Дѣти—это наша надежда, и если они по наслѣдственности неминуемо получатъ отъ насъ и наши недостатки, то вмѣстѣ съ тѣмъ получатъ и запасъ опыта, исполнятся любви къ тѣмъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ трудное время чеховскихъ героевъ,—и во имя этой любви, во имя красоты и правды будутъ болѣе успѣшно, съ свѣжими силами бороться съ жизнью, а не бояться ея, какъ боялись герои Чехова; съ новыми силами и смѣлостью, не утомившись еще въ борьбѣ, они, дастъ

Богъ, увидятъ, какъ, по выраженію Пушкина, «надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ, наконецъ, прекрасная заря».

Если мы про свое время можемъ сказать:

„Не осилили
Тебя сильные,—
Такъ подрѣзала
Осень черная“,

то про дѣтей нашихъ мы желали бы сказать, что ихъ ожидаетъ весна съ полнымъ обновленіемъ русской жизни, въ которой не будетъ мѣста *равнодушію и тоскѣ* чеховскихъ героевъ.

Евг. Будде.

Къ біографіи М. Е. Салтыкова.

(По неизданнымъ матеріаламъ.)

Общая обрисовка интересной жизни М. Е. Салтыкова уже сдѣлана въ литературѣ. Но детали, которыя всегда такъ необходимы при глубокомъ изученіи личности вообще, а такой, какой былъ Салтыковъ, въ особенности—все еще мало извѣстны. Михаилъ Евграфовичъ при жизни не позаботился сохранить ихъ слѣдъ для потомства, и многія изъ самыхъ любопытныхъ подробностей канули въ Лету. А въ его жизни есть полоса и совсѣмъ мало извѣстная — это семилѣтнее пребываніе въ Вяткѣ. Всѣ біографы оперируютъ здѣсь съ очень немногими данными, и неизвѣстность начинается уже съ отвѣта на вопросъ: кто ближайшимъ образомъ былъ виновенъ въ этой ссылкѣ?

Мнѣ удалось найти въ архивѣ III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи цѣлое дѣло «объ отправленіи титулярнаго совѣтника Салтыкова на службу въ Вятку» *).

Какъ и многія другія дѣла, оно по своему содержанію гораздо шире заглавія, даннаго ему рукою канцеляриста сороковыхъ годовъ. Въ немъ много матеріала, ужъ совершенно не касающагося собственно самаго «отправленія».

Использовать это дѣло—задача настоящей замѣтки.

I.

Я дѣлалъ уже предположеніе, основанное на неопровержимыхъ, по моему мнѣнію, данныхъ, по поводу причинъ и виновниковъ высылки Салтыкова въ Вятку **), но въ дѣлѣ объ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Извѣстно только то, что и должно было быть на точномъ основаніи служебныхъ сношеній и традицій, а именно, что со всеподданнѣй-

*) Дѣло № 169, I экспедиціи, 1848 года.

**) См. стр. 200—202 моей книги: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“, Спб., 1904 г.

шимъ докладомъ объ увольненіи М. Е. изъ канцеляріи военнаго министерства входилъ военный министъ кн. Чернышевъ. Это видно изъ первой же бумаги дѣла.

27 апрѣля (1848 г.) онъ писалъ главноуправляющему III Отдѣленіемъ, гр. А. Ѳ. Орлову: «Поступившій изъ Императорскаго Александровскаго лицея въ 1844 году въ канцелярію военнаго министерства и служащій въ оной помощникомъ секретаря титулярный совѣтникъ Салтыковъ, въ противность существующихъ узаконеній, позволилъ себѣ помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ литературныя свои произведенія безъ дозволенія и вѣдома начальства, въ томъ числѣ и двѣ повѣсти, подъ заглавіемъ: «Противорѣчія» и «Запутанное дѣло». По разсмотрѣніи оказалось, что какъ самое содержаніе, такъ и все изложеніе сихъ повѣстей обнаруживаютъ вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе.

«По всеподданнѣйшему докладу моему, Государь Императоръ, снисходя къ молодости Салтыкова, Высочайше повелѣть соизволилъ уволить его отъ службы по канцеляріи военнаго министерства и немедленно отправить на служеніе тѣмъ же чиномъ въ Вятку, передавъ особому надзору тамошняго начальника губерніи, съ тѣмъ, чтобы губернаторъ о направленіи его образа мыслей и поведеніи постоянно доносилъ Государю Императору.

«Сдѣлавъ распоряженіе объ увольненіи Салтыкова отъ службы по канцеляріи военнаго министерства,—поспѣшаю о таковой Высочайшей волѣ сообщить В. С. для зависящаго распоряженія къ отправленію его по назначенію. Къ сему обязываюсь присовокупить, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ обо всемъ вышеизложенномъ поставленъ мною въ извѣстность и что титул. сов. Салтыковъ 26 сего апрѣля отосланъ къ с.-петербургскому коменданту для содержанія на гауптвахтѣ, впредь до отправленія его изъ С.-Петербурга».

Итакъ, ясно, что 26 числа М. Е. былъ уже на гауптвахтѣ.

Въ день полученія приведенной бумаги Чернышева III Отдѣленіемъ былъ назначенъ для его сопровожденія штабсъ-капитанъ петербургскаго жандармскаго дивизіона Рашкевичъ, получившій 28 апрѣля такое предписаніе Орлова:

«По Высочайшему повелѣнію, предписываю В. Б. немедленно явиться къ с.-петербургскому коменданту г. генералъ-майору барону Зальца, и принявъ, съ разрѣшенія его, содержащагося на гауптвахтѣ тит. сов. *Салтыкова*, тотчасъ отправиться съ симъ послѣднимъ въ Вятку; по прибытіи туда обязаны вы представить какъ самаго Салтыкова, такъ и прилагаемый при семъ пакетъ къ г. вятскому гражданскому губернатору, д. ст. сов. Середѣ; во время пути должны вы имѣть наблюденіе за Салтыковымъ и не дозволять ему останавливаться безъ надобности; послѣ того имѣете вы возвратиться въ С.-Петербургъ и донести мнѣ объ исполненіи возложеннаго на васъ порученія».

Въ пакетѣ на имя Середы лежало письмо къ нему гр. Орлова, въ которомъ было изложено все только что разсказанное. Одновременно начальнику 7-го округа корпуса жандармовъ, генералъ-майору П. Ѳ. Львову предписывалось «сдѣлать распоряженіе, дабы за Салтыковымъ имѣлось секретное наблюденіе» со стороны жандармскаго вятскаго штабъ-офицера.

Въ 9 часовъ вечера 28 апрѣля Салтыковъ былъ сданъ Рашкевичу, и они тронулись въ путь *).

А на слѣдующій день, когда М. Е. былъ уже по крайней мѣрѣ за 100—150 верстъ отъ Петербурга, Орловъ получилъ отъ Чернышева письмо Салтыкова къ начальнику канцеляріи военнаго министерства, Н. Н. Анненкову, написанное еще на гауптвахтѣ, 28 октября, за нѣсколько часовъ до отъѣзда:

«Ваше превосходительство! Если Государю Императору угодно было взыскать меня Своею немилостью, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ принять съ должнымъ смиреніемъ наказаніе, меня постигшее. Я могу только будущею моей жизнью доказать, сколь велико мое рвеніе къ престолу и отечеству. Объ одномъ осмѣливаюсь просить ваше превосходительство—о томъ, дабы за сутки до отправленія моего на мѣсто новаго назначенія, позволено было мнѣ отлучиться съ гауптвахты на честное слово, какъ для прощанія съ родственниками, такъ и для устройства своихъ сборовъ въ столь дальній путь и на неопредѣленное время.

Зная все ваше великодушіе, я вполнѣ увѣренъ, что ваше прев. примете на себя трудъ ходатайствовать о дарованіи мнѣ этой милости, тѣмъ болѣе, что, по извѣстному вамъ болѣзненному моему положенію, я долженъ спросить совѣтовъ пользующаго меня медика, какимъ образомъ поступать мнѣ въ дорогѣ.

«Вмѣстѣ съ этимъ не только обязанностью, но долгомъ своей чести почитаю искреннѣйше, отъ всей души благодарить ваше прев. за всѣ поощренія, которыя вамъ угодно было оказывать мнѣ во время служенія моего подъ начальствомъ вашимъ, и за то участіе, которое ваше прев. приняли къ облегченію постигшаго меня несчастья. Смѣю васъ увѣрить, что во всякое время моей жизни ваше прев. найдете во мнѣ самаго преданнаго себѣ слугу.

«Позвольте мнѣ также попросить вашего извиненія, если письмо мое написано, быть можетъ, слишкомъ наскоро и небрежно: новость моего положенія такова, что я и въ настоящее время не могу еще достаточно собраться съ мыслями.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностью имѣю честь пребыть вашего прев. навсегда покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою

Михаилъ Салтыковъ».

---

*) Какъ видимъ, ничего подобнаго разсказанному г. Скабичевскимъ не могло быть: Салтыковъ уволенъ не самимъ Чернышевымъ; бутурлинскому комитету не приходилось направлять какой-то докладъ въ III отдѣленіе; передъ квартирой Салтыкова ямская тройка съ жандармами не останавливалась; повелѣніе ѣхать въ Вятку было объявлено совсѣмъ иначе; чемоданы свои онъ собиралъ также иначе, въ шубѣ лѣтомъ не было надобности (*Скабичевскій*, „Исторія нов. рус. литературы", изд. 3, 275).

Ясно, что начальникъ канцеляріи смягчилъ докладъ Чернышева, вѣроятно желавшаго расправиться съ своимъ подчиненнымъ болѣе сурово, по-чернышевски, или оказалъ какое-нибудь вниманіе на гауптвахтѣ.

30-го апрѣля Орловъ отвѣтилъ Чернышеву, что за позднимъ полученіемъ письма Салтыкова не можетъ исполнить его просьбы. Такъ, значитъ, М. Е. и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись и ничего не устроивъ въ своихъ дѣлахъ *).

7 мая онъ былъ уже доставленъ вятскому губернатору **).

«Во время дороги все было благополучно»—заканчиваетъ Рашкевичъ свое объ этомъ донесеніе Орлову.

II.

О службѣ Салтыкова новаго ничего сказать нельзя.

Въ мартѣ 1849 г. родители М. Е. подали прошеніе на имя государя, прося простить ихъ сына и разрѣшить ему службу въ петербургской губерніи. Состоящій управляющимъ канцеляріи прошеній кн. А. Ѳ. Голицынъ запросилъ министра внутреннихъ дѣлъ о поведеніи Салтыкова и получилъ въ отвѣтъ, что «во все время пребыванія своего въ Вяткѣ онъ велъ себя очень хорошо, возлагаемыя на него порученія исполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностью и, по отличнымъ способностямъ своимъ, опредѣленъ въ ноябрѣ 1848 г. старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ губерніи»***). Гр. Перовскій прибавлялъ, что находитъ Салтыкова «нынѣ заслуживающимъ монаршаго милосердія». Голицынъ просилъ Орлова увѣдомить его, не представляется ли съ его стороны препятствій къ исходатайствованію просимой родителями милости. Орловъ отвѣчалъ, что не видитъ препятствій, но что «не излишне было бы предварительно спросить г. военнаго министра».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ Чернышевъ, но, повидимому, не въ пользу ходатайства, потому что Салтыковъ продолжалъ служить въ Вяткѣ.

Въ томъ же 1849 г. на него было обращено вниманіе по дѣлу петрашевцевъ. 30 августа Дубельтъ просилъ Середу, «не предъявляя Салтыкову его отношенія», отобрать отъ него письменные отвѣты на слѣдующіе вопросы: «знаетъ ли онъ Петрашевскаго, вольнослушателя петербургскаго университета Александра Тимоѳеевича Мадерскаго и секретаря Вольнаго экономическаго общества Романа Романовича Штрандмана; какимъ образомъ съ ними познакомился, посѣщалъ ли ихъ или бывшія у нихъ собранія; въ какихъ отношеніяхъ состоялъ онъ и помянутыя лица къ Петрашевскому; не имѣлъ ли съ ними сужденія о предметахъ политическихъ и въ чемъ оныя заключались; не предлагалъ ли ему Петрашевскій участвовать въ выписываніи книгъ, касающихся соціальныхъ системъ; и не припо-

*) О свиданіи въ дорогѣ съ братомъ нѣтъ никакихъ указаній.

**) О невыходѣ Середы и о пріемѣ Салтыкова полицеймейстеромъ—тоже.

***) Изъ дѣла видно, что жалованья М. Е. въ это время не получалъ.

мнитъ ли онъ, что весною 1846 года, во время посѣщенія имъ Штрандмана, былъ у него разговоръ объ устройствѣ общей библіотеки, при чемъ Петрашевскій разсказывалъ заглавія книгъ и взялся ихъ доставить». При этомъ грозный «le général Double» прибавилъ, что Салтыковъ «обязанъ объяснить все съ полною откровенностью, обнаруживъ, если ему извѣстно, всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ Петрашевскаго и «подтверждая при этомъ каждое указаніе или какой-либо выводъ опредѣленнымъ фактомъ».

Ровно черезъ мѣсяцъ ,30 сентября, Дубельтъ снова пишетъ Середѣ о томъ же, очевидно, недовольный медленностью вятскаго губернатора. Оказалось, что Середа не медлилъ: письмо Дубельта задержалось въ дорогѣ. 26 сентября онъ увѣдомлялъ послѣдняго, что поручено асессору губернскаго правленія Кабалерову отобрать, въ присутствіи жандармскаго полковника Андреева, отъ Салтыкова всѣ нужные отвѣты. Они внезапно явились на квартиру М. Е. и потому онъ на слѣдующій день прислалъ Кабалерову еще и дополнительныя показанія, которыя Середа и посылаетъ въ III Отдѣленіе. Къ сожалѣнію, какъ только они были получены, Дубельтъ направилъ ихъ предсѣдателю учрежденной тогда особой комиссіи, И. А. Набокову, и теперь, вѣроятно, эти показанія хранятся въ архивѣ главнаго военно-суднаго управленія.

Нужно думать, что роль Салтыкова въ дѣлѣ петрашевцевъ была именно той, какъ она обрисована его біографами, т.-е. весьма незначительной *).

III.

На четвертомъ году ссылки сына, потерявъ мужа, мать М. Е. рѣшила обратиться къ наслѣднику со слѣдующимъ прошеніемъ:

«Ваше Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, позвольте бѣдной матери, уже три года оплакивающей сына, пострадавшаго за легкомысліе, умолять Ваше И. В. повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора прилагаемое у сего всеподданѣйшее прошеніе, о прощеніи этого моего сына, тит. сов. Михаила Салтыкова, съ дозволеніемъ ему продолжать службу въ столицѣ.

«Благодѣяніе это озаритъ лучами радости все семейство мое, а сынъ мой ревностію и усердіемъ постарается оправдать и заслужить высокое покровительство В. И. В.

«Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности имѣю счастье именоваться В. И. В. вѣрноподданная Ольга Михайлова Салтыкова вдова коллежская совѣтница. 21 августа 1851 года. Жительство имѣю Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, въ селѣ Спаскомъ».

---

*) Невѣрно, что съ Салтыкова не снимали допроса и что все извѣстное о немъ, какъ о петрашевцѣ, коммиссія Набокова сообщила въ III отдѣленіи (ср. *Кранихфельдъ* „Міръ Божій", 1904. VI, 68).

Переданное въ III Отдѣленіе, прошеніе это было послано военному министру, испросившему въ 1848 г. увольненіе Салтыкова. Несмотря на перемѣну министра — тогда имъ былъ уже кн. В. А. Долгоруковъ — дѣло снова потерпѣло фіаско.

Къ военному же министру совѣтовали обратиться и самому Салтыкову, написавшему 28 октября 1851 года слѣдующее письмо гр. Орлову:

«Ваше сіятельство. Въ апрѣлѣ 1848 года, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, послѣдовавшему на всеподданѣйшій докладъ г. военнаго министра, я посланъ на службу въ распоряженіе вятскаго гражданскаго губернатора. Сознавая себя вполнѣ заслуживающимъ такой Монаршей немилости, я не осмѣливался утруждать ваше сіятельство просьбою о смягченіи моей участи; но въ настоящее время три съ половиной года изгнанія и соединенныхъ съ нимъ постоянныхъ усилій загладить мой проступокъ усерднымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ возложенныхъ на меня обязанностей, даютъ мнѣ нѣкоторую надежду, что ваше сіятельство не откажете мнѣ въ ходатайствѣ передъ священной особой Государя Императора о дарованіи мнѣ Всемилостивѣйшаго прощенія. Ежели же ваше сіятельство почему-либо изволите признать преждевременнымъ дозволить мнѣ продолжать службу въ С.-Петербургѣ, то я считалъ бы уже и то величайшею для себя милостью, ежели бы мнѣ было разрѣшено служить въ губерніи, не ограничиваясь одною Вятскою. Смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я употреблю всѣ силы свои, чтобы оправдать подобное снисхожденіе.

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою *Михаилъ Салтыковъ*».

Прося «принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности», Дубельтъ указалъ Салтыкову на единственное лицо, которое можетъ войти къ государю съ подобнымъ ходатайствомъ,—на военнаго министра...

Черезъ годъ Салтыковъ рѣшилъ ограничиться хоть отпускомъ и съ этой цѣлью просилъ губернатора направить просьбу отъ своего имени. Такъ и было сдѣлано. 16 января 1853 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ, сообщая Орлову о просьбѣ вятскаго губернатора дать совѣтнику тамошняго губернскаго правленія (уже коллежскому ассессору), Салтыкову, отпускъ на 4 мѣсяца въ Ярославскую, Тверскую и Московскую губерніи «для устройства домашнихъ дѣлъ по случаю смерти отца его»,— просилъ увѣдомить о согласіи на это III Отдѣленія. Орловъ направилъ дѣло снова къ военному министру, прибавивъ, что «въ поведеніи Салтыковъ вполнѣ одобряется». На этотъ разъ Долгоруковъ рѣшилъ, что все это касается лишь министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго служитъ М. Е.

Отпускъ былъ данъ, и Салтыковъ впервые за пять лѣтъ ссылки выѣхалъ изъ предѣловъ Вятской губерніи.

IV.

Еще черезъ годъ за Салтыкова просилъ уже и самъ вятскій жандармъ, генералъ-маіоръ бар. Тизенгаузенъ. Вотъ что онъ писалъ Дубельту 15 января 1854 года:

«Въ 1848 г., по Высочайшему повелѣнію, присланъ на службу въ Вятскую губернію бывшій помощникъ секретаря канцеляріи военнаго министерства тит. сов. *Салтыковъ* (нынѣ коллежскій ассессоръ) за написаніе въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ двухъ повѣстей, обнаруживавшихъ вредное направленіе мыслей.

«Въ продолженіе протедшихъ съ тѣхъ поръ шести лѣтъ Салтыковъ, какъ мнѣ извѣстно, усердною и вполнѣ честною своею службою постоянно обращалъ на себя вниманіе со стороны непосредственнаго своего начальства, вслѣдствіе чего и занимаетъ нынѣ мѣсто совѣтника Вятскаго губернскаго правленія.

«Во вниманіе къ сему начальникъ Вятской губерніи д. ст. сов. Семеновъ, находя нынѣ совершенно возможнымъ освободить г. Салтыкова отъ полицейскаго надзора и позволить ему продолжать службу гдѣ пожелаетъ, донося о семъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, просилъ его высокопревосходительство о всеподданѣйшемъ исходатайствованіи ему таковой Монаршей милости.

«Имѣвъ случай въ теченіе цѣлаго года лично наблюдать за образомъ мыслей и дѣйствіями г. Салтыкова, я не только не нашелъ въ нихъ ничего противнаго духу правительства, но, напротивъ того, встрѣтилъ въ немъ полное желаніе служить правительству со всѣмъ усердіемъ и готовностью быть полезнымъ.

«Убѣждаясь этимъ наблюденіемъ и принимая во вниманіе, что шестилѣтнее удаленіе въ Вятскую губернію могло дѣйствительно послужить г. Салтыкову урокомъ на будущее время и произвести въ самомъ его образѣ мыслей спасительную перемѣну, я долгомъ считаю съ своей стороны повергнуть участь его милостивому вниманію господина шефа жандармовъ, почему имѣю честь покорнѣйше просить ваше пр-во не отказать въ благосклонномъ ходатайствѣ вашемъ у его сіятельства, тѣмъ болѣе, что я имѣю полный поводъ думать, что всемилостивѣйшее прощеніе его поступка, совершоннаго еще въ молодыхъ лѣтахъ, будетъ г. Салтыковымъ глубоко почувствовано».

Но голосъ Тизенгаузена не былъ услышанъ... Бибиковъ, получивъ аналогичное ходатайство отъ Семенова, даже не снесся по этому поводу съ III Отдѣленіемъ, которое, согласно порядку сношеній, и не могло испрашивать милости чиновнику другого вѣдомства.

Однако Семеновъ не сложилъ рукъ и не отдалъ судьбу Салтыкова на попеченіе слѣпого случая. Черезъ годъ, въ январѣ 1855 года, онъ снова ходатайствуетъ за него передъ Бибиковымъ, говоритъ объ его «отлично усердной и честной службѣ» и заявляетъ, что «слѣдя за образомъ его

мыслей, независимо отъ служебной его дѣятельности, въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, не имѣлъ случая замѣтить въ немъ ничего противнаго видамъ правительства».

Потому ли, что это былъ повторный шагъ Салтыкова, по чему ли другому, но теперь Бибиковъ запросилъ мнѣніе Орлова. Послѣдній отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ прощенія Салтыкова.

Но и на этотъ разъ М. Е. не суждено было покинуть навсегда ненавистную Вятку. За болѣзнью, а потомъ смертью Николая I дѣло было оставлено подъ сукномъ.

Вмѣсто этого въ августѣ (1855 г.) М. Е. съѣздилъ на 28 дней въ Тверскую и Владимірскую губерніи, на что получилъ разрѣшеніе губернатора.

Не успѣлъ онъ вернуться изъ отпуска, какъ Бибикова смѣнилъ С. С. Ланской.

13 ноября (1855 г.) новый министръ внутреннихъ писалъ Орлову: «Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему объ усердной службѣ и о похвальномъ поведеніи и образѣ мыслей совѣтника вятскаго губернскаго правленія, надворнаго совѣтника Салтыкова, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить Салтыкову проживать и служить, гдѣ пожелаетъ» *).

Итакъ, вотъ когда, наконецъ, Салтыкову была дана полная свобода...

На этомъ я бы кончилъ и свою замѣтку, если бы въ «дѣлѣ» не было еще одной бумажки, относящейся уже къ болѣе поздней эпохѣ.

Эта «справка» (13 сентября 1862 г.) для какого-то невѣдомаго мнѣ лица, представленная кѣмъ-то въ III отдѣленіе

Привожу ее полностью:

«О лицахъ, упоминаемыхъ въ прилагаемомъ у сего спискѣ, въ 3-й экспедиціи нѣтъ свѣдѣній; извѣстно только частнымъ образомъ, что значущіеся подъ № 3 статскій совѣтникъ *Салтыковъ* и коллежскій регистраторъ *Головачевъ* принадлежатъ къ кружку *Каткова* и въ тѣсной дружбѣ съ сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника Пановскимъ* и княземъ *Кугушевымъ; Головачевъ* же слыветъ крайнимъ либераломъ».

При этомъ приложеніе:

«Изъ упоминаемыхъ въ приложенномъ спискѣ лицъ, по дѣламъ 1-й экспедиціи извѣстенъ только Михаилъ *Салтыковъ*, свѣдѣнія о которомъ изложены въ справкѣ, имѣющейся въ дѣлѣ о немъ.

«*Салтыковъ* въ послѣднее время былъ тверскимъ вице-губернаторомъ, а по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ подполковникомъ Симановскимъ, онъ свѣдущъ, дѣятеленъ, безкорыстенъ и пользуется особымъ вниманіемъ и довѣріемъ начальника губерніи».

Конечно, здѣсь есть и вздоръ. Такъ, напримѣръ, Салтыковъ вообще

*) Такимъ образомъ нельзя утверждать, что исключительно благодаря Ланскому Салтыковъ получилъ свободу. Какъ видно было, Бибиковъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы тоже самое. (Ср. *Михайловъ*: „Щедринъ какъ чиновникъ“, „Одесскій Листокъ“, 1889 г., № 198).

не принадлежалъ къ кружку Каткова, а сотрудничалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* только до 1860 года; въ періодъ же поворота Каткова на путь позорнаго мракобѣсія и доносительства онъ былъ уже его ярымъ противникомъ. Въ тѣсной дружбѣ съ кн. Кугушевымъ онъ тоже не состоялъ. Но во всякомъ случаѣ я заинтересовался «литературой» подполковника Симановскаго и нашелъ ее въ другомъ «дѣлѣ» *).

2 января 1861 года Симановскій доносилъ начальнику 2 (московскаго) округа корпуса жандармовъ генералу Перфильеву:

«*Вице-губернаторъ Солтыковъ*. Сведущъ, дѣятеленъ, безкорыстенъ,—требователенъ относительно сотрудниковъ, взыскателенъ относительно подчиненныхъ; этими качествами пріобрелъ особенное довѣріе и вниманіе начальника губерніи; такимъ же вниманіемъ встрѣченъ былъ и отъ лицъ здѣшняго избраннаго общества, сколько по значительности занимаемаго имъ мѣста, столько и по литературной его извѣстности; вниманіе это продолжается, но нельзя сказать, чтобы онъ успѣлъ достигнуть искренняго съ кѣмъ-либо сближенія или общаго расположенія.

«Взыскательность его и особо дѣятельный надзоръ за правильною дѣятельностью и служебною нравственностью чиновниковъ выразились значительно большимъ противъ прежнихъ лѣтъ числомъ лицъ, отданныхъ въ 1860 г. подъ уголовный судъ.

«Рѣшеніе этихъ дѣлъ должно показать, всѣ ли виновные заслуживали такую строгую противъ нихъ мѣру, впечатлѣніе же произведенное этими распоряженіями на служащихъ въ уѣздахъ, весьма натурально не въ пользу г. Солтыкова. Онъ искренно желаетъ уничтоженія крѣпостнаго права и дѣятельно преслѣдуетъ злоупотребленія онаго, о чемъ свидѣтельствуетъ значительное число слѣдствій, бывшихъ въ минувшемъ году, о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крѣпостными людьми по важнымъ и маловажнымъ поводамъ, устраненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ управленія имѣніемъ и вызовъ ихъ на жительство въ губернскій городъ».

Что можетъ быть благопріятнѣе такой характеристики наканунѣ освобожденія крестьянъ и возрожденія Россіи...

17 декабря 1861 года Симановскій еще доносилъ: «заслуживаетъ вниманіе непріятное и не въ пользу вице-губернатора Солтыкова впечатлѣніе, произведенное на общество статьею его «Клевета», напечатанною въ № 10 *Современника*».

И эта аттестація, несомнѣнно, вполнѣ благопріятна.

Мих. Лемке.

---

*) Дѣло № 247 1 засѣд. 1844 г. „о лицахъ, обращающихъ на себя почему-либо вниманіе правительства“, ч. 46, по Тверской губерніи.

Санитарный очеркъ работъ на соляныхъ копяхъ и промыслахъ.

Обиліе поваренной соли почти повсемѣстно на земномъ шарѣ; дешевизна ея и усиленное вслѣдствіе этого потребленіе въ домашнемъ обиходѣ чуть ли не всѣми народами и племенами; обширное примѣненіе ея въ техникѣ; сравнительно дешевая эксплоатація соляныхъ мѣсторожденій—все вмѣстѣ способствуетъ чрезвычайному развитію соляной промышленности.

Добыча соли съ каждымъ годомъ все увеличивается и достигла за періодъ времени съ 1892 по 1901 годы слѣдующихъ громадныхъ размѣровъ на главнѣйшихъ рынкахъ новаго и стараго свѣта.

	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
	Милліоны пудовъ.									
Великобританія	118,3	119,2	138,5	134,7	126,6	117,9	116,4	118,6	115,3	110,5
Соединен. Штаты Сѣверной Амер.	89,8	92,8	89,1	105,9	103,1	101,9	136,1	153,8	161,6	159,1
Россія	89	82	82,6	94	82,2	95,3	91,9	102,6	120,1	104,1
Германія	71,2	71,3	76,7	73,7	79,1	79,6	93,5	87,3	92,3	95,1
Франція	60,9	67,9	54,3	53,1	63,6	57,8	59,1	72,8	66,1	55,5

Такимъ образомъ изъ этой таблицы мы видимъ, что и Россія по соляной промышленности занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто и потому не лишнимъ будетъ познакомить читателей съ условіями труда многихъ тысячъ рабочихъ соляныхъ копей и промысловъ, причемъ будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ въ шахтахъ и на солеваренныхъ заводахъ, такъ какъ они находятся въ наименѣе, по нашему мнѣнію, благопріятныхъ условіяхъ.

Но прежде всего опишемъ общія свойства работъ при добываніи какъ естественной, такъ и искусственной соли.

I.

Поваренная соль бываетъ трехъ родовъ: *каменная, самосадочная и выварочная.*

Каменная соль представляется или въ видѣ совершенно кристаллической массы безъ всякихъ постороннихъ примѣсей, или же съ примѣсью ила, глины, гипса и т. под. Каменная соль образуетъ болѣе или менѣе значительныя залежи, которыя лежатъ или очень глубоко въ нѣдрахъ земли или выступаютъ на ея поверхность. Залежи эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ, какъ, напр., мощность залежи Илецкой защиты въ Оренбургской губерніи достигаетъ до 145 м.

Изъ залежей каменная соль выламывается, какъ всякая горная порода, шахтами, открытыми разработками, галлереями и т. д.

Разработка залежей каменной соли производится обычными горными выработками и переводомъ соли въ растворъ.

Горныя работы примѣняются при нахожденіи достаточно чистой каменной соли въ сравнительно мощныхъ залежахъ и не слишкомъ глубоко подъ землею.

Когда же каменная соль содержитъ много глины, гипса и другихъ примѣсей, или же если она лежитъ очень глубоко, тогда бываетъ удобнѣе переводить соль въ растворъ и въ такомъ видѣ поднимать на поверхность земли.

Въ большинствѣ случаевъ залежи каменной соли лежатъ на большой глубинѣ и для эксплоатаціи ихъ ведутся подземныя работы. Различаютъ выработки камерами, колоколовидныя и столбовыя. Послѣднія выработки самыя распространенныя. Разработка соляныхъ мѣсторожденій облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что каменная соль является прочнымъ строительнымъ матеріаломъ и позволяетъ дѣлать обширныя выемки безъ всякихъ крѣпленій.

Глина, которая покрываетъ залежи, задерживаетъ къ нимъ доступъ почвенныхъ водъ. При ломкѣ соли примѣняется обыкновенно порохострѣльная работа, причемъ, дается предпочтеніе крупному пороху, въ виду медленнаго его горѣнія и въ виду того, что онъ оставляетъ послѣ себя меньше продуктовъ горѣнія.

Каменная соль послѣ взрывовъ часто получается въ видѣ очень большихъ кусковъ, почему ее еще въ копяхъ разбиваютъ молотами, а потомъ уже выдаютъ на поверхность, гдѣ она дробится при помощи различныхъ дробилокъ.

Дальнѣйшее измельченіе производится на мельницахъ, гдѣ получается мука различной толщины. Лучшіе сорта каменной соли идутъ для приготовленія столовой соли, которая цѣнится, однако, ниже выварочной столовой соли. Прибавку ея легко узнать при нѣкоторомъ навыкѣ.

II.

Кромѣ залежей, поваренная соль входитъ въ составъ морской воды (2,5—2,75° соли), образуетъ главную массу солей нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ, въ большомъ количествѣ растворена въ водѣ многихъ озеръ; напр., Каспійская низменность насчитываетъ до 2.000 соляныхъ озеръ.

Много поваренной соли находится въ такъ называемыхъ солончакахъ или глинистыхъ почвахъ.

Изъ всѣхъ этихъ источниковъ соль добывается искусственно или сама осаждается при благопріятныхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, въ замкнутыхъ заливахъ, имѣющихъ лишь слабое сообщеніе съ моремъ. Соль при испареніи воды отлагается сама на днѣ и по берегамъ.

Большое количество этой «самосадочной» соли отлагается въ озерахъ Баскунчакскомъ, Эльтонскомъ и въ заливахъ Каспійскаго моря.

Для добыванія соли изъ морской воды существуетъ много способовъ; но упомянемъ только про слѣдующіе два: испареніе морской воды въ бассейнахъ и замораживаніе морской воды.

Испареніе морской воды въ бассейнахъ встрѣчается по берегамъ Атлантическаго океана, Чернаго и Каспійскаго морей, въ Крыму и пр. Самое простое производство, какъ это практикуется, напримѣръ, въ Италіи, заключается въ томъ, что на берегу моря выбираютъ низменное мѣсто (лагуну, озеро), лежащее ниже уровня моря или заливаемое моремъ во время прилива, наполняютъ его морскою водой и устраиваютъ дамбу, прекращающую дальнѣйшій доступъ воды.

Въ полученномъ бассейнѣ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей происходитъ выпариваніе соляного раствора. Когда растворъ сгустится, выдѣлившуюся соль выгребаютъ, а маточный растворъ спускаютъ въ море. Но эта соль всегда съ примѣсью глины и гипса.

Гораздо болѣе совершеннымъ является полученіе соли при помощи искусственныхъ неглубокихъ бассейновъ.

При устройствѣ бассейновъ дно тщательно уравнивается, покрывается глиной и укатывается валами; стѣнки тоже хорошо обмазываются глиной.

Садка соли начинается обыкновенно съ мая и длится до августа или сентября.

Соль ломается ежедневно или нѣсколько разъ въ недѣлю и выбирается лопатами или руками; при этомъ стараются по возможности не царапать дно бассейна, чтобы не грязнить соль.

При хорошей садкѣ слой соли долженъ состоять изъ большихъ твердыхъ кристалловъ, плотно соединенныхъ между собою и не разсыпающихся.

Способъ замораживанія морской воды практикуется въ сѣверныхъ странахъ, причемъ образующійся ледъ постоянно удаляется, а полученные такимъ образомъ сгущенные растворы выпариваются.

III.

Соляные источники по содержанію своему поваренной соли бываютъ очень разбавленные и насыщенные. Добывается соль изъ соляныхъ источниковъ при помощи выпариванія или вываривания растворовъ на огнѣ. Естественные источники, выходящіе на поверхность земли, обыкновенно содержатъ очень малое количество соли, потому что они сильно разбавляются почвенными водами; поэтому стараются по возможности брать растворы поглубже, ближе къ соленосному мѣсторожденію, служащему для питанія соляного источника. Для этой цѣли проводятъ шахты, которыя на большой глубинѣ встрѣчаютъ источникъ; стѣны шахты дѣлаются непроницаемыми для воды, для отвода которой проводятся штольни.

Вмѣсто шахтъ дѣлаютъ также и буровыя скважины діаметромъ до 80 см., идущія до самой соленосной массы. Въ эти скважины вставляются металлическія или деревянныя трубы. Такое оборудованіе удобно тамъ, гдѣ пластъ соли небольшой мощности и лежитъ очень глубоко. Хотя проведеніе буровой скважины идетъ скорѣе шахты и стоитъ дешевле, тѣмъ не менѣе этотъ способъ эксплоатаціи неудобенъ тѣмъ, что въ трубахъ соль осаждается всегда на стѣнкахъ и каналъ дѣлается вслѣдствіе этого очень узкимъ, который впослѣдствіи можетъ даже совсѣмъ закупориться.

Въ силу этого послѣдняго обстоятельства приходится проводить много буровыхъ скважинъ и по возможности недалеко другъ отъ друга, что можетъ повести къ обваламъ подземныхъ работъ. Достаются разсолы изъ шахтъ посредствомъ насосовъ.

Выварка соли ведется въ особыхъ зданіяхъ, называющихся варницами и производится главнымъ образомъ въ открытыхъ плоскихъ ваннахъ или сковородахъ (чрены). Послѣднія дѣлаются большей частью четырехугольными и плоскими отъ 100 до 300 кв. метровъ.

Неудобство большихъ чреновъ заключается въ томъ, что въ нихъ нагрѣваніе происходитъ не вездѣ равномѣрно, почему и соль получается различной тонкости; затѣмъ на нихъ легче можетъ образоваться прогибъ дна и неровности его, которыя затрудняютъ работу.

Наиболѣе удобная для работы ширина чрена—9 метровъ и тогда рабочій при выгребаніи соли легко можетъ достать кочергой до средины сковороды. Высота чрена бываетъ до 50 см., что, впрочемъ, зависитъ отъ сорта соли, который желательно получить: при приготовленіи крупной соли высота сковороды меньше, чѣмъ при приготовленіи мелкой.

Бока чрена бываютъ прямые и съ небольшимъ уклономъ наружу для облегченія выволочки соли.

Чрены дѣлаются изъ листовъ котельнаго желѣза, а для тѣхъ частей дна, которыя непосредственно соприкасаются съ пламенемъ, выбирается наилучшее желѣзо, листы ставятся нѣсколько толще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

А для того, чтобы по возможности избѣжать прогибъ дна въ мѣстахъ

непосредственно нагрѣваемыхъ огнемъ, внизу приклепываются желѣзныя полосы.

Дно дѣлается по возможности гладкимъ, а для защиты отъ излишней потери тепла борты обкладываются кирпичомъ.

Надъ сковородой устраивается колпакъ, въ которомъ собирается паръ, образующійся при кипяченіи разсоловъ; колпакъ имѣетъ трубу, черезъ которую паръ уходитъ наружу. Благодаря трубѣ надъ поверхностью разсола образуется тяга, которая облегчаетъ испареніе. Кромѣ того, колпакъ служитъ для сушки готовой соли.

Колпаки дѣлаются изъ дерева и имѣютъ видъ очень пологой крыши, укрѣпленной посредствомъ болтовъ на особыхъ столбахъ.

Труба, служащая для выхода пара, ставится надъ тѣмъ мѣстомъ сковороды, гдѣ сильнѣе идетъ парообразованіе. На нѣкоторыхъ заводахъ, гдѣ добывается мелкосортная соль, надъ колпакомъ ставятъ нѣсколько трубъ. Сверху труба защищается отъ дождя небольшимъ навѣсомъ, а для удаленія воды, образующейся отъ пара, внизу ея находятся желобки. Таково устройство бѣлыхъ варницъ.

Но есть и черныя варницы. Это деревянныя, плотно закрывающіяся зданія съ ямой, внутри которой горятъ дрова, а надъ ямой ставится сковорода. Дымъ и паръ уходятъ чрезъ отверстія въ крышѣ. Изъ-за недостаточнаго притока воздуха при горѣніи образуется много сажи, которая покрываетъ стѣны варницы и придаетъ грязный цвѣтъ получаемой соли.

Выварка состоитъ изъ двухъ главныхъ операцій: 1) кипяченія до степени насыщенія разсола и 2) осажденія соли. При кипѣніи изъ разсола выдѣляется гипсъ, углекислыя соли кальція, магнія, окись желѣза, органическія вещества и проч. Частью они собираются на поверхности разсола въ видѣ пѣны, которую снимаютъ шумовками, частью осѣдаютъ на дно сковороды въ видѣ шлама. Рабочіе постоянно сгребаютъ этотъ шламъ къ бортамъ съ наиболѣе нагрѣтыхъ мѣстъ сковороды, чтобы онъ не пригоралъ ко дну и чтобы въ этомъ мѣстѣ дно не дѣлалось плохимъ проводникомъ тепла. Удаляется шламъ кочергами, начиная съ средины къ одной и другой сторонѣ чрена; затѣмъ его выгребаютъ лопатами и складываютъ на колпакъ или въ корзины, чтобы стекъ разсолъ.

По мѣрѣ того какъ вода испаряется, подливаютъ новыя порціи разсола. Періодъ вываринанія кончается тогда, когда на поверхности разсола образуются мелкіе кристаллы, которые мало по малу собираются на днѣ.

Осѣвшую соль сгребаютъ время отъ времени къ бортамъ чрена, а затѣмъ и выгребаютъ дырчатами лопатами и кладутъ на помостъ рядомъ съ чреномъ для стеканія разсола. Вся операція полученія соли продолжается около сутокъ.

IV.

Сушеніе соли достигается различными способами. Крупная соль сушится на воздухѣ прямо; но мелкую такимъ образомъ трудно высушить.

Обыкновенно выгребенную соль кладутъ на колпакъ надъ чреномъ на цѣлыя сутки, а потомъ она вывозится вагонетками, движущимися по рельсамъ, проложеннымъ на помостѣ сбоку чрена въ сушильню.

Высушиваніе соли производится на особыхъ сковородкахъ, которыя ставятся обыкновенно сзади выпарительныхъ чреновъ надъ дымоходами.

Сковороды эти дѣлаются изъ чугунныхъ, желѣзныхъ плитокъ, изъ сланца и бетона. Дно сковороды покрывается слоемъ шлама изъ соли, который, высыхая, образуетъ бѣлую прочную кору, защищающую соль отъ загрязненія желѣзной ржавчиной. Высушиваютъ также соль въ горячихъ камерахъ съ сухимъ воздухомъ.

V.

Всѣхъ рабочихъ, принимающихъ участіе въ обработкѣ поваренной соли, можно раздѣлить на три главныя группы: первая группа работаетъ въ копяхъ, въ шахтахъ, вторая—на мельницахъ и третья—на солеваренныхъ заводахъ.

Рабочіе, обслуживающіе копи, будутъ: верховые, отвальщики (наверху шахты) бурильщики, вагонщики, патронщики, запальщики, стволовые и ремонтщики путей (въ шахтѣ).

Бурильщикъ сверлитъ въ массѣ соли длинные, достигающіе иногда до двухъ аршинъ, каналы. Эти послѣдніе дѣлаются какъ вручную, такъ и при посредствѣ электрическихъ буровъ.

Бурильная работа на соляныхъ копяхъ почти тождественна съ такою же работою на каменноугольныхъ рудникахъ. Правда, сверлить соленосную породу вслѣдствіе относительной ея мягкости гораздо легче, чѣмъ сверлить каменную породу или даже антрацитъ на каменноугольныхъ рудникахъ; но какъ тутъ, такъ и тамъ вся тяжесть работы падаетъ на верхнія конечности и главнымъ образомъ на ладонь и пальцы.

Къ числу профессіональныхъ болѣзней бурильщиковъ можно отнести нерѣдко случающееся среди нихъ воспаленіе сухожильныхъ влагалищъ мышцъ верхнихъ конечностей и, кромѣ того, вслѣдствіе постояннаго тренія и нажима рукояткой бура, у бурильщиковъ образуются на пальцахъ и ладоняхъ мозоли и ссадины, которыя всегда превращаются подъ вліяніемъ разъѣдающаго дѣйствія соли въ настоящія язвы. Пыль, образующаяся при буреніи, попадая въ дыхательные органы, глаза, раздражаетъ слизистую оболочку ихъ и вызываетъ въ ней катаральное состояніе.

Бурильщики не застрахованы и отъ несчастныхъ случаевъ. Послѣдніе главнымъ образомъ бываютъ при обвалахъ большихъ глыбъ соли, происхожденіе которыхъ находится въ зависимости отъ слѣдующаго обстоятельства. Послѣ «выпалки» подъ вліяніемъ дѣйствія взрывчатыхъ веществъ не вся соль отламывается въ забояхъ, а остаются висящіе, на первый взглядъ крѣпко держащіеся куски соли, которые вдругъ, безъ всякой видимой причины, отламываются и падаютъ на тутъ же находящихся рабочихъ.

Иногда же послѣ взрывовъ образуются въ массѣ соли громадныя трещины, черезъ которыя рабочіе посредствомъ ломовъ проникаютъ въ толщу соли, стараясь отдѣлить куски ея,—и вотъ тутъ-то нерѣдко бываетъ катастрофа съ неуспѣвшимъ вò-время убѣжать рабочимъ. Въ обоихъ выше приведенныхъ случаяхъ дѣло обыкновенно кончается смертью отъ тяжкихъ поврежденій.

Патронщики приготовляютъ пороховые патроны и забиваютъ ихъ ломомъ въ каналѣ вмѣстѣ съ фитилемъ, одинъ конецъ котораго, приблизительно съ $^1/_2$ аршина, оставляется торчащимъ наружу.

Хотя эта работа по существу не трудная, однако, она требуетъ большой опытности и осторожности въ виду примитивнаго способа приготовленія патроновъ и ихъ забиванія въ каналы.

Вагонщики увозятъ соль изъ забоевъ къ стволу. По характеру своему трудъ вагонщиковъ—самый тяжелый, принявъ во вниманіе, что забои отъ ствола нерѣдко находятся въ верстѣ и болѣе, и тяжесть вагонетки, доходящей до 60 пудовъ; извилистость пути и постоянный полумракъ отъ недостаточнаго освѣщенія шахты; частыя столкновенія при встрѣчѣ вагонетокъ и сходы ихъ съ рельсовъ. Можно себѣ представить, какое колоссальное напряженіе силъ необходимо употребить, чтобы поднять такую тяжесть! Но, къ счастью, есть другой выходъ: можно—что, вѣроятно, и дѣлается—наполовину опорожнить вагонетку; но вѣдь это замедляетъ работу и, наконецъ, невыгодно отражается всякая лишняя проволочка на заработкѣ вагонщиковъ, такъ какъ они получаютъ поштучно, за каждую доставленную къ стволу вагонетку. Естественно поэтому, что вагонщики, не щадя своего здоровья, подымаютъ вагонетки черезъ силу и надрываются.

Въ вагонщики поступаютъ люди здоровые и привычные къ тяжелому физическому труду. Не привыкшіе къ этой работѣ вагонщики не выдерживаютъ ее и скоро заболѣваютъ.

Нѣкоторые отдѣлы мышцъ верхнихъ и нижнихъ конечностей отъ постояннаго напряженія дѣлаются очень чувствительными и иногда даже опухаютъ.

Кромѣ того, съ вагонщиками часто случаются ушибы и пораненія во время столкновенія вагонетокъ. Можно было бы, конечно, живую силу человѣка при откаткѣ замѣнить механическою силою пара или электричества; но, къ сожалѣнію, такія шахты съ механическою откаткой трудно встрѣтить, и во всякомъ случаѣ онѣ принадлежатъ къ исключеніямъ.

На болѣе благоустроенныхъ копяхъ примѣняется лошадиная откатка.

На хорошо оборудованныхъ копяхъ шнуры зажигаются посредствомъ электрическаго тока, но, къ сожалѣнію, такія копи рѣдко встрѣчаются. Наичаще примѣняется слѣдующій способъ запалки: одинъ или нѣсколько человѣкъ, съ лампочкою въ рукахъ, подходятъ къ каждому шнуру и зажигаютъ фитили, идущіе къ нимъ. Эту работу исполняютъ *запальщики*.

Само собою разумѣется, что такой крайне примитивный способъ «за-

палки» можетъ быть очень опаснымъ, принявъ во вниманіе большое количество, до 50, шнуровъ въ одномъ забоѣ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ на сравнительно большомъ разстояніи, такъ что пока дойдешь до послѣдняго шнура, первый уже можетъ воспламениться, выстрѣлить и причинить увѣчье не успѣвшему во-время уйти запальщику.

А если мы представимъ себѣ, что вся эта работа при потолко-уступномъ способѣ выработки происходитъ на высотѣ 8—10 саженъ и что запальщикамъ приходится спускаться съ такой высоты по наваленнымъ грудамъ соли,—то поймемъ, что всякое промедленіе можетъ имѣть для нихъ тяжелыя послѣдствія.

Ремонтщики исправляютъ желѣзнодорожный путь въ шахтахъ съ конной тягой. Ихъ работа въ санитарномъ отношеніи ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется, и мы на ней останавливаться не будемъ.

Стволовые находятся у шахты и вся ихъ дѣятельность заключается въ удаленіи съ клѣти пустыхъ вагонетокъ на рудничный дворъ, установкѣ въ клѣти вагонетокъ, наполненныхъ солью или другимъ какимъ-либо матеріаломъ и подачѣ сигналовъ верховому, когда нагруженную клѣть нужно поднять изъ шахты на поверхность.

Если самъ по себѣ трудъ стволовыхъ и не легокъ, принимая во вниманіе большой грузъ вагонетокъ съ солью, которыя то и дѣло нужно передвигать съ мѣста на мѣсто, иногда подымать ихъ на себѣ и надрываться чрезмѣрною тяжестью,—то зато обстановка стволовыхъ на соляныхъ копяхъ несравненно лучше, чѣмъ, напримѣръ, на каменноугольныхъ рудникахъ.

Разница заключается въ томъ, что на соляныхъ копяхъ, на стволѣ сухо и нѣтъ той сырости, какъ на каменноугольныхъ рудникахъ, гдѣ вода льется буквально непрерывнымъ дождемъ, почему стволовые на первыхъ не такъ подвержены ревматическимъ заболѣваніямъ и простудѣ, какъ на вторыхъ.

Что же касается травматическихъ поврежденій, то они случаются довольно часто, особенно во время передвиженія вагонетокъ, которыя, кстати сказать, очень громоздки и велики, такъ какъ они большею частью деревянныя, а не желѣзныя. Ближайшая причина несчастныхъ случаевъ со стволовыми—это недостаточное освѣщеніе рудничнаго двора.

Верховые находятся у устья шахты и исполняютъ однородную работу, что стволовые внизу шахты, т.-е. разгружаютъ клѣти и нагружаютъ ихъ, останавливаютъ и опускаютъ клѣть, слѣдятъ за сигналами стволового и отмѣчаютъ на особой доскѣ количество выданныхъ на поверхность вагонетокъ съ солью.

Они же подаютъ соотвѣтственные сигналы машинисту, когда нужно опустить клѣть и съ какимъ грузомъ, главнымъ образомъ—съ людьми или безъ нихъ. Въ общемъ, условія работы верховыхъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ стволовыхъ. Тогда какъ послѣдніе, будучи въ шахтѣ, лишены свѣта

и чистаго воздуха, столь необходимыхъ человѣку, — первые, будучи въ надшахтномъ зданіи, пользуются всѣми этими существенными факторами.

Отвальщики доставляютъ вагонетки съ солью изъ надшахтнаго зданія въ дробилку, гдѣ соль сначала разламывается на болѣе мелкіе куски, а потомъ попадаетъ посредствомъ цѣлой системы элеваторовъ на жернова мельницы.

По характеру своему трудъ отвальщиковъ на соляныхъ копяхъ близко подходитъ къ труду откатчиковъ на каменноугольныхъ рудникахъ. Разница развѣ та, что отвальщикамъ на нѣкоторыхъ копяхъ приходится таскать вагонетки по менѣе длиннымъ эстокатамъ да къ тому же защищеннымъ со всѣхъ сторонъ отъ вліянія атмосферы, такъ какъ на соляныхъ копяхъ надшахтное зданіе соединено съ помѣщеніемъ, гдѣ находится дробилочное заведеніе и мельница. Происхожденіе травматическихъ поврежденій у отвальщиковъ такое же, какъ и у откатчиковъ, т.-е. главнымъ образомъ—столкновеніе встрѣчныхъ вагонетокъ.

Въ заключеніе обзора условій работы въ соляныхъ копяхъ отмѣтимъ, что кромѣ профессіональныхъ болѣзней, встрѣчающихся въ большей или меньшей степени среди рабочихъ въ копяхъ,— они всѣ подвержены простуднымъ заболѣваніямъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Ларингиты, бронхиты, мышечные и костные ревматизмы очень часто случаются среди нихъ.

VI.

На мельницахъ различаются слѣдующія группы рабочихъ: *жерновщики*, *зашивалки* и *выметальщицы*.

Трудъ всѣхъ этихъ трехъ рабочихъ группъ настолько легокъ и несложенъ, что о немъ можно было бы и не упоминать, но зато обстановка, при которой совершается этотъ трудъ, дѣйствительно—исключительная. Постоянный пронзительный стукъ дробилокъ, грохотовъ и другихъ мельничныхъ аппаратовъ буквально оглушаетъ, особенно непривычнаго человѣка.

Мельчайшая пыль, толстымъ слоемъ покрывающая все окружающее на мельницѣ, попадая въ глаза, ротъ, дыхательные органы, раздражаетъ ихъ и вызываетъ различныя заболѣванія въ нихъ.

На кожѣ пыль, смѣшиваясь съ потомъ, отмачиваетъ эпидермисъ ея и вызываетъ разныя накожныя болѣзни.

Разъѣдающее дѣйствіе соленой пыли настолько сильно, что часто приходится прерывать работу и иногда на довольно долгое время даже при небольшихъ пораненіяхъ и ссадинахъ, такъ какъ она, попадая въ совершенно закрытыя мѣста, какъ, напримѣръ, подъ плотно наложенную повязку,—можетъ превратить сравнительно небольшую ссадину или пораненіе въ хроническое изъязвленіе тканей—самая характерная особенность труда на соляныхъ промыслахъ.

Этимъ объясняется бросающіеся на первый взглядъ посѣтителя мельницы—красные, воспаленные и слезящіеся глаза у рабочихъ.

VII.

При описаніи различныхъ способовъ добыванія поваренной соли, мы замѣтили, что выварочный способъ рѣзко раздѣляется на двѣ операціи: 1) полученіе изъ воднаго разствора кристаллической соли и 2) сушка ея.

Первую работу обслуживаютъ *солевары*, а вторую — *сушники*. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ работъ и категорій рабочихъ, есть еще, такъ сказать, промежуточныя работы, какъ, напримѣръ, просѣиваніе соли и насыпаніе ея въ мѣшки съ различнымъ вѣсовымъ количествомъ.

Послѣднія двѣ обязанности исполняютъ женщины.

Самая тяжелая работа, какъ въ смыслѣ затрачиваемой на нее энергіи, такъ и въ смыслѣ антигигіеническомъ, приходится несомнѣнно на долю солеваровъ.

Вслѣдствіе сильной жары около чреновъ, солевары вынуждены работать *голыми*, оставивъ только на себѣ, и то изъ приличія, одни портки; а такъ какъ двери и окна на солеваренныхъ заводахъ почти всегда бываютъ раскрытыми, то въ силу этого солевары легко подвержены простудѣ.

Высокая температура и атмосфера, насыщенная горячими парами, которыми поневолѣ приходится дышать въ теченіе 12-часовой смѣны; однообразный и довольно тяжелый трудъ солеваровъ—все вмѣстѣ способствуетъ общему разслабленію ихъ здоровья.

Вотъ почему среди солеваровъ встрѣчаются преимущественно такія болѣзни, какъ ревматизмъ, воспаленіе дыхательныхъ путей, головныя боли и общее худосочіе, ведущее къ преждевременной старости и инвалидности.

Въ гораздо лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ находятся сушники. Тамъ, на сушильныхъ печахъ, нѣтъ, во-первыхъ, паровъ и температура воздуха не такъ высока; да и сама работа куда легче, чѣмъ у солеваровъ.

Р. Н. Шоръ.

Очерки по рабочему вопросу *).

Расторженіе договора.

I.

Трудно подыскать другую область законодательнаго творчества, гдѣ съ такой ясностью и откровенностью сказались бы взгляды правительства на рабочій вопросъ, какъ въ статьяхъ закона о наймѣ, призванныхъ регламентировать условія расторженія договора. Правительство нисколько не стѣснялось раскрыть свои карты и, прикрываясь фиговымъ листкомъ общественнаго спокойствія, оно въ то же время не переставало твердить: «мы стоимъ на стражѣ интересовъ буржуазіи, мы не дадимъ въ обиду капиталистовъ, эту опору и мощь монархіи, пуще огня боимся мы растущаго пролетаріата, и мы приложимъ всѣ старанія къ тому, чтобы подавить въ рабочемъ классѣ его стремленія къ болѣе человѣческимъ условіямъ существованія».

Свято вѣря въ то, что недовольство въ рабочей средѣ создается только кучкой агитаторовъ, что вся масса пролетаріата строго лойальна и горячо привержена къ самодержавію, правительство возлагало всѣ надежды на путь репрессіи и административно-полицейскаго воздѣйствія. Въ теченіе двадцати лѣтъ правительство испытало всѣ средства въ цѣляхъ подавленія рабочаго движенія. Тюрьма и ссылка находили себѣ обширное примѣненіе вперемежку съ кнутомъ, нагайкой и огнестрѣльнымъ оружіемъ.

У рабочаго изъ-подъ ногъ ускользала даже та шаткая почва права, на которой стоялъ до сихъ поръ обыкновенный россійскій обыватель. Пролетаріатъ былъ объявленъ внѣ закона. Думали водвореніемъ вѣчной тьмы въ жилищѣ рабочаго не дать ему возможности оглянуться и понять весь ужасъ своего положенія; надѣялись систематическимъ подавленіемъ въ рабочихъ ихъ стремленій къ освобожденію отъ ига капитала уничтожить въ корнѣ то противодѣйствіе, тотъ протестъ, какимъ организованный и сознательный пролетаріатъ могъ бы отвѣтить на творившуюся вокругъ него вакханалію лжи и реакціи.

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1905 г.

Послѣ многихъ лѣтъ безцеремоннаго хозяйничанья въ странѣ, бюрократія сама, какъ увидимъ, должна была сознаться въ своемъ безсиліи справиться съ растущимъ рабочимъ движеніемъ, имѣющимъ въ своей основѣ насущныя матеріальныя и духовныя потребности пролетаріата. Репрессіи, какъ жестоки онѣ ни были и какъ послѣдовательно онѣ ни проводились, оказались слишкомъ слабымъ средствомъ, которымъ не удалось добиться благоденствія и спокойствія для бюрократіи.

Законодатель не упускалъ ни одного удобнаго случая безъ того, чтобы не уязвить рабочаго, ударить его по самому больному мѣсту. Мы уже видѣли, что, пока рабочій остается на фабрикѣ, онъ является неотъемлемой принадлежностью хозяина, его покорнымъ рабомъ. Онъ не смѣетъ подъ страхомъ каръ и взысканій предъявлять свои требованія, онъ весь во власти предпринимателя, которому предоставлено широкое право казнить и миловать своихъ подчиненныхъ, удовлетворять ихъ требованія или отказывать въ удовлетвореніи ихъ наиболѣе насущныхъ нуждъ. Рабочій, какъ мы уже говорили, не имѣетъ никакихъ правъ, а несетъ только однѣ тяжелыя обязанности въ угоду капиталу.

Но вотъ чаша терпѣнія рабочаго переполнилась. Невыносимыя условія труда сдѣлали для рабочаго голодъ и нужду гораздо менѣе тяжкими, чѣмъ работа на фабрикѣ. Лучше уйти безъ оглядки изъ обстановки, обрекающей рабочаго на физическое вырожденіе, на умственное и нравственное отупѣніе, и совершенно пренебречь тѣми лишеніями, которыя ждутъ пролетарія за стѣнами промышленнаго заведенія. Но твердое рѣшеніе рабочаго покинуть фабрику встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ законѣ, имѣющемъ явной цѣлью прикрѣпить рабочихъ къ предпріятію.

Въ самомъ текстѣ закона 3 іюня 1886 года нѣтъ никакихъ указаній на тѣ случаи, когда рабочій имѣетъ право расторгнуть договоръ безъ всякаго предупрежденія хозяина. Только въ 1897 году сенатъ разъяснилъ, что измѣненіе владѣльцемъ предпріятія условій найма, влекущее за собой пониженіе заработной платы безъ предупрежденія рабочихъ за двѣ недѣли о таковомъ измѣненіи, даетъ право рабочему расторгнуть договоръ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій не получаетъ причитающейся ему платы, онъ не имѣетъ права уйти съ фабрики или съ завода, а долженъ судебнымъ порядкомъ требовать расторженія заключеннаго съ нимъ договора (ст. 98 пром. уст.). Итакъ, въ огражденіе интересовъ рабочихъ не принято никакихъ рѣшительно мѣръ. По смыслу дѣйствующаго законодательства, капиталисту незачѣмъ выступать въ сношеніяхъ съ рабочими на открытый путь и понижать условленную заработную плату. Такой шагъ слишкомъ опасенъ и можетъ привести къ оставленію рабочими фабрики. Предприниматель можетъ просто прекратить выдачу вознагражденія рабочимъ. Въ этихъ случаяхъ онъ только выигрываетъ. Правда, судъ, куда долженъ обратиться рабочій для расторженія договора, можетъ возложить на фабриканта обязательство уплатить рабочему не только слѣдуемую ему заработную плату, но и особое вознагражденіе, въ размѣрѣ, не пре-

вышающемъ при срочномъ договорѣ двухмѣсячнаго его заработка, а при договорѣ на срокъ неопредѣленный—двухнедѣльнаго заработка. Но предприниматель слишкомъ хорошо знаетъ, какъ боится русскій человѣкъ суда, какимъ непосильнымъ бременемъ является для него судебная волокита. Ждать въ теченіе мѣсяца рѣшенія суда, а послѣ этого опять ждать реализаціи приговора—для рабочаго, живущаго трудами своихъ рукъ, дѣло не легкое. Прижимистый хозяинъ можетъ всегда не безъ основанія разсчитывать на то, что рабочій въ послѣдній моментъ откажется отъ суда, уступитъ и согласится на пониженіе заработной платы, что составляетъ нарушеніе 96 ст. промышленнаго устава. Помимо того приходится считаться съ фактомъ экономической несостоятельности нѣкоторыхъ хозяевъ. Вѣдь можетъ случиться и такъ, что рабочій не будетъ получать усиленнаго вознагражденія, что судъ по истеченіи мѣсяца выскажется всецѣло въ пользу рабочаго, что договоръ будетъ расторгнутъ, и хозяинъ долженъ будетъ, согласно приговору суда, уплатить причитающуюся съ него сумму, но рабочій все-таки ничего не получитъ. У предпринимателя нечѣмъ заплатить, — такой отвѣтъ можетъ послѣдовать на всѣ справедливыя домогательства рабочихъ, и законъ въ этомъ отношеніи не только не предусматриваетъ никакихъ мѣръ для защиты интересовъ труда, но не допускаетъ расторженія договора до рѣшенія суда и тѣмъ самымъ явно становится на сторону неаккуратныхъ плательщиковъ изъ среды предпринимателей.

Уплачиваетъ ли владѣлецъ предпріятія условленное вознагражденіе, или нѣтъ,—все равно рабочій прикованъ къ фабрикѣ и не можетъ покинуть ее внѣ соблюденія опредѣленныхъ, нерѣдко весьма тяжелыхъ правилъ. Законъ рѣшительно не принимаетъ въ разсчетъ нуждъ пролетаріата, но зато свято чтитъ интересы буржуазіи и старается при всѣхъ условіяхъ обезпечить за предпринимателями опредѣленное количество рабочихъ рукъ. «При наймѣ на срокъ неопредѣленный,—гласитъ законъ,—каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ намѣреніи за двѣ недѣли» (ст. 95). Мы уже видѣли, чѣмъ рискуетъ предприниматель при нарушеніи этой статьи закона. Единственно, что угрожаетъ въ такихъ случаяхъ предпринимателю, это—гражданская отвѣтственность по суду, которую не всегда въ состояніи осуществить рабочій. Послѣдній не всегда въ состояніи точно оформить своей жалобы на незаконное увольненіе, тогда какъ хозяева отлично знаютъ всѣ пути обхода закона и дѣлаютъ изъ нихъ широкое примѣненіе. Такъ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ при ст. Баку практикуется такой способъ обхода требованія закона относительно предупрежденія за двѣ недѣли при расторженіи договора [1]). Въ прошеніе о принятіи на службу мастеровой обязанъ включить слѣдующую оговорку: «если бы я въ депо оказался лишнимъ, то прошу уволить меня отъ службы безъ

[1]) *С. Н. Прокоповичъ.* Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб., 1905.

предупрежденія, на что протестовъ съ моей стороны не будетъ». Но одновременно онъ обязанъ подать и другое прошеніе, въ которомъ значится: «не желая продолжать далѣе службу, прошу васъ, г. начальникъ, уволить меня отъ таковой».

Но фабрикантамъ вовсе незачѣмъ прибѣгать къ уловкамъ съ цѣлью избавиться отъ нежелательнаго рабочаго. Во многихъ случаяхъ предприниматели не церемонятся съ рабочими и, пользуясь своей относительной безнаказанностью, отказываютъ имъ до срока отъ службы. Въ отчетѣ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 годъ значится 5014 жалобъ, оказавшихся основательными,—жалобъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ отказъ отъ работы до срока. Предприниматели считаютъ возможнымъ издѣваться надъ закономъ 3 іюня 1886 года и вносятъ нерѣдко въ разсчетныя книжки правила, которыя идутъ явно вразрѣзъ съ дѣйствующимъ закономъ. Такъ, въ правилахъ одного изъ крупнѣйшихъ уральскихъ заводовъ,—Нижне-Тагильскаго, — мы читаемъ [1]): «рабочій, имѣющій разсчетную книжку, считается поступившимъ на работу на срокъ неопредѣленный, *прекращающійся съ окончаніемъ работы,* на которую онъ нанимался; въ случаѣ недостатка вообще работъ или работы, соотвѣтствующей опытности и способности рабочаго, всѣ отношенія такого рабочаго съ конторой по найму считаются прекратившимися». Въ этомъ пунктѣ правилъ, устанавливающемъ условія расторженія договора, явно нарушена статья 95 устава о промышленности, требующая предупрежденія рабочаго за двѣ недѣли о предстоящемъ его увольненіи. Но тѣмъ не менѣе условія найма Нижне-Тагильскаго завода разсмотрѣны окружнымъ инженеромъ, признаны имъ правильными и утверждены. Стоитъ ли, спрашивается, капиталисту измышлять всякаго рода тонкіе обходы закона, когда сами представители надзора готовы пожертвовать и закономъ, и интересами трудящихся къ вящей выгодѣ предпринимателей?

Такое же точно безцеремонное отношеніе къ закону и къ его требованіямъ мы находимъ въ разсчетной книжкѣ, введенной на заводахъ и промыслахъ княгини Абамелекъ-Лазаревой [2]). Пунктъ четвертый правилъ гласитъ: «всѣ служащіе приглашаются на неопредѣленные сроки службы, и заводоуправленіе оставляетъ за собой право увольненія ихъ отъ службы *во всякое время*, хотя бы и безъ объясненія причинъ». Здѣсь и слова нѣтъ о предупрежденіи за двѣ недѣли до увольненія, и предприниматели сами себѣ берутъ жестокое право, котораго не предоставляетъ имъ даже пропитанный весь насквозь буржуазными тенденціями законъ 1886 года.

Но если бы даже предприниматель твердо держался почвы законности, то и въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ во всякое время достаточно основаній и полную возможность избавиться отъ нежелательнаго рабочаго. Ст. 105 промышленнаго устава предоставляетъ хозяину предпріятія право при-

---

[1]) *Русская Мысль*. Февраль, 1905.

[2]) *Сынъ Отечества*. № 131. 1905.

бѣгнуть къ расторженію договора и въ случаѣ неявки рабочаго на работу болѣе трехъ дней сряду или въ сложности болѣе шести дней въ мѣсяцъ безъ уважительныхъ, и въ случаѣ неявки рабочаго на работу болѣе двухъ недѣль сряду по уважительнымъ причинамъ, и вслѣдствіе привлеченія рабочаго къ суду по обвиненію въ преступномъ дѣйствіи, влекущемъ за собой тюремное заключеніе, и вслѣдствіе дерзости или дурного поведенія рабочихъ, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого-либо изъ лицъ фабричнаго управленія или наблюдающихъ за работами, и, наконецъ, вслѣдствіе обнаруженія у рабочаго заразительной болѣзни.

Одного только поверхностнаго взгляда на эту статью закона, опредѣляющую условія, при которыхъ хозяинъ имѣетъ право расторгнуть договоръ найма, достаточно, для того чтобы понять, насколько грубо и жестоко нарушались интересы пролетаріата. И дѣйствительно, въ рабочемъ законъ упорно не хочетъ признавать человѣка, личность трудящихся совершенно не принимается въ разсчетъ.

Рабочая сила — товаръ, который за извѣстную цѣну покупается на рынкѣ. Разъ рабочій не въ состояніи больше дать того товара, который отъ него требуется, онъ немедленно выбрасывается на улицу. Такая точка зрѣнія въ совершенствѣ усвоена законодателемъ и послѣдовательно проведена по всѣмъ пунктамъ закона. Рабочему нужно только не являться на работу въ теченіе двухъ недѣль даже по уважительнымъ причинамъ, даже вслѣдствіе тяжкой болѣзни, для того чтобы лишиться мѣста. У рабочаго обнаружена заразительная болѣзнь, и его снова ждетъ горькая участь очутиться на улицѣ безъ пріюта и безъ средствъ къ существованію. Ищите въ этихъ пунктахъ пресловутой статьи 105 признаки заботливости правительства о рабочемъ классѣ, постарайтесь разгадать, въ чемъ господа Литвиновы-Фалинскіе и имъ подобные находятъ слѣды доброжелательнаго отношенія бюрократіи къ пролетаріату.

Нужно отдать справедливость капиталистамъ: они сумѣли использовать съ достаточной полнотой тѣ права, какія предоставлены имъ милостивымъ закономъ. Общественное мнѣніе не разъ высказывалось рѣшительно противъ указанныхъ пунктовъ ст. 105, обрекающихъ рабочихъ на голодъ и нужду въ тѣ моменты, когда они больше всего нуждаются въ кровѣ и въ пищѣ. Но правительство, для котораго пролетаріатъ всегда былъ грозной и опасной силой, не хотѣло поступиться ни одной даже самой ничтожной выгодой буржуазіи въ интересахъ рабочаго класса. И ст. 105 оставалась незыблемой, какъ остаются незыблемыми многіе устои нашей жизни, за которые цѣпко держится отживающій режимъ.

Законодатель позаботился также о покоѣ фабрикантовъ, объ ихъ нравственномъ авторитетѣ. Рабочій, позволившій себѣ посягнуть на этотъ авторитетъ, немедленно изгоняется изъ фабрики. Дерзость рабочаго признается достаточнымъ поводомъ для расторженія договора, его дурное поведеніе, угрожающее имущественнымъ интересамъ предпринимателя или

его личной безопасности, опять-таки ведетъ къ расторженію договора на законномъ основаніи. Растяжимость понятія дерзости отдаетъ рабочаго всецѣло во власть предпринимателя или завѣдующаго промышленнымъ заведеніемъ. Стоитъ только рабочему, выведенному изъ себя постоянными придирками, сказать хотя бы одно рѣзкое слово мастеру, и онъ уже летитъ за бортъ на основаніи 105 статьи промышленнаго устава. Мало того. Законодатель въ своихъ заботахъ о капиталѣ и о его прислужникахъ дошелъ до того, что передалъ и чисто полицейскія функціи въ руки хозяевъ предпріятія. На долю этихъ послѣднихъ выпадаетъ весьма желательная для нихъ роль освобожденія фабрики отъ злонамѣренныхъ элементовъ. Однимъ капиталистамъ или довѣреннымъ ихъ лицамъ приходится рѣшить вопросъ, угрожаетъ ли дурное поведеніе рабочаго имущественнымъ интересамъ фабрики, личной чьей-либо безопасности, или нѣтъ? Гдѣ же гарантія, что хозяинъ предпріятія будетъ судить правильно, что его не заставитъ излишній страхъ или личная непріязнь къ какому-либо рабочему расторгнуть съ нимъ договоръ? Фабрика оказывается въ состояніи, которое напоминаетъ собой состояніе мѣстностей, подчиненныхъ положенію объ усиленной охранѣ. Право, принадлежащее здѣсь чинамъ администраціи по безапелляціонному выселенію лицъ, угрожающихъ общественному порядку и спокойствію, предоставлено на фабрикѣ предпринимателямъ, рѣшающимъ также безапелляціонно вопросъ о виновности рабочихъ и на основаніи однѣхъ догадокъ, недобросовѣстныхъ доносовъ и предположеній лишающимъ рабочаго заработка. Какъ положеніе объ усиленной охранѣ подверглось осужденію въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества и даже въ правящихъ сферахъ, точно такъ же только категорическаго осужденія заслуживаетъ фабричная система, основанная на полицейскомъ сыскѣ и на административномъ произволѣ.

Жалобы на произвольное толкованіе статьи 105 раздаются очень часто въ рабочей средѣ. «Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, — читаемъ мы въ отчетѣ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 годъ [1]),—жалобы на отказъ отъ работы до истеченія срока найма вызываются неправильнымъ толкованіемъ завѣдующими промышленнымъ заведеніемъ въ свою пользу пункта 4 статьи 105 Уст. Промышл., на которую, по заявленію окружнаго инспектора Варшавскаго округа, завѣдывающіе особенно любятъ ссылаться, подводя подъ дерзость всякое выраженіе рабочаго, а подъ дурное поведеніе—неисправную работу». Недостаточная ясность п. 4 ст. 105 въ особенности ощутительна на заводахъ юга Россіи. «Въ статьѣ,—говоритъ старшій инспекторъ Екатеринославской губерніи,—не указывается, какая дерзость и къ кому относящаяся влечетъ за собой расторженіе договора. Чаще всего происходятъ столкновенія рабочихъ съ мастерами, непосредственно руководящими работами въ отдѣленіяхъ заводовъ; въ большинствѣ случаевъ недалеко ушедшіе по своему образованію и воспитанію отъ

---

[1]) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 годъ. Спб., 1904.

простыхъ рабочихъ, нерѣдко иностранцы, незнающіе русскаго языка, люди очень грубые, мастера эти очень часто допускаютъ въ обращеніи съ рабочими неприличную брань и даже прибѣгаютъ къ кулачной расправѣ. Естественно, въ отвѣтъ на такое обращеніе рабочіе реагируютъ иногда бранью, иногда указаніемъ мастеру, разумѣется, не въ вѣжливой формѣ, на его самоуправство; во всѣхъ такихъ случаяхъ, по представленіямъ мастеровъ, къ рабочимъ примѣняется п. 4 ст. 105».

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, въ достаточной степени характерныхъ для закона 3 іюня 1886 года, удивительно только непониманіе, обнаруженное фабричными инспекторами обычной политики правительства въ рабочемъ вопросѣ. Чинамъ надзора кажется, что стоитъ только болѣе рѣзко установить, за какіе случаи рабочій подлежитъ увольненію, и фабрика перестанетъ играть роль тюрьмы съ каторжнымъ режимомъ для рабочаго класса. Дѣло, конечно, не въ неправильномъ толкованіи статьи 105. Напротивъ, фабриканты толкуютъ эту статью совершенно правильно въ томъ духѣ, въ какомъ это было желательно для бюрократіи, создавшей пресловутый законъ о наймѣ. Правительство, слѣпо преданное интересамъ буржуазіи, со страхомъ взирающее на ростъ пролетаріата, имѣло въ виду дать въ руки предпринимателей вѣрное оружіе противъ строптивыхъ и непокорныхъ рабочихъ. Законъ редактированъ недостаточно ясно и неполно именно съ той цѣлью, чтобы владѣльцы предпріятій въ любое время могли очистить фабрику отъ злонамѣренныхъ элементовъ. Въ этомъ отношеніи на помощь закону пришелъ правительствующій сенатъ, поспѣшившій разъяснить [1]), что и «ослушаніе рабочаго и произнесеніе имъ брани по адресу состава фабричнаго управленія и, наконецъ, небрежность рабочаго могутъ быть признаны подходящими подъ условіе примѣненія ст. 105, если по обстоятельствамъ дѣла въ подобныхъ дѣйствіяхъ будетъ усмотрѣно проявленіе дерзости или дурного поведенія, угрожающихъ фабричнымъ интересамъ, при чемъ, само собой разумѣется, законъ не требуетъ, чтобы дурное поведеніе рабочаго продолжалось во все время службы его на фабрикѣ. Поэтому порча или остановка машинъ, бывшая послѣдствіемъ дурного поведенія рабочаго, можетъ быть причиной увольненія рабочаго».

Мы видимъ, что сенатъ взглянулъ гораздо болѣе трезво на дѣло, чѣмъ фабричные инспектора. Считаясь съ буквой закона и съ его тайнымъ смысломъ, сенатъ и даетъ поучительный урокъ чинамъ надзора, указывая имъ на то, что всѣ случаи, отмѣченные ими, какъ возмутительныя проявленія дикаго произвола, санкціонированы «благожелательнымъ» закономъ. Dura lex, sed lex,—говоритъ сенатъ. Тяжело приходится фабричному рабочему подъ игомъ россійскихъ законовъ, но правительство преслѣдовало свои цѣли, которымъ безжалостно принесенъ въ жертву интересъ пролетаріата.

---

[1]) *М. Шрамченко.*—Уставъ о промышленности. Спб., 1899.

Понятно теперь, почему предприниматели съ такимъ упорствомъ отстаиваютъ свое право безапелляціонно увольнять рабочаго. Иваново-Вознесенскіе рабочіе во время стачки требовали, чтобъ вопросъ о расторженіи договора рѣшала комиссія съ участіемъ представителей рабочихъ. Фабриканты съ негодованіемъ отвергли это требованіе. Въ такомъ же категорически-отрицательномъ смыслѣ высказался и московскій биржевой комитетъ относительно ограниченія правъ хозяевъ на расторженіе договора [1]). Комитетъ нашелъ, что право увольнять рабочихъ должно оставаться за администраціей фабрики, учрежденіе же особой комиссіи для увольненія рабочихъ съ участіемъ представителей отъ рабочихъ *съ правомъ, хотя бы совѣщательнаго голоса*, недопустимо.

Допущеніе въ законѣ недостаточной полноты и неясностей необходимо для того, чтобы дать возможность правительству проявлять гибкость въ толкованіи установленныхъ правилъ въ интересахъ охраняемой буржуазіи и отживающаго государственнаго строя. Доказательство нашей мысли мы видимъ въ новыхъ проектахъ министерства финансовъ по рабочему вопросу, представляющихъ собою смѣсь обхода дѣйствующихъ законовъ, полицейскаго крючкотворства и бюрократической косности. И удивительно, что прошлое ничему не научило правящихъ, и они выступаютъ со своими половинчатыми и хитроумными мѣрами въ моментъ наибольшаго напряженія волны рабочаго движенія.

Какъ извѣстно, министерство финансовъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ рѣшило выступить съ проектомъ отмѣны карательныхъ статей закона за стачки. Въ мартѣ проектъ былъ отпечатанъ въ видѣ записки, пошелъ гулять по различнымъ вѣдомствамъ, гдѣ начались о немъ обычные безплодные толки и разговоры. Проектъ еще до сихъ поръ не сталъ закономъ, но министерство финансовъ, испугавшись своей смѣлости, само стало назадъ брать свои первоначальныя предположенія. Во второй исправленной и дополненной редакціи законопроекта, послѣдовавшей въ іюнѣ мѣсяцѣ, министерство финансовъ, очевидно, подъ вліяніемъ видныхъ представителей буржуазіи, рѣшаетъ, что стачка является достаточнымъ поводомъ для расторженія договора. Если бы правительство при этомъ не ссылалось на законъ, мы бы сказали, что оно осталось вѣрнымъ самому себѣ, что оно попрежнему рѣшило противодѣйствовать всѣми силами возникновенію стачекъ и дать лишній козырь буржуазіи въ ея борьбѣ съ пролетаріатомъ. Но подтвержденіе права предпринимателя расторгнуть договоръ съ стачечниками ссылкой на дѣйствующій законъ представляетъ собой, по нашему мнѣнію, злостную попытку фальсифицировать общественное мнѣніе, ввести въ заблужденіе пролетаріатъ.

Разумѣется, правительству никого обмануть не удастся. Для всѣхъ ясно, что и обновленное правительство будетъ придерживаться старыхъ методовъ административно-полицейскаго воздѣйствія на рабочихъ, что ми-

---

[1]) *Русскія Вѣдомости.* № 93. 1905.

нистерство финансовъ проектируетъ лишь замѣну прежде примѣнявшихся уголовныхъ репрессій по отношенію къ стачечникамъ причиненіемъ имъ матеріальнаго ущерба, лишеніемъ ихъ того рубля, который избавляетъ ихъ отъ голодной смерти. Но ясно стало также и то, что правительство въ интересахъ достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей даже искажаетъ смыслъ имъ же созданныхъ законовъ.

Такъ, въ іюньскомъ законопроектѣ о стачкахъ мы читаемъ: «выяснилось, что рабочіе, оставляющіе работу самовольно, по стачкѣ, должны быть разсматриваемы, какъ расторгающіе этимъ самымъ договоръ найма, а потому, согласно п. 1 ст. 104 уст. пром., по отношенію къ нимъ должно быть предоставлено право заводоуправленіямъ немедленно, со своей стороны, также прекратить договорныя отношенія».

Обратимся теперь къ пункту I ст. 104, на который такъ охотно ссылается министерство финансовъ, и мы увидимъ, что онъ гласитъ буквально слѣдующее: «договоръ найма рабочаго съ фабричнымъ или заводскимъ управленіемъ прекращается по *взаимному соглашенію сторонъ*». Законъ, кажется, совершенно ясенъ, и, по крайней мѣрѣ, въ этой своей части не даетъ поводовъ для превратныхъ толкованій. Для расторженія договора требуется взаимное соглашеніе сторонъ. Почему же министерство финансовъ усматриваетъ въ стачкѣ желаніе рабочаго расторгнуть договоръ? Стачечники вовсе не имѣютъ въ виду оставить фабрику или заводъ, они стремятся лишь къ измѣненію условій труда. Гдѣ же тутъ взаимное соглашеніе, и какое отношеніе имѣетъ цитируемый пунктъ статьи 104 къ стачкѣ?

Нѣтъ, пусть лучше правительство открыто заявитъ, что ему дороги интересы буржуазіи, что оно, предоставленіемъ предпринимателямъ права расторгнуть договоръ со стачечниками, намѣрено ослабить силы пролетаріата. Тогда это будетъ понятно и послѣдовательно въ устахъ правящихъ. Но пусть не искажаетъ бюрократія смысла дѣйствующихъ законовъ, пусть не увѣряетъ насъ, что она на законномъ основаніи лишаетъ пролетаріатъ его единственнаго оружія въ борьбѣ противъ хищнической эксплоатаціи предпринимателей.

II.

Мы уже видѣли, что фабрикантъ за расторженіе договора найма до срока рискуетъ только гражданской отвѣтственностью по суду. Совершенно иное отношеніе проявилъ законъ къ рабочимъ. Рабочій прежде всего не въ правѣ уйти самовольно съ фабрики, и даже, въ явныхъ случаяхъ грубаго нарушенія его интересовъ, онъ можетъ лишь требовать расторженія договора. Рабочій не получаетъ причитающагося вознагражденія,—онъ все-таки долженъ работать и не можетъ подъ *страхомъ уголовнаго наказанія* оставить хозяина. Пусть рабочій подвергается тяжкимъ побоямъ, оскорбленіямъ, страдаетъ вообще отъ дурного обращенія съ нимъ хозяина или

лицъ, коимъ ввѣренъ надзоръ за рабочими; пусть онъ терпитъ отъ нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищей и помѣщеніемъ; пусть ему даютъ работу, которая разрушительно дѣйствуетъ на его здоровье; пусть до него доходитъ ужасная вѣсть о смерти самаго близкаго человѣка (мужа или жены),—во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочій можетъ «требовать лишь расторженія договора», и терпѣливо ждать рѣшенія.

Сравненіе напрашивается само собой. Владѣлецъ предпріятія уже при первомъ рѣзкомъ словѣ, произнесенномъ рабочимъ, можетъ прогнать его, нисколько не опасаясь за послѣдствія такого жестокаго шага. Рабочій же, подвергаясь даже тяжкимъ побоямъ, долженъ по смыслу закона терпѣливо сносить ихъ и только требовать расторженія договора (ст. 106). Но горе рабочему, если онъ ушелъ до срока, не предупредивъ хозяина за двѣ недѣли. Тогда его ждетъ уголовная кара, которая опредѣляется ст. 51[4] угол. улож. Статья эта гласитъ, что за самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или при наймѣ на срокъ неопредѣленный безъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли, виновные въ томъ фабричные или заводскіе рабочіе подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца. Мы видимъ, такимъ образомъ, что неравноправность договаривающихся сторонъ проведена въ законѣ 1886 года съ рѣдкой для бюрократіи послѣдовательностью. Для предпринимателя допущены всякаго рода льготы, рабочему достаются лишь одни шипы. Для фабрикантовъ за самовольное расторженіе договора установлена имущественная отвѣтственность, рабочій же лично отвѣчаетъ за самовольный уходъ, какъ за дѣйствіе, запрещенное закономъ.

Если постоянно имѣть въ виду, что основнымъ мотивомъ фабричнаго законодательства является у насъ желаніе служить интересамъ предпринимателей, то для насъ станетъ совершенно понятной угроза 51[4] статьи, которая Дамокловымъ мечомъ виситъ надъ рабочимъ. Дѣло въ томъ, что неравенство договаривающихся сторонъ сказывается въ полномъ незнаніи рабочаго, на какія условія труда онъ идетъ, тогда какъ предприниматель знаетъ, куда онъ зоветъ рабочаго. Капиталистъ знаетъ, что онъ ведетъ рабочаго на тяжелый трудъ, на лишенія, которыя не могутъ не отразиться гибельно на здоровьѣ трудящихся, онъ знаетъ, что рабочій не можетъ быть доволенъ той обстановкой, какую онъ встрѣтитъ на фабрикѣ. «Для работника,—говоритъ Веббъ [1])—неопредѣленность договора является гораздо болѣе обильнымъ источникомъ лишнихъ притѣсненій, отъ которыхъ онъ не можетъ себя оградить. Когда работникъ нанимается на фабрику, онъ опредѣленно условливается съ управляющимъ лишь объ одномъ — о размѣрѣ попедѣльной заработной платы или о расцѣнкѣ поштучной платы. Сколько часовъ онъ будетъ работать, какая степень быстроты и интенсивности труда отъ него требуется, какой продолжительности перерывы на

---

[1]) Сидней и Беатриса Веббъ—Теорія и практика англійскаго тредъ-юніонизма, Спб., 1900.

ѣду, какимъ штрафамъ и вычетамъ онъ будетъ подвергаться, какъ устроено отопленіе и достаточно ли онъ будетъ защищенъ отъ непогоды, какъ устроена вентиляція и каковы предохранительныя отъ несчастныхъ случаевъ приспособленія, будетъ ли онъ страдать отъ грохота, вони и нечистоты, каковъ характеръ управляющаго и каковы нравы товарищей,—все это онъ долженъ принять такъ, какъ оно есть, ибо при наймѣ работника всегда подразумѣвается, что онъ принимаетъ существующія въ заведеніи нанимателя условія и будетъ повиноваться всѣмъ его законнымъ приказаніямъ. Могутъ возразить, что если эти условія хуже обычныхъ, то работникъ не приметъ мѣсто,—развѣ что ему дадутъ болѣе высокую заработную плату. Но до тѣхъ поръ, пока договоръ не заключенъ, и онъ не становится на работу, онъ не можетъ знать, каковы эти условія,—даже если бы онъ былъ въ состояніи оцѣнить ихъ неблагопріятныя стороны въ деньгахъ и отстоять болѣе высокую заработную плату».

Для насъ ясно, что рабочій не знаетъ дѣйствительныхъ условій найма до тѣхъ поръ, пока онъ не становится на работу. Представимъ себѣ теперь, какъ это ни трудно, что законъ былъ бы справедливъ къ рабочему и далъ бы ему возможность оставить фабрику въ случаяхъ, указанныхъ въ статьѣ 106 уст. пром. Въ такомъ случаѣ рабочій имѣлъ бы право во всякое время бросить работу и искать себѣ другое болѣе выгодное мѣсто. Согласитесь сами, много ли на Руси фабрикъ, гдѣ рабочіе не слышатъ вѣчно по своему адресу бранныхъ словъ, гдѣ они не подвергаются грубымъ и тяжкимъ оскорбленіямъ со стороны хозяевъ и мастеровъ? Много ли фабрикъ, гдѣ не нарушаются условія по снабженію рабочихъ пищей и помѣщеніемъ? Какая фабрика не дѣйствуетъ гибельно на здоровье трудящихся? Прочтите краснорѣчивыя изслѣдованія санитарныхъ врачей московскаго земства, и вы увидите, что капиталисты весьма нерѣдко держатъ своихъ рабочихъ въ такихъ жилищахъ, въ которыхъ иной разсчетливый хозяинъ не будетъ содержать скота. А санитарная обстановка труда? Многочисленныя изслѣдованія показали, что рабочій классъ физически вырождается, что онъ реагируетъ на принятую у насъ фабричную систему усиленной заболѣваемостью и смертностью. Это ли не «работа, разрушительно дѣйствующая на здоровье».

Приведу нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ, взятыхъ мной изъ статьи посвященной положенію рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ [1]). «Чтобы представить себѣ, пишетъ авторъ, ужасную обстановку нефтяныхъ промысловъ при обычномъ теченіи промысловой жизни, надо побывать на промыслахъ, надо увидать собственными глазами эти пропитанныя копотью жилища, грязныя вонючія лужи съ нефтью, застланное дымомъ небо. Надо посмотрѣть на чахнущихъ дѣтей, сохнущихъ женщинъ. Надо познакомиться со статистикой заболѣваемости и смертности по медико-санитарнымъ отчетамъ... Не преувеличенное, а совершенно вѣрное опредѣленіе сдѣлано

[1]) *Сынъ Отечества.*

г. фонъ-Анрепомъ, что и собаки живутъ лучше, чѣмъ рабочіе на нефтяныхъ промыслахъ».

Спрашивается, при такихъ условіяхъ рабочій имѣетъ право требовать расторженія договора? Несомнѣнно, да! Но какой ужасъ былъ бы для гг. предпринимателей, если бы рабочій могъ при указанныхъ условіяхъ уходить самовольно, если бы рабочій и предприниматель обладали бы одинаковыми правилами по отношенію къ расторженію договора! Фабриканты рискнули бы иногда ощутить недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и они, быть можетъ, вынуждены были бы идти навстрѣчу нѣкоторымъ нуждамъ трудящихся.

И вотъ законодатель не пожелалъ поставить на карту интересовъ буржуазіи. Всѣ мѣры пустилъ онъ въ ходъ, для того чтобы привязать рабочаго къ фабрикѣ, чтобы не дать ему уйти, когда онъ оглянется кругомъ и увидитъ, въ какой ужасной, разрушительной обстановкѣ онъ очутился. Попался рабочій по невѣдѣнію въ капканъ хищниковъ-капиталистовъ, онъ и долженъ оставаться въ немъ, пока судъ не соблаговолитъ разрѣшить рабочему бросить своего хозяина. Такъ свято чтитъ законъ интересъ сильной капиталомъ буржуазіи.

Недаромъ горнопромышленники юга Россіи не разъ на своихъ съѣздахъ выражали свое полное одобреніе правительству въ его политикѣ по рабочему вопросу, недаромъ они въ частности съ такимъ одобреніемъ отзывались о статьѣ 51[1], обезпечивающей имъ достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. «Статья эта,—говорилось на XXV съѣздѣ горнопромышленниковъ [1]),—способствуетъ уменьшенію своеволія и безнаказанности нарушенія рабочими договоровъ».

Но правительство, дѣйствуя подъ вліяніемъ преданности интересамъ буржуазіи, рѣшило прикрыть свой грѣхъ по примѣненію 51[1] статьи высшими государственными соображеніями. Необходимость уголовной кары за самовольный уходъ диктовалась будто бы соображеніями совершенно исключительными, ибо недостаточное обезпеченіе при исполненіи договора личнаго найма на фабрикахъ можетъ иногда угрожать общественному порядку и спокойствію. Въ виду этого привлеченіе рабочаго, самовольно оставившаго работу на фабрикѣ, къ личной отвѣтственности составляетъ мѣру, оправдываемую цѣлями государственными, охраненіе которыхъ лежитъ на обязанности правительства. Именно къ такому заключенію пришелъ государственный совѣтъ [2]) при обсужденіи закона 3 іюня 1886 года. «Порождаемыя особыми свойствами фабричнаго найма между массой рабочихъ и крупными промышленными предпріятіями столкновенія, рѣшилъ государственный совѣтъ, не только затрогиваютъ важные экономическіе интересы страны, но въ случаяхъ возобновленія столкновенія между этими сторонами легко становятся почвой, на которой возникаютъ явленія, потрясающія обще-

---

[1]) Труды XXV съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1901 г.

[2]) Обзоръ по государственному совѣту за 1886 годъ. Спб., 1888 г.

ственный порядокъ. Необходимо, поэтому, установить уголовныя кары за нарушенія, которыя могутъ сдѣлаться источникомъ фабричныхъ безпорядковъ».

Мы охотно допускаемъ, что русскій государственный строй чрезвычайно шатокъ и что его существованію угрожаетъ каждый рабочій, покинувшій фабрику до истеченія срока найма. Но интересно знать, почему той же уголовной отвѣтственности не подвергается предприниматель, разсчитывающій до срока рабочаго. Вѣдь и въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается свободнымъ отъ занятій человѣкъ, несомнѣнно недовольный, который можетъ направить свою злобу противъ господствующаго порядка. Почему предприниматель ушелъ отъ кары, которая считается заслуженной для рабочаго?

Вѣчныя опасенія правительства за созданный имъ порядокъ, несомнѣнно, содѣйствовали росту революціоннаго пролетаріата. Правительство, подчеркивая на каждомъ шагу свою исключительную преданность буржуазіи, тѣмъ самымъ доказывало рабочему классу, что при существующемъ строѣ пролетаріату нечего и мечтать о занятіи той позиціи, какая для него необходима. Правительство закрывало отъ рабочаго класса путь экономической борьбы и тѣмъ рѣзко указало на необходимую связь между экономической и политической борьбой за освобожденіе пролетаріата. Нигдѣ, ни въ одной странѣ, эта связь не выступала яснѣе, чѣмъ въ нашей общественной жизни, и этимъ отчасти объясняются у насъ успѣхи революціоннаго пролетаріата.

На самомъ дѣлѣ, гора родила мышь. Двадцать лѣтъ правительство держалось за 51[1] статью, какъ за якорь спасенія; двадцать лѣтъ оно было увѣрено, что революція и самовольный уходъ одно и то же. И по прошествіи такого длиннаго періода бюрократія должна была сознаться, что оно неправильно понимало революцію, что и при существованіи 51[1] статьи пролетаріатъ всетаки нашелъ путь борьбы за политическую свободу. Въ запискѣ министерства финансовъ, по поводу отмѣны карательныхъ статей закона 1886 года за самовольный уходъ, бюрократія дѣятельно занялась самобичеваніемъ и созналась въ своей грубой ошибкѣ. «Двадцатилѣтняя практика примѣненія на дѣлѣ упомянутой статьи 51[1] показала, однако, что она получила въ жизни весьма скромное значеніе, едва ли дающее основаніе къ установленію какой-либо связи указанной уголовной репрессіи съ обезпеченіемъ общественнаго порядка и спокойствія. Изъ отчетовъ дѣятельности рабочихъ инспекторовъ за 1901 и 1902 годъ видно, что изъ многихъ милліоновъ сдѣлокъ по найму на фабрики за годъ едва лишь около шестисотъ этихъ договоровъ даютъ основательные поводы къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ самовольно отказавшихся отъ работъ фабричныхъ рабочихъ. Въ дѣйствительности, какъ это извѣстно чинамъ надзора, во всѣхъ подобныхъ, рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ мѣсто единоличные уходы рабочихъ чаще всего на лучше оплачиваемыя мѣста другихъ фабрикъ или оставленіе работъ по различнымъ неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ личной или семейной жизни

рабочаго, выходящимъ, однако, изъ рамокъ причинъ, узаконяющихъ прекращеніе договора со стороны рабочаго и предусмотрѣнныхъ 106 ст. Уст. промышл.

Итакъ, ясно, что въ смыслѣ политическомъ правительство не достигло желанной цѣли. Но зато въ смыслѣ экономическомъ правительство своей двадцатилѣтней политикой безплодной репрессіи причинило, конечно, немалый ущербъ рабочимъ. Для изолированнаго рабочаго ст. 51[1], вѣроятно, не разъ служила угрозой, заставлявшей его мириться со всякими несправедливостями, какія производились надъ нимъ капиталистомъ-эксплуататоромъ. Министерство финансовъ съ чувствомъ удовлетворенія сообщаетъ, что ст. 51[1] получила на практикѣ незначительное примѣненіе. Но оно совершенно не говоритъ намъ,—да и не можетъ оно сказать намъ этого,—сколько разъ рабочіе *не* прибѣгали къ расторженію договора изъ-за ожидавшей ихъ уголовной кары, сколько разъ, значитъ, предприниматель имѣлъ въ рукахъ превосходное орудіе давленія на рабочихъ.

Но если бы даже самовольный уходъ и привелъ бы впослѣдствіи къ нарушенію общественнаго спокойствія, развѣ можно карать людей за преступленія, которыхъ они еще не совершили, но которыя они могутъ совершить? «То соображеніе—кается въ грѣхахъ своихъ министерство финансовъ[1]),—что рабочіе, бросающіе работу, очевидно, принадлежатъ къ разряду недовольныхъ и что посему существуетъ отдаленная вѣроятность внѣшняго безпорядка, также не выдерживаетъ критики, ибо карать только за предполагаемый, но еще не совершонный безпорядокъ, конечно, нельзя; подобная вѣроятность нарушенія порядка существуетъ всегда и повсюду и не можетъ почитаться зависящей непосредственно и исключительно отъ личнаго договора о наймѣ». Двадцать лѣтъ понадобилось для того, чтобы правительство поняло, что своими мѣропріятіями оно попадало въ явное и коренное противорѣчіе и съ принципами личной неприкосновенности, и съ велѣніями здраваго смысла.

Въ пользу примѣненія 51[1] статьи приводили еще то соображеніе, что рабочіе не обладаютъ имущественной обезпеченностью для того, чтобы ихъ отвѣтственность въ гражданскомъ судѣ за самовольный уходъ была дѣйствительной, реальной. Но, во-первыхъ, матеріальная несостоятельность даннаго лица еще не служитъ причиной тюремнаго заключенія за поступокъ, относящійся исключительно къ вѣдѣнію гражданскаго суда. Во-вторыхъ, и среди предпринимателей попадаются люди, матеріально необезпеченные, которые не могутъ заплатить рабочимъ причитающагося имъ вознагражденія. Почему хотя бы въ этихъ случаяхъ законъ не устанавливаетъ уголовной кары для владѣльцевъ предпріятій? Но такой шагъ противорѣчилъ бы всей политикѣ правительства, продиктованной исключительно интересами буржуазіи. Между тѣмъ предприниматели, судя по отчетамъ

---

[1]) Записка объ измѣненіи карательныхъ статей закона, касающихся стачекъ и досрочныхъ расторженій договора о наймѣ. Изд. министерства финансовъ.

фабричныхъ инспекторовъ, въ три раза чаще, чѣмъ рабочіе, нарушаютъ договоръ найма, отказывая безъ достаточныхъ основаній рабочимъ до срока или безъ предупрежденія за двѣ недѣли при наймѣ на срокъ неопредѣленный.

Само правительство не могло не сознавать, что 51[4] статья является болѣзненнымъ наростомъ на нашемъ фабричномъ законодательствѣ, оправдывается излишней преданностью буржуазіи и непрестаннымъ страхомъ за свою власть. Поэтому уже въ половинѣ девяностыхъ годовъ начинается раскаяніе правительства, которое сводится къ отказу отъ тѣхъ или иныхъ частностей разсматриваемой статьи. Правительство, конечно, имѣло полное основаніе не довѣрять излюбленной имъ буржуазіи, имѣло полное основаніе думать, что предприниматели будутъ злоупотреблять предоставленнымъ имъ правомъ и оказывать давленіе на рабочихъ при посредствѣ 51[4] статьи. Въ виду такихъ условій сенатъ разъяснилъ въ 1894 году, что уголовныя преслѣдованія противъ рабочихъ за самовольный уходъ могутъ возбуждаться только фабричной инспекціей, которая обязана удостовѣриться въ вѣрности заявленій, сдѣланныхъ фабрикантами. Но гдѣ же гарантія того, что чины надзора будутъ достаточно справедливы и что они въ своихъ рѣшеніяхъ будутъ руководствоваться желаніемъ служить интересамъ рабочихъ? Увы! институтъ фабричной инспекціи испыталъ на себѣ всю тяжесть правительственной руки и изъ учрежденія, призваннаго охранять трудъ, превратился въ полицейскій органъ, дѣятельностью котораго руководитъ продиктованная сверху мысль о необходимости поддерживать на фабрикѣ внѣшній порядокъ и благочиніе. «Послѣ усиленной агитаціи фабрикантовъ и реакціонной печати, — говоритъ В. Я. Желѣзновъ[1]), — противъ первыхъ фабричныхъ инспекторовъ правительство измѣнило прежней системѣ и стало выбирать кандидатовъ на эти должности по преимуществу изъ среды техниковъ. Типъ фабричнаго инспектора, рѣзко отличающійся отъ обыкновеннаго чиновника, мало-по-малу исчезъ, уступивъ мѣсто заурядным исполнителямъ начальственныхъ предписаній, относящихся къ возложенной на нихъ задачѣ съ казеннымъ равнодушіемъ и очень склонныхъ становиться на сторону интересовъ фабрикантовъ».

Правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы обезличить фабричную инспекцію, поставить ее въ самое затруднительное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, фабричный инспекторъ, на обязанности котораго лежитъ стоять на стражѣ интересовъ труда, исполняетъ, по воли законодателя, функціи прокурора. Въ одномъ лицѣ онъ совмѣщаетъ и защитника рабочихъ отъ хищнической экслоатаціи хозяевъ, и обвинителя рабочихъ за самовольный уходъ, вызываемый нерѣдко той же эксплоатаціей. Мало того. Фабричный инспекторъ рѣшительно не въ состояніи помочь рабочему, котораго предприниматель уволилъ до срока; зато онъ предлагаетъ свои услуги предпринимателю каждый разъ, когда его покинулъ стропти-

[1]) В. Я. Желѣзновъ—Очерки политической экономіи. Москва, 1902.

вый рабочій. Интересно теперь знать, для чего служитъ фабричный инспекторъ: для охраны ли труда, или же для оказанія содѣйствія капиталистамъ въ ихъ стремленіяхъ всецѣло покорить себѣ пролетаріатъ.

Чины надзора отлично сознаютъ свое ложное положеніе, въ которое ставитъ ихъ правительство, и они не перестаютъ жаловаться на ту двойственную роль, какую имъ приходится играть. «Значительное количество жалобъ по поводу отказовъ до срока,—говоритъ окружной инспекторъ Поволжскаго округа[1]),—является послѣдствіемъ пробѣла закона, которымъ не установлено спеціальной отвѣтственности для завѣдывающихъ за неправильный отказъ отъ работы ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ. Благодаря отсутствію такой отвѣтственности, въ то время какъ для рабочихъ за то же нарушеніе установлена уголовная кара съ возложеніемъ обязанности привлекать ихъ къ отвѣтственности на инспекторовъ, становятся возможнымъ случаи, когда инспекторъ разсмотритъ жалобу рабочаго и найдетъ ее основательной, а завѣдывающій заведеніемъ не соглашается удовлетворить законной претензіи рабочаго, и инспектору, вмѣсто привлеченія завѣдывающаго къ отвѣтственности, остается только объявить рабочему послѣ всѣхъ его мытарствъ, что жалоба его основательна, но за удовлетвореніемъ ея онъ долженъ обратиться въ судъ, и затѣмъ выслушать резонный отвѣтъ рабочаго, что ему лучше было бы не принимать его жалобы, разъ ему не предоставлено требовать исполненія закона». Понятно теперь, какой нравственный авторитетъ можетъ имѣть фабричный инспекторъ въ глазахъ рабочаго. Для рабочихъ инспекторъ—прислужникъ капитала, полицейскій чиновникъ, на котораго полагаться нѣтъ основаній. Чины надзора сами заняты избавленіемъ фабрикъ отъ злонамѣренныхъ элементовъ. По крайней мѣрѣ, послѣ петербургской стачки 1896 года послѣдовалъ циркуляръ министра финансовъ фабричнымъ инспекторамъ: «о всякомъ замѣченномъ вами явленіи, указывающемъ на преступную пропаганду среди рабочихъ, какъ и вообще о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ, вамъ надлежитъ незамедлительно сообщать не только департаменту торговли и мануфактуръ, но и мѣстной полиціи». Новая обязанность, возложенная на фабричныхъ инспекторовъ, обязанность агентовъ охраннаго отдѣленія, ставитъ ихъ въ явно враждебныя отношенія къ рабочимъ, и послѣдніе нисколько не выигрываютъ отъ того, что ихъ будетъ привлекать къ отвѣтственности не самъ фабрикантъ, а близко стоящій къ нему чиновникъ, проникнутый полицейскими тенденціями, фабричный инспекторъ.

Какъ видимъ, рабочему неоткуда ждать защиты своихъ интересовъ. Предприниматель имѣетъ полную возможность избавиться отъ нежелательныхъ элементовъ на фабрикѣ, рабочій не смѣетъ уходить самовольно до срока даже въ томъ случаѣ, когда онъ терпитъ несправедливости капиталиста-эксплоататора.

---

[1]) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 годъ. С.-пб., 1904.

III.

Необходимость установленія уголовной кары за самовольный уходъ рабочихъ до срока диктовалась еще также тѣмъ соображеніемъ, что оставленіе фабрики большимъ числомъ рабочихъ легко можетъ перейти въ стачку. А стачки были для правительства страшнымъ словомъ. Надъ стачками тяготѣлъ суровый запретъ, о нихъ нельзя было говорить въ періодической печати; нельзя было даже сообщить свѣдѣній о разыгравшейся въ томъ или иномъ смыслѣ стачкѣ.

Законодатель въ борьбѣ со стачками обратился къ уголовнымъ карамъ. Если за самовольный уходъ рабочему угрожалъ арестъ до одного мѣсяца, то за *одинъ лишь уговоръ*, состоявшійся между рабочими опредѣленнаго предпріятія прекратить работы до истеченія срока найма, съ цѣлью побудить хозяина къ повышенію заработной платы, виновные-зачинщики подвергались аресту отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе—отъ семи дней до трехъ недѣль (ст. 1358).

Въ случаѣ же осуществленія стачки и прекращенія работъ на фабрикѣ виновные—подстрекатели подвергаются тюремному заключенію отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе участники заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ (ст. 1358[1]), но разъ участники стачки приступили къ работамъ по первому требованію полицейской власти, они освобождаются отъ наказанія.

Въ этихъ карательныхъ статьяхъ закона сказывается все то же стремленіе правительства посильно служить интересамъ буржуазіи.. Стачка въ толкованіи законодателя является лишь самовольнымъ массовымъ уходомъ рабочихъ до срока. Вѣдь если рабочіе, даже по предварительному уговору между собой, прекращаютъ работы по окончаніи срока найма, то они наказанію не подлежатъ.

Мы знаемъ, что предприниматель несетъ одинаковую гражданскую отвѣтственность по суду, понизилъ ли онъ заработную плату одному рабочему или одновременно всѣмъ рабочимъ. Для рабочихъ же установлена извѣстная разница въ зависимости отъ того, одинъ ли не могъ снести тяжести режима, или же всѣ вмѣстѣ рѣшили соединенными усиліями добиться улучшенія условій труда.

Для насъ понятно, конечно, чѣмъ вызывается такая непослѣдовательность со стороны правительства. Стачки несомнѣнно угрожаютъ гораздо большимъ матеріальнымъ ущербомъ фабриканту, чѣмъ единичный самовольный уходъ. Нужно, поэтому, строже наказывать рабочихъ, чтобъ у нихъ и желанія не было предъявлять коллективныя требованія фабриканту о повышеніи заработной платы.

Въ изложенныхъ выше статьяхъ закона (1358 и 1358[1]) обнаруживается противорѣчіе, не лишенное характерности. За уговоръ прекратить ра-

---

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству государственнаго совѣта за 1901—1902 г. Стр. 46.

боту законъ опредѣляетъ для виновныхъ арестъ. За прекращеніе работъ, т.-е. за реализацію стачки, законъ угрожаетъ болѣе суровымъ наказаніемъ—тюремнымъ заключеніемъ. Если же стачечники стали на работу, то они отъ наказанія освобождаются. Спрашивается, какъ они могутъ быть освобождены отъ наказанія по ст. 1358, карающей за одинъ только уговоръ прекратить работу? Рабочіе стали на работу, значитъ стачка не состоялась, и рабочіе по справедливости освобождаются отъ наказанія по 1358[1] статьѣ. Но уговоръ то былъ между рабочими, и почему-то законодатель проявилъ особенную милость къ стачечникамъ и отмѣнилъ наказаніе, установленное въ предыдущей статьѣ.

По нашему мнѣнію, такое противорѣчіе далеко не случайное явленіе. Пуще всего и буржуазія, и правительство боятся коллективныхъ дѣйствій рабочихъ. Для предпринимателя организованные рабочіе—сила, съ которой не такъ легко справиться; для правительства пролетаріатъ съ развитымъ классовымъ самосознаніемъ, понявшій значеніе и мощь организаціи—опасный элементъ, угрожающій безмятежному существованію отживающаго строя, и вотъ всѣ старанія направлены къ тому, чтобы помѣшать организаціи рабочихъ массъ. Пусть каждый рабочій въ отдѣльности предъявитъ къ хозяину требованіе о повышеніи заработной платы, угрожая въ случаѣ отказа уходомъ, пусть даже это требованіе будетъ повторено всѣми рабочими, каждымъ въ отдѣльности, то они привлекаются къ уголовной отвѣтственности на основаніи 51[4] статьи. Но разъ предъ лицомъ хозяина оказывается грозная коллективная единица, вся масса работающихъ на фабрикѣ, воодушевленныхъ однимъ общимъ лозунгомъ, одними желаніями, ихъ необходимо наказать болѣе строго, чтобы отучить ихъ отъ попытокъ товарищескихъ объединеній въ цѣляхъ защиты своихъ интересовъ.

Но лишь только стачка разразилась на фабрикѣ, предприниматель уже терпитъ отъ этого извѣстный матеріальный ущербъ, и законодатель готовъ отказаться отъ наказанія, которое онъ сулилъ рабочимъ даже за стремленіе къ объединенію, лишь бы стачечники возобновили работу и предприниматель имѣлъ бы возможность возмѣстить свои потери. Такъ твердо отстаиваетъ правительство интересы буржуазіи, что готово подчасъ позабыть изъ-за преданности капиталу свой страхъ предъ объединеннымъ пролетаріатомъ.

Впрочемъ, правительство отнюдь не забыло о себѣ. Стачки признаны были вредными въ политическомъ отношеніи, рѣшено было, что онѣ угрожаютъ общественному спокойствію, и противъ нихъ принимались всѣ мѣры, какія только имѣлись въ распоряженіи власти. Принудительный разсчетъ, аресты, высылки, примѣненіе военной силы,—вотъ что противопоставило правительство растущему пролетаріату. Циркуляры слѣдовали одинъ за другимъ, одинъ грознѣе другого, въ репрессіяхъ усматривалось единственное средство покончить съ рабочимъ движеніемъ, возникшимъ первоначально на экономической почвѣ.

Большія надежды правительство возлагало на фабричную инспекцію, которая и призвана была главнымъ образомъ предупреждать волненія на фабрикахъ. Интересно, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ нисколько не гнушались отождествлять фабричную инспекцію съ сыскной полиціей. «Въ 1901 году, — мотивируетъ государственный совѣтъ необходимость распространенія фабричной инспекціи на Тифлисскую губернію,—волненія между рабочими приняли еще болѣе обостренную форму и сопровождались усиленной пропагандой соціалъ-демократическаго характера. Необходимо было устранить благодарную почву для такой пропаганды среди недовольныхъ элементовъ рабочаго класса, а администрація не имѣла возможности и времени слѣдить, какъ слѣдуетъ, ни за упорядоченіемъ рабочаго вопроса, ни тѣмъ болѣе за пропагандой, при отсутствіи въ Тифлисѣ сыскной полиціи, адреснаго стола и института дворниковъ. Эти прискорбныя явленія убѣждали въ неотложной необходимости приступить къ упорядоченію рабочаго вопроса, что въ свою очередь могло быть достигнуто лишь возможно скорымъ введеніемъ здѣсь фабричной инспекціи, органа, призваннаго вѣдать спеціально рабочій вопросъ». Итакъ, не было сыскной полиціи, адреснаго стола, института дворниковъ, и рѣшили ввести фабричную инспекцію. Комментаріи излишни.

Но не однимъ усиленіемъ сыска боролось правительство противъ стачекъ и волненій рабочихъ. Нерѣдко призывалась на помощь фабрикантамъ военная сила. Призывъ военной силы для кровавой расправы надъ стачечниками является у насъ столь обычной и неизбѣжной мѣрой, что департаментъ торговли и мануфактуръ въ изданной имъ въ 1898 году запискѣ считалъ возможнымъ слегка иронизировать надъ отрицательнымъ отношеніемъ къ подавленію безпорядковъ при помощи войска. «Что касается того обстоятельства,—читаемъ мы въ запискѣ,—что при возникновеніи безпорядковъ на фабрикѣ приглашаются полицейскіе чины, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываются войска, то вѣдь при торжественныхъ церемоніяхъ и вообще гдѣ собирается толпа—съ цѣлью охраненія наружнаго порядка также приглашаются полиція и войска: никто въ этомъ ничего не усматриваетъ». Такъ легко, съ такой циничной откровенностью офиціальное вѣдомство покончиваетъ съ вопросомъ о кровавыхъ бойняхъ, которыя устраивались на фабрикахъ!

Уцѣлѣвшіе отъ пуль рабочіе уже причислялись къ разряду тяжкихъ преступниковъ, и судебная обвинительная власть нерѣдко привлекала забастовщиковъ по 269[1] статьѣ Уложенія о наказаніяхъ. Статья эта караетъ участниковъ скопища, учинившаго соединенными силами насиліе надъ личностью или чужимъ имуществомъ и жилищемъ, вслѣдствіе побужденій вражды религіозной, племенной или сословной или изъ экономическихъ отношеній, многолѣтними каторжными работами. Правда, суды не всегда соглашались съ органами обвиненія въ квалификаціи содѣяннаго стачечниками поступка, но сколько времени проводили рабочіе въ предварительномъ заключеніи, сколько времени томились они неизвѣстностью положенія въ ожиданіи же-

стокаго приговора. Оправданіе являлось далеко не достаточнымъ удовлетвореніемъ для этихъ лицъ, вынесшихъ совершенно незаслуженно и незаконно цѣлый рядъ мучительныхъ пытокъ и тяжелыхъ испытаній.

Судъ не удовлетворялъ правительство медлительностью дѣйствій, необходимостью производства формальныхъ дознаній и слѣдствій по дѣламъ о стачкахъ, необходимостью, наконецъ, основывать свои рѣшенія на точномъ смыслѣ закона. Правящимъ необходимъ былъ судъ скорый, хоть и неправый и немилостивый, и на сцену выступилъ сложный административно-полицейскій аппаратъ, который и былъ направленъ противъ стачечниковъ. «Забастовки,—сказано въ запискѣ министерства финансовъ—признаны безусловно вредными для общественнаго порядка, и мѣры борьбы съ ними, въ виду непримѣнимости судебнаго разсмотрѣнія, перенесены въ область административнаго воздѣйствія. При указанныхъ условіяхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ практическая дѣятельность полиціи, ибо, по дѣйствующему закону, на ней именно лежитъ обязанность водворенія нарушеннаго порядка».

Въ качествѣ образчика дѣятельности правительства по борьбѣ съ пролетаріатомъ могутъ послужить два циркуляра, изданныхъ въ 1897 году и только недавно отмѣненныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ изданъ 8 апрѣля 1897 года министерствомъ финансовъ за № 9677. Онъ не отличается многословіемъ, и смыслъ его нетрудно понять. Въ этомъ циркулярѣ фабричной инспекціи предписывается предлагать стачечникамъ немедленно стать на работы. Только при исполненіи этого предложенія и не иначе, какъ послѣ возобновленія работъ, фабричная инспекція имѣетъ право входить въ переговоры съ хозяевами предпріятій по поводу требованій, предъявленныхъ стачечниками, т.-е. выступить въ роли посредника и примирителя.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, изданный 12 августа 1897 г. за № 7587, носитъ нѣсколько иной характеръ. Это—квинтъэссенція полицейскаго сыска, это—признаніе всемогущества жандармеріи надъ рабочимъ классомъ, это, наконецъ, желаніе превратить въ шпіоновъ и доносчиковъ всю Россію. Министерство внутреннихъ дѣлъ меньше стѣсняется, чѣмъ министерство финансовъ. Оно открыто сознается, что даже нынѣшній судъ, слѣпо подписывающій приговоры, составленные въ министерствѣ юстиціи, не можетъ вполнѣ удовлетворить представителей твердой власти. «Преслѣдованіе стачечниковъ,—говорилось въ заключеніи циркуляра,—невсегда бывало возможно въ виду весьма частаго отсутствія всѣхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1358 улож. о наказ. и слѣдовательно, а также въ виду того, что означенныя статьи закона, налагая на виновныхъ взысканія, не сопряженныя съ ограниченіемъ или лишеніемъ правъ, не обязываютъ судебнаго слѣдователя подвергать обвиняемыхъ содержанію подъ стражей, особенно по окончаніи слѣдственнаго производства, между тѣмъ какъ при тревожномъ настроеніи рабочаго населенія данной мѣстности освобожденіе наиболѣе энергичныхъ вожаковъ

изъ подстрекателей до полнаго успокоенія умовъ представляется часто вреднымъ и влечетъ за собой возобновленіе безпорядковъ».

Будущій историкъ будетъ имѣть въ циркулярѣ достаточно яркій матеріалъ для характеристики ниспровергаемаго режима. Законъ не даетъ права арестовывать, можно искать опоры для этого лишь въ положеніи объ усиленной охранѣ. Поэтому и предписывается губернаторамъ воспрещать всякія сходки и собранія, зачинщиковъ арестовывать, предлагать стачечникамъ приступать къ работамъ и въ случаѣ ихъ несогласія немедленно высылать ихъ административнымъ порядкомъ на родину, направлять всѣ дѣла о стачкахъ въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ. Циркуляръ рекомендуетъ губернаторамъ опутать фабрики и заводы тонкой сѣтью полицейскаго сыска, связать между собой для этой цѣли фабричную и горную инспекцію, начальство желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, чины прокурорскаго надзора и корпуса жандармовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не переставало вѣрить, что волненія въ рабочей средѣ вызываются исключительно «преступной» пропагандой соціалъ-демократическихъ кружковъ, эксплоатирующихъ въ свою пользу недовольство и бѣдственное положеніе рабочаго населенія, и поэтому въ циркулярѣ рекомендуется за всякимъ интеллигентомъ, появившимся на фабрикѣ, имѣть неукоснительное наблюденіе, и если только за нимъ будетъ замѣченъ грѣхъ сношеній съ рабочими, немедленно подвергать его аресту и передавать чинамъ корпуса жандармовъ.

Циркуляръ, какъ видимъ, составленъ настолько безцеремонно, что министерство финансовъ въ послѣдней запискѣ по рабочему вопросу открещивается отъ этого циркуляра, заявляя, что онъ изданъ безъ соглашенія съ министерствомъ. Но въ сущности оба циркуляра, изложенныхъ мною, представляются родственными по духу и содержанію. И министерство финансовъ не прочь оказать давленіе на рабочихъ въ угоду капиталистамъ.

Однако, мѣры, принятыя правительствомъ для подавленія рабочаго движенія, цѣли не достигли. Фабричные инспектора свидѣтельствовали о томъ, что 514 статья игнорируется рабочимъ классомъ, стачечная волна поднималась все выше и выше, охвативъ въ послѣднее время всю Россію. «Изъ свѣдѣній о стачкахъ за десять послѣднихъ лѣтъ, съ 1895 по 1904 годы въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, — выдаетъ себѣ testimonium paupertatis министерство финансовъ,— видно, что число стачекъ въ Россіи и число рабочихъ, участвовавшихъ въ нихъ, несмотря на суровое преслѣдованіе ихъ уголовными законами и административными мѣрами, вообще довольно велико и, колеблясь изъ года въ годъ, по абсолютному количеству забастовщиковъ и въ отношеніи ихъ къ общему числу рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, не уступаетъ тѣмъ европейскимъ странамъ, гдѣ никакихъ наказаній за стачки не существуетъ. Это доказываетъ, что строгость наказаній не оказываетъ вліянія на число и размѣры стачекъ, и наличность таковыхъ каръ, весьма хорошо извѣстныхъ всѣмъ

рабочимъ, не удерживаетъ ихъ, однако, отъ забастовокъ, которыя совершаются или не совершаются въ зависимости отъ совокупности иныхъ причинъ, ничего общаго съ боязнью возмездія не имѣющихъ. Это обстоятельство весьма характерно и служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что забастовка есть совершенно естественное явленіе, органически связанное съ современными экономическими условіями промышленной жизни, возможное вездѣ, гдѣ имѣетъ примѣненіе наемный трудъ, и не могущее быть устраненнымъ посредствомъ подавленія и пресѣченія отдѣльныхъ случаевъ его проявленія».

IV.

Правительство, говорятъ, искренне задумало реформу. Подъ вліяніемъ послѣднихъ событій, подъ вліяніемъ фактически осуществленной свободы, правительство рѣшилось отказаться отъ карательныхъ статей закона за самовольное расторженіе договора и за стачки. Почти цѣлый годъ объ этомъ не перестаютъ говорить, цѣлый годъ обсуждаются проекты въ комиссіи и безъ опыхъ, и все больше и больше крѣпнетъ сознаніе, что нынѣшнее правительство не въ состояніи провести въ фабричномъ законодательствѣ тѣ реформы, какихъ въ правѣ требовать отъ него рабочій классъ. Въ правящихъ сферахъ говорятъ все тѣмъ же языкомъ самовосхваленія и обузданія.

Ни въ одномъ изъ актовъ, опубликованныхъ въ послѣднее время правительствомъ, мы не видимъ желанія покончить со всѣмъ старымъ, отжившимъ, поставить крестъ надъ одряхлѣвшимъ бюрократическимъ строемъ, принесшимъ столько неисчислимыхъ бѣдъ Россіи. Напротивъ, видно стремленіе ограничиться частичными поправками, не представляющими существеннаго значенія. «Оставляя въ сторонѣ,—говоритъ министерство финансовъ,—частичныя несовершенства закона 3 іюня 1886 года, которыя частью уже исправлены (?!), частью имѣютъ быть исправлены въ будущемъ, нельзя не признать, что основная его цѣль, заключавшаяся въ устраненіи бывшихъ злоупотребленій и въ созданіи закономѣрныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими, *достигнуты вполнѣ (?)* [1]), и результаты дѣйствія сего закона, наблюдавшіеся въ теченіе 19-лѣтняго его существованія, доказываютъ совершенную правильность того пути, на который стало правительство въ своихъ заботахъ объ улучшеніи положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ и о содѣйствіи процвѣтанію промышленности вообще». И такія медоточивыя слова произносятся въ то время, когда во всей Россіи высоко поднялась волна стачечнаго движенія, когда недовольство рабочихъ господствующимъ режимомъ и фабричными порядками достигло крайняго напряженія!

Правительство не перестаетъ успокаивать себя ссылками на добродѣ-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

тельность капиталистовъ и благоденствіе рабочихъ. «Самовольныя, вопреки заключеннымъ договоромъ, уменьшенія заработной платы,—гласитъ записка министерства финансовъ,—чрезмѣрные штрафы, принужденіе рабочихъ забирать необходимые для нихъ предметы изъ фабричныхъ лавокъ и слишкомъ высокая ихъ расцѣнка—*въ настоящее время болѣе не существуютъ* *). Если и встрѣчаются иногда отдѣльныя попытки въ этомъ направленіи, то онѣ крайне рѣдки, незначительны по своимъ размѣрамъ и значенію, и немедленно же устраняются при посредствѣ органовъ надзора, т.-е. чиновъ фабричной инспекціи и присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ». На основаніи всего того, что я говорилъ, на основаніи десятковъ тысячъ правонарушеній, ежегодно допускаемыхъ завѣдующими промышленными заведеніями, на основаніи вѣчныхъ жалобъ чиновъ надзора на свое безсиліе, съ трудомъ удается квалифицировать, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло со стороны министерства финансовъ, съ простымъ незнаніемъ того, что творится на русской фабрикѣ, или же съ намѣренной ложью, направленной къ тому, чтобы создать необходимое успокоеніе.

Нѣтъ, правительство и въ области фабричнаго законодательства не намѣрено сойти со стараго пути. Оно подыскиваетъ оправданіе для своей прежней политики по рабочему вопросу, оно доказываетъ, что иначе и быть не можетъ, что на сторонѣ капиталиста должна быть сила при заключеніи договора. «Работодатель,—говорится въ запискѣ министерства финансовъ,—не только составляетъ предлагаемыя имъ рабочему условія найма, но онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы договоръ заключился и соблюдался согласно тому порядку и по тѣмъ формамъ, кои требуются закономъ. Раздѣлить эти обязанности въ равной мѣрѣ между работодателями и рабочими не представляется возможнымъ, ибо послѣдніе прежде всего совершенно не въ состояніи вѣдать формальную сторону заключаемыхъ договоровъ; но если бы они были въ этомъ даже вполнѣ компетентны, то едва ли подобное раздѣленіе функцій между сторонами было бы удобно для дѣла и для самихъ промышленныхъ заведеній, ибо не согласовалось бы съ природной организаціей промышленныхъ предпріятій».

Точка зрѣнія правительства совершенно ясна. Не хотѣлось бы ему ломать что-либо въ старомъ механизмѣ. Попрежнему во главѣ предпріятія долженъ стоять самовластный хозяинъ, диктующій условія найма и самъ же слѣдящій за точнымъ ихъ выполненіемъ. Можно представить себѣ, какъ строгъ предприниматель самъ къ себѣ и какъ онъ заставляетъ себя быть корректнымъ по отношенію къ рабочимъ. Въ словахъ министерства финансовъ мы слышимъ косвенный отвѣтъ на настойчивыя требованія рабочихъ, много разъ повторявшіяся во время послѣднихъ стачекъ и клонившіяся къ тому, чтобы рабочимъ было предоставлено право участія въ выработкѣ правилъ внутренняго распорядка на фабрикѣ и въ надзорѣ за выполненіемъ этихъ правилъ. Но министерство въ интересахъ «дѣла и

*) Курсивъ нашъ.

промышленныхъ заведеній» не намѣрено считаться со справедливыми требованіями рабочихъ.

Министерство финансовъ предостерегаетъ отъ излишней уступчивости по отношенію къ рабочимъ. Эта уступчивость вселяетъ въ рабочихъ увѣренность, что стачка является вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей. «Случаи быстраго удовлетворенія незаконныхъ требованій рабочихъ,—сказано въ запискѣ,—посредствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ вызывали немедленно же аналогичныя стачки въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приходилось примѣнять уже не систему уступокъ, а военную силу, что бывало для рабочихъ совершенно непонятнымъ и поселяло увѣренность въ несправедливомъ къ нимъ отношеніи и произволѣ властей». Что рабочіе нисколько не ошибались, тому свидѣтельствомъ служитъ многолѣтняя исторія рабочаго движенія въ Россіи.

Не успѣлъ еще рабочій классъ достаточно насладиться обѣщанной ему свободой стачекъ и отмѣной дикихъ циркуляровъ, изложенныхъ выше, какъ правительство спѣшило брать назадъ свои слова. Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года столичный врачебный инспекторъ г. Скабичевскій предложилъ полиціи въ случаѣ забастовки въ петербургскихъ аптекахъ выслать немедленно всѣхъ приставшихъ къ стачкѣ на мѣсто родины [1]). Въ августѣ же мѣсяцѣ министръ юстиціи увѣдомилъ прокуроровъ судебныхъ палатъ, что противъ забастовщиковъ и отказавшихся отъ работы не должно возбуждать уголовнаго преслѣдованія [2]), а черезъ три недѣли временной бѣлостокскій генералъ-губернаторъ Богаевскій возстановляетъ полностью статьи 51^{1}, 1358 и 1358^{1}, усиливая еще значительно наказанія, установленныя въ устарѣвшемъ и подлежащемъ отмѣнѣ законѣ. На нашихъ глазахъ уже послѣ возвѣщенныхъ въ манифестѣ гражданскихъ свободъ подвергнуты личному задержанію 217 лицъ [3]), участвовавшихъ въ послѣдней ноябрьской петербургской забастовкѣ, арестовываются предсѣдатель и нѣкоторые члены совѣта рабочихъ депутатовъ.

Изъ слуховъ, проникшихъ въ печать по поводу проектируемой «свободы» стачекъ, уже видно, что правительство само не на шутку испугалось будущихъ вольностей и рѣшило ограничить ихъ или, вѣрнѣе, превратить свободу въ фикцію.

Своеобразно понимаемая правительствомъ «свобода» стачекъ выразилась и въ томъ, что рабочій въ заведеніяхъ по водоснабженію, канализаціи и освѣщенію населенныхъ мѣстъ за самовольный отказъ отъ работы до срока или за стачку подвергается аресту до трехъ мѣсяцевъ. Подстрекатели къ стачкѣ въ вышеозначенныхъ заведеніяхъ подвергаются аресту до шести мѣсяцевъ [4]). Интересно знать, почему это рабочіе, слу-

---

[1]) *Сынъ Отечества* № 176, 1905 г.

[2]) *Русскія Вѣдомости* № 256, 1905 г.

[3]) *Новая Жизнь* № 7.

[4]) *Новая Жизнь* № 11.

жащіе нуждамъ общества, лишены единственнаго средства борьбы противъ эксплоатаціи капитала и что понимаетъ министерство подъ растяжимымъ словомъ «подстрекатели», изъ котораго администрація можетъ сдѣлать весьма опасное примѣненіе?

Для насъ ясно, что правительство не въ состояніи измѣнить существующій порядокъ и дать дѣйствительныя основы гражданской свободы. Пролетаріатъ въ переживаемый нами революціонный моментъ рѣшается тѣснѣе сомкнуть свои ряды и путемъ политической и экономической борьбы добиться нормальныхъ условій найма освобожденія отъ рабскихъ цѣпей эксплоатаціи.

В. Я. Канель.

Подъ гнетомъ реакціи.

А. И. Фаресовъ. «Семидесятники». Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб., 1905 г.

I.

Книга Фаресова—странная книга, поражающая разнокалиберностью и хаотичностью. Чего только не найдете вы въ ней? Тамъ не одинъ десятокъ страницъ посвященъ спеціальнѣйшимъ разсужденіямъ проф. Энгельгардта о фосфоритахъ и другихъ способахъ удобреній, и Войнаральскаго—о возможности развитія земледѣльческой промышленности въ Якутской области, причемъ г. Фаресовъ для большей убѣдительности не поцеремонился даже цѣликомъ перепечатать фельетонъ г. Эльпе изъ *Новаго Времени*,—и все это совершенно напрасно, такъ какъ спеціалисты по агрономіи, конечно, никогда не заглянутъ въ книгу г. Фаресова, а для читающей публики все это покажется лишь обременяющимъ книгу балластомъ, и недоступнымъ, и неинтереснымъ.

Но зато тутъ же рядомъ, какъ плясовой мотивъ послѣ унылой пѣсни, пріютилась лубочная повѣстушка «Въ народѣ», изображающая милую барышню съ загадочными глазами, которая вздумала идти въ народъ съ другомъ своего сердца, но промочила ножки, простудилась и затѣмъ изъ рьяной прогрессистки обратилась въ не менѣе рьяную обскурантку.

Рядомъ съ характеристиками болѣе или менѣе извѣстныхъ семидесятниковъ, каковы: Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ, Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, Александръ Капитоновичъ Маликовъ, Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ (онъ же Вильямъ Фрей) и др., и различными эпизодами изъ ихъ жизни, помѣщена вдругъ ни къ селу, ни къ городу статья «Первый въ Россіи санкюлотъ», въ которой разсказывается извѣстный эпизодъ отрѣшенія отъ должности тверского предводителя дворянства и ссылки въ Вятку А. М. Унковскаго, котораго нельзя даже назвать и шестидесятникомъ, какъ это дѣлаетъ г. Фаресовъ въ своей оговоркѣ: это былъ типическій человѣкъ 40-хъ годовъ, двумя годами моложе Салтыкова, и въ годъ ссылки въ Вятку (1860) ему было уже за 30 лѣтъ.

Еще болѣе ни къ селу, ни къ городу въ книгѣ о семидесятникахъ является разсказикъ «Наша Вандея», въ которомъ описывается бунтъ въ мѣстечкѣ «Красный Холмъ», учиненный противъ исправника, осмѣлившагося въ дни траура по недавно скончавшемся имп. Александрѣ II въѣхать въ мѣстечко на тройкѣ съ неподвязаннымъ колокольчикомъ подъ дугою.

Словомъ, напрасно стали бы вы искать въ книгѣ г. Фаресова какихъ бы то ни было единства, цѣльности, систематичности. Передъ вами рядъ статей, писанныхъ въ разное время и помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ. Г. Фаресовъ, очевидно, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ собраніе своихъ сочиненій, а такъ какъ въ большинствѣ ихъ онъ толкуетъ о людяхъ и событіяхъ 70-хъ годовъ, то, ради приданія книгѣ большаго интереса, онъ и озаглавилъ ее—«Семидесятники».

II.

Впрочемъ, при всѣхъ этихъ недостаткахъ книги г. Фаресова, чтеніе ея мѣстами очень интересно, такъ какъ вы знакомитесь въ ней съ нѣсколькими выдающимися личностями 70-хъ годовъ, а главное дѣло, имѣете возможность прослѣдить ту грустную эволюцію, въ результатѣ которой жизнерадостные, ликующіе и восторженные шестидесятники превратились въ юродивыхъ мистиковъ, святошъ и унылыхъ, малодушныхъ пессимистовъ 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Замѣчательно при этомъ, что эволюція эта была совершена не какими-либо новыми людьми, явившимися на смѣну шестидесятникамъ. Семидесятники въ сущности были тѣ же шестидесятники. Многіе дѣятели, расцвѣтъ дѣятельности которыхъ относится къ 70-мъ годамъ (напр. Н. К. Михайловскій, Г. П. Успенскій, Н. Н. Златовратскій), тѣмъ не менѣе считаютъ себя шестидесятниками, оставаясь вѣрными всѣмъ завѣтамъ 60-хъ годовъ, и имѣютъ на это полное право, такъ какъ все, чѣмъ жили люди 70 годовъ, было завѣщано имъ 60-ми годами, не исключая и такого лейтмотива ихъ жизни, какъ массовое хожденіе въ народъ, такъ называемое «народничество».

Но великое горе заключалось въ томъ, что, поставивши передъ семидесятниками рядъ великихъ и труднѣйшихъ задачъ, шестидесятники сверхъ всего прочаго оставили имъ такое наслѣдіе, которое парализовало всѣ попытки ихъ рѣшенія. Это злое наслѣдіе заключалось не въ чемъ иномъ, какъ въ реакціи, которая, возникши въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ (студенческія волненія 1861 г., пожары 1862 г., польское возстаніе 63 г.), съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе давала себя чувствовать. Въ началѣ 70-хъ годовъ реакція эта, какъ извѣстно, приняла характеръ не стремительныхъ скачковъ, какъ это было въ теченіе 60-хъ годовъ, а непрестаннаго наростанія. Классицизмъ окончательно воцарился въ гимназіяхъ; аресты, высылки и политическіе процессы сдѣлались повседневнымъ явленіемъ; пресса стонала подъ игомъ М. Н. Лонгинова...

Подъ гнетомъ этой реакціи и произошла та печальная эволюція, о которой идетъ у насъ рѣчь.

Но, конечно, было бы ошибочно предполагать, чтобы всѣ шестидесятники поголовно и въ равной степени подверглись этому печальному превращенію, застигнутые реакціею въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности. Реакція, подобно эпидеміямъ, ищетъ своихъ жертвъ среди наиболѣе слабѣйшихъ умственными и нравственными силами. Люди же, достигнувшіе высшихъ степеней умственнаго развитія своего вѣка и нравственно закаленные, мужественно противостоятъ напору реакціи, и если даже имъ приходится пасть въ неравной борьбѣ, — до послѣдняго вздоха сохраняютъ умственныя и нравственныя силы.

Тѣмъ не менѣе всетаки сердце обливается кровью и желчь закипаетъ, когда подумаешь, сколько пользы могли принести такіе великаны родному краю, если бы благая дѣятельность ихъ не была безумно и слѣпо парализована порою въ самомъ началѣ своего расцвѣта.

Такими несокрушимыми борцами являются въ книгѣ г. Фаресова Порфирій Ивановичъ Войнаральскій и Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ.

III.

Къ сожалѣнію, г. Фаресовъ очень мало знакомитъ насъ съ фактами жизни Войнаральскаго. Мы узнаемъ лишь, что онъ былъ богатый пензенскій помѣщикъ и мировой судья Городищенскаго уѣзда. По тому, какъ проявлялъ себя Войнаральскій впослѣдствіи, во время ссылки, мы можемъ судить, что, безъ сомнѣнія, онъ былъ другъ народа, горячо и энергично стоялъ за его интересы, и это обстоятельство главнымъ образомъ навлекло на него ненависть со стороны всѣхъ тѣхъ, которымъ народные интересы стояли поперекъ горла, и слѣпую подозрительность бюрократіи, стоявшей во главѣ реакціи 70-хъ годовъ. Какъ бы то ни было, но Войнаральскому пришлось играть главную роль въ процессѣ 193-хъ, въ результатѣ котораго, послѣ семилѣтняго одиночнаго заключенія, онъ былъ сосланъ въ Якутскую область.

Но ни всѣ мытарства, униженія и муки процесса, ни годы одиночнаго заключенія не помутили свѣтлаго разума Войнаральскаго, не сломили его несокрушимой энергіи. Оставшись съ якутами ловить рыбу, загонять съ собакою звѣря на утесы и бить его тамъ, онъ въ то же время остается также далекъ отъ узкаго и себялюбиваго замыканія въ самого себя ради личнаго благосостоянія или нравственнаго самосовершенствованія, какъ и до процесса. Подобно тому, какъ прежде весь онъ былъ преданъ избавленію пензенскихъ крестьянъ отъ когтей мѣстныхъ міроѣдовъ и помѣщиковъ, такъ теперь онъ весь ушелъ въ стремленіе обезпечить несчастныхъ якутовъ отъ голоданія и кабалы у богатыхъ скопцовъ и якутовъ-тайсновъ.

Движимый этимъ благороднымъ стремленіемъ, онъ принялъ на себя со-

держаніе станціи по Верхне-Колымскому тракту на протяженіи около 1000 верстъ. Онъ мечталъ вести это дѣло на артельныхъ началахъ, но, идеализируя мужика согласно духу своего времени, слишкомъ понадѣялся на честность рабочихъ, а между тѣмъ пьяные ямщики теряли ввѣренныхъ имъ животныхъ, крали упряжь и т. д. Преслѣдовать ихъ судомъ было и некогда, да и не согласовалось съ его принципами. Къ этому присоединился рядъ весьма неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Эпизоотія истребила сотни оленей; лѣсные пожары уничтожили по тракту подножный кормъ; пошли неурожаи хлѣба и т. д. Онъ геройски выносилъ борьбу, пока была малѣйшая возможность вести дѣло.

Когда же пришлось прекратить тщетныя усилія, онъ всю свою энергію сосредоточилъ на главномъ и завѣтномъ своемъ дѣлѣ, которому посвятилъ всю остальную жизнь,— именно пропагандѣ развитія земледѣлія въ приполярныхъ краяхъ Сибири, въ томъ числѣ и Якутской области. Пропаганду эту въ видѣ статей въ разныхъ сибирскихъ изданіяхъ и столичныхъ (въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» за 1897 г.), онъ подкрѣплялъ устройствомъ опытныхъ участковъ въ микроскопическихъ размѣрахъ и въ различныхъ мѣстахъ, вывозомъ хлѣбныхъ сѣмянъ и картофеля въ Верхоянскъ и доставкою туда же земледѣльческихъ орудій. Находя въ приполярномъ земледѣліи спасеніе массъ отъ обнищанія и вымиранія, онъ изъ всѣхъ силъ старался привлечь таежную интеллигенцію къ этому насущному дѣлу и сильно горевалъ, что дѣятели географическаго отдѣла, члены сибиряковскихъ экспедицій, составители «Памятной книжки Якутской области за 1896 годъ» и мѣстная администрація остаются глухи къ его проповѣди о приполярномъ земледѣліи и работаютъ надъ вопросами, по его мнѣнію, отрѣшенными отъ существенныхъ нуждъ края, вродѣ изученія монгольскихъ надписей, геологическихъ раскопокъ гробницъ или проектовъ о возрожденіи скотоводства на раціональной почвѣ, съ ветеринарами, скотоводной фермою близъ Якутска и т. д. Особенно же сокрушало его и выводило изъ себя, что изъ собранныхъ на нужды края 16.000 р., 9.300 р. были ассигнованы на постройку новаго общественнаго собранія въ Якутскѣ для танцевъ, пѣнія, спектаклей и т. п.

«Не правда ли,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—вѣдь это самая неотложная нужда обывателей области? Стоитъ ли думать о такихъ вещахъ, какъ поддержаніе мелкаго земледѣльческаго хозяйства? что за дѣло, если этихъ 9.300 руб. было бы достаточно на 9.000 пудовъ сѣмяннаго хлѣба, въ которомъ такъ нуждаются закабаленные инородцы и что при урожаѣ въ нашей тайгѣ, эти сѣмена избавили бы бѣдняковъ отъ необходимости купить 150.000—200.000 пуд. хлѣба, или—что тоже—сохранили бы у нихъ при здѣшнихъ цѣнахъ не менѣе 20.000 шт. скота... Но все это игнорируется; нужно приличное зданіе для увеселенія интеллигентной публики, простора для мордобоя и разгула, нуженъ биллiардъ въ 1.100 или 1,500 р., люстра въ 700—800 р. и т. п.».

Такъ энергически, безъ устали работалъ онъ, пока жилъ въ Сибири.

Возвращеніе же въ Россію безъ опредѣленнаго дѣла, потеря жены, разлука съ дѣтьми такъ подѣйствовали на его надломленные нервы, что лѣтомъ 1898 г. у него произошло воспаленіе мозга, и его не стало.

IV.

Такимъ же сохранившимся шестидесятникомъ, исполненнымъ въ свою очередь столь же несокрушимой энергіи, рисуется передъ нами въ книгѣ г. Фаресова Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ.

Родившись 21 іюля 1832 года, онъ поступилъ въ 1848 году юнкеромъ въ Михайловское артиллерійское училище и, окончивъ въ 1853 г. офицерскіе курсы въ той же артиллерійской академіи, былъ назначенъ въ гвардейскую конную артиллерію и прикомандированъ къ арсеналу литейщикомъ. Въ 1855 г. онъ былъ назначенъ въ новый арсеналъ начальникомъ литейной мастерской, гдѣ руководилъ отливкой мѣдныхъ полевыхъ орудій. Пушки съ его вензелемъ были образцовыми, а начальство было очень имъ довольно.

Такимъ образомъ, подобно многимъ своимъ извѣстнымъ современникамъ (Шелгунову, Лаврову, Павленкову и др.), Энгельгардтъ, получивъ военное воспитаніе и успѣвши сдѣлать многообѣщающую военную карьеру, промѣнялъ мечъ на перо и свободное слово. Такъ, мы видимъ, что уже въ 1865 г. онъ устроилъ съ профессоромъ Н. Соколовымъ публичную химическую лабораторію на манеръ Гиссенской—Либиха и вмѣстѣ съ тѣмъ они стали издавать химическій журналъ, распространяя въ Россіи новыя въ то время воззрѣнія Лорана и Герара. Въ то же время Энгельгардтъ читалъ увлекательнѣйшія лекціи въ сельскохозяйственномъ музеѣ, снискавшія ему большую популярность среди петербургской публики.

Въ 1866 г. Энгельгардту пришлось навсегда оставить военную службу, получивъ каѳедру въ с.-пб. землед. институтѣ и сдѣлавшись его директоромъ. Здѣсь, при полномъ расцвѣтѣ его могучихъ силъ, началась самая кипучая и благотворная его дѣятельность.

Постановка химическаго дѣла въ институтѣ вышла образцовой. Отстроенная по плану и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Энгельгардта, лабораторія сразу сдѣлалась гордостью института. Ею любовались не только русскіе, но и иностранные посѣтители, которымъ такія лабораторіи не въ диковинку. При лабораторіи составилась хорошая спеціальная библіотека изъ справочныхъ книгъ. Шкапы наполнились обильными запасами всего, что нужно въ лабораторномъ хозяйствѣ.

Въ то же время Энгельгардтъ торопился образовать вокругъ себя школу. Изъ его учениковъ впослѣдствіи вышелъ рядъ профессоровъ и ученыхъ на общественномъ поприщѣ: А. Ермоловъ, В. Ковалевскій, П. Костычевъ, П. Лачиновъ и пр. Его помощники и замѣстители по мѣрѣ силъ хранили въ стѣнахъ института «традиціи Энгельгардта» и послѣ его удаленія.

Рядъ ученыхъ изслѣдованій доставилъ Энгельгардту извѣстность за-границей, и многія европейскія ученыя общества признали его почетнымъ

членомъ, прославъ ему знаки отличія, а у насъ отъ харьковскаго университета въ 1870 г. прислано ему было званіе почетнаго доктора химіи. За изслѣдованіе о креозолахъ и нитросоединеніяхъ Академія наукъ присудила Энгельгардту ломоносовскую премію.

Казалось бы, какъ было не дорожить, не гордиться такимъ свѣтиломъ науки, пользовавшимся такимъ общеевропейскимъ почетомъ, какъ не признавать, что вліяніе его на молодежь не можетъ быть инымъ, какъ самымъ благотворнымъ?

Могъ ли быть заподозрѣнъ въ малѣйшей неблагонамѣренности человѣкъ науки, весь погруженный въ свою спеціальность? До какой степени онъ былъ чуждъ какой бы то ни было политической агитаціи среди студентовъ, заискиванія ихъ популярности, подбиванья ихъ на какія-либо враждебныя противъ начальства дѣйствія, мы можемъ судить по слѣдующему эпизоду. Однажды деньги, собранныя съ какого-то концерта, вмѣсто того, чтобы раздать бѣднымъ студентамъ, онъ употребилъ на улучшеніе лабораторіи и тѣмъ навлекъ противъ себя такую со стороны студентовъ бурю, что когда онъ вошелъ въ аудиторію, его встрѣтили криками и топаньемъ ногъ.

— Это вы что же,—воскликнулъ онъ въ благородномъ гнѣвѣ,—потеряли даръ слова и выражаете свои мысли ногами и звѣринымъ ревомъ? Развѣ такъ объясняются студенты со своими профессорами? Вы недовольны тѣмъ, что собранныя съ концерта деньги я употребилъ большею частью на лабораторію, а не на пособіе такимъ-то и такимъ-то?.. Да? Ну, такъ посмотримъ въ журналахъ ихъ права на общественную благотворительность. Вотъ ихъ успѣхи въ научныхъ занятіяхъ: они менѣе, чѣмъ удовлетворительны. Будьте же справедливы: обязанъ ли я больше думать объ этихъ неучахъ, чѣмъ о лабораторіи и поддерживать болѣе этихъ будущихъ пенсіонеровъ государства, чѣмъ самое дѣло науки? Будьте справедливы не только къ чужимъ, но и къ своимъ.

Ему не дали кончить рѣчи, но уже отъ восторга. Начались извиненія и т. п. выраженія признательности.

И что же вдругъ? Можете себѣ представить: этотъ безупречный гражданинъ, краса и гордость своей родины, оказался не только негоднымъ быть преподавателемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, но и нетерпимымъ въ столицѣ, словно безпаспортный бродяга. Когда вы читаете этотъ эпизодъ въ жизни Энгельгардта, къ сожалѣнію мало разъясненный г. Фаресовымъ, невольно припоминаются вамъ стихи изъ баллады А. К. Толстого:

И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!..
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ...

Много, знать, въ Россіи имѣется первостепенныхъ европейскихъ ученыхъ, если бюрократіи ничего не стоитъ помыкать ими по слѣпому подозрѣнію и неосмысленному «усмотрѣнію».

Какъ бы то ни было, въ 1872 г. Энгельгардтъ былъ не только отставленъ отъ директорства и профессорства сельскохозяйственнаго института, но и сосланъ въ свое имѣніе въ Смоленской губерніи—село Батищево.

V.

Энгельгардтъ былъ одаренъ слишкомъ могучими силами и энергическою, дѣятельною натурой, чтобы впасть въ уныніе, апатію и сложить на груди ненужныя руки. Сбитый съ одной позиціи, онъ не замедлилъ занять другую, не менѣе почтенную и доблестную. Отстраненный отъ своей лабораторіи, которую онъ такъ любовно сооружалъ и совершенствовалъ, и отъ толпы своихъ молодыхъ слушателей, на которыхъ столь благотворно дѣйствовалъ, онъ, какъ извѣстно, создалъ нѣчто вродѣ агрономической академіи въ своемъ Батищевѣ.

Первымъ дѣломъ при помощи своихъ обширныхъ знаній онъ превратилъ запущенное имѣніе, приносившее одни убытки, въ доходное. Затѣмъ знаменитыя его «Письма изъ деревни» поставили его во главѣ движенія въ народъ той фракціи молодежи, которая, извѣрившись въ достиженіи чего-либо путемъ революціонной пропаганды, ограничивалась скромною цѣлью опрощенія, слитія съ народомъ на почвѣ земледѣльческаго труда и устройства сельскохозяйственныхъ колоній на артельныхъ и коммунальныхъ началахъ. Батищево сдѣлалось Меккой для этой части молодежи. Десятки лицъ обоего пола начали ежегодно стекаться въ него ради обученія, подъ руководствомъ Энгельгардта, земледѣльческимъ работамъ и пріобрѣтенія необходимыхъ агрономическихъ знаній.

Глубоко сочувствуя этому стремленію молодежи садиться на землю, способствуя ей въ этомъ и своими знаніями и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, Энгельгардтъ выражалъ при этомъ желаніе, чтобы вмѣсто мужика-знахаря и коновала были у народа интеллигентные доктора и ветеринары, занимавшіеся въ то же время земледѣліемъ наравнѣ съ мужиками. Нужно, чтобы были мужики-механики, мужики-инженеры, мужики-архитектора, мужики-учителя и пр., подобно тому, какъ и теперь не мало имѣется сельскихъ поповъ, которые наравнѣ съ мужиками несутъ ярмо земледѣльческаго труда въ свободное отъ церковныхъ службъ время.

Правда, что вся эта новая дѣятельность и популярность далеко не могли вполнѣ удовлетворить согнаннаго со своего гнѣзда-каѳедры профессора и замѣнить ему прежнее положеніе.

— Самое большое мое несчастье въ томъ,—говорилъ онъ въ интимныхъ бесѣдахъ съ посѣщавшими его пріятелями,—что я—общественный человѣкъ. Ужъ бывало на какой дачѣ въ земледѣльческомъ институтѣ увижу огонекъ—я тамъ. Цѣлую ночь съ молодежью—и отводишь душу, а утромъ въ лабораторіи. Я не могъ быть ни одной минуты безъ аудиторіи... Я родился профессоромъ и мнѣ вынь да подай каѳедру. Я и здѣсь читаю лекціи кухаркѣ Авдотьѣ о томъ, какъ по химіи слѣдуетъ пригото-

влять сиропъ изъ ягодъ, предохранять консервы отъ гніенія и плѣсени, о вліяніи высокой температуры на зародыши и пр.»

Къ этой тоскѣ по аудиторіи и молодежи присоединился рядъ горькихъ разочарованій. Такъ, прежде всего разочаровался Энгельгардтъ въ собственномъ своемъ хозяйствѣ. Правда, оно процвѣтало, но процвѣтаніе это, какъ вскорѣ убѣдился Энгельгардъ, основывалось не на одномъ только примѣненіи послѣднихъ словъ науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на такихъ отношеніяхъ помѣщика къ мужику, съ какими никакъ не могла помириться совѣсть Энгельгардта.

«Какъ ни великъ былъ интересъ агрономическій,—писалъ онъ одному изъ своихъ учениковъ,—какъ ни интересовала меня научно-агрономическая сторона дѣла,—но всетаки меня всегда угнетала экономическисоціальная сторона. Радость агронома всегда отравлялась скорбью человѣческой. Радостно было смотрѣть на роскошный клеверъ, выросшій на батищевскихъ поляхъ, но радость отравлялась, когда я видѣлъ мужика, обязавшагося скосить этотъ клеверъ за деньги, взятыя зимою, когда у него не было хлѣба. Я любовался на тучную корову, дающую по ведру молока, но не могъ въ то же время не думать о горькой судьбѣ доящей эту корову подойщицы...»

VI.

Единственный выходъ изъ этого разлада совѣсти съ хозяйственной практикой Энгельгардтъ полагалъ въ заведеніи артельнаго хозяйства, въ которомъ члены-владѣльцы работали бы сами, не нуждаясь въ батракахъ. Осуществленіе этой мечты Энгельгардтъ возлагалъ на «тонконогихъ», какъ батищевскіе мужики прозвали работающихъ въ Батищевѣ баръ. Онъ готовъ былъ, избравши лучшихъ изъ нихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе приспособленныхъ къ сельскимъ работамъ, обратить батищевское имѣніе въ артельную ассоціацію. Но скоро пришлось ему разочароваться въ своихъ мечтаніяхъ. Между пріѣзжающими къ нему «тонконогими» онъ нашелъ не мало, по словамъ его, «архаическихъ людей, недисциплинированныхъ, растерянныхъ, скорохватовъ, всюду болтающихся и нигдѣ долго не остающихся».

Но и лучшіе изъ нихъ не оправдали ожиданій Энгельгардта. «Когда зимою 1881—1882 года,—писалъ Энгельгардтъ въ томъ же письмѣ,—я предлагалъ нѣкоторымъ лицамъ соединиться въ Батищевѣ,—*не* согласились и главнымъ аргументомъ ставили то, что въ Батищевѣ придется, по недостаточности артели для такого большого хозяйства, всетаки вести эксплуататорское хозяйство. Возраженіе по существу пустое, ибо такое эксплуататорское хозяйство было бы только вначалѣ, какъ переходная форма. Я думаю, что главною причиной несогласія было то, что боялись—въ Батищевѣ хозяйство будетъ идти подъ моимъ управленіемъ и нельзя будетъ каждому продуцировать свое я,—въ смыслѣ я, дескать, хозяинъ

я распорядитель, мною держится все. Дальнѣйшій ходъ доказалъ, что это именно такъ. Очевидно, что для многихъ важно было не дѣло, а личное самолюбьишко. Люди были слишкомъ мелки и не доросли до того, чтобы дѣлать такое великое дѣло...»

Но и всѣ тѣ артельныя колоніи, которыя заводились въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи самостоятельно «тонконогими», безъ участія Энгельгардта, на глазахъ у него разсыпались послѣ жалкаго существованія, вслѣдствіе неумѣлости, непрактичности, неуживчивости и прочихъ печальныхъ нравственныхъ недуговъ, которыми страдали интеллигентные люди того времени, на губахъ которыхъ не успѣло еще обсохнуть крѣпостное молоко.

Разочаровавшись въ интеллигенціи, вслѣдъ затѣмъ разочаровался Энгельгардтъ и въ народѣ, присмотрѣвшись къ окружавшимъ Батищево крестьянамъ.

— Раньше я думалъ,—говорилъ онъ въ своихъ разговорахъ съ пріятелями,—что нашъ народъ значительно ушелъ впередъ послѣ реформъ, что онъ можетъ сознательно выбрать себѣ въ гласные лицо, забаллотированное дворянами, что, сознавая пользу просвѣщенія, онъ добровольно закрываетъ кабаки и открываетъ школы и т. д. Теперь вижу, что народъ не знаетъ и разницы-то между гласнымъ и присяжнымъ засѣдателемъ... Прежде само начальство все заводило: и больницы, и школы, и суды; а теперь черезъ приговоры то же самое дѣлаетъ... Нѣтъ, народъ еще не начиналъ жить и ввести его въ оглоблн возможно вновь безъ всякаго труда и опасности. Я просто съ ума сходилъ, когда пришелъ къ такому заключенію. Особенно тяжкое впечатлѣніе производятъ на меня гласные крестьяне. Ничего другого они не могутъ придумать, какъ «пороть нужно...» А я-то идеализировалъ ихъ! Воображалъ, что они сознаютъ собственныя силы, пока не услышалъ, что безъ розогъ имъ жить нельзя...»

Все это вмѣстѣ взятое, и особенно горькое чувство оскорбленія, возбуждаемое въ опальномъ профессорѣ полицейскимъ надзоромъ, которымъ онъ былъ окруженъ въ его деревенскомъ уединеніи, повели къ тому, что нервы его не выдержали, и онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе началъ прибѣгать къ чарочкѣ.

«Разумѣется,—разсказывалъ онъ,—я, какъ заслышалъ колокольчикъ, сейчасъ хватилъ. Взглянувъ въ окно, вижу начальническія лошади — еще хватилъ. Повеселѣлъ. Думалъ за сборомъ—нѣтъ. Такъ, пустыя бумаженки. Сидитъ, разговариваетъ, смотритъ какъ-то странно, разспрашиваетъ, кто у меня бываетъ, насчетъ постороннихъ лицъ, что хозяйству учиться пріѣзжаютъ, справляется.

«Узнаю потомъ, что въ деревнѣ какой-то былъ, разспрашивалъ, и все больше у бабъ, кто у меня бываетъ, что дѣлаютъ, какъ я живу, какого поведенія, «то-есть какъ вы насчетъ женскаго пола», поясняли мнѣ мужики.

«Сталъ я больше и больше пить. Дальше, больше. Вижу, навѣщаютъ то и дѣло. А я всякій разъ выпью да выпью; и все въ разное время:

то днемъ, то утромъ; придется, выпьешь, и натощакъ. Чтобъ не бѣгать за водкой, поставилъ бутылку въ комнату на письменный столъ... Сталъ я сильно пить, безъ перемежки. Заболѣлъ, ходить не могъ; — страшная одышка, грудь давитъ, сердцебіеніе, руки трясутся, выпьешь—на минуту какъ будто легче, а потомъ еще хуже. Отъ дѣла отбился, явилась страшная раздражительность, всякій пустякъ раздражаетъ, безпокоитъ. Пойдешь въ поле—нѣтъ силы идти, потомъ обливаешься, вернешься домой, возьмешь газетину, еще болѣе раздражаешься, буквы сливаются въ какой-то туманъ, и вдругъ сквозь туманъ лѣзетъ лицо начальника въ кепкѣ... Самъ понимаю, что ужъ до чертиковъ допился, самъ знаю, что не нужно пить зелье, и не могу бросить, воли нѣтъ...»

Но несмотря на эту болѣзнь, сильно подтачивавшую могучія силы Энгельгардта и приведшую его къ преждевременной кончинѣ, онъ не покладая рукъ работалъ для науки въ видахъ постановки земледѣльческаго дѣла на научно-раціональную почву, дѣлалъ опыты разныхъ удобреній въ своемъ имѣніи, велъ обширную переписку съ товарищами по наукѣ и съ разными административными лицами. Даже наканунѣ смерти, въ безсознательномъ состояніи горячечнаго бреда, когда вода заливала его легкія и руки отнимались одна за другою, онъ не переставалъ грезить своими научными изслѣдованіями.

— Фосфоритъ! Каинитъ! Калійныя удобренія! Гипсъ! Метеорологическая станція! Почвенныя изслѣдованія! и т. п. вопросы безпорядочно чередовались въ его головѣ и вырывались безсвязнымъ бредомъ изъ его цѣпенѣющихъ устъ.

Однимъ словомъ, до послѣдняго вздоха онъ оставался все тѣмъ же самоотверженно преданнымъ наукѣ на благо своей родины Энгельгардтомъ, какимъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ годахъ своей доблестной жизни.

VII.

Въ такихъ личностяхъ, какъ Войнаральскій, Энгельгардтъ и многіе ихъ сподвижники, которые бросали города, университеты, опрощивались и шли въ народъ ради принесенія ему посильной пользы, привлекаютъ насъ не столько тѣ результаты, какихъ достигли они въ своей, по большей части, неравной и потому безуспѣшной борьбѣ, сколько тотъ гражданскій альтруизмъ, какимъ они были проникнуты. Они никогда не замыкались въ себѣ самихъ, не помышляли ни о какихъ бы то ни было матеріальныхъ или нравственныхъ самосовершенствованіяхъ, главными цѣлями своей жизни ставили общественную пользу,—словомъ, были въ полномъ смыслѣ слова «общественниками».

Но уже въ 60-хъ годахъ, при самомъ началѣ реакціоннаго поворота, въ обществѣ начали появляться «личники», полагающіе главною цѣлью жизни не столько какія-либо общественныя реформы, сколько личное самосовершенствованіе.

Первые «личники», во второй половинѣ 60-хъ годовъ, коренились пока еще на прогрессивной почвѣ. Это были послѣдователи Писарева, — Базаровы, которые, увлекаясь естествознаніемъ, полагали, что весь общественный прогрессъ долженъ заключаться не въ чемъ иномъ, какъ лишь въ распространеніи въ обществѣ естествознанія и въ размноженіи «трезвыхъ реалистовъ», помышляющихъ лишь о томъ, чтобы устраивать свою личную жизнь на раціональныхъ началахъ, какъ бы ни преслѣдовали ихъ за это ветхозавѣтные пошляки.

Уже и въ этихъ первыхъ личникахъ мы видимъ задатки сектаторства, заключавшіеся въ раздѣленіи всего человѣчества на «вѣрныхъ» и «поганыхъ», замыканіи «избранныхъ» въ кружки, недоступные непосвященнымъ, и въ рѣшеніи головоломныхъ вопросовъ о томъ, что ѣсть и во что одѣваться, чтобы сохранять себя вполнѣ на высотѣ «трезваго реализма».

Въ 70-е годы, съ усиленіемъ реакціи, растетъ и число «личниковъ». Хотя, согласно духу времени, и «общественники», и «личники» занимаются повидимому, однимъ и тѣмъ же: опрощиваются, идутъ въ народъ съ цѣлью слитія съ нимъ. Но между тѣми и другими мы видимъ существенную разницу.

Въ то время какъ «общественники», вродѣ Войнаральскаго, шли въ народъ распространять среди него свѣтъ знанія и будить его сознаніе, въ то время какъ Энгельгардтъ мечталъ лишь о томъ, чтобы у народа появились интеллигентные врачи, учителя, ветеринары, которые въ то же время ничѣмъ не отличались бы отъ мужиковъ, занимаясь земледѣліемъ,— «личники», идеализируя народъ и приписывая всѣ его совершенства занятію земледѣліемъ, въ которомъ видѣли панацею отъ всѣхъ пороковъ и слабостей, шли въ народъ и опрощивались исключительно ради нравственнаго самосовершенствованія.

Такъ, среди «тонконогихъ», учившихся у Энгельгардта земледѣльческимъ работамъ, встрѣчалось не мало уже людей, отрицавшихъ всякое активное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ и борьбу со зломъ. «Зло,—говорили они,—не искоренится насиліемъ; міръ можетъ быть спасенъ только любовью. А посему единственную цѣль въ жизни мы должны полагать только въ томъ, чтобы въ самихъ себѣ воспитывать и укоренять начала любви и смиренія, закаляя себя въ трудѣ, строгомъ исполненіи своего долга и въ перенесеніи всяческихъ лишеній». Другіе прибавляли къ этому и народнико-политическіе доводы: —«Не наше дѣло, — говорили они, — навязывать народу какіе бы то ни было наши интеллигентные идеалы. Народъ самъ сумѣетъ устроиться, какъ онъ захочетъ. Для насъ же достаточно смириться и стать въ его ряды такими же усердными пахарями, какъ онъ».

Казалось бы, что для людей такого образа мыслей прямымъ путемъ должна была бы быть приписка къ той или другой волости и принятіе на себя крестьянскаго тягла. Но при кастической замкнутости крестьянскихъ общинъ, при малоземеліи крестьянскихъ надѣловъ, и того одиночества,

которое ждало интеллигентнаго человѣка въ массѣ темнаго люда, это оказалось почти немыслимымъ. Оставался единственный выходъ для осуществленія идеаловъ народниковъ - личниковъ—заводить интеллигентныя колоніи-скиты въ видѣ ассоціацій на артельныхъ или коммунистическихъ началахъ, за что и взялись «тонконогіе»,—по большей части неудачно, какъ мы выше уже говорили.

VIII.

Но при всей изолированности отъ всякихъ общественныхъ интересовъ и замкнутости, батищевскіе «тонконогіе», заводившіе первыя земледѣльческія колоніи («Красная горка» въ Уфимской губерніи и «Буковская колонія» недалеко отъ Батищева), представляли не послѣднюю еще ступень эволюціи отрѣшенія отъ злобъ дня подъ гнетомъ реакціи. Батищевскіе колонисты полагали, что нравственное совершенство явится у нихъ само собою, разъ они займутся земледѣльческимъ трудомъ на братскихъ началахъ, и мечтали только о томъ, чтобы колоніи ихъ, достигнувъ завиднаго процвѣтанія, служили для окружающихъ крестьянъ образцами раціональнаго хозяйства.

Но эволюція пошла впередъ, и въ дальнѣйшихъ своихъ ступеняхъ начала принимать тотъ сектаторскій религіозно - нравственный характеръ, который мы видимъ въ толстовскихъ колоніяхъ.

На первомъ планѣ рисуется передъ нами оригинальная личность Владиміра Константиновича Гейнса. Дворянинъ по происхожденію, онъ родился въ 1839 г., воспитывался въ брестъ-литовскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ полку. По окончаніи курса въ артиллерійской академіи, а затѣмъ въ академіи генеральнаго штаба, онъ былъ прикомандированъ къ Пулковской обсерваторіи и участвовалъ въ работахъ по измѣренію 52-ой параллели. Но увлекшись идеями Роберта Овена, онъ уѣхалъ въ 1866 г. въ Америку съ цѣлью обновить человѣчество христіанскими общинами. Натурализовавшись въ Америкѣ и принявши при этомъ имя Вильяма Фрея, онъ жилъ нѣкоторое время у «перфекціонистовъ»; затѣмъ переѣхалъ въ Миссури, въ общину Уніонъ, гдѣ встрѣтился съ докторомъ Бриксомъ, посвятившимъ его въ вегетаріанство. Послѣ распаденія Уніонъ, Фрей вмѣстѣ съ Бриксомъ основали въ Канзасѣ «Прогрессивную коммуну» на собственной землѣ: съ типографіей и газетой. Умеръ Фрей 5 ноября 1888 г., въ Лондонѣ, въ крайней бѣдности, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ устройства разныхъ артелей и общежитій.

У Фрея мы замѣчаемъ уже болѣе значительную примѣсь религіозно-нравственнаго элемента, чѣмъ у «тонконогихъ», хотя ученіе, проповѣдуемое имъ, носило еще позитивно-философскій характеръ религіи Ог. Конта. Въ ученіи этомъ преобладалъ суровый аскетизмъ, основанный на той идеѣ, вычитанной Фреемъ въ «Азбукѣ соціальныхъ наукъ» Флеровскаго, что «необходимо установить для человѣческаго организма минимумъ жи-

зненныхъ потребностей». До какихъ абсурдовъ доводилъ эту идею Фрей въ своемъ непреклонномъ фанатизмѣ, мы можемъ судить по слѣдующему разсказу Маликова, бывшаго его сочленомъ въ американской коммунѣ.

— Вотъ мы и принялись вырабатывать этотъ «минимумъ», и ломали себѣ головы, спорили и мирились изъ-за каждаго лишняго куска сахара и чая... Квашенаго тѣста Фрей не признавалъ, и дѣлалъ изъ простой муки съ водою длинную палку и запекалъ ее. Эту гигіеническую «шишку Фрея», какъ мы ее звали, онъ ѣлъ по кусочкамъ и избѣгалъ другой пищи... Соль и сахаръ, по Фрею, были искусственными, въ природѣ не существующими продуктами, и потому онъ отрицалъ ихъ.

— Все искусственное,—говорилъ онъ,—удаляетъ человѣка отъ природы, а природа лучше насъ знаетъ, что хорошо, что дурно. Вотъ мы придумали себѣ бѣлое бѣлье, да еще крахмаленное. Бѣлое—оно грязнится, и его постоянно стирать надо, и кому-нибудь крахмалить для васъ. Всѣ эти наряды, украшенія, архитектура и т. д. заставляютъ другихъ работать за васъ; а заставлять массы людей работать за васъ, портить свои вкусы для васъ и убивать свои силы для удовлетворенія вашихъ вкусовъ — не хорошо и вредно.

— Но развивая вашу идею,—возражали ему,—придется ходить голыми. Безъ искусства нельзя сшить ни сапогъ, ни пальто.

— А я ничего не имѣю противъ уничтоженія европейскаго костюма,— храбро заявлялъ Фрей. — Мистеръ Трюманъ ходилъ у насъ въ «прогрессивной коммунѣ» голымъ и работалъ въ полѣ голымъ, но американцы по сосѣдству воспротивились, а мы позволили и привыкли къ нему. Сосѣднія фермы заявили, что не хотятъ встрѣчать его оголеннымъ. Это все ихъ искусственная цивилизація. Она вся извращена и мила только меньшинству. Русскія крестьянки съ голыми ногами и высоко подобранными юбками не смущаютъ собою мужиковъ,—это я понимаю, и это свидѣтельствуетъ чистоту ихъ нравовъ. А познакомьте эту бабу съ искусствомъ прикрывать свои ноги — она испортится... И гдѣ больше искусства, тамъ и порчи больше...

Любопытны были, по словамъ Маликова, уроки Фрея съ дочерью. Онъ задавалъ ей слѣдующія задачи: 25,200,128,353 помножить на 1,243,300,049. Все такія числа. Другихъ задачъ не было. Это, видите ли, ближе къ природѣ: нужно вниманіе и терпѣніе, чтобы вѣрно рѣшить такую задачу; а прочія задачи—искусственныя и не развиваютъ въ человѣкѣ его лучшихъ способностей. Плачетъ дѣвочка, а отецъ ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и повторяетъ:

— Пиши же, Белла: ты знаешь табличку умноженія, и только нехватаетъ у тебя вниманія и аккуратности. Развивай въ себѣ эти стороны и не будь неряхой въ работѣ. Теперь ты невнимательна къ правиламъ умноженія и дѣлаешь ошибки; вырастешь большая—будешь по привычкѣ невнимательна къ правиламъ жизни и совершать пороки. Теперь ты пачкаешь тетрадь чернилами, а потомъ будешь пачкать душу свою и поганить ее.

Значитъ, этому праведнику не запрещало ученіе Христово обнажать мечъ тамъ, гдѣ это было нужно...

— Но въ государствѣ,—возражали Маликову, — нужны и суды, и тюрьмы, и наказанія...

— Что же изъ того?—отвѣчалъ Маликовъ.—Въ человѣкѣ гуляетъ не только доброе, но и злое. Вотъ и бей послѣднее палкой и тюрьмой... Чего же церемониться съ плотью-то, когда она манитъ меня на грѣхъ и преступленіе?! Мстить ей не надо и вымещать на ней свою злобу, а укротить ее и подчинить разуму—необходимо. Въ православіи строго различается христіанинъ отъ преступника, добродѣтельный человѣкъ отъ порочнаго. Послѣдній не имѣетъ права на потаканье ему. Пусть онъ почувствуетъ на себѣ всю силу гнѣва людей на его порокъ, и пусть онъ исправится. Принудить его надо не нарушать интересы всѣхъ, если онъ самъ не догадывается. Для того и существуетъ государство, и православіе не противится принужденію человѣка къ добру силою.

Маликовъ и сотни другихъ семидесятниковъ покончили малодушнымъ возвращеніемъ вспять не почему иному, какъ по одному и тому же: потому что они больше разсуждали и резонерствовали, чѣмъ дѣлали дѣло; прогрессивныя же убѣжденія, которыя исповѣдовали они въ молодости, не были выработаны ими самостоятельнымъ мышленіемъ и не проникали глубоко въ ихъ плоть и кровь, а приняты были на вѣру, по внушенію и скользили по ихъ духовной поверхности. Оттого такъ и легко было имъ разстаться съ ними и возвратиться къ роднымъ пенатамъ, когда жизнь привела ихъ къ горькому сознанію полной своей несостоятельности, своего рода нравственному банкротству.

А. Скабичевскій.

Воскресшая книга.

1) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. Подъ ред. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Спб., 1905 г. Цѣна 2 р. 2) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Сочиненіе А. Н. Радищева. Изданіе 2-е. А. С. Суворина. Спб., 1905 г. Цѣна 60 к.

I.

«Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ»... Такъ писалъ Пушкинъ 80 лѣтъ тому назадъ, имѣя въ виду многочисленныя расходившіяся по рукамъ рукописныя копіи знаменитой книги.

Шли года, смѣнялись вѣянія, а надъ «врагомъ рабства» все висѣлъ мертвящій, безсмысленный цензурный гнетъ.

Научныя изслѣдованія много разъ, давно уже перепечатывали всѣ наиболѣе сильныя мѣста «Путешествія»; большинство его идей, въ свое время запретныхъ, давно уже сдѣлалось фактомъ жизни, другія далеко отстали отъ ея ускореннаго темпа; немногія изъ нихъ, наименѣе рѣзко выраженныя, могли бы звучать призывомъ и для настоящаго времени,—но «черный медвѣдь цензуры» по инерціи продолжалъ свои безпощадныя и безотчетныя преслѣдованія...

Въ 1872 году были уничтожены «Сочиненія А. Н. Радищева» подъ редакціей г. Ефремова, въ 1903 г. изданіе «Путешествія» г. Картавова. Только г. Суворину, «великому ловцу передъ Господомъ» (и передъ «господами»), удалось въ 1888 г. напечатать запретную книгу въ количествѣ всего 100 экземпляровъ, по несообразно высокой цѣнѣ, доступной только для богатыхъ людей, да г. Бурцевъ въ 1901 г. подъ шумокъ втиснулъ его (въ очень неисправномъ видѣ) въ свое наивное и малограмотное «Библіографическое описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ».

Заграничныя изданія въ счетъ не могутъ идти: въ Россію они проникали случайно и съ трудомъ, да и давали совершенно испорченный текстъ. Теперь «Путешествіе» сдѣлалось достояніемъ самыхъ широкихъ слоевъ русскаго общества. Можно только пожалѣть, что сдѣлалось такъ поздно и такъ несвоевременно: въ мутномъ потокѣ кровавыхъ событій, при «страш-

номъ заревѣ Беллонинныхъ огней» междоусобія, не до оглядокъ въ прошлое, не до благодарности за прошлое...

Но наша нравственная обязанность—попробовать вспомнить и напомнить, хотя бы для этого въ настоящую минуту слишкомъ мало было данныхъ.

II.

11 сентября 1802 г. Радищевъ, тогда вліятельный и наиболѣе энергичный членъ коммиссіи составленія законовъ, освобожденный изъ ссылки императоромъ Павломъ и вполнѣ реабилитированный его сыномъ, неожиданно для всѣхъ отравился, затѣмъ пытался зарѣзаться бритвой и въ началѣ 1-го часа слѣдующаго дня скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Такъ трагически оборвалась нерадостная вообще жизнь благороднѣйшаго изъ нашихъ дѣятелей XVIII в., полная неисходной горечи, роковыхъ недоразумѣній и потрясающихъ катастрофъ.

Отпрыскъ стариннаго, хотя небогатаго дворянскаго рода, получившій образованіе въ лучшемъ изъ тогдашнихъ германскихъ университетовъ, по личному желанію императрицы и на ея средства, *призванный ею же къ литературной дѣятельности* и очень повышенный по службѣ съ ея вѣдома, извѣстный ей своими способностями и дѣловитостью,—Радищевъ, вслѣдствіе прискорбнаго столкновенія случайностей, обращаетъ на себя ея «примѣтную чувствительность», чреватое послѣдствіями раздраженіе, которое заставило судей рѣшиться на смертный приговоръ, позднѣе «милостиво» замѣненный ссылкою въ Сибирь, въ *тогдашнюю* Сибирь!

За исключеніемъ двухъ-трехъ рѣзкихъ фразъ, его «Путешествіе» въ общемъ не выходило за предѣлы идеаловъ лучшихъ писателей нашего XVIII в., включая сюда и пресловутый «Наказъ». Напечатанный по желанію самой императрицы переводъ изъ Мабли Радищева, изданныя имъ до «Путешествія» «Житіе Ушакова» и «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ», въ общихъ чертахъ проводятъ то же міровоззрѣніе, которое съ особенною силой выразилось въ «Путешествіи».

Онъ весь ушелъ въ служебныя, научныя и литературныя занятія, въ заботы о семьѣ, о воспитаніи дѣтей, и не замѣтилъ крутого поворота, созданнаго въ правительственныхъ кругахъ происходившими тогда во Франціи событіями.

Пылкій и *одинокій* мечтатель, весь проникнутый «заквасомъ» чисто-юношескихъ идеалистическихъ увлеченій, онъ вообще мало могъ считаться съ «обстоятельствами» и тѣмъ менѣе приспособляться къ нимъ. Необыкновенно послѣдовательный въ идеяхъ и дѣйствіяхъ, онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ «отъять завѣсу отъ очей природнаго чувствованія» у русскаго общества, предостеречь его отъ грозной опасности «чудища обла, озорна, стозѣвна и лаяй»—рабства во всѣхъ его видахъ и формахъ.

По его глубокому убѣжденію, «бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Понятое зло жизни уже наполовину излѣчено и на обязанности всѣхъ понявшихъ лежитъ разъяснять его слѣпымъ и близорукимъ.

Меньше всего онъ хочетъ «возмутить гражданскій покой безвременно и безъ пользы». Онъ безусловно стоитъ за власть, если она исполняетъ свой долгъ передъ народомъ и обществомъ,—уважаетъ ее, если она сама уважаетъ и народъ и общество.

Многія условія современной жизни пугали вдумчиваго наблюдателя, проникнутаго «чувствительностью и состраданіемъ». По его мнѣнію, они должны были привести къ катастрофѣ, и онъ не могъ болѣе молчать. Такимъ изліяніемъ взволнованнаго, испуганнаго ужасами жизни, скрывавшимися подъ блестящею (отъ мишуры) поверхностью, и было «Путешествіе».

Въ основѣ его—не ясно сознанная политическая программа, а именно крикъ, стихійный протестъ наболѣвшей души гуманнаго, высоко-культурнаго «сантименталиста», въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова...

Въ фантастическомъ снѣ «Путешествія» истина говоритъ носителю власти: «если изъ среды народной возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои, вѣдай, что той есть твой другъ искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета. Онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его, яко странника... Таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдко; едва одинъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ».

Именно такимъ «твердымъ сердцемъ» и былъ Радищевъ.

Рабство, въ особенности крѣпостное право, было больнымъ мѣстомъ его души. Борьбу съ нимъ, съ произволомъ администраціи, гнетомъ цензуры, общимъ безправіемъ, онъ вноситъ во все—и въ философскіе трактаты, и въ публицистическія статьи, и въ стихотворныя произведенія.

Это—мыслитель и писатель-гражданинъ прежде всего и больше всего. Первый приноситъ онъ на нашу почву яркіе, наиболѣе жизненные проблески европейскаго гуманитарнаго сантиментализма, сильно окрашенные послѣдовательнымъ аболиціонизмомъ, чего не было, напр., у Карамзина. «Молодость сѣдинъ» сопровождаетъ его до гробовой доски. Съ изумительною живучестью устоялъ онъ передъ ужасами слѣдствія и суда, ссылкою въ Сибирь, не палъ духомъ, принялся за неустанную умственную и практическую дѣятельность, съ глубокою вѣрою въ «близость благого утра». Съ юношескою пылкостью онъ увлекается въ коммиссіи составленія законовъ своею новою дѣятельностью, горячо защищаетъ человѣческія права крѣпостныхъ, составляетъ широкій и обдуманный проектъ реформъ, но даже его могучій жизненный оптимизмъ не устоялъ передъ *шатостью* первыхъ годовъ XIX в., очевидною безпочвенностью тогдашнихъ рефор-

маторскихъ попытокъ, слишкомъ большою силою старины, инерціи и традиціи. Прикрытая шуткою угроза Сибирью была, конечно, только послѣднею каплею, поводомъ, а не причиною катастрофы 11 сентября 1802 г.

По задушевному убѣжденію Радищева, изъ жизни можно и должно было уходить только тогда, когда грозитъ опасность нравственной свободѣ человѣка, когда онъ доходитъ до сознанія, что борьба за идею безуспѣшна, должна привести къ компромиссу и нравственному паденію. Рѣшаясь на самоубійство, онъ, конечно, именно этого и хотѣлъ избѣжать. Оно придало всей его жизни особенную цѣльность, глубокій и знаменательный внутренній смыслъ...

Когда Бестужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» не упомянулъ о Радищевѣ, Пушкинъ горько его упрекнулъ: «Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть *Радищева?* Кого же мы будемъ помнить?» Да, «кого же мы будемъ помнить!»

III.

Новыя изданія «Путешествія» рѣзко различаются другъ отъ друга. Изданіе г. Суворина, очень дешевое по цѣнѣ, недурное съ внѣшней стороны, разсчитано на «большую публику».

Коротенькое предисловіе издателя только перечисляетъ предыдущія изданія и глухо упоминаетъ о «большомъ историко-литературномъ интересѣ» книги. Біографіи и характеристики Радищева оно почему-то не даетъ, хотя въ нихъ безусловно нуждается средній читатель, для котораго изданіе собственно и предназначено.

Текстъ воспроизведенъ очень точно, со всѣми особенностями оригинала и съ указаніемъ на поляхъ его страницъ (онѣ отдѣлены черточками).

Изданіе гг. Щеголева и Павлова-Сильванскаго имѣетъ научный характеръ.

Введеніе и примѣчанія г. Сильванскаго даютъ хорошій сводъ свѣдѣній о Радищевѣ, въ томъ числѣ нѣсколько новыхъ не безынтересныхъ фактовъ. Библіографія литературы о Радищевѣ составлена внимательно, хотя кое-что въ ней пропущено (напр., письма масона Кутузова въ «Русской Старинѣ» послѣднихъ годовъ, біографія съ портретомъ въ серіи «Портреты русскихъ писателей» Гросманъ и Кнѣбель, и т. д.). Очень интересна статья г. Щеголева о вновь открытой рукописи «Путешествія», которая была привлечена къ слѣдственному процессу. Она доказываетъ, что Радищевъ многое вставилъ въ свою книгу уже послѣ «дозволенія управы благочинія», даетъ рядъ варіантовъ къ тексту, иногда очень любопытныхъ, вообще проливаетъ свѣтъ на исторію созданія этого произведенія. Мы получаемъ затѣмъ предполагавшееся сначала Радищевымъ особое заключеніе «Путешествія», изображавшее знаменательный для настроенія автора случай *принципіальнаго самоубійства.*

При воспроизведеніи текста въ немъ допущены мелкія въ общемъ неточности. Указаній на страницы перваго изданія нѣтъ.

Къ книгѣ, прекрасно изданной, приложены лучшій изъ портретовъ Радищева и факсимиле заглавнаго листа и первыхъ 4-хъ страницъ изданія 1790 г.

Среди великихъ именъ борцовъ-страдальцевъ за русское освобожденіе имя Радищева должно сіять вѣчнымъ и нетлѣннымъ блескомъ.

Забвеніе или *полупамять* теперь, послѣ окончательнаго снятія цензурнаго запрета, должны смѣниться благодарнымъ и благоговѣйнымъ признаніемъ.

Мы, конечно, дождемся перваго памятника ему—полнаго собранія его сочиненій; наши потомки въ первые дни *настоящей* свободы создадутъ, конечно, ему другой памятникъ—«мѣдную хвалу»...

Вл. Каллашъ.

На-ряду съ преступниками.

(Письмо въ редакцію.)

Все измѣнилось и все измѣняется еще въ Россіи за послѣдній годъ. Новыя права, гласность, свобода слова, избирательное начало—все это лучи того солнца, которое только что встаетъ, но должно вскорѣ вызвать къ жизни цвѣтущую, обновленную страну. Однако половина страны остается во мракѣ, ни одинъ лучъ свѣта не коснулся этой скорбной области, напротивъ, отъ контраста съ новой атмосферой жизни, охватившей одну часть государства, эта послѣдняя кажется еще темнѣе. Я подразумѣваю все женское населеніе Россіи. Можетъ быть, нигдѣ въ мірѣ женщины не имѣютъ такихъ нравственныхъ правъ на гражданство, какъ на нашей родинѣ. Онѣ шли не только рука объ руку съ мужчиной по пути къ прогрессу, но часто опережали его, какъ на зарѣ русской исторіи св. Ольга опередила Владиміра. Но татарщина и Византія на долгіе вѣка погрузили женскую жизнь въ темноту, и еще въ XVII вѣкѣ она находилась въ самомъ плачевномъ положеніи. Безграмотная, суевѣрная, ограниченная во всемъ, она прозябала въ теремахъ, и тѣмъ болѣе поражающимъ кажется ея превращеніе, почти мгновенное, какъ только умственная культура коснулась ея. И вѣкъ не прошелъ, какъ послѣ освободительнаго движенія при Петрѣ I, мы видимъ при Екатеринѣ II русскую женщину въ лицѣ Воронцовой-Дашковой во главѣ ученаго міра, президентомъ академіи. Это послѣ столѣтій полнаго невѣжества. Съ тѣхъ поръ ея успѣхи не прерывались; послѣ салоннаго, изящнаго образованія женщинъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, развитіе стало обнимать, все болѣе расширяясь, всѣ круги русскаго населенія; послѣ женъ декабристовъ, мы видимъ первыхъ сестеръ милосердія въ Крымскую войну. Стоитъ прочесть въ воспоминаніяхъ Пирогова эту интереснѣйшую страницу исторіи женскаго прогресса. Тогда появленіе женщинъ для ухода за ранеными на полѣ битвы произвело почти скандалъ. Многимъ это казалось немыслимымъ и неприличнымъ. Особенно возставалъ кн. Меншиковъ, предсказывавшій съ цинизмомъ, свойственнымъ всѣмъ врагамъ женской дѣятельности, что

если женщинамъ предоставить такую обязанность, то придется открыть новые госпитали для непристойныхъ болѣзней. Однако вел. княгиня Елена Павловна не побоялась стать во главѣ женской помощи раненымъ, и первая русская сестра милосердія, Екатерина Бакунина, отправилась на войну съ цѣлымъ отрядомъ сестеръ изъ разныхъ званій; около дѣвушекъ изъ высшаго общества работали и простыя крестьянки. И что же? Не только предсказаніе Меншикова не сбылось, но повсюду воцарилось гуманное отношеніе къ больнымъ, порядокъ, чистота, и смертность между ранеными, по свидѣтельству проф. Пирогова, уменьшилась наполовину. Итакъ, не забудемъ, что и это святое новшество, которое кажется намъ теперь чѣмъ-то столь необходимымъ и благимъ, было встрѣчено насмѣшкой и хулой. А позже? Что перенесла женщина 60-хъ годовъ на своемъ пути къ профессіональному образованію и къ служенію человѣчеству? Всѣ эти студентки, курсистки, вольныя изгнанницы изъ своей семьи и родины, столь часто легшія костьми за свое стремленіе къ развитію и наукѣ? Эти скромныя, неизвѣстныя мученицы идеи и женскаго просвѣщенія, претерпѣвшія и голодъ, и холодъ, и главное столько недоброжелательства, вражды, презрѣнія со стороны общества и вліятельныхъ сферъ, пока ихъ трудъ не былъ признанъ полезнымъ, ихъ желаніе самообразованія законнымъ? Сколько добра, сколько облегченія внесли уже въ странѣ земскія фельдшерицы и школьныя учительницы. Наконецъ, теперь, въ послѣднюю войну, женщины сестры милосердія—единственное свѣтлое явленіе въ общей смутѣ, несостоятельности и безпринципности. И такъ вездѣ, гдѣ созидались новыя начала или гдѣ приходилось облегчать страданія, мы видимъ русскую женщину, поддерживающую мужчину на его пути, въ политической борьбѣ, въ изгнаніи, на войнѣ, повсюду. И вотъ послѣ всѣхъ этихъ трудовъ и самопожертвованій, теперь, когда русскій мужчина признанъ, наконецъ, гражданиномъ, имѣющимъ право свободно работать на благо своей родины, высказывать свои мнѣнія, избирать своихъ правителей, русская женщина офиціально поставлена на-ряду съ преступниками и малолѣтними, какъ это краснорѣчиво гласитъ поясненіе о правилахъ перваго манифеста о русской конституціи. Въ этотъ разъ исконная несправедливость къ женщинѣ даже не имѣла стыдливости замаскироваться въ обыкновенную вѣжливость, но приняла откровеннѣйшую, грубѣйшую, возмутительнѣйшую форму. Мы дожили въ Россіи до того, что есть нѣкіе законодатели, ставящіе своихъ матерей, женъ и сестеръ на-ряду съ преступниками!

За что такая обида какъ разъ въ ту минуту, когда всѣмъ сословіямъ и всѣмъ народностямъ мужской половины Россіи дарованы широкія права?

Противники равноправности могутъ отвѣтить, что, кромѣ Австраліи и нѣкоторыхъ Штатовъ Америки, ни одно государство еще не дало женщинамъ равныхъ съ мужчинами правъ. На это мы скажемъ, что намъ нѣчего смотрѣть на Европу, гдѣ цѣлыми вѣками общество слагалось на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ у насъ. Во Франціи, напримѣръ, одинъ

изъ серьезныхъ аргументовъ противъ равноправія—наклонность женщинъ къ обрядности, и поэтому ихъ зависимость отъ католическаго духовенства, которое часто пользовалось ими, какъ своимъ орудіемъ. Но вѣдь этихъ условій въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ. Въ области прогресса воззрѣній на право и образованіе Россія должна стать впереди европейскихъ народовъ послѣ новыхъ реформъ, а не повторять всѣ старыя ошибки западныхъ государствъ, каждый шагъ которыхъ впередъ подымалъ всегда упорную борьбу и сильный протестъ закоренѣлой въ традиціяхъ партіи. Съ Россіей должно случиться то же, что съ нѣкоторыми новыми городками, которые залиты по ночамъ свѣтомъ отъ электрическихъ фонарей, тогда какъ старинные города, столицы міра, какъ, наприм., Парижъ, довольствуются прежнимъ, менѣе совершеннымъ газовымъ освѣщеніемъ. Во всемъ такъ. Молодыя страны пользуются раньше всѣхъ послѣднимъ словомъ прогресса,—онѣ не скованы переживаніемъ старыхъ формъ, закоренѣлыхъ привычекъ.

Предразсудокъ о женскомъ безправіи не что иное, какъ именно закоренѣлая привычка. И сколько вреда принесла она человѣчеству! Все прошлое краснорѣчиво говоритъ намъ объ этой роковой ошибкѣ. Мужчина—теоретикъ по своему существу. И вотъ мы видимъ, что теорія съ самыхъ древнихъ временъ дошла до высшаго развитія. Всѣ великія истины проповѣдывались съ незапамятныхъ временъ, у древнихъ египтянъ, у китайцевъ, у грековъ, у буддистовъ. Кто, наприм., знакомъ съ ученіемъ Лаотце въ его книгѣ «Тао-те-кингъ», только изумляется этой чистой, божественной доктринѣ, вполнѣ христіанской, за VII вѣковъ до Христа. Но какъ философія древнихъ, какъ нравственное сознаніе современниковъ, даже само христіанство осталось мертвой буквой на словахъ въ области теоріи, непримѣненной къ жизни. Почему это случилось,—отвѣтъ на это простой. Именно тотъ органъ человѣчества, который созданъ для воплощенія слова, для проведенія въ жизнь всѣхъ отвлеченныхъ идей, для превращенія теоріи въ практику, былъ скованъ и не развивался. Почти всѣ великія идеи такъ и остаются идеями, прогрессъ чрезмѣрно замедляется, и тогда какъ наука и отвлеченная умственная дѣятельность идутъ впередъ, жизнь все еще темна и безсмысленна, новыя имена, новыя формы мало измѣняютъ ея жестокую сущность. Практикъ-администраторъ, примѣнитель прогресса—женщина, отсутствуетъ въ созиданіи общества. Всѣ толки о томъ, что ея призваніе у домашняго очага, что ея единственный долгъ—материнство,—слова и слова. Для того чтобы очагъ могъ существовать въ дѣйствительности, женщинѣ необходимы права экономическія и гражданскія; для того чтобы исполнить свой материнскій долгъ, ей нужны права соціальныя и политическія.

До сихъ поръ ей возможно было исполнить только долгъ кормилицы и няни, но долгъ матери, т.-е. воспитательницы образованнаго человѣка, гражданина и патріота, воспрещался. Рабъ не сумѣетъ воспитать свободнаго человѣка, и безправное существо, какъ пыпѣшняя женщина, не су-

мѣтъ вселять въ сыновей своихъ понятій о правѣ, о достоинствѣ гражданина, о долгѣ независимаго и неподкупнаго служенія родинѣ. Въ этотъ грозный часъ, когда всѣ основы старой Россіи потрясены, когда мы страстно желаемъ возсоздать новую, свѣтлую и сильную Россію, возможно ли, что мы не призовемъ къ дѣлу всѣ силы нашей родины и отстранимъ способную, разумную, великую русскую женщину, естественную устроительницу и охранительницу общества? Возможно ли, что мы повторимъ ошибку французской революціи, которая, возставъ за права человѣка, не признала женщину человѣкомъ, возвела на эшафотъ политическую дѣятельницу мадамъ Роланъ и Теруань де-Мирекуръ, осмѣлившуюся требовать правъ для женщинъ. И что же мы видимъ теперь? Развѣ Франція достигла *равенства, свободы* и *братства,* развѣ такіе инциденты, какъ, наприм., недавняя стачка въ Лиможѣ,—не жестокая, наглая насмѣшка надъ этимъ лозунгомъ французской революціи*)? Такимъ количествомъ пролитой крови достигнута слишкомъ ничтожная цѣль; во Франціи восторжествовали далеко не свобода и равенство, а буржуазія и капиталъ. Того и слѣдовало ожидать тамъ, гдѣ право человѣка не простиралось на мать, на самый источникъ всего человѣческаго. У насъ въ Россіи меньше предразсудковъ, чѣмъ на Западѣ, гдѣ мужчины воспитаны на традиціяхъ римскаго права, попиравшаго въ женщинахъ разумъ и не признававшаго, повидимому, иной силы, кромѣ силы мускуловъ. Русская женщина до сихъ поръ пользовалась болѣе широкими правами, чѣмъ въ Западной Европѣ; она могла владѣть своимъ имуществомъ безъ опеки со стороны мужа или посторонняго опекуна, могла быть сама опекуншей дѣтей своихъ, съ каждымъ годомъ ей открывались все новыя должности, и между ея положеніемъ и положеніемъ мужчины въ самодержавномъ государствѣ почти не было разницы. По сатирическому выраженію поэта:

Это *равенство безправья*
Не свободы-ль идеалъ?...
Каждый спи себѣ на волѣ,
Лишь бы дѣлу не мѣшалъ?

Но теперь не до сна. Россія проснулась и всѣхъ дѣтей своихъ призываетъ къ дѣятельной работѣ. Для равновѣсія, для практическаго примѣненія новыхъ идей, для проведенія въ жизнь свѣтлыхъ началъ необходима помощь со стороны русскихъ женщинъ. И онѣ должны требовать—и не переставать требовать—уравненія своихъ правъ съ правами мужчинъ. Если онѣ потеряютъ настоящую минуту, когда государство созидается на новыхъ началахъ, потомъ будетъ поздно, борьба съ законченнымъ, выра-

*) Въ лиможскихъ фабрикахъ работаетъ много женщинъ. Хозяева и надзиратели содержали ихъ на положеніи рабынь и фактически практиковали отмѣненное французской революціей *„droit du seigneur“*. Ихъ мужья и братья возстали, чтобы защитить ихъ честь. Это было главнымъ поводомъ стачки, во время которой множество рабочихъ было убито призваннымъ противъ нихъ войскомъ.

ботаннымъ строемъ будетъ долгая и трудная. Теперь надо работать и достичь прежде всего признанія права голоса и избранія въ земствахъ и городскихъ думахъ, во-вторыхъ, прямого вліянія на ученіе и образованіе дѣтей,—эти два вопроса, быть можетъ, самые животрепещущіе въ соціальномъ быту. Начиная съ этого, слѣдуетъ постоянно идти къ полному уравненію правъ. Ибо, по словамъ американскаго поэта Витмана, «только изъ справедливости женщины всякая справедливость можетъ развиться». О культурности народа можно судить по его обращенію съ женщинами. Что же скажемъ о государствѣ, гдѣ женщина стоитъ на-ряду съ преступниками? Стыдно, господа, стыдно за тѣхъ женщинъ, которыя покорятся такому порядку вещей, но еще стыднѣе за тѣхъ мужчинъ, которые согласятся на такую обиду своихъ матерей и женъ.

Гр. Ина Капнистъ.

Съѣзды мира въ 1904 году.

Въ теченіе 1904 г. событія русско-японской войны естественно болѣе всего привлекали къ себѣ общественную мысль, но и идеи мира и права сдѣлали нѣкоторые шаги впередъ даже въ этотъ грозный годъ. И это въ двоякомъ направленіи: со стороны правительствъ, заключившихъ новыя, интересныя соглашенія (о третейскомъ судѣ, о колоніальныхъ вопросахъ, объ охранѣ рабочихъ), и со стороны частныхъ обществъ, устроившихъ, по обычаю, съѣзды своихъ членовъ, вполнѣ заслуживающіе названія съѣздовъ мира. Въ настоящей статьѣ мы остановимъ вниманіе читателя на этихъ съѣздахъ въ виду того, что вопросы, обсуждавшіеся на нихъ, стоятъ въ самой тѣсной связи съ потребностями современной политической жизни народовъ вообще.

I.

Съѣздъ членовъ междупарламентской уніи въ Сенъ-Луи.

Въ то время, какъ война опустошала Старый Свѣтъ, приверженцы мира устроили въ Новомъ Свѣтѣ два съѣзда: междупарламентской уніи (двѣнадцатый) въ Сенъ-Луи (12—14 сентября 1904 г.) и конгрессъ мира (тринадцатый) въ Бостонѣ (3—8 октября того же года) *).

Приглашеніе на съѣздъ въ Сенъ-Луи взяли на себя отчасти парламентская группа американскаго конгресса, отчасти правительство С. Штатовъ и даже лично самъ президентъ ихъ Рузвельтъ **). Они приняли своихъ европейскихъ товарищей (250 депутатовъ и сенаторовъ отъ 14 парламентовъ) съ рѣдкимъ гостепріимствомъ и щедростью, взявъ не только на себя всѣ расходы по ихъ содержанію въ теченіе 18 дней, но и предложивъ имъ прогулку по нѣкоторымъ главнымъ мѣстностямъ Штатовъ (Нью-Іоркъ,

*) Рѣшенія обоихъ съѣздовъ напечатаны въ *Revue génér. de dr. int. public*, 1904, № 6. P. 768—775. Статьи *Ruyssen* въ *La Paix par le Droit*, 1904, Nov.-Décem.

**) Конгрессъ С. Штатовъ ассигновалъ на пріемъ членовъ съѣзда 50 тыс. долларовъ.

Филадельфія, Чикаго, Ніагара, Вашингтонъ и др.). Въ предсѣдатели былъ избранъ Ричардъ Бартольдъ, членъ американскаго конгресса.

Работы съѣзда были посвящены преимущественно четыремъ слѣдующимъ вопросамъ:

1. Онъ прежде всего выразилъ живое удовольствіе по поводу успѣховъ мирныхъ идей за истекшій годъ, причемъ высказалъ мысль, что третейскія конвенціи должны быть заключены и тѣми государствами, которыя этого доселѣ не сдѣлали; по поводу англо-французскаго соглашенія 8 апрѣля 1904 г., съѣздъ, усматривая въ немъ счастливое и важное событіе, приглашаетъ вступить на этотъ путь и другія правительства: имъ слѣдуетъ, насколько возможно, устранить путемъ общаго соглашенія тѣ старыя между ними недоразумѣнія, которыя могутъ вызвать серьезныя осложненія, если не будутъ заблаговременно улажены взаимными переговорами.

2. Наиболѣе важнымъ рѣшеніемъ съѣзда является ходатайство (принятое на основаніи доклада Бёртона, члена американскаго конгресса) о созывѣ правительствами второй конференціи мира, для учрежденія, между прочимъ, международнаго конгресса. Такой новый органъ, дѣйствительно, давно необходимъ. Важно, что въ пользу его высказались люди государственной практики, къ которой принадлежали члены съѣзда. Вотъ это постановленіе: «Принимая въ соображеніе, что просвѣщенное общественное мнѣніе и духъ современной цивилизаціи требуютъ, чтобы столкновенія между народами рѣшались тѣмъ же способомъ, какъ и споры между частными лицами, т.-е. судами, и согласно признаннымъ принципамъ закона, съѣздъ проситъ правительства всего міра послать своихъ делегатовъ на международную конференцію, которая должна собраться на мѣстѣ и во время, ими указанныя, для обсужденія вопросовъ: а) отложенныхъ гаагскою конференціею; б) о заключеніи третейскихъ договоровъ между народами, имѣющими на конференціи своихъ представителей; в) о необходимости установить международный конгрессъ, который собирался бы періодически и обсуждалъ международные вопросы. Съѣздъ обращается къ президенту С. Штатовъ съ почтительнымъ и настоятельнымъ ходатайствомъ о томъ, чтобы онъ пригласилъ къ участію на этой конференціи всѣ народы».

3. Парламентаріи не могли остаться равнодушными «къ ужасамъ войны на Дальнемъ Востокѣ между двумя цивилизованными государствами». Выразивъ сожалѣніе о томъ, что державы, подписавшія гаагскую конвенцію, не нашли возможнымъ примѣнить тѣ статьи ея, которыя уполномочивали ихъ предложить свое посредничество съ самаго начала враждебныхъ дѣйствій, парламентаріи просятъ участниковъ гаагскаго соглашенія сдѣлать либо индивидуально, либо коллективно нужные шаги передъ воюющими въ видахъ скорѣйшаго возстановленія мира и поручаютъ своему бюро (Bureau interparlementaire) довести до ихъ свѣдѣнія настоящую резолюцію.

4. Въ послѣднемъ постановленіи съѣздъ занялся вопросомъ объ усиленіи дѣятельности междупарламентской уніи. Для этого онъ призналъ необходимымъ, чтобы отдѣльныя парламентскія группы, входящія въ со-

ставъ уніи, получили крѣпкую организацію и посвятили себя спеціально международнымъ вопросамъ. Онѣ должны быть между собою солидарны, независимо отъ принадлежности ихъ членовъ къ той или иной политической партіи. Имъ слѣдуетъ дѣлать сообща въ своихъ парламентахъ подготовительные и рѣшительные шаги и распространять на мѣстныхъ языкахъ всѣ сообщенія, дѣлаемыя имъ органами уніи. Бюро междупарламентское должно быть такъ организовано, чтобъ оно могло сосредоточивать у себя и располагать въ порядкѣ всѣ дипломатическіе документы и, въ случаѣ надобности, предавать гласности извлеченія изъ нихъ. Бюро должно быть признано юридическимъ лицомъ.

Прежде чѣмъ покинуть Америку, парламентаріи пожелали въ полномъ составѣ представить Рузвельту свое ходатайство о созывѣ имъ второй конференціи мира. Для этого они отправились въ Вашингтонъ, посѣтили въ Моунтъ-Вернонѣ могилу основателя заатлантической республики и были приняты 24 сентября въ Бѣломъ Домѣ президентомъ С. Штатовъ. Отъ имени съѣзда къ нему обратился съ рѣчью Гоба, завѣдующій междупарламентскимъ бюро. Онъ указалъ на то, что еще въ 1891 г. парламентаріи, на съѣздѣ въ Римѣ, провозгласили необходимость созыва конгресса изъ делегатовъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Они тогда не могли ожидать, что желаніе ихъ будетъ такъ скоро исполнено открытіемъ въ Гаагѣ первой конференціи мира. Хотя эта конференція и повела къ выработкѣ трехъ конвенцій, но она должна была отсрочить разсмотрѣніе многихъ вопросовъ и наиболѣе важнаго изъ нихъ: объ ограниченіи для Европы вооруженій. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ и никто не думаетъ о созывѣ второй конференціи, предусмотрѣнной, однако, гаагскими актами. Съѣздъ усматриваетъ въ собраніяхъ этого рода исходный моментъ къ наиболѣе важному преуспѣянію человѣчества. Они призваны дать форму (corps) братству народовъ, солидарности ихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, всегда существовавшимъ, но никогда не требовавшимъ себѣ такъ настойчиво, какъ нынѣ, признанія, охраны и развитія. Общія конференціи призваны сдѣлать для государства то самое, что уже давно установлено для частныхъ лицъ, онѣ превратятъ третейскій судъ въ обязательный; онѣ будутъ наблюдать за честнымъ выполненіемъ договоровъ; онѣ предупредятъ столкновенія и облегчатъ народы отъ подавляющаго ихъ бремени, возлагаемаго на нихъ прискорбными увлеченіями фантазіи (déplorables fantaisies). Но это учрежденіе (періодическихъ конференцій) для выполненія своей миссіи должно стать основой политической организаціи міра. Для этого, кромѣ правильности ихъ созванія, необходимо, чтобы въ промежутки между ихъ сессіями былъ налицо органъ, снабженный извѣстными полномочіями *). Такова была бы первая стадія международной политической организаціи, подобной строю С. Штатовъ и Швейцаріи. Сдѣлать шагъ къ предполагаемой реформѣ призванъ особенно глава госу-

*) Послѣднюю мысль ораторъ высказалъ лично отъ себя.

дарства, въ столицѣ котораго, подъ сводами Капитолія, засѣдаетъ конгрессъ делегатовъ отъ 45 государствъ и который первый подалъ правительствамъ примѣръ обращенія къ постоянному третейскому суду, учрежденному въ Гаагѣ.

Въ своемъ отвѣтѣ Рузвельтъ подчеркнулъ, что его правительство вступило въ переговоры съ другими кабинетами о заключеніи третейскихъ договоровъ. Мы, должны,—сказалъ онъ,—не обольщая себя надеждой на непосредственный успѣхъ, настойчиво и съ трезвымъ взглядомъ идти къ нашей цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы пробуждать въ народахъ, какъ и въ индивидахъ, чувство отвѣтственности другъ передъ другомъ и добиваться, чтобы каждый признавалъ права всѣхъ остальныхъ. Право и отвѣтственность неразъединимы. Должно постоянно бороться въ видахъ привитія каждому народу уваженія къ правамъ другихъ и усиленія сознанія собственной отвѣтственности. Я въ ближайшемъ будущемъ обращусь къ правительствамъ съ приглашеніемъ на конференцію, о которой вы ходатайствуете. Она необходима для довершенія дѣла, начатаго первою конференціею въ Гаагѣ.

Уже 21 октября статсъ-секретарь Гей по порученію президента разослалъ приглашеніе на вторую конференцію мира въ Гаагѣ. Оно было направлено къ участникамъ первой конференціи, но и кромѣ того къ четыремъ республикамъ центральной и южной Америки, выразившимъ желаніе примкнуть къ гаагскому договору, и къ Болгаріи, впервые получившей такое приглашеніе.

Нота Гея *) не видитъ препятствія къ созыву предлагаемой конференціи въ фактѣ существованія войны на Дальнемъ Востокѣ. Приглашеніе Россіи 24 августа 1898 г. тоже было послано въ то время, когда еще не кончилась война между С. Штатами и Испаніею, хотя уже было заключено перемиріе. Но и при наличности войны ничто не препятствуетъ нейтральнымъ заботиться о принятіи правилъ, направленныхъ къ уменьшенію шансовъ войны въ будущемъ. По примѣру конференціи 1899 года и вторая воздержалась бы отъ подачи воюющимъ, хотя бы даже лишь дружескихъ совѣтовъ **), она преслѣдовала бы цѣли новой кодификаціи тѣхъ универсальныхъ идей права и справедливости, которыя мы называемъ международнымъ правомъ, и позаботилась бы объ ихъ примѣненіи въ будущемъ. Не содержа въ себѣ выработанной въ подробностяхъ и окончательной программы, нота Гея выдвигаетъ, однако, на первый планъ слѣдующіе вопросы, которые было бы особенно важно обсудить: 1) права и обязан-

*) Извлеченія главныхъ изъ нея мѣстъ даетъ *Ruyssen* въ *La Paix par le Droit*, ib. p. 401—405. Ср. нашу замѣтку въ *Вѣстн. и Библ. Самообразованія*, 1905 г., № 3

**) Совершенно напрасно, по нашему мнѣнію. Нейтральные призваны всячески стараться о скорѣйшемъ прекращеніи войны на возможно-умѣренныхъ и справедливыхъ условіяхъ. Для этого наиболѣе успѣшными представляются ихъ дружескія и совмѣстныя дѣйствія, а конференція мира, вродѣ задуманной, была бы наиболѣе подходящимъ и желательнымъ для этого органомъ.

ности нейтральныхъ; 2) неприкосновенность частной собственности въ морской войнѣ; 3) бомбардированіе портовъ, городовъ и селеній. Кромѣ того, слѣдовало бы обратить вниманіе на различные виды контрабанды (абсолютной и условной), на неприкосновенность переписки нейтральныхъ какъ офиціальной, такъ и частной, на положеніе кораблей воюющихъ, укрывшихся въ нейтральномъ портѣ,—вопросъ особенно возбудившій умы въ послѣдніе мѣсяцы и т. д.

Девять государствъ *) поспѣшили одобрить предложеніе Америки. Великобританія и Германія, соглашаясь въ принципѣ, пожелали имѣть нѣкоторыя предварительныя разъясненія по возбужденному вопросу. Россія, заявляя о сочувствіи къ идеѣ самой конференціи, высказалась за ея отсрочку до окончанія настоящей войны. Съ этимъ согласился и вашингтонскій кабинетъ.

Въ циркулярѣ 14 октября 1904 г. къ членамъ уніи междупарламентское бюро рекомендуетъ имъ поддерживать попытку Рузвельта относительно второй конференціи мира и затѣмъ оно говоритъ: «общіе конгрессы государствъ представляются учрежденіемъ, которымъ болѣе всего обезпечивается успѣхъ международной справедливости; безъ нихъ было бы трудно создать нравственную базу, на которой покоится всякая справедливость, и всѣ усилія междупарламентской уніи, направленныя къ водворенію таковой, превратились бы въ пустыя теоріи или политическія пожеланія».

Резолюція о посредничествѣ нейтральныхъ въ борьбѣ Россіи и Японіи препровождена ко всѣмъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ. Такую иниціативу возлагаютъ на цивилизованныя государства постановленія гаагскаго договора, а равно общій интересъ народовъ и человѣчества.

II.

Универсальный конгрессъ мира въ Бостонѣ.

Вслѣдъ за съѣздомъ въ Сенъ-Луи послѣдовалъ (XIII) конгрессъ мира въ Бостонѣ. Онъ былъ примѣчателенъ по продолжительности (шесть дней), многолюдству (150 членовъ не-американцевъ приняли въ немъ участіе) и тому живому сочувствію, которое онъ вызвалъ въ мѣстномъ населеніи. Бостонъ ассигновалъ на принятіе конгрессистовъ 20 тыс. долларовъ; множество многолюдныхъ митинговъ сопровождали его засѣданія, выражая ему интересъ и сочувствіе. На нихъ члены съѣзда говорили о положеніи интересовавшей ихъ идеи въ Европѣ и обмѣнивались мыслями на этотъ счетъ съ своими единомышленниками Новаго Свѣта. Все это крайне полезно для цѣлей распространенія и популяризаціи идей мира и права, которымъ служатъ эти всеобщіе конгрессы.

Но многолюдство и внѣшній блескъ бостонскаго съѣзда отразились нѣ-

---

*) Франція, Италія, Австро-Венгрія, Швейцарія, Нидерланды, Швеція и Норвегія, Испанія, Мексика, Китай.

сколько невыгодно на внутренней сторонѣ его работъ: происходившія на немъ пренія были интересны, но не отличались большимъ оживленіемъ; заключенія его бо́льшею частью принимались единогласно, что свидѣтельствуетъ о мирномъ настроеніи собранія, но и о нѣкоторой, быть можетъ, спѣшности занятій и даже малой подготовленности къ нимъ большинства изъ присутствовавшихъ. Но не слѣдуетъ забывать, что эти съѣзды—органы не науки, а живой общественной мысли и центръ тяжести въ ихъ дѣятельности лежитъ въ томъ, чтобы возможно вѣрно отражать направленія этой мысли и возбуждать ее къ дальнѣйшему развитію.

Бостонскій съѣздъ происходилъ съ 3—8 октября 1904 г. подъ предсѣдательствомъ Robert Treat Paine. При открытіи съѣздъ привѣтствовалъ статсъ-секретарь Гей пространною рѣчью, въ которой онъ особенно поставилъ на видъ, что политика С. Штатовъ была всегда по преимуществу политикою мира. За 120 лѣтъ ихъ существованія они имѣли только три войны съ внѣшними врагами, хотя и пережили разныя внутреннія смуты. «Всѣ наши великіе люди были горячими поборниками мира. И не одни мыслители, а военные, видѣвшіе войну въ дѣйствительности. Шерманъ назвалъ ее адомъ, а Вашингтонъ болѣе всего желалъ освобожденія человѣчества отъ этой язвы».

Переходя къ новѣйшимъ событіямъ, министръ сказалъ: «мы высадили нѣсколько батарей на Панамскомъ перешейкѣ, чтобы положить конецъ цѣлому ряду кровавыхъ войнъ; мы послали въ Пекинъ небольшое войско для освобожденія посольствъ и огражденія цивилизаціи; мы даровали Филиппинамъ если еще не миръ, то все-таки состояніе, болѣе къ нему близкое, чѣмъ всѣ прежніе бывшіе на нихъ порядки. Мы довели наше войско до минимальной цифры въ 60,000 чел. и можемъ сказать, что фактически у насъ нѣтъ арміи, а лишь военное ядро, служащее школою для дисциплины. У насъ солдаты составляютъ 0,75% на тысячу человѣкъ—пропорція, которая, если бы была принята другими державами, сразу устранила бы возможность войны изъ ежедневныхъ хлопотъ министерскихъ канцелярій всего міра».

За открытіемъ съѣзда послѣдовали рѣчи и чтенія адресовъ отъ различныхъ его группъ. Послѣ конгресса религій въ Чикаго (1893 г.) ни одинъ съѣздъ, можетъ быть, не привлекъ столько лицъ различныхъ по расамъ, цивилизаціямъ и вѣрованіямъ, но соединившихся въ братскихъ усиліяхъ установить міровую организацію на основахъ мира и права. Среди миролюбцевъ Европы и Америки засѣдали японцы, китайцы, индусы, армяне и т. д. Отъ имени Франціи Ruyssen замѣнилъ патріарха ея въ этомъ движеніи, Frédéric Passy. Онъ подчеркнулъ то счастливое обстоятельство, что во всей исторіи сношеній его родины съ С. Штатами не говорится о пролитіи хотя бы единой капли крови. Объ успѣхахъ во Франціи пасифизма (pacifisme, идеи мира) свидѣтельствуютъ новѣйшіе національные съѣзды, ему посвященные, учрежденіе парламентской группы

третейскаго суда и заключеніе ея правительствомъ пяти договоровъ о постоянномъ третейскомъ судѣ.

Рихтеръ (Германія) обратилъ вниманіе товарищей на то, что нѣмецкое общество мира, основанное въ 1892 г., насчитываетъ 12,000 членовъ и 70 мѣстныхъ отдѣленій. Равинъ Lévy (изъ Питсбурга) напомнилъ о роли евреевъ въ насажденіи идеи мира. Особенное вниманіе возбудили два иностранныхъ члена. Священникъ тибетскій, Baba Bharati, въ характерномъ національномъ костюмѣ, на прекрасномъ англійскомъ языкѣ высказалъ порицаніе противъ нападенія на Лхассу со стороны правительства Индіи. Уже пріобщеніе Японіи къ благамъ современной цивилизаціи сдѣлало изъ нея первоклассную военную державу; надо опасаться, что всякое посягательство на древнѣйшія цивилизаціи будетъ сопровождаться лишь пагубными послѣдствіями для мира. Ораторъ кончилъ свои слова однимъ индусскимъ гимномъ съ припѣвомъ: миръ! миръ!

Отъ имени Новикова (Россія) говорилъ докторъ Chirug: отъ лица всѣхъ либераловъ своей страны онъ протестовалъ противъ войны, разразившейся на Дальнемъ Востокѣ и вину ея возложилъ не на народъ, а на правительство Россіи. Въ подтвержденіе того, насколько русскіе миролюбцы не раздѣляютъ вражды своихъ офиціальныхъ круговъ противъ Японіи онъ выразилъ готовность на съѣздѣ братски обнять ея делегата. Это вызвало шумное одобреніе собранія. Представителя Японіи, Yiro Abrantani, журналиста изъ Токіо, въ эту минуту не было въ засѣданіи. Позднѣе, по приглашенію одной дамы и среди оглушительныхъ рукоплесканій, оба делегата воюющихъ народовъ дружески пожали руку. Представительница Китая, молодая дама, докторъ Yamei-Kin, игравшая видную роль на митингахъ, возвысила свой голосъ противъ «вторженій въ страны съ очень древними и высокими культурами со стороны цивилизаціи, организовавшей грабежъ и убійство». Съѣзду было доложено объ общемъ молитвенномъ собраніи пастырей-миролюбцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій: протестантовъ, католиковъ, евреевъ; о привѣтствіи ему епископальнаго съѣзда, засѣдавшаго въ то же время въ Бостонѣ; о заявленіи отъ имени 1.500,000 тредъюніонистовъ Великобританіи о томъ, что они энергично поддерживаютъ слѣдующій тезисъ соціалистовъ: вопросъ о мирѣ неразрывно связанъ съ вопросомъ о несправедливыхъ отношеніяхъ капитала къ труду.

Въ отчетѣ о событіяхъ, касающихся мира и войны на первый планъ выдвинуты: русско-японская война и успѣхи третейской юрисдикціи. Война на Дальнемъ Востокѣ не можетъ служить доводомъ въ пользу тѣхъ, которые утверждаютъ, будто войны вообще неустранимы. Эта война вспыхнула въ странахъ, лежащихъ доселѣ внѣ сферы дѣйствія мирной пропаганды. Но, конечно, настанетъ время, когда и русскіе и японцы откажутся отъ насильственнаго проведенія своихъ политическихъ интересовъ на подобіе другимъ народамъ, вступившимъ ранѣе ихъ на этотъ путь *);

*) Къ сожалѣнію, утвержденіе это остается еще по сей часъ въ большинствѣ случаевъ благочестивымъ желаніемъ.

поэтому подобная война ничего не говоритъ противъ великаго принципа солидарности народовъ. Бюро мира еще въ декабрѣ 1903 г. разослало ко всѣмъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ записку о русско-японскомъ столкновеніи *), указывая на необходимость мирнаго его рѣшенія. Съ тѣхъ поръ бюро неоднократно повторяло воззванія къ примиренію враждующихъ сторонъ и въ особенности въ апрѣлѣ 1904 г. просило всѣ правительства о томъ, чтобъ они выступили съ предложеніемъ посредничества.

Относительно третейскихъ договоровъ, отчетъ исчисляетъ ихъ съ октября 1903 г. по іюль 1904 г., не менѣе девяти, и указываетъ на фактъ усиленія дѣятельности третейскаго суда въ Гаагѣ: по окончаніи имъ дѣла Венецуэлы, онъ принялъ на обсужденіе споръ о налогахъ, взимаемыхъ въ Японіи съ недвижимыхъ имуществъ (Japanese house tax). Споръ этотъ затрогиваетъ интересы живущихъ въ ней иностранцевъ.

Резолюціи бостонскаго съѣзда состоялись сообразно съ докладами трехъ коммиссій, обычно учреждаемыхъ съѣздами мира: коммиссій современныхъ событій, юридическихъ вопросовъ и пропаганды.

I. Первая изъ нихъ занялась слѣдующими вопросами, представляющими жгучій современный интересъ: русско-японскою войною; соглашеніемъ Франціи съ Германіею; положеніемъ Арменіи и Македоніи; государствомъ Конго; ограниченіемъ вооруженій.

Съ цѣлью скорѣйшаго прекращенія русско-японской войны, съѣздъ обращался «съ горячимъ воззваніемъ (fervent appel) къ императорамъ Россіи и Японіи о томъ, чтобъ они положили конецъ ужаснымъ избіеніямъ ихъ подданныхъ, путемъ ли непосредственныхъ переговоровъ, либо обращеніемъ къ добрымъ услугамъ одной или нѣсколькихъ нейтральныхъ державъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ съѣздъ рѣшилъ послать адресъ ко всѣмъ остальнымъ державамъ, подписавшимъ гаагскую конвенцію, «съ просьбою, чтобы онѣ, въ силу ст. 27 этой конвенціи **), настояли передъ Россіею и Японіею на необходимости безотлагательнаго окончанія ихъ войны, которая огорчаетъ человѣчество, стѣсняетъ торговлю и задерживаетъ міръ на пути развитія къ цивилизаціи и миру.» Послѣдняя резолюція была препровождена особою депутаціею къ президенту С. Штатовъ.

Во время преній были высказаны сомнѣнія насчетъ практической дѣйствительности такого обращенія, предпринимавшагося уже ранѣе бернскимъ бюро. Членъ палаты общинъ, Randal Cremer, выставилъ на видъ

---

*) Текстъ ея напечатанъ въ *La Justice internationale*, 1904, № 8. Janvier—Mars; p. 40—48.

**) Статья эта говоритъ: „подписавшіяся державы считаютъ своимъ долгомъ въ случаѣ, если бы между двумя или нѣсколькими изъ нихъ грозило вспыхнуть острое столкновеніе, напомнить имъ, что постоянная палата третейскаго суда для нихъ открыта. Посему онѣ объявляютъ, что самое напоминаніе спорящимъ сторонамъ о положеніяхъ настоящей конвенціи и даваемый имъ въ высшихъ интересахъ мира совѣтъ обратиться къ постоянной палатѣ, должны быть почитаемы только какъ актъ добрыхъ услугъ“. Ср. еще, впрочемъ, вступительныя слова къ конвенціи и ст. ея 8 и 3.

ответственность Англіи за настоящую войну, которая, быть можетъ, не разразилась бы, если бы Японія не могла, въ силу недавняго съ нею договора, разсчитывать на ея поддержку. Но ошибки правительствъ не должны служить препятствіемъ для друзей мира къ новымъ попыткамъ на пользу мира. Perris (Лондонъ) предложилъ просить Рузвельта сдѣлать этотъ шагъ, о которомъ шла рѣчь. Онъ добавилъ, что во время своей недавней поѣздки въ Москву, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ глубокомъ отвращеніи русскаго народа къ войнѣ. Chirug замѣтилъ, что франко-русскій союзъ, направленный къ поддержанію европейскаго равновѣсія, былъ бы особенно призванъ къ вмѣшательству, въ которомъ Франція выступила бы въ качествѣ безкорыстнаго друга Россіи. Ruyssen настаивалъ на совмѣстномъ дѣйствіи въ этомъ вопросѣ Франціи и Англіи, но оговорился, что, при существующихъ обстоятельствахъ, правительство С. Штатовъ имѣетъ наиболѣе свободныя руки, чтобы взять на себя починъ посредничества.

По поводу всего этого замѣтимъ, что въ печать проникали слухи о починѣ въ этомъ дѣлѣ императора Франца-Іосифа, какъ одного изъ старѣйшихъ монарховъ, императора Вильгельма II, короля Даніи и т. д. Россія съ своей стороны заявила *), что она не приметъ ничьихъ добрыхъ услугъ и посредничества для окончанія войны съ Японіею.

Подъ соглашеніемъ Франціи съ Германіею миролюбцы разумѣютъ не внѣшнія лишь и добрыя сношенія, поддерживаемыя дипломатіею (въ этомъ направленіи много сдѣлано за послѣднее время), а соглашеніе реальное между обоими ихъ народами, такъ восполняющими другъ друга по своему національному генію. Главнымъ препятствіемъ къ этому соглашенію является съ 1871 г. вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи, вызвавшій цѣлую литературу. Еще съѣздъ въ Руанѣ возложилъ на бернское бюро порученіе изучить этотъ вопросъ и подготовить элементы къ его рѣшенію. Бюро собрало богатый о немъ литературный матеріалъ, но собственно доклада не сдѣлало. Въ коммиссіи возникли оживленныя пренія между французскими и нѣмецкими членами и въ результатѣ съѣздъ опредѣлилъ болѣе точно задачу бернскаго бюро, «которое должно представить будущему (XIV) собранію обстоятельный докладъ о взаимномъ положеніи обоихъ народовъ съ точки зрѣнія современнаго международнаго права и о лучшихъ способахъ дружескаго и юридическаго ихъ сближенія». Быть можетъ, слѣдовало бы на новомъ международномъ конгрессѣ (созваніе котораго такъ необходимо по многимъ назрѣвшимъ вопросамъ) закрѣпить окончательно Эльзасъ за Германіею и вернуть французскую часть Лотарингіи (съ Мецомъ) Франціи, опросивъ предварительно самихъ жителей о ихъ будущемъ положеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ эти области, наподобіе Люксембурга, должны были бы быть нейтрализованы.

Ближнему Востоку, этому камню Сизифа, съѣздъ тоже удѣлилъ вниманіе. Армянскій делегатъ, Меликовъ, ярко изобразилъ страданія сво-

*) Циркулярная нота русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, 14 апрѣля 1904 г.

его народа. Массовыя его избіенія продолжаются по старому (въ продолженіе лѣта 1904 г. снова убито 7,771 армянъ), а оттоманское правительство либо допускаетъ это, либо даже поощряетъ. Державы же, подписавшія берлинскій трактатъ, продолжаютъ терпѣть такое нарушеніе его ст. 61. Перрисъ настаивалъ на необходимости интернаціонализаціи Арменіи, т.-е. дарованія ей европейскихъ генералъ-губернатора и жандармеріи. Крупные финансисты ведутъ съ успѣхомъ свое дѣло: они управляютъ турецкими: долгомъ, желѣзными дорогами, табачною монополіею. Неужели человѣческая жизнь будетъ всегда считаться тамъ менѣе цѣнною, чѣмъ имущество? Такое воззрѣніе Гринъ приписалъ не только султану, но и Россіи: казаки рѣжутъ армянъ, вступившихъ въ русскіе предѣлы, а курды тѣхъ, которые отъ нихъ возвращаются.

Съѣздъ высказалъ слѣдующее: принимая въ соображеніе, что положеніе армянъ, повидимому, ухудшается; мѣры, проводимыя въ Македоніи сказываются недостаточными для ея умиротворенія и въ виду международнаго характера восточнаго вопроса и лежащей, въ силу берлинскаго трактата, на державахъ отвѣтственности, съѣздъ обращается къ правительствамъ Европы и къ С. Штатамъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы они безотлагательно изыскали средства къ прекращенію страданій всѣхъ населеній турецкой имперіи и ограничили бы или же прекратили прямую власть надъ ними султана *).

Броженіе въ Македоніи не прекращается; критяне требуютъ столь законнаго присоединенія къ Греціи; Аравія въ полномъ возстаніи, а державы близоруко и упорно продолжаютъ держаться за установленный ими statu quo, столь неудовлетворительный и вполнѣ подгнившій.

Совершенною новостью должно быть названо введеніе въ программу занятій вопроса о государствѣ Конго. Вопреки протесту кардинала Gibons (Балтимора) это было сдѣлано въ силу международнаго характера этого государства, получившаго отъ берлинской конференціи миссію водворить на своей территоріи законы и практику цивилизованныхъ странъ, а также въ виду многочисленныхъ и тяжкихъ обвиненій конгскихъ властей въ нарушеніяхъ правъ туземцевъ, что побудило англійское правительство нарядить офиціальное слѣдствіе по этому вопросу.

Съѣздъ принялъ резолюцію, предложенную Darby, въ которой онъ на основаніи приведенныхъ мотивовъ, предлагаетъ державамъ, содѣйствовавшимъ образованію свободнаго государства Конго, созвать новую конференцію или предоставить слѣдственной коммиссіи, предусмотрѣнной гаагской конвенціею, разсмотрѣніе вопроса о томъ: 1) должно ли правительство Конго и впредь считаться облеченнымъ полномочіемъ державъ, признавшихъ флагъ международной ассоціаціи? 2) при отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, опредѣлить, каково положеніе Конго съ точки зрѣнія

*) Ср. ст. *Lucien Le Foyer*: „Solution juridique des questions de Macédoine et d'Arménie“ (*La Justice internationale*. 1903. Déc.).

международнаго права и какъ лучше всего могутъ быть разрѣшены вопросы о тяжелыхъ фактахъ, въ которыхъ обвиняется его правительство? Одинъ членъ сдѣлалъ оговорку, что въ этой резолюціи ничего нѣтъ оскорбительнаго для Бельгіи, ничего не имѣющей общаго съ правительствомъ Конго.

Всѣмъ правительствамъ, преслѣдующимъ колоніальную политику, можно сдѣлать подобные же упреки (какъ Конго). Развѣ, наприм., С. Штаты не вытѣснили безъ жалости индійцевъ съ ихъ территорій? *).

Ограниченія вооруженій съѣздъ коснулся въ благодарственной резолюціи къ президенту С. Штатовъ за его обѣщаніе о созывѣ новой конференціи мира. По мнѣнію съѣзда, эта конференція должна особенно выработать окончательный планъ какъ остановить, а потомъ одновременно и пропорціонально уменьшить вооруженіе государствъ на сушѣ и на морѣ, признанныя гаагскою конференціею страшнымъ бременемъ и постоянною опасностію для всего міра.

II. Въ числѣ *юридическихъ вопросовъ* съѣздъ остановился на третейскихъ договорахъ и на болѣе активной охранѣ государствами мира.

Бериское бюро обратилось къ обществамъ мира съ опросомъ о примѣненіи государствами третейской юрисдикціи. Докладчикъ его Александръ представилъ интересный обзоръ новѣйшихъ третейскихъ договоровъ, причемъ онъ указываетъ на ихъ все еще слишкомъ ограничительный характеръ, ибо они изъемлютъ очень многочисленныя категоріи споровъ изъ вѣдомства гаагскаго суда. Но практика, конечно, поведетъ къ расширенію компетенціи послѣдняго. Кремеръ высказалъ мысль, что въ будущемъ, вѣроятно, третейскіе суды будутъ, въ качествѣ первой инстанціи, разсматривать вопросы менѣе важные, а болѣе серьезные споры будутъ предоставляемы суду въ Гаагѣ.

Съѣздъ, въ своемъ заключеніи, выразилъ одобреніе третейскимъ договорамъ послѣдняго года, но съ оговоркою, чтобы возможно скоро правительствами былъ признанъ принципъ обязательнаго третейскаго суда во всѣхъ спорахъ, не улаженныхъ дипломатіею. Для этого образцомъ можетъ послужить конвенція между Даніею и Нидерландами (12 февр. 1904 г.), не дѣлающая никакихъ изъятій по отношенію къ третейской юрисдикціи **).

---

*) Новое подробное изслѣдованіе о Конго. *Descamps*: „L'Afrique nouvelle. Essai sur l'Etat civilisateur dans les pays neufs et sur la fondation, l'organisation et le gouvernement de l'Etat indépendant du Congo". 1903.

**) Ст. 1. „Стороны обязываются предоставлять постоянному третейскому суду всѣ существующіе между ними несогласія и споры, которые не будутъ рѣшены дипломатическимъ путемъ". Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онѣ заключаютъ объ этомъ компромиссъ (ст. 2). По ст. 3 изложенный принципъ не примѣняется къ спорамъ ихъ обоюдныхъ подданныхъ, когда, по мѣстнымъ законамъ, компетентными должны быть признаны національные суды того или другого государства. Къ настоящей конвенціи могутъ присоединиться и прочія государства, сообщивъ лишь объ этомъ сторонамъ (ст. 4). *Revue génér. de Droit intern. public.* 1904. № 6; p. 766. Журналъ этотъ печатаетъ тексты новѣйшихъ третейскихъ договоровъ.

Рекомендуя условіе объ обращеніи къ таковой (clause arbitrale) въ договорахъ торговыхъ *), что практикуется уже довольно часто,—съѣздъ полагаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ предоставлять толкованіе этихъ договоровъ гаагскому суду. Какъ и межлупарламентская конференція въ Сенъ-Луи, онъ одобрилъ идею постояннаго международнаго конгресса, который, согласно заявленію обѣихъ палатъ Массачузетса, «собирался бы въ опредѣленные сроки, разсматривалъ бы вопросы, представляющіе общій интересъ для народовъ, и дѣлалъ бы о нихъ представленія правительствамъ». Этимъ предметомъ должна бы особенно заняться слѣдующая предположенная конференція мира.

Въ литературѣ уже не разъ высказывалась мысль о необходимости болѣе активной охраны государствами мира и нейтралитета. Для этой идеи созданъ даже новый терминъ: la pacigérance. По мнѣнію одного члена, вмѣсто отдѣльныхъ третейскихъ соглашеній (число которыхъ при 65 существующихъ нынѣ государствъ достигнетъ до 4,000), не проще ли, наподобіе почтовой уніи, заключить правительствамъ такую же унію третейскую (Union arbitrale) съ особою центральною администраціею и исполнительною властію?

Байеръ, извѣстный поборникъ этой идеи, представилъ проектъ такой уніи. Государства, члены ея, признаютъ взаимно свой суверенитетъ и полную независимость, но обѣщаютъ другъ другу общими силами работать надъ развитіемъ всеобщаго мира. Они обязываются предоставлять всякій споръ, возникшій между ними и не рѣшенный дѣломъ дипломатически или полюбовно, въ гаагскій судъ, каковы бы ни были природа, причина или предметъ спора. Они обязываются, кромѣ того, не предпринимать, прямо или косвенно, другъ противъ друга никакого военнаго дѣйствія. Каждое изъ государствъ по очереди предсѣдательствуетъ въ уніи **). Въ случаѣ остраго спора между двумя или нѣсколькими государствами имъ коллективно напоминается о доступности для нихъ гаагскаго суда. Предсѣдающій членъ предлагаетъ имъ добрыя услуги или посредничество уніи (Union pacigérante). Дѣйствія уніи не освобождаютъ ея членовъ отъ обязанности употреблять въ отдѣльности всѣ старанія къ мирному и юридическому рѣшенію спора. Каждый членъ можетъ выйти изъ уніи, но заявленіе объ этомъ вступаетъ въ силу лишь по истеченіи года. Вступленіе въ унію для всѣхъ доступно.

Къ сожалѣнію, съѣздъ не разсмотрѣлъ этого проекта. Онъ передалъ въ бюро Берна изслѣдованіе вопроса о томъ, нельзя ли въ видахъ ограниченія опустошеній, производимыхъ войною, распространить на другія еще страны принципъ нейтралитета, уже примѣняемый къ нѣкоторымъ территоріямъ и судоходнымъ водамъ.

---

*) Даже Германіею въ ея послѣднихъ торговыхъ договорахъ, кромѣ заключеннаго ею съ Россіею.

**) Въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ его имя во французскомъ алфавитѣ.

III. *Пропаганда*. Недостатокъ времени помѣшалъ съѣзду заняться, какъ слѣдуетъ, разнообразными вопросами о средствахъ и путяхъ пропаганды идеи мира въ обществѣ. Однако, онъ одобрилъ главныя начала, изложенныя въ запискѣ докладчицы третьей коммиссіи (Lucia Ames Mead). Необходимо прежде всего создать значительный фондъ для веденія мирной кампаніи повсюду и во всѣхъ направленіяхъ. Доселѣ это лежало на плечахъ добровольцевъ, часто матеріально необезпеченныхъ и обремененныхъ множествомъ другихъ текущихъ дѣлъ. Было бы хорошо образовать центральные комитеты въ 15 главныхъ городахъ міра, которые позаботились бы объ изданіи интересныхъ и дешевыхъ книгъ на разныхъ языкахъ, въ которыхъ проводилась бы идея мира съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія: религіи и морали, исторіи, науки, общественнаго прогресса. Особое общество (синдикатъ) должно завѣдывать періодическою печатью и помѣщать соотвѣтствующія статьи въ газетахъ въ случаяхъ возникновенія разногласій между народами. Спеціальное бюро призвано давать свѣдѣнія, точныя и безпристрастныя, о дѣйствительномъ ихъ взаимоотношеніи. Число междупарламентскихъ группъ, сторонницъ третейскаго суда, должно быть увеличено и надо привлечь къ содѣйствію всѣ тѣ общества и союзы, которые работаютъ въ пользу религіи и настоящаго (vrai) патріотизма, или которые стараются объ устраненіи на границахъ искусственныхъ торговыхъ преградъ. Въ особенности должно позаботиться о наглядномъ изложеніи и изображеніи (въ таблицахъ, брошюрахъ, книгахъ и т. д.) всѣхъ бѣдствій войны съ экономической стороны. Съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы религіозныя власти во всѣхъ странахъ ввели въ богослуженія особыя молитвы о прекращеніи народами мирно всѣхъ своихъ споровъ. Онъ рекомендовалъ всѣмъ правительствамъ принять однообразную почтовую таксу въ 10 сантимовъ за письмо.

Спеціально по вопросамъ объ образованіи центральной кассы мира и о выработкѣ всѣхъ сторонъ военной статистики за истекшее столѣтіе на основаніи наиболѣе авторитетныхъ и достовѣрныхъ источниковъ, съѣздъ указалъ на желательность содѣйствія американскаго конгресса и гражданъ. Въ исполненіе порученія глазговскаго съѣзда Prudhomeaux представилъ докладъ объ экономическихъ причинахъ войнъ. Въ прежнія эпохи, говоритъ онъ, войны предпринимались съ цѣлью грабежа и завоеванія; въ основѣ новѣйшихъ войнъ, включая сюда и русско-японскую, лежитъ борьба экономическая, изъ-за обладанія рынкомъ. Различные, выставляемые для видимости поводы къ нимъ не измѣняютъ сущности дѣла. Рынки въ цивилизованныхъ странахъ обременены перепроизводствомъ. Отсюда—поиски за новыми и, въ случаѣ нужды, даже добываніе ихъ себѣ силою. Получаемые массою рабочихъ заработки недостаточны для того, чтобы правильно исчерпать продукты внутренняго рынка и необходимость военныхъ предпріятій возникаетъ въ концѣ-концовъ изъ столкновеній капитала съ трудомъ и изъ существующей анархіи въ промышленномъ производствѣ. Но, въ свою очередь, эти военныя предпріятія поддерживаютъ анархію въ

производствѣ. Вотъ почему важно не только рѣшать возникающія несогласія третейскимъ судомъ, но и направить усилія къ раціональной реорганизаціи экономическихъ отношеній.

Эта задача, скажемъ отъ себя, очевидно, достижима только путемъ международнаго устройства мірового хозяйства, при чемъ раздѣленіе труда народовъ было бы проведено сообразно съ особенностями и потребностями послѣднихъ и не въ ущербъ цѣлому.

Съѣздъ вполнѣ одобрилъ эту записку и въ своемъ заключеніи подчеркнулъ тотъ фактъ, что войны со второй половины XIX в. главною своею причиною имѣли насильственное завладѣніе неиспользованныхъ еще рынковъ міра наиболѣе могущественными въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ народами *).

Если важно установленіе международнаго юридическаго порядка въ видахъ полюбовнаго разрѣшенія столкновеній между народами, то еще важнѣе позаботиться о предупрежденіи этихъ столкновеній изученіемъ тѣхъ средствъ, которыя могутъ согласовать интересы людей, личные и коллективные. Поэтому, друзья мира должны тщательно изучать всѣ формы экономическихъ и соціальныхъ движеній (тредъ-юніонъ, кооперації, трёсты, соціализмъ и т. д.), которыя, безъ сознанія этого ихъ приверженцами или даже вопреки ихъ волѣ, ведутъ къ болѣе раціональной организаціи производства, потребленія и обмѣна. На основаніи этого на бернское бюро возлагается собираніе возможно полныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ, поскольку они касаются проблемы замиренія народовъ.

Съѣздъ закончился составленіемъ обычнаго обращенія къ народамъ. Онъ сознаетъ иронію и горечь событій, среди которыхъ онъ состоялся. Но онъ полагаетъ, что жестокая война между Россіею и Японіею могла бы быть предотвращена, если бы обѣ воюющія и остальныя державы, подписавшія гаагскую конвенцію, въ точности исполнили возлагаемыя ею на нихъ обязательства. Во всякомъ случаѣ, эта война ясно доказываетъ, сколько еще нужно сдѣлать, для того чтобы искоренить старые предразсудки между странами и расами, лживыя представленія о величіи и славѣ народовъ, узкія понятія о патріотизмѣ и стремленія къ захвату чужихъ территорій и торговыхъ выгодъ. Въ то же время ярче выступаетъ неотложная необходимость укрѣпленія и дальнѣйшаго улучшенія тѣхъ учрежденій, которыя призваны устранить силу въ рѣшеніи международныхъ споровъ. Съѣздъ обращается къ лицамъ всѣхъ національностей и классовъ съ просьбою чтобы они возвысились до болѣе благороднаго и справедливаго пониманія ихъ взаимныхъ отношеній, солидарности ихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, лежащихъ на нихъ обязанностей, а равно права оказывать вліяніе на внѣшнюю политику ихъ отечественныхъ правительствъ,

---

*) Точка зрѣнія односторонняя: рядомъ съ этими войнами въ Европѣ были за этотъ періодъ и войны національныя (въ Италіи, Германіи, на Балканскомъ полуостровѣ).

для того чтобы вопреки своей волѣ не быть вовлеченными въ войны безумныя и разорительныя противъ тѣхъ, которыхъ, по всѣмъ началамъ морали и честности, они должны были бы не грабить и унижать, а направлять къ лучшей жизни. Съѣздъ взываетъ ко всѣмъ, призваннымъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, чтобы они воспитывали людей въ духѣ мира, который упразднитъ современемъ варварскую практику самой войны. Для достиженія этого результата наиболѣе практичными средствами являются: усиленіе дѣятельности и авторитета гаагскаго третейскаго суда, соединеніе государствъ сѣтью договоровъ объ обязательномъ обращеніи къ третейскому суду и учрежденіе правильнаго международнаго конгресса, который вмѣстѣ съ международнымъ судомъ сдѣлался бы органомъ общихъ интересовъ народовъ въ видахъ обезпеченія господства закона въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, наподобіе того, что такъ хорошо уже установлено въ ихъ внутренней жизни. Съѣздъ смотритъ бодро и съ надеждою на будущее и въ особенности отмѣчаетъ полученное имъ впервые выраженіе полнаго сочувствія со стороны рабочаго класса, а равно участіе въ его занятіяхъ дѣловыхъ людей (т.-е. практической жизни).

Слѣдующій съѣздъ (XIV) намѣченъ въ Люцернѣ.

Въ заключеніе Рюиссенъ говоритъ, что встрѣча членовъ съѣзда на юной еще въ политическомъ отношеніи, но свободной почвѣ Америки окружила ихъ особою атмосферою жизни, безопасности и довѣрія. Мы не имѣли ощущенія, будто мы шли по терніямъ или на краю пропасти, но мы двигались по землѣ, не заросшей, какъ наша, многими вѣковыми предразсудками, а дающей просторъ своимъ обитателямъ, какъ для идеальныхъ построеній, такъ и для опытовъ въ области реальной жизни *).

III.

Съѣздъ Института международнаго права въ Эдинбургѣ.

Изучая великую проблемму мира главнымъ образомъ съ жизненной стороны, приверженцы ея, какъ мы видѣли на предшествующихъ страницахъ, приходятъ къ признанію необходимости обезпечить ее международною организаціею. А таковая немыслима безъ международнаго права, которое одно способно дать ей основу, формы и должныя границы. Отсюда понятна связь между принципами мира и права въ жизни человѣчества: миръ надежнѣе всего покоится на правѣ; право, устраняя самоуправство лицъ,

*) Желающимъ ближе ознакомиться со всѣмъ этимъ движеніемъ мира можно рекомендовать прекрасную книгу: *Alfred Fried.* Handbuch der Friedensbewegung 1905. Авторъ даетъ въ ней историческій очеркъ этого движенія съ вѣнскаго конгресса до нашихъ дней, особенно останавливается на гаагской конференціи мира, выдвигаетъ внутреннія, философскія основанія идеи мира и ея реальныя условія въ современномъ культурномъ мірѣ и сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ обществахъ и съѣздахъ мира, а также о всѣхъ главныхъ ея приверженцахъ. Достойна вниманія и таблица всѣхъ третейскихъ рѣшеній, начиная съ 1794 г.

физическихъ и коллективныхъ, ведетъ къ миру въ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ.

Главнымъ научнымъ органомъ въ этомъ направленіи является Институтъ международнаго права, который успѣлъ за свое 32-лѣтнее существованіе (1873—1905 г.), оказать этому дѣлу не мало услугъ и въ 1904 г. заслуженно удостоенъ преміи мира Нобеля. Съ 22—28 сентября этого года происходилъ его 22-й съѣздъ въ Эдинбургѣ. На немъ приняли участіе 20 дѣйствительныхъ членовъ и 9 сотрудниковъ, принадлежащихъ къ 12 различнымъ національностямъ. Изъ Россіи присутствовалъ профессоръ Ѳ. Мартенсъ.

Работы этихъ сессій носятъ частью административный, частью научный характеръ *).

1.

Административныя засѣданія института были посвящены измѣненіямъ въ его личномъ составѣ и прослушанію дѣловыхъ докладовъ. Прежде всего выбрали: новаго предсѣдателя Альберика Ролена (вмѣсто лорда Рей) и вице-предсѣдателя Штёрка (вмѣсто Ассера); главнымъ секретаремъ остался прежній: баронъ Деканъ. Затѣмъ избраны въ дѣйствительные члены: Деспанье, Ульманъ, Каратеодори, Гремъ, лордъ Альверстонъ и въ сотрудники: Мериньякъ, де-Лумеръ, Кауфманнъ, Мандельштамъ (русскій), Миссиръ, Визе, серъ Ардагъ, Мотоно (японецъ). Выслушали сообщеніе библіотекаря и казначея (Буасо). За послѣдніе два года финансовое положеніе Института улучшилось: капиталъ его достигъ 32,012 фр.; ежегодный доходъ—8,702 фр., а расходъ—3,921.

Открытіе съѣзда произошло съ обычною торжественностью въ залѣ думы (City Chambers) въ присутствіи муниципальныхъ властей и избранной публики. Городской голова (lord Provost) привѣтствовалъ собраніе.

Ему отвѣчалъ обширною рѣчью прежній президентъ Института, лордъ Рей, въ которой онъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на успѣхи международнаго права за послѣдній годъ и на запросы, ставимые ему жизнью нашихъ дней. По поводу послѣднихъ третейскихъ договоровъ заслуживаетъ особой похвалы договоръ Даніи и Нидерландовъ: можно надѣяться, что съ успѣхами мирныхъ идей народамъ удастся побудить пра-

*) Подробныя свѣдѣнія объ Эдинбургскомъ съѣздѣ содержитъ въ себѣ недавно вышедшій XX томъ Ежегодника института (Annuaire de l'Institut de Dr. inter. Vol. XX, 1904). Кромѣ этихъ свѣдѣній, некрологовъ недавно умершихъ членовъ (между ними: Прадье-Фодере, Каспарека, Перельса) и біографическихъ замѣтокъ о новыхъ членахъ, въ этомъ томѣ помѣщенъ весьма цѣнный обзоръ дѣятельности Института за послѣднее десятилѣтіе (1894—1904 г.), который служитъ продолженіемъ такому же обзору его работъ за первыя два его десятилѣтія (1874—1894 г.), изданному Леромъ (Lehr). Благодаря теперь этимъ двумъ, полно и систематически составленнымъ, обзорамъ (tableaux), мы можемъ легко ориентироваться въ XX томахъ ежегодника и во всей прошлой дѣятельности Института.

вительства принять высказанный въ немъ принципъ: рѣшать, безъ изъятія, третейскимъ судомъ всѣ споры, не оконченные дипломатическимъ способомъ. Жертвы, налагаемыя войной на побѣдителя и на побѣжденнаго, таковы, что мы обязаны найти способы, которые сдѣлали бы ее совершеннымъ исключеніемъ. Мы удивляемся патріотизму и героизму сражающихся, но мы считаемъ патріотами и себя, когда мы направляемъ наши усилія къ огражденію нашихъ странъ отъ взрывовъ страстей указаніемъ имъ путей мирнаго соглашенія и установленіемъ для права мира лучшихъ гарантій, призванныхъ все болѣе и болѣе ограничить примѣненіе права войны. Упомянувъ о необходимости расширенія дѣятельности гаагскаго суда, ораторъ продолжалъ: безъ международной юрисдикціи принципы, нами выставляемые, и проекты, нами вырабатываемые, обречены остаться практически безсильными. Въ наше время обособленіе невозможно. Международные интересы выступаютъ на первый планъ съ возрастающею очевидностью. Они требуютъ огражденія ихъ международными же судами, которые, въ свою очередь, предполагаютъ изданіе кодекса, ясно и точно высказывающаго принципы права, которые эти суды призваны примѣнять. Съ теченіемъ времени вліяніе Института возрастаетъ, а проповѣдуемыя имъ идеи получаютъ на практикѣ болѣе широкое приложеніе. Мы послѣдователи того направленія, которое признаетъ власть только за правомъ. Намъ извѣстенъ антагонизмъ интересовъ, который въ сферѣ торговли и промышленности питается протекціонизмомъ и которому Англія доселѣ противодѣйствовала въ Европѣ и въ Индіи; мы считаемся съ предразсудками и съ психическими особенностями народовъ, но мы усиленно работаемъ надъ устраненіемъ тѣхъ несогласій между ними, которыя создаются ихъ страстями.

Событія русско-японской войны снова ясно подтвердили необходимость болѣе точнаго и полнаго опредѣленія нейтралитета положительнымъ международнымъ правомъ. Любопытно слышать сдѣланныя по этому поводу заявленія отъ англичанина, родина котораго искони славилась неуваженіемъ къ правамъ нейтральныхъ и противодѣйствіемъ попыткамъ кодификаціи международнаго права. Лордъ Рей напомнилъ, что Институтъ въ своемъ регламентѣ о военной контрабандѣ, принятомъ въ Венеціи въ 1896 г., желалъ добиться большихъ гарантій для нейтральной торговли, сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ, и поэтому онъ отнесъ къ контрабандѣ лишь пять категорій предметовъ, непосредственно служащихъ операціямъ войска и флота, и перевозимыхъ моремъ за счетъ воюющихъ, или по назначенію къ нимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ отвергъ понятія объ относительной и случайной контрабандѣ, но полагалъ, что воюющій имѣетъ право задержанія или первой покупки по отношенію къ предметамъ, пересылаемымъ въ одинъ изъ портовъ его противника и служащимъ одинаково цѣлямъ войны и цѣлямъ мира. Новой конференціи державъ слѣдовало бы опредѣлить болѣе точно понятіе контрабанды во избѣжаніе споровъ отно-

сительно его толкованія на практикѣ, а также установить вопросъ объ устройствѣ возможно безпристрастныхъ призовыхъ судовъ *).

Другой важный и спорный вопросъ объ осмотрѣ нейтральныхъ судовъ. Можно ли его производить на какомъ бы то ни было разстояніи отъ театра войны? Англія въ этомъ отношеніи сдѣлала въ послѣднюю войну извѣстную уступку Германіи и прецедентъ этотъ заслуживалъ бы подражанія. Еще въ 1900 г. гр. Бюловъ заявилъ въ рейхстагѣ, что Германія была бы не прочь опредѣлить, путемъ международной регламентаціи, спорные вопросы морского права. Важно само примѣненіе права осмотра. Тутъ необходимо равное отношеніе къ нейтральнымъ; пристрастіе воюющаго трудно доказать, но подозрѣніе его въ этомъ создаетъ обостренныя отношенія, ибо приписываетъ ему намѣреніе покровительствовать торговлѣ однихъ нейтральныхъ въ ущербъ другимъ **). Могутъ быть слишкомъ требовательны какъ воюющіе, такъ и нейтральные. Примѣромъ послѣдняго можетъ послужить тезисъ, выставленный германскимъ правительствомъ (въ нотѣ гр. Гацфельда 4 января 1900 г.), что не можетъ возникнуть рѣчи о военной контрабандѣ относительно предметовъ на судахъ, ведущихъ торговлю между двумя нейтральными портами. Лордъ Салисбюри не могъ согласится съ этой точкой зрѣнія и мнѣніе его подтверждено институтомъ въ слѣдующемъ положеніи: «транспортъ предполагается назначеннымъ для непріятеля, когда онъ посылается въ одинъ изъ его портовъ, или въ портъ, хотя бы нейтральный, но который, на основаніи несомнѣнныхъ и фактическихъ доказательствъ, служитъ лишь этапомъ на пути къ непріятелю, гдѣ лежитъ его конечная цѣль, какъ одного и того же торговаго предпріятія». Ближайшая конференція должна заняться изученіемъ тѣхъ условій, при которыхъ воюющій можетъ разставлять въ своихъ территоріальныхъ водахъ подводныя мины, безъ ущерба законной торговлѣ въ открытомъ морѣ. Также требуетъ разсмотрѣнія вопросъ о примѣненіи безпроволочнаго телеграфа (системы Маркони) ***).

Далѣе, споры вызвало превращеніе торговыхъ судовъ въ военные ****). Тутъ необходимы условія, которыя дѣлали бы такое превращеніе—реаль-

---

*) Послѣдній вопросъ, какъ извѣстно, мастерски разработанъ Бульмеринкомъ въ докладахъ Институту. Новѣйшія работы о контрабандѣ: *Thonier*. De la notion de la contrebande de guerre. 1904. *Wiegnea*. Die Kriegskonterbande in der Völkerrechtwissenschaft und der Staatenpraxis. 1904.—Ср. еще *Kleen*. Les décrets prohibitifs du Japon et de la Russie en matière de contrebande de guerre (Revue génér. de dr. int. publ. 1904. № 4; p. 353).—*Lawrence*. La question de la contrebande de guerre. Un danger pour la paix. Ib. 1905. № 1.

**) Въ теченіе лѣта 1904 г. Англія неосновательно упрекала въ такомъ пристрастіи русскіе крейсера сравнительно съ ихъ дѣйствіями по отношенію къ германскимъ торговымъ судамъ.

***) *Scholz*. Krieg und Seekabel. 1904.

**) Имѣлось въ виду превращеніе нашихъ судовъ добровольнаго флота въ военные крейсера по проходѣ ими Босфора и Дарданеллъ.

нымъ и устранялн бы всякую возможность заподозрѣванія воюющаго въ недобросовѣстности.

Нельзя обойти молчаніемъ факты истребленія (потопленія) призовъ. Такое истребленіе ихъ допустимо лишь въ случаяхъ крайней необходимости, когда нѣтъ возможности ихъ конвоировать въ такой портъ, гдѣ дѣло о нихъ могло бы быть разсмотрѣнно законно-учрежденнымъ призовымъ судомъ. Самое потопленіе приза должно быть ясно мотивировано, а въ случаѣ принадлежности корабля нейтральному, пельзя прибѣгать къ этой мѣрѣ при отсутствіи недобросовѣстности. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы подумать о томъ, нельзя ли избѣжать вообще такихъ дѣйствій посредствомъ предупредительныхъ мѣръ, вродѣ, напримѣръ, передачи корабля нейтральному суду въ первомъ же ближайшемъ портѣ? Было бы нетрудно донести о немъ телеграфическимъ путемъ. Въ интересахъ нейтральныхъ позаботиться о принятіи такихъ мѣръ, которыя дѣлали бы для воюющаго ненужнымъ истребленіе ихъ судовъ. Необходимо, по заключеніи мира, созвать, въ продолженіе Гаагской конференціи, новую конференцію для изученія всѣхъ этихъ вопросовъ *). Если представители морскихъ державъ проникнутся сознаніемъ, что ихъ отечества, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть то нейтральными, то воюющими, имъ не трудно будетъ стать на такую точку зрѣнія, которая установитъ равновѣсіе между правами тѣхъ и другихъ **).

Если бы англійскіе дѣятели и публицисты ранѣе усвоили себѣ это воззрѣніе, ученіе о правахъ нейтральныхъ не было бы въ томъ жалкомъ и неполномъ видѣ, въ какомъ оно находится доселѣ ***). Рей сообщилъ, что британское правительство всецѣло одобрило Гаагскіе конвенцію и регламентъ о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Въ связи съ этимъ оно поручило проф. Голланду составить руководство по этой области права для обученія войска и для болѣе практическаго подтвержденія названныхъ актовъ. Учебникъ этотъ получилъ одобреніе военнаго министра ****). Не-

---

*) Много споровъ вызвало еще пребываніе эскадры Рождественскаго въ нейтральныхъ водахъ (Мадагаскара, Индо-Китая) и снабженіе ея углемъ и продовольствіемъ. *De Lapradelle*: „La nouvelle thèse du refus de charbon aux belligérants dans les eaux neutres“. („Revue génér. de dr. int. publ“. 1904. № 5; p. 531).

**) *Lawrence*: „War and neutrality in the Far Eeast“. 2 edit., 1904. Сочиненіе это выдержало въ три мѣсяца два изданія и обращаетъ на себя вниманіе серьезнымъ изученіемъ проблеммъ, выдвинутыхъ русско-японской войною съ точки зрѣнія морского международнаго права.

***) О томъ, что тутъ до сихъ поръ сдѣлано и что еще должно быть сдѣлано, хорошо говоритъ *Kleen*: „Lois et usages de la Neutralité“. T. I, p. 54—55, 1898.

****) *Holland*: „The laws and customs of war on land, as defined by the Hague convention of 1899, with supplementary matter and explanatory notes“, 1904.—Любопытно съ нимъ сравнить переводъ Карпантье сочиненія нѣмецкаго генеральнаго штаба на ту же тему, но съ различными уклоненіями отъ Гаагскаго договора: „Les lois de la guerre continentale traduites et annotées par Carpentier“, 1904.—Есть и русскій переводъ.

льзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не получила осуществленія благая мысль объ уніи государствъ для совмѣстнаго изданія ими трактатовъ. За эту мысль высказывался не разъ Институтъ и для ея разработки была даже созвана въ Бернѣ въ 1895 году конференція изъ делегатовъ 17 государствъ,—но далѣе этого дѣло не пошло. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ одобренія предпріятіе Рено и Декана, которые приступаютъ къ изданію трактатовъ XX вѣка, со включеніемъ въ него и рѣшеній международныхъ третейскихъ судовъ. Можно надѣяться, что правительства и юристы всѣхъ странъ отнесутся къ этому столь полезному изданію съ тѣмъ вниманіемъ и содѣйствіемъ, которыхъ оно стоитъ *).

Переходя отъ публичнаго международнаго права къ частному, Рей отмѣтилъ два крупныхъ факта: 1 іюня 1904 года въ Гаагѣ семь державъ (Германія, Бельгія, Франція, Люксембургъ, Нидерланды, Румынія и Швеція) обмѣнялись ратификаціями конвенцій о рѣшеніи столкновеній между ихъ законами о заключеніи браковъ, ихъ расторженіи, о разлученіи супруговъ, объ опекѣ надъ малолѣтними. Остальныя государства заявили, что и они не замедлятъ утвержденіемъ этихъ договоровъ,—результатовъ трехъ бывшихъ въ Гаагѣ конференцій по частному международному праву. Съ 16 мая по 7 іюня 1904 г. засѣдала въ этомъ же городѣ четвертая конференція, которая представила на обсужденіе правительствъ проекты пяти слѣдующихъ конвенцій: 1) пересмотрѣнный текстъ конвенціи 14 ноября 1896 года и добавочнаго протокола 22 мая 1897 года о гражданскомъ судопроизводствѣ; 2) о столкновеніи законовъ относительно наслѣдствъ и завѣщаній; 3) о послѣдствіяхъ браковъ для личныхъ и имущественныхъ правъ супруговъ; 4) о наложеніи запрещеній и иныхъ подобныхъ охранительныхъ мѣрахъ; 5) проектъ закона о несостоятельности. Тѣ же государства, которыя участвовали на предшествующей конференціи 1900 года, имѣли своихъ делегатовъ и на этомъ собраніи, но къ нимъ присоединилась одна новая делегація—отъ Японіи. Ораторъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отмѣтилъ этотъ фактъ, что онъ всегда жалѣлъ о неучастіи въ великомъ дѣлѣ этихъ конференцій англійскаго правительства и выразилъ надежду, что оно, хотя въ качествѣ правительства великой азіатской державы, вступитъ на иной и лучшій путь, отъ котораго оно до сихъ поръ считало возможнымъ уклоняться, какъ великая держава въ Европѣ. Институтъ своими работами много подготовилъ дѣло этихъ Гаагскихъ конференцій, придавшихъ имъ практическія форму и завершеніе **).

---

*) Уже вышелъ первый томъ этого „Recueil international des traités du XX siècle, contenant l'ensemble du droit conventionnel entre les Etats et les sentences arbitrales“, посвященный 1901 году.—Не менѣе заслуживаетъ вниманія другой сборникъ: „Recueil des arbitrages internationaux par de Lapradelle et Politis“, первый томъ котораго содержитъ третейскія рѣшенія съ 1798 по 1855 г. Тексты сопровождаются весьма цѣнными научными поясненіями со стороны издателей и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ интернаціоналистовъ.

*) О нихъ см. интересныя брошюры: *Renault*: „Les conventions de la Haye“,

Не менѣе заслуживаютъ вниманія широкія подготовительныя работы къ этимъ конференціямъ и даваемое имъ заблаговременное оглашеніе.

По части литературы этой отрасли права должны быть отмѣчены работы Мейли, Рогена и Пилье *).

Деканъ сдѣлалъ сообщеніе о положеніи института за послѣдніе два года. Съѣздъ послалъ привѣтственную телеграмму королю Эдуарду VII.

2.

Наиболѣе вниманія въ числѣ научныхъ вопросовъ съѣздъ удѣлилъ рѣшенію коллизіи законовъ въ области обязательствъ. Но рѣдкій получился результатъ, несмотря на четыре оживленныя засѣданія, въ продолженіе которыхъ къ тексту коммиссіи было внесено нѣсколько поправокъ (Дайси, Фіоре, Пиллье, Рогена), вызвавшихъ споры. Институтъ, отвергнувъ ихъ всѣ вернулъ опять весь вопросъ въ коммиссію, которой, такимъ образомъ, придется начать свой трудъ сызнова.

Вторымъ предметомъ для занятій явились новѣйшіе третейскіе договоры государствъ. О нихъ Берклей представилъ записку, присоединивъ къ ней тексты нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ **). Онъ внесъ предложеніе объ учрежденіи при Институтѣ постоянной коммиссіи, которая, съ одной стороны, должна, путемъ изученія новѣйшихъ третейскихъ договоровъ, подготовить наиболѣе подходящую формулу для нихъ въ будущемъ; съ другой, заняться регламентомъ Института 1875 года о международномъ третейскомъ судопроизводствѣ и Гаагскою конвенціею 1899 года для восполненія существующихъ въ нихъ пробѣловъ и подготовленія кодекса о судопроизводствѣ для постояннаго третейскаго суда. Послѣдующія за докладомъ Берклея пренія повели къ учрежденію такой коммиссіи, но съ двумя умаленіями, о которыхъ приходится только пожалѣть: коммиссія эта не будетъ постоянною; ей вмѣнено въ обязанность: изученіе лишь реформъ, требуемыхъ третейскимъ производствомъ. Это очень сокращаетъ первоначальный планъ Берклея: выполненіе его цѣлостью было бы именно важно въ дѣлѣ столь новомъ и спорномъ, какъ договоры государствъ объ общемъ и постоянномъ третейскомъ судѣ. Также нельзя согласиться съ тѣми членами, которые на съѣздѣ особенно подчеркивали характеръ исключительно практическій (а не теоретическій) учреждаемой коммиссіи. Инсти-

---

(1896 et 1902) sus le droit international privé", 1903.—*Meili*: „Der Gegenstand und die Tragweite der vier europäischen Staatskonferenzen über inter. Privat-Recht". 1905.

*) *Meili*: „Das internationale Civil-und Handelsrecht", 2 тома, 1902.—Его же: „Das internationale Civilprocessrecht", 1904.—*Roguin*: „Traité de droit civil comparé", Vol. I, Le mariage, 1904. Сочиненіе задумано по очень широкому плану на томовъ 12.—*Pillet*: „Principes de droit international privé", 1903.—Къ этому нужно еще прибавить безцѣнный справочникъ: „Tables générales du Journal du droit international privé", 1874—1904, pav *Edouard Clunet*, 4 vol., 1905.

**) *Annuaire*, Vol. XX, p. 27—58.

тутъ, какъ общество ученое, не должно ни въ какомъ вопросѣ заключаться лишь въ рамки практики *).

Въ связи съ только что разсмотрѣннымъ вопросомъ стоялъ другой, уже нѣсколько лѣтъ ожидавшій рѣшенія: объ учрежденіи судовъ, призванныхъ толковать конвенціи о международныхъ уніяхъ. Такіе суды признаны излишними со времени установленія Гаагскаго суда, который долженъ рѣшать споры и о толкованіи подобныхъ конвенцій. Докладчикъ Рогенъ и Пилье поддерживали иную точку зрѣнія, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о спорахъ между частными лицами и компаніями различныхъ государствъ и потому спеціальные третейскіе суды были бы умѣстны, но Институтъ вполнѣ основательно высказался за то рѣшеніе, которое стремится дать бо́льшее единство третейской юрисдикціи и расширить сферу дѣятельности недавно созданнаго Гаагскаго суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ новой имъ учрежденной третейской коммиссіи рекомендовано воспользоваться трудами этой упраздняемой коммиссіи.

Недостатокъ времени не позволилъ Институту заняться важнымъ вопросомъ о положеніи нейтральныхъ, снова, какъ мы видѣли, рѣзко поставленнымъ русско-японской войною. Деканъ внесъ на его разсмотрѣніе нѣсколько тезисовъ **), въ основу которыхъ онъ кладетъ, въ отличіе отъ господствующаго въ наукѣ воззрѣнія, новое понятіе о нейтралитетѣ въ смыслѣ болѣе активной дѣятельности нейтральныхъ въ пользу мира и лучшаго согласованія ихъ правъ и обязанностей съ правами и обязанностями воюющихъ. Для этого онъ вводитъ даже новый терминъ pacigérat. Во время преній Голландъ назвалъ этотъ терминъ варваризмомъ и излишнимъ, такъ какъ онъ не можетъ замѣнить обще-распространенное слово: нейтралитетъ. По его мнѣнію, Институту будто бы даже нечего высказывать заключеній о нейтральныхъ: все обстоитъ благополучно! Вѣрнѣе на дѣло взглянулъ Пьерантони: Институтъ долженъ предварительно изучить по сравнительному методу законы, трактаты, прецеденты о положеніи нейтральныхъ и затѣмъ уже формулировать о нихъ общія начала. Онъ указалъ, что въ этой области образцомъ могъ бы послужить итальянскій кодексъ о торгово-морскомъ судоходствѣ, въ которомъ точно опредѣляются юридическое положеніе нейтральныхъ и предѣлы власти воюющихъ. Въ настоящее время въ морскомъ министерствѣ Италіи работаетъ многочисленная коммиссія, въ которой и онъ участвуетъ, надъ относящимися сюда реформами. Итальянскій законодатель уже санкціонировалъ принципъ уваженія частной собственности въ морской войнѣ. Институтъ, принимая въ соображеніе извѣстное заявленіе Гаагской конвенціи и взятый на себя починъ Рузвельта къ созванію новой конференціи мира, высказалъ желаніе, чтобы «государства дали нейтралитету выработку болѣе полную и

*) Первая статья его устава. „L'Institut de Droit international est une association exclusivement scientifique et sans caractère officiel".

**) *Annuaire*, p. 61—63; p. 211—219.

болѣе соотвѣтствующую потребностямъ нашего времени». По для этого необходимо положить въ основу исходную точку Декана, которая выражается не въ передачѣ ходячей теоріи о немъ, а въ новомъ пониманіи обязанности нейтральныхъ поддерживать миръ въ мирномъ обществѣ народовъ.

Этимъ собственно закончились научныя занятія Института въ Эдинбургѣ. Изъ сообщеній должно отмѣтить рѣчь Мартенса: онъ указалъ на правила войны, изданныя Россіею 14 (27) февраля 1904 г. и на впервые открытое, подъ его предсѣдательствомъ, справочное бюро о плѣнныхъ въ исполненіе Гаагской конвенціи. Оно непосредственно сносился почтой и телеграфомъ съ таковымъ же бюро въ Токіо. Всѣ посылки къ плѣннымъ, и чрезъ нейтральныя страны, безвозмездны. Японскіе плѣнные получаютъ въ Россіи то же содержаніе и съ ними обращаются такъ же, какъ съ русскими военными соотвѣтствующихъ чиновъ въ мирное время.

Слѣдующій съѣздъ назначенъ въ Гентѣ, въ 1906 году. За послѣднее время Институтъ сталъ собираться чрезъ два года. Предложено нѣсколько новыхъ предметовъ для его занятій и учреждены для нихъ новыя коммиссіи: объявленіе войны *); международное регулированіе самодвижущихся минъ въ открытомъ морѣ; изученіе новѣйшихъ третейскихъ договоровъ и третейскаго производства. Число всѣхъ коммиссій, существующихъ при Институтѣ—16. Нѣкоторыя уже учреждены лѣтъ 10 тому назадъ; особенно интересны слѣдующіе предметы ихъ занятій: положеніе нейтральныхъ; международно-правовое положеніе иностранцевъ, состоящихъ на гражданской или военной службѣ у воюющихъ **); юридическое положеніе воздушныхъ шаровъ; кодификація частнаго международнаго права.

Гр. Л. Камаровскій.

---

*) Предварительный докладъ объ этомъ Альберика Ролена въ „Annuaire“, p. 64—70.

**) Предварительное сообщеніе на эту тему Эдуарда Ролена, „Annuaire“, p. 71—74.

Очерки изъ исторіи развитія сѣверо-американскаго пролетаріата *).

Вернеръ Зомбартъ.

Американскіе Соединенные Штаты являются для капитализма землей Ханаанской, землей обѣтованной. Только здѣсь, въ Америкѣ, находились въ наличности всѣ тѣ условія, которыя нужны для полнаго и всесторонняго развитія капитализма. Только въ Америкѣ какъ земля, такъ и люди способствовали развитію капитализма до крайнихъ предѣловъ.

Ни въ какой другой странѣ не могло быстро осуществиться накопленіе капитала. Произошло это, во-первыхъ, потому, что Америка богата благородными металлами: она доставляетъ $^1/_3$ всего серебра, $^1/_4$ всего золота, добываемыхъ на всемъ земномъ шарѣ. Во-вторыхъ, потому, что въ Америкѣ очень много плодородныхъ земель: равнина Миссисипи является площадью лучшихъ черноземныхъ земель приблизительно въ 5 разъ большею, чѣмъ площадь южно-русскихъ и венгерскихъ черноземныхъ округовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ-третьихъ, потому, что Америка богата обильными залежами полезныхъ минераловъ, которые и до сихъ поръ еще даютъ

---

*) Предлагаемая здѣсь въ переводѣ статья Зомбарта была напечатана въ трехъ послѣднихъ книжкахъ издаваемаго имъ журнала „Archiv für Socialwissenschaft“. Уже одно имя автора, хорошо знакомаго русской читающей публикѣ, можетъ служить лучшей рекомендаціей этой работѣ. И дѣйствительно, эта работа представляетъ выдающійся интересъ какъ по важности и значенію поставленнаго здѣсь вопроса, такъ и по мастерскому его анализу. Зомбартъ ставитъ своей задачей выясненіе крайне любопытнаго факта: почему до сихъ поръ не развилось въ Америкѣ сильное соціалистическое движеніе. Причину этого онъ видитъ въ особенностяхъ американской жизни, въ особенностяхъ политическаго, соціальнаго и экономическаго положенія американскаго рабочаго. Блестящій очеркъ этого положенія является самой интересной частью работы Зомбарта. Очерки эти являются, по словамъ Зомбарта, только введеніемъ къ болѣе обширной работѣ, въ которой онъ разсчитываетъ доказать, что условія, задерживавшія до сихъ поръ развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ соціализма, должны въ ближайшемъ будущемъ исчезнуть, и что и здѣсь соціализмъ долженъ достигнуть полнаго расцвѣта. *Переводчикъ.*

втрое больше продукта, чѣмъ залежи другихъ европейскихъ странъ. Эти условія въ связи съ развитіемъ анорганической техники служатъ для капитализма оружіемъ, которымъ онъ покоритъ міръ. Уже теперь Соединенные Штаты доставляютъ $^3/_4$ чугуна, добываемаго во всѣхъ другихъ странахъ. (Въ 1902 году 18 милліоновъ тоннъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 24 милліона тоннъ въ другихъ странахъ.) Она больше всякой другой страны пригодна для расширенія капиталистическаго хозяйства. Равнина Миссисипи какъ будто бы предназначена для раціональной земельной культуры, для безпредѣльнаго развитія сношеній: область эта, въ $3{,}_8$ милліона квадратныхъ километровъ, т.-е. приблизительно въ 7 разъ больше Германской имперіи, не только не имѣетъ никакихъ препятствій для сообщеній, но снабжена даже цѣлымъ рядомъ естественныхъ путей сообщенія. На атлантическомъ берегу 55 хорошихъ гаваней уже цѣлыя тысячелѣтія съ нетерпѣніемъ ожидаютъ капиталистической эксплоатаціи. Страна эта представляетъ изъ себя такой рынокъ, по сравненію съ которымъ рынокъ европейскихъ государствъ имѣетъ такое же значеніе, какое для этихъ послѣднихъ имѣлъ бы средневѣковой городъ съ его территоріей. Отличительная черта капиталистическаго хозяйства—стремленіе къ безпредѣльному расширенію—можетъ вполнѣ осуществляться только на необозримыхъ поляхъ Сѣверной Америки, тогда какъ въ тѣсной Европѣ, несмотря на всѣ доктрины свободной торговли, несмотря на политику торговыхъ договоровъ, стремленіе это постоянно встрѣчаетъ препятствія. Дѣйствительно, если бы мы хотѣли, исходя изъ потребностей капитализма, конструировать идеалъ страны для капиталистическаго развитія, то намъ пришлось бы по отношенію къ размѣрамъ, по ея отличительнымъ свойствамъ взять за образецъ Америку.

Народъ: что касается народа, то мужское населеніе какъ будто нарочно подготовлялось для того, чтобы въ зрѣломъ возрастѣ расчистить въ первобытномъ лѣсу дорогу капитализму. Покончивъ съ Европой, они переселились въ Новый Свѣтъ, желая устроить себѣ новую жизнь на чисто раціональной основѣ; они оставили на далекой родинѣ весь балластъ европейскаго существованія, весь лишній романтизмъ и всю сантиментальность, всѣ феодально-ремесленные порядки и взяли съ собой сюда только то, что могло служить капитализму и двигать впередъ его развитіе: могучую, несокрушимую энергію и такое міросозерцаніе, которое вмѣняло въ обязанность, какъ завѣтъ Бога всѣмъ вѣрующимъ, поведеніе въ духѣ капитализма. Максъ Веберъ *) доказалъ, какая тѣсная связь существуетъ между догматами пуританской этики протестантизма и требованіями раціонально-капиталистическаго хозяйства. И вотъ эти руководящіе элементы, эти субъекты новой хозяйственной системы получили въ свое распоряженіе въ видѣ объекта, т.-е. въ видѣ наемнаго рабочаго, такое населеніе, которое было какъ бы создано для того, чтобы довести капитализмъ до

*) Archiv für Socialwissenschaft. Band XX, XXI.

возможно большаго развитія. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій недоставало рабочей силы, а потому она была дорога. Это заставляло предпринимателей заботиться о раціональномъ ея использованіи, вынуждало ихъ возможно совершеннѣе организовывать хозяйство и предпріятіе, а также постоянно думать о томъ, чтобы замѣнить рабочую силу примѣненіемъ трудо-сберегательныхъ машинъ. Отсюда появилось стремленіе къ усовершенствованію техники, равнаго которому не могло быть ни въ одной странѣ старой культуры. И когда здѣсь были уже созданы высшія формы хозяйственной и технической организаціи, то сюда направилось, по мѣрѣ того какъ уменьшалась возможность существованія внѣ капиталистическаго Nexus'а, огромное количество людей, которыми здѣсь можно было воспользоваться въ интересахъ капитализма. Извѣстно, что въ послѣднія десятилѣтія ежегодно по крайней мѣрѣ полмилліона людей переселялось въ Соединенные Штаты; въ нѣкоторые года число переселенцевъ достигало до $^3/_4$ милліоновъ и даже больше.

И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ на землѣ капиталистическое хозяйство и капиталистическое существованіе не достигло такого развитія, какъ въ Сѣв. Америкѣ.

Нигдѣ не проявляется въ такой степени стремленіе къ пріобрѣтенію, какъ здѣсь. Стремленіе къ наживѣ, къ сколачиванію денегъ ради денегъ является здѣсь исходной и конечной точкой всей хозяйственной дѣятельности: каждая минута въ жизни посвящена этому стремленію и только смерть можетъ положить предѣлъ этой ненасытной жаждѣ наживы. Классъ некапиталистическихъ рентьеровъ совершенно неизвѣстенъ въ Соед. Штатахъ. На службѣ у этого стремленія къ наживѣ стоитъ хозяйственный раціонализмъ такой чистоты, какой не знаетъ ни одна европейская общественная жизнь. Капиталистическіе интересы, несмотря ни на что, всюду прокладываютъ себѣ дорогу, даже если эта дорога идетъ по трупамъ. Символомъ этого могутъ служить цифры желѣзнодорожныхъ несчастныхъ случаевъ въ Америкѣ. Evening-Post высчитала, что съ 1898 по 1900 годъ число убитыхъ на американскихъ жел. дорогахъ достигало 21.847, т.-е. столько, сколько погибло на войнѣ съ бурами, считая и тѣхъ, которые умерли въ лазаретахъ. Въ 1903 году число убитыхъ на американскихъ жел. дорогахъ достигло 11.006, въ Австріи въ этомъ же году — 172. Если вычислять число убитыхъ на 100 километровъ, то оказывается, что въ Америкѣ на 100 километровъ приходится 3,4, въ Австріи — 0,87. На милліонъ проѣхавшихъ лицъ въ Америкѣ — 19, въ Австріи—0,99 несчастныхъ случаевъ. Здѣсь примѣняются только такія формы хозяйства и производства, только такая техника, которыя обѣщаютъ наибольшую выгоду, до всего же остального американцамъ нѣтъ никакого дѣла. Въ то время, какъ у насъ замѣчается общественное недовольство, если бездѣйствуетъ какая-нибудь угольная копь, тотъ или другой рудникъ, управленіе американскаго треста опредѣляетъ въ широкомъ масштабѣ изъ году въ годъ, какія предпріятія должны работать, какія

бездѣйствовать. Всю хозяйственную организацію, мѣсто производства, строй отдѣльныхъ хозяйствъ, размѣры и форму предпріятій, организацію торговли и обмѣна,—все это капитализмъ устраиваетъ по своему образу и подобію. Все, какъ извѣстно, имѣетъ раціональный характеръ, т.-е. приспособлено къ интересамъ капитализма.

И это не осталось безъ награды: по величинѣ капитала, по высотѣ накопленія Соед. Штаты уже и теперь, несмотря на свою «юность», стоятъ впереди всѣхъ другихъ странъ. Мѣриломъ высоты капиталистическаго теченія можетъ служить число заявленныхъ банковъ. Въ 1882 году 7.302 банка были заявлены контролеру обращенія (см. 42 докладъ), въ 1904 году—18.844; первые имѣли капиталъ въ 712.100.000 дол., вторые—въ 1.473.904,674 дол. Въ 1882 году вклады въ банкахъ составляли сумму въ 2.785.407.000 дол., въ 1904 г. вкладовъ было на 10.448.545.990 долларовъ. Общая величина капитала (the banking power) Соед. Штатовъ (т.-е. капиталъ, вклады и обращеніе), по подсчету того же составителя отчета, составляла 13.826.000.000 дол., въ то время какъ соотвѣтствующія цифры для всѣхъ странъ составляютъ только 19.781.000.000 дол. Поэтому насъ не должны удивлять тѣ массы капитала, которыя были вложены за послѣднія 20 лѣтъ на развитіе промышленности. По даннымъ ценза капиталъ, затраченный въ промышленности, равнялся.

1880 г.	2.790.272.606	долларовъ.
1890 »	6.525.050.759	»
1900 »	9.831.486.500	»

Извѣстно также, что въ Соед. Штатахъ программа «Теоріи развитія» Маркса по отношенію къ концентраціи капитала осуществилась въ такой мѣрѣ, при которой, по указанію Маркса, въ знаменитой предпослѣдней главѣ Капитала, близки божественныя сумерки капиталистическаго міра. Новѣйшая статистика количества и размѣровъ трестовъ даетъ слѣдующую поразительную картину *).

Здѣсь существуетъ 7 величайшихъ промышленныхъ трестовъ, въ которыхъ соединены 1.528 предпріятій, бывшихъ до этого самостоятельными. Сосредоточенный въ нихъ капиталъ достигаетъ 2662,7 милліоновъ долларовъ. Величайшій изъ этихъ трестовъ это—die U. St. Steel Corporation съ номинальнымъ капиталомъ въ 1370 мил. долларовъ; второй по величинѣ—Consolidated Tobacco Co съ капиталомъ только въ 5029 мил. долларовъ. На-ряду съ ними существуютъ 298 промышленныхъ трестовъ «небольшого» размѣра, которые контролируютъ 3426 предпріятій и имѣютъ въ общемъ капиталъ въ 4055 мил. долларовъ. 13 промышленныхъ трестовъ съ 334 предпріятіями и 528 мил. долларовъ капитала только что образовывались

*) John Moody: The Truth about the Trusts (New-York 1904. Книга эта очень полезна, такъ какъ даетъ богатый матеріалъ, полученный изъ первоисточниковъ изъ дѣловыхъ отчетовъ, балансовъ и т. д.

къ тому времени. Всѣхъ промышленныхъ трестовъ 318; они владѣютъ 5288 предпріятіями и 7246 милліонами долларовъ капитала. Къ нимъ надо присоединить 111 привилегированныхъ трестовъ (телефонъ, телеграфъ, газъ, электричество и предпріятія городскихъ дорогъ) съ 1336 отдѣльными предпріятіями и съ 3735 мил. долларовъ капитала. А вотъ еще pièce de resistence: группа большихъ желѣзнодорожныхъ союзовъ. Ихъ 6, у каждаго изъ нихъ капиталъ не менѣе милліарда долларовъ. У всѣхъ вмѣстѣ капиталъ составляетъ больше 9017 милліардовъ долларовъ и они руководятъ 790 предпріятіями. Наконецъ, существуютъ еще «независимыя» желѣзнодорожныя общества съ капиталомъ въ 380 милліоновъ долларовъ.

Если мы сложимъ всѣ эти колоссальныя комбинаціи, которыми скована теперь большая часть американской хозяйственной жизни, то получимъ огромную цифру: 8664 контролируемыхъ предпріятій и 20379 милліоновъ долларовъ номинальнаго капитала. Представьте себѣ 85 милліардовъ марокъ сосредоточено въ рукахъ немногихъ предпринимателей.

По структурѣ общества всего скорѣе можно замѣтить, какого безпредѣльнаго господства достигъ здѣсь капитализмъ. Въ строѣ американской жизни нельзя замѣтить ничего такого, что было бы не капиталистическаго происхожденія. Совсѣмъ нѣтъ остатковъ докапиталистическихъ классовъ, большее или меньшее внѣдреніе которыхъ въ европейское общество придаетъ ему характерный отпечатокъ. Нѣтъ феодальной аристократіи, вмѣсто нея на полѣ брани стоятъ магнаты капитализма. Время, которое Марксъ, когда онъ писалъ «Капиталъ», могъ только мысленно предвидѣть,— это время наступило теперь въ Соед. Штатахъ: Время, когда «eminent spinners», «extensive sausage makers» и «influential schoe black dealers» вмѣстѣ съ желѣзнодорожными королями заставятъ свой народъ пасть передъ собой ницъ. «Когда владѣлецъ какой-нибудь желѣзнодорожной линіи запада проѣзжаетъ въ своемъ роскошномъ вагонѣ, то эта поѣздка напоминаетъ торжественное шествіе короля. Губернаторы штатовъ и округовъ преклоняются передъ нимъ. Народные представители привѣтствуютъ его въ торжественныхъ засѣданіяхъ, города и деревушки соперничаютъ между собой, стараясь добиться его расположенія. И дѣйствительно, не въ его ли власти довести какой-нибудь городъ по своему благоусмотрѣнію до счастья или гибели» (Брайсъ).

Нѣтъ также и полуфеодальнаго или феодальнаго сословія крестьянъ и ремесленниковъ. Ихъ мѣсто занимаетъ по большей части крѣпкій жизненный классъ фермеровъ, горсть мелкихъ капиталистовъ предпринимателей, занятыхъ въ промышленности и торговлѣ. Оба эти класса сильно смазаны капиталистическимъ масломъ. Въ своей дѣятельности они руководятся стремленіемъ къ наживѣ; раціонально и на началахъ точной отчетности устраиваютъ они свое хозяйство. И распредѣленіе по профессіямъ этого населенія, уже теперь совершенно капиталистическаго по духу, приводитъ изъ года въ годъ все къ большему преобладанію тѣхъ промышленныхъ группъ,

которыя имѣютъ руководящую роль въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ этой наполовину колоніальной страны уже теперь занята меньшая, чѣмъ въ Германіи, часть населенія, и быстро растетъ населеніе, занятое въ промышленности и торговлѣ; оно уже теперь больше, чѣмъ у насъ. Съ 1880 по 1900 годъ населеніе, занимающееся сельскимъ хозяйствомъ, въ Соед. Штатахъ понизилось съ 44,3 проц. до 35,7 проц. (въ Германіи 36,12 проц.). Число людей, занятыхъ въ торговлѣ и транспортѣ, поднялось съ 10,8 проц. до 16,4 проц. (въ Германіи 11,39 проц.).

Одновременно и вся жизнь народа принимаетъ образъ, все болѣе и болѣе соотвѣтствующій капитализму.

Соед. Штаты, несмотря на ихъ молодость, и теперь уже являются страной городовъ, точнѣе говоря, страной большихъ городовъ. Упоминая объ этомъ, я обращаю вниманіе не исключительно на количество городского населенія, хотя статистика и показываетъ его преобладаніе. Правда, если принять во вниманіе число всѣхъ жителей Соед. Штатовъ, то число городского населенія оказывается не такъ велико, какъ у насъ (въ поселеніяхъ съ числомъ жителей свыше 2500 жило 41,2 проц., тогда какъ въ Германіи въ поселеніяхъ съ числомъ жителей свыше 2.000—54,4 проц.). Однако, во-1-хъ, доля населенія, живущая въ большихъ городахъ, имѣющихъ свыше 1.000.000 жителей, уже теперь (не принимая во вниманіе Англіи) больше чѣмъ гдѣ бы то ни было на землѣ: она составляетъ приблизительно $^1/_5$ всего населенія (18,7); въ-вторыхъ, измѣненіе состава населенія въ пользу городовъ идетъ быстрымъ темпомъ. Число городского населенія повысилось съ 1890 по 1900 годъ съ 29,2 до 41,2 проц.; въ-третьихъ, низкое общее число городского населенія объясняется включеніемъ въ общій итогъ сравнительно бѣднаго городами юга. Если разсматривать отдѣльно восточные штаты союза, то найдемъ, что тамъ только 31,8 проц. населенія живетъ въ деревнѣ и 35,8 проц. въ городахъ съ населеніемъ свыше 100.000[1]).

Но называя Соед. Штаты страной городовъ, я придавалъ этому болѣе глубокій смыслъ, при которомъ вполнѣ дѣлается понятнымъ, почему я ставлю капитализмъ и города въ зависимость другъ отъ друга. Я понимаю подъ словомъ городъ (Städtetum) такой видъ разселенія, который чуждъ всякому органическому росту, зиждется на чисто раціональной основѣ, приспособленъ всецѣло къ количественной точкѣ зрѣнія. Однимъ словомъ, такой способъ разселенія, который какъ бы въ идеѣ уже имѣетъ городской характеръ. Европейскій городъ только въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ осуществляетъ эту идею. Онъ выросъ по большей части органически, по существу же остается просто увеличенной деревней, сущность которой и отражаетъ его видъ. Что общаго между Нюренбергомъ и Чикаго? Ничего кромѣ внѣшняго признака, что люди живутъ въ улицахъ рядомъ

[1]) Всѣ числовыя данныя, если это особо не указано, заимствованы изъ ценза.

другъ съ другомъ, и что они нуждаются для своего пропитанія во ввозѣ извнѣ. По духу же—ничего общаго. Первый представляетъ изъ себя органически выросшее явленіе, что-то вродѣ деревни, тогда какъ второй искусственно, на разумныхъ основаніяхъ построенный городъ, городъ въ собственномъ смыслѣ. И какъ въ старой Европѣ (вѣрнѣе какъ было до сихъ поръ) городъ устраивался по образцу деревни и носилъ въ себѣ ея отпечатокъ, въ Соед. Штатахъ, наоборотъ, деревня является по существу только городскимъ поселеніемъ, которому недостаетъ городовъ. Тотъ же раціональный разумъ, который создалъ ящикообразные города, прошелъ съ измѣрительной цѣпью по странѣ и разбилъ ее на совершенно равные квадраты по однообразному, несмотря на все ея колоссальное протяженіе, плану. Всякая мысль объ естественномъ, органическомъ разселеніи должна исчезнуть при первомъ же взглядѣ.

Не отсутствуетъ въ Сѣверо-Амер. Соед. Штатахъ и бросающійся въ глаза признакъ всякаго общества, построеннаго на капиталистической основѣ, т.-е. огромная противоположность между богатствомъ и бѣдностью. Въ Соед. Штатахъ нѣтъ точной статистики доходовъ и имущества, но все же существуютъ нѣкоторыя попытки опредѣлить распредѣленіе богатства. Хотя ихъ положенія нельзя считать неопровержимыми, однако онѣ всетаки имѣютъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ основу ихъ положенъ весь существующій матеріалъ[1]). 33 милліарда или 54,8 проц. всего частнаго имущества, которое оцѣнивали въ 60 милліардовъ долларовъ (1890), находились въ рукахъ 125.000 семей. Эти семьи составляли всего одинъ процентъ всѣхъ семей, $6^1/_4$ милліоновъ семей (50%) совсѣмъ не имѣли никакого имущества.

Каково бы ни было распредѣленіе всего имущества, всетаки нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нигдѣ на землѣ нѣтъ даже приблизительно такой противоположности между богатымъ и бѣднымъ, какъ въ Соед. Штатахъ. Происходитъ это прежде всего потому, что богачи здѣсь гораздо богаче, чѣмъ у насъ. Извѣстно, что въ Америкѣ людей, имѣющихъ 1.000 милліоновъ марокъ, больше, чѣмъ въ Германіи людей, имѣющихъ 100 милліоновъ. Кто былъ когда-нибудь въ Нью-Портѣ, Байѣ Нью-Іорка, тотъ не могъ не замѣтить, что милліоны здѣсь не рѣдкость. Нѣтъ на всемъ свѣтѣ другого такого мѣста, гдѣ повсемѣстнымъ типомъ жилой постройки являлся бы княжескій дворецъ. И кто хоть разъ прошелся по магазинамъ Тиффанни въ Нью-Іоркѣ, тому всегда будетъ казаться, что въ самыхъ блестящихъ магазинахъ Европы пахнетъ бѣдностью. Магазины Тиффани, благодаря тому, что они имѣютъ отдѣленія въ Парижѣ и Лондонѣ (города пролетаріевъ, какъ Вѣна и Берлинъ, не могутъ, понятно, идти въ счетъ), могутъ великолѣпно служить для сравненія роскоши, а слѣдовательно богатства верхнихъ 400 въ трехъ на-

[1]) См. Charles B. Spahr: The Distribution of Wealth in United States; J. Gr. Brooks, The Social unrest 1904; Robert Hunter: Poverty 1904.

званныхъ странахъ. Директора главнаго Нью-Іоркскаго отдѣленія разсказывали мнѣ, что большая часть товаровъ, предназначенныхъ ими на продажу, получена изъ Европы, но, несмотря на это, нигдѣ въ Европѣ, даже въ ихъ собственныхъ отдѣленіяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ, немыслимо держать товары по той расцѣнкѣ, по какой они предлагаются въ Нью-Іоркѣ. Самые дорогіе (мой соотечественникъ забылъ добавить и самые отвратительные) можно продать только Нью-іоркской женщинѣ.

И, съ другой стороны, только въ восточномъ Лондонѣ можно найти такіе же бѣдные кварталы, какъ въ американскихъ городахъ. Недавно появилась книга[1]), которую хоть и нельзя поставить на-ряду съ книгой Энгельса «Положеніе рабочихъ классовъ», какъ выразилась Florence Kelley въ своей рецензіи (этой работѣ нехватаетъ того широкаго теоретическаго горизонта, который дѣлаетъ изъ книги Энгельса этапный пунктъ въ развитіи соціальныхъ наукъ), но которая вполнѣ можетъ выполнить ту задачу, которую она ставитъ себѣ, а именно освѣтить до самой глубины нищету въ большихъ американскихъ городахъ. Авторъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, какъ рабочій, въ самыхъ отчаянныхъ кварталахъ различныхъ большихъ промышленныхъ городовъ и составилъ, слѣдовательно, собственное представленіе о господствующей здѣсь нищетѣ; кромѣ того онъ умѣетъ оживить богатый, собранный имъ, литературный и статистическій матеріалъ. Онъ высчиталъ, что число людей, живущихъ ниже границы бѣдности, слѣдовательно такихъ, которые не имѣютъ даже самаго необходимаго въ жилищѣ, пищѣ и одеждѣ, даже во времена средняго состоянія, достигаетъ промышленности 10.000.000, причемъ въ это число входитъ 4.000.000 офиціально признанныхъ пауперами (öffentliche Arme). Въ 1897 г. въ Нью-Іоркѣ болѣе двухъ милліоновъ жителей получило пособія по бѣдности[2]). Во времена хозяйственнаго расцвѣта 14% населенія этого города живетъ въ величайшей бѣдности (distress), въ тяжелыя же времена—20%. Если къ этимъ офиціально извѣстнымъ бѣднымъ присоединить также бѣдныхъ, скрывающихъ свою бѣдность (говоритъ авторъ), то число бѣдныхъ, живущихъ въ Нью-Іоркѣ и другихъ большихъ городахъ, рѣдко бываетъ меньше 25%. Въ Мангатанѣ, главной части Нью-Іорка, 60.463 семьи, слѣдовательно 14% всѣхъ семей, было выселено изъ квартиръ (въ 1903, слѣдовательно въ хорошемъ году). Одного изъ 10 умершихъ погребаютъ какъ городского бѣдняка на кладбищѣ Поттера.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ несомнѣнный признакъ, показывающій высокое состояніе капиталистическаго развитія въ Соед. Штатахъ. Это своеобразный характеръ духовной культуры.

Существуютъ ли въ характерѣ американскаго народа такія общія черты, которыя можно было бы встрѣтить во всей странѣ? Въ этомъ можно

---

[1]) Robert Hunter: Poverty New-York 1904.

[2]) Офиціальныя данныя Нью-Іоркскаго Boord of charities. Вѣроятно, многіе здѣсь посчитаны два раза. А то эта цифра была бы прямо неслыханной.

было бы сомнѣваться въ виду огромнаго пространства, занимаемаго Америкой. И дѣйствительно, люди, выдающіе себя за знатоковъ американскихъ условій, предостерегаютъ отъ того, чтобы высказывать что-нибудь общее о всемъ народѣ союза. Различія здѣсь такъ же велики, какъ между отдѣльными народами Европы. И дѣйствительно, Соед. Штаты не представляютъ изъ себя какой-нибудь одной страны, это цѣльный материкъ, населенный американскимъ народомъ. Это мудрое сужденіе однако очень поверхностно. Несомнѣнно, все, что касается внѣшнихъ особенностей страны, является въ Соед. Штатахъ необыкновенно разнообразнымъ. Все же поддающееся развитію, измѣненію, и прежде всего характеръ народа,—отличается поразительнымъ однообразіемъ. Это подтверждали довольно часто такіе знатоки, какъ Брайсъ и другіе. И всякому, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ американской жизнью, если, конечно, онъ способенъ былъ вглядѣться въ нее глубже, это однообразіе характера народа должно было броситься въ глаза, какъ отличительный признакъ этого государства. Брайсъ хорошо выяснилъ причины, вызвавшія поразительное однообразіе въ устройствѣ всѣхъ общественныхъ учрежденій отдѣльныхъ штатовъ союза. Но откуда происходитъ однообразіе души американскаго народа? Можетъ быть, не слѣдуетъ доискиваться причинъ этого однообразія, а удовлетвориться допущеніемъ существованія особаго американскаго духа, который безъ всякаго серьезнаго основанія, минуя всякую соціальную причинность, какъ бы съ неба упалъ на избранный народъ. Это уже потому не можетъ придти намъ въ голову, что мы не въ силахъ повѣрить въ существованіе особеннаго чудеснаго американскаго духа. Скорѣе всего мы надѣемся встрѣтить въ немъ, при ближайшемъ знакомствѣ, стараго пріятеля, котораго мы часто встрѣчали въ Ламбардстритѣ и Берлинѣ, только въ Америкѣ онъ принялъ болѣе широкіе размѣры и развился въ болѣе чистый типъ. Всего лучше по-нашему искать причины особенностей этого духа въ опредѣленныхъ условіяхъ той среды, которая уже сложилась въ Европѣ и Америкѣ. Въ этомъ же надо искать причины его однообразія.

Кто хочетъ объяснить особенности душевнаго склада американскаго народа, тотъ не можетъ не замѣтить, что причиной ихъ является капиталистическая организація хозяйственной жизни. Я хочу попытаться доказать это.

Несомнѣнно, что жизнь въ капиталистической средѣ пріучаетъ умъ къ тому, чтобы сведеніе всѣхъ явленій къ деньгамъ распространить и на нехозяйственныя отношенія, т.-е. при оцѣнкѣ вещей и людей брать масштабомъ ихъ денежную цѣнность. Если подобное отношеніе пріобрѣло права гражданства и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, то способность къ чисто качественной оцѣнкѣ должна постепенно уменьшаться. Все только прекрасное, законченное по своей формѣ, однимъ словомъ, поистинѣ художественное, теряетъ всякое значеніе, разъ оно не можетъ быть количественно опредѣлено, смѣрено или взвѣшено. Отъ вещей, которымъ придаютъ какое-нибудь значеніе, требуютъ, чтобы онѣ были или полезны, или

пріятны (отсюда видна склонность къ «удобству»), или же чтобы онѣ были «дороги» (этимъ объясняется любовь къ драгоцѣнностямъ: все, что украшено въ Соед. Штатахъ, все это украшено «черезъ мѣру» начиная съ дамскихъ туалетовъ и кончая общими салонами моднаго отеля). Если предметъ таковъ, что цѣна его не видна сразу, то стоимость его опредѣляютъ, безъ лишнихъ словъ, цифрами. «Видѣли ли вы Рембранда въ 50.000 долларовъ въ домѣ господина Х.»—вотъ часто повторяемые вопросы. Сегодня утромъ пришла оттуда-то яхта Кернеджи, стоящая 500.000 долларовъ (газетная замѣтка). Естественно деньги и доходы служатъ здѣсь основаніемъ для оцѣнки человѣка. Индивидуальность, неподдающаяся измѣренію особенность личности теряетъ здѣсь всякій смыслъ.

Но нельзя не замѣтить, что привычка сводить всѣ качественныя различія къ измѣренію деньгами опредѣляетъ оцѣнку даже тамъ, гдѣ уже при всемъ желаніи нельзя приложить денежное мѣрило. Оно должно вызывать высокое уваженіе къ величинѣ, какъ таковой, вызывать то направленіе ума, которое является основной точкой душевнаго склада американцевъ, и которое осторожный Вгусе опредѣляетъ, какъ удивленіе передъ всякой величиной, которую можно измѣрить и взвѣсить, будетъ ли это число жителей въ городѣ, число отправляемыхъ почтовыхъ пакетовъ, скорость поѣзда, высота памятника, ширина рѣки, число самоубійствъ, или что-нибудь другое. Это преклоненіе передъ величиной, которое такъ характерно для современнаго американца, пытались объяснить широкимъ протяженіемъ его страны. Но почему же его нѣтъ у китайца или у монгола въ горныхъ странахъ Азіи, почему его нѣтъ у индѣйца, который живетъ въ такой же огромной странѣ. Повсюду, гдѣ у первобытныхъ народовъ развиваются представленія о величинѣ (Grössenvorstellungen), они носятъ, могъ бы я сказать, космическій характеръ: они построены на безконечности звѣзднаго неба, на необъятности степи. Отличительнымъ признакомъ этихъ представленій является ихъ неизмѣримость. Поклоненіе же величинамъ, имѣющимъ числовое выраженіе, могло укорениться въ человѣческой душѣ только благодаря употребленію денегъ, притомъ только благодаря капиталистическому ихъ употребленію (не всякому: ошибка Зиммеля).

Конечно, громадныя пространства американской земли способствовали развитію этой особенности, но все же умъ долженъ былъ прежде пробудиться для цифръ, и только тогда сдѣлалось возможнымъ превратить географическія представленія въ численно измѣримыя величины.

Кто привыкъ придавать значеніе только количеству явленія, тотъ, сравнивая два какихъ-нибудь явленія, будетъ ихъ измѣрять и будетъ отдавать предпочтеніе большему по величинѣ. Имѣть успѣхъ значитъ добиться черезъ извѣстный промежутокъ времени увеличенія одной вещи по сравненію съ другой. Склонность къ величинамъ, поддающимся измѣренію (bigness and greatness) имѣетъ своимъ необходимымъ спутникомъ высокую оцѣнку удачи (Hochwertung des Erfolges): опять бросающаяся въ глаза

своеобразная черта американскаго народнаго духа. Имѣть удачу — всегда значитъ обогнать другого, выдвинуться, больше сдѣлать, больше имѣть, чѣмъ другіе, однимъ словомъ быть «выше» другихъ. Въ виду этого больше всего цѣнится та удача, которая можетъ быть прямо выражена въ цифрахъ: обогащеніе. Сталкиваясь даже съ неторговцемъ, прежде всего смотрятъ, «сколько» онъ можетъ сдѣлать своимъ талантомъ. Если здѣсь не получаютъ никакого удовлетворительнаго результата, то не остается другого исхода, какъ взять «величину» славы за мѣрило его достоинства.

На отношеніи американца къ спорту лучше всего выяснить, о какихъ особенностяхъ душевнаго склада здѣсь идетъ рѣчь. Въ спортѣ его интересуетъ только одинъ вопросъ: кто будетъ побѣдителемъ. Въ Нью-Іоркѣ я присутствовалъ на одномъ собраніи, въ которомъ нетерпѣливо ожидавшей толпѣ передавалось по телеграфу, шагъ за шагомъ, о результатахъ матча, происходившаго въ Чикаго. Это напряженное состояніе вызывалось только интересомъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и являлось результатомъ существованія пари. Путемъ пари удалось свести всю суть спорта къ цифрамъ и деньгамъ. Можно ли себѣ представить, что въ греческ. Palestra держали пари? Конечно, нѣтъ. Здѣсь привлекалъ сердца прежде всего несравнимый личный подвигъ, личная красота и сила, которые въ равной степени можно было цѣнить и у побѣдителя и у побѣжденнаго. Возможно ли пари при испанскомъ боѣ быковъ? Конечно, нѣтъ. А вѣдь, несмотря на это, женщины бросаютъ свои украшенія, мужчины дорогія одежды торреадору, который умѣлъ красиво и изящно нанести смертельный ударъ: художественная оцѣнка.

Особенностями оцѣнки опредѣляется и цѣль желаній американца. Если удача является тѣмъ кумиромъ, которому молится американецъ *), то все его стремленіе заключается въ томъ, чтобы вести жизнь пріятную для его бога. Такъ, у всякаго американца, начиная съ мальчика-газетчика, замѣтно безпокойство, сильное желаніе и стремленіе къ верху, къ господству надъ другими. Не желаніе пріятно и спокойно прожить жизнь, не гармонія углубленной въ себя личности является идеаломъ американца. Стремленіе впередъ—вотъ его идеалъ. И отсюда спѣшка, стремленіе безъ устали, безпощадная конкурренція во всѣхъ областяхъ: если каждый въ отдѣльности стремится получить выгоду, то онъ долженъ стараться опередить другого, начинается стипль-чезъ, погоня за счастіемъ, какъ мы при-

*) Повсюду во всѣхъ сословіяхъ успѣхъ возводится въ божество. И какъ будто все еще недостаточно у него жрецовъ и почитателей, недавно возникъ особый родъ печати, каторая служитъ этому божеству, точно его преданные, посвященные пастыри. Они учатъ набожныхъ его послѣдователей, какъ наиболѣе вѣрнымъ, наиболѣе пріятнымъ путемъ можно добиться его милости, какъ смягчить его пасмурное чело; если онъ гнѣвается, какими искупленіями и обрядами его гнѣвъ можетъ быть успокоенъ. Своему божеству они воспѣваютъ хвалу и разсказываютъ о жизни тѣхъ, на которыхъ особенно очевидно было ниспослано его благословеніе. Всему остальному человѣчеству они кричатъ: „Слѣдуйте нашему совѣту и когда-нибудь вы станете подобны имъ“. *W. J. Ghent*: „Our benevolent feudalism“ (1902), p. 159—60.

выкли нѣсколько тривіально выражаться. Этотъ стипль-чезъ отличается отъ другихъ состязаній въ бѣгѣ лишь тѣмъ, что здѣсь цѣль не стоитъ на мѣстѣ, а все время удаляется отъ бѣгущаго. Безпредѣльнымъ, а не стремленіемъ безъ устали лучше всего назвать такой бѣгъ. Вѣдь всякая погоня за величинами (Streben nach Quantitäten) должна быть безкопечной, такъ какъ величина безпредѣльна.

Эта психологія бѣга на призъ (Weltlaufpsychologie), уже по самому ея существу, вызываетъ потребность въ свободѣ дѣйствій. Нельзя, видя свой жизненный идеалъ въ бѣгѣ на призъ, желать, чтобы скованы были руки и ноги. Требованіе laissez faire является поэтому такимъ догматомъ, такимъ правиломъ американца, съ которымъ неизбѣжно сталкиваешься, когда, выражаясь словами Брайса, прорываешь шахту въ американскомъ народномъ духѣ. Я только немного иначе, чѣмъ Брайсъ, объяснилъ бы всеобщее распространеніе этого стремленія. Конечно, никто не станетъ спорить, что отрицательное отношеніе людей 1776 года ко всякой регламентаціи сверху, ко всякому вмѣшательству государства, однимъ словомъ, доктрина of non interference by government with the citizens появилась, благодаря раціонально-доктринерскому направленію. Современный же американецъ мало печалится о высокихъ принципахъ творцовъ конституцій, пока они не затрогиваютъ его обыденной жизни. И если онъ въ настоящее время такъ упорно держится за принципъ «laissez faire», то только потому, что инстинктивно чувствуетъ, что это единственный вѣрный принципъ для всякаго стремящагося къ личной выгодѣ. Какимъ малымъ доктринерствомъ онъ отличается, и какъ охотно онъ приноситъ въ жертву принципъ, если онъ становится ему на дорогѣ въ его стремленіи впередъ, видно уже изъ того, что тѣ самые американцы, которые написали на своемъ знамени «свобода индивидуальныхъ дѣйствій», нисколько не поколебалась ограничить самымъ безпощаднымъ образомъ эту свободу (мы этого никогда не допустили бы въ нашей самодержавно управляемой Германіи: представьте себѣ законодательное запрещеніе употребленія алкоголя), или же завести совершенно коммунистическіе порядки, при видѣ которыхъ у всякаго свободомыслящаго бургомистра волосы встанутъ дыбомъ (безвозмездная раздача всѣхъ учебныхъ пособій всѣмъ ученикамъ народныхъ школъ въ Нью-Іоркѣ).

Имѣть успѣхъ, переводя на языкъ всякаго американца, значитъ прежде всего «разбогатѣть». Этимъ объясняется, почему то стремленіе безъ устали, которое мы признали за основу американскаго народнаго характера, направилось прежде всего къ хозяйственной жизни. Лучшіе и самые энергичные люди, которые у насъ, въ романскихъ странахъ и Англіи гораздо больше, чѣмъ въ Германіи (Германія, какъ я пытался доказать въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ отношеніи близка къ Америкѣ, хоть и благодаря совершенно другимъ причинамъ), кончали политикой, въ Америкѣ такіе люди обращались къ хозяйственной дѣятельности. Получается даже чрезмѣрная оцѣнка всего, что относится къ хозяйству, притомъ только того, что

относится къ капиталистическому хозяйству, символомъ котораго является цѣнная бумага, котирующаяся на фондовой биржѣ. Такая высокая оцѣнка—результатъ того, что въ хозяйственной дѣятельности скорѣе всего можно достигнуть конечной цѣли. Принимая участіе въ спекуляціи на товары и фонды, широкая публика старается колесо фортуны, гдѣ лежатъ большіе выигрыши, повернуть въ свою сторону. На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ никакой другой страны, гдѣ широкія массы были бы до такой степени вовлечены въ спекуляцію, какъ въ Соед. Штатахъ; нѣтъ другой такой страны, гдѣ бы все населеніе безъ исключенія вкусило бы плода капитализма *).

Этимъ мы и кончимъ область нашихъ наблюденій. За исходную точку мы взяли капитализмъ и изъ него пытались вывести основные элементы американскаго народнаго духа. Существованіе (Betätigung) этого духа, какъ можно видѣть, въ свою очередь способствуетъ укрѣпленію и возрастанію капитализма. Такимъ образомъ особенный «американскій духъ» какъ будто бы снова рождается изъ самого себя и все больше очищается въ spiritus capitalisticus purus rectificatus.

II.

Приведя все это, я вовсе не имѣлъ въ виду дать описаніе американскаго народнаго хозяйства (для этого мнѣ представится случай въ другомъ мѣстѣ). Не имѣлъ я также въ виду изобразить американскую культуру, а также вполнѣ обрисовать американскій народный характеръ. Для всего этого, понятно, нужны были болѣе широкія основанія. Единственной цѣлью этихъ строкъ было скорѣе всего желаніе привести доказательство необыкновенно высокаго развитія капитализма въ Соед. Штатахъ. Надѣюсь, что доказательство можно считать удавшимся, даже если «благосклонный читатель» не послѣдуетъ за мной по всѣмъ смежнымъ путямъ моего разсужденія.

---

*) Лучше всего подмѣтилъ это Брайсъ. Ср. American Common wealth. 2 534 и слѣд. Я не могу себѣ отказать привести in extenso относящіяся сюда мѣста его книги, такъ какъ, разъ Брайсъ замѣтилъ, то мы должны обѣими руками схватиться за это.

„Въ Соед. Штатахъ большая часть населенія, какъ люди свободныхъ профессій, такъ и занимающіеся промышленностью, знакомы съ игрой на биржѣ. Временами все населеніе, не только горожане, но и торговцы провинціальныхъ мѣстечекъ, фермеры, даже прислуга, принимаютъ дѣятельное участіе въ спекуляціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ есть даже конторы (bukel schops), куда направляются фермеры и торговцы для совершенія покупокъ и продажъ на большой фондовой биржѣ Нью-Іорка. Отправьтесь куда хотите въ Соед. Штатахъ—вы почувствуете всюду вокругъ васъ въ атмосферѣ фонды, акціи, облигаціи. Те veniente die—они начнутъ день газетой за завтракомъ, кончатъ болтовней за вечерней сигарой... Склонность къ спекуляціи составляетъ часть ихъ характера; она увеличиваетъ ихъ возбудимость и нервное напряженіе, которыми они такъ гордятся (540).

Это доказательство должно служить только исходной точкой для тѣхъ соображеній, которыя я хочу выставить въ этой статьѣ объ американскомъ пролетаріатѣ. Такъ какъ мы знаемъ, что положеніе класса наемныхъ рабочихъ обусловливается особенностями капиталистическаго развитія, такъ какъ мы уже научены, что всякое «соціальное движеніе» имѣетъ своимъ источникомъ положеніе, созданное капитализмомъ, а слѣдовательно и «современный соціализмъ» есть только отраженное явленіе капитализма,—то дѣлается само собой понятнымъ, почему, желая получить представленіе о положеніи въ странѣ пролетаріата, мы должны исходить изъ разсмотрѣнія экономическаго положенія. Въ особенности плодотворнымъ оказывается такое отношеніе къ Соед. Штатамъ. Такимъ путемъ мы можемъ придти скорѣе всего къ ясной постановкѣ вопроса и избѣжать опасности писать безъ всякаго плана de omnibus rebus et quibusdam aliis.

А именно, если дѣйствительно (какъ я самъ всегда думалъ и нерѣдко высказывалъ) современный соціализмъ вытекаетъ изъ капитализма, какъ реакція противъ него, то страна съ высшимъ развитіемъ капитализма, а потому и Соед. Штаты должны быть одновременно и классической страной соціализма. Ея рабочій классъ долженъ былъ бы явиться представителемъ самаго радикальнаго соціалистическаго движенія. Между тѣмъ повсюду на всѣ лады (жалуясь, если это исходитъ отъ соціалистовъ, и торжествуя, если отъ ихъ противниковъ) слышно утвержденіе въ противномъ. У американскихъ рабочихъ вообще не существуетъ никакого «соціализма». Нѣсколько разорившихся нѣмцевъ, притомъ безъ послѣдователей, вотъ кто примыкаетъ здѣсь къ соціалистамъ. Итакъ, страна безъ соціализма, несмотря на крайне высокое развитіе капитализма. Ученіе о неизбѣжномъ соціалистическомъ будущемъ опровергается фактами дѣйствительности. Для соціальнаго теоретика и политика не можетъ быть ничего важнѣе, какъ доискаться корня этого явленія.

Прежде всего надо задать себѣ вопросъ, насколько вѣрно утвержденіе, что въ Соед. Штатахъ нѣтъ «никакого соціализма», никакого спеціально американскаго соціализма. Въ такой абсолютной формулировкѣ оно безусловно ложно.

Прежде всего существуетъ одна или точнѣе двѣ соціалъ-демократическихъ партіи (въ чисто европейскомъ смыслѣ), которыя находятъ поддержку, во всякомъ случаѣ, не у однихъ нѣмцевъ. Въ 1901 году на конгрессъ соціалистической партіи (Socialist party) въ Индіанополисѣ въ числѣ 124 депутатовъ было не больше 25 иностранцевъ, слѣдовательно приблизительно 20%. Эта партія на послѣднихъ выборахъ президента располагала 403.338 голосами, къ которымъ надо причислить еще около 50.000 голосовъ соціалистической рабочей партіи (Socialist Labor party). Такимъ образомъ въ 1904 году соціалъ-демократы въ Соед. Штатахъ имѣли приблизительно столько же голосовъ, сколько они имѣли у насъ въ 1878 году, или столько же, сколько было подано голосовъ при послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ за свободомыслящихъ и антисемитовъ вмѣстѣ. Несомнѣнно,

число соціалистическихъ голосовъ на выборахъ (по причинамъ, которыя будутъ изложеныя ниже) представляетъ изъ себя минимумъ соціалистически настроенныхъ рабочихъ. Въ противоположность Германіи число ихъ значительно больше, чѣмъ число избирательныхъ соціалистическихъ вотумовъ.

Несмотря на это, всетаки не можетъ быть опровергнуто утвержденіе, что американскій рабочій классъ далекъ отъ соціализма; это по большей части не противорѣчитъ истинѣ. Въ пользу этого взгляда говорятъ прежде всего только что приведенныя цифры статистики выборовъ. Даже если сдѣлать къ нимъ значительную прибавку, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о числѣ соціалистовъ, всетаки число ихъ составитъ ничтожное меньшинство (verschwindende Minorität). Голоса, поданные за соціалистическаго кандидата въ президенты, составляли приблизительно $2^1/_2$ проц. общаго числа голосовъ. Да и это явилось только продуктомъ самаго послѣдняго времени. При выборахъ въ 1900 году соціалистическая партія располагала только 98,417 голосами. Къ этому надо еще добавить, что эти соціалистическіе голоса ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться вполнѣ надежными. Они колеблются изъ года въ годъ весьма значительно, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Были поданы голоса за кандидата соціалистической партіи

въ	1900	1902	1903	1904	1905
Алабамѣ	928	2,313	—	853	—
Колорадо	684	7,431	—	4,304	—
Массачузетсѣ . . .	9,716	33,629	—	13,604	—
Пенсильваніи . . .	4,831	21,910	13,245	21,863	—
Техасѣ	1,846	3,513	—	2,791	—
Городѣ Чикаго . .	—	—	—	44,331	23,323 (выборы мэра).

Послѣ я попытаюсь дать объясненіе этому любопытному явленію, состоящему въ рѣзкомъ колебаніи числа избирательныхъ голосовъ. Теперь же мнѣ надо только констатировать это, чтобы показать, на какихъ еще слабыхъ ногахъ держится соціалистическая партія въ Соед. Штатахъ даже тамъ, гдѣ она уже имѣетъ подъ собой почву.

Выводъ, къ которому приводятъ избирательныя цифры, будетъ подтвержденъ цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ фактовъ, такъ что утвержденіе, изъ котораго мы исходимъ, выигрываетъ въ достовѣрности. Широкіе круги американскаго пролетаріата и прежде всего «сознательные» среди наемныхъ рабочихъ и особенно среди обученныхъ рабочихъ стоятъ вдали отъ соціализма, также какъ и важнѣйшіе ихъ вожди. Такъ настроено большинство выдающихся національныхъ вождей. Однако это положеніе надо принимать cum grano salis. «Далеки отъ соціализма» не значитъ, что они (какъ старые англійскіе сторонники исключительно профессіональнаго движенія) являются сторонниками манчестерства, что они отвергаютъ всякое вмѣшательство государства или реформы въ духѣ государственнаго

соціализма. Преобладающее большинство организованныхъ рабочихъ и ихъ вождей стоитъ за «political action», т.-е. за самостоятельную рабочую политику. И между требованіями, которыя американская федерація труда (слѣдовательно органъ, представляющій большую часть американскихъ рабочихъ союзовъ, которымъ руководитъ «консервативный» Mr. Gompers и въ совѣтѣ котораго засѣдаютъ больше $^{9}/_{10}$ антисоціалистическихъ вождей рабочихъ) ставитъ законодательству, находятся слѣдующія требованія:

3. Введеніе законодательнымъ порядкомъ 8-часового рабочаго дня.

8. Муниципализація городскихъ дорогъ, газа и электричества.

9. Передача государству телеграфа, телефона, желѣзныхъ дорогъ и горнозаводской промышленности.

10. Уничтоженіе частной земельной собственности и замѣна ея правомъ оккупаціи и пользованія [1]).

Всѣ эти требованія указываютъ уже на опасное потрясеніе основъ существующаго общественнаго строя. Въ виду этого возникаетъ вопросъ, въ какомъ смыслѣ я согласился съ тѣми, которые утверждаютъ, что американскій рабочій классъ «далекъ отъ соціализма». Если бы я не боялся употребленіемъ слова, которымъ часто пользуются и которое, признаюсь, не имѣетъ вполнѣ опредѣленнаго значенія, породить недоразумѣнія, то я сказалъ бы: духъ соціализма (какъ мы понимаемъ его теперь въ континентальной Европѣ, т.-е. соціализма марксистской чеканки), чуждъ американскому рабочему, но я лучше выясню въ отдѣльности, о чемъ я говорю.

1. Американскій рабочій (типичный, т.-е. такой рабочій, взгляды котораго являются господствующими среди большинства рабочихъ и ихъ вождей) въ общемъ вовсе не недоволенъ существующимъ положеніемъ вещей, напротивъ, онъ чувствуетъ себя хорошо, доволенъ и жизнерадостенъ—какъ всѣ американцы [2]). Его міровоззрѣніе — самый розовый оптимизмъ; жить и давать другимъ жить—его основное правило. Поэтому всѣ тѣ чувства и настроенія, на которыхъ европейскій рабочій строитъ свое классовое самосознаніе, лишены здѣсь почвы. Нѣтъ никакого основанія для зависти, огорченія и ненависти по отношенію къ тѣмъ, кто больше имѣетъ, кто живетъ въ изобиліи.

2. У рабочаго, какъ и вообще у всѣхъ американцевъ, проявляется безпредѣльный оптимизмъ, вѣра въ особую миссію, величіе своей страны. Вѣра эта часто принимаетъ какъ бы религіозную окраску: американцы—народъ избранный Богомъ, знаменитая соль земли. Брайсъ (2,334) попа-

---

[1]) Политическая программа въ этомъ видѣ была принята на 1894-й годъ на годичномъ собраніи американской федераціи труда; 8 и 9 „Plank“ были приняты единогласно. На собраніи слѣдующаго года прошла резолюція, по которой федерація отказывается отъ установленія цѣльной политической программы; такимъ образомъ программа предыдущаго года не была принята цѣликомъ; отдѣльные пункты однако были приняты. Федерація труда выставляетъ только „legeslative demands“. Для нашего вывода это не имѣетъ значенія.

[2]) Хорошіе знатоки души американскаго народа указываютъ на „air of contentement and enthusiastical cheerfulness“. Проф. William G. Summer цит. по Ghent 123.

даетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, утверждая, что пессимизмъ—роскошь горсти людей; оптимизмъ является какъ утѣхой отдѣльныхъ лицъ, такъ и общимъ исповѣданіемъ 999 изъ тысячи, такъ какъ нигдѣ отдѣльное лицо не «associate himself more constantly and directly with the greatness of his country»; но это значитъ: американскій рабочій отождествляетъ себя съ современнымъ американскимъ государствомъ, онъ стоитъ за звѣздное знамя; онъ настроенъ «патріотически» (какъ это слѣдовало бы выразить въ нѣмецкомъ духѣ). Такъ какъ центробѣжная сила, которая ведетъ къ классовой розни, къ классовымъ противорѣчіямъ, классовой ненависти и борьбѣ (упомянутое выше недовольство) является здѣсь слабѣе, а центростремительная сила, которая побуждаетъ къ поддержанію національнаго и политическаго строя государства, къ «патріотизму» является сильнѣе, то между американскими рабочими и не существуетъ враждебнаго отношенія къ государству, которое такъ присуще континентально-европейскому соціализму. Я думаю, что извѣстный вождь рудокоповъ John Mitchell высказываетъ взглядъ громаднаго большинства, когда онъ говоритъ (organised Labour 219): «рабочіе союзы, которые противятся призыву на военную службу, забываютъ, что они какъ организованные рабочіе составляютъ часть государства и имѣютъ право сами опредѣлять его политику. Профессіональное движеніе тогда только можетъ имѣть успѣхъ въ этой странѣ, если оно отождествляетъ себя съ государствомъ (can make progress only by identifying itself with the State)».

Въ этомъ изслѣдованіи намъ нужно только получить изображеніе, которое отражало бы, какъ можно вѣрнѣе, современное status quo, тенденцій же развитія мы здѣсь не касаемся (изслѣдованіемъ ихъ мы займемся въ слѣдующихъ очеркахъ). Въ виду такого плана мы можемъ не касаться того, что Митчель, представляющій изъ себя средняго рабочаго, т.е. типъ такого рабочаго, который стоитъ въ серединѣ между крайностями, вынужденъ уже понемногу дѣлать уступки самостоятельному классовому самосознанію и зарождающейся классовой розни. За это ему со стороны болѣе консервативныхъ соціалъ-политиковъ уже брошенъ упрекъ въ проповѣди рабочимъ узкаго и исключительнаго чувства солидарности [1]).

3. Американскій рабочій относится не враждебно къ капиталистической хозяйственной системѣ: ни разумомъ, ни чувствомъ. И по этому поводу мнѣ хотѣлось бы опять привести мнѣніе Mitchell'я. Въ своей книгѣ онъ относится вполнѣ опортюнистически къ тому положенію, которое должно занять профессіональное движеніе по отношенію къ капитализму. Это видно изъ слѣдующаго мѣста (Org. Lab. 414 и слѣд.).

Профессіональное движеніе вовсе не имѣетъ въ виду ни сохранить, ни уничтожить систему наемнаго труда во что бы то ни стало. Мы требуемъ постояннаго улучшенія (the constant improvement) положенія рабочихъ, если можно, то съ удержаніемъ, если нельзя, то съ уничтоженіемъ существую-

---

[1]) Ср. Labor Bulletin of Massachuset Nr. 33 (1904), стр. 237 и слѣд.

щей наемной системы.» Его личное мнѣніе, что къ уничтоженію не придется прибѣгать. «Исторія профессіональнаго движенія доказываетъ, что и при существующей наемной системѣ можно достигнуть улучшенія положенія рабочихъ путемъ общихъ усилій рабочихъ и при поддержкѣ со стороны государства».

Другіе извѣстные вожди рабочихъ прямо оттѣняютъ общность интересовъ капитала и труда. Они товарищи въ производствѣ и должны прибыль хозяйства дѣлить въ добромъ согласіи (they are partners and should divide the results of industry in good faith and in good feeling). Если рабочіе разрушаютъ въ своемъ безуміи капиталъ (destroy the capital), то это происходитъ отъ ихъ невѣжества и дурныхъ страстей (the work of ignorance and evil passion). Будущее возстановитъ полную гармонію между капиталомъ и трудомъ; она нарушена теперь только временно [1]).

Но отношенія американскаго рабочаго къ капитализму, какъ я думаю, являются еще болѣе сердечными, чѣмъ они проявляются въ этихъ дружественныхъ заявленіяхъ и знакахъ почтенія. Я думаю: онъ всѣмъ сердцемъ сочувствуетъ капитализму, онъ любитъ его, по крайней мѣрѣ онъ вполнѣ ему преданъ: душой и тѣломъ. Неутомимое стремленіе къ пріобрѣтенію, полное погруженіе въ промышленный механизмъ, страсть къ промышленной дѣятельности замѣчается въ Америкѣ прежде всего у рабочаго. Онъ хочетъ свободно, безъ всякой помѣхи столько заработать, сколько позволяютъ ему его силы. Поэтому мы рѣдко слышимъ жалобы на недостаточную защиту отъ опасности при работѣ (онъ охотно возьметъ на себя рискъ, если только приспособленія для защиты отъ опасности могутъ уменьшить его заработокъ). Этимъ же объясняется, почему мы здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ, наприм., въ Англіи, встрѣчаемъ склонность къ пониженію интенсивности труда (сасапну Tendenzen), враждебное отношеніе къ сдѣльной работѣ или къ техническимъ улучшеніямъ. Что американскій рабочій больше затрачиваетъ свои силы, что онъ производитъ больше, чѣмъ европейскій, я еще буду доказывать подробнѣе въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу. Но эта большая интенсивность его работы есть не что иное, какъ результатъ его всецѣло капиталистическаго душевнаго склада.

Нѣтъ сомнѣнія, что юный Edward I. Gainor, членъ совѣта организованныхъ почтальоновъ, говорилъ совершенно въ духѣ большинства своихъ товарищей по классу, когда онъ въ своемъ рефератѣ «Правительство, какъ работодатель» принципіально сталъ на отрицательную точку зрѣнія по отношенію къ взгляду на правительственныхъ рабочихъ, какъ на чиновниковъ (Arbeiterbeamtentum). Онъ выставилъ слѣдующія соображенія противъ этого.

1) У чиновника нѣтъ никакой надежды создать себѣ собственными силами положеніе въ обществѣ, иными словами, достигнуть богатства.

---

[1]) Рѣчи W. E. M'Even, казначея отдѣленія федераціи труда въ Минезотѣ. Employer and Emloyes, стр. 247 и слѣд.

2) Разъ установленъ maximum содержанія или заработной платы, то нѣтъ никакого стимула повышенія интенсивности труда, такъ какъ только глупецъ, несмотря на отсутствіе вознагражденія (ohne klingenden Erfolg) будетъ напрягать чрезмѣрно свои силы.

3) Чиновникъ болѣе ограниченъ въ своей частной жизни.

4) Чиновнику закрыто политическое поприще, это avenue of human endeavor that offers great attraction for all ambitious Americans [1]).

Своеобразный характеръ организацій рабочихъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что подобный взглядъ, проявляющійся въ такихъ или подобныхъ выраженіяхъ, является дѣйствительно взглядомъ большинства американскихъ рабочихъ, однимъ словомъ—доказательствомъ того, что промышленная жилка господствуетъ среди американскихъ рабочихъ.

Какъ извѣстно, въ Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ четыре различныхъ типа рабочихъ организацій. Одна изъ нихъ—«Рыцари труда»—имѣетъ только прошлое. Время расцвѣта этого общества, болѣе напоминающаго масонскій, чѣмъ современный рабочій союзъ, относится къ серединѣ 1880 года. По причинамъ, на которыхъ здѣсь не стоитъ останавливаться, число рыцарей труда возросло 1883—1886 годъ съ 52,000 до 703,000. Въ 1888 году уже снова упало на половину. «Рыцари труда», какъ я уже говорилъ, не были профессіональнымъ рабочимъ союзомъ въ современномъ смыслѣ: они ничего не хотѣли знать о союзахъ по профессіямъ, чувствовали отвращеніе (perhorresz ierten) къ стачкѣ и т. д. Въ настоящее время они уже при послѣднемъ издыханіи.

Другая группа рабочихъ организацій имѣетъ (въ лучшемъ случаѣ) только будущее: это соціалистически настроенные и соединенные въ American Labor Union рабочіе союзы Запада. Число ихъ членовъ еще незначительно, они представляютъ оппозиціонное меньшинство и потому для насъ не идутъ въ счетъ.

Третья группа не имѣетъ ни прошлаго, ни будущаго, да и въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія. Это Socialist Trade and Labor Alliance (основана de Leon'омъ въ 1895—1896 г. для оппозиціи рабочимъ союзамъ.)

Наконецъ, самую значительную, четвертую группу, которая только и имѣетъ въ настоящее время значеніе, составляютъ рабочіе союзы, соединенные въ американскую федерацію труда. Число организованныхъ рабочихъ, которые сконцентрировались около американской федераціи труда, страшно увеличилось за послѣднія 10 лѣтъ: въ 1896 г. 272,315, 1900—548,321; 1904—1.676,200, что составляетъ больше $^4/_5$ организованныхъ рабочихъ Америки.

Рабочія организаціи, объединенныя въ такомъ большомъ союзѣ, естественно не отличаются однообразнымъ характеромъ. Такъ какъ и рабочіе соціалистически настроенные и принадлежащіе къ Socialist Party относятся

---

[1]) Employer and Employes, стр. 100 и слѣд.

съ большимъ (интересомъ) пыломъ къ дѣлу профессіональнаго движенія, и такъ какъ значительная часть союзовъ, гдѣ господствующее положеніе занимаютъ такіе рабочіе, примкнула къ американской федераціи труда, то на годичныхъ собраніяхъ можно услыхать совершенно соціалъ-демократическія рѣчи, но зато, съ другой стороны, и ultra-консервативныя. Но, какъ я уже указывалъ, руководство дѣлами федераціи находится не въ соціалистическихъ рукахъ. Громадное большинство примкнувшихъ къ ней союзовъ (впрочемъ, сила ихъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ составу исполнительнаго совѣта) придерживается выше обрисованнаго взгляда на сущность американскаго рабочаго вопроса, такъ что въ ихъ политикѣ отражается все тотъ же спеціально американскій народный духъ, или лучше было бы сказать англо-саксонскій. Политика американскихъ тредъ-юніоновъ мало чѣмъ отличается отъ политики старыхъ англійскихъ тредъ-юніоновъ. Они стоятъ на чисто-профессіональной точкѣ зрѣнія, которая ведетъ ихъ къ тому, чтобы преслѣдовать интересы представляемыхъ ими промышленныхъ группъ, путемъ политики обособленія и монополій, оставляя безъ вниманія интересы всего пролетаріата, какъ класса, главнымъ же образомъ интересы необученныхъ рабочихъ [1]). У нихъ замѣчается совершенно аналогичная цехамъ тенденція къ замкнутымъ организаціямъ (Abschliessungstendenzen) [2]); благодаря этому они содѣйствуютъ вертикальному раздѣленію пролетаріата. Это, конечно, задерживаетъ сплоченіе рабочихъ въ одинъ классъ съ замкнутой политикой. Полнѣе всего проявляется эта Business-Politik въ соединеніи въ альліансы рабочихъ союзовъ и предпринимателей, одинаково стремящихся къ монополіи; это организаціи для совмѣстной эксплоатаціи публики со стороны соединенныхъ рабочихъ и предпринимателей какой-нибудь отрасли промышленности. Такіе рабочіе союзы можно назвать капиталистическими, такъ какъ они вырѣзаны изъ того же дерева, какъ и капитализмъ. Ихъ стремленія и ихъ дѣйствія вовсе не направлены на уничтоженіе капиталистической системы хозяйства, а скорѣе на ея развитіе и укрѣпленіе. Такимъ союзамъ надо противопоставить соціалистическіе, которые хоть и приспособливаютъ свою политику для полученія результата уже въ настоящемъ, однако не упускаютъ изъ виду и классовую борьбу пролетаріата противъ капитализма.

Итакъ, корень американскаго профессіональнаго движенія имѣетъ капиталистическій характеръ: «тредъ-юніонизмъ это способъ достигнуть улучшенія положенія рабочаго при условіи широкой организаціи современнаго промышленнаго люда». «The collective bargaining is a business matter». Такъ

---

1) Много союзовъ требуютъ высокихъ вступительныхъ взносовъ, до 50 долларовъ (210 марокъ), (Granit cutters, Flint Glas workers только съ иностранцевъ и др)., большинство ограничиваетъ число учениковъ.

2) Главнымъ предметомъ споровъ между рабочими союзами являются споры изъ-за права на промыселъ (Kompetenzstreitigkeiten) Въ періодъ цеховаго строя отдѣльные цехи вѣроятно гораздо рѣже, чѣмъ теперь рабочіе союзы, ссорились изъ-за этого: вѣдь въ то спокойное время техническія улучшенія были не такъ часты.

опредѣляютъ суть американскаго профессіональнаго движенія лучшіе его знатоки.

Что вожди профессіональнаго движенія, не отказываясь отъ рѣшительной битвы изъ-за улучшенія положенія рабочаго, всетаки не думаютъ оставлять почву капиталистической хозяйственной системы видно изъ ихъ отношенія къ стремленіямъ буржуазныхъ соціальныхъ реформаторовъ. Это ихъ отношеніе опредѣлилось уже нѣсколько лѣтъ. Здѣсь у американскихъ рабочихъ проявляется совершенно иной духъ, чѣмъ у европейскихъ рабочихъ или по крайней мѣрѣ у рабочихъ европейскаго материка. Хотя они и настроены оппозиціонно по отношенію къ предпринимателямъ, поскольку дѣло касается опредѣленія условій работы, но они готовы идти рука объ руку со всякимъ буржуа, который хочетъ поддержать ихъ въ этой борьбѣ. Ихъ представители также часто и охотно садятся за столъ вмѣстѣ съ тѣми предпринимателями, которые хотятъ сойтись съ рабочими на почвѣ «равноправія». Имъ недостаетъ, стало быть, спеціально пролетарско-соціалистическаго сознанія противоположности интересовъ, которое отличаетъ большинство нашихъ рабочихъ. Отношеніе Германіи къ Америкѣ будетъ, стало быть, слѣдующее: у насъ меньшинство, и навѣрно не отборное меньшинство, рабочихъ желаетъ придти въ соприкосновеніе съ буржуазными соціалъ-реформаторами, напримѣръ, съ союзомъ соціальныхъ реформъ, тогда какъ огромное большинство организованныхъ рабочихъ настаиваетъ на упорной классовой противоположности по отношенію ко всѣмъ буржуазнымъ друзьямъ. Въ Америкѣ наоборотъ,—вожди профессіональныхъ союзовъ, (а за ними стоятъ безспорно сливки организованнаго рабочаго класса) вступаютъ въ National civil Federation [1]), которая соотвѣтствуетъ нашему союзу соціальныхъ реформаторовъ. Въ этой организаціи они идутъ одной дорогой съ непартійными соціалъ-реформаторами и предпринимателями. И только незначительная доля (у насъ большинство) негодуя стоитъ въ сторонѣ.

Такимъ образомъ мы въ правѣ сказать: въ Америкѣ нѣтъ соціализма. Вопросъ, вытекающій изъ этого положенія и имѣющій, какъ практическій, такъ и теоретическій интересъ, можно формулировать такъ: Соединенные Штаты есть страна высшаго капиталистическаго развитія. Ея хозяйственная организація представляетъ будущее нашей хозяйственной организаціи. Что въ 1867 году Марксъ имѣлъ право сказать объ Англіи, мы должны

---

[1]) N. C. F. задается цѣлью свести поближе (persönliche Fühlung) предпринимателей съ рабочими, чтобы смягчить противоположности между ними и въ особенности, выступать посредниками въ случаѣ стачекъ. „Executive Comitee состоитъ изъ трехъ частей: 15 предпринимателей, 15 непартійныхъ (изъ публики); изъ нихъ добрая половина имѣетъ совершенно капиталистическую окраску: сюда принадлежатъ Andrew Carnegie, Grower Cleveland, Oscar S. Strauss, банкиры Seligman, James Speyer, и наконецъ 16 представителей отъ рабочихъ, во главѣ которыхъ стоятъ S. Gompers и J. Mitshell. Официальный органъ N. C. F. занимается особаго рода спортомъ: въ каждомъ номерѣ онъ воспроизводитъ фотографіи какихъ-нибудь извѣстныхъ руководителей рабочихъ союзовъ рядомъ съ фотографіями крупныхъ предпринимателей.

примѣнить теперь къ Америкѣ, когда изслѣдуемъ ея хозяйственныя условія: de te fabula narratur, Europa. Эта страна нашего будущаго имѣетъ теперь несоціалистическій въ корнѣ рабочій классъ. Ожидаетъ ли и насъ въ будущемъ тоже нѣчто подобное? Можетъ быть, мы были не правы, когда смотрѣли на соціализмъ, какъ на неизбѣжное послѣдствіе капитализма. Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ изслѣдованія тѣхъ причинъ, которыя привели американскаго рабочаго къ его своеобразному способу мышленія. При этомъ ссылки на специфическій американскій «духъ» не могутъ удовлетворить насъ, потому что у насъ сложилось извѣстное, опредѣленное понятіе о сущности научнаго метода. Скорѣе всего мы нападемъ на слѣдъ причинъ этого, если поставимъ своей задачей выясненіе особыхъ историческихъ, политическихъ, экономическихъ, вообще соціальныхъ условій существованія американскаго пролетаріата. Какъ скоро намъ удастся опредѣлить и объяснить, исходя изъ этихъ условій существованія, душевный складъ американскаго рабочаго класса, то возникнетъ дальнѣйшій вопросъ: на какомъ фундаментѣ покоятся эти условія. Надо ли считать этотъ фундаментъ укрѣпленнымъ на долгое время, будетъ ли онъ и въ будущемъ поддерживать то же зданіе, которое воздвигнуто на немъ теперь, или же онъ заколеблется, а съ нимъ, конечно, грозитъ заколебаться и надстройка? Что, выражаясь не фигурально, условія существованія американскаго рабочаго останутся такими же на долгое время, что они свойственны только Америкѣ или же вообще находятся на пути капиталистическаго развитія или же они подвергнутся измѣненію? Если это послѣднее окажется вѣрнымъ, то возникаетъ другой вопросъ. Что условія существованія американскаго рабочаго будутъ ли аналогичны европейскимъ, вызвавшимъ соціализмъ условіямъ? Будетъ ли и въ Америкѣ приготовлена почва для соціализма? Этотъ вопросъ можно поставить еще въ болѣе общей формѣ: замѣчается ли тенденція къ единообразію въ современномъ соціальномъ движеніи, или же намъ надо считаться съ національными различіями этого движенія? Если замѣчается тенденція къ единству, то направляется ли движеніе въ сторону соціализма, или же отъ него? Представляется ли будущее Америки и Европы одинаковымъ или различнымъ? Если одинаковымъ, то какая страна,—Америка или Европа—является страной будущаго?

Дать матеріалъ для отвѣта на намѣченные здѣсь вопросы и составляетъ задачу слѣдующихъ очерковъ.

Перев. Н. Ш.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одинъ изъ послѣднихъ шестидесятниковъ *).

(Изъ воспоминаній о В. В. Лесевичѣ.)

Умираютъ послѣдніе шестидесятники. Умеръ Сѣченовъ, черезъ нѣсколько дней умеръ и Лесевичъ. Оба они были люди науки, но на обоихъ реформаторское движеніе шестидесятыхъ годовъ наложило свой прочный отпечатокъ. Оба остались до глубокой старости молоды душой, отзывчивы на народныя нужды, чутки къ запросамъ жизни.

Перваго я слушалъ въ Новороссійскомъ университетѣ въ 70-хъ годахъ. Онъ никогда не выходилъ изъ рамокъ науки на своихъ лекціяхъ. Онъ не искалъ популярности и былъ беззавѣтно преданъ наукѣ. Но онъ въ то же время находилъ досугъ, чтобы глубоко вдумываться въ вопросы современной жизни. Приблизительно въ это время онъ велъ полемику съ Кавелинымъ на страницахъ *Вѣстника Европы* о задачахъ психологіи, и мы, студенты, зачитывались его статьями.

Ближе мнѣ удалось впослѣдствіи познакомиться съ Вл. Викт. Лесевичемъ. Я его въ 1889 г. въ Петербургѣ встрѣчалъ у Ник. Конст. Михайловскаго, на литературныхъ журфиксахъ. Это было время глухой реакціи. Большая часть демократическихъ изданій была закрыта по распоряженію правительства, а новыя изданія не разрѣшались. Сотрудники *Отечеств. Зап.* и *Дѣла* собирались то у Михайловскаго, то у Лесевича обсуждать разныя комбинаціи для обхода наложеннаго на прогрессивный лагерь запрета, но ни къ чему не приходили. Возникшій въ 1885 г. *Сѣверный Вѣстн.* г-жи Евреиновой уже не удовлетворялъ кружокъ Михайловскаго, и члены этого кружка понемногу покидали журналъ. Въ описываемое время, вслѣдъ за Михайловскимъ, Гл. Успенскимъ, Лесевичемъ, вышелъ и Южаковъ. Лишь спустя два года этому кружку удалось пріобрѣсти у г. Оболенскаго *Русское Богатство*, но и тутъ вскорѣ вышли нелады. Журналъ оставили С. Н. Кривенко и О. Н. Попова и основали *Новое Слово*, но

---

*) Редакція имѣетъ въ виду почтить статьею память В. В. Лесевича, который съ 1887 года былъ дорогимъ высокоцѣнимымъ сотрудникомъ „*Русской Мысли*“. Послѣдняя его статья появилась у насъ въ іюлѣ прошлаго года. *Ред.*

ненадолго. Почти во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ принималъ дѣятельное участіе Лесевичъ и его глубоко волновали неудачи его кружка.

Приблизительно въ это же время я вмѣстѣ съ моими братьями сталъ издавать въ Тифлисѣ ежедневную газету *Новое Обозр.* Вотъ тутъ-то мнѣ пришлось убѣдиться въ безконечномъ альтруизмѣ покойнаго В. В. Лесевича. Этотъ философъ, столичный литераторъ, находилъ время оказывать горячую поддержку то нашему маленькому провинціальному изданію, приходя всегда на помощь своими добрыми совѣтами, то маленькимъ, начинающимъ литераторамъ, не находящимъ себѣ мѣста для работы въ столичной прессѣ. Нуженъ ли опытный корректоръ, къ кому намъ обратиться, какъ не къ безконечно доброму Лесевичу? Нуженъ ли опытный критикъ и журнальный обозрѣватель, обращаемся все къ тому же Лесевичу... А вотъ нужна какая-то непріятная справка въ столичныхъ учрежденіяхъ, и тутъ нѣтъ у насъ лучшаго друга, какъ Лесевичъ, который можетъ помочь.

Особенно онъ любилъ поддерживать начинающихъ литераторовъ. Если кто изъ нашихъ сотрудниковъ попадалъ въ Петербургъ, то онъ зналъ только одного человѣка, который проявлялъ тамъ теплое участіе къ судьбѣ маленькаго провинціальнаго литератора; это былъ Лесевичъ, безконечно добрый и гостепріимный. Я помню ту радость, съ какою онъ открылъ талантъ г. Вересаева. Первая крупная повѣсть послѣдняго «Безъ дороги» появилась въ 1895 г. въ *Русск. Богат.* и встрѣтила сочувственный отзывъ прежде всего въ редактируемой мною газетѣ. Лесевичъ обратилъ на это вниманіе и былъ очень радъ. При его посредствѣ мнѣ удалось заручиться сотрудничествомъ г. Вересаева. Онъ напечаталъ у насъ «Прекрасную Елену» и затѣмъ еще одинъ очеркъ изъ дѣтской психологіи.

По этому поводу Лесевичъ пишетъ мнѣ 29 апрѣля 1897 г.:

„Я былъ очень обрадованъ, увидя въ вашей газетѣ Вересаева во второй разъ и затѣмъ Баранцевича. Маминъ, котораго я видѣлъ вчера, горячо увѣрялъ меня, что непремѣнно напишетъ для васъ, а о Сѣрошевскомъ я и не сомнѣваюсь. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, онъ зайдетъ къ вамъ съ моей карточкой и, быть можетъ, уже и съ готовымъ разсказомъ. Идея этого разсказа мнѣ очень понравилась и если изложеніе удастся,—это будетъ разсказъ превосходный".

Въ другомъ письмѣ, отъ 3 іюня 1896 г., Лесевичъ пишетъ мнѣ все о г. Вересаевѣ:

„Очень бы хотѣлось застать его по возвращеніи устроившимся въ Петербургѣ. Пока еще обстоятельства его остаются невыясненными и мѣсто при больницѣ за нимъ не закрѣплено".

Такою же теплотой отличаются его отзывы о нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ писателяхъ. Можно вспомнить, наприм., отзывъ Лесевича о безвременно погибшемъ молодомъ поэтѣ Корсакѣ (К. Александровъ) въ *Русской Мысли* (кн. VIII, 1898 г.).

Но насколько Лесевичъ былъ трогательно внимателенъ къ писателямъ прогрессивнаго лагеря, настолько же онъ былъ рѣзокъ и желченъ въ отзывахъ о писателяхъ-мракобѣсахъ или перебѣжчикахъ изъ одного лагеря въ другой. Пересматривая письма покойнаго ко мнѣ, я нахожу самые не-

годующіе отзывы о В. Величкѣ. Послѣдній, какъ бывшій сотрудникъ столичныхъ либеральныхъ журналовъ, заручился сотрудничествомъ писателей прогрессивнаго лагеря для издававшагося имъ въ то время (1897—99 гг.) офиціальнаго *Кавказа*. Величко въ то же время сталъ беззастѣнчиво заниматься провокаціей. Прикидываясь либераломъ, онъ предпринялъ на страницахъ офиціальнаго органа травлю противъ армянской интеллигенціи и вообще всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ Кавказа. Онъ противился введенію тамъ земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ и открытію высшаго учебнаго заведенія, причемъ орудіемъ борьбы былъ избранъ доносъ. Какъ ни далекъ былъ Величко отъ столицъ, въ столицахъ нѣкоторые все же угадали политику его и отстали отъ него (гг. Гольцевъ, Станюковичъ и Джаншіевъ); но нѣкоторые, по невѣдѣнію или по своему безразличію, продолжали числиться сотрудниками Величко. Въ числѣ послѣднихъ былъ и покойникъ Влад. Соловьевъ.

Вспоминая объ этомъ послѣ смерти В. Соловьева, Лесевичъ пишетъ мнѣ въ 1900 г.:

„Обскурантизмъ послѣднихъ лѣтъ сказывается! Чего только не писали о Соловьевѣ?... Я думаю, что скоро въ великую заслугу ставить будутъ, если русскій философъ выскажется противъ людоѣдства, а тамъ проповѣдуй хоть шаманизмъ. Кричатъ въ одинъ голосъ: талантъ, талантъ!... И какъ разъ величайшіе философы XIX в. Кантъ, Контъ, Авенаріусъ таланта не имѣли. И еще: свою философію, говорятъ, искалъ. А Чернышевскій своей не искалъ, а обществу послужилъ: обскурантизма не проповѣдывалъ. Горе намъ, что общественный критерій куда-то ухнулъ“.

Въ 1897 г. Лесевичъ предпринялъ чтеніе публичныхъ лекцій въ южныхъ городахъ Россіи и заѣхалъ также на Кавказъ. Но эта поѣздка обошлась ему не дешево. Всюду онъ сильно волновался. Ему не было разрѣшено чтеніе лекцій въ Петербургѣ, вѣроятно, потому что онъ передъ тѣмъ, въ теченіе 10 лѣтъ, находился въ административной ссылкѣ. Говорю «вѣроятно», такъ какъ трудно допустить, чтобы темы лекцій могли бы пугать правительство. Лесевичъ читалъ о такихъ сухихъ, научныхъ матеріяхъ, какъ фольклоръ, философія Авенаріуса и т. п. Но у насъ, какъ въ Турціи, нѣтъ закона, а все зависитъ отъ случая, вѣрнѣе, отъ произвола мѣстныхъ властей. То, что считается совершенно законнымъ въ одномъ городѣ, оказывается недопустимымъ въ другомъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ пріѣхать на Кавказъ, Лесевичъ велъ продолжительную переписку со мной. Въ Тифлисѣ у него нашлись кое-какія связи и онъ успѣлъ здѣсь прочесть три лекціи, а во Владикавказѣ не было такихъ связей, разрѣшенія пришлось бы ждать долго, и поэтому лекцію онъ прочелъ только въ частномъ домѣ.

Лесевичъ былъ въ Тифлисѣ въ разгаръ человѣконенавистническаго режима кн. Голицына и его правой руки—Величка. Даже мысль объ открытіи для Кавказа хоть одного высшаго учебнаго заведенія считалась преступною. Когда Лесевичъ спросилъ меня: на что именно пожертвовать сборъ отъ его лекцій, то я указалъ на проектируемый политехникумъ.

Въ то время вопросъ о послѣднемъ былъ возбужденъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ и собирались пожертвованія мѣстными общественными учрежденіями, но собирались тайкомъ, такъ какъ официальнаго разрѣшенія не было. Правда, не было и запрещенія, такъ какъ было бы слишкомъ скандально запрещать сборъ денегъ на учебное заведеніе. Но все же Лесевичу не разрѣшили публиковать, что сборъ съ лекцій предназначенъ для будущаго кавказскаго политехникума. Когда Лесевичъ изумленно спросилъ у учебнаго начальства, откуда такая немилость къ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, то ему намекнули: во всемъ, молъ, виноватъ сепаратизмъ армянъ и грузинъ.

Лесевичъ съ горечью передавалъ мнѣ дикія бесѣды, которыя вели съ нимъ въ канцеляріи попечителя учебнаго округа. Тамъ ему разсказали фантастическія басни о сепаратизмѣ кавказскихъ туземцевъ, чтобъ оправдать свою преступную агитацію противъ открытія въ краѣ какихъ бы то ни было новыхъ школъ. Вскорѣ, придравшись все къ тому же «сепаратизму», начальство закрыло и старыя армянскія школы.

Лесевичъ, самъ испытавшій на своей шкурѣ всѣ прелести подобныхъ гоненій у себя на родинѣ, въ Малороссіи, гдѣ основалъ народную школу, прекрасно понималъ наше печальное положеніе и горячо негодовалъ на варварство тогдашняго нашего начальства.

Трудно было тогда существовать и печати, особенно провинціальной. До пріѣзда Лесевича въ Тифлисъ было совершено покушеніе на жизнь одного изъ членовъ нашей редакціи, въ отместку за помѣщеніе въ газетѣ отчета объ одномъ мѣстномъ общественномъ учрежденіи. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, Лесевичъ мнѣ писалъ:

Страшно подумать, до какой степени трудна еще у насъ та форма общественной службы, которую вы съ вашимъ братомъ несете! Придетъ время, быть можетъ, когда просто-таки не подъ силу будетъ и представить себѣ эту картину во всей ея полнотѣ! Съ одной стороны—цензура, чиновники, большею частью тупые, трусливые, чуждые духовныхъ интересовъ; съ другой—профессіональные и волонтеры-шпіоны, доискивающіеся до матеріала для доносовъ въ тѣхъ писаніяхъ, которыя кругомъ, вдоль и поперекъ изрѣзаны уже зубами цензора; съ третьей—дикіе инстинкты всякихъ прохвостовъ, которымъ съ ихъ „моему нраву не препятствуй!“ нѣтъ удержу; съ четвертой—читатель, который только почитываетъ и или молчитъ, или, того и гляди, не можетъ переварить прочитанное. Писатель, редакторъ, подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ,—еще ли не мученикъ! И если онъ добровольно все же виситъ и виситъ на избранномъ имъ крестѣ, то сколь же велика должна быть увѣренность его въ томъ, что мученичество его спасительно, что оно побѣдитъ рано или поздно и скорпіоновъ, и гадовъ, и бѣшеныхъ собакъ, и необозримыя стада всякихъ дикихъ тварей! Тамъ, сямъ мелькающія искры въ самомъ дѣлѣ убѣждаютъ страстотерпца, что въ конечномъ итогѣ схваченный имъ бичъ окажется всѣхъ сильнѣе, а пока, пока... что надо переиспытать, что надо перетерпѣть? Отъ колоса до колоса не слышно человѣческаго голоса. Такова еще наша нива убогая. Писатель понялъ писателя,—это еще что? Гдѣ читатель? Гдѣ публика? Я еще ее въ глаза не видѣлъ.

Нелегко жилось и въ столицахъ. Пріѣхавъ изъ Петербурга въ Полтавскую губ., лѣтомъ 1900 г., Лесевичъ писалъ мнѣ:

Тяжелыя времена приходится переживать, и особенно тяжело потому, что ничего нельзя понять! Хотя надъ печатью вмѣсто помѣшаннаго С. поставленъ имъ какъ будто и порядочный человѣкъ, но дѣла не пошли лучше. Новый командиръ печати самъ на какого-то командира оглядывается и въ результатѣ—тотъ же хаосъ. Представьте себѣ, что какой-то цензурный комитетъ—варшавскій, что ли?—словомъ тотъ, черезъ который сюда идутъ иностранныя книги изъ Лейпцига *„вернулъ назадъ“* выписанныя мною „сказки, пословицы и пѣсни“. Безобразіе небывалое! Я въ бытность мою въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ, лично жаловался кн. Шаховскому: онъ обѣщалъ принять мѣры къ разсмотрѣнію вопроса, но на вопросъ,—правильно ли поступилъ комитетъ,—не могъ дать никакого отвѣта. Онъ учтивъ и приличенъ, но толку изъ этого нѣтъ никакого.

Пожелаемъ, чтобъ это время угнетенія свободной мысли прошло для насъ безвозвратно. Тогда жизнь такихъ преданныхъ наукѣ и общественнымъ интересамъ дѣятелей, какимъ былъ Лесевичъ, не будетъ протекать незамѣтно и безъ существенной пользы для массъ.

Въ рамки настоящей короткой замѣтки не входилъ разборъ литературной и научной дѣятельности покойнаго. Нужно надѣяться, что для этой задачи найдется болѣе компетентное, чѣмъ пишущій эти строки, лицо. Если при жизни Л. не дождался достойнаго себя критика, то пусть, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти найдется такой.

Г. Тумановъ.

Письмо въ редакцію*).

Передавая на страницы уважаемаго журнала романъ «Въ бурные годы: I Отливъ. II Въ народъ. III Впередъ!» — считаю не лишнимъ объяснить его запоздалое появленіе.

Романъ написанъ въ концѣ 80-хъ годовъ, но напечатать оказалось невозможнымъ, несмотря на преимущественно психологически-бытовой характеръ картины. Между тѣмъ, именно разсчетомъ своевременнаго печатанія опредѣлились тѣ рамки, въ какія вылились пережитыя впечатлѣнія перваго освободительнаго движенія и сопутствующей эволюціи русской семьи.

По отношенію къ этой эпохѣ, до настоящихъ дней замурованной мертвыми печатями полицейскихъ цензуръ, мнѣ представлялись высоко цѣнными каждый непосредственный отпечатокъ личныхъ переживаній, наблюденій, знакомства. Исторія фактовъ, событія — не пропадаютъ, но живая душа минувшаго рисуется сухо и неполно сквозь призму иныхъ настроеній новой дѣйствительности. Многія тонкія черты, не закрѣпленныя по живому слѣду, и вовсе не могутъ уже быть возстановлены «по памяти» даже и современниками: Tempora mutantur et nos mutamur in illis.

Я лишній разъ убѣдилась въ этомъ, приготовляя для печати старую рукопись. Вотъ почему воздерживаюсь отъ соблазна внести возможныя добавленія нынѣшней сравнительной безцензурности—хотя вполнѣ сознаю всю силу боевой исключительности сегодняшнихъ настроеній читателя. Самое заглавіе не блѣдно ли звучитъ въ настоящій грозный часъ? Но не забудемъ же, что эти грозы родились изъ тѣхъ весеннихъ бурь.

Первые этапы великой русской революціи скоро дождутся своей правдивой исторіи. Я счастлива въ нее внести мою скромную иллюстрацію съ натуры.

Ольга Шапиръ.

---

*) Письмо запоздало, поэтому не могло появиться въ видѣ предисловія къ роману. *Ред.*

Журнальное обозрѣніе.

На основаніи мемуаровъ нѣкоторыхъ изъ шлиссельбургскихъ узниковъ, а также на основаніи устныхъ разсказовъ и писемъ, г. Мельшинъ въ октябрьской книгѣ *Русскаго Богатства* воспроизводитъ наиболѣе потрясающіе эпизоды и черты изъ мрачной исторіи шлиссельбургской крѣпости («Шлиссельбургскіе мученики»).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что страшная одиночная крѣпость содержалась, несомнѣнно, изъ «принципа», ради котораго, несмотря на сравнительно небольшое число арестантовъ, правительство въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ держало тамъ отдѣльное жандармское управленіе и при немъ сотню пѣшей жандармской команды, тратя на все это по 75 тысячъ рублей въ годъ. На дверяхъ, которыя вели въ шлиссельбургскіе казематы, было какъ бы начертано: «оставь надежду навсегда». Всѣ манифесты, всѣ амнистіи миновали шлиссельбуржцевъ; пожизненное одиночное заключеніе, мрачный гробъ должны были играть роль постоянной угрозы революціонному движенію, угрозы, быть можетъ, болѣе дѣйствительной, чѣмъ сама смертная казнь. До 1884 года, когда тогдашній палачъ русской свободы Дмитрій Толстой остановился на мысли реставрировать историческій застѣнокъ самодержавія—Шлиссельбургскую крѣпость, наиболѣе важные политическіе преступники содержались въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Каторжный одиночный режимъ этой крѣпости, находящійся въ центрѣ столицы, былъ такъ безчеловѣченъ, что заключенные вскорѣ стали одинъ за другимъ умирать отъ цынги, туберкулеза и сумасшествія (Михайловъ, Оболешевъ, Баранниковъ, Клѣточниковъ, Лангансъ, Колодкевичъ, Ширяевъ, Телаловъ и др.) Къ нѣкоторымъ примѣнялась особо звѣрская утонченная жестокость.

Изъ нихъ, кромѣ Нечаева, прежде всего слѣдуетъ помянуть Александра Михайлова и Клѣточникова. Александра Михайлова, на ряду съ Желябовымъ, дѣйствительно, можно назвать душою народовольческаго движенія; его замѣчательнымъ конспираторскимъ талантамъ оно обязано было успѣхомъ самыхъ смѣлыхъ и сложныхъ своихъ предпріятій, и ненавидѣть этого человѣка у русскаго правительства было достаточно основаній. Именно Александръ Михайловъ пристроилъ своего товарища Клѣточникова на службу въ знаменитое третье отдѣленіе, эту грозную цитадель то-

гдашняго самодержавія. Около трехъ лѣтъ работалъ тамъ Клѣточниковъ, не переставая все время осторожно сноситься съ членами исполнительнаго комитета, и начальство было имъ такъ довольно, что быстро возвышало по служебной лѣстницѣ и осыпало наградами. Въ одинъ прекрасный день ему былъ пожалованъ орденъ Станислава, и народовольцы, шутя, поздравляли другъ друга съ полученіемъ ордена. Благодаря Клѣточникову, у третьяго отдѣленія все валилось изъ рукъ, неудача постигала его за неудачей, а предпріятія исполнительнаго комитета, напротивъ, увѣнчивались блестящими успѣхами. Надъ знаменитымъ учрежденіемъ уже начинали витать подозрѣнія, и императоръ Александръ II получилъ однажды формальный доносъ, что тамъ именно гнѣздится измѣна... Переполохъ былъ огромный, и, однако, самъ Клѣточниковъ оставался внѣ тѣни какого-либо подозрѣнія. Его погубила пустая случайность. Въ квартирѣ, на которую онъ явился для свиданія съ товарищами-заговорщиками, въ ночь передъ тѣмъ произведенъ былъ обыскъ и арестъ, по предписанію второстепенной полицейской власти, о чемъ Клѣточниковъ еще не былъ извѣщенъ, и онъ попался въ ловушку... Злобѣ жандармовъ не было границъ, и когда осужденный въ февралѣ 1882 г. на смерть, но „помилованный“ онъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій равелинъ, къ нему примѣнены были самыя изысканныя мученія, о подробностяхъ которыхъ пока молчатъ жандармскіе застѣнки.

Второй замѣчательный агитаторъ Сергѣй Нечаевъ, запрятанный въ Алексѣевскій равелинъ, сдѣлалъ тамъ нѣчто удивительное: онъ привлекъ къ себѣ загрубѣлыя сердца солдатъ-тюремщиковъ. Преданность ему распропагандированныхъ солдатъ, не иначе называвшихъ Нечаева, какъ «нашъ орелъ», была такъ велика, что они изъявляли, напр., готовность арестовать самого императора въ одно изъ его посѣщеній крѣпости; и впослѣдствіи въ ссылкѣ они принадлежали къ числу наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ товарищей (Тонышевъ, Штырловъ.)

Опираясь на сочувствіе и помощь гарнизона, Нечаевъ, черезъ сидѣвшаго въ томъ же Алексѣевскомъ равелинѣ народовольца Степана Ширяева, завелъ регулярныя сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ. Послѣдній поставилъ, между прочимъ, передъ Нечаевымъ дилемму: новая попытка цареубійства или освобожденіе изъ крѣпости всѣхъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и самого Нечаева. Второе исключало, конечно, первое: совершись, въ самомъ дѣлѣ, такое крупное событіе, какъ побѣгъ изъ Петропавловской крѣпости,—изъ этой надежнѣйшей твердыни самодержавія,—его злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ,—и напуганный царь, навѣрное, поспѣшилъ бы герметически закупориться въ одномъ изъ своихъ отдаленныхъ дворцовъ-крѣпостей; террористическіе планы исполнительнаго комитета были бы на долгое время разрушены. Безъ малѣйшаго колебанія Нечаевъ отклонилъ проектъ своего освобожденія. Событіе 1 марта 1881 года совершилось.

Дальнѣйшая судьба Нечаева неизвѣстна, но послѣ заговора въ Петропавловской крѣпости въ августѣ 1884 г. поплыла въ Шлиссельбургъ первая баржа съ двѣнадцатью узниками изъ Алексѣевскаго равелина, закованными въ ручные и ножные кандалы и размѣщенными въ одиночныхъ кельяхъ баржи. «Къ концу 1884 года въ Шлиссельбургскихъ казематахъ уже скопилось 36 человѣкъ заключенныхъ: одиннадцать или двѣнадцать (если считать Нечаева) изъ Алексѣевскаго равелина (Фроленко, Морозовъ, Тригони, Грачевскій, Арончикъ, Исаевъ, Богдановичъ, Поливановъ, Златопольскій, Клименко, морской офицеръ Буцевичъ); одиннадцать, привезенныхъ съ Кары (Мышкинъ, Поповъ, Малавскій, Долгушинъ, Щедринъ, Бу-

цинскій, Кобылянскій, Минаковъ, Геллисъ, Юрковскій, Крыжановскій); одиннадцать по петербургскому процессу Вѣры Фигнеръ (сама Вѣра Фигнеръ, Людмила Волкенштейнъ, Немоловскій, Ивановъ, Суровцевъ и офицеры: Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Ювачевъ, Тихановичъ, Штромбергъ, Рогачевъ—послѣдніе двое немедленно по привозѣ повѣшены) и четверо по кіевскому процессу (Карауловъ, Шебалинъ, Панкратовъ, Мартыновъ).

За слѣдующіе два года прибавились не многіе: Игнатій Ивановъ изъ казанскаго дома умалишенныхъ, Манучаровъ изъ Одессы, офицеръ Михаилъ Лаговскій, никакимъ судомъ не осужденный и присланный административнымъ порядкомъ, Яновичъ и Варынскій (по варшавскому процессу «Пролетаріата»). Только 1887 годъ, когда происходило нѣсколько громкихъ процессовъ, привелъ въ Шлиссельбургъ цѣлую вереницу новыхъ жертвъ, и то многихъ лишь для того, чтобы черезъ два-три дня отдать ихъ въ руки палача: здѣсь именно были повѣшены пятеро первомартовцевъ 1887 года (Ульяновъ, Генераловъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ). Остались жить двое ихъ товарищей (Новорусскій, Лукашевичъ) и пятеро такъ называемыхъ лопатинцевъ (Лопатинъ, Стародворскій, Конашевичъ, Антоновъ, Сергѣй Ивановъ). Къ нимъ присоединился вскорѣ Борисъ Оржихъ. Съ этого времени политическіе процессы въ Россіи, какъ извѣстно, почти прекратились; во избѣжаніе шума и огласки, правительство стало рѣшительно предпочитать административную расправу, и съ конца 87 года вплоть до послѣднихъ дней, когда прокатилась новая грозная волна революціоннаго движенія, освободившая часть шлиссельбуржцевъ, т.-е. за цѣлыхъ 17 лѣтъ всего лишь 11 новыхъ жильцовъ прибавилось въ Шлиссельбургѣ (Софья Гинцбургъ, Карповичъ, Балмашевъ, Качура, Гершуни, Мельниковъ, Сазоновъ, Сикорскій, Гершковичъ, Васильевъ и Каляевъ), да изъ нихъ пятеро очень недолго прогостили въ крѣпости».

Такимъ образомъ, за 21 годъ существованія этой страшной тюрьмы въ ней перебывало ровно 67 человѣкъ. Изъ этого числа амнистія 21 октября застала сидящими въ заключеніи всего лишь 13 человѣкъ (Попова, Фроленко, Морозова, Новорускаго, Лукашевича, Лопатина, Иванова, Антонова, Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго). За всѣ предыдущіе годы были увезены изъ Шлиссельбурга и возвращены жизни не болѣе 15 человѣкъ. Судьба остальныхъ 37 отмѣчена высокимъ трагизмомъ: 13 человѣкъ были разстрѣляны или повѣшены въ стѣнахъ тюрьмы, четверо тамъ же покончили съ собой, трое застрѣлились вскорѣ послѣ освобожденія, трое сошли съ ума, наконецъ, 15 человѣкъ умерли отъ чахотки, цынги и сумасшествія въ самомъ Шлиссельбургѣ.

Сердце содрогается отъ ужаса шлиссельбургскаго режима, который рисуетъ г. Мельшинъ. Этотъ длинный мрачный коридоръ, еле освѣщенный керосиновыми лампами... Эти темныя ниши плотно запертыхъ дубовыхъ дверей... Эта гробовая тишина... И только гдѣ-то далеко, за этими зловѣщими черными дверями, слышатся порой тяжкіе вздохи и сдавленные стоны больныхъ и умирающихъ заключенныхъ... И такъ проходили дни, мѣсяцы, годы... Вѣчное молчаніе, ужасные побои, грубость начальства, всякое отсутствіе чтенія (кромѣ Евангелія), пребываніе здоровыхъ рядомъ съ

помѣшанными, особая пытка, придуманная безжалостнымъ врагомъ, верхушки висѣличныхъ столбовъ, видимые изъ окопъ—умъ человѣческій отказывается понимать, леденѣетъ сердце... И они сходили одинъ за другимъ въ могилу гордые, непокорившіеся, не дрогнувшіе въ эту долгую, безконечно-мрачную четверть вѣка.

Извѣстны наводящія ужасъ подробности казни Степана Валерьяновича Балмашева. Когда приговоренный къ смерти герой въ сопровожденіи жандармовъ шелъ черезъ тюремный дворъ въ назначенный ему для послѣдняго ночлега казематъ, онъ все время махалъ фуражкой, улыбался и низко кланялся, глядя на окна тюрьмы, очевидно надѣясь, что старики-народовольцы его увидятъ. И онъ не ошибся: это было время сравнительно облегченнаго режима, и заключенные, дѣйствительно, смотрѣли въ окна, уже зная, что въ тюрьму ведутъ новаго товарища, которому они, впрочемъ, никогда не пожмутъ руки. Въ утро послѣ казни Балмашева нѣкоторые видѣли уходившихъ со двора солдатъ, отряхавшихъ съ себя известку, и скоро узнали, что это значило: рядомъ съ висѣлицей, на томъ же дворѣ, была вырыта яма, наполненная негашеной известью, куда и былъ брошенъ трупъ казненнаго. Затѣмъ вся эта часть двора была заложена высокими полѣницами дровъ.

Такимъ же образомъ и именно въ Шлиссельбургѣ казнены были нынѣшнимъ лѣтомъ два несовершеннолѣтнихъ юноши Гершковичъ и Васильевъ. Первый, оказавшій сопротивленіе полиціи и слегка ранившій околодочнаго, по общимъ отзывамъ былъ замѣчательно чистый, беззавѣтно преданный дѣлу революціи юноша. Ему было всего 19 лѣтъ. Что касается 18-лѣтняго Васильева, то онъ застрѣлилъ пристава Каволина за то, что тотъ нѣсколько разъ звѣрски избивалъ его, Васильева, въ участкѣ и вообще всячески преслѣдовалъ. Мотивы убійства были, такимъ образомъ, чисто личные, чуждые политикѣ, и тѣмъ не менѣе ген. Треповъ отклонилъ всѣ просьбы (матери и защитника) о помилованіи и отправилъ Васильева въ Шлиссельбургъ для совершенія казни. Нужно прибавить, что и этотъ несчастный юноша мужественно встрѣтилъ смерть. Оба похоронены возлѣ тюремной стѣны, и на мѣстѣ могилы, какъ бы для сокрытія слѣдовъ преступленія, сложенъ высокій штабель дровъ... Случаи самосожженія и самоубійства за послѣдніе годы нѣсколько смягчили ужасный режимъ крѣпости-гроба... Въ статьѣ Мельшина останавливаютъ вниманіе характеристики героевъ русской революціи Мышкина, извѣстнаго широкой публикѣ по своей попыткѣ освободить Чернышевскаго, и Германа Лопатина, просидѣвшаго въ Шлиссельбургѣ болѣе 20 лѣтъ, замѣчательно образованнаго человѣка, бывшаго другомъ Карла Маркса и Лаврова, удивительнаго агитатора, одареннаго блестящимъ краснорѣчіемъ, остроуміемъ и личнымъ обаяніемъ. Восемь человѣкъ изъ тринадцати теперь освобождены изъ Шлиссельбурга, но, заканчиваетъ г. Мельшинъ свою статью, «мы будемъ свято помнить, что пятеро несчастливцевъ (Карповичъ, Гершуни, Сазоновъ, Сикорскій, Куликовскій) еще томятся подъ его проклятыми сводами, и что двое изъ нихъ, такъ передаютъ освобожденные, Сазоновъ и Сикорскій, находятся въ особо тяжкомъ заключеніи, совершенно изолированные отъ товарищей. Проснувшаяся общественная совѣсть не прими-

рится съ этимъ фактомъ. По всей странѣ прозвучитъ грозный кличъ: долой Шлиссельбургъ! Долой позоръ и мучительство одиночнаго заключенія! Россія должна стать свободной и счастливой!»

Основной чертой геройскаго поколѣнія, многіе изъ вождей котораго проходятъ передъ читателемъ въ статьѣ г. Мельшина, было беззавѣтное самопожертвованіе. Процессы пропагандистовъ, имѣвшіе мѣсто въ 1877 и 1878 годахъ, говоритъ Степнякъ въ своей «Подпольной Россіи»,—явились въ то же время ихъ апоѳеозомъ. Это святые!—восклицали всѣ, кому приходилось присутствовать на этихъ памятныхъ судахъ, подъ впечатлѣніемъ которыхъ создалось одно изъ поэтическихъ произведеній одного изъ великихъ писателей земли русской. Въ 11—12 номерѣ *Русскаго Богатства* (ноябрь и декабрь) г. Венгеровъ приводитъ стихотвореніе въ прозѣ Тургенева подъ заглавіемъ «Порогъ», не вошедшее въ печатное собраніе его сочиненій и вплоть до нашихъ дней извѣстное только въ рукописи. Не велико это стихотвореніе, но безспорно, замѣчаетъ г. Венгеровъ, оно принадлежитъ къ числу лучшихъ вещей Тургенева по той необыкновенной рельефности и яркости, съ которою на пространствѣ какихъ-нибудь 30 строкъ очерчено цѣлое движеніе огромной исторической важности. Здѣсь геніально схвачена и выражена основная черта движенія, тотъ вполнѣ религіозный экстазъ, съ которымъ люди добровольно, въ самый свѣтлый періодъ жизни, оттолкнули отъ себя чашу жизненныхъ наслажденій, чтобы пойти по пути величайшихъ страданій, лишеній и отказа отъ всего, что дорого и близко. Героиня «Порога» стоитъ въ центрѣ того апоѳеоза русской женщины, которымъ является галлерея женскихъ типовъ Тургенева. Порывъ русской женщины къ свѣту, воплощенный Тургеневымъ въ обаятельныхъ образахъ Натальи, Аси, Елены, Маріанны, представленъ здѣсь въ наиболѣе лучезарномъ своемъ проявленіи. Вотъ это стихотвореніе въ прозѣ:

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь. За дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка, русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная тьма и, вмѣстѣ съ леденящей струей, выносится изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю,—отвѣчаетъ дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь самая смерть?

— Знаю. Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей.

— Да, и отъ нихъ.

— Хорошо, ты готова на жертву. Ты погибнешь и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты на преступленіе?

Дѣвушка потупила голову...

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы:

— Знаешь ли ты,—заговорилъ онъ, наконецъ,—что ты можешь разубѣдиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура!—проскрежеталъ кто-то.

— Святая!—пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

Въ ноябрьской книгѣ *Міра Божьяго* и въ октябрьской *Образованія* помѣщены статьи къ пятидесятилѣтію смерти Грановскаго («Общественно-историческіе взгляды Грановскаго г. Виппера. *Міръ Божій* и «Грановскій и студенты» г. Ашевскаго. *Образованіе*).

Г. Виппперъ отмѣчаетъ общественное значеніе Грановскаго, какъ одного изъ сильнѣйшихъ у насъ посредниковъ между наукою и обществомъ, характеризуетъ его общественно-историческіе взгляды лѣваго крыла гегеліанства, на которыя къ концу его дѣятельности наложилъ уже извѣстный отпечатокъ зарождавшійся на Западѣ позитивизмъ. Г. Ашевскій говоритъ о высоко-гуманномъ, воспитательномъ характерѣ лекцій Грановскаго, о любви къ нему студентовъ, сохранившейся даже тогда, когда полоса безвременья наложила тяжелую руку и на самого Грановскаго, пристрастившагося къ картамъ и вину, о цѣломъ рядѣ его учениковъ, хранившихъ завѣты учителя и проявившихъ себя въ эпоху великихъ реформъ. По справедливости имя Грановскаго окружено такимъ блестящимъ ореоломъ, который никогда не померкнетъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и всегда будетъ служить идеаломъ для всякаго наставника и руководителя учащейся молодежи.

Въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщены не безынтересныя воспоминанія г. Краснопѣрова изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ. Университетская жизнь въ Казани, обаятельный образъ Щапова, огромное дѣло о вооруженномъ возстаніи, основанное на томъ, что пятнадцать студентовъ учились стрѣлять въ цѣль гдѣ-то за городомъ, слѣдственная коммиссія изъ Петербурга и пятилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ—все это живо и выпукло проходитъ передъ читателемъ.

Въ послѣднихъ книгахъ журналовъ, вышедшихъ гораздо позже сроковъ вслѣдствіе забастовокъ, мы находимъ немало статей, посвященныхъ аграрному вопросу.

Въ декабрьской книгѣ *Міра Божьяго*, заявившаго себя органомъ соціалъ-демократіи, помѣщена статья г. Финнъ-Енотаевскаго «Крестьянскій вопросъ и аграрныя программы», въ которой ярко выражена точка зрѣнія русской соціалъ-демократической партіи на аграрный вопросъ. При чтеніи этой статьи еще разъ убѣждаешься, что разрѣшеніе этого вопроса съ точки зрѣнія соціалъ-демократической программы является ахиллесовой пятой, самымъ слабымъ, необоснованнымъ и полнымъ внутреннихъ противорѣчій пунктомъ этой программы. Прежде всего г. Финнъ-Енотаевскій опредѣляетъ задачу современной соціалъ-демократіи, какъ

ускореніе процесса матеріальнаго развитія, ослабленія всѣхъ его болѣзненныхъ сторонъ и усиленія развитія классоваго самосознанія пролетаріата. На слѣдующей страницѣ, замѣчая, что мелкое производство является формой отсталой сравнительно съ крупнымъ, онъ говоритъ, что такимъ образомъ позиція соціалъ-демократовъ въ аграрномъ вопросѣ въ развитой капиталистической странѣ ясна. «Никакой крестьянской программы въ смыслѣ расширенія и укрѣпленія мелкой поземельной собственности, мелкаго производства у соціалъ-демократической партіи быть не можетъ». Но вѣдь не ясно ли вмѣстѣ съ тѣмъ, что, оставляя голодающее крестьянство на произволъ судьбы, предоставляя ему или вырождаться, умирать съ голоду, или обращаться въ безземельныхъ батраковъ, не ясно ли, что такимъ образомъ отнюдь не достигается то ослабленіе болѣзненныхъ сторонъ матеріальнаго развитія, которое авторъ включаетъ въ задачи современной соціалъ-демократіи? Повидимому, русская соціалъ-демократическая партія, для которой разслоеніе крестьянства и водвореніе крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, согласно марксистской догмы и вопреки западно-европейской и русской дѣйствительности, кажется неизбѣжнымъ, въ аграрномъ вопросѣ попрежнему придерживается стараго лозунга «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Выставляя въ своей программѣ такія минимальныя требованія, изъ которыхъ едва ли не главнымъ является возвращеніе сельскимъ обществамъ отрѣзковъ, служащихъ въ рукахъ помѣщикомъ орудіемъ для закабаленія крестьянъ, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускается и выкупъ, русскіе соціалъ-демократы поистинѣ въ лицѣ г. Финнъ-Енотаевскаго могутъ съ гордостью заявить, что они не выставляютъ «никакой крестьянской программы». Никакой программы, ибо ихъ скромныя требованія въ области аграрныхъ отношеній почти сводятся къ принципу «laisser faire, laisser passer», неспособны удовлетворить требованіямъ вопіющей дѣйствительности и нуждамъ крестьянской массы. И соціалъ-демократы въ послѣднее время, повидимому, начинаютъ понимать это. Они уже выработали тактическую резолюцію, согласно которой они поддерживаютъ революціонное крестьянство въ захватѣ нужныхъ ему земель. На этомъ съ другой точки зрѣнія подробно останавливается г. Пѣшехоновъ въ 11—12 номерѣ *Русскаго Богатства*, приводя выдержки изъ соціалъ-демократическихъ газетъ. Правда, тактическая резолюція находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ теоретической платформой, но она представляетъ изъ себя лишь извѣстный этапъ развитія, и правъ г. Пѣшехоновъ, когда онъ замѣчаетъ, что «на этомъ эволюція соціалъ-демократическихъ взглядовъ не остановится». Что же касается до боязни г. Финна-Енотаевскаго относительно образованія класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ—буржуа, то вотъ именно противъ этого-то и выдвигается идея націонализаціи земли, хотя бы частичной, которая оставляетъ широкое поле для преобразованій въ будущемъ. Утвержденіе же г. Финна-Енотаевскаго о томъ, что націонализація земли приложима лишь къ странамъ съ концентрированной капиталистической поземельной собственностью,

не основано рѣшительно ни на чемъ, кромѣ небольшой цитаты изъ Энгельса. Мы думаемъ, что въ недалекомъ будущемъ г. Финнъ-Енотаевскій останется позади своей партіи, въ которой, какъ мы говорили, проявляются уже новыя тенденціи въ истолкованіи аграрнаго вопроса.

Наше обозрѣніе начато съ статьи Мельшина о Шлиссельбургской крѣпости. Оказывается, что и въ обычныхъ тюрьмахъ, во всѣхъ этихъ «предварилкахъ», «крестахъ», «бутырскихъ» творятся неописуемые ужасы. Г. Клейнбортъ въ 11—12 книгѣ *Образованія* въ статьѣ «Въ тюрьмѣ и ссылкѣ» рисуетъ страшную картину жизни этихъ тюремъ. Истязанія, побои, всяческое глумленіе и въ видѣ протеста голодовки политическихъ заключенныхъ составляютъ тамъ обычное явленіе.

Когда же конецъ?!

О. Арн.

1905 годъ въ политическомъ отношеніи.

Ужасный для Россіи годъ...

Несчастная война съ Японіей кончилась тяжелымъ миромъ въ Портсмутѣ (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты). Десятки тысячъ жизней и сотни милліоновъ рублей погибли понапрасну по бездарности однихъ, по казнокрадству другихъ. Японцы стали твердою ногою въ Кореѣ, отняли у насъ Портъ-Артуръ и всю южную Манчжурію. Мы должны были уступить Японіи половину Сахалина, которую получили отъ нея въ 1875 году въ обмѣнъ за Курильскіе острова. Японцы пріобрѣли обширныя и богатѣйшія рыбныя ловли.

Англо-японскій союзъ обезпечиваетъ странѣ Восходящаго солнца ея пріобрѣтенія, недавнимъ договоромъ Японія налаживаетъ свои отношенія съ Китаемъ. Сомнительно, чтобы громадная Небесная имперія подчинилась японскому вліянію. Китайское правительство постарается сохранить за собою свободу дѣйствій, и отъ японской дипломатіи зависитъ создать или не создать себѣ опаснаго врага изъ пробуждающагося Китая.

Девизомъ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ должно быть: ни шагу далѣе въ территоріальномъ отношеніи и дѣятельная культурная работа. Надо призвать населеніе Сибири къ самоуправленію, поднять его просвѣщеніе, научиться, какъ надо пользоваться естественными богатствами страны. Россія, такимъ образомъ, должна *возвратиться въ Европу*, что легче сдѣлать теперь, когда наше отечество становится конституціоннымъ государствомъ.

Непростительными ошибками нашей дипломатіи и недобросовѣстнымъ образомъ дѣйствій многихъ высшихъ представителей нашей администраціи искусно воспользовалась Англія. Союзъ съ Японіей обезпечиваетъ ея положеніе въ Индіи и въ Азіи вообще, тогда какъ военное могущество Японіи угрожаетъ азіатскимъ владѣніямъ Франціи и Германіи.

Во внутренней жизни Великобританіи къ концу года произошла значительная перемѣна: консервативный кабинетъ Бальфура, сохранявшій за собою большинство въ парламентѣ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія уступилъ свое мѣсто либеральному министерству Кемпбель-Баннермана.

Парламентъ былъ распущенъ, и на новыхъ выборахъ либералы одержали рѣшительную побѣду. Характерною особенностью нынѣшнихъ вы-

боровъ было самостоятельное выступленіе рабочей партіи (соціалистовъ), которой удалось провести въ нижнюю палату значительное число своихъ представителей.

Бывшій министръ-президентъ забаллотированъ въ Манчестерѣ. Чемберленъ избранъ въ Бирмингамѣ, но при тѣхъ потеряхъ, которыя понесли уніонисты и консерваторы, его имперіалистическіе планы и протекціонистскія стремленія не имѣютъ шансовъ на успѣхъ. Либеральное большинство будетъ противъ увеличенія таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары, — и въ особенности, конечно, противъ проектированнаго Чемберленомъ налога на привозный хлѣбъ, налога, главная тяжесть котораго пала бы на рабочій классъ.

Изъ законодательныхъ актовъ, проведенныхъ въ прошломъ году кабинетомъ Бальфура, слѣдуетъ отмѣтить билль, стѣсняющій доступъ въ Великобританію иностранцевъ *(Alien-bill)*. Слѣдить за пріѣздомъ иностранцевъ будутъ особые правительственные агенты. Не будутъ допускаться къ высадкѣ въ англійскихъ портахъ уголовные преступники, душевнобольные, лица, которыя не могутъ доказать, что они въ состояніи какъ-либо прокормиться. Изъ Англіи будутъ изгоняться иностранцы, лишенные средствъ и праздношатающіеся или живущіе въ условіяхъ, вредныхъ для здоровья (вслѣдствіе скученности въ квартирахъ и т. д.). Сколькихъ русскихъ по послѣднимъ требованіямъ пришлось бы изгнать изъ Россіи!

Срокъ полномочій президента французской республики (семилѣтній) истекаетъ 5 февраля н. с. наступившаго года. Эмиль Лубе не пожелалъ поставить своей кандидатуры. Онъ сходитъ съ своего высокаго поста, окруженный уваженіемъ благодарнаго народа.

По конституціи выборы конгрессомъ (соединенное засѣданіе сената и палаты депутатовъ) новаго президента французской республики должны происходить за мѣсяцъ до прекращенія полномочій его предшественника. Выступили два кандидата: президентъ сената Фальеръ и президентъ палаты депутатовъ Думеръ. Послѣдній—человѣкъ очень талантливый и энергичный, но съ довольно гибкими убѣжденіями. Отъ него можно было ожидать дѣятельнаго вмѣшательства и въ иностранную, и во внутреннюю политику Франціи. Большинство сената и республиканцевъ палаты было поэтому противъ Думера.

Фальеръ—непоколебимый республиканецъ, неуклонный блюститель законности, чуждый честолюбивыхъ личныхъ стремленій. Онъ близкій другъ Лубе и, какъ и бывшій президентъ республики, крестьянскаго происхожденія. Фальеръ былъ избранъ сразу значительнымъ большинствомъ. Всѣ друзья мира и права должны поздравить Францію съ этимъ выборомъ. Главную роль сыграло въ данномъ случаѣ сенатское большинство *).

Проведенный Комбомъ законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства

---

*) Фальеръ получилъ 445 голосовъ, Думеръ — 371 (за него были націоналисты и монархисты).

начинаетъ осуществляться. Клерикальныя газеты продолжаютъ страстно и пристрастно нападать на него, но католическое духовенство, въ большинствѣ случаевъ, держится довольно сдержанно. Клерикальныя газеты съ негодованіемъ отмѣтили, что на новый годъ президента республики посѣтилъ извѣстный депутатъ аббатъ Лемиръ. Аббатъ отвѣчалъ на нападенія въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ *Figaro*. При всѣхъ нашихъ разногласіяхъ, говорилъ онъ, президентъ республики и для всѣхъ гражданъ, и для иностранныхъ державъ является высшимъ представителемъ Франціи. Лемиръ ссылается на указанія покойнаго Льва XIII, не отмѣненныя его преемникомъ.

На собраніи французскихъ кардиналовъ, происходившемъ въ Парижѣ въ концѣ декабря прошлаго года, произнесено, однако, рѣшительное осужденіе закона, отдѣлившаго церковь отъ государства.

Это вполнѣ понятно, потому что римско-католическая церковь всегда стремилась властвовать надъ государствомъ и пользовалась отъ него значительнымъ денежнымъ пособіемъ. Большинство французскихъ кардиналовъ склоняется всетаки къ тому, чтобы подчиняться закону, если его примѣненіе не будетъ обставлено условіями, нарушающими многовѣковой іерархическій строй римско-католической церкви.

Прошлый годъ передалъ нынѣшнему рѣшеніе вопроса, который имѣетъ огромное значеніе для Франціи и чуть не повелъ къ ея войнѣ съ Германіей,—вопроса мароканскаго. Въ обозрѣніяхъ прошлаго года мы говорили о немъ. Для его обсужденія въ маленькомъ городѣ южной Испаніи, въ Альжезирасѣ, въ нынѣшнемъ январѣ собралась международная конференція. Газеты много говорятъ о назначеніи представителемъ Италіи на этой конференціи знаменитаго дипломата Висконти-Веноста. Въ этомъ назначеніи усматриваютъ намѣреніе итальянскаго правительства сыграть на конференціи выдающуюся примирительную роль между Марокко и Германіей, съ одной стороны, и Франціи съ Англіей—съ другой.

Несомнѣнно, что французская политика по отношенію къ Марокко приняла при Делькассе нѣсколько аггрессивный характеръ. Но общественное мнѣніе противъ расширенія колоніальныхъ затѣй и противъ нихъ успѣшно борются Жоресъ, Клемансо и другіе республиканскіе вожди.

Марокко—независимое государство, полудикое, не обезпечивающее ни жизни, ни имущества иностранцевъ. Деспотическая власть съ трудомъ справляется съ частыми возстаніями. Франція, какъ сосѣдка по своимъ африканскимъ владѣніямъ, болѣе другихъ державъ заинтересована въ поддержаніи порядка и благосостоянія Марокко. Но Германія не желаетъ превращенія султана въ вассала Франціи.

На мирное разрѣшеніе этого столкновенія есть много надеждъ. Можно пожалѣть, что Франція и Германія не обратились прямо къ международному гаагскому третейскому суду *).

*) У Франціи произошло еще столкновеніе съ Венецуэлой, но оно не имѣетъ большого международнаго значенія.

Французское правительство—надо отдать ему справедливость—уже освободилось отъ многихъ недостатковъ прежней колоніальной политики. Безудержная эксплоатація смѣняется разумными экономическими мѣрами, интересы туземнаго населенія принимаются во вниманіе. Особенно большіе успѣхи дѣлаетъ, повидимому, французскій Индо-Китай. Возстанія въ Китаѣ, занятіе европейскими войсками Пекина, русско-японская война не вызвали броженія въ туземномъ населеніи. Оно дружелюбно относится къ французамъ, которые дѣятельно работаютъ для благосостоянія страны. Тонкинъ много и часто страдаетъ отъ наводненій, и французскія власти принимаютъ энергическія мѣры для охраны земледѣлія. Производится въ большихъ размѣрахъ осушеніе болотъ, сдѣланы большія ирригаціонныя работы, повсюду пролагаются хорошія дороги и т. д. Администрація колоніи, при участіи выборнаго совѣта, много заботится объ образованіи туземнаго населенія и объ устройствѣ французскихъ школъ. Генералъ-губернаторъ Бо требуетъ, чтобы представители французской власти были избранными людьми, чтобы имъ принадлежала инициатива въ улучшеніяхъ общественной жизни, чтобы они заслужили довѣріе и уваженіе туземцевъ. Это пріобрѣтается просвѣщеннымъ трудомъ, а не мнимымъ превосходствомъ расы. Такая политика, какой держится нынѣшній генералъ-губернаторъ Индо-Китая, дѣйствительно свяжетъ интересы колоніи съ интересами метрополіи.

Въ Германіи не произошло въ прошломъ году крупныхъ событій; въ Австро-Венгріи не смягчаются острыя отношенія между племенами, населяющими имперію, не прекращается конфликтъ императора съ венгерскимъ парламентскимъ большинствомъ, за которымъ стоитъ народъ. Когда пишутся эти строки, у Австріи возникло столкновеніе съ Сербіей изъ-за таможеннаго договора, заключеннаго послѣднею съ Болгаріей. Договоръ этотъ продиктованъ яснымъ сознаніемъ торгово-промышленныхъ интересовъ обоихъ славянскихъ государствъ и полагаетъ конецъ невыгодному для Сербіи положенію вещей. Австрійское правительство настаиваетъ на своихъ требованіяхъ и, по послѣднимъ извѣстіямъ, закрыло границу для сербскихъ товаровъ. Но Сербія не уступаетъ. Она ввозитъ въ Австрію гораздо больше (скотъ, хлѣбъ, сырье), чѣмъ получаетъ изъ нея, но при таможенномъ союзѣ съ Болгаріей это не грозитъ ей опасностью, а до войны дѣло едва ли можетъ дойти. Въ печать проникнулъ слухъ, что и Румынія готова заключить торговую конвенцію съ Сербіей и Болгаріей.

Третье славянское государство Балканскаго полуострова пережило счастливое событіе: князь Николай искренне и рѣшительно призналъ необходимою для Черногоріи демократическую конституцію. Теперь только Турція цѣпко держится самодержавнаго правленія. Но и въ турецкомъ народѣ, по крайней мѣрѣ въ сравнительно образованной части населенія, начинается движеніе въ сторону политической свободы. Вожди этого младотурецкаго движенія доказываютъ въ европейской печати, что турки способны

къ прогрессу, что историческія условія благопріятствуютъ теперь переходу народа-завоевателя отъ султанскаго деспотизма къ конституціонной формѣ правленія *).

Въ Италіи произошла перемѣна министерства, правильнѣе его переформированіе, причемъ значеніе имѣетъ главнымъ образомъ замѣна министра иностранныхъ дѣлъ Титтони маркизомъ Санъ-Джуліано. Но едва ли произойдетъ серьезное уклоненіе отъ той политики, которой слѣдовалъ Титтони. Не уходя изъ тройственнаго союза, Италія будетъ укрѣплять дружелюбныя отношенія къ Франціи.

Положеніе Италіи, какъ союзницы Австріи, поддерживаемой Германскою имперіей, затруднительна: притязанія на Тріестъ и южный Тироль живы въ итальянскомъ народѣ; его интересы на Балканскомъ полуостровѣ сталкиваются съ австрійскими.

Норвегія отдѣлилась отъ Швеціи и огромнымъ большинствомъ голосовъ высказалась за конституціонную монархію. Республиканцы подчинились этому рѣшенію, и этого нельзя не привѣтствовать, потому что дѣйствующая конституція вполнѣ обезпечиваетъ народную свободу и самоуправленіе. Швеція примирилась съ совершившимся фактомъ, и для Скандинавскаго полуострова началась эпоха успокоенія и процвѣтанія. Въ шведскій парламентъ внесено правительствомъ нѣсколько важныхъ законопроектовъ: учрежденія примирительныхъ палатъ при столкновеніяхъ между рабочими и предпринимателями, расширенія выборовъ во вторую палату, страхованія рабочихъ, условнаго освобожденія отъ наказанія и др.

Персидскій Шахъ создаетъ *Домъ справедливости*, то есть палату народныхъ представителей.

В. Гольцевъ.

---

*) См., напримѣръ, статью принца Сабаххедина въ *La Revue* (декабрь прошлаго года).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Обзоръ освободительнаго движенія за 1905 годъ. Декабрьское вооруженное возстаніе. Государственная Дума и законъ 11 декабря. Невозможность свободныхъ выборовъ. Русскія политическія партіи и отношеніе къ нимъ правительства. Ихъ программы и сущность ихъ различія. Значеніе ихъ во время и послѣ выборовъ.

1905 годъ, начавшійся катастрофой 9 января въ Петербургѣ, закончился такимъ же ужаснымъ кровопролитіемъ въ Москвѣ. Въ теченіе его русскій народъ нѣсколько разъ переходилъ отъ проблесковъ надеждъ ко все большему разочарованію, превращавшемуся временами въ мрачное отчаяніе, а между тѣмъ ощущаемыя имъ страданія дѣлались все болѣе и болѣе невыносимыми. Въ первую половину года надъ нимъ тяготѣла несчастная война, изнурявшая государственный организмъ гибелью сотенъ тысячъ людей и сотенъ милліоновъ народныхъ средствъ. Начатая безъ всякой необходимости, вопреки желанію народа, война эта и велась настолько неумѣло, что съ самаго начала мы терпѣли постоянныя пораженія. Но насъ увѣряли, что это только случайность, что съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій мы начнемъ одерживать побѣды. Вмѣсто того въ февралѣ мы проиграли рѣшительное сраженіе при Мукденѣ, стоившее намъ цѣлой трети арміи. Намъ говорили, что Портъ-Артуръ неприступенъ, и Портъ-Артуръ принужденъ былъ сдаться японцамъ. Наконецъ, намъ обѣщали, что все будетъ исправлено побѣдой на морѣ,—и на морѣ мы потерпѣли еще болѣе рѣшительно пораженіе, чѣмъ на сушѣ: русскій флотъ былъ уничтоженъ, а затѣмъ мы узнали, что иначе и быть не могло, что флотъ этотъ состоялъ наполовину изъ никуда не годныхъ судовъ и что моряки посылались на немъ на вѣрную гибель. Японская война, можетъ быть, болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, открыла глаза русскому обществу и народу на истинное значеніе того государственнаго порядка, который существовалъ въ Россіи. Мы ясно увидѣли, что такое положеніе вещей, при которомъ кучка придворныхъ генераловъ и чиновниковъ, руководствуясь своими личными интересами и не справляясь ни съ нуждами, ни съ желаніемъ народа, можетъ съ легкимъ сердцемъ ввергнуть государство въ самую опасную и губительную войну, а потомъ окажется даже неспо-

собною вести ее съ какими-нибудь шансами успѣха,—что такія условія нашего государственнаго строя грозятъ неминуемой гибелью самому существованію русскаго государства. Русское общество вполнѣ убѣдилось, что такъ дальше жить нельзя, что государственный и общественный нашъ строй требуетъ коренной реформы. Конечно, такое убѣжденіе не было новостью, оно существовало уже давно и въ довольно значительныхъ группахъ общества, но условія общественной жизни были таковы, что оно не могло выступитъ явно; теперь же, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, оно неудержимо вырвалось наружу и получило явное и энергическое выраженіе. О немъ, несмотря на цензурныя стѣсненія, заговорили газеты, о немъ же говорилось на многочисленныхъ митингахъ, собиравшихся какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ. Но, что еще гораздо важнѣе, это то, что это же убѣжденіе и выражавшее его общественное движеніе проникло въ глубь такихъ народныхъ слоевъ и распространилось въ такихъ широкихъ народныхъ кругахъ, которыхъ оно ранѣе вовсе не захватывало и которые теперь не только восприняли его, но и переработали въ своемъ сознаніи сообразно со своими взглядами и потребностями. Возникли и стали быстро развиваться два великихъ теченія народной мысли и дѣятельности—рабочее и крестьянское движеніе, дававшія уже не только идеальное, но и реальное основаніе для всей русской прогрессивной мысли. Отчасти на почвѣ отношеній къ этимъ двумъ движеніямъ, отчасти по различію нѣкоторыхъ другихъ своихъ воззрѣній, оттѣнки прогрессивной реформаторской мысли русскаго общества стали группироваться въ партіи, изъ которыхъ однѣ ставили преимущественной своей задачей, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, политическую реформу, другія видѣли ее въ соціальномъ переустройствѣ общества. Тѣ и другія постепенно все болѣе старались опредѣлить свою программу и установить тактическіе пріемы своей практической дѣятельности. Путемъ этого самоопредѣленія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, онѣ въ то же время отграничивались отъ другихъ группъ и партій, или откровенно державшихся за сохраненіе стараго порядка, или выступавшихъ подъ флагомъ политическаго либерализма съ разсчетомъ сдѣлать неудержимымъ требованіямъ времени какъ можно меньшія уступки. Общественно-прогрессивное движеніе захватило значительную часть земской среды, единственной, проявлявшей до сей поры нѣкоторую самостоятельность. Земскіе и земско-городскіе съѣзды впервые открыто формулировали политическія требованія общества, къ которымъ до извѣстной степени стало прислушиваться и правительство. Не будучи партійными, эти съѣзды въ резолюціяхъ своего большинства выработали однако довольно стройную программу, въ которой, ясно отдѣлившись отъ крайнихъ соціалистическихъ партій, выразили въ то же время свое искреннее желаніе содѣйствовать правильному и безпристрастному разрѣшенію насущныхъ экономическихъ вопросовъ, поставивъ на первомъ планѣ аграрный и рабочій вопросы, рѣшеніе которыхъ настоятельно требовалось жизнію. Значительно болѣе радикальное положеніе занялъ

большинствѣ своемъ обширный и сознательный классъ такъ называемаго третьяго элемента, который, въ соединеніи съ другими представителями свободныхъ профессій, организовался въ различные союзы, хотя и профессіональные, но вскорѣ получившіе опредѣленную политическую окраску. Эти союзы, входя въ болѣе тѣсныя соотношенія другъ съ другомъ, сближались вмѣстѣ съ тѣмъ и съ рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ, которыя изъ безсознательныхъ, стихійныхъ, какими они были вначалѣ, подъ вліяніемъ этого сближенія получали болѣе стройную и осмысленную организацію. Въ числѣ другихъ явленій, тѣсно связанныхъ съ обще-русскимъ освободительнымъ движеніемъ прошлаго года, не маловажную роль играло также пробужденіе національныхъ стремленій, съ неудержимой силой проявившееся почти на всѣхъ окраинахъ. Ясно высказавшееся общественное мнѣніе, а болѣе всего бурныя проявленія повсемѣстнаго недовольства и нетерпѣнія, выразившагося въ частныхъ сопротивленіяхъ власти, политическихъ убійствахъ, а въ особенности въ принявшемъ насильственный характеръ аграрномъ движеніи, заставило и правительство обратить вниманіе на ненормальное положеніе дѣлъ и даже какъ будто пойти въ томъ же прогрессивномъ направленіи. Къ несчастію, ни по своему составу, ни по своимъ долговременнымъ традиціямъ, правительство не было способно прямо, искренно и рѣшительно пойти по тому пути, на который его направляли какъ требованія общества и народа, такъ и законы историческаго развитія. Его примирительныя попытки были всегда неполными и несвоевременными и производили впечатлѣніе неискренности, тѣмъ болѣе укрѣплявшееся, что многократно даваемыя обѣщанія реформъ или ничѣмъ не оканчивались, безслѣдно погибая въ чиновничьихъ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ, или, реализуясь на бумагѣ, на дѣлѣ не исполнялись и даже не препятствовали совершенно противоположному образу дѣйствій правительственныхъ чиновниковъ. Однако всякій разъ, какъ правительствомъ давалось такое обѣщаніе, русское общество, особенно вначалѣ, встрѣчало его съ надеждою, которая лишь постепенно разсѣивалась. Такъ было послѣ указа 12 декабря 1904 г., изъ восьми пунктовъ котораго лишь одинъ, о вѣротерпимости, получилъ нѣкоторое практическое примѣненіе, да и то оно ограничилось лишь отмѣной стѣсненій, касавшихся богослуженія нѣкоторыхъ сектъ политически-безвредныхъ и съ точки зрѣнія правительства, и тотчасъ подверглось урѣзыванію и извращенію тамъ, гдѣ, какъ въ западномъ краѣ, полное и дѣйствительное примѣненіе его казалось правительству опаснымъ. Другія положенія указа: объ охраненіи силы закона и обжалованіи произвольныхъ дѣйствій властей, о равенствѣ всѣхъ передъ судомъ и самостоятельности суда, о расширеніи правъ земства и учрежденіи мелкой земской единицы, о государственномъ страхованіи рабочихъ, объ ограниченіи мѣстностей, на которыхъ распространяются исключительные законы, о возможномъ уравненіи правъ инородцевъ и объ устраненіи стѣсненій въ области печатнаго слова,—достаточно ихъ перечислить, чтобы ясно видѣть, что ни одно изъ этихъ обѣ-

щаній и по сю пору не исполнено на дѣлѣ: произвольныя дѣйствія власти совершаются и теперь болѣе чѣмъ когда-либо безнаказанно во всей Россіи, что самостоятельности суда у насъ нѣтъ и онъ является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи, что именно больше всего вслѣдствіе такой зависимости суда, и новыя, недавно изданныя правила о печати, вмѣсто ея освобожденія, повели къ еще небывалому ея преслѣдованію и стѣсненію, что наконецъ въ половинѣ Россіи дѣйствуютъ исключительные законы, а другая половина находится подъ ежеминутной, можно сказать, угрозой ихъ примѣненія, которое поставлено въ зависимость отъ доброй воли каждаго провинціальнаго губернатора. Вотъ, что правительство обѣщало намъ въ концѣ 1904 г. и вотъ что мы имѣемъ въ концѣ 1905 г. Прочіе пункты указа 12-го декабря даже и не затрогивались въ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ правительства. Безслѣдно погибъ и намѣченный въ томъ же указѣ и разработанный впослѣдствіи проектъ крестьянской реформы, можетъ быть, заслуживавшій лучшей участи, если бы только можно было допустить, чтобы важнѣйшія общественныя реформы осуществлялись канцелярскимъ путемъ. Эта мысль, что никакія сколько-нибудь серьезныя реформы, а тѣмъ болѣе основная государственная реформа, не могутъ быть выполнены иначе, какъ силами всего народа, давно уже была достояніемъ всей сознательной части общества; но правительство до послѣдняго времени упорно сторонилось отъ нея, ссылаясь при всякомъ случаѣ на «незыблемость основныхъ законовъ имперіи». Наконецъ, 18 февраля 1905 г. въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ шагъ, впрочемъ, очень робкій и неопредѣленный, въ формѣ Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ этомъ актѣ говорилось о привлеченіи «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Одновременно съ рескриптомъ былъ изданъ указъ правительствующему сенату, въ которомъ предусматривалась возможность поступленія «отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія». Первое указаніе, несмотря на свою неясность, какъ будто открывало нѣкоторые горизонты въ смыслѣ народнаго представительства; второе было немедленно использовано для публичнаго обсужденія и заявленія требованій объ этомъ представительствѣ. Но впечатлѣніе, произведенное на общество обоими актами, было ослаблено не только ихъ неясностью и нерѣшительностью, но и тѣмъ, что въ тотъ же день 18 февраля изданъ былъ актъ, по виду еще болѣе важный, Высочайшій манифестъ, въ которомъ, не упоминая ни о какихъ реформахъ, говорилось только объ искорененіи крамолы, дерзновенно посягающей «на освященные православной церковью и утвержденные законами основные устои государства россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и,

вмѣсто онаго учредить новое управленіе страною, на началахъ отечеству нашему не свойственныхъ». Этотъ актъ въ настоящее время остается какъ бы забытымъ, а между тѣмъ его совсѣмъ не слѣдуетъ забывать, такъ какъ онъ можетъ служить характернымъ указателемъ для опредѣленія отношеній правительства не только къ одновременнымъ съ нимъ рескрипту и указу, но и къ другимъ послѣдующимъ актамъ. Между 18 февраля и 17 октября прошло только восемь мѣсяцевъ и трудно допустить, чтобы принципіальныя воззрѣнія правительства за это время круто измѣнились. Нельзя, конечно, объяснить это измѣненіе и вліяніемъ графа Витте. Графъ Витте и 18 февраля занималъ высокій постъ въ рядахъ правительства, да и послѣдняя его дѣятельность указываетъ на то, что политическіе его принципы далеко ужъ не такъ расходятся со взглядами г-дъ Дурново и т. п. представителей правительства. Гораздо естественнѣе предположить, что правительственные акты, какой бы важности они ни были, издаются примѣнительно къ тѣмъ конъюнктурамъ общественныхъ силъ, которыя въ данный моментъ или въ самомъ дѣлѣ оказываются реально-дѣйствующими силами, или признаются правительствомъ за таковыя. Изъ этого само собой вытекаетъ, что съ измѣненіемъ этихъ реальныхъ соотношеній общественныхъ силъ можетъ измѣняться не только отношеніе правительства къ общему положенію дѣлъ, но и освѣщеніе, даваемое имъ тѣмъ или инымъ, хотя бы и самымъ торжественно провозглашеннымъ актамъ. Такъ, подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій отошелъ на второй планъ,—можетъ быть временно,—манифестъ 18 февраля, и подъ вліяніемъ другихъ событій то же самое можетъ произойти и съ другими ближайшими къ намъ актами, если только ихъ значеніе не будетъ поддержано такими силами, съ которыми правительство въ данное время сочтетъ нужнымъ считаться. Считая особенно важнымъ напомнить объ этомъ по поводу манифеста 18 февраля, мы продолжимъ затѣмъ свой краткій обзоръ реформаторской дѣятельности правительства въ теченіе прошлаго года. Основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ рескрипта 18 февраля, въ обществѣ предполагали—да, кажется, такое предположеніе было вначалѣ и въ правительственныхъ кругахъ,—что выработка проекта о будущей формѣ представительства будетъ произведена съ участіемъ не только правительственныхъ чиновниковъ, но и мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, выбранныхъ земскими собраніями или инымъ способомъ, или, по крайней мѣрѣ съ приглашеніемъ такихъ лицъ по выбору правительства. Однако это предположеніе скоро было оставлено, и проектъ учрежденія будущаго представительнаго собранія и избирательнаго закона былъ составленъ канцелярскимъ порядкомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что не помѣшало ему, однако, составляться въ теченіе цѣлыхъ полгода, и во все это время до общества о немъ доходили лишь отрывочныя и противорѣчивыя извѣстія. Тѣмъ временемъ въ самомъ обществѣ, въ средѣ земскихъ и разныхъ партійныхъ съѣздовъ вырабатывалась та программа представительства и государственнаго устройства вообще, которая была въ общихъ чертахъ при-

нята всѣми прогрессивными элементами общества, за исключеніемъ крайнихъ партій. Основными тезисами этой программы были, какъ извѣстно, признаніе за будущимъ представительнымъ собраніемъ законодательныхъ правъ и всеобщее избирательное право, на основаніи извѣстной четырехчленной формулы. Поэтому для русскаго общества, и даже отчасти для фракцій, стоявшихъ нѣсколько правѣе середины, явился совершеннымъ разочарованіемъ законъ о Государственной Думѣ, сочиненный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и обнародованный 6 августа, съ одной стороны, предоставлявшій думѣ лишь право совѣщательнаго голоса, съ другой— устранявшій отъ выборовъ въ нее большинство русскаго населенія. Законъ 6 августа былъ встрѣченъ почти общимъ неодобреніемъ; впрочемъ, значительная часть умѣренныхъ элементовъ общества склонялась къ тому, что онъ всетаки долженъ быть использованъ, даже исключительно въ видахъ агитаціи въ Думѣ въ пользу реформы самой Думы. Тѣмъ не менѣе для всѣхъ, въ томъ числѣ и для правительства, стало очевиднымъ, что этотъ законъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ внести въ страну того успокоенія, на которое разсчитывало правительство, дѣлая свои нерѣшительные шаги въ сторону народнаго представительства. Дѣйствительно, волненія и безпорядки въ странѣ не только не прекращались, но даже усиливались, принимая въ иныхъ случаяхъ характеръ явнаго бунта, если не противъ правительства вообще, то противъ ближайшей власти. Тѣмъ временемъ окончилась японская война, и правительство лишилось основаній откладывать реформы по этой причинѣ. Организованное рабочее движеніе, въ связи съ общимъ недовольствомъ и нерѣшительностью правительства, привело къ оригинальной и энергически-проведенной октябрьской желѣзнодорожной и общей политической забастовкѣ. Это героическое средство повидимому болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, подѣйствовало на правительство, которое рѣшилось наконецъ высказаться болѣе опредѣленно въ смыслѣ конституціонныхъ требованій общества, за которымъ уже чувствовалась поддержка народныхъ массъ. Правительство издало Высочайшій манифестъ 17 октября, возвѣщавшій непреклонную волю Государя Императора 1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. 2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, всѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ затѣмъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. 3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей». Мы привели цѣликомъ основныя положенія манифеста 17 октяб-

ря, потому что этотъ актъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, является поворотнымъ пунктомъ между старымъ порядкомъ, царствовавшимъ въ Россіи, и новымъ, приходящимъ ему на смѣну. Въ первый моментъ послѣ обнародованія этого акта всѣ, даже и не сочувствовавшіе ему, поняли его, какъ основной конституціонный актъ, какъ обѣщаніе Царя править въ согласіи съ народнымъ представительствомъ, какъ ограниченіе самодержавія. Этотъ взглядъ находилъ себѣ подтвержденіе и въ одобренной Государемъ и опубликованной одновременно съ манифестомъ, объяснительной запискѣ графа Витте, въ которой прямо высказывается утвержденіе, что корни волненія, охватившаго русское общество, лежатъ не въ частичныхъ несовершенствахъ управленія и не въ дѣйствіяхъ крайнихъ партій, а «въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя». Записка могла бы вѣрнѣе сказать, что и большинство народа переросло эту форму, или, еще лучше, что большинство народа въ той или иной степени вошло въ составъ мыслящаго общества. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за изданіемъ манифеста должно бы, казалось, наступить хотя нѣкоторое общественное успокоеніе: на дѣлѣ произошло совершенно обратное: по всей Россіи начались, какъ бы по данному знаку, безсмысленныя и безпощадныя, такъ называемыя черносотенныя избіенія. Кѣмъ они были организованы и для чего, на это и до сей поры не получено вполнѣ яснаго отвѣта. Существуютъ вполнѣ опредѣленныя указанія на то, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣятельное участіе въ ихъ организаціи принимала мѣстная администрація или полиція; внѣ всякаго уже сомнѣнія стоитъ то, что мѣстныя административныя и военныя власти почти всюду относились къ черносотеннымъ погромамъ съ полнымъ безучастіемъ или держали по отношенію къ нимъ благосклонный нейтралитетъ. Очевидно, когда это происходитъ во всей Россіи, то оно можетъ быть объяснено лишь попустительствомъ правительства, или его совершеннымъ безсиліемъ.

Безсиліе правительства стоитъ, конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, однако оно проявляется главнымъ образомъ въ неспособности его къ примѣненію новыхъ средствъ, требуемыхъ новымъ порядкомъ, возвѣщеннымъ манифестомъ 17 октября. Что же касается до прежнихъ средствъ, присущихъ старому режиму, вродѣ арестовъ, закрытія собраній, запрещенія газетъ и въ особенности установленія для любой мѣстности исключительныхъ законовъ, т.-е. легализированнаго административнаго произвола, то энергія правительства въ ихъ примѣненіи и послѣ 17 октября не только не ослабла,—не для черносотенныхъ погромовъ, что тоже стоитъ отмѣтить,—послѣдніе едва ли гдѣ были поводомъ къ принятію исключительныхъ мѣръ,—но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правительство усматривало хотя бы нѣкоторую тѣнь революціи или подозрѣвало подготовленіе къ ней. Что же въ концѣ-концовъ имѣемъ мы къ новому году, черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ столь радостно встрѣченнаго 17 октября? Что передастъ прошлый

годъ въ наслѣдіе будущему? Такое количество репрессивныхъ мѣръ, какого мы никогда еще не видывали въ худшую пору дореформеннаго времени съ прибавкою нѣсколькихъ тысячъ труповъ людей, погибшихъ частію при черносотенныхъ избіеніяхъ, частію при подавленіи революціоннаго движенія. Мы не будемъ останавливаться на фактической сторонѣ кровавыхъ событій въ Москвѣ, въ Екатеринославской губерніи и въ другихъ мѣстахъ: они будутъ изложены въ другой части нашего обозрѣнія. Но мы не можемъ не задать себѣ вопроса: на чью отвѣтственность должно лечь это безполезное кровопролитіе? Партія, такъ назыв., 17 октября, правового порядка и другія, къ нимъ примыкающія, обвиняютъ во всемъ происшедшемъ исключительно крайнія соціалистическія партіи, призывавшія къ вооруженному возстанію. Мы не можемъ присоединиться къ этому взгляду и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаемся на вышеприведенныя, одобренныя Государемъ слова записки графа Витте о томъ, что «волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо... только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій». Мы и сами также думаемъ. Мы не одобряемъ вооруженнаго возстанія, а слѣдовательно и дѣйствій крайнихъ партій, поскольку онѣ играли въ немъ активную роль,—это разумѣется само собой. Даже болѣе того, мы полагаемъ, что вооруженное возстаніе и съ точки зрѣнія самихъ революціонеровъ представляетъ внутреннее противорѣчіе. Недостаточно подготовленное, оно ведетъ только къ безполезному, а слѣдовательно и вредному кровопролитію. При достаточной же подготовкѣ, т.-е. тогда, когда къ нему оказалась бы готовой примкнуть если не бо́льшая, то очень большая часть, какъ вооруженнаго, такъ и невооруженнаго населенія,—оно становится безполезнымъ, потому что при такихъ условіяхъ, когда большинство народа явно заявляетъ свои требованія съ рѣшимостью отстоять ихъ во что-бы то ни стало, уже одно это заявленіе народной воли представитъ собою такую силу, которой должно будетъ подчиниться всякое правительство. Бывали, конечно, случаи въ исторіи, когда власть захватывалась меньшинствомъ и даже небольшой группой людей, но такіе случаи или только предвосхищали то, что должно было сдѣлаться само собой, или захваченная случайно власть, становясь въ противорѣчіе съ большинствомъ народа, оказывалась шаткою и непрочною, или, наконецъ, подобные факты становились возможными при полномъ разложеніи общества, для котораго было безразлично, кто бы ни властвовалъ надъ нимъ. Во всякомъ случаѣ такой захватъ власти производитъ лишь внѣшнія измѣненія и не создаетъ того глубокаго переворота, при которомъ вся государственная и народная жизнь направляется въ новое, лучшее русло. Удачный дворцовый заговоръ или удачное pronunciamento не суть революціи. Но, высказываясь такимъ образомъ совершенно опредѣленно противъ вооруженнаго возстанія, какъ средства политической борьбы, мы, съ другой стороны, не можемъ не указать на то, что никакія крайнія партіи не могли бы заставить ни одного человѣка явно выступить, жертвуя жизнью, на борьбу съ

правительствомъ и его войсками, если бы не существовало той атмосферы безнадежности и отчаянія, при которой призывъ къ вооруженному возстанію только и можетъ найти себѣ откликъ въ душѣ значительнаго числа людей. А эта атмосфера прежде всего и больше всего создана самимъ правительствомъ, сдѣлавшимъ все возможное для того, чтобы утратить всякое довѣріе общества. При отсутствіи такого довѣрія, къ чему, какъ не къ собственной силѣ, могли обратиться тѣ, кто наиболѣе чувствовалъ тяжесть положенія? Если мы видимъ, что больной мечется въ горячечномъ бреду и наноситъ себѣ вредъ своими судорожными движеніями, то съ нашей стороны было бы и безсердечно, и не умно сказать, что онъ самъ виноватъ, и заботиться лишь о томъ, чтобы, хотя насильственно, заставить его утихнуть и наружно—успокоиться. Нѣтъ, если мы желаемъ дѣйствительно помочь больному, то мы должны обратить все свое вниманіе на излѣченіе самой болѣзни. Правительство лѣчитъ только кровопусканіями, но этотъ методъ давно уже оставленъ и въ настоящей медицинѣ, которая пришла къ заключенію, что самый раціональный методъ лѣченія есть поставленіе организма въ такія условія, при которыхъ могли бы свободно развиваться и дѣйствовать его собственныя силы. Нѣчто подобное предполагается теперь предпринять и для лѣченія нашего государственнаго недуга: теперь всѣ взываютъ къ Государственной Думѣ, и конечно желательно и даже необходимо, чтобы за спасеніе государства взялся самъ народъ въ лицѣ своихъ представителей. Но въ этомъ воззваніи, вмѣстѣ съ совершенно правильнымъ требованіемъ, нерѣдко звучитъ и давно привычная намъ нота: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ все разсудитъ». Дума тоже многимъ представляется такимъ бариномъ, освобождающимъ насъ отъ собственнаго разсужденія. Не надо, однако, забывать, что дѣйствительное значеніе будущей думы будетъ прямо пропорціонально, во-первыхъ, тому, насколько она будетъ истиннымъ представительствомъ народа, истиннымъ выраженіемъ его коллективной воли, а во-вторыхъ, насколько самъ народъ будетъ сознательно относиться къ задачамъ, поставленнымъ себѣ Думой, и поскольку онъ самъ будетъ готовъ всѣми средствами защищать и проводить въ жизнь ея рѣшенія, отвѣчающія его желаніямъ и потребностямъ. Только совпаденіе воли народа съ волей его представительнаго собранія и можетъ дать рѣшеніямъ послѣдняго дѣйствительную силу и значеніе. Только при такомъ условіи рѣшенія Думы, съ одной стороны, повліяютъ и на правительство, которое будетъ знать, что исполненіе ихъ для него не только формально обязательно, но и реально неизбѣжно, съ другой стороны—получатъ необходимый авторитетъ и для каждой личности и общественной группы, которыя, несмотря на различіе своихъ индивидуальныхъ мнѣній, всѣ будутъ сознавать, что въ этихъ рѣшеніяхъ выражается народная воля, имѣющая за собой не только физическую, но и нравственную силу. Поэтому мы вовсе не предполагаемъ, чтобы Дума при всякихъ условіяхъ своего образованія и дѣятельности явилась бы панацеей отъ всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ теперь

Россія. Очень возможно, что вновь избранная Дума и вовсе не дастъ удовлетворенія тѣмъ надеждамъ, которыя на нее возлагаются, именно потому, что она не выразитъ собой истинной воли народа и что народъ не возьметъ ея подъ свою защиту. Возможность и даже вѣроятность этого при наличныхъ обстоятельствахъ вытекаютъ изъ двухъ основныхъ причинъ.

Первая изъ нихъ заключается въ несовершенствѣ самаго закона о Думѣ и о выборахъ, хотя законъ 6 августа и былъ до нѣкоторой степени исправленъ дополнительнымъ закономъ 11 декабря. Въ сущности эти исправленія относятся не къ положенію о самой Думѣ, а только къ положенію о выборахъ въ нее, такъ что единственнымъ коррективомъ къ закону 6 августа объ устройствѣ и прерогативахъ Думы является лишь третій пунктъ манифеста 17 октября, выраженный хотя и опредѣленно, но очень обще и кратко и во всякомъ случаѣ не согласованъ съ подробнымъ положеніемъ 6 августа. Между тѣмъ въ послѣднемъ есть такіе пункты, какъ 15-й, косвенно узаконяющій административное, безъ суда, преслѣдованіе, если не членовъ Думы, то прочихъ гражданъ, или 19-й, допускающій устраненіе члена Думы при возбужденіи противъ него слѣдствія по политическому преступленію. Само собой разумѣется, что если никакой законъ не можетъ быть изданъ безъ одобренія Думы, то не можетъ быть сохраненъ въ своемъ теперешнемъ видѣ 33-й пунктъ, ограничивающій сужденія Думы только нѣкоторыми перечисленными въ немъ предметами, точно такъ же, если Дума должна имѣть дѣйствительный надзоръ за законом'рностью дѣйствій всѣхъ властей, то съ этимъ не вяжется установленное статьями 56—61 отношеніе Думы къ министрамъ. Мы уже не говоримъ о совершенной ненормальности отношеній Думы къ государственному совѣту. Они были возможны тогда, когда Дума представляла совѣщательное учрежденіе. Теперь же, когда, согласно манифеста 17 октября, она получила законодательный характеръ, отношенія ея къ государственному совѣту, да и самый совѣтъ необходимо должны измѣниться. И дѣйствительно, предполагается придать государственному совѣту характеръ верхней палаты, реформировавъ его составъ такимъ образомъ, чтобы онъ наполовину сохранилъ свой теперешній составъ, а другая половина состояла бы изъ лицъ, выбранныхъ отъ земства, дворянства и городовъ. Конечно, очень спорный вопросъ, есть ли вообще необходимость въ Россіи въ верхней палатѣ, а верхняя палата съ такимъ составомъ очевидно не отвѣчаетъ той идеѣ народовластія, которую въ формѣ конституціонной монархіи исповѣдуетъ и большинство представителей прогрессивныхъ партій. Обращаясь затѣмъ собственно къ выборамъ, мы видимъ, что законъ 11 декабря ни въ чемъ существенномъ не измѣнилъ выборной системы 6 августа, а только дополнилъ ее, черезъ что получилось нѣчто крайне сложное и не всегда понятное, тѣмъ болѣе, что оба закона не слиты вмѣстѣ и всякому желающему разобраться въ нихъ приходится самому продѣлывать ихъ сводку. Сложность и неясность есть, впрочемъ, обыкновенное свойство узаконеній, выработан-

ныхъ и изложенныхъ не въ развитіе какой-нибудь опредѣленной идеи, вродѣ, напримѣръ, первоначальной редакціи судебныхъ уставовъ, а представляющихъ случайный результатъ компромисса и взаимныхъ уступокъ противоположныхъ мнѣній. Сколько извѣстно, законъ 11 декабря составился именно этимъ послѣднимъ путемъ, именно путемъ обсужденія 5—9 декабря въ Царскомъ Селѣ двухъ проектовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ сторонниковъ въ числѣ присутствовавшихъ на совѣщаніи министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Одинъ проектъ имѣлъ въ основаніи своемъ всеобщее избирательное право, хотя не съ прямой, а съ двухстепенной подачей голосовъ; другой предполагалъ, оставаясь на почвѣ закона 6 августа, только нѣсколько расширить, согласно указаній манифеста 17 октября, кругъ лицъ, пользующихся избирательными правами. Сторонники послѣдняго взгляда, въ томъ числѣ и графъ Витте, доказывали, что принятіе перваго проекта противорѣчило бы смыслу манифеста 17 октября. Въ послѣднемъ, дѣйствительно, не говорилось о всеобщемъ избирательномъ правѣ, но, съ другой стороны, не ставилось и никакихъ предѣловъ привлеченію къ участію въ выборахъ «всѣхъ классовъ населенія», которые въ то время лишены были избирательныхъ правъ. На совѣщаніе были приглашены и нѣкоторые общественные дѣятели, именно Д. Н. Шиповъ, А. И. Гучковъ, бар. П. Л. Корфъ и гр. А. Бобринскій. Имена ихъ достаточно извѣстны, чтобы можно было заподозрить ихъ въ какихъ-нибудь ультра-либеральныхъ тенденціяхъ; вѣроятно, этой благонамѣренной извѣстности они и были обязаны своимъ приглашеніемъ, такъ какъ никого изъ видныхъ дѣятелей хотя бы такого скромнаго оттѣнка, какъ большинство земско-городского съѣзда, приглашено не было. И всѣ четверо, даже къ удивленію многихъ и графъ Бобринскій, высказались за всеобщее избирательное право. Эти лица были приглашены только для заявленія своего мнѣнія и потомъ удалились. Затѣмъ продолжалось обсужденіе по пунктамъ обоихъ проектовъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ въ тотъ и другой вносились различныя поправки; такъ, въ цензовый проектъ включены были пункты, уничтожающіе всякую цензовую нормировку для владѣльцевъ городскихъ имуществъ и плательщиковъ промыслового налога; относительно квартиронанимателей получилось въ томъ же проектѣ, что по 3-му пункту 1-й статьи они должны для полученія избирательнаго права платить налогъ, а по 5-му пункту той же статьи могутъ и не платить. Какъ бы то ни было, большинствомъ былъ принятъ именно этотъ цензовый проектъ со внесенными въ него вставками и поправками, а проектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ былъ отвергнутъ. Съ перваго раза можетъ показаться, что обнародованный законъ хотя и не представляетъ логической стройности и послѣдовательности, въ результатѣ всетаки даетъ значительное приближеніе къ всеобщему избирательному праву, такъ какъ имъ въ ряды избирателей вводится много новыхъ лицъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи указа 11 декабря это впечатлѣніе въ значительной мѣрѣ исчезаетъ, а неправильность устанавливаемаго имъ представительства все больше

бросается въ глаза. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на самое капитальное стѣсненіе, вносимое ограниченіемъ пассивнаго избирательнаго права не только тѣмъ округомъ, гдѣ производятся выборы, но даже исключительно составомъ выборщиковъ. Это значитъ, что всякій участвующій въ выборахъ, подавая свой голосъ, выбираетъ вовсе не того, кого онъ вообще считаетъ наиболѣе желательнымъ и пригоднымъ, а только одного изъ участвующихъ съ нимъ вмѣстѣ въ губернскомъ избирательномъ собраніи выборщиковъ (въ числѣ отъ 32 до 225). Это стѣсненіе усугубляется еще тѣмъ, что выборы всѣ двух- или трехстепенные, а для крестьянъ даже четырехстепенные, и на каждомъ изъ предварительныхъ выборовъ избирающій можетъ выбирать только изъ среды своихъ соизбирателей. Различіе въ степени приближенія каждаго первоначальнаго избирателя къ послѣдней стадіи выборовъ, т.-е. къ губернскому собранію, уже прямо выбирающему членовъ Думы, приводитъ къ тому, что права различныхъ курій являются крайне неравными. Предполагая, что въ каждомъ промежуточномъ избирательномъ собраніи будетъ хоть въ среднемъ по сту человѣкъ, получаемъ, что каждый крупный землевладѣлецъ по своему избирательному значенію равенъ пяти тысячамъ крестьянъ-домохозяевъ. И такую-то систему выставляли какъ болѣе благопріятную для крестьянъ, чѣмъ всеобщее избирательное право. Были даже случаи ходатайствъ отъ крестьянскихъ сходовъ о сохраненіи отдѣльныхъ крестьянскихъ выборовъ по закону 6 августа. Мы понимаемъ, что какому-нибудь сходу темныхъ, наполовину вовсе безграмотныхъ людей можно было, пользуясь ихъ темнотой и запутанностью закона, внушить совершенно ложную мысль о томъ, что они потеряютъ нѣчто въ своихъ правахъ при переходѣ отъ закона 6 августа ко всеобщему, равному и прямому избирательному праву, при которомъ внѣ городовъ крестьяне были бы полными господами положенія. Но что сказать о тѣхъ, кто внушалъ имъ подобныя мысли? Разумѣется, совершенно ясно и то, что требованіе непремѣннаго избранія крестьянами крестьянъ же есть ограниченіе, а не расширеніе ихъ правъ. Очень важное различіе не въ пользу нынѣшняго закона сравнительно со всеобщимъ избирательнымъ правомъ состоитъ въ томъ, что онъ въ сущности даетъ избирательныя права не лицу, а имуществу, хотя бы и самому минимальному. Вслѣдствіе этого обладателемъ избирательнаго права является только формальный собственникъ имущества или вообще лицо, непосредственно связанное съ цензовымъ признакомъ: выбирающее торговое или промысловое свидѣтельство, нанимающее на свое имя квартиру и т. п., а не члены его семьи, хотя бы по своимъ личнымъ качествамъ и вполнѣ правоспособные. Такимъ путемъ устраняется очень значительное число лицъ, находящихся въ полномъ расцвѣтѣ умственнаго развитія; а по отношенію къ крестьянамъ тотъ же принципъ, требующій участія въ выборахъ только членовъ схода, т.-е. домохозяевъ, долженъ прямо дать на выборахъ перевѣсъ безграмотности. Большое количество выборщиковъ будетъ устранено также требованіемъ годового пребыванія въ одномъ мѣстѣ жительства, не соотвѣт-

ствующимъ нашимъ обычаямъ ежегоднаго переселенія значительной части мѣстнаго населенія на отхожіе заработки. Не входя въ разборъ другихъ болѣе мелкихъ несовершенствъ системы 11 декабря, мы остановимся только на учреждаемомъ этимъ закономъ особомъ представительствѣ рабочихъ. Указъ 11 декабря, повидимому, придаетъ особую важность этому представительству, посвящая ему цѣлыхъ 21 пунктъ, а между тѣмъ права, даваемыя рабочимъ, являются въ сущности совершенно иллюзорными. Во-1-хъ, число выборщиковъ отъ рабочихъ, за исключеніемъ четырехъ губерній: Московской 35 (съ Москвой), Петербургской 24 (съ Петербургомъ), Петроковской 21 (съ Лодзью) и Владимірской 16, совершенно ничтожно и не можетъ имѣть сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на выборъ членовъ Думы. При какой угодно системѣ, въ томъ числѣ и при всеобщей подачѣ голосовъ, у насъ рабочіе почти во всѣхъ избирательныхъ округахъ были бы въ меньшинствѣ. Но, конечно, совсѣмъ другое дѣло, когда меньшинство участвуетъ въ выборахъ вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ, входя въ союзы съ тѣми или иными группами и партіями и давая перевѣсъ тѣмъ, кому оно наиболѣе сочувствуетъ, или же когда оно является обособленнымъ и опирающимся только на собственныя силы. Надо замѣтить, что для рабочихъ не установлено отдѣльныхъ выборовъ, какъ для крестьянъ, которые въ нихъ при всеобщемъ голосованіи вовсе бы не нуждались, а рабочіе выборщики участвуютъ въ выборѣ членовъ Думы вмѣстѣ съ другими, что при ихъ малочисленности легко можетъ привести къ тому, что, несмотря на всю громоздкую постройку отдѣльной рабочей куріи, въ Думу не попадетъ ни одинъ рабочій депутатъ. Но этого мало: самое право рабочихъ на участіе въ выборахъ построено на совершенно шаткомъ основаніи, при томъ вовсе не зависящемъ отъ самихъ рабочихъ. Рабочимъ признается тотъ, кто числится таковымъ на фабрикѣ, имѣющей болѣе пятидесяти человѣкъ, работающихъ на ней. Но вѣдь и число рабочихъ, и дѣятельность самой фабрики зависятъ вполнѣ отъ хозяина фабрики. Фабриканту, не желающему, чтобы его рабочіе принимали участіе въ выборахъ, стоитъ только закрыть свою фабрику на это время. Мы не говоримъ, чтобы такое средство могло часто практиковаться, но достаточно того, что оно возможно, чтобы вліять на свободное отношеніе рабочихъ къ выборамъ.

Впрочемъ, о свободныхъ выборахъ по нынѣшнимъ временамъ вообще говорить не приходится; и въ этомъ заключается вторая, еще болѣе важная причина того, что будущая Дума, очень вѣроятно, окажется не только не представляющей равномѣрно интересовъ различныхъ частей населенія, но и вовсе не выражающей собою желаній и требованій народа. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ въ настоящее время находится Россія, при отсутствіи всякихъ гарантій сознательнаго и свободнаго выбора, трудно и ожидать чего-нибудь другого. Это, конечно, понимало и правительство, которое въ манифестѣ 17 октября совершенно логично и правильно, говоря объ учрежденіи Думы, предпосылало ему условіе «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйстви-

тельной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Безъ сомнѣнія, оно и теперь понимаетъ тѣсную связь между свободной Думой и сказанными гарантіями и, если послѣднія больше чѣмъ когда-нибудь отсутствуютъ, то между прочимъ и потому, что теперь правительству уже не нужна свободно избранная Дума. Въ сущности она и раньше была ему нужна лишь для того, чтобы служить орудіемъ успокоенія взволнованной страны, достичь котораго одно время казалось невозможно другими средствами, какъ обѣщаніями, данными 17 октября. Когда же обѣщанія безъ реальнаго ихъ исполненія не только не привели къ желаемому успокоенію, а напротивъ вызвали еще большее обостреніе недовольства, то правительство для подавленія явныхъ революціонныхъ движеній обратилось къ военной силѣ и къ введенію исключительныхъ законовъ. Самъ авторъ «конституціи» 17 октября высказывалъ, какъ говорятъ, 27 декабря на совѣщаніи въ Царскомъ Селѣ свое опредѣленное убѣжденіе, что Россія можетъ успокоиться и возродиться только при сохраненіи полной неприкосновенности самодержавія. Какъ изъ рога изобилія посыпались теперь ежедневные аресты, запрещенія собраній, закрытія газетъ, объявленія усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія. Взявши газету «Русское Слово» за одинъ день 28 декабря,—беремъ этотъ номеръ совершенно случайно,—мы находимъ въ немъ болѣе двадцати извѣстій объ арестахъ, въ томъ числѣ нѣсколько массовыхъ съ десятками и сотнями арестованныхъ. Въ томъ же номерѣ извѣщаютъ о конфискаціи въ Полтавѣ «Народной Газеты» и «Полтавщины», въ Петербургѣ журнала «Митингъ»; въ Баку закрыта газета «Кавказское Слово». И такъ каждый день. Все это сдѣлалось до такой степени обычнымъ, что никого уже не удивляетъ, какъ перестаютъ удивлять и реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ внутри Россіи, пишущіяся такимъ же слогомъ, какъ и о войнѣ съ японцами, только въ выраженіяхъ гораздо болѣе жестокихъ и безпощадныхъ. Разъ таково настоящее направленіе нашей внутренней политики, то казалось бы, что у него можетъ быть общаго съ народнымъ представительствомъ и съ сопровождающими его «свободами»? И не проще ли было бы откровенно повернуть назадъ? Но неудобство откровеннаго образа дѣйствій заключается въ томъ, что на насъ смотритъ западная Европа и отъ того или иного ея взгляда на наши дѣла зависитъ: дастъ ли она денегъ русскому правительству, или нѣтъ. Это вопросъ въ настоящее время крайне важный для правительства, такъ какъ финансовое положеніе его въ высшей степени шатко. Государственная смѣта сведена съ дефицитомъ въ 481 милліонъ. Разоренная и голодающая страна не представляетъ никакихъ рессурсовъ; подати поступаютъ за послѣднее время изъ рукъ вонъ плохо. Наличныхъ денегъ тоже нѣтъ и приходится уже теперь прибѣгать къ такому рискованному средству, какъ выпускъ на 150 милліоновъ кредитныхъ билетовъ больше, чѣмъ сколько это допускается по закону соотвѣтственно величинѣ золотого запаса обезпеченія. Нельзя наконецъ ручаться, что каждую минуту не понадобятся какіе-нибудь не-

предвидѣнные расходы. Единственная надежда на возможность заключить внѣшній заемъ; но за границей денегъ не даютъ до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ правительства, которому можно вѣрить, а такимъ правительствомъ западные европейцы признаютъ только правильно организованную Думу. Нѣтъ Думы—нѣтъ денегъ. Поэтому необходимо созвать Думу; но нѣтъ никакой надобности, чтобы она была настоящимъ народнымъ представительствомъ. Напротивъ, чѣмъ она будетъ послушнѣе и покладливѣе, тѣмъ лучше. Надо подобрать въ Думу такихъ людей, съ которыми, подъ видомъ конституціи и народнаго представительства, можно будетъ продолжать править и хозяйничать по-старому. Для выбора такой Думы усиленная охрана и военное положеніе, аресты и высылки неудобныхъ лицъ, закрытіе нежелательныхъ газетъ и т. п. не только не мѣшаютъ, но могутъ быть и полезны. Говорятъ, что генералъ Скалонъ даже откровенно высказалъ коммиссіи польскихъ избирателей, ходатайствовавшей о снятіи военнаго положенія въ Польшѣ на время выборовъ, что военное положеніе отчасти и введено именно въ виду выборовъ для борьбы съ революціонными партіями. И дѣйствительно, въ настоящее время становится уже вполнѣ ясно, что правительство вовсе не намѣрено безпристрастно отнестись къ выборной кампаніи. Оно кладетъ отнынѣ же рѣзкую демаркаціонную черту между партіями, угодными ему и неугодными; первымъ оно покровительствуетъ или во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ, вторыя или прямо преслѣдуетъ, или ставитъ ихъ дѣятельности всякія препятствія. Эта черта повидимому уже опредѣлилась. Она проходитъ между партіями конституціонно-демократической и такъ наз. союзомъ 17 октября. Этотъ союзъ, образовавшійся въ послѣднее время изъ четырехъ партій: собственно партіи 17 октября, партіи правового порядка, торгово-промышленной и умѣренно-прогрессивной, возникъ повидимому на почвѣ борьбы съ революціонными партіями; по крайней мѣрѣ такой характеръ носило его воззваніе, подписанное отъ имени вышеназванныхъ четырехъ партій и публично расклеенное на улицахъ Москвы во время декабрьскихъ событій. Въ этомъ воззваніи, возлагая всю отвѣтственность на крайнія партіи, союзъ ни однимъ словомъ не обмолвился о болѣе глубокихъ причинахъ этихъ событій и о роли въ нихъ правительства. Уже этимъ однимъ онъ вполнѣ опредѣлилъ свое положеніе, какъ партіи безусловно правительственной и пользующейся покровительствомъ правительства: на это указывала расклейка его воззваній рядомъ съ объявленіями московскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ это покровительственное отношеніе выразилось еще опредѣленнѣе 26 декабря при пріемѣ графомъ Витте предсѣдателя петербургскаго центральнаго комитета «союза 17 октября» барона Корфа и членовъ комитета. Послѣдніе жаловались на то, что приказомъ петербургскаго градоначальника были воспрещены всякія собранія, чѣмъ между прочимъ стѣснена и ихъ дѣятельность. «Вамъ всегда разрѣшатъ собираться», отвѣтилъ графъ Витте. На возраженіе же, что члены союза 17 октября находятъ для себя неудобнымъ становиться въ

привилегированное положеніе и что приказомъ градоначальника отмѣняется законъ 12 октября, послѣдовалъ отвѣтъ, что законъ 12 октября не даетъ администраціи достаточно средствъ для борьбы съ лицами, желающими обойти его, но что приказъ градоначальника будетъ отмѣненъ въ половинѣ января. Такимъ образомъ, по мнѣнію графа Витте, законъ можетъ свободно нарушаться приказомъ градоначальника, а приказъ въ свою очередь можетъ не исполняться, когда дѣло идетъ о сторонникахъ правительства. Совсѣмъ иное отношеніе существуетъ къ партіямъ, которыя не признаются за таковыхъ и не только къ крайнимъ соціалистическимъ, но и къ конституціонно-демократической, съ нѣкоторыми изъ представителей которой графъ Витте мѣсяца три тому назадъ велъ политическіе переговоры. Такъ, на-дняхъ одно изъ районныхъ бюро этой партіи въ Петербургѣ было закрыто полиціей; говорятъ, что такая же участь грозитъ и другимъ бюро. Въ 11 № *Народнаго Хозяйства* помѣщено сообщеніе секретаря конституц.-демократич. партіи А. А. Корнилова о томъ, что владимірская администрація, свободно разрѣшая печатаніе воззваній и объявленій охранительныхъ партій, запрещаетъ печатаніе какихъ бы то ни было объявленій к.-д. партіи. Калужскій губернаторъ тоже не разрѣшилъ собраній к.-д. партіи, допуская въ то же время въ дворянскомъ собраніи устройство собраній реакціонеровъ. Мы уже не говоримъ о соціалистическихъ партіяхъ, комитеты которыхъ попросту арестуются, какъ это было, напр., въ Минскѣ, хотя, кажется, можно быть соціалистомъ и республиканцемъ, ни въ кого не стрѣляя, не строя баррикадъ и вообще не совершая никакихъ политическихъ преступленій. Бебель или Зингеръ могутъ совершенно открыто заявлять о своихъ соціалистическихъ убѣжденіяхъ и своемъ желаніи передѣлать весь политическій и экономическій строй общества и въ то же время вполнѣ безопасно для себя и другихъ засѣдать въ рейхстагѣ на равныхъ правахъ съ самыми консервативными прусскими юнкерами. Точно также, казалось бы, и наши соціалисты имѣютъ полное право существованія, какъ политическая партія, поскольку дѣятельность ихъ ограничивается распространеніемъ ихъ ученія путемъ слова и печати, вообще мирными и легальными способами и избирательной агитаціей такой же, какую, по крайней мѣрѣ въ теоріи, могутъ вести всякія другія партіи. Вообще вопросъ о партіяхъ въ связи съ избирательной агитаціей составляетъ теперь одинъ изъ самыхъ злободневныхъ вопросовъ и на немъ стоитъ остановиться. Партій у насъ въ настоящее время считается очень много и разобраться въ нихъ не всегда легко. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое политическая партія вообще. Разсматривая этотъ вопросъ съ научной точки зрѣнія, проф. Гамбаровъ, напр., даетъ такое опредѣленіе («Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ», рецензія въ XI кн. *Русской Мысли* за 1904 г.): «Политическія партіи суть свободныя общественныя группы, образующіяся внутри правового государства для совмѣстнаго политическаго дѣйствія на почвѣ общихъ всѣмъ объединеннымъ индивидамъ интересовъ и идей».

Характерными признаками партій являются такимъ образомъ, съ одной стороны, опредѣленная программа, служащая выраженіемъ общности политическихъ интересовъ или идей, раздѣляемыхъ всѣми членами партіи, съ другой—совмѣстная дѣятельность, направленная къ достиженію программныхъ цѣлей, необходимо предполагающая извѣстную организацію и дисциплину. Относительно какъ того, такъ и другого можно сказать, что едва ли не всѣ наши партіи находятся еще въ періодѣ образованія. Это обстоятельство налагаетъ на нихъ своеобразный отпечатокъ, отличающій ихъ отъ строго-опредѣленныхъ партій западной Европы; но если оно въ извѣстной мѣрѣ ослабляетъ партійную прочность и дисциплину, то оно же даетъ нашимъ партіямъ возможность легче реагировать на измѣняющіяся условія момента. Въ сущности дѣйствительное общественное значеніе имѣютъ лишь слѣдующія группы: двѣ соціалистическія партіи—соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, затѣмъ, идя слѣва направо, конституціонно-демократическая партія, и далѣе, тѣ четыре партіи, образующія союзъ 17 октября, о которыхъ говорено выше, т.-е. партія 17 октября, правового порядка, торгово-промышленная и умѣренно-прогрессивная. Есть еще и нѣкоторыя другія партіи, выпустившія свои программы, изъ которыхъ однѣ, какъ радикальная и свободомыслящая, занимаютъ середину между соціалистическими партіями и конституціонно-демократической, другія примыкаютъ къ охранительному блоку, или идутъ еще далѣе его, требуя возвращенія къ старымъ порядкамъ. Свободомыслящая партія составила программу, едва ли не лучше всѣхъ разработанную въ научномъ отношеніи; но всѣ эти партіи по новости ли своего появленія, или по недостаточной энергіи ихъ членовъ, не сгруппировали возлѣ себя большого числа лицъ и не заняли виднаго мѣста на политической аренѣ. Самою старшею изъ русскихъ партій надо считать партію соціалъ-демократовъ, сформировавшуюся еще въ 90-хъ годахъ, т.-е. лѣтъ 15 тому назадъ. Программа ихъ составлена по образцу программъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи. Конечною своею цѣлью они ставятъ полную реформу экономическаго и соціальнаго строя общества съ обобществленіемъ всѣхъ орудій производства; но признавая невозможнымъ теперь же сразу достичь этой цѣли, они для даннаго времени предъявляютъ нѣкоторую минимальную программу. Въ политическую часть этой программы входятъ требованія немедленнаго установленія демократической республики съ передачей верховной власти законодательному собранію, состоящему изъ одной палаты и избранному всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ съ участіемъ всѣхъ лицъ обоего пола свыше двадцатилѣтняго возраста. Затѣмъ должны быть установлены неприкосновенность личности и жилища, свобода совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, уничтоженіе сословій и всякаго неравенства, замѣны постояннаго войска народнымъ ополченіемъ и полное отдѣленіе церкви отъ государства. Въ финансовой части своей программы с.-д. требуютъ отмѣны косвенныхъ налоговъ, съ замѣною ихъ прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы. Больше всего эта партія разработа-

ла вопросъ о рабочей программѣ, въ чемъ она сходится со своимъ нѣмецкимъ прототипомъ. Она требуетъ восмичасового рабочаго дня для всѣхъ наемныхъ рабочихъ, установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, продолжающагося не менѣе 42 часовъ, полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ, запрещенія ночного труда, кромѣ безусловно необходимаго, труда дѣтей школьнаго возраста, женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; вообще улучшеній условій труда, съ постановленіемъ его подъ надзоръ фабричной инспекціи, учрежденія государственнаго страхованія рабочихъ и проч. Гораздо хуже разработанъ въ соціалъ-демократической программѣ крестьянскій и аграрный вопросы. Разрѣшеніе послѣдняго въ томъ смыслѣ, какъ это требуетъ огромное большинство крестьянскаго населенія, т.-е. въ смыслѣ передачи всей или почти всей земли въ пользованіе крестьянъ, противорѣчило теоретической схемѣ ученія соціалъ-демократовъ, по которой въ земледѣліи, какъ и въ промышленности, мелкая собственность должна постепенно быть поглощена крупной. Нѣсколько большей гибкостью и терпимостью отличается другая соціалистическая партія, соціалистовъ-революціонеровъ, появившаяся позже соціалъ-демократовъ. Программа ихъ въ своей политической, финансовой и рабочей части весьма близка къ программѣ предыдущей партіи, за исключеніемъ того, что они придаютъ особое значеніе мѣстной и національной самостоятельности. Поэтому они за форму государственнаго устройства признаютъ не унитарную республику, а федерацію республикъ, причемъ предоставляютъ каждой націи «безусловное право на самоопредѣленіе», т.-е. на опредѣленіе ею самою своего внутренняго политическаго и культурнаго устройства. Особенностями программы соціалистовъ-революціонеровъ, отличающими ее отъ программы соціалъ-демократовъ, являются также пропорціональное представительство и референдумъ. Но самое существенное и характерное отличіе этой партіи,—это ея отношеніе къ аграрному вопросу. Признавая, что общій переходъ къ соціалистическому устройству общества, а слѣдовательно и передача всѣхъ орудій труда въ руки рабочаго класса, есть дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, соціалисты-революціонеры считаютъ возможнымъ и необходимымъ совершить теперь же эту передачу по отношенію къ землѣ. По ихъ предположенію не только казенныя, удѣльныя, монастырскія и т. п. земли, но и всѣ частно-владѣльческія должны быть экспропріированы безъ всякаго вознагражденія и переданы въ пользованіе трудящихся земледѣльцевъ. Въ какой именно формѣ должна совершиться эта передача—относительно этого мнѣнія партіи нѣсколько измѣнились. Сначала говорилось о націонализаціи всей земли, т.-е. о передачѣ ею въ распоряженіе государства, которое уже и распредѣляло бы пользованіе ея между отдѣльными лицами или общинами. Въ послѣднее время установился нѣсколько иной взглядъ: земля должна быть передана «въ общественное владѣніе и распоряженіе демократически-организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія». Въ случаѣ невозможности сразу

осуществить это требованіе, партія допускаетъ и постепенное приближеніе къ его осуществленію. Высказываясь за реализацію самаго настоятельнаго требованія крестьянъ, партія с.-р. естественно должна была въ крестьянствѣ найти себѣ наиболѣе удобную почву для пропаганды. Что касается до тактики ея, то она съ самаго начала своей дѣятельности носила боевой характеръ и потому понятно, что симпатіи ея въ послѣднее время оказались также на сторонѣ вооруженнаго возстанія. Однимъ изъ недостатковъ этой партіи, какъ и предыдущей, хотя, можетъ быть, и въ меньшей степени, является тоже переоцѣнка реальнаго значенія исповѣдуемыхъ ею теоретическихъ взглядовъ. Въ активъ ея, также, какъ и соціалъ-демократической партіи, должна быть зачтена чрезвычайная энергія и беззавѣтная преданность своему дѣлу, что, конечно, отчасти обусловлено принадлежностью къ той и другой значительнаго числа интеллигентной молодежи. Эти качества уже въ значительно меньшей степени мы встрѣчаемъ въ третьей оппозиціонной партіи—конституціонно-демократической. Хотя къ ней и примыкаетъ небольшая группа студентовъ, но въ общемъ ея составѣ мало представителей молодежи, а главныя ея кадры состоятъ, какъ видно изъ списка членовъ ея центральнаго комитета, преимущественно изъ болѣе, если можно такъ выразиться, солидныхъ людей: землевладѣльцевъ, профессоровъ, адвокатовъ и т. п. Образовалась она изъ двухъ группъ, начало дѣятельности которыхъ относится къ 1903 и 1904 гг., именно изъ «союза освобожденія», органомъ котораго былъ издававшійся П. Б. Струве за-границей журналъ этого же названія, и лѣвой группы земско-городскихъ съѣздовъ, но программа ея была выработана только на съѣздѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1905 г.

Разнообразіе мнѣній по нѣкоторымъ вопросамъ въ средѣ партіи и желаніе сохранить ея единство повели къ тому, что нѣкоторые пункты программы остались открытыми, а другіе не были ясно выражены. Такъ, въ программѣ прямо указано, что партія допускаетъ въ своей средѣ различіе мнѣній по вопросу объ одной или двухъ палатахъ представителей. Сильное неодобреніе со стороны многихъ единомышленниковъ партіи возбудило также внесеніе въ программу примѣчанія, которымъ признается необязательнымъ для меньшинства немедленное распространеніе на женщинъ избирательнаго права. Хотя постановленіемъ 18 октября съѣздъ призналъ, что учредительное собраніе должно быть избрано «на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ безъ различія *пола*, національности и вѣроисповѣданія», такъ что примѣчаніе осталось не исключеннымъ изъ программы только по формальной причинѣ, потому что съѣздъ въ этомъ засѣданіи вообще не обсуждалъ программъ, тѣмъ не менѣе оно и теперь продолжаетъ колоть глаза сторонникамъ женской политической равноправности. Основой представительства партія признаетъ четырехчленную формулу. Первое представительное собраніе должно имѣть характеръ учредительнаго, т.-е. задачей его должна быть только выработка основнаго конституціоннаго закона, подлежащаго

утвержденію Государя, и, можетъ быть, разрѣшеніе лишь самыхъ неотложныхъ вопросовъ, вродѣ финансоваго и аграрнаго. Подробно разработанъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи на самыхъ широкихъ началахъ, но ни слова не говорится ни о какомъ расчлененіи русскаго государства или федеративномъ его устройствѣ, въ чемъ совершенно несправедливо упрекаютъ конституціонно-демократическую партію ея противники справа. Эти нареканія отчасти обращаются не по адресу, такъ какъ говорятъ о постановленіяхъ не конституціонно-демократической партіи, а земскаго съѣзда, да и по отношенію къ послѣднему допускаются совершенно неправильныя толкованія и даже прямыя невѣрности. Одна изъ такихъ якобы «опечатокъ» была указана членомъ съѣзда г. Врублевскимъ: въ постановленіи съѣзда говорилось о введеніи автономіи Польши «немедленно *по* установленіи въ Россіи конституціоннаго строя». Партія правового порядка въ своей полемикѣ со съѣздомъ передала это мѣсто такъ: «немедленно *до* установленія и т. д., что очевидно совершенно мѣняло смыслъ. Въ первомъ случаѣ автономія должна была быть дана общерусскимъ представительнымъ собраніемъ, во второмъ—независимо отъ него. Что касается до программы конституціонно-демократической партіи, то въ 25 § ея говорится по отношенію къ Польшѣ слѣдующее: «Немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами, въ Царствѣ Польскомъ вводится автономное устройство съ сеймомъ, избираемымъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ и общегосударственное представительство, при условіи сохраненія государственнаго единства и участія въ центральномъ представительствѣ на одинаковыхъ съ прочими частями имперіи основаніяхъ». Кажется,—ясно, но это не мѣшаетъ охранительнымъ партіямъ утверждать, что конституціонно-демократы хотятъ расчленить Россію и требуютъ федераціи. Въ этомъ же § сказано дальше о возможномъ исправленіи границъ между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями. Сдѣлано это главнымъ образомъ въ виду того, чтобы не включать въ объединенную Польшу малорусскаго населенія Люблинской губерніи; однако и это было поставлено въ вину конституціонно-демократической партіи, будто бы желающей возстановленія Польши «отъ моря до моря». Высказавшись опредѣленно объ автономіи Польши, конституціонно-демократическая партія не нашла возможнымъ теперь же высказаться относительно такой же автономіи Кавказа и вообще мѣстностей, могущихъ предъявить подобныя требованія, указавши, что для нихъ «долженъ быть открытъ правомѣрный путь въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства.» Въ такомъ ничего не предрѣшающемъ указаніи на существованіе національныхъ стремленій,—а отрицать ихъ существованіе нѣтъ возможности,—было усмотрѣно также требованіе расчлененія Россіи.

Относительно финансовой политики программа конституціонно-демократической партіи не даетъ ничего особенно оригинальнаго; она требуетъ пересмотра бюджета въ видахъ исключенія непроизводительныхъ и увеличенія нужныхъ для развитія государства расходовъ, постепенной по мѣрѣ

возможности отмѣны косвенныхъ налоговъ и замѣны ихъ прямыми, обращенія средствъ сберегательныхъ кассъ на развитіе мелкаго кредита. Относительно рабочаго законодательства, существенно указаніе на введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня, причемъ норма эта должна быть осуществлена немедленно въ тѣхъ производствахъ, гдѣ это въ данное время возможно, а въ другихъ вводиться постепенно по мѣрѣ возможности.

Въ аграрномъ вопросѣ партія высказалась за увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, государственными, удѣльными, кабинетными и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ часто-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) цѣнѣ. Нельзя не признать, что послѣднее выраженіе, хотя оно и имѣло въ виду сказать не преувеличенной, можетъ подать поводъ къ пониманію его въ обратномъ смыслѣ и къ упрекамъ въ потворствѣ вожделѣніямъ русскихъ аграріевъ. Отчуждаемыя частновладѣльческія земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ; начала же, на которыхъ изъ этого фонда онѣ переходятъ въ пользованіе нуждающагося населенія, должны быть установлены сообразно съ особенностями отдѣльныхъ мѣстностей. Безсодержательность всѣхъ охранительныхъ партій особенно выступаетъ по двумъ капитальнымъ вопросамъ: рабочему и аграрному. Впрочемъ, умѣренно-прогрессивная партія по этому послѣднему буквально переписываетъ въ своей программѣ сказанное конституціонно-демократической партіей; но зато по рабочему вопросу она отрицаетъ введеніе какой-нибудь нормировки числа рабочихъ часовъ «въ виду міровой конкуренціи и чрезмѣрнаго количества въ Россіи праздниковъ». Партія, однако, признаетъ свободу рабочихъ союзовъ и собраній и право защиты рабочими своихъ интересовъ путемъ стачекъ безъ насильственныхъ мѣропріятій. Въ программѣ партіи 17 октября признается необходимымъ урегулировать это право законодательнымъ порядкомъ. Что же касается до обезпеченія интересовъ рабочихъ вообще и въ частности до законодательнаго установленія максимума рабочаго времени, то во всѣхъ трехъ программахъ: правового порядка, торгово-промышленной и 17 октября, кромѣ общихъ благопожеланій, совершенно ничего нѣтъ. Такое же пожеланіе высказывается торгово-промышленной партіей и по аграрному вопросу: «увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это является необходимымъ, при содѣйствіи реорганизованнаго крестьянскаго банка, а равно и иными справедливыми способами». Союзъ 17 октября ограничиваетъ аграрныя мѣропріятія содѣйствіемъ разселенію и переселенію крестьянъ, признаніемъ государственныхъ и удѣльныхъ земель «возможнымъ» фондомъ для удовлетворенія земельной нужды, разверстаніе чрезполосныхъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель съ обязательнымъ отчужденіемъ отрѣзковъ и уже при недостаточности этихъ мѣръ, въ случаяхъ государственной важности,

принудительное отчужденіе части частно-владѣльческихъ земель за справедливое вознагражденіе. Партія правового порядка указываетъ на «дополнительное надѣленіе» со справедливымъ вознагражденіемъ, добавляя всемѣрное содѣйствіе къ переходу крестьянъ отъ общиннаго владѣнія къ личному. Трудно предсказать, что можетъ выйти изъ избирательной борьбы; но во всякомъ случаѣ должно сказать, что не устраненіемъ отъ борьбы можно оказать услугу освободительному движенію. Надо, наоборотъ, вести самую энергичную избирательную агитацію, не боясь возможнаго пораженія. Все равно, усилія, употребленныя на пропаганду освободительныхъ идей, не пропадутъ даромъ. Выборы въ Думу—только одинъ изъ эпизодовъ борьбы, которая, конечно, будетъ продолжаться и дальше. Несомнѣнно, что Дума, избранная охранительными партіями, очень скоро разочаруетъ даже ихъ самихъ, такъ какъ она не дастъ странѣ даже того внѣшняго успокоенія, котораго они желаютъ. Дѣло вовсе не въ томъ, какая партія побѣдитъ на выборахъ, при несвободныхъ условіяхъ выбора, а въ томъ, какая партія по существу дѣла отвѣчаетъ народнымъ требованіямъ. Если такая партія не попадетъ въ Думу, то и Дума не будетъ имѣть никакого значенія, а политическая борьба будетъ вестись внѣ ея, до тѣхъ поръ пока освободительное движеніе не воплотится въ организованныхъ и сознательно дѣйствующихъ народныхъ массахъ, которыми и будетъ высказана непреклонная и потому непреодолимая воля народа.

В. Л.

II.

Декабрьскія событія и ихъ значеніе.

Вотъ уже болѣе года, какъ страна наша находится въ революціонномъ состояніи и испытываетъ жестокія потрясенія, все болѣе и болѣе усиливающіяся. Въ этомъ длинномъ рядѣ тяжелыхъ мучительныхъ мѣсяцевъ, когда быстрая кратковременная надежда каждый разъ смѣнялась жестокимъ разочарованіемъ и новыми кровопролитіями, минувшій декабрь мѣсяцъ сказался однимъ изъ наиболѣе ужасныхъ. Революціонный вихрь снова пронесся по всей странѣ и на этотъ разъ принесъ столько крови, столько жертвъ, столько ужасовъ, какъ никогда до сихъ поръ.

Въ разыгравшихся событіяхъ на долю Москвы выпала наиболѣе тяжкая участь. Началось дѣло съ того, что 6 декабря постановлено было московскимъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и комитетами соціалистическихъ партій объявить съ слѣдующаго дня всеобщую политическую забастовку. Къ этому постановленію примкнула и конференція представителей 29 россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Стачка эта явилась отвѣтомъ революціонныхъ партій на дѣятельность правительства, не исполняющаго обѣщаній манифеста 17 октября и вступившаго взамѣнъ того на путь репрессій. Забастовка принялась очень дружно. Уже на слѣдующій день прекратилось отправленіе поѣздовъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ московскаго узла за

исключеніемъ Николаевской. Одновременно забастовали фабрики, заводы, типографіи, трамваи, конки, закрылась большая часть магазиновъ, банки, прекратились занятія въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Въ этомъ отношеніи декабрьская забастовка явилась повтореніемъ октябрьской. Но въ то время какъ октябрьская забастовка протекла сравнительно мирно, декабрьская вызвала массу жертвъ и кровопролитія. Еще 7 декабря манифестъ революціонныхъ партій, напечатанный въ «Извѣстіяхъ» совѣта рабочихъ депутатовъ, призывалъ къ вооруженному возстанію. Въ тотъ же день начались и столкновенія революціонеровъ съ войсками. Вечеромъ въ саду «Акваріумъ» состоялся рядъ митинговъ, на которые собралось свыше 10,000 чел. Какъ извѣстно, митинги эти происходили въ послѣднее время ежедневно. Часовъ въ 11 «Акваріумъ» былъ оцѣпленъ войсками, и многіе находившіеся въ немъ были подвергнуты обыску. Находившаяся въ саду боевая дружина успѣла перейти въ сосѣдній домъ Коммиссаровскаго училища, откуда и разсѣялась. Въ ту же ночь произведено было много арестовъ, а на утро Москва объявлена была на положеніи чрезвычайной охраны. 9-го произошелъ рядъ столкновеній рабочихъ съ войсками. Вечеромъ появились первыя баррикады на Страстной и Тріумфальной площадяхъ, которыя войска брали приступомъ. Въ ту же ночь оцѣпленъ былъ войсками домъ Фидлера, гдѣ въ помѣщеніи реальнаго училища собралось на митингъ много вооруженныхъ лицъ. Войска потребовали сдачи оружія, давъ собравшимся часъ на размышленіе, но, какъ говорятъ, за нѣсколько минутъ до истеченія этого срока изъ дома стали стрѣлять изъ винтовокъ и револьверовъ. Тогда войска дали нѣсколько залповъ, а затѣмъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, пробившихъ бреши въ домѣ. Революціонеры выбросили бѣлый флагъ и сдались. Здѣсь арестовано было нѣсколько членовъ стачечнаго комитета и совѣта рабочихъ депутатовъ и до 120 дружинниковъ. Убитыхъ оказалось 5 и раненыхъ 16, въ томъ числѣ и г. Фидлеръ. Часть присутствовавшихъ спаслась чрезъ сосѣдніе дома.

Въ эту же ночь двумя бомбами произведенъ былъ взрывъ охраннаго отдѣленія. Ночью же вновь появились разобранныя было вечеромъ войсками баррикады на Тріумфальной площади. Къ утру вся площадь была окружена баррикадами, за которыми размѣстились дружинники. Днемъ возведены были баррикады по Садовой, по направленію къ Кудринской и Сухаревой площади, по Тверской, Брестской, Долгоруковской, М. Дмитровкѣ, Грузинской, Лѣсной и др. улицамъ. Хотя обыватели активнаго участія въ вооруженномъ возстаніи не принимали, но оказывали ему поддержку, помогая въ устройствѣ баррикадъ, скрывая дружинниковъ и т. п. Весь день 10-го прошелъ въ борьбѣ войскъ съ баррикадами. Тактика войскъ въ большинствѣ случаевъ была такая. Сначала улица обстрѣливалась во всѣхъ направленіяхъ артиллеріей. Шрапнель летѣла во всѣ стороны и сѣяла кругомъ смерть. Очистивъ себѣ такимъ образомъ путь, войска бросались на баррикады. Первоначально онѣ отстаивались дружинниками, но затѣмъ

тактика повстанцевъ измѣнилась, и баррикады оставлялись при приближеніи войскъ. Стрѣльба по войскамъ производилась лишь изъ засадъ, изъ дворовъ, изъ оконъ квартиръ. Благодаря такому образу дѣйствій, дружинники несли очень мало потерь, успѣвая вò-время скрываться, что давало имъ возможность продолжать свою дѣятельность каждый разъ на новыхъ мѣстахъ. Съ другой стороны, войска, утомленныя и раздраженныя борьбой съ невидимымъ врагомъ, ожесточенно стрѣляли во всѣ стороны, въ дома, въ окна, гдѣ показывалось человѣческое лицо, вдоль цѣлыхъ улицъ.

Такимъ образомъ погибали сотни лицъ, никакого участія въ возстаніи не принимавшихъ и случайно попадавшихъ подъ летавшія во всѣ стороны шрапнель и шальныя пули. Газеты, когда онѣ снова появились 18 декабря, были полны разсказами о множествѣ потрясающихъ трагическихъ эпизодовъ гибели ни въ чемъ не повинныхъ людей, въ томъ числѣ и многихъ дѣтей.

Мы не станемъ передавать всѣхъ подробностей ожесточенной братоубійственной борьбы, цѣлыхъ 6 дней продолжавшейся на улицахъ Москвы. Ужасы пережитаго слишкомъ живы еще въ памяти пережившихъ ихъ. Никогда не забыть имъ ощущеній, которыя вызывали раскаты орудійныхъ залповъ, съ утра до вечера разносившіеся въ огромномъ, густо населенномъ милліонномъ городѣ. Во всѣхъ направленіяхъ скакали драгуны съ винтовками на перевѣсъ, быстрымъ маршемъ шли войска къ мѣсту дѣйствій, развозили артиллерійскія орудія.

Изъ наиболѣе выдающихся явленій слѣдуетъ отмѣтить разгромъ многихъ домовъ артиллеріей. Какъ только изъ какого-нибудь дома раздавался выстрѣлъ, его немедленно подвергали разстрѣлу изъ артиллерійскихъ орудій. Такой участи подверглись нѣсколько домовъ на Садовой, домъ Коровиной на Тверской, домъ Шугаевой на Неглинномъ проѣздѣ, домъ Бурова на Арбатѣ, домъ Романова на Тверскомъ бульварѣ, громадная типографія Сытина и т. д. Можно себѣ представить ужасы жителей, населявшихъ эти дома и становившихся жертвами летающихъ во всѣ стороны гранатъ. Убытокъ владѣльцевъ и частныхъ жильцовъ этихъ домовъ громадный и исчисляется во много сотенъ тысячъ.

Самое кровопролитное дѣло было на Прѣснѣ, гдѣ находятся Прохоровская мануфактура и мебельная фабрика Шмитъ. Здѣсь революціонеры оказали послѣднее сопротивленіе войскамъ. Погромъ Прѣсни начался уже 17-го съ ранняго утра. Прибывшія войска встрѣчены были градомъ пуль изъ винтовокъ и револьверовъ; причемъ убито было нѣсколько человѣкъ. Тогда войска открыли сильный ружейный огонь, а въ 7 часу начала дѣйствовать артиллерія. Прѣсня была окружена войсками со всѣхъ сторонъ. Отъ сильнаго артиллерійскаго огня загорѣлись фабрика Шмита, лаковый заводъ Мамонтова, бани Бирюкова и зданіе Прохоровской мануфактуры, а къ вечеру и дома за Прѣсненской частью. Среди огня и обломковъ отъ разрушающихся зданій, подъ градомъ пуль и гранатъ революціонеры продолжали оказывать отчаянное сопротивленіе и вели ожесточенный бой

Къ вечеру надъ Москвой стояло огромное зарево отъ горѣвшихъ на Прѣснѣ домовъ.

Бомбардировка и пожары вызвали страшную панику среди мирныхъ жителей Прѣсни. Въ ужасѣ они бѣжали изъ домовъ въ разныя стороны, но многіе попадали подъ пули солдатъ. Другіе, видя погибающими выбѣжавшихъ раньше, всетаки продолжали бѣжать, надѣясь на спасеніе, но не всѣ его находили. Многіе были убиты уже на льду Москвы-рѣки. 18-го разгромъ еще продолжался, но революціонеры больше не могли держаться и сдавались. Сдавшихся рабочихъ Прохоровской мануфактуры и другихъ революціонеровъ подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ манежъ. По словамъ газетъ, на Прѣснѣ разгромлено 18 домовъ, убытковъ причинено до 10 милліоновъ, масса бѣдняковъ остались совсѣмъ безъ крова. На Прѣснѣ дѣйствовалъ главнымъ образомъ прибывшій изъ Петербурга семеновскій полкъ подъ начальствомъ полковника Мина.

Много жертвъ пало на линіи Моск.-Казанской жел. дор. Отрядъ семеновцевъ проѣхалъ 16-го по линіи и, останавливаясь на станціяхъ, вступалъ въ бой съ забастовщиками и разстрѣливалъ забранныхъ въ плѣнъ или тѣхъ, у кого при обыскѣ находилъ какое-нибудь оружіе. Всего убитыхъ на ст. Сортировочная, Перово и Люберцы до 300 чел., разстрѣлянныхъ—17. Цифры эти, впрочемъ, приблизительныя, такъ какъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Отрядъ дошелъ до ст. Голутвино близъ Коломны, гдѣ также произошелъ бой съ желѣзнодорожными забастовщиками и рабочими коломенскаго завода. Кромѣ павшихъ въ бою, разстрѣляно было семеновцами, по газетнымъ свѣдѣніямъ, свыше 40 чел.

На время дѣйствія чрезвычайной охраны запрещено было устраивать какія бы то ни было общественныя или частныя собранія, а также выходить вечеромъ послѣ 9 час. Затѣмъ дозволено было выходить до 12 час.

Одновременно съ военными дѣйствіями предприняты были администраціей повальные обыски «для очищенія города отъ очаговъ крамолы». Намѣченный домъ оцѣплялся войсками и всѣ квартиры въ немъ обыскивались. Кромѣ того предприняты были въ большихъ размѣрахъ аресты. По газетнымъ свѣдѣніямъ московскія тюрьмы и участки переполнены заключенными.

О томъ, что дѣлалось за предѣлами Москвы въ дни возстанія и забастовки, за отсутствіемъ газетъ, ничего не было извѣстно. Лишь потомъ стали появляться запоздалыя отрывочныя свѣдѣнія о событіяхъ, разыгравшихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что желѣзнодорожная забастовка и волненія охватили почти всю Россію. Наиболѣе сильныя волненія были на югѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ. Всюду, гдѣ начинались волненія, объявлялась чрезвычайная охрана или военное положеніе съ учрежденіемъ генералъ-губернаторствъ. На такомъ положеніи объявлялись не только губернскіе и уѣздные города, но даже мѣстечки или желѣзнодорожныя станціи. Наприм., на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ появились

генералъ-губернаторы на ст. Казатинъ и Бобринской. Цѣль введенія этихъ генералъ-губернаторовъ заключалось въ томъ, чтобы предоставить мѣстному военному начальству неограниченныя права для подавленія безпорядковъ. И этими правами генералъ-губернаторы и другіе чины администраціи пользовались въ широкихъ размѣрахъ.

На югѣ сильнѣе всего проявилось движеніе въ Ростовѣ, Харьковѣ и юго-западныхъ жел. дор. Въ Ростовѣ было вооруженное возстаніе съ баррикадами, повидимому, наподобіе московскаго. Еще 17 декабря оттуда телеграфировали, что желѣзнодорожное сообщеніе прекратилось, трамваи, фабрики, заводы, типографіи бездѣйствуютъ, газеты не выходятъ, организуется общественная самооборона. Отъ 21 телеграфировали, что городъ восьмой день находился подъ артиллерійскимъ огнемъ и ружейными залпами. Войска обстрѣливаютъ засѣвшихъ за баррикадами и въ мастерскихъ владикавказской дороги. Все замерло. Пока убито 41, ранено около 200 чел. Сегодня орудійная стрѣльба особенно сильна». Наконецъ, уже 27 генералъ-губернаторъ телеграфировалъ гр. Витте, что вслѣдствіе рѣшительныхъ дѣйствій артиллеріи, пѣхоты и казаковъ, мятежники ночью бѣжали съ своихъ позицій.

Такимъ образомъ вооруженное возстаніе въ Ростовѣ длилось двѣ недѣли. Изъ Харькова 10-го сообщали объ арестѣ профессора Гредескула и присяжныхъ повѣренныхъ Раппа, Шидловскаго и Куликовскаго. 12-го въ 8 час. утра остановились фабрики и заводы, и рабочіе стали стекаться на центральную Николаевскую площадь, чтобъ оттуда идти къ тюрьмѣ освобождать арестованныхъ дѣятелей печати и руководителей рабочихъ организацій, взятыхъ послѣ 23 ноября. Но скоро войска очистили площадь отъ народа и затѣмъ окружили механическій заводъ Гельферихъ и паровозостроительныя мастерскія, гдѣ засѣло до 2,500 челов. Заводъ подвергся разстрѣлу изъ пушекъ и пулеметовъ. Осажденные сдались. Раненыхъ оказалось 100 чел. Затѣмъ цѣлый день происходили стычки съ войсками, причемъ было много убитыхъ и раненыхъ. Дальнѣйшія извѣстія изъ Харькова были о многочисленныхъ арестахъ. Успокаиваться жизнь тамъ стала, повидимому, лишь съ 22 декабря. Массы рабочихъ изъ Харькова и Донецкихъ угольныхъ копей возвращались домой за прекращеніемъ работъ. Въ Одессѣ забастовка прошла сравнительно спокойно, хотя дѣло не обошлоеь безъ бросанія бомбъ, и городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Весьма безпокойно было въ Бахмутскомъ уѣздѣ, который весь былъ объявленъ на военномъ положеніи. На ст. Горловка здѣсь было большое сраженіе между революціонерами, осадившими казармы, и войсками. Сраженіе длилось цѣлый день. Объ ожесточенности его можно судить потому, что было убито 300 рабочихъ. Затѣмъ взяты были съ бою станціи Гришино, Авдѣевка, Ясьмованная, Константиновка и Краматорская. Рабочіе съ рудниковъ Алчевской напали на гор. Луганскъ. Независимо отъ этого въ уѣздѣ произошли и аграрные безпорядки. Кременчугъ объявленъ былъ на военномъ положеніи. Улицы были заняты войсками, въ

центрѣ города стояли орудія. Произведены массовые аресты. Бердичевъ и уѣздъ объявлены были на положеніи чрезвычайной охраны, Конотопъ на военномъ положеніи, Екатеринославъ также на военномъ положеніи; здѣсь забастовка длилась до 25 декабря. Тюрьмы и участки переполнены захваченными по желѣзнодорожной линіи рабочими и желѣзнодорожными служащими. Арестовано также много интеллигентовъ изъ конституціонно-демократической партіи. Въ Александровскѣ произошло сраженіе съ войсками, въ которомъ пало 300 революціонеровъ. Тирасполь и Ананьевъ съ уѣздами, Екатеринодаръ и Сумы объявлены были на положеніи чрезвычайной охраны, а въ Новороссійскѣ введено военное положеніе. Столкновенія были на Екатерининской дорогѣ, произведено много арестовъ. На ст. Сарны юго-зап. жел. дор. отданъ былъ подполковникомъ Яблонскимъ слѣдующій приказъ: «Я, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, прошу принять энергичныя мѣры. Пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу и не стѣсняться послѣдствіями, кто только изъ агитаторовъ явится на путь. Если изъ депо не выпускаютъ мастеровые паровозовъ, открыть стрѣльбу. Къ вечеру чтобы было открыто движеніе. Вторично повторяю: пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу. Машинистамъ, живущимъ на казенныхъ квартирахъ, предложить три раза ѣхать на паровозѣ и послѣ отказа перваго открывшаго ротъ для возраженій убить на мѣстѣ, а семью выдворить съ квартиры, а равно и тѣхъ, кто не пожелаетъ ѣхать!» Въ Ялтѣ и Одессѣ массовые аресты.

Съ Кавказа долгое время не было никакихъ извѣстій, такъ какъ съ нимъ прервано было всякое сообщеніе. Лишь 28 декабря появилась въ газетахъ копія телеграммы намѣстника, отправленной 25 Государю. Намѣстникъ доносилъ: «Подъ вліяніемъ отрѣзанности отъ Россіи, почтово-телеграфной забастовки и ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ крайними партіями,—революціонное движеніе въ Закавказьѣ всюду обострилось. Революціонеры, захватившіе желѣзную дорогу, пускали поѣзда только по своему выбору. Въ Тифлисѣ они объявили забастовку всей торговлѣ и пытались устроить забастовку въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ виду этого я объявилъ Тифлисъ съ его уѣздомъ на военномъ положеніи. Прибывшій изъ Гори генералъ-майоръ Алихановъ принялъ должность временного генералъ-губернатора. Удалось открыть нѣсколько складовъ бомбъ, и произведены аресты нѣкоторыхъ агитаторовъ.

Одновременно съ Тифлисомъ объявлена на военномъ положеніи закавказская желѣзная дорога; по линіямъ ея уже ходятъ воинскіе поѣзда, производя аресты агитаторовъ и забастовщиковъ. Замолкшее-было аграрное движеніе въ Горійскомъ и Душетскомъ уѣздахъ снова, подъ вліяніемъ общаго революціоннаго состоянія, возобновилось, вслѣдствіе чего я объявилъ эти уѣзды на военномъ положеніи, назначивъ генералъ-губернаторомъ начальника мѣстныхъ войскъ генералъ-майора Бауера. Сравнительно спокойно въ Дагестанѣ, Баку, въ Эриванской губерніи и Карсской области. Въ Елисаветпольской губерніи столкновенія армянъ съ татарами

продолжаются. Почтово-телеграфная забастовка окончилась; члены мѣстныхъ забастовочныхъ бюро арестованы, и сообщеніе откроется на-дняхъ, по исправленіи испорченной сѣти на Сѣверномъ Кавказѣ. Всѣ станціи отъ Ростова до Беслана заняты войсками; большинство руководителей забастовки арестованы. Поѣзда изъ Ростова пропущены; управленіе дороги вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей». Газеты, однако, сообщали, что положеніе на Кавказѣ хуже, чѣмъ его изображаетъ намѣстникъ. Повидимому, часть закавказской дороги и теперь еще находится въ рукахъ революціонеровъ. Послѣдующія официальныя телеграммы съ Кавказа сообщали о рядѣ стычекъ съ войсками, сопровождавшихся бросаніемъ бомбъ и многими жертвами. Только 29 Тифлисъ началъ сообщаться съ Москвой. Послѣднія извѣстія съ Кавказа говорятъ о многочисленныхъ арестахъ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ возстаніе было въ декабрѣ въ полномъ разгарѣ. Войска, въ большомъ количествѣ отправленныя сюда, вынуждены вновь завоевывать край. Борьба принимаетъ съ обѣихъ сторонъ ожесточенный характеръ. Въ Туккумѣ 30 ноября повстанцы подожгли гостиницу, гдѣ остановились прибывшіе драгуны. Когда они хотѣли выбѣжать, они нашли ворота сильно забаррикадированными, а на улицѣ были сдѣланы проволочныя загражденія. Успѣвшіе выбѣжать изъ дому перебиты были на улицѣ. Спаслись только одинъ офицеръ и два нижнихъ чина. Забили тревогу, и на улицахъ появилась пѣхота. Ее встрѣтили, однако, изъ оконъ такимъ сильнымъ огнемъ, что ее пришлось вывести за городъ. Пѣхотѣ было приказано обложить цѣпью городъ, и расположенная поблизости на высотахъ артиллерія дала по городу четыре выстрѣла гранатами. Это вызвало среди повстанцевъ страшное смятеніе, и въ паникѣ они бросились за городъ и пытались прорваться черезъ цѣпи. Встрѣчаемые всюду огнемъ, они вернулись обратно въ городъ. Городскому головѣ было объявлено, что если до 9 ч. утра повстанцы не выдадутъ оружія, бомбардировка начнется снова. Городъ выкинулъ бѣлые флаги. Къ командующему войсками вышли съ хлѣбомъ-солью депутаты, и часть оружія была сдана немедленно, остальная—впослѣдствіи. Въ рядахъ повстанцевъ было около 4.000 человѣкъ; изъ нихъ убито и ранено нѣсколько сотъ человѣкъ.

Какъ бы въ отместку за Туккумъ въ поселкѣ были подожжены войсками дома съ засѣвшими въ нихъ революціонерами; многіе сгорѣли и лишь часть спаслась. Одновременно въ Венденскомъ, Ревельскомъ и Гапсальскомъ уѣздахъ громили имѣнія и сжигали замки помѣщиковъ. Многихъ захватывали въ плѣнъ и держали въ качествѣ заложниковъ. Начиная съ 22 числа, стали появляться извѣстія о томъ, что край наводняется войсками, наступающими со всѣхъ сторонъ. Въ настоящее время положеніе такое: нѣкоторые города и селенія захвачены войсками, которые и расправляются съ повстанцами, въ другихъ попрежнему хозяйничаютъ повстанцы. До успокоенія, повидимому, еще далеко. Телеграммы приносятъ извѣстія то о набѣгахъ войскъ на разныя революціонныя гнѣзда, то разгромъ повстанцами имѣній и замковъ мѣстныхъ бароновъ.

Сильное революціонное движеніе началось въ Ковенской губ. Во всѣ уѣзды разосланы отряды войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія для подавленія движенія и возстановленія законнаго порядка. — Попрежнему очень безпокойно и въ Польшѣ.—Весьма неопредѣленныя свѣдѣнія получаются изъ Сибири. По слухамъ въ Красноярскѣ объявлена республика. Сибирская желѣзная дорога находится въ рукахъ войскъ. Говорятъ даже, что правительство вынуждено отправить спеціальную военную экспедицію для соединенія съ ген. Линевичемъ.

Извѣстія изъ внутренней Россіи всѣ были одного рода. Изъ Рыбинска, Владиміра, Костромы, Пензы, Воронежа, Нижняго, Ярославля, Орла, Ельца, Уфы, Умани, Вологды, Царицына, Тамбова—отовсюду неизмѣнно сообщали то о введеніи чрезвычайной охраны, то о введеніи военнаго положенія. Такія свѣдѣнія приходили иногда изъ самыхъ захолустныхъ городишекъ, изъ настоящихъ русскихъ пошехоній. Вездѣ оказывались «очаги» и «гнѣзда» и вездѣ шло истребленіе ихъ, вездѣ производились аресты рабочихъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, интеллигентовъ, вездѣ закрывались газеты прогрессивнаго направленія, если онѣ имѣлись. Въ Тамбовѣ, гдѣ введено было военное положеніе, былъ убитъ вице-губернаторъ Богдановичъ. Пріѣхавшій на защиту его убійцы прис. пов. Кальмановичъ былъ по приказанію генералъ-губернатора арестованъ во время засѣданія военнаго суда, который и окончился смертнымъ приговоромъ.

Въ Петербургѣ забастовка успѣха не имѣла и скоро прекратилась. Желѣзныя дороги вовсе не бастовали. Аресты и здѣсь производились въ большихъ размѣрахъ.

По поводу производящихся повсюду арестовъ Петербургское телеграфное агентство напечатало 27 слѣдующее офиціальное сообщеніе.

«Въ нѣкоторыхъ газетахъ, съ цѣлью возбужденія противъ правительства общественнаго мнѣнія, сообщается о массовыхъ арестахъ революціонеровъ. Одновременно тѣ же газеты, большею частью, въ крайне преувеличенномъ видѣ, сообщаютъ о суровыхъ дѣйствіяхъ войскъ при столкновеніи съ мятежниками. «С.-Петербургскому телеграфному агенству» извѣстно, что аресты дѣйствительно производятся, но именно производятся не безцѣльно, а съ цѣлью устранить тѣ покушенія противъ мирныхъ жителей, которыя задумали революціонеры. Если правительство не сообщаетъ подробностей объ этихъ арестахъ, то оно имѣетъ къ тому основанія. «С.-Петербургское телеграфное агентство» знаетъ изъ достовѣрнаго источника, что при этихъ арестахъ была найдена масса оружія и взрывчатыхъ веществъ въ такомъ количествѣ, которое могло бы уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлыя поселенія. Что же касается рѣшительныхъ мѣръ, принимаемыхъ войсками при столкновеніяхъ съ бандами революціонеровъ, то мѣры эти вызываются тѣми безчеловѣчными дѣйствіями, которыя принимаютъ революціонеры въ отношеніи лицъ, служащихъ Государю Императору, и мирныхъ жителей, ежедневно въ различныхъ мѣстахъ подвер-

гающихся казнямъ со стороны анархистовъ. Революціонеры при столкновеніяхъ съ войсками не щадятъ ихъ жизни. Правительство, исходя изъ убѣжденія, что войска существуютъ не для того, чтобы революціонеры испытывали на нихъ свои смертоносныя орудія, увѣрено въ томъ, что всѣ русскіе люди, считающіе Россію своимъ отечествомъ, не только оправдываютъ дѣйствія войскъ, но и глубоко имъ благодарны».

Таковы въ краткихъ чертахъ событія, заключившія многострадальный годъ, только что пережитый нами. Съ тяжелымъ чувствомъ вступаетъ Россія въ новый 1906 г. Еще такъ недавно, лишь 18 октября, можно было надѣяться, что ужасамъ и кровопролитіямъ пришелъ, долженъ придти конецъ, но не прошло съ тѣхъ поръ и двухъ мѣсяцевъ, какъ страна снова подверглась еще болѣе жестокимъ потрясеніямъ, чѣмъ всѣ предыдущія. Вдумываясь въ причины, вызвавшія новыя событія, общество не можетъ избавиться отъ тяжелой мысли, что если бъ обѣщанія, данныя манифестомъ 17 октября, дѣйствительно были немедленно исполнены, то, вѣроятнѣе всего, мы избѣгли бы новыхъ ужасовъ и кровопролитія. Но вмѣсто того, чтобъ немедленно провести въ жизнь свободы, обѣщанныя манифестомъ, правительство въ теченіе мѣсяца не издавало никакихъ законовъ для урегулированія новыхъ правъ населенія и допускало свободное образованіе какихъ угодно политическихъ организацій, свободное устройство митинговъ и абсолютную свободу устнаго и печатнаго слова. Допускалась открытая на митингахъ и въ печати свободная пропаганда вооруженнаго возстанія, открытый сборъ денегъ на оружіе и революціонныя организаціи и т. д. Затѣмъ, когда организаціи уже были устроены, когда общество и печать привыкли уже думать, что легализована полная свобода слова, печати и союзовъ, независимо отъ политическаго направленія ихъ, такъ какъ такая свобода фактически допускалась правительствомъ,—послѣднее вдругъ перемѣнило свое отношеніе къ этой фактической свободѣ, принялось за репрессіи и начало преслѣдовать то, что только что допускалось: уничтожать образовавшіяся организаціи, запрещать митинги, закрывать газеты и т. д. Въ результатѣ—новый взрывъ недовольства и раздраженія, новыя катастрофы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что разъ правительство не имѣло въ виду установленіе полной, неограниченной свободы печати, союзовъ, организацій и слова, то лучше было и не допускать такого рода свободы, а сразу же регулировать опредѣленными легальными нормами предоставленныя манифестомъ народу права и не допускать ничего выходящаго изъ рамокъ этихъ легальныхъ нормъ. Въ прошломъ обозрѣніи мы указали на то, что самъ министръ юстиціи Манухинъ, членъ правительства и отнюдь не либералъ, находилъ непослѣдовательнымъ арестъ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ и разгромъ этой организаціи, разъ правительство допустило свободное ея образованіе. Или теперь газеты сообщаютъ, что

редакторы почти всѣхъ петербургскихъ газетъ предстанутъ скоро предъ судомъ, причемъ редакторъ «Начала» обвиняется *по 29 дѣламъ*, редакторъ «Сына Отечества» *по 16 дѣламъ*, редакторъ «Руси» *по 11*. Развѣ не возникаетъ естественно въ такомъ случаѣ вопросъ: почему же правительство допустило накопленіе однимъ лицомъ 29 преступленій? Отчего же оно не привлекло его къ отвѣтственности послѣ перваго же преступленія? Вѣдь, рѣчь идетъ о преступленіяхъ печати, которыя совершались открыто у всѣхъ на глазахъ, и правительство не можетъ ссылаться на то, что они не были ему извѣстны.

Не въ правѣ ли общество послѣ этого думать, что если бы правительство не допускало того, чего не могло допускать, и своевременно осуществило бы свободы, обѣщанныя манифестомъ 17 октября, урегулировавъ ихъ такими легальными нормами, которыя не обратили бы ихъ въ пустой звукъ, въ фразы безъ содержанія, то вѣрнѣе всего, мы не были бы свидѣтелями тѣхъ потрясающихъ событій, которыя только что пережили, и Россія была бы, можетъ быть, уже на пути нормальнаго, мирнаго и легальнаго развитія? Едва ли правительство можетъ ошибаться насчетъ значенія только что имъ одержанной побѣды. Правда, революціонное возстаніе сейчасъ болѣе или менѣе подавлено, но какою цѣною и надолго ли? Открытое возстаніе подавлено, но остается полное экономическое разстройство, тяжелый угрожающій финансовый кризисъ, остаются въ перспективѣ аграрныя волненія, отъ которыхъ никоимъ образомъ нельзя избавиться безъ широкой аграрной реформы; остается, наконецъ, революція, совершонная въ сознаніи огромныхъ массъ населенія. Съ экономическимъ и финансовымъ кризисомъ нельзя бороться пулями, штыками, военными положеніями и чрезвычайными охранами. Режимъ, безповоротно осужденный сознаніемъ населенія, не можетъ болѣе существовать. Бюрократія, опытная и искусная въ дѣлѣ репрессіи, неспособна на творческую работу, необходимую для созданія новыхъ условій жизни. И это она, наконецъ, сама признала, такъ какъ иначе ей нечего было призывать Государственную Думу.

Пусть это признаніе вынужденное. Тѣмъ болѣе оно цѣнно и дѣйствительно.

Теперь всѣ взоры обращены на Государственную Думу, какъ единственное средство спасенія. Но для того, чтобы Дума могла исполнить свою задачу и вывела Россію изъ теперешняго ея положенія, она должна представлять дѣйствительную волю народа, а для этого она должна быть выбрана на основахъ всеобщаго, прямого, избирательнаго права и при условіяхъ полной свободы предвыборной кампаніи. Хотя первому изъ этихъ условій Дума не удовлетворяетъ, но все же и Дума, избранная по закону 11 декабря, могла бы многое сдѣлать, если бы въ полной мѣрѣ было соблюдено второе условіе, т.-е. свобода предвыборной кампаніи. Но именно объ этомъ-то условіи не можетъ быть и рѣчи, пока повсюду существуютъ

военныя положенія или усиленныя и чрезвычайныя охраны, пока производятся массовые аресты, закрываются газеты соціалистическаго и конституціонно-демократическаго направленія, запрещаются собранія. Только отмѣна всѣхъ этихъ исключительныхъ мѣръ и полная свобода выборовъ можетъ дать намъ Думу, которая сумѣетъ болѣе или менѣе удовлетворительно справиться съ тяжелымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ ей бюрократическимъ режимомъ. При отсутствіи же этихъ условій Государственная Дума не принесетъ несчастной родинѣ желаннаго мира.

А. С.

Отчетъ редакціи

(о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ).

Въ редакцію журнала *Русская Мысль* поступило пожертвованій съ 16 декабря по 12 января включительно на безплатныя столовыя въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ *деньгами* отъ слѣдующихъ лицъ: черезъ Лысцову С. В. 1)—292 р. (въ томъ числѣ 104 руб. отъ директора, учащихся и служащихъ въ моск. городск. арнольдо-третьяковск. училищѣ глухонѣмыхъ: Рау Ф. А., Надеждиныхъ П. А., Н. Г. и О. П., Томкѣевыхъ Ѳ. Ѳ. и Е. Ѳ., Ставровскаго Н. И., Коровкина А. Н., Кудрявцевыхъ С. Ѳ. и Е. В., Дрожжиныхъ В. Д. и А. Д., Филипповыхъ Д. Ф. и В. Ф., Морозова М. Н., Шарова Е. В., Карпова И. Н., Митрофанова Ф. М., Григорьева В. Я., Григорьева Г. Г., Александрова Н. А., Соловьевой, К. А., Амбарцумовыхъ А. Е. и Н. А., Кандидовой А. И., Коржъ К. С., Рувимова В. Н., Пуговкиной А. Н., Караваева А. П., Власова Н. И., Андреева П. Н., Бѣлявиной Н. М., Рѣчменской М. Л., Герцовой А. Г., Ермолаевой П. П., Мордашева Д. В., Благовѣщенской М. А., N. N.—въ пользу голодающихъ Тульской губерніи, Чернск. уѣзда, процентное отчисленіе изъ жалованія—27 р. и взамѣнъ вѣнка на гробъ учительницы рукодѣлія А. С. Куклинской ($^1/_2$ год. день 12 мая) на поминъ души покойной—52 р.; отъ семейства Надеждиныхъ—25 р.,); 2) отъ Склифасовской Е. В.—40 р. 6 к., 3) ежемѣсячн. взносы за январь 1906 г. отъ Трапезниковыхъ А. К. и М. М.—50 р., Е. Л. Т.—10 р., Ю. Л. З.—10 р., Ключковской И. А.—20 р., Боровикъ А. Д.—20 р., Останиныхъ—12 р. 30 к. и Тихменевой М. А.—5 р. 50 к. за декабрь 1905 г. Итого съ прежде поступившими 1076 р. Отъ статистич. отд. Казанск. ж. д.—13 р., Семенкова—1 р. 15 к., Соколовой П. Т.—1 р. 80 к., Е. Ш. въ память Оли—25 р., Н.—1 р., Гопперъ для дѣтей села Хомутовки—8 р., 3% сборъ съ сотрудниковъ журнала «Русская Мысль»—41 р. 18 к., N. N.—25 р., Михайловой Н. Ф.—15 р., Фридрихъ Ж. Ф.—5 р. Итого 428 р. 13 к. Съ прежде поступившими 5451 р. 04 к.

Вещами: отъ фирмы Н. А. Брюсова—большой мѣшокъ съ пробками, отъ Соколовой П. Т.—вещи.

Расходъ: Лѣкарства, почтов. и друг. расходы—47 р. 87 к., съ прежними—3853 р. 61 к.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь **1906 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.——Сельское хозяйство.—Книги для дѣтей, пособія, учебники.—Книги для народа.—Справочныя книги.—Журналы. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го декабря 1905 г. по 1-е января 1906 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Подъ шрапнелью и ядрами.—*П. П. Гнѣдичъ.* Песьи мухи.—*Александръ Добролюбовъ.* Изъ книги невидимой.—*А. К. Василіевъ.* Друзьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ.—*А. Тепловъ.* Современныя сказки-басни.—*Гильгеръ Драхманъ.* Тысяча одна ночь.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Подъ шрапнелью и ядрами... Разсказы изъ русско-японской войны. Москва, 1905 г. Ц. 50 коп. Почти каждый изъ разсказовъ г. Сѣверцева-Полилова имѣетъ своимъ сюжетомъ тотъ или иной русскій подвигъ изъ послѣдней войны. Отличаясь большою краткостью и отрывочностью, разсказы эти не блещутъ художественными достоинствами. Однако они отнюдь не носятъ характера анекдотичности. Если авторъ не обладаетъ яркими художественными красками, то въ чутьѣ и особенно въ чувствѣ ему отказать нельзя. Видно, что онъ всей душой любитъ русскаго солдата и хотя изъ-подъ его пера не выходитъ ни яркихъ образовъ, ни законченныхъ типовъ, все же нигдѣ не видно желанія превознести и преувеличить, изобразить то, чего не было. Вездѣ разсказъ ведется просто, простотой же и отсутствіемъ специфическихъ жаргонныхъ словечекъ отличается и языкъ книжки. Вообще разсказы прочтутся съ интересомъ, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда всякій отзвукъ минувшихъ бѣдствій несчастной войны найдетъ себѣ соотвѣтствующій отзвукъ въ душѣ каждаго. Издана книжка довольно изящно, на хорошей бумагѣ и съ отчетливыми иллюстраціями.

П. П. Гнѣдичъ. Песьи мухи. Спб. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 к. „Подъ песьими мухами разумѣются тѣ элементы общественной жизни, отъ которыхъ гибнетъ земля наша“,—замѣчаетъ авторъ разсказовъ въ предисловіи. Но претензіи автора на общественную точку зрѣнія остаются для читателя только претензіями. Рядъ мимолетныхъ характеристикъ всякаго рода плутовъ, мошенниковъ, казнокрадовъ, людей, „кладущихъ ноги на столъ“ и т. д., рядъ болѣе или менѣе удачныхъ анекдотовъ и курьезовъ, взятыхъ, несомнѣнно, изъ жизни—исчерпываютъ все содержаніе разсказовъ. Читаются эти разсказы легко и съ тѣмъ поверхностнымъ интересомъ, который заставляетъ тотчасъ же забывать то, что пробѣжалъ глазами. Отъ всего толстаго тома въ 500 страницъ въ памяти остаются

два-три анекдота, которыми такъ изобилуетъ наша дѣйствительность. Также поверхностно, случайно и легко затрогиваются авторомъ и настроенія и событія послѣдняго времени. Разсказы г. Гнѣдича представляютъ хорошій образчикъ занимательнаго желѣзнодорожнаго чтенія.

Александръ Добролюбовъ. Изъ книги невидимой. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Москва, 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Добролюбовъ, разувѣрившись въ современной культурѣ, часто покидалъ городъ и уходилъ бродить по лицу земли Русской. Въ неиспорченномъ крестьянскомъ людѣ, въ его поступкахъ и искреннихъ, согласно первобытнымъ инстинктамъ, дѣйствіяхъ, авторъ книги искалъ и находилъ если не всю правду, то главныя части ея. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ говоритъ. Въ народѣ онъ находитъ близкій для его собственной души мистицизмъ и простоту, доходящую до аскетизма,—эти двѣ главныя части правды.

Впрочемъ, ему видимо не приходило въ голову, что народный мистицизмъ (сродни суевѣрію) у нашего народа сплошь и рядомъ является результатомъ непроходимаго невѣжества и подчасъ дикости, что онъ сильнѣе тамъ, гдѣ меньше школъ: что народный аскетизмъ и простота часто происходятъ отъ того, что земля перестала родить и что „ждать нечего“, что русскій народъ часто дѣлается „мистикомъ и аскетомъ поневолѣ“. Воспаленному превыспреннимъ мистицизмомъ уму и разувѣрившейся въ культурѣ душѣ легко спутать тонкости, когда мужикъ отъ голода доходитъ до аскетизма, отъ невѣжества до мистицизма.

Впрочемъ, мы отнюдь не отрицаемъ въ богатствѣ индивидуальной души русскаго человѣка наличность, при случаѣ, мистики и аскетизма, но мы отрицаемъ цѣликомъ такія статьи въ „невидимой книгѣ“ Добролюбова, какъ статья подъ заглавіемъ „Восхваленіе нищаго житія“, съ извращеннымъ подзаголовкомъ: „Блаженны нищіи духомъ и *тѣломъ*“, съ проповѣдью рабьей покорности и довольства нищимъ житьемъ, съ ссылками автора на то, что самъ онъ живалъ „среди самыхъ темныхъ народовъ и встрѣчалъ такихъ, которые весь вѣкъ живутъ въ бѣдности и безъ конца благодарятъ Всевышняго“. По нашему разумѣнію не проповѣдовать надо нищему нищету, а помочь ему въ борьбѣ съ нищетой и не умиляться надо передъ невѣжественнымъ мистицизмомъ русскаго народа, а бороться съ нимъ путемъ разумнаго просвѣщенія, путемъ всеобщаго и обязательнаго образованія. Достигнувъ высотъ ума и матеріальнаго достатка, русскій человѣкъ по убѣжденію можетъ дѣлаться чѣмъ хочетъ,—хоть мистикомъ, хоть аскетомъ. Но намъ не надо „аскетовъ и мистиковъ поневолѣ“,—слишкомъ несчастны они и слишкомъ много несчастья всѣмъ отъ нихъ.

Таково общественное значеніе писаній Добролюбова. Какъ художникъ онъ представляетъ изъ себя очень некрупную величину. Главное у него стиль. Онъ своеобразенъ, въ высшей степени претенціозенъ и искусственъ, тяжелъ и часто неудобенъ для пониманія. Простота, которую самъ Добролюбовъ требуетъ отъ всего, всѣхъ и для всего—совершенно изгнана изъ писаній самого автора. Онъ предпочитаетъ выражаться афористически, а это очень скользкій путь. Наполнить афоризмами томъ въ двѣсти слишкомъ страницъ—задача трудная и для очень талантливаго философа, а не только для посредственнаго „скорпіона“. Поэтому афористичность у него замѣняется отрывистостью фразы, глубина мысли намѣренной недосказанностью мысли, красота—манерностью, ясность—туманностью. Особенно легко прослѣдить всѣ эти ухищренія въ стихахъ Добролюбова. Въ своемъ стремленіи и погонѣ

за простотой онъ не только цѣликомъ уничтожаетъ риѳмы, но гордо откидываетъ и размѣръ, поэтому у него въ стихахъ исчезаетъ то, что дѣлаетъ стихи стихами,—ритмичность. Но и этого мало. Добролюбовъ насыщаетъ свои рубленыя строчки такимъ количествомъ церковщины и словами, начинающимися съ прописныхъ буквъ, что читателю дѣлается душно и тошно отъ этой вымученной простоты.

Мы будемъ совершенно справедливы, если скажемъ, что разсматриваемая нами книга принадлежитъ духу „отжившаго“ времени, хотя на ней и стоитъ помѣткой изданія 1905 годъ. И хотя авторъ постоянно взываетъ ко всѣмъ, убѣждая откинуть все искусственное и наносное и обратиться къ „жизни“, вступить „въ книгу Жизни“, какъ заканчиваетъ онъ свою „изъ книги невидимой“, хотя онъ и хочетъ казаться проповѣдникомъ жизни, но онъ всетаки съ первой своей строчки до послѣдней остается защитникомъ отжившей выдуманной искусственности, болѣзненнаго индивидуализма и старыхъ укладовъ жизни. Жизнь, сама по себѣ всегда яркая, такъ рѣзко развернувшаяся въ настоящее время, не имѣетъ никакого отголоска въ „невидимой книгѣ“. Эту жизнь жалко проморгали близорукіе глаза. Такова всегда бываетъ участь человѣка, взвалившаго на себя непосильную тяжесть... Онъ падаетъ. Чтобы быть оригинальнымъ проповѣдникомъ и устроителемъ новыхъ путей, надо обладать талантомъ, а таланта именно и нѣтъ у Добролюбова. Одного стремленія оказалось слишкомъ недостаточно, и вотъ „жизнь“, такъ проповѣдуемая г. Добролюбовымъ, осталась въ сторонѣ отъ него самого и идетъ своимъ независимымъ и непонятнымъ для него путемъ.

А. К. Васильевъ. Друзьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ. Спб., 1905 г. Ц. 60 к. Начитанность г. Васильева не подлежитъ сомнѣнію: среди его стихотвореній на каждомъ шагу встрѣчаются то отдѣльныя выраженія, заимствованныя у извѣстныхъ поэтовъ, то передѣлки изъ этихъ поэтовъ, а то, наконецъ, и принадлежащія имъ цѣлыя строчки. Хорошо, разумѣется, быть начитаннымъ, но для поэта этого слишкомъ недостаточно; между тѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поэзія г. Васильева совсѣмъ низкой пробы, такъ какъ она опредѣляется скудной и даже чахлой мыслью, неудачными потугами проявить оригинальность, отсутствіемъ образовъ, чрезвычайно сбивчивымъ міросозерцаніемъ и вялымъ, подчасъ неуклюжимъ стихомъ. Не лишено выразительности только одно стихотвореніе „Мысли“, гдѣ выясняется стихійное значеніе человѣческаго мышленія, но изъ-за одного такого стихотворенія не стоило, конечно, собирать цѣлую книжку, а платить за нее 60 коп.—непомѣрно дорого.

А. Тепловъ. Современныя сказки-басни. Выпускъ первый. Съ портретомъ автора. Ц. 75 к. Спб., 1905 г. Книжка г. Теплова издана довольно изящно на хорошей бумагѣ, съ хорошенькой обложкой, причемъ читателю дана возможность познакомиться даже съ наружностью автора по его портрету, помѣщенному, какъ водится, въ началѣ книжки. Словомъ, какъ нельзя болѣе соблюденъ весь декорумъ современнаго печатнаго дѣла. Но тщетно сталъ бы искать читатель въ этой книжкѣ чего-нибудь, что напоминало бы ему современную жизнь, хотя это-то именно и обѣщается ея заголовкомъ. Авторъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него усилія и средства, чтобы навести въ свои произведенія какъ можно больше туману, но туманъ этотъ такъ и остается тумановъ, и въ немъ не только трудно разыскать какую-нибудь идею, но и до смысла того, что написано, порой не доберешься. Вообще на книжку не стоило бы обращать вниманія, если бы она не была проник-

нута въ высшей степени самонадѣяннымъ и поучительнымъ тономъ, какъ будто въ своихъ сказкахъ-басняхъ авторъ желаетъ поучить весь міръ какимъ-то новымъ истинамъ. Но какимъ—неизвѣстно, потому что при всемъ усердіи ни изъ одной сказки-басни мы не могли выудить ни одной сколько-нибудь опредѣленной мысли, не говоря уже о настоящихъ истинахъ.

Гильгеръ Драхманъ. Тысяча одна ночь. Драма-сказка въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. съ датскаго Анны Ганзенъ. Изданіе С. Скирмунта. М. Ц. 50 к. Драхманъ несомнѣнно обладаетъ крупнымъ художественнымъ талантомъ. Его фантазія легка и изящна, поэзія блещетъ красотой, остроуміе—живостью, характеры героевъ временъ „тысяча одной ночи“ грандіозны и благородны. Драма-сказка написана почти сплошь стихами, очень хорошо переданными талантливой переводчицей. Это гимнъ любви безграничной, не останавливающейся ни передъ какими препятствіями и самопожертвованіями. Сказочное время и обстановки сказочнаго Багдада и дикой аравійской пустыни позволяютъ автору широко пользоваться необычными эффектами, что придаетъ драмѣ особую изысканность и прелесть. Спеціальность автора (онъ художникъ-живописецъ колористъ) сказывается въ яркихъ описаніяхъ и образахъ, онъ подбираетъ для всякаго настроенія и чувства соотвѣтствующіе имъ тоны и вырисовываетъ ихъ всегда на какомъ-нибудь опредѣленномъ фонѣ общаго настроенія. Для сцены эта драма-сказка мало удобна. Въ ней слишкомъ много отдѣльныхъ монологовъ, пѣсенъ, импровизацій и нѣсколько мало дѣйствія; въ чтеніи пропадаетъ этотъ недостатокъ сценичности и на первый планъ выступаютъ крупныя и литературныя достоинства.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Къ введенію на Кавказѣ земскаго самоуправленія. Сборникъ матеріаловъ. Состав. *Г. Тумановымъ.—К. Мягкова.* О положеніи народныхъ учителей въ связи съ экономическимъ значеніемъ народнаго образованія и постановкой послѣдняго въ Россіи.—*Гр. П. Шереметевъ.* Замѣтки.

Къ введенію на Кавказѣ земскаго самоуправленія. Сборникъ матеріаловъ. Сост. кн. Г. Тумановымъ. Изд. книжн. маг. „Гуттенбергъ“. Тифлисъ, 1905 г. Ц. 20 коп. Имя кн. Георгія Туманова давно извѣстно въ краѣ какъ общественнаго дѣятеля, и неудивительно, что онъ одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ намѣстника Его Величества на Кавказѣ о введеніи земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ. Послѣдніе годы въ мѣстной печати все чаще появлялись статьи о необходимости земскихъ учрежденій въ краѣ, гдѣ до сего времени бьетъ въ глаза неприглядная сельская жизнь, съ ея бездорожьемъ, некультурностью и отсутствіемъ серьезной врачебной помощи. По всему краю теперь организованы уѣздныя, а затѣмъ губернскія совѣщанія по вопросу о скорѣйшемъ введеніи живыхъ формъ хозяйственной организаціи. Но увы! очень малая часть населенія знакома съ сущностью организаціи земскихъ самоуправленій, и сборникъ кн. Туманова—желательный вкладъ въ полезную литературу. Начались совѣщанія, а въ продажѣ нѣтъ нужныхъ свѣдѣній, нѣтъ популярныхъ толковниковъ. Записка канцеляріи намѣстника о земствѣ была издана въ небольшомъ количествѣ и роздана лишь нѣкоторымъ лицамъ, а Положеніе о земствѣ 1864 г. и до сего времени не появилось въ продажѣ, хотя въ основаніе сужденій съѣздовъ положено это Положеніе.

Сборникъ кн. Г. М. Туманова содержитъ въ себѣ: 1) Записку автора о земствѣ. 2) Отчетъ о частномъ совѣщаніи по поводу этой записки. 3) Извлеченіе изъ записки канцеляріи намѣстника, 7 іюля 1905 года. 4) Статистическія свѣдѣнія, приложенныя къ этой запискѣ. 5) Протоколъ засѣданія совѣта намѣстника 16 іюля 1905 г. 6) Статьи *Нов. Обозр.* о желательной формѣ земскаго самоуправленія и 7) Проектъ введенія земства въ Сибири.

Таково содержаніе „Сборника“, изданнаго съ цѣлью познакомить читателя съ матеріалами, могущими дать понятіе о характерѣ проектируемаго преобразованія въ краѣ.

Какъ частное совѣщаніе, такъ и совѣщаніе у намѣстника очень ярко иллюстрируютъ задачи земства на Кавказѣ. Статистическіе матеріалы даютъ основаніе къ опредѣленію числа представителей отъ разныхъ группъ населенія въ уѣздныя, губернскія и при совѣтѣ намѣстника совѣщанія. Въ заключеніи „Сборника“ приложенъ проектъ земскихъ учрежденій въ Сибири (изъ *Русск. Вѣдом.* 1905 г. отъ 14 іюля), который серьезно заинтересовалъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, привлекая къ себѣ ихъ симпатіи, въ виду обстоятельной разработки проекта сибиряками.

По цѣнѣ брошюра доступна многимъ читателямъ и лишь немного поздній выходъ ея изъ печати (29 августа), затруднилъ пользованіе ею, какъ краткимъ руководствомъ, для лицъ, привлеченныхъ къ работѣ по земству. Побольше бы такихъ сборниковъ.

Недостатокъ сборника—отсутствіе земскаго Положенія 1864 г.

К. Мягкова. О положеніи народныхъ учителей въ связи съ экономическимъ значеніемъ народнаго образованія и постановкой послѣдняго въ Россіи. Книгоиздательство „Сѣверное Эхо“. Цѣна 25 коп. 1905 г. Г-жа Мягкова очень добросовѣстно отнеслась къ своей работѣ, слишкомъ, пожалуй, добросовѣстно, почему брошюра ея скучна. Тѣ общія мысли объ экономическомъ значеніи народнаго образованія, которымъ посвящена первая половина ея брошюры, слишкомъ общеизвѣстны въ настоящее время, и хотя эти мысли повсюду документально подтверждаются авторомъ ссылками на разнообразные авторитеты, но самая документальность эта только вредитъ впечатлѣнію, придавая брошюрѣ суховатый тонъ. Правда, въ защиту автора можно сказать то, что брошюра его появилась въ такое время, когда жизнь летитъ впередъ стремительно, такъ что казавшееся вчера новымъ — сегодня уже представляется старымъ, но все же изложеніе могло бы быть поживѣе. Сказанное нами однако относится только къ первой половинѣ брошюры г-жи Мягковой, а именно къ ея общимъ разсужденіямъ о пользѣ ученія. Зато вторая часть брошюры, которая посвящена обрисовкѣ положенія народныхъ учителей, гораздо интереснѣе. Тутъ авторъ чувствуетъ себя какъ бы въ своей сферѣ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ безконечныя ссылки на авторитеты и беретъ простые житейскіе факты, при томъ факты, очевидно, близкіе его сердцу, и рѣчь его льется живѣе и свободнѣе. Правда, и тутъ читатель не найдетъ ничего особенно новаго, — много подобныхъ фактовъ прошло передъ нимъ въ разное время на страницахъ различныхъ изданій, — но изъ группировки этого матеріала у г-жи Мягковой получилась небезынтересная картина, особенно для читателя изъ народныхъ учителей.

Гр. П. Шереметевъ. Замѣтки. М., 1905 г. Книга гр. Шереметева очень бѣдна содержаніемъ. Она состоитъ изъ ряда маленькихъ замѣтокъ (нѣкоторыя въ одну или двѣ страницы), ничѣмъ не связанныхъ

другъ съ другомъ, на самыя разнообразныя темы: о губерніи и уѣздѣ, буквѣ *ѣ*, предметахъ для занятій народныхъ учителей, мѣстныхъ нуждахъ, столярномъ промыслѣ, Б. Н. Чичеринѣ, русскихъ усадьбахъ и пр. Мысль автора поверхностно скользитъ по затронутымъ вопросамъ и чаще всего разрѣшается банальнѣйшими фразами: „Школа не должна давать одни знанія“, „пѣніе въ народной школѣ дѣло чрезвычайной важности“, „изгнаніе буквы *ѣ* административной властью представляется дѣломъ рѣшительно невозможнымъ“,—такими глубокомысленными сентенціями пестрятъ всѣ страницы сборника. Онѣ, вдобавокъ, не развиваются и не подтверждаются обыкновенно авторомъ, а утверждаются очень догматическимъ тономъ.

Еще болѣе непріятное впечатлѣніе производитъ то, что гр. Шереметевъ нашелъ возможнымъ напечатать почтительное письмо къ нему какого-то народнаго учителя, который послѣдовалъ педагогическимъ совѣтамъ своего сіятельнаго корреспондента и достигъ блестящихъ результатовъ...

Интересны только отдѣльныя мѣста въ воспоминаніяхъ о Чичеринѣ и Е. И. Якушкинѣ, въ особенности разсказъ послѣдняго о томъ, что въ разгаръ дѣла декабристовъ кн. П. А. Вяземскій взялъ на сохраненіе очень опасныя бумаги у И. И. Пущина и возвратилъ ихъ Пущину въ первый же день послѣ возвращенія его изъ ссылки. Для будущаго біографа кн. Вяземскаго (до сихъ поръ еще не получившаго полной и всесторонней оцѣнки) этотъ фактъ очень пригодится.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

А. В. Никитенко. Записки и дневникъ.—*Л. Ф. Пантелѣевъ.* Изъ воспоминаній прошлаго.—Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ *А. И. Дмитріева-Мамонова.—П. Васкевичъ.* Очеркъ быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ.—*С. А. Венгеровъ.* Эпоха Бѣлинскаго.—*В. Г. Бѣлинскій.* Письмо къ Гоголю.—Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: фонъ-Визинъ, кн. Оболенскій и бар. Штейнгель.—*А. Н. Поповъ.* Отечественная война 1812 г. Т. I.—*Альбертъ Вандалъ.* Возвышеніе Бонапарта I.—Германія въ 48 году. Состав. *М. П. Андреевъ.—Карлъ Марксъ.* Классовая борьба во Франціи отъ 1848—1850 г.—*Проф. М. Ковалевскій.* Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи.—*Эмиль Розеновъ.* Томасъ Мюнцеръ.—*Макс. Бахъ.* Австрія въ первую половину XIX в.—Старина и Новизна Кн. X.

А. В. Никитенко. Записки и Дневникъ. Томъ I—II. Изд. 2-ое Спб., 1905 г. Всѣмъ, конечно, памятно вниманіе, какимъ были встрѣчены „Записки и Дневникъ“ Никитенка при своемъ появленіи на страницахъ „Русской Старины“ и въ отдѣльномъ изданіи. Оно опредѣлялось какъ содержаніемъ „Дневника“, такъ и личностью его автора. Съ 20-хъ годовъ Никитенко очень близко сталъ къ административнымъ, научнымъ и литературнымъ кругамъ своего времени и началъ заносить на страницы своего интимнаго дневника всѣ наиболѣе характерныя и яркія проявленія тогдашней общественной жизни. Помимо воли и сознанія автора отдѣльные факты сами собою сложились въ уничтожающій обвинительный приговоръ для всего Николаевскаго режима. Изо дня въ день вмѣстѣ съ авторомъ мы переживаемъ удушливый гнетъ реакціи, отъ котораго люди спивались, кончали самоубійствомъ или медленною нравственною смертью. Самъ Никитенко, вначалѣ подхваченный волною либеральныхъ увлеченій Александровской эпохи, въ процессѣ дальнѣйшаго приспособленія къ условіямъ новой жизни потерялъ много душевной чуткости и свѣжести; долговременное пребываніе въ тогдашнихъ цензурныхъ

застѣнкахъ, конечно, и не могло обойтись для него даромъ. Къ эпохѣ „великихъ реформъ“ у него остался настолько слабый душокъ либерализма, что онъ могъ сводиться только къ сдержаннымъ (и то въ дневникѣ, про себя) протестамъ противъ неистовствъ Бутурлинскаго комитета и повальнаго казнокрадства. Протесты эти не мѣшали Никитенку быть очень дѣятельнымъ цензоромъ и не могли отразиться на его служебной карьерѣ уже по одному тому, что не шли дальше страницъ интимнаго дневника; приспособленіе привело сначала къ мелкимъ компромиссамъ, затѣмъ и къ болѣе крупнымъ сдѣлкамъ съ совѣстью...

При Александрѣ II Никитенко дѣлается типичнымъ либераломъ-постепеновцемъ и вмѣстѣ со своими политическими единомышленниками попадаетъ въ тяжелое положеніе между двумя буферами—правительственною властью, на сторонѣ которой были всѣ его симпатіи, но которой онъ, какъ умный человѣкъ, не могъ простить противорѣчій, шатаній, реакціонныхъ замашекъ, и крайними партіями, которыя отталкивали его слишкомъ умѣренный либерализмъ своими взглядами и тактическими пріемами. Въ Запискахъ и Дневникѣ за 1804—1855 гг. передъ нами трагедія русской жизни, которую смяла, раздавила тупая реакція; съ 1855 г. по 1877 г., когда умеръ Никитенко, передъ нами трагикомедія постепеновца, который при всѣхъ усиліяхъ не можетъ найти для себя точки опоры въ жизни, не можетъ порвать съ ложью закоренѣлыхъ традицій и стать на сторону будущей правды, которая рождалась среди общаго хаоса мнѣній и дѣйствій. Личное несчастье Никитенка заключалось въ томъ, что, прекрасно понимая тупость Панинныхъ и Чевкиныхъ, пустозвонство Валуевыхъ и Головиныхъ, слабость и несостоятельнось главныхъ вершителей судебъ тогдашней Россіи, онъ никакъ не могъ понять Герцена, примкнуть къ Чернышевскому или Добролюбову. Это, конечно, судьба всѣхъ слишкомъ умѣренныхъ людей въ эпохи рѣзкой кристаллизаціи общественныхъ группъ и обостренной политической борьбы, когда для однихъ вся истина въ прошломъ, для другихъ въ будущемъ, и только среднимъ приходится робко цѣпляться за невѣрное, вѣчно ускользающее изъ-подъ рукъ настоящее...

Трагедія реакціи и трагикомедія постепеновства пустили въ нашу жизнь слишкомъ глубокіе корни. Съ небольшими варіаціями онѣ повторяются вотъ уже болѣе вѣка и всегда найдутъ себѣ живой отголосокъ въ каждую данную эпоху. Отъ многихъ страницъ Никитенка, которыя отдѣляются отъ насъ полувѣкомъ и больше, вѣетъ самою живою современностью: онѣ написаны какъ будто бы сегодня или вчера; перемѣните имена, и передъ вами замелькаютъ факты, аргументы, даже слова текущей повседневной жизни. Любая изъ *правыхъ* конституціонно-демократическихъ газетъ могла бы безъ всякаго ущерба для себя перепечатать цѣликомъ половину дневника Никитенка, и никто бы, вѣроятно, не замѣтилъ ни малѣйшаго диссонанса...

Первое изданіе Дневника было сразу же раскуплено и скоро сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Во второмъ давно уже чувствовалась потребность, и книгоиздательство г. Пирожкова, взявшее на себя его, съ этой стороны заслуживаетъ полной благодарности русскаго общества. Сравнительно съ первымъ второе изданіе даетъ немного частичныхъ дополненій и исправленій. Къ сожалѣнію, копія *) рукописи, съ которою можно было бы свѣрить печатный текстъ, уцѣлѣла лишь съ 1838

*) Копію эту сдѣлали дочери Никитенка. О судьбѣ оригинала мы ничего не знаемъ.

года, и всю первую часть Записокъ и Дневника пришлось перепечатать съ перваго изданія со всѣми его пропусками и ошибками. Еще болѣе жаль, что и въ остальной части текста оставлены слишкомъ цѣломудренные (въ политическомъ отношеніи) пропуски, о смыслѣ которыхъ легко догадаться и наличности которыхъ нельзя не удивиться при теперешнихъ цензурныхъ условіяхъ.

Затѣмъ новое изданіе отличается отъ прежняго алфавитнымъ указателемъ упоминаемыхъ въ текстѣ именъ, фамилій и названій произведеній печати и примѣчаніями редактора г. Лемке. Примѣчанія эти носятъ довольно случайный характеръ: многое неясное для средняго читателя не объяснено совсѣмъ, много прямо лишняго, попадаются и ошибки: г. Лемке, напримѣръ, отождествляетъ Лингвиста „Дневника“ съ Печеринымъ (т. I, стр. 137), хотя это рѣзко противорѣчитъ словамъ самого Никитенка на стр. 362; на стр. 371 арестованный въ 1847 году Гулакъ совершенно ошибочно отождествляется съ Харьковскимъ профессоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ; на стр. 379 невѣрно опровергается приказъ удалить Бодянскаго въ Казань; на стр. 388 И. М. Муравьевъ-Апостолъ смѣшанъ съ М. Н. Муравьевымъ; на стр. 413 Костровъ названъ Ермолаемъ вмѣсто Ермила; на стр. 422 заподозривается безъ всякихъ основаній фактическое указаніе Никитенка, слишкомъ близкаго къ цензурному дѣлу, чтобы впадать въ такія грубыя ошибки; на стр. 453 г. Лемке привела въ недоумѣніе фамилія академика П., хотя въ немъ легко можно было угадать Плетнева, и т. д. Все это, конечно, мелочи, но лучше, если бы ихъ не было. Съ внѣшней стороны новое изданіе очень хорошо. Къ нему приложенъ прекрасный портретъ автора. Громадное по размѣрамъ (болѣе 1200 большихъ страницъ), оно стоитъ всего 7 р.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб., 1905 г. „Воспоминанія“ г. Пантелѣева охватываютъ 1858 — 1864 гг. Первая половина ихъ, посвященная характеристикѣ петербургскаго университета этого времени, университетскаго преподаванія, болѣе видныхъ профессоровъ, настроенія студенчества, литературныхъ круговъ и общества, менѣе интересна, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ повторяетъ факты, извѣстные уже изъ „Автобіографіи“ Костомарова, статей Кавелина, г. Модестова и др. Кое-гдѣ г. Пантелѣевъ даетъ второстепенныя поправки и дополненія къ разсказамъ своихъ предшественниковъ о студенческой исторіи 1861 г., петербургскихъ пожарахъ, „думской исторіи“, вызвавшей извѣстное столкновеніе Костомарова съ учащеюся молодежью и т. д. Въ общее освѣщеніе затронутыхъ вопросовъ новаго онъ не вноситъ.

Безусловный интересъ новизны представляетъ вторая половина, посвященная дѣятельности тайнаго общества „Земля и воля“, въ которомъ принималъ участіе и г. Пантелѣевъ. Если мы не ошибаемся, объ этомъ обществѣ въ нашей подцензурной печати упоминаній до сихъ поръ не было. Это была первая (если не считать Петрашевцевъ) наивная попытка конспиративной соціалистической организаціи, очень характерная, какъ симптомъ настроенія тогдашней учащейся молодежи. Г. Пантелѣевъ многаго не договариваетъ, такъ какъ большинство изъ его тогдашнихъ единомышленниковъ теперь еще живо и въ настоящее время слишкомъ рѣзко порвало со своими молодыми увлеченіями, но и съ невольными и вольными недомолвками его разсказъ очень пригодится будущему историку нашего революціоннаго движенія второй половины XIX вѣка.

„Воспоминанія“ написаны очень живо и съ удовольствіемъ прочтутся всѣми любителями мемуарной литературы.

Декабристы въ западной Сибири. Историческій очеркъ А. И. Дмитріева-Мамонова. Спб., 1905 г. Книга г. Дмитріева-Мамонова даетъ перечень декабристовъ, сосланныхъ въ западную Сибирь, и сводъ свѣдѣній о нихъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, преимущественно по офиціальнымъ документамъ. Имъ предпослано общее вступленіе, въ которомъ вкратцѣ указываются время и порядокъ ссылки декабристовъ въ Сибирь, порядокъ надзора за ними, ихъ матеріальное положеніе, отношеніе къ нимъ сибирской администраціи, положеніе ихъ женъ и вдовъ и т. д. Въ послѣдующихъ тридцати восьми главахъ сообщаются всѣ собранныя авторомъ данныя объ отдѣльныхъ декабристахъ, бывшихъ на каторгѣ и на поселеніи въ Сургутѣ, Пелымѣ, Березовѣ, Кондинскѣ, Нарымѣ и т. д.

Среди этихъ данныхъ наибольшій интересъ представляютъ тѣ, которыя характеризуютъ культурную роль декабристовъ въ Сибири, оставившую тамъ по себѣ и до сихъ поръ живую и благодарную память. Несмотря на всѣ преслѣдованія администраціи, на исключительныя по своей тупой жестокости ограниченія и запрещенія, вызванныя главнымъ образомъ настойчивыми приказами изъ Петербурга, декабристы не только сумѣли отстоять свое человѣческое достоинство и улучшить свое матеріальное положеніе, но успѣли нравственно повліять на окружающее населеніе, даже на отдѣльныхъ представителей администраціи. Безправное и безпомощное населеніе нашло въ декабристахъ постоянныхъ заступниковъ, училось и лѣчилось у нихъ. Изъ воспоминаній Бѣлоголоваго можно видѣть, какъ благотворно дѣйствовалъ ихъ примѣръ на подраставшее молодое поколѣніе.

Въ дополненіяхъ приведены свѣдѣнія о сосланныхъ въ Сибирь полякахъ, гр. Мошинскомъ и Крыжановскомъ.

Книга иллюстрирована тридцатью пятью рисунками—портретами декабристовъ и ихъ женъ и видами мѣстностей и строеній, связанныхъ съ ихъ жизнью въ Сибири.

П. Васкевичъ. Очеркъ быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ. Вышедшая подъ такимъ заглавіемъ брошюра является единственной въ своемъ родѣ, такъ какъ вопросомъ о бытѣ японцевъ въ Приамурьѣ до сихъ поръ никто изъ русскихъ не занимался. Да это и вполнѣ естественно. Что дѣлали мы въ Приамурьѣ и на Дальнемъ Востокѣ? Нисколько не ошибемся, если скажемъ, что ничего не дѣлали. Высшіе, руководящіе дѣятели, удаленные отъ всякаго контроля, могли свободно пользоваться своею силою при столкновеніи съ ежедневными неудобствами жизни, которыя такъ часты въ краѣ, богатомъ естественными произведеніями, но молодомъ, а потому и малокультурномъ. Не удивительно, что вслѣдъ за власть имущими и все остальное незначительное населеніе края безъ различія классовъ привыкло ко всякаго рода льготамъ и легкой наживѣ. Отсюда и произошло то, что приходится наблюдать въ русскихъ владѣніяхъ на Дальнемъ Востокѣ: почти всякое трудное дѣло было передано иноземцу (китайцу, корейцу и японцу). Порядки, имѣвшіе мѣсто въ продолженіе десятилѣтій, вошли уже въ плоть и кровь мѣстнаго населенія. И нельзя не сказать, что дальнѣйшее веденіе русскими своего дѣла торговаго, промышленнаго, земледѣльческаго и т. д. въ томъ направленіи, въ какомъ оно велось до настоящаго времени, грозитъ *полнымъ банкротствомъ*: русскіе будутъ совершенно вытѣснены съ Дальняго Востока, если не измѣнятъ коренным образомъ порядки, заведенные на Дальнемъ Востокѣ, въ частности въ Приморской, Амурской и даже Забайкальской областяхъ.

Наше невѣжество *полнѣйшее* во всемъ, что касается Китая и Японіи, разоблачено самымъ лучшимъ образомъ событіями 1900 года и войною съ Японіею. Съ наступленіемъ мирной конкуренціи, а она неизбѣжна, послѣ ратификаціи мирнаго договора русскимъ волею-неволею придется войти въ борьбу съ японцами и въ Маньчжуріи, и въ Приморской области и др. мѣстахъ Дальняго Востока. Въ этой мирной борьбѣ, несомнѣнно, одержитъ побѣду тотъ, кто выступитъ на борьбу во всеоружіи знанія. *Невѣжда*, несомнѣнно, потерпитъ пораженіе. Несомнѣнно и то, что японцы хорошо изучили насъ. Несомнѣнно равнымъ образомъ и то, что наше знаніе японцевъ нисколько не прогрессируетъ, несмотря на тѣ уроки, которые мы получили. Да и то, что мы знаемъ достовѣрнаго объ японцахъ, благодаря окончившейся войнѣ, касается ихъ военнаго дѣла. Въ виду этого всякое сообщеніе объ японцахъ, особенно хорошо провѣренное и обоснованное на фактахъ, имѣетъ особый интересъ и значеніе. Г. Васкевичъ, авторъ отмѣченной нами брошюры, извѣстенъ, какъ одинъ изъ основательныхъ молодыхъ изслѣдователей въ области японологіи. Ему принадлежитъ классическій трудъ „Дневникъ путешествія по Японіи отъ порта Цуруги до Ніигаты“.

Настоящая работа г. Васкевича объ японцахъ въ Приамурьѣ тѣмъ болѣе интересна, что авторъ имѣлъ возможность пользоваться данными, имѣвшимися въ архивѣ японскаго коммерческаго агента во Владивостокѣ. Г. Васкевичъ выясняетъ, что японскій коммерческій агентъ во Владивостокѣ „уполномоченъ нести консульскія обязанности и выполняетъ обязанности консула, руководствуясь общимъ консульскимъ положеніемъ“ (стр. 12).

Располагая этими данными, г. Васкевичъ сообщаетъ о появленіи японцевъ во Владивостокѣ, Приморской области и въ др. мѣстахъ Маньчжуріи и Азіатской Россіи. Но особый интересъ и значеніе имѣетъ сообщеніе г. Васкевича о томъ, какъ японцы, принадлежащіе „къ бѣдному крестьянскому сословію“ и прибывающіе къ „мѣсту новаго своего жительства рѣшительно безъ всякихъ средствъ“, сравнительно „быстро выходятъ изъ своего тяжелаго матеріальнаго положенія“ (стр. 7). Весьма важную роль въ данномъ случаѣ играетъ учрежденіе „Урадзивокіорю-минъ-кай“, „Общество японцевъ, проживающихъ во Владивостокѣ“. Умѣлая организація этого общества дала японцамъ возможность имѣть въ лицѣ этого общества національный органъ самоуправленія, съ прочно организованными рабочими союзами. Каждый, кто знакомъ съ жизнью Владивостока, отлично знаетъ, какое значеніе имѣютъ эти союзы. Можно сказать, что нѣкоторыя отрасли труда, благодаря этимъ союзамъ, были монополизированы японцами среди 40-тысячнаго населенія Владивостока. Даже китайцы, составляющіе основной контингентъ населенія г. Владивостока, не могли въ достаточной мѣрѣ конкурировать съ японцами, несмотря на свою общеизвѣстную способность соединяться въ союзы и корпораціи съ цѣлью овладѣть или торговлею, или промышленностью въ томъ или другомъ районѣ. И это происходитъ, по заявленію г. Васкевича (стр. 8), не потому, чтобы японцы были болѣе способны, чѣмъ русскіе или китайцы, а потому, что японецъ болѣе трудолюбивъ и скорѣе столкуется съ своимъ сосѣдомъ и товарищемъ по ремеслу. „Послѣ этого неудивительно, если среди японцевъ, проживающихъ ли во Владивостокѣ или въ другихъ мѣстахъ Приамурскаго края, нѣтъ такой отрасли труда, которая не носила бы характера корпоративныхъ началъ съ извѣстными выработанными правилами и установленіями, строго всѣми соблюдаемыми“.

Общество „Урадзиво-кіорю-минъ-кай“ является „самостоятельнымъ, чисто національнымъ органомъ самоуправленія мѣстнаго японскаго населенія, объединяющимъ его въ одно цѣлое. Идея организаціи общества имѣетъ своимъ основаніемъ присущее японцамъ стремленіе жить за границей сплоченно, облегчая другъ другу возможность полученія болѣе выгодныхъ заработковъ“ (стр. 18).

Результаты такого строя налицо. „Не проходитъ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ послѣ прибытія японца во Владивостокъ, какъ онъ уже успѣваетъ сколотить 500—800 рублей и возвращается на родину“.

Брошюру г. Васкевича можно рекомендовать не только тѣмъ, кто интересуется жизнью Дальняго Востока, но ее не безъ пользы прочитаетъ всякій, кто интересуется устройствомъ и развитіемъ различныхъ рабочихъ союзовъ и корпорацій.

С. А. Венгеровъ. Эпоха Бѣлинскаго. Спб., 1905 г. Очеркъ г. Венгерова заслуживаетъ большого вниманія. Онъ даетъ новые и очень любопытные просвѣты въ нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, центральной фигурой которыхъ онъ считаетъ — Бѣлинскаго. Въ общемъ можно признать основательными возраженія почтеннаго автора противъ термина „Гоголевскій періодъ“, но предлагаемая имъ замѣна „Эпоха Бѣлинскаго“ кажется намъ рискованной. Для 30-хъ годовъ „центральнѣе“ Лермонтовъ (можетъ быть, и Станкевичъ), для 40-хъ—Пушкинъ и Гоголь—въ освѣщеніи Бѣлинскаго. Если взять весь этотъ періодъ цѣликомъ, то не правильнѣе было бы назвать его періодомъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго? Въ „Эпоху Бѣлинскаго“, думается намъ, не улягутся всѣ литературныя явленія этого времени.

Характеристика Бѣлинскаго и его кружка, ихъ внутренняго развитія и значенія написана съ большимъ мастерствомъ и тонкимъ знаніемъ дѣла. Она читается отъ начала и до конца съ живымъ, не ослабѣвающимъ интересомъ. Это—прекрасное введеніе къ изученію произведеній великаго критика.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Спб., 1905 г. Среди воскресшихъ за послѣднее время книжныхъ мертвецовъ, жертвъ часто безсмысленныхъ преслѣдованій нашей слишкомъ цѣломудреной цензуры, съ особеннымъ удовольствіемъ рецензентъ долженъ отмѣтить первое въ Россіи полное изданіе знаменитаго письма Бѣлинскаго. За его распространеніе когда-то присудили сначала къ смертной казни, а потомъ, разыгравши жестокую комедію „помилованія“—въ арестантскія роты и на каторгу нѣкоторыхъ Петрашевцевъ. Долго оно было жупеломъ для нашихъ административныхъ сферъ. Съ большимъ трудомъ проходили черезъ цензурныя тѣснины даже отрывки изъ него.

Русскій читатель, наконецъ, получилъ его цѣликомъ—„въ медовые мѣсяцы русской самочинной свободы печати“, по выраженію редактировавшаго изданіе г. Венгерова.

Со времени написанія письма прошло 58 лѣтъ, но отъ него и до сихъ поръ вѣетъ захватывающею свѣжестью, удивительно сконцентрированною силой кипучаго негодованія и страстнаго убѣжденія. Это одно изъ лучшихъ произведеній „неистоваго Виссаріона“, наиболѣе смѣлое и свободное, потому что оно было написано внѣ сферы цензурнаго дозора и жандармской перлюстраціи, прямо вылилось изъ наболѣвшаго сердца...

Бѣлинскій болѣлъ тѣмъ, отъ чего до сихъ поръ не излѣчились и мы. Поэтому-то его письмо и будитъ такіе живые отклики въ нашей душѣ...

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: Фонъ-Визинъ, кн. Е. Оболенскій и бар. Штейнгель. Съ 3 геліогравюрами. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб., 1905. Ц. 5 р. Благодаря цензурнымъ условіямъ цѣлыя области русской исторической науки оставались до послѣдняго времени внѣ сферы свободнаго гласнаго изслѣдованія. Теперь мало-по-малу открывается возможность наверстать упущенное въ этомъ отношеніи. Такъ, силою вещей на ближайшую очередь въ ходѣ научной разработки нашего прошлаго выдвигается исторія общественныхъ движеній въ Россіи. Эта очередная работа должна начаться съ опубликованія первоисточниковъ, столь долго остававшихся подъ цензурнымъ запретомъ. Намъ пріятно отмѣтить, что русскіе ученые уже приступили къ такой работѣ, въ буквальномъ смыслѣ не теряя ни минуты времени. Вышло научно обставленное изданіе знаменитой книги Радищева, изданы записки декабриста Якушкина. Теперь передъ нами первый выпускъ новаго изданія, весьма солидно задуманнаго кружкомъ петербургскихъ ученыхъ. Это будетъ серія первоисточниковъ изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи за первую половину XIX в. Тексты первоисточниковъ будутъ сопровождаться вводными критическими и біографическими изслѣдованіями. Вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ этого изданія обогащаетъ нашу литературу въ высшей степени важными матеріалами по исторіи декабристовъ. Здѣсь напечатаны: 1) записки декабриста Фонъ-Визина, можно сказать, впервые появляющіяся въ печати въ полномъ видѣ (заграничное изданіе 1861 г. страдало значительными дефектами такъ же, какъ и отрывки, помѣщенные въ *„Русской Старинѣ“* за 1884 г.) Въ настоящемъ изданіи, помимо вышеуказанныхъ текстовъ, впервые использована рукопись записокъ, хранящаяся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, съ болѣе поздними вставками и поправками самого Фонъ-Визина; 2) воспоминанія кн. Оболенскаго; за границей они были изданы трижды, въ Россіи до сихъ поръ былъ напечатанъ только сокращенный текстъ ихъ въ изданіи г. Бартенева „Девятнадцатый вѣкъ“. Теперь и эти записки появляются въ русской печати въ полномъ видѣ; 3) записки бар. Штейнгеля. Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ полной новинкой, ранѣе не извѣстной ни въ русской, ни въ заграничной печати. Двѣ части записокъ Штейнгеля ранѣе были напечатаны въ *„Историческомъ Вѣстникѣ“* за 1900 г. Но третья часть, посвященная самому возстанію 14 декабря, а также слѣдствію и суду надъ декабристами, до сихъ поръ не была извѣстна и напечатана впервые по рукописи, принадлежавшей Е. И. Якушкину. Изъ сказаннаго видно, какое цѣнное приращеніе къ извѣстному ранѣе матеріалу по исторіи декабристовъ заключаетъ въ себѣ разбираемое изданіе. Вступительные очерки о декабристахъ Фонъ-Визинѣ, Оболенскомъ и Штейнгелѣ составлены В. Семевскимъ и В. Богучарскимъ. Въ значительной части эти очерки также расширяютъ наши свѣдѣнія какъ о личной жизни упомянутыхъ декабристовъ, такъ и о дѣятельности тайныхъ обществъ конца Александровскаго царствованія. Авторы очерковъ использовали немало неизданнаго матеріала изъ архивовъ Государственнаго, III отдѣленія Соб. Е. В. канцеляріи, Иностранныхъ Дѣлъ, Публичной Библіотеки. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія этого изданія, оно составитъ солидный вкладъ въ исторію освободительнаго движенія въ Россіи.

А. Н. Поповъ. Отечественная война 1812 г. Т. I., М. 1905. Ц. 4 р. Въ журналахъ давно уже начали появляться отрывочные эпизоды изъ обширнаго посмертнаго труда покойнаго проф. Александра

Попова по исторіи Отечественной войны. Эти статьи тотчасъ же были отмѣчены критикой, какъ солидныя и цѣнныя строго-документальныя изслѣдованія, ставящія исторію Отечественной войны на научную почву. Теперь анонимная редакція предприняла полное изданіе этого труда. Вышедшій въ свѣтъ первый томъ содержитъ очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами наканунѣ Отечественной войны. Этотъ очеркъ выразительно рисуетъ международное политическое положеніе въ Европѣ, непосредственно приведшее къ великой катастрофѣ 1812 года. Авторъ строго держится документальной почвы и весьма искусно группируетъ документальный матеріалъ, не загромождая изложенія подробностями и умѣло выдвигая передъ читателемъ существенные моменты въ сложномъ и извилистомъ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ. Весь томъ посвященъ изображенію постепеннаго изолированія Россіи ко времени вторженія Наполеона. Сочувствіе Швеціи, нейтралитетъ Турціи и лишь въ будущемъ возможная помощь со стороны Англіи,—вотъ все, на что могла разсчитывать Россія, имѣя передъ собой всю континентальную Европу за исключеніемъ Испаніи, собранную подъ знамя Наполеона. Изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ фактовъ, характеризующихъ событія того времени и разсыпанныхъ по всей книгѣ, отмѣтимъ любопытное сообщеніе о томъ, что уже въ 1811 г. Бернадотъ—наслѣдный принцъ шведскій—внушалъ русскому правительству на случай войны съ Наполеономъ планъ заманиванія непріятеля въ глубь Россіи путемъ послѣдовательнаго отступленія русской арміи.

Альбертъ Вандаль. Возвышеніе Бонапарта I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III-го года. Переводъ съ XI французскаго изданія З. Н. Журавской. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ. № 16. Спб., 1905. Предметомъ изслѣдованія въ книгѣ Вандаля является тотъ переходный періодъ въ жизни Наполеона (отъ іюня 1799 г. до сентября 1800 г.), когда онъ еще не опредѣлилъ, въ какую сторону онъ пойдетъ,—останется ли главой республики, или же станетъ основателемъ монархіи. Авторъ называетъ свою книгу политико-историческимъ изслѣдованіемъ, но въ ней равное мѣсто съ изложеніемъ политической исторіи занимаютъ и чисто бытовыя картины изъ жизни Парижа и Франціи послѣднихъ временъ директоріи и первыхъ мѣсяцевъ консульства. Можно даже сказать, что эти картины составляютъ лучшую часть книги Вандаля. У него нѣтъ тонкаго анализа событій, дающаго ясное представленіе о тѣхъ скрытыхъ силахъ, которыя создавали крупнѣйшіе факты описываемаго времени; нѣтъ также выясненія соціальныхъ основъ, на которыхъ зиждилось значеніе политическихъ партій въ то время. Вандаль беретъ только поверхность исторіи, но описываетъ ее въ высшей степени выразительно. Бытовыя картины временъ директоріи и консульства написаны сильнымъ и краснорѣчивымъ языкомъ, многія изъ нихъ могутъ быть классическимъ образцомъ хорошаго французскаго слога. Вообще сила Вандаля въ литературной живописи, а не въ анализѣ событій.

Въ книгѣ Вандаля много субъективнаго, такъ какъ онъ не скрываетъ своихъ симпатій и антипатій. Его сочувствіе на сторонѣ умѣренныхъ, державшихся посрединѣ между якобинцами и роялистами,—на сторонѣ людей 89 г., уцѣлѣвшихъ среди бурь революціоннаго времени до брюмерскаго событія. Главный герой книги Вандаля—Наполеонъ, и его политическая роль представлена въ значительно идеализированномъ видѣ. Вандаль ставитъ себѣ задачей реабилитировать опороченное имя

этого „генерала“ par excellence, какъ похитителя французской свободы. „Среди ходячихъ и привившихся идей о 18-мъ брюмера нѣтъ болѣе ошибочной, чѣмъ легенда объ убіеніи свободы“... „Изображать Бонапарта,—говоритъ Вандаль,—разбивающимъ ударомъ сабли плашмя законный порядокъ вещей и заглушающимъ грохотомъ своихъ барабановъ въ оранжереѣ Сен-Клу послѣдніе вздохи французской свободы“—значитъ повторять „торжественную чепуху“ (36—37). По мнѣнію Вандаля „Бонапартъ, несомнѣнно призванный къ власти волею народа (?), чутьемъ (!) угадывавшій его инстинктивныя стремленія, правившій согласно желаніямъ огромнаго большинства французовъ, одинъ представлялъ собою въ смѣшанномъ режимѣ VIII года демократическій принципъ“ (543). Черты безпощаднаго честолюбца, ни во что не ставившаго жизни сотенъ тысячъ своихъ соотечественниковъ, совершенно затушеваны у Вандаля въ характеристикѣ Наполеона. Его склонность къ демагогическимъ пріемамъ ради власти истолкована въ смыслѣ искренняго желанія пойти „прямо къ народу, къ массѣ, къ милліонамъ французовъ, у которыхъ нуждъ больше, чѣмъ мнѣній“, положить „народное довольство“, „въ основу своего правленія“ (442) и основать царство „идеальнаго произвола“ (572).

При всѣхъ этихъ недостаткахъ книга Вандаля по несомнѣнной эрудиціи автора, по обилію матеріала, по красотѣ изложенія заслуживаетъ самаго широкаго круга читателей. Переводъ хорошъ.

Германія въ 48-мъ году. Составилъ М. Н. Андреевъ. Библіотека „Свободная Россія“, № 1. Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова. Цѣна 20 коп. Москва, 1905. Эта небольшая брошюра составлена по книгѣ Базарова и Степанова „Очерки по исторіи Германіи въ XIX в.“ (томъ I) *), успѣвшей въ короткое время пріобрѣсти популярность благодаря интересу темы, обилію матеріала и яркости изложенія и уже нѣсколько разъ подвергавшейся использованію для журнальныхъ статей и газетныхъ фельетоновъ. Какъ компиляція, брошюра г. Андреева составлена очень добросовѣстно, но авторъ поставилъ себѣ, на нашъ взглядъ, неисполнимую задачу—изложить на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ (въ брошюрѣ 68 стр.) революціонныя событія 48 года во всѣхъ государствахъ Германіи. Если выкинуть первыя 19 страницъ, посвященныхъ подготовкѣ революціи въ Германіи, то собственно на 48-й годъ останется около 50 страницъ небольшого формата. Эта краткость книги въ связи съ богатствомъ и сложностью событій 48 г. заставляетъ автора ограничиваться слишкомъ бѣглымъ и поверхностнымъ очеркомъ фактовъ и по временамъ переходить въ стиль учебника (мартовскіе дни въ Берлинѣ изложены на 5 стр., въ Вѣнѣ на 3-хъ, исторія франкфуртскаго парламента—на 4-хъ и т. п.). Самая цѣнная черта книги Базарова и Степанова—указаніе на глубоко проникающую нѣмецкое общество XIX вѣка соціальную рознь и объясненіе соціальнымъ недовѣріемъ различныхъ общественныхъ группъ другъ къ другу и слабой организаціей пролетаріата неуспѣхъ германской революціи—не могла быть отмѣчена въ книгѣ г. Андреева съ необходимой яркостью, какъ намъ кажется, именно вслѣдствіе краткости брошюры. Въ концѣ-концовъ является вопросъ, зачѣмъ было популяризировать саму по себѣ популярную книгу гг. Базарова и Степанова, если цѣной этой вторичной популяризаціи необходимо, въ силу самыхъ условій объема брошюры, должна была явиться утрата наиболѣе интереснаго и живого содержанія книги—оригинала.

*) Переводъ книги Блоса „Die deutsche Revolution“.

Библіотека Маріи Малыхъ. Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Съ введеніемъ Фридриха Энгельса. Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. К.—Профессоръ М. М. Ковалевскій. Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи.—Эмиль Розеновъ. Томасъ Мюнцеръ. Переводъ съ нѣмецкаго. А. Шестаковой. „Библіотека Маріи Малыхъ" заключаетъ въ себѣ въ настоящее время до 60 брошюръ по соціологіи, государственному праву, исторіи и пр., а также и по беллетристикѣ. Большинство *научныхъ* брошюръ этого книгоиздательства или прямо трактуютъ вопросы съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма и соціаль-демократической доктрины, или представляютъ по своему содержанію удобства для истолкованія трактуемыхъ вопросовъ въ духѣ доктрины, хотя ихъ авторы и не принадлежатъ къ ея сторонникамъ, или же, наконецъ, являются идеализированнымъ изображеніемъ героевъ труда или народныхъ вождей. „Классовая борьба во Франціи" представляетъ изъ себя брошюру перваго типа, „Рабочій вопросъ"—относится ко второму типу, „Томасъ Мюнцеръ"—къ третьему. Но въ „Библіотетѣ" есть цѣлый рядъ и такихъ брошюръ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ партійной доктринѣ.

Книга Маркса является блестящимъ опытомъ примѣненія матеріалистическаго метода къ исторіи второй республики во Франціи. Кризисъ въ міровой торговлѣ и промышленности, наступившій въ 47 году и вызвавшій банкротство значительной части крупной буржуазіи, является здѣсь основной причиной февральской революціи, а новый расцвѣтъ промышленности, наступившій съ половины 48 г. и укрѣпившій почву подъ высшей буржуазіей—началомъ конца революціи. Тонкость анализа, съ которымъ Марксъ вскрываетъ соціально-экономическую основу каждой изъ дѣйствовавшихъ въ эпоху второй республики политическихъ партій, и детально точное опредѣленіе значенія различныхъ революціонныхъ датъ,—дѣлаютъ небольшую книгу Маркса классическимъ трудомъ въ области исторической литературы матеріалистической школы. Можно не согласиться съ самымъ методомъ Маркса, но примѣненіе его нельзя не признать образцовымъ, и, какъ образецъ изящной и строгой въ методологическомъ отношеніи работы, книга Маркса не потеряетъ своего значенія никогда.

„Рабочій вопросъ" Максима Ковалевскаго, очевидно, попалъ въ число изданій „Библіотеки" потому, что въ немъ изложенъ процессъ постепеннаго перехода мелкаго ремесленнаго производства (цехи) въ крупныя капиталистическія предпріятія. Въ брошюрѣ прекрасно выяснена та эволюція, которую претерпѣли въ новое время цеховые порядки и въ результатѣ которой создалась экономическая рознь между предпринимателями и рабочими въ предѣлахъ самой цеховой организаціи, и этимъ опровергнута та огульная характеристика цеховъ, какъ организацій, построенныхъ „на началахъ имущественной солидарности между іерархически соподчиненными классами",—которая еще до сихъ поръ держится въ учебникахъ исторіи и политической экономіи. Въ книгѣ М. Ковалевскаго доказано, что эта солидарность имѣла мѣсто только въ цехахъ ранняго времени (XII—XIII вв.), послѣ чего она стала быстро разлагаться, почти совершенно исчезнувъ къ XVIII вѣку. Громадная эрудиція автора, не мѣшающая простотѣ и популярности изложенія, и схематически стройное описаніе капиталистической эволюціи ремесла, не затушевывающее мѣстныхъ и національныхъ особенностей этой эволюціи, придаютъ брошюрѣ проф. Ковалевскаго одновременно

значеніе и популярнаго и научнаго труда и дѣлаютъ знакомство съ ней такъ же легкимъ, какъ и полезнымъ.

Брошюра Э. Розенова о Томасѣ Мюнцерѣ производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Это не популярно-научная книжка, а страстная апологія вождя крестьянскаго возстанія. Надъ объективнымъ изложеніемъ въ ней преобладаетъ панегирическій тонъ по отношенію къ Мюнцеру. „На-ряду съ этимъ мощнымъ духомъ, предвосхитившимъ духовное развитіе цѣлыхъ столѣтій, образъ Лютера съеживается до совершеннаго ничтожества“,—такая и ей подобныя фразы служатъ плохимъ ручательствомъ за безпристрастіе автора. Вслѣдствіе крайне субъективнаго отношенія автора къ его герою и теолого-философское ученіе Мюнцера, и религіозные споры того времени, и сословные контрасты, вызвавшіе волненія ремесленниковъ въ городахъ, и крестьянское возстаніе—все это затронуто только вскользь, безъ необходимыхъ для популярной брошюры поясненій и ссылокъ. Въ результатѣ, въ лицѣ Мюнцера, вмѣсто идеолога мелкобуржуазныхъ и крестьянскихъ интересовъ, получается отвлеченная фигура носителя голаго протеста противъ всѣхъ существовавшихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ порядковъ. При всемъ этомъ полемически страстный языкъ автора и не ослабѣвающій на протяженіи всей брошюры демократическій пафосъ производятъ впечатлѣніе глубокой искренности и, несмотря на научные недостатки книжки, не могутъ не увлечь читателя.

Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Выпускъ первый. Изданіе С. Скирмунта. Цѣна 1 рубль. Первый выпускъ книги Баха описываетъ событія трехъ первыхъ мѣсяцевъ австрійской революціи (отъ марта до іюня 1848 г.). Первыя двѣ главы служатъ какъ бы введеніемъ и посвящены крестьянскому и соціальному вопросу въ до-мартовской Австріи. Особенный интересъ представляетъ краткое изложеніе австрійскихъ соціальныхъ теорій въ первой половинѣ XIX вѣка, показывающее крайнюю спутанность во взглядахъ на соціальный вопросъ среди радикальныхъ писателей того времени: у нихъ странно перепутывались идеи организаціи труда и свободы конкуренціи, симпатіи къ промышленной свободѣ и къ цеховой системѣ. Самое изложеніе событій революціоннаго года просто и безыскусственно. Особую цѣнность книгѣ придаютъ въ изобиліи приводимыя авторомъ (въ выдержкахъ или цѣликомъ) газетныя статьи, публичныя рѣчи, офиціальныя сообщенія и указы и пр. Въ общемъ въ книгѣ М. Баха представлена довольно полно и ярко картина неизмѣнно повторяющейся въ исторіи всѣхъ революцій правительственной политики, которую нельзя иначе назвать, какъ обструкціей правительства самому себѣ, выражающейся въ отниманіи лѣвой рукой того, что дается правой, и въ намѣренно замедленномъ проведеніи въ жизнь необходимыхъ реформъ. Аналогіи напрашиваются сами собой...

Вообще книга Баха по полнотѣ матеріала и безпристрастію изложенія является наиболѣе удобнымъ изъ всѣхъ существующихъ на русскомъ языкѣ пособій для ознакомленія съ исторіей австрійской революціи 48 года.

Переводъ вполнѣ хорошъ.

Старина и Новизна. Книга X. М., 1905 г. Въ десятой книжкѣ „Старины и Новизны“ заслуживаютъ быть отмѣченными только лекціи Буслаева Цесаревичу Николаю Александровичу (въ 1859 — 1860 гг.). Благородный энтузіастъ „старины и народности“ со свойственной ему

проникновенной мягкостью и теплотою изложенія старался внушить своему ученику любовь къ древней Руси и ея поэзіи. Лекціи теперь уже значительно устарѣли, но онѣ интересны, какъ историческій документъ. У современнаго читателя, въ особенности мало подготовленнаго, онѣ создаютъ особое настроеніе, такъ сказать, предвкушеніе своеобразнаго аромата старины въ ея *поэтическихъ* проявленіяхъ, которое можетъ вызвать и интересъ къ *научному* изученію древне-русской литературы и старинной народной поэзіи. Эту цѣль и имѣлъ, конечно, прежде всего въ виду Буслаевъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Алексѣй Смирновъ. Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ.—*П. Слезкинъ.* Агрономъ-практикантъ въ хозяйствѣ.—Ежегодникъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ учрежденій. Вып. IV.—Труды 2-го съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному опытному дѣлу. Ч. II.—*Ив. Поповъ.* Скотоводство.—*П. Отоцкій.* Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. Ч. II.

Алексѣй Смирновъ. Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. Изд. „Деревенскаго хозяйства“. М., 1905 г. Ц. 15 к. Если не ошибаемся, это тотъ самый докладъ, чтеніе котораго было не допущено на ярославскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, послѣ чего по желанію большинства членовъ прервались засѣданія съѣзда. Ничего „опаснаго“ докладъ, конечно, въ себѣ не содержитъ и прошелъ черезъ предварительную цензуру еще во время министерства В. К. Плеве. Изъ иностранныхъ государствъ авторъ останавливается преимущественно на Германіи и Даніи. Основная мысль брошюры выражена на стр. 25: „только просвѣщенное, самодѣятельное и свободное крестьянство способно къ широкому примѣненію кооперативнаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ“. По нашему мнѣнію въ первой главѣ брошюры условіямъ рынка приписано значеніе болѣе важное, чѣмъ то, какое они сейчасъ имѣютъ для русскаго крестьянскаго хозяйства; сельско-хозяйственные союзы очень важны и для хозяйства потребительскаго.

П. Слезкинъ. Агрономъ-практикантъ въ хозяйствѣ. Спб., 1905 г. Изд. Девріена. Ц. 75 к. Авторъ называетъ свою книгу пособіемъ при ознакомленіи съ сельско-хозяйственной техникой. Замыселъ автора заслуживаетъ большого вниманія, но исполненіе замысла неизбѣжно должно было столкнуться съ очень большими трудностями. Съ одной стороны, практическія хозяйственныя указанія непремѣнно должны имѣть мѣстный характеръ, съ чѣмъ авторъ непосредственно считается лишь въ главѣ о распредѣленіи работъ по мѣсяцамъ: тамъ предложенъ календарь работъ раздѣльно по сѣверной и южной полосамъ Европейской Россіи; только въ чисто мѣстномъ руководствѣ хозяинъ-практикъ можетъ помочь новичкамъ своею опытностью. Съ другой стороны, если руководство назначается въ помощь лицамъ, вступающимъ въ практическую сельско-хозяйственную дѣятельность „послѣ окончанія теоретическаго спеціальнаго образованія“, да при томъ еще если это руководство (какъ въ данномъ случаѣ) написано профессоромъ агрономической школы, желательно было бы сильнѣе установить связь между пониманіемъ значенія техническихъ пріемовъ отдѣльнаго хозяйства и тою практикою научнаго изслѣдованія, съ которою молодые агрономы имѣли дѣло въ школѣ. Подъ хозяйствомъ повидимому въ большинствѣ случаевъ авторъ разумѣетъ

частновладѣльческое имѣніе. Книга профессора П. Р. Слезкина написана очень живо и будетъ прочитана съ интересомъ многими изъ лицъ, совсѣмъ не готовящихся быть управляющими. Многіе совѣты въ практикѣ русской сельской жизни, къ сожалѣнію, надолго сохранятъ животрепещущее значеніе, напримѣръ: „руководитель долженъ владѣть собою, не быть скорымъ на обидное слово, крикъ и тѣмъ паче на руку“ (стр. 11).

Ежегодникъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ учрежденій. Вып. IV. Ч. I. Изд. департамента земледѣлія. Спб., 1905 г. Здѣсь содержатся извлеченія изъ отчетовъ опытныхъ учрежденій, расположенныхъ въ сѣверной нечерноземной полосѣ Европейской Россіи; работа исполнена Р. А. Клюссомъ подъ редакціей покойнаго А. Р. Ферхмина. Свѣдѣнія относятся къ тремъ опытнымъ станціямъ, пяти опытнымъ полямъ, къ двумъ опытнымъ фермамъ, къ одному „опытному“ и одному „образцовому крестьянскому хозяйству“ и къ сельскохозяйственной химической лабораторіи министерства земледѣлія. Особаго вниманія заслуживаютъ довольно многочисленные опыты съ искусственными удобреніями; желательно, чтобы съ результатами этихъ опытовъ возможно широко было ознакомлено крестьянское хозяйство, которое для повышенія урожаевъ сильно нуждается въ искусственныхъ удобреніяхъ, особенно въ нечерноземной полосѣ.

Труды 2-го съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному опытному дѣлу. Ч. II. Изд. департамента земледѣлія. Спб., 1905 г. Второй съѣздъ по опытному дѣлу происходилъ еще въ декабрѣ 1902 года. Вторая часть „Трудовъ“ этого съѣзда порядочно запоздала—можетъ быть, вслѣдствіе болѣзни редактора, безвременно скончавшагося А. Р. Ферхмина—выходомъ въ свѣтъ; въ ней помѣщены протоколы общихъ и секціонныхъ собраній съѣзда и 33 доклада (нѣкоторые доклады были напечатаны въ первой части). Среди докладовъ отмѣтимъ интересныя работы Д. Л. Рудзинскаго о селекціонныхъ сѣменныхъ станціяхъ, М. Г. Калитаева объ общихъ основаніяхъ организаціи опытнаго дѣла, М. И. Придорогина о постановкѣ отбора сельско-хозяйственныхъ животныхъ, П. Н. Клингена о скороспѣлой залежной системѣ для черноземныхъ почвъ восточной Россіи. Протоколы собраній изложены очень подробно.

Ив. Поповъ. Скотоводство (разведеніе, кормленіе и зоогигіена). Библіотека „Хозяина“. Спб., 1905 г. Составленное профессоромъ Казанскаго ветеринарнаго института И. П. Поповымъ руководство появляется, по словамъ предисловія, третьимъ изданіемъ (на обложкѣ объ этомъ не упомянуто); мы думаемъ, что здѣсь имѣютъ значеніе не столько достоинства руководства, сколько дѣйствительная потребность въ учебныхъ книгахъ по зоотехніи. Во введеніи затронута статистика скотоводства, но большая часть сообщаемыхъ тамъ количественныхъ данныхъ очень устарѣла. Въ первой части авторъ сравнительно подробно останавливается на наслѣдственности и пріемахъ заводскаго искусства; для русскаго крестьянскаго хозяйства авторъ рекомендуетъ методъ чистаго разведенія, для частновладѣльческаго—скрещиваніе. Ко второму отдѣлу, предметъ котораго составляетъ кормленіе, прибавлены спеціальныя главы, посвященныя производству жира и мяса, молока, работы и шерсти.

Заключительный отдѣлъ книги—зоогигіена; здѣсь сравнительно подробно разсмотрѣны вентиляція и устройство помѣщеній для скота, даны спеціальныя указанія по гигіенѣ беременныхъ, молодняка, продуктивнаго скота, транспортируемаго скота и больныхъ животныхъ. Особое приложеніе таблицы живого и убойнаго вѣса и состава кормовъ.

Литературныя указанія довольно многочисленны, что дѣлаетъ книгу небезполезною для справокъ. Въ книгѣ болѣе 100 рисунковъ.

П. Отоцкій. Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. II. Грунтовыя воды и лѣса, преимущественно на равнинахъ среднихъ широтъ. Спб., 1905 г. Вторая часть трактата П. В. Отоцкаго выходитъ въ свѣтъ раньше первой, которая должна быть посвящена происхожденію грунтовыхъ водъ. Предметъ второй части—взаимоотношенія лѣса и грунтовыхъ водъ. Авторъ разбираетъ рядъ экскурсіонныхъ изслѣдованій въ лѣсной и степной полосахъ Россіи и отдѣльно останавливается на многолѣтнихъ регулярныхъ наблюденіяхъ, производившихся какъ въ Россіи, такъ и за-границею. Выводъ автора таковъ, что лѣса не только не накопляютъ запасовъ подпочвенной влаги, но, растративши на испареніе свою влагу, полученную непосредственно изъ атмосферы, они, повидимому, склонны заимствовать нѣкоторое количество влаги у прилегающихъ открытыхъ мѣстъ: результатомъ является повсемѣстное пониженіе уровня грунтовыхъ водъ, залегающихъ въ сферѣ дѣйствія корневой системы. Въ конечныхъ заключеніяхъ авторъ остороженъ: вопроса о пользѣ или вредѣ лѣса онъ не касается.

Книга издана изящно, можетъ быть, даже слишкомъ изящно (на отличной бумагѣ съ 4 картами, 4 таблицами чертежей и 45 рисунками). Защитники благопріятнаго вліянія лѣса на климатъ, конечно, не преминутъ подвергнуть трудъ П. В. Отоцкаго спеціальному разбору.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ.

В. В. Сиповскій. 1) Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. I и т. III. 2) Исторія русской словесности. Ч. I, вып. I.—*П. Дворниковъ.* Краткій курсъ исторіи литературы.—Бѣлое перо и др. легенды. (Библіотека Горбунова-Посадова).—Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина.—*Джекъ Лондонъ.* Дикая сила.—*В. Чернышевъ.* Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи.

В. В. Сиповскій. 1) Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. I и т. III. Спб., 1905 г. 2) Исторія русской словесности. Часть I, вып. I. Народная словесность. Спб., 1905 г. Наша школа давно уже нуждается въ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ со свѣжимъ матеріаломъ, популяризирующимъ новѣйшія пріобрѣтенія и наиболѣе солидныя изслѣдованія современной научной литературы. Ей приходилось довольствоваться до послѣдняго времени сухими, бездарными, устарѣвшими книгами Галахова или, на лучшій конецъ, болѣе живыми, но легкомысленными варіаціями на патріотическія темы Незеленова.

Г. Сиповскій взялъ на себя благодарный, но очень отвѣтственный трудъ — сблизить науку и школу, которыя давно уже привыкли чуждаться другъ друга...

Его учебникъ даетъ много свѣжаго и цѣннаго матеріала. За нимъ чувствуется сложная и вдумчивая работа. Конечно, не со всѣми ея результатами можно согласиться, но ее слѣдуетъ отмѣтить и оцѣнить.

Впервые изученіе народной поэзіи поставлено въ немъ на строго научную почву. Откинуты всѣ давно надоѣвшія измышленія „миѳологической школы", сведены всѣ наиболѣе устойчивые результаты современнаго народоизученія. Въ общемъ у читателя постепенно само собою слагается вѣрное и тонкое пониманіе народной поэзіи. Введены новые, невиданные въ нашей учебной литературѣ отдѣлы (наприм., „изученіе

народной поэзіи", „христіанство и народная поэзія", „малорусскія думы").

Есть, конечно, и недостатки, которые можно будетъ легко исправить въ слѣдующихъ изданіяхъ. Авторъ часто злоупотребляетъ именами ученыхъ, которыя ничего не говорятъ молодому, неподготовленному читателю.

Во многихъ мѣстахъ безъ особой нужды приведены слишкомъ тонкія ученыя контроверсы, безъ которыхъ учебникъ могъ бы свободно обойтись. Много опечатокъ, искажающихъ смыслъ, попадаются и ошибки (стр. 5 Hias—вм. Ilias, на стр. 103 пословицы объ администраціи отнесены къ „темамъ семейной пѣсни", на стр. 58 ретардація сводится только къ повторенію, между тѣмъ какъ это вообще замедленіе разсказа посредствомъ накопленія ненужныхъ или мало нужныхъ подробностей и повторенія, въ нѣсколькихъ мѣстахъ неправильно опредѣляется зооморфизмъ и т. д.). Все это, конечно, мелочи.

Много новаго и свѣжаго введено и въ хрестоматію, въ особенности въ отдѣлы обрядовыхъ и бытовыхъ пѣсенъ. Третій томъ (новѣйшая литература) долженъ вызвать большія и вполнѣ основательныя возраженія. Имѣя въ виду дороговизну изданій сочиненій новѣйшихъ писателей и въ то же время необходимость изучать ихъ въ классѣ, г. Сиповскій придумалъ компромиссъ, по нашему мнѣнію не вполнѣ удачный. Онъ приводитъ болѣе характерныя мѣста „Записокъ охотника", „Рудина", „Обломова" и т. д., связывая ихъ своимъ пересказомъ. Но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить непосредственнаго впечатлѣнія отъ подлинника въ его цѣломъ. Печально, если учащіеся ограничатся только такимъ изученіемъ, а это очень легко можетъ статься...

Классики должны быть въ каждой мало-мальски культурной и зажиточной семьѣ. Не имущимъ должны придти на помощь классныя библіотеки. По нашему глубокому убѣжденію, суррогаты въ видѣ хрестоматійнаго пересказа, даже съ большими цитатами,—не въ интересахъ вдумчиваго преподаванія русской словесности въ школѣ...

П. Дворниковъ. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Учебникъ для высшихъ городскихъ училищъ по Полож. 1872 г., торговыхъ школъ, низшихъ техническихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Москва, 1905 г. Ц. 80 к. Нельзя, разумѣется, не сочувствовать мысли введенія исторіи родной литературы въ курсъ учебныхъ заведеній, означенныхъ въ заголовкѣ разбираемаго учебника, и учебникъ этотъ, составленный г. Дворниковымъ, заслуживаетъ и вниманія къ себѣ и интереса. Въ самомъ дѣлѣ, никто въ настоящее время не станетъ спорить, что изученіе явленій, составляющихъ предметъ литературы, не просто полезно, но и необходимо для всѣхъ юношей, которые оканчиваютъ курсъ въ высшихъ ли городскихъ училищахъ, или въ торговыхъ школахъ, или въ низшихъ техническихъ училищахъ, а потому распространяться на этотъ счетъ значитъ повторять общеизвѣстныя истины. Но одно дѣло замыселъ, другое — выполненіе замысла, и надо сознаться, что г. Дворникову не вездѣ и не вполнѣ удалось это выполненіе. Прежде всего нельзя не отмѣтить какого-то поверхностнаго, диллетантскаго характера, который носитъ на себѣ разбираемый учебникъ, почему здѣсь встрѣчается слишкомъ много общихъ мѣстъ, попадаются и противорѣчія. О Тургеневскихъ романахъ, напримѣръ, сказано что-то настолько бѣглое и скомканное, что вынести о нихъ опредѣленное представленіе чрезвычайно мудрено. Точно также по поводу *Капитанской дочки* Пушкина указывается художественность изображе-

нія характеровъ дѣйствующихъ лицъ въ ней, и тутъ же обнаруживается неправдоподобіе характеровъ Гринева и Швабрина. Далѣе трудно согласиться съ планомъ учебника, въ которомъ древней литературѣ все-таки отводится нѣкоторое мѣсто, а о такихъ писателяхъ, какъ гр. Ал. Толстой, Достоевскій, Некрасовъ, Плещеевъ, Салтыковъ-Щедринъ и др., не сдѣлано и намека. Еще далѣе, многія страницы, наприм., страницы о народной словесности, изложены крайне неясно, скучно и сухо, такъ что требуютъ постоянныхъ поясненій и иначе не будутъ поняты учениками, которыхъ нельзя не считать читателями мало подготовленными. Наконецъ, мѣстами языкъ автора прямо неправиленъ (см. стр. V вступленія). Такимъ образомъ, книга должна быть переработана самымъ всестороннимъ и тщательнымъ образомъ.

Библіотека Горбунова - Посадова. Для юношества. Бѣлое перо и другія легенды. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 р. 15 к. М., 1905. Настоящую книгу можно рекомендовать самому широкому кругу читателей, хотя она и предназначается для юношества. Въ нее вошли, кромѣ двухъ сказокъ Л. Толстого, еще прекрасная, какъ по идеѣ, такъ и по формѣ легенда Ив. Наживина, двѣ весьма поэтичныя легенды А. Хирьякова, двѣ не менѣе поэтичныя переводныя легенды англійскихъ авторовъ и двѣ хотя и не столь художественныя, но все же прекрасныя по идеѣ легенды Н. Рубакина и И. Межака. Въ наше переходное время всеобщей ломки старыхъ устоевъ и стремленія къ новымъ идеаламъ, мысль невольно стремится въ высь и ищетъ себѣ простора въ широкихъ сферахъ общихъ вопросовъ. Легенда же издавна присвоила себѣ неотъемлемое право въ образной формѣ заниматься самыми разнообразными вопросами человѣческой этики, а въ разсматриваемой книгѣ подборъ легендъ въ этомъ смыслѣ чрезвычайно удаченъ. Каждая изъ нихъ служитъ отраженіемъ той или иной стороны человѣческаго духа, ищущаго истины и находящаго ее въ самыхъ простыхъ и близкихъ каждому комбинаціяхъ. Поэтому такую книжку съ удовольствіемъ прочтетъ и взрослый человѣкъ, и юноша, и ребенокъ, къ какому бы кругу онъ ни принадлежалъ. Мы же съ своей стороны особенно рекомендовали бы ее для самыхъ разнообразныхъ дѣтскихъ, школьныхъ и народныхъ библіотекъ. Издана она превосходно: на хорошей бумагѣ и съ хорошими иллюстраціями.

Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1843—1905 г.), описанная имъ самимъ, и избранныя стихотворенія. „Библіотека для семьи и школы". Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе». М., 1906. Цѣна 45 к. Просто и безъ претензій написана Дрожжинымъ автобіографія. Изъ нея видно, какимъ лишеніямъ подвергался онъ въ теченіе своей жизни. Безъ образованія, научившись грамотѣ у дьячка, Дрожжинъ служитъ то въ трактирѣ половымъ, то продавцомъ въ табачной лавочкѣ и только подъ конецъ приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ. И, несмотря на всѣ эти препятствія, часто развращающую среду, у него остается искренняя любовь къ литературѣ и деревнѣ. Какъ только его стихи стали болѣе или менѣе извѣстны публикѣ, онъ покидаетъ городъ и переселяется къ себѣ на родину въ деревню, гдѣ живетъ и теперь.

Свои стихи онъ сталъ печатать съ 1873 года и къ настоящему времени его литературная физіономія опредѣлилась достаточно ясно. Къ автобіографіи приложенъ большой сборникъ избранныхъ, очевидно, лучшихъ стиховъ, которые достаточно подробно характеризуютъ его какъ писателя. Его стихъ простъ и не изысканъ, часто звучитъ задушев-

ностью и проникнуть теплой любовью, гражданская скорбь замѣняется почти всегда лирическою грустью, и онъ избѣгаетъ густыхъ тоновъ, предпочитая полутѣни. Вотъ его стихотвореніе, помѣщенное въ сборникѣ первымъ подъ заглавіемъ „Моя муза“; оно характерно для Дрожжина и по формѣ и по міросозерцанію.

Моя муза родилась крестьянкой простой
И простымъ меня пѣснямъ учила,
Изъ деревни родной часто въ городъ большой
За собою пѣвца уводила.
Когда пѣли мы съ ней то бѣднякъ забывалъ
Все, что въ сердцѣ его наболѣло,
Когда пашню пахалъ иль желѣзо ковалъ,
Съ этой пѣсней работа кипѣла;
По селамъ, деревнямъ, по большимъ городамъ
Она тихою грустью звучала,
И участье ко всѣмъ горемычнымъ людямъ
У счастливыхъ людей вызывала.

Деревня, деревенская бѣдность, постоянное и все заслоняющее стремленіе добыть рубль, чтобы поддержать падающее деревенское хозяйство—почти единственныя темы Дрожжина. Города онъ касается мимоходомъ и всегда въ связи съ деревней. Въ послѣдней онъ прежде всего видитъ красивый пейзажъ, затѣмъ бѣдность и хозяйственныя работы. Его идеалъ—это мирный бытъ хозяйственнаго и удачливаго мужичка-пахаря. Боевого очень мало въ поэзіи Дрожжина, наоборотъ, иногда видна покорность и уступчивость передъ гнетомъ дѣйствительности, поэтому онъ не такъ близокъ къ людямъ нашего времени и незамѣтно для себя несетъ печать покорности людей 80-хъ годовъ. Его идиллическія картины иногда нѣсколько сентиментальны (стих. «Голубка и Стрѣлокъ»), но искренность чувства и жестокая жизнь, описанная въ автобіографіи, заставляетъ позабыть эти недочеты и съ симпатіей отнестись къ стихамъ самоучки-крестьянина.

Джекъ Лондонъ. Дикая сила. Съ англійскаго Р. Рубиновой. Съ рисунками. Библіотека для семьи и школы. Изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе“. М., 1905 г. Ц. 40 к. Лондонъ—новый американскій писатель. Его имя впервые появляется у насъ въ Россіи. Въ Америкѣ онъ пользуется уже достаточно большой популярностью. По своимъ темамъ онъ близокъ къ Киплингу и Сетонъ-Томпсону. Животныя—главныя дѣйствующія лица въ его повѣсти „Дикая сила“. Эта повѣсть задумана и исполнена хорошо. Подъ вліяніемъ суровой природы сѣвера, тяжелой работы, голода и людской жестокости, въ добродушной собакѣ Бёкъ мало-по-малу начинаютъ пробуждаться дикіе первоначальные инстинкты. Кончается тѣмъ, что у одичавшаго Бека совершенно исчезаетъ все то, что вѣками сдѣлало изъ него домашнее животное и приручило къ человѣку; онъ превращается въ волка и присоединяется къ стаѣ волковъ, бѣгущей за стадомъ оленей. Все это описано въ высшей степени правдоподобно, окружающая Бека обстановка и люди изображены съ рѣдкой художественной вѣрностью, а детальное знаніе быта и нравовъ полудикихъ авантюристовъ-золотоискателей на Аляскѣ дастъ автору возможность широко захватить кругъ своей повѣсти. Подробный анализъ психологіи животнаго, рядъ собакъ различныхъ типовъ и характеровъ, ихъ отношеніе къ внѣшнему міру заставляетъ читателя до конца съ неослабнымъ интересомъ слѣдить за развитіемъ разсказа.

Содержаніе этой книжки настолько просто и вмѣстѣ съ тѣмъ умно, что помимо семьи и школы, для которыхъ предназначена эта книга, и взрослые съ удовольствіемъ прочитаютъ ее.

В. Чернышевъ. Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Спб., 1904. Ц. 50 к. Г-нъ Чернышевъ поставилъ своей задачей въ популярной формѣ разсказать исторію распространенія и преслѣдованія христіанства. Книжка составлена изъ отдѣльныхъ главъ, которыя могутъ быть прочтены и самостоятельно. Вторая изъ нихъ, отдѣльно изданная,—Нероново Гоненіе, даже допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, учительскія библіотеки низшихъ и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Авторъ разсказываетъ исторію христіанства скорѣе съ религіозной, чѣмъ съ исторической точки зрѣнія, и вся книжка проникнута глубокимъ религіознымъ чувствомъ; событія въ ней переданы исторически вѣрно. Къ сожалѣнію, авторъ нигдѣ не указываетъ литературы, которою пользовался при составленіи разсказовъ, хотя говоритъ въ первой главѣ: „Исторію гоненій на христіанъ я и хочу здѣсь разсказать на основаніи *различныхъ ученыхъ и достовѣрныхъ сочиненій*“. Какія это ученыя и достовѣрныя сочиненія—для читателя остается тайной.

Нѣсколько замѣчаній можно сдѣлать также относительно самаго способа изложенія и языка книжки. Нерѣдко бросаются въ глаза неудачные обороты рѣчи, какъ, напр.: „Громадные размѣры и страшную жестокость приняли гоненія на христіанъ въ Римской имперіи“ (стр. 2), или же: „Гоненія велись упорно и многократно и заключаются въ длинномъ промежуткѣ времени, который, отъ перваго гоненія до торжества христіанства при Константинѣ Великомъ, равняется двумъ съ половиною столѣтіямъ“, (стр. 7). „Черезъ сношеніе съ римлянами, черезъ сочиненія римскихъ писателей проникали вездѣ понятія и чувства, которыя имѣли римляне, весь древній міръ сдѣлался до нѣкоторой степени римскимъ“ (стр. 10). Такихъ неудачныхъ мѣстъ можно найти не мало на протяженіи всей книги (мы остановились на первыхъ десяти страницахъ).

Стремясь къ общедоступности, авторъ объясняетъ въ примѣчаніяхъ тѣ слова и выраженія, которыя кажутся ему мало понятными; но едва ли имѣютъ какой-нибудь смыслъ объясненія вродѣ слѣдующихъ: „костюмъ—одежда“, „общество—образованная часть народа“, „публичное гуляніе—на которое допускаются всѣ желающіе“ (стр. 19). Нельзя сказать, чтобы объясненія эти были всегда точны и вѣрны; напр., „изваянія—прекрасно вылѣпленныя (?) фигуры“ (23), „ораторъ—кто говоритъ хорошо (?) рѣчи въ собраніяхъ“ (33) и т. п.

Указанные недостатки очень вредятъ книжкѣ, недурной по содержанію. А между тѣмъ, намъ кажется, что книги, предназначенныя для широкой публики или для учащихся, слѣдовало бы писать строго обработаннымъ и вполнѣ литературнымъ языкомъ.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

В. Ольховскій. Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній.—*Э. Пименова.* Іоаннъ Гуттенбергъ и его великое изобрѣтеніе.—*І. А. Любичъ-Кошуровъ.* Сѣрый герой.

Книгоиздательство О. Н. Поповой. Спб., 1905 г. № 11: Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. Ольховскій, съ 7-ю портретами. Изданіе второе. Ц. 10 к. № 76: Іоаннъ Гуттенбергъ и его великое изобрѣтеніе. Біографическій очеркъ Э. К. Пименовой съ 4-мя рисунками. Ц. 3 к. Настоящіе выпуски книго-

издательства О. Н. Поповой могутъ быть рекомендованы повсюду, куда вообще требуются дешевыя народныя изданія. Сборникъ *Родныя пѣсни* прекрасно составленъ г. Ольховскимъ. Сюда вошли, кромѣ стихотвореній Некрасова, Никитина и Плещеева, нѣкоторыя извѣстныя стихотворенія, особенно близкія народному духу, которыя до сего времени зорко охранялись цензурнымъ окомъ отъ тѣхъ, кому они должны быть всего интереснѣе. Вошло также сюда много прекрасныхъ стихотвореній извѣстныхъ народныхъ поэтовъ Сурикова и Дрожжина, что, разумѣется, вполнѣ умѣстно въ подобномъ сборникѣ. Что касается біографическаго очерка г-жи Пименовой *Іоаннъ Гуттенбергъ*, то онъ составленъ очень живо и интересно. При своей краткости, онъ содержитъ въ себѣ все, что нужно, чтобы понять несвѣдующему человѣку и значеніе книгопечатанія, и скромную фигуру его великаго изобрѣтателя, столь претерпѣвшаго въ жизни, прежде чѣмъ получить возможность свободно заниматься своимъ любимымъ дѣломъ и усовершенствованіемъ своего изобрѣтенія. Изданы оба выпуска очень хорошо, и иллюстраціи къ нимъ исполнены отчетливо.

І. А. Любичъ-Кошуровъ. Сѣрый герой. (Рядовой Рябовъ). Эпизодъ изъ русско-японской войны. Изд. Корчагина. Москва, 1905 г. Цѣна 20 коп. Коротенькая исторія русскаго героя послѣдней войны, солдата Рябова, довольно удачно обработана въ беллетристическомъ разсказѣ г. Любича-Кошурова. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни сладкихъ фразъ, ни патріотическихъ восклицаній по адресу героя. Повѣствованіе ведется просто, и простая личность русскаго солдата, просто совершающаго свой великій подвигъ, обрисована довольно жизненно и правдиво. Перо и краски автора не отличаются большой оригинальностью, но нѣкоторыя сцены, въ силу своей исключительности, и, повидимому, особенно прочувствованныя авторомъ, даже захватываютъ читателя. Къ сожалѣнію, маленькая брошюрка, заключающая въ себѣ разсказъ, дорога и слѣд. не годится въ народныя школы и библіотеки, гдѣ она могла бы имѣть мѣсто.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Мэри Племмеръ. Руководство для небольшихъ библіотекъ.

Мэри Племмеръ. Руководство для небольшихъ библіотекъ. Переводъ съ 3-го изданія. Съ объясненіями и дополненіями С. Поварина. Спб., 1905 г. Ц. 75 к. Текущая жизнь летитъ впередъ безъ удержу. Проснувшееся народное сознаніе требуетъ все большей и большей пищи, и расширеніе библіотечнаго дѣла въ Россіи, разумѣется, дѣло самаго недалекаго будущаго. Въ виду этого такія изданія, какъ книга Мэри Племмеръ, весьма желательны въ настоящее время. Библіотековѣдѣніе—дѣло трудное и сложное, особенно трудно оно для начинающихъ библіотекарей. Масса силъ и труда уходитъ безъ всякаго толка, прежде чѣмъ библіотекарь приметъ ту или иную систему. Книга Мэри Племмеръ даетъ ему въ готовомъ видѣ удобную, весьма практическую систему, такъ называемую десятичную, не нашедшую еще себѣ примѣненія въ Россіи, но пользующуюся широкимъ распространеніемъ особенно въ Америкѣ. Но и помимо системы, разсматриваемая книга дастъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ указаній относительно деталей библіотечнаго дѣла. Детали эти подчасъ мелочны и педантичны, но вездѣ практичны, потому что вездѣ у составительницы на первомъ планѣ принципъ сбереженія времени и труда. Переводъ, сдѣланный г. Пова-

ринымъ, не вездѣ остается буквальной передачей подлинника. Кое-что измѣнено примѣнительно къ русскимъ условіямъ, кое-что, относящееся къ чисто-американскимъ условіямъ, выкинуто. Къ такому пріему можно отнестись только съ сочувствіемъ.

ЖУРНАЛЫ.

Дѣтское Чтеніе, 1905 г. №№ 1—12.—*Педагогическій Листокъ*, 1905 г. №№ 1—8.—*Другъ Дѣтей*, 1905 г. №№ 1—21.

Дѣтское Чтеніе 1905 годъ, №№ 1—12. По примѣру прежнихъ лѣтъ, нашъ старѣйшій журналъ для семьи и школы *Дѣтское Чтеніе* далъ въ истекшемъ году богатый матеріалъ для чтенія. Относясь къ своей задачѣ серьезно и съ любовью, журналъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ всегда держаться тѣсной связи съ текущей жизнью, и дѣлаетъ слѣдующее заявленіе въ своей программѣ: „Каждая эпоха въ исторической жизни народа, разрѣшая назрѣвшія жизненныя задачи, тѣмъ самымъ открываетъ народу путь къ высшимъ ступенямъ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что истинное просвѣщеніе и школьное образованіе въ частности могутъ послужить сильнымъ рычагомъ къ скорѣйшему подъему духовнаго развитія народа, особенно же подрастающаго поколѣнія. Школа и книга могутъ внести въ жизненный обиходъ соотвѣтствующія данной эпохѣ новыя жизненныя понятія, мысли, чувства, стремленія, идеалы. Общественный подъемъ и начатыя правительствомъ реформы нашихъ дней настойчиво требуютъ отъ книги и школы насажденія и культивированія въ народѣ и юношествѣ — *гражданственности*, соотвѣтственно правовой жизни народа.

Журналы *Дѣтское Чтеніе* и *Педагогическій Листокъ*, служа вѣковѣчнымъ задачамъ воспитанія и обученія, всегда откликались, въ мѣру возможности, и на текущія злобы дня и выдающіяся событія въ жизни русской и всемірной.

Въ настоящее же время *Дѣтское Чтеніе* и *Педагогическій Листокъ* съ особенною настойчивостью будутъ развивать въ своихъ читателяхъ тѣ разумныя и добрыя мысли и чувства, которыя наиболѣе способны воспитывать въ человѣкѣ—свободнаго гражданина-дѣятеля на благо родной страны".

Несомнѣнно, событія настоящихъ дней, освободительное движеніе и популяризація освободительныхъ идей настолько глубоко проникла во всѣ слои общества, въ семью и школу, что было бы непростительной ошибкой для нашихъ дѣтскихъ журналовъ не обратить особеннаго вниманія на правильное освѣщеніе этихъ событій для своихъ подрастающихъ читателей и на ясное популярное изложеніе основныхъ идей правъ человѣка и гражданина. Къ тому же въ настоящее время исчезаетъ одна изъ главныхъ причинъ, которая заставляла наши дѣтскіе журналы до сихъ поръ быть только альманахами съ болѣе или менѣе удачнымъ подборомъ беллетристики и невинныхъ статей. Мы говоримъ объ уничтоженіи цензуры для подцензурныхъ дѣтскихъ журналовъ, а таковыми были всѣ дѣтскіе журналы. Публикѣ слишкомъ мало извѣстно, какъ до послѣдняго времени въ этихъ журналахъ вычеркивала цензура всѣ до одной статьи, относящіяся къ новымъ законодательнымъ реформамъ и къ освободительному движенію. Теперь, разумно и съ любовью поставленный отдѣлъ о значеніи и смыслѣ правовой жизни рус-

скаго народа будетъ съ неослабнымъ интересомъ прочитываться молодыми читателями, жаждущими свѣта, истины и справедливости, и поэтому мы отъ души сочувствуемъ заявленію редакціи журналовъ.

Изъ крупныхъ произведеній оригинальныхъ необходимо отмѣтить двѣ историческія повѣсти: Е. Н. Опочинина „Сказъ про птичьяго ловца Никитку“ и Ал. Алтаева „Свѣточъ Кампо ди Фіори“. Обѣ эти повѣсти идутъ въ продолженіе цѣлаго года. Предпочтеніе надо отдать послѣдней. Въ ней изложена жизнь Джіордано Бруно съ обычными достоинствами, недостатками и манерой, присущей извѣстному дѣтскому автору Алтаеву. Нѣкоторая отрывочность, иногда шероховатый слогъ, неряшливость фразы искупаются интереснымъ содержаніемъ и добрыми идеями, проведенными умѣло и безъ навязчиваго подчеркиванія. Иллюстрирована повѣсть удачно художникомъ Гарнакомъ. Также хорошо сдѣланы многочисленные рисунки къ повѣсти Опочинина художникомъ Андроновымъ. Старо-русскій стиль построекъ, одеждъ, бытъ переданъ иногда очень характерно. Для этихъ иллюстрацій, впрочемъ, дастъ обильный матеріалъ сама повѣсть. Въ противоположность г. Алтаеву, Опочининъ удачно пользуется слогомъ. Онъ выкапываетъ изъ старинныхъ книгъ старинныя выраженія, и читатель во всей этой длинной повѣсти врядъ ли найдетъ хоть одинъ варваризмъ или тѣмъ болѣе иностранное слово. Главный недостатокъ относится къ конструкціи самаго разсказа. Вначалѣ сдѣланъ большой размахъ, широко захвачены разные слои общества, бытъ и нравы сѣверянъ, далѣе видно, что авторъ не въ силахъ былъ совладать съ поставленной себѣ задачей, и конецъ выходитъ настолько скомканъ, что автору пришлось въ „послѣсловіи“ только подвести итоги, чтобы какъ-нибудь раздѣлаться съ дѣйствующими лицами. Въ общемъ, особенно благодаря мелочамъ быта русскихъ сѣверянъ XVII вѣка, повѣсть читается съ интересомъ.

Изъ переводной литературы въ высшей степени интересна большая повѣсть новаго американскаго писателя Джека Лондонъ „Дикая сила“ (о ней мы даемъ отдѣльный отзывъ). Съ неослабнымъ интересомъ читается эта повѣсть, написанная съ рѣдкимъ литературнымъ умѣніемъ и недюжиннымъ талантомъ. Далѣе мы находимъ въ *Дѣтскомъ Чтеніи* цѣлый рядъ болѣе мелкихъ вещей, которыя составляютъ очень богатый и разнообразный матеріалъ для чтенія. Рядъ повѣстей К. Носилова, какъ: „Волки“, „Махметка“ и другія, написаны съ присущей этому автору простотой и любовью къ изображаемымъ имъ предметамъ. Его полубеллетристическая довольно большая вещь „Въ Манчжурской степи“ дышитъ искренностью и правдивостью. Д. И. Маминъ-Сибирякъ въ этомъ году написалъ художественный разсказъ изъ быта горнозаводскихъ рабочихъ съ заглавіемъ „Подъ землей“. Въ этой области уральскихъ разсказовъ, какъ извѣстно всѣмъ, нашъ писатель—несравнимъ, и остается пожалѣть, что за послѣднее время его имя не часто встрѣчается на страницахъ дѣтскихъ журналовъ, среди читателей которыхъ онъ пользуется большой, вполнѣ заслуженной любовью. Необходимо отмѣтить также разсказъ „Найденышъ барышни Лизаветы Ивановны“ Е. Ардова, „Родныя поля“ Любича-Кошурова и „Старый домъ“ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ проводятся добрыя воспитательныя идеи, всѣ они взяты изъ нашей нерадостной русской дѣйствительности и, вслѣдствіе искренности авторовъ производятъ на читателей сильное впечатлѣніе, хотя классы, затронутые авторами, и кругъ дѣйствія совершенно различны. Одинаково неудачно сложилась жизнь лакея въ разсказѣ Кошурова, жизнь подкидыша въ разсказѣ Ардова и жизнь

богатой купеческой дочери въ разсказѣ Щепкиной-Куперникъ, и только въ безграничной любви къ ближнему, къ такимъ же загнаннымъ, какъ они сами, только въ упорномъ трудѣ на пользу этого ближняго и лакей, и подкидышъ, и купеческая дочь находятъ тотъ свѣтъ, къ которому по природѣ всегда стремились ихъ души. Великолѣпный знатокъ Малороссіи, Д. И. Эварницкій, съ неподдѣльнымъ „хохлатскимъ“ юморомъ написалъ быль „Христосъ въ сердцѣ человѣка“. Этотъ разсказъ читается легко, а колоритный слогъ вполнѣ соотвѣтствуетъ описаніямъ счастливой Малороссіи. Н. Крашенинниковъ въ этомъ году закончилъ серію своихъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Невозвратное“ съ Полежаевскимъ эпиграфомъ: „гдѣ ты время невозвратное незабвенной старины“; всѣ разсказы по замыслу проникнуты затаенной грустью о минувшемъ.

Мы не станемъ подробно останавливаться на иностранной литературѣ; она представлена достаточно полно цѣлымъ рядомъ заграничныхъ беллетристовъ вродѣ Киплинга, Иды Лемонъ, Уйда, Джека Лондона.

Отдѣлъ стихотвореній въ этомъ году особенно расширенъ, мы встрѣчаемъ здѣсь стихи цѣлаго ряда „Поэтовъ самоучекъ“, вродѣ Дрожжина, Нечаева, Гаврилова, Ворохова, Хазова и другихъ. На-ряду съ ними мы находимъ имена Гиляровскаго, Доброхотова, Фольбаума, Новича, Свободина, умершаго Л. Медвѣдева, и не одинъ разъ—Бальмонта. Послѣднему принадлежатъ стихотворенія подъ общимъ заглавіемъ „Свѣтлый міръ“. Гражданскими идеями проникнуты стихи Доброхотова, онъ во-время и удачно откликается на страницахъ журнала на всѣ волны освободительнаго движенія прошлаго года. Разъясненію основныхъ принциповъ предположенныхъ новыхъ реформъ посвящена статья В. А. Гольцева „Государственная Дума“, и статья Д. И. Тихомирова „6-е августа 1905 года“; эти двѣ статьи достаточно подробно и вполнѣ понятно выясняютъ сущность избирательнаго права и его примѣненіе теперь у насъ въ Россіи. Статья Маноцкаго „Швеція“ разсказываетъ о томъ же избирательномъ правѣ у нашихъ сосѣдей и невольно заставляетъ провести сравненіе.

Рядъ статей Россіева—о Сибири, Иванова—объ индусахъ, Лебедева—о родной старинѣ, Тагѣева—о восточной Сибири и Я. Берлина—по исторіи культуры написаны удачно и въ большинствѣ случаевъ иллюстрированы характерными рисунками. Отдѣлъ по естественной исторіи ведется такими знатоками, какъ А. Чеглокъ, С. Покровскій; покойный В. Сысоевъ также помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ всегда интересныхъ „Сказокъ природы“, ихъ дополняетъ съ любовью и разнообразно составленный отдѣлъ журнала „Изъ жизни животныхъ“ и „Изъ жизни природы“. Въ своихъ приложеніяхъ, не *преміяхъ*, журналъ предпочитаетъ давать рядъ книжекъ, беллетристику или критическій разборъ классическихъ и иностранныхъ писателей, вродѣ Шиллера. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому стремленію журнала—дать побольше литературнаго матеріала, онъ такъ нуженъ для нашихъ библіотекъ-читаленъ, для нашего подрастающаго поколѣнія, для семьи и школы.

Педагогическій Листокъ. 1905 годъ, №№ 1—8. Вопросы народнаго учителя, касающіеся его спеціальности и его положенія, въ большинствѣ случаевъ находятъ удачные отвѣты въ этомъ небольшомъ и дешевомъ журналѣ. Мы прежде всего отмѣтимъ постоянный журнальный отдѣлъ хроники школьной жизни подъ общимъ заглавіемъ „Наша школа“. Н. А. Скворцовъ, ведущій этотъ отдѣлъ, подробно останавливается на всѣхъ реформахъ школьнаго дѣла, разбираетъ заявленія и постановленія

учительскихъ совѣтовъ, и всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію. Прочитывая этотъ отдѣлъ цѣликомъ за годъ, невольно получаемъ впечатлѣніе необычайной грандіозности той сложной работы и культурныхъ завоеваній, которыя въ тишинѣ отдаленной провинціи совершаетъ нашъ школьный учитель. Слава и честь ему! Объ этой дѣятельности учителя горячо пишетъ Новичъ въ своей статьѣ „Памяти идеалиста-учителя“. О тяжкомъ положеніи народныхъ просвѣтителей талантливо разсказывается Ѳ. Нелидовымъ въ статьѣ „Вольный крестьянскій врачъ Сычуговъ“. На страницахъ *Русской Мысли*, впрочемъ, былъ уже данъ обстоятельный отзывъ объ этой статьѣ, появившейся въ отдѣльномъ изданіи. Какъ не похоже это приниженное состояніе „друзей народа“ въ Россіи съ положеніемъ ихъ собратій за границей, видно изъ цѣлаго ряда статей, помѣщенныхъ за годъ въ *Педагогическомъ Листкѣ*; таковы статья Б. Флита „Международный конгрессъ по школьной гигіенѣ“, его же „Письма изъ Германіи, изъ жизни западной школы“, Сытина—„Письма изъ Америки“—Богена, „Женское образованіе въ Японіи“—Вульфсонъ. Но мы твердо вѣримъ, что скоро настанетъ пора, когда народный учитель займетъ подобающее ему мѣсто, какъ руководитель будущихъ полноправныхъ гражданъ страны. Объ этомъ съ жаромъ написана въ послѣдней книжкѣ журнала статья подъ заглавіемъ „Государственная Дума и народный учитель“. Вообще же, послѣднія двѣ книжки журнала, видимо вслѣдствіе уничтоженія предварительной цензуры, особенно полно отвѣчаютъ на запросы учителя. Д. И. Тихомировъ привѣтствуетъ *канунъ свободы просвѣщенной* и считаетъ необходимымъ скорѣе осуществить обновленіе школьныхъ программъ по запросу времени. Н. А. Скворцовъ указываетъ, какъ на признакъ времени, на стремленіе широкихъ массъ получить образованіе сверхъ курса, установленнаго программами, и на то, что сдѣлало общество въ отвѣтъ на эти стремленія въ видѣ учрежденія народныхъ университетовъ.

Къ чисто педагогическимъ статьямъ относятся закончившіяся въ этомъ году „Бесѣды А. И. Гольденберга“. Онѣ необходимы каждому народному учителю, какъ дополненіе къ методикѣ того же автора. Новѣйшія воззрѣнія экспериментальной психологіи изложены въ статьѣ Л. Оболенскаго по психологіи ребенка „Смѣхъ у дѣтей, его происхожденіе, развитіе, формы, причины и значеніе“. Рядъ мелкихъ статей, біографій, сообщеній, отчетовъ о благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, большой отдѣлъ библіографіи достаточно хорошо характеризуетъ спеціальность журнала и оттѣняетъ его прогрессивное направленіе.

Другъ Дѣтей. 1905 годъ, №№ 1—21. Этотъ журналъ издается первый годъ подъ редакціей Н. В. Тулупова и предназначается для дѣтей 11—14-лѣтняго возраста. Хотя *Другъ Дѣтей* и вводитъ отдѣлъ „Очерки изъ современной жизни“, требующій серьезности и уже нѣкоторой подготовки, однако по своимъ статьямъ и особенно приложеніямъ онъ относится къ журналамъ для дѣтей средняго возраста. Редакція сумѣла привлечь къ участію цѣлый рядъ талантливыхъ и извѣстныхъ писателей. Съ внѣшней стороны мы находимъ массу рисунковъ, цѣлый рядъ отдѣльныхъ картинъ приложеній и въ двѣ недѣли разъ подписчики получаютъ большую тетрадь на хорошей бумагѣ.

Необходимо отмѣтить довольно большой разсказъ Е. Чирикова „Моя жизнь“. Разсказывается о приключеніяхъ собаки съ самаго дня рожденія, занятно и литературно, но исключительно для дѣтей младшаго возраста. Съ другой стороны, такія статьи, какъ статья Л. Б. Хавкиной „О Ру-

бинштейнѣ", требуютъ довольно высокаго развитія читателей и пригодна для юношей, но не для дѣтей. Хорошъ разсказъ Л. А. Лидановой „Грунятка"; въ немъ описано безпомощное положеніе дѣвочки - сироты, попавшей изъ деревни, въ поискахъ за кускомъ хлѣба, къ сытымъ людямъ. Тяжелое впечатлѣніе, хотя и въ высшей степени правдивое, оставляетъ трагическая развязка разсказа. Съ интересомъ читается иллюстрированный многочисленными рисунками разсказъ изъ школьной жизни М. Суріо „Лицейскій сторожъ". Общедоступностью и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальностью отличаются очерки приватъ-доцента Левицкаго о лѣтнихъ прогулкахъ, составленные систематично и разнообразно. Богато иллюстрированные спеціальными рисунками, они безусловно составятъ хорошій вкладъ въ популярную дѣтскую литературу. Къ нимъ близко примыкаютъ отдѣльныя книжки, приложенія къ журналу „Спутникъ экскурсанта" и „Природа въ комнатѣ". Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ появленіе новаго хорошаго журнала для дѣтей. При современной повысившейся жизни, очевидно, потребуется и большее количество періодическихъ журналовъ для всякаго возраста. *Другъ Дѣтей* достаточно восполняетъ тотъ пробѣлъ въ дѣтскихъ журналахъ, который былъ до сихъ поръ, такъ какъ у насъ не было журнала для дѣтей 11—14-лѣтняго возраста, для учениковъ первыхъ классовъ гимназіи или послѣднихъ классовъ городскихъ училищъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1905 г. по 1 января 1906 г.

А. М. Довольно. Отповѣдь крайнимъ партіямъ. М., 1906 г.

Айзманъ, Д. Исторія одного преступленія. Разсказъ. Спб., 1905 годъ. Ц. 4 к.

Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. О. Н. Поповой. 1) *Ульяновъ, А.* Въ ученьи. Ц. 6 к. Въ акробаты. Ц. 6 к. 2) *Ивашкевичъ, А.* Побѣгъ. Ц. 6 к. 3) *Сысоевъ, В.* Сказка животныхъ. Кн. I и II. Ц. 1-й кн. 30 к., 2-й—25 к. 4) *Игнатьевъ, И.* Ботаническіе очерки. Кн. 1-я. Ц. 20 к. Кн. 2-я. Ц. 20 к. Спб., 1906 г.

Библіотека путешествій. *Пири, Р.* По большому льду къ сѣверу. Перев. съ англійск. Спб., 1906 г. Ц. 3 р.

Бланкъ, Р. Классовая борьба и политическія коалиціи. Спб., 1906 годъ. Ц. 25 к.

Быховскій, В. Въ эпоху довѣрія. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Бѣлинскій, В. Письмо къ Гоголю. Спб., 1905 г. Ц. 10 к.

Ванъ-Ворстъ, Б. и **М.** Американскія работницы. Перев. съ англійск. А. Зачинской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. Ц. 50 к.

Венгеровъ, С. Эпоха Бѣлинскаго. (Общій очеркъ.) Спб., 1905 г. Ц. 20 к.

Веселкова-Кильштетъ. Стихи и пьесы. 1906 г. Ц. 2 р.

Волковъ, Н. Заразныя болѣзни и санитарно-гигіеническія условія. Владикавказъ, 1905 г. Ц. 15 к.

Галкинъ, М. Практическій скотолѣчебникъ. Ч. I. Спб., 1906 г. Ц. 30 к.

Гаршинъ, В. 1) Четыре дня. 2) Трусъ. 3) То, чего не было. Лягушка-путешественница. Сказка о жабѣ и розѣ. 4) Плѣнница. Attalea Princeps. 1906 г. Ц. по 3 к. книжка.

Дживелеговъ, А. По исторіи Германіи 1806—1871 г. Спб., 1905 г. Ц. 30 к.

Доросиевъ, Л. Докладъ до министра на народнаго просвѣщение за състоянисто на учебното дѣло въ първоначалнитѣ училища. София, 1905 г.

Siebert, Friedrich. Книга для родителей. 1. Матерямъ подрастающихъ дѣтей. Спб., 1905 г. Ц. 40 к.

Жукъ, В. Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Спб., 1906 г. Ц. 3 р.

Измайловъ, В. По горячимъ слѣдамъ. Разсказы. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 3 к.

Исаевъ, А. Характеръ русской революціи. Ц. 15 к. *Его же.* Смута и земельный вопросъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Какъ надѣлить крестьянъ землею? Спб. Ц. 5 к.

Кони, А. Ѳ. Очерки и воспоминанія. (Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки.) Спб., 1906 г. Ц. 4 р.

Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губ. за 1903 г. Херсонъ, 1905 г.

Кудринскій, Ѳ. Литовцы. (Общій очеркъ.) Вильна, 1906 г. Ц. 30 к.

Лазурскій, А. Очеркъ науки о характерахъ. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Масловъ, П. Аграрный вопросъ въ Россіи. (Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи.) Спб., 1905 годъ. Ц. 2 р. 50 к.

Микулинъ, А. Фабричная инспекція въ Россіи 1882—1906 гг. Кіевъ, 1906 г. Ц. 2 р. 25 к.

Мильтонъ. Рѣчь о свободѣ печати. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Минкевичъ, Г. О необходимости измѣненія военно-врачебнаго дѣла и коренного преобразованія положенія военнаго врача. Асхабадъ, 1905 г.

„Муравейникъ“. Журналъ. Декабрь, 1905 г. Ц. 15 к.

Мюнхъ, В. Будущая школа. Утопіи, идеалы, возможности. М., 1906 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Нефедовъ, Ф. 1) Зигда. (Башкирская легенда.) 2) Въ туманѣ. (Изъ однѣхъ записокъ.) Спб., 1905 г.

Николаичъ, С. Шире дорогу! Свободная Россія идетъ! Екатеринбургъ, 1905 г.

Оленовъ, М. Такъ называемый „Кризисъ Марксизма". Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Отоцкій, П. Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. Спб., 1905 г.

Отчетъ о дѣятельности общества народныхъ чтеній въ г. Владикавказѣ за 1904 годъ.

Пименова, Э. Страна сфинксовъ и пирамидъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Подъ розгою. Изъ жизни солдата. Спб.

Подъяпольскій, П. Волдырь отъ мнимаго ожога, причиненный словесн. внушеніемъ въ состоя. искусств. сна. *Его же.* О высокомъ вѣроятіи проявленія внушеній, заданныхъ родителямъ, у дѣтей. Саратовъ, 1905 г.

Прокоповичъ, С. Союзы рабочихъ и ихъ задачи. Спб., 1905 г. Ц. 7 к.

Рейснеръ, М. Государство и вѣрующая личность. Сборникъ статей. Спб., 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Розоновъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Т. I. Спб., 1906 г. Ц. 2 р.

Сборникъ памяти А. П. Чехова. Изд. общ. любит. россійск. словесн. 1906 г. Ц. 1 р.

Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Кн. I. М., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сно, Е. Э. 1) Англія. Этнографическій очеркъ. Ц. 10 к. 2) Германія. Ц. 10 к. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1906 г.

Строевъ, Н. Историческій моментъ. II крестьянскій съѣздъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Толстой, Л. Л. Драматическія сочиненія. Т. I. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Университетъ и политика. Изд. союза студент. спб. университета. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.

Фридманъ, М. Наша финансовая система. Опытъ характеристики. Спб., 1905 г. Ц. 50 к.

Хоцяновъ, К. Опытъ простого изъясненія трагедіи Шекспира „Макбетъ". Псковъ, 1905 г. Ц. 30 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *Г. Т. Съверцевъ-Полиловъ.* Подъ шрапнелью и ядрами.—*П. П. Гнѣдичъ.* Пѣсни мухи.—*Александръ Добролюбовъ.* Изъ книги невидимой.—*А. К. Васильевъ.* Друзьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ.—*А. Тепловъ.* Современныя сказки-басни.—*Гильгеръ Драхманъ.* Тысяча одна ночь. 1

Публицистика: Къ введенію на Кавказѣ земскаго самоуправленія. Сборникъ матеріаловъ. Состав. *Г. Тумановымъ.*—*К. Мягкова.* О положеніи народныхъ учителей въ связи съ экономическимъ значеніемъ народнаго образованія и постановкой послѣдняго въ Россіи.—*Гр. П. Шереметевъ,* Замѣтки 4

Исторія, исторія литературы, мемуары: *А. В. Никитенко.* Записки и дневникъ.—*Л. Ф. Пантелѣевъ.* Изъ воспоминаній прошлаго.—Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ. *А. И. Дмитріева-Мамонова.*—*П. Васкевичъ.* Очеркъ быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ.—*С. А. Венгеровъ.* Эпоха Бѣлинскаго.—*В. Г. Бѣлинскій.* Письмо къ Гоголю.—Обществен. ныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: фонъ-Визинъ, кн. Оболенскій и бар. Штейнгель.—*А. Н. Поповъ.* Отечественная война 1812 г. Т. I.—*Альбертъ Вандаль.* Возвышеніе Бонапарта I.—Германія въ 48 г. Состав. *М. Н. Андреевъ.*—*Карлъ Марксъ.* Классовая борьба во Франціи отъ 1848—1850 г.—*Проф. М. Ковалевскій.* Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи.—*Эмиль Розеновъ.* Томасъ Мюнцеръ.—*Макс. Бахъ.* Австрія въ первую половину XIX в.—Старина и Новизна. Кн. X. 6

Сельское хозяйство: *Алексѣй Смирновъ.* Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ.—*П. Слезкинъ.* Агрономъ-практикантъ въ хозяйствѣ.—Ежегодникъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ учрежденій. Вып. IV.—Труды 2-го съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному опытному дѣлу. Ч. II.—*Ив. Поповъ.* Скотоводство.—*П. Отоцкій.* Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе Ч. II. 17

Книги для дѣтей, учебники, пособія: *В. В. Сиповскій.* 1) Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. I и т. III. 2) Исторія русской словесности. Ч. I, вып. I. — *П. Дворниковъ.* Краткій курсъ исторіи литературы.—Бѣлое перо и др. легенды. (Библіотека Горбунова-Посадова).—Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина.—*Джекъ Лондонъ.* Дикая сила.—*В. Чернышевъ.* Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи 19

Книги для народа: *В. Ольховскій.* Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній.—*Э. Шименова.* Іоаннъ Гуттенбергъ и его великое изобрѣтеніе.—*І. А. Любичъ-Кошуровъ.* Сѣрый герой. 23

Справочныя книги: *Мэри Племмеръ.* Руководство для небольшихъ библіотекъ 24

Журналы: *Дѣтское Чтеніе,* 1905 г. №№ 1—12.—*Педагогическій Листокъ,* 1905 г. №№ 1—8.—*Другъ Дѣтей,* 1905 г. №№ 1—21. 25

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1905 г. по 1 января 1906 г.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1906:1
Russkaia mysl.
3 0112 089164336